

Северо-Западный филиал
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г. Санкт-Петербург)

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

**Сборник материалов
VIII-й Международной научно-практической конференции
(30–31 октября 2020 года, Санкт-Петербург)**

Санкт-Петербург
2020

УДК 343
ББК 67.408

*Под редакцией Рахмановой Екатерины Николаевны,
заведующей кафедрой уголовного права СЗФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
доктора юридических наук, доцента.*

У26

Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции (30–31 октября 2020 года, Санкт-Петербург) / Под ред. Е.Н. Рахмановой / СЗФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб.: Астерион, 2020. – 524 с.

ISBN 978–5–00045–927–0

Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам VIII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г.). Сборник представляет собой комплексное исследование современного состояния и перспектив развития уголовной политики в условиях пандемии, влияния уголовной политики на судебную-следственную практику; уголовно-правовых проблем цифровизации современного общества, а также некоторых проблем современной уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной политики. Для специалистов в области уголовного, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права и криминологии, а также всех, кто интересуется уголовно-правовыми проблемами.

ISBN 978–5–00045–927–0

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия», 2020
© Коллектив авторов

Оглавление

ЧАСТЬ I

Раздел I. Состояние и проблемы современной уголовной политики России	8
<i>Антонова Е.Ю.</i> Уголовная политика государства в отношении лиц, нарушающих правила дорожного движения, в состоянии опьянения.....	8
<i>Баранчикова М.В.</i> Уголовно-правовые особенности «организованного» мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств	13
<i>Герашенко И.Г., Герашенко А.И.</i> О проблеме экономической эффективности уголовно-правовых норм	19
<i>Гилинский Я.И.</i> Нужно ли уголовное право?	26
<i>Далгалы Т.А.</i> Уголовная политика России в условиях глобализации: основные тенденции	31
<i>Дворянсков И.В.</i> О декларативности принципов уголовного права.....	36
<i>Кунц Е.В.</i> Тенденции уголовной политики в условиях COVID -19	42
<i>Лясковска К.</i> Уголовная политика в отношении лиц, совершающих изнасилование в Польше.....	47
<i>Магнутов Ю.С.</i> Социально-правовая обусловленность противодействия преступности, как элемент современной уголовной политики: доктринально-прикладное содержание	59
<i>Малышева Ю.Ю.</i> Мнимая криминализация и уголовная политика: актуальные вопросы	64
<i>Мироненко С.Ю.</i> Реализация уголовно-правовой политики через применение уголовного закона	68
<i>Номоконов В.А.</i> Антикриминальная политика: методологические и теоретические основы	75
Раздел II. Проблемы Общей части уголовного законодательства	81
<i>Антонов И.М.</i> Установление пределов судейского усмотрения при построении санкций статей уголовного закона.....	81
<i>Берестовой А.Н.</i> Уголовное законодательство иностранных государств об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью спортсменов в результате занятия спортом и проведении спортивных состязаний (краткий обзор)	85
<i>Бурлаков В.Н.</i> Объективные методы совершенствования судебной практики назначения наказания: подходы и перспективы.....	91
<i>Гейнце О.В.</i> Посредник - исполнитель преступления и новый вид соучастника	97
<i>Дикаев С.У., Дикаева М.С.</i> Учет психических расстройств при назначении уголовного наказания несовершеннолетним.....	102
<i>Зарубин А.В.</i> Некоторые проблемы судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	107

<i>Мосечкин И.Н.</i> О месте искусственного интеллекта в уголовном праве России.....	114
<i>Мухамеджанов Э.Б.</i> К вопросу о синергии уголовно-правовых норм на примере п.4 ст. 4 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан»	118
<i>Осипов М.Ю.</i> К вопросу о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности	124
<i>Свинин Е.В.</i> Кара и исправление как стороны уголовного наказания: вопросы правовой политики и правопорядка.....	129
<i>Семенова В.В.</i> Судебная практика применения обстоятельства, отягчающее наказание, предусмотренное ч. 1.1 ст. 63 УК РФ	135
<i>Суденко В.Е.</i> Пробелы уголовного законодательства.....	138
<i>Шевелева С.В.</i> Редомициляция как основание освобождения от уголовной ответственности	144
Раздел III. Проблемы Особенной части уголовного законодательства	151
<i>Абашина Л.А., Ефремова О.В.</i> Структурно-содержательные проблемы конструирования главы 20 УК РФ «Преступления против несовершеннолетних и семьи».....	151
<i>Гельдибаев М.Х.</i> Уголовно-правовая характеристика преступлений против правосудия.....	158
<i>Деревянская Т.П.</i> Незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: уголовно-правовой аспект.....	163
<i>Лепешкина О.И.</i> Мелкое взяточничество как самое распространенное коррупционное преступление «Статья 291.2 Мелкое взяточничество	168
<i>Мотин А.В.</i> О юридико-техническом совершенствовании системы квалифицирующих признаков преступлений против личности по УК РФ	174
<i>Петрушина Н.В.</i> О некоторых аспектах квалификации отдельных видов преступлений против жизни и здоровья: вопрос направленности умысла субъекта преступления.....	178
<i>Савинский А.В.</i> Об оптимизации антитеррористических норм УК РФ	182
<i>Самойлова Ю.Б.</i> Уголовная политика по противодействию преступлениям в сфере охраны лесных насаждений.....	187
<i>Сафонов В.Н.</i> Регламентация уголовной ответственности в законодательных актах, принятых в связи с пандемией коронавируса.....	192
<i>Скрипченко Н.Ю.</i> Уголовная ответственность за торговлю людьми: вопросы законодательной техники и правоприменения	198
<i>Терешков Н.В.</i> Проблемы уголовной ответственности за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности	205

<i>Тюнин В.И.</i> Изменение редакции ст. 327 УК РФ (новая редакция – проблемы старые)	210
<i>Филатова Н.Ю.</i> Цель в виде причинения боли и (или) страданий животному при жестоком обращении с ним	217
<i>Цветков П.В.</i> Некоторые вопросы совершенствования российского уголовного законодательства в сфере противодействия применения допинга	222
<i>Чеснокова Е.А., Акулин И.М.</i> Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия публичному распространению заведомо ложной информации: анализ новелл российского законодательства	228
Раздел IV. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности	237
<i>Васильев С.А.</i> Международно-правовые меры профилактики преступлений в сфере мореплавания.....	237
<i>Голубовский В.Ю.</i> Влияние девиантного поведения несовершеннолетних на уголовную современную политику	242
<i>Готчина Л.В.</i> О цифровизации общества, преступности и противодействия ей	247
<i>Зубалова О.А.</i> Особенности современной типологии экстремизма	252
<i>Клейменов И.М.</i> Спорт и криминологическая профилактика	260
<i>Климова Ю.Н.</i> Криминологический аспект понятия «злоупотребление правом в избирательном процессе».....	264
<i>Кобец П.Н., Краснова К. А.</i> Уголовная политика государств участников ЦАРИКЦ в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов от незаконного оборота наркотиков: пути совершенствования	271
<i>Конев Д.А.</i> Обеспечение криминологической безопасности в сфере цифровых технологий	277
<i>Кукеев А.К.</i> Правовое регулирование уголовной политики противодействия коррупции в Республике Казахстан	282
<i>Пинкевич Т.В.</i> Экономическая преступность: современное состояние и прогноз.....	287
<i>Рахманова Е.Н.</i> Международный закон о защите животных	296
<i>Репин М.Е.</i> Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступной деятельности в сфере обращения платежных банковских карт	303
<i>Топильская Е.В.</i> Мотивация преступного поведения спортсменов, вовлеченных в организованную преступную деятельность	314
<i>Федик Е.Н., Щербаков А.Д.</i> Хищения «виртуальных игровых сущностей»: отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия.....	319
<i>Шестак В.А., Силкин Д.В.</i> Противодействие незаконному обороту оружия: опыт США.....	325

Шестак В.А., Цыплакова А.Д. Современные угрозы правам человека со стороны киберпространства..... 331

Раздел V. Современное состояние уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики 338

Иванченко Е.А. Принципы организации следственной деятельности на современном этапе..... 338

Карчевский К.А. Реализация уголовной политики по противодействию «финансовым пирамидам»..... 344

Кирянina И.А. О способах заглаживания вреда, позволяющих компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям, при назначении судебного штрафа 351

Куниц В.В. Особенности исправления осужденных в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве 356

Часть II

Проблемы уголовной политики и правоприменительной практики в исследованиях молодых ученых..... 363

Бедная С.А. Особенности назначения наказания по ст. 264 УК РФ 363

Безрукавая П.П. Проблемы уголовного законодательства в области соучастия в преступлении 367

Воронина В.С. Причины и условия доведения до самоубийства посредством использования социальных сетей..... 372

Глухов В.С. Значимость теории уголовно-правового причинения при анализе результатов криминализации..... 378

Голубева К.С. Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними (по результатам криминологического исследования)..... 383

Гордеев Д.С. Цифровизация общества и новые способы легализации преступных доходов через виртуальный игровой мир..... 390

Добровольский Д.Д. Деанонимизация: уголовно наказуема или нет?..... 394

Зарецкая Е.А. Соотношение ограниченной вменяемости с виной 400

Искандаров М.Д. Актуальные вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или иных антиобщественных действий по Уголовному кодексу Российской Федерации..... 406

Калиновский К.К. Непрерывность срока давности привлечения к уголовной ответственности обусловлена презумпцией невиновности 413

Кириенко Е.Н. Система мер по защите прав осужденных, содержащихся в местах принудительной изоляции 419

Кладько В.В. Уголовно-правовая политика в контексте проблемы насилия в отношении несовершеннолетних 423

Косицына С.А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) 427

<i>Куджаев Э.А.</i> Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: актуальные проблемы толкования и применения закона	433
<i>Кукузева А.В.</i> Анализ отдельных аспектов публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан	437
<i>Лобынцев К.И.</i> Конфискация имущества: применимость классового подхода к положению данного института в Уголовном кодексе Российской Федерации.....	441
<i>Лунге А.А.</i> Терроризм как одна из главных проблем человечества	447
<i>Ляхова В.В., Чичайкин Э.В.</i> История становления и развития российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера	452
<i>Маджид М.А.</i> Соккрытие террористов в иракском законодательстве	456
<i>Маркова Е.А.</i> Безналичные и электронные денежные средства как предмет кражи	460
<i>Минина Е.А.</i> Некоторые вопросы антикоррупционной уголовной политики	466
<i>Мироненко Н.С.</i> Особенности юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах.....	471
<i>Моисеенко Д.А.</i> Проблемные вопросы квалификации превышения полномочий по ст. 201 УК РФ.....	476
<i>Румянцева И.В.</i> Хищение предметов, имеющих особую ценность, с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: проблемы правоприменения	481
<i>Синкевич О.Ю.</i> Отдельные вопросы, связанные со статистическими данными преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ, совершенных на территории РФ в период с 2014 по 2019 год	488
<i>Сулейманов В.А.</i> Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: международно-правовой аспект.....	493
<i>Тамразов Г.О.</i> Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации: обзор оснований уголовной ответственности	498
<i>Украинчик А.В.</i> Исполнитель преступления: вопросы теории и практики в свете различных форм соучастия.....	503
<i>Цибульская А.А.</i> Развитие уголовного законодательства об ответственности за ограничение конкуренции.....	509
<i>Чориев М.А.У.</i> Основные тенденции в совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан	513
Сведения об авторах.....	518

ЧАСТЬ I.

Раздел I. Состояние и проблемы современной уголовной политики России

Антонова Е.Ю.

Уголовная политика государства в отношении лиц, нарушающих правила дорожного движения, в состоянии опьянения

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы уголовной политики государства, направленными на противодействия нарушениям правил дорожного движения со стороны лиц, находящихся в состоянии опьянения. Анализируются статистические показатели нарушений правил дорожного движения, допускаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения, а также лицами, подвергнутыми административному наказанию. Автор приходит к заключению о том, что для предупреждения названных нарушений одних уголовно-правовых средств не достаточно. По мнению автора, необходимо поднимать культурный уровень населения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, субъект преступления, нарушение правил дорожного движения, состояние опьянения, административная преюдиция, уголовная преюдиция.

State Criminal Policy Towards the Persons Committing Road Traffic Offences While Intoxicated

Abstract: The article discusses some issues of the state's criminal policy aimed at counteracting road traffic offences committed by intoxicated persons. Author analyses the crime rates as well as statistics regarding intoxicated drivers who have been previously charged with administrative offences. The author concludes that criminal-law remedies alone are not enough to prevent these violations and the larger scope of measures, including those improving the cultural level of the population, are necessary.

Keywords: criminal liability, subject of crime, road traffic offences, intoxication, administrative prejudice, criminal prejudice.

Уголовная политика государства в отношении лиц, совершающих преступления в состоянии опьянения, в разные исторические периоды была не одинаковой. Например, Русская Правда и Соборное Уложение 1649 г. относили состояние опьянения преступника к смягчающим обстоятельствам (уменьшающим вину). Впервые опьянение лица, совершающего общественно опасное деяние, признается обстоятельством, усиливающим ответственность, только в Артикуле воинском 1715 г. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. говори-

лось, что высшая мера наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначалась только в том случае, «когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление». В советский период законодатель закрепил правило, согласно которому «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности» (ст. 12 УК РСФСР 1960 г.). Вместе с тем законодатель, с одной стороны, отнес «совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения», к обстоятельствам, отягчающим наказание, но, с другой стороны, дал право суду в зависимости от характера преступления не признавать это обстоятельство отягчающим (п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г.). Тем самым были расширены пределы судебного усмотрения.

Первоначально современное российское уголовное законодательство признавало состояние опьянения нейтральным, то есть оно не расценивалось ни в качестве отягчающего, ни в качестве смягчающего наказание обстоятельства. В 2003 году законодатель пошел дальше, исключив из УК РФ такое основание применения принудительных мер медицинского характера как совершение преступления лицами, страдающими алкоголизмом и наркоманией. Считаем, что у суда сохранилось право назначения данных мер к указанным лицам на основании п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ, поскольку алкоголизм и наркомания являются разновидностью психических расстройств, не исключающих вменяемости. Но суды восприняли исключение вышеназванного основания буквально и перестали применять данную меру уголовно-правового воздействия к алкоголикам и наркоманам.

Общественная опасность отдельных преступлений со временем привела к тому, что законодатель постепенно стал вносить изменения в уголовное законодательство в части ужесточения уголовной ответственности лиц, находящихся во время совершения преступления в состоянии опьянения. Началось все со ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), которая Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ была дополнена квалифицирующим признаком – «совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения» (ч. 2, 4, 6).

Отметим, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹ в 2015 г. по части 2 ст. 264 УК РФ было осуждено 1244 лица (0,17% от общего количества осужденных по всем составам преступлений), по части 4 – 1645 лиц (0,2%), по части 6 – 264 лица (0,03%); в 2016 г. – 1237 (0,17%), 1148 (0,15%), 152 (0,02%); в 2017 г. – 1401 (0,2%), 1047 (0,15%), 152 (0,02%); в 2018 г. – 1289 (0,19%), 946 (0,14%), 123 (0,02%); в 2019 г. – 1113 (0,18%), 848 (0,14%), 121 (0,02%) лицо соответственно. Таким образом, несмотря на некоторое снижение абсолютных показателей количества осужденных за совер-

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2015-2019 гг. Форма 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 15.06.2020).

шение преступлений, предусмотренных ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, их удельный вес является достаточно стабильным.

Введение рассматриваемого квалифицирующего признака вызвала целый ряд вопросов, обусловленных тем, что в состоянии опьянения массово нарушаются, не только правила дорожного движения, но совершаются и другие преступления. Так, согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2019 г. почти каждое третье (30,7%) совершено в состоянии алкогольного опьянения¹. Логика же законодателя свелась к тому, что только преступление, регламентированное в ст. 264 УК РФ, в случае его совершения лицом, находящимся в состоянии опьянения, обладает повышенной степенью общественной опасности. Вероятнее всего такое решение базировалось на том, что механическое транспортное средство является источником повышенной опасности, а соответственно, допускаемые нарушения, создают опасность для многих людей (ставится под угрозу общественная безопасность в сфере дорожного движения). Но в связи с этим возник и вопрос о том, почему законодатель не дополнил рассматриваемым квалифицирующим признаком, например, ст. 263 (Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена) и 350 УК РФ (Нарушение правил или эксплуатация машин)?

Для исправления создавшейся нелогичной ситуации Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ законодатель дополнил статью 63 УК РФ частью 1¹. Теперь судья (суд) может признатьотягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения (вне зависимости от источника опьянения), учитывая при этом характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного. Соответственно законодатель фактически вернулся к правилу о признании состояния опьянения отягчающим обстоятельством на усмотрение суда, которое было закреплено в УК РСФСР 1960 г.

Кроме того, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 264¹, устанавливающей ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Название статьи уже ее содержания, поскольку объективная сторона данного преступления включает в себя альтернативно:

а) деяние (управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения) при наличии административной преюдиции.

Субъектом является лицо, управляющее механическим транспортным средством в состоянии опьянения, и подвергнутое административному наказанию за правонарушения, предусмотренные ч. 1, 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ; либо

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2020.

б) деяние (управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения) при наличии судимости (уголовная преюдиция)

Субъектом является лицо, управляющее механическим транспортным средством в состоянии опьянения, и имеющее судимость за смертельное дорожно-транспортное происшествие (ч. 2, 4, 6 ст. 264 или ст. 264¹ УК РФ). Отметим, что в данном случае не идет речь о рецидиве преступлений, поскольку субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ характеризуется неосторожной формой вины.

Вопрос о составах преступлений с административной преюдицией является спорным в теории уголовного права. Существуют как сторонники, так и противники такого законодательного решения. Не вдаваясь в подробный анализ существующих на этот счет точек зрения, отметим, что криминализация преступлений с административной преюдицией и расширение круга таких преступлений, стирают грань между законодательством разной отраслевой принадлежности¹.

Согласимся с мнением ученых о том, что решение законодателя в этой части содержит серьезный методологический изъян, поскольку «повторное совершение административного проступка не превращает его волшебным образом в преступление: количество и качество общественной опасности в повторно совершаемых проступках не достигает того уровня, который позволяет признавать их преступными и уголовно наказуемыми деяниями»².

Представляется, что введением данной нормы (ст. 264¹ УК РФ), законодатель фактически демонстрирует свою беспомощность в противодействии управлению различными механическими транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения. Подтверждением этого являются и статистические показатели.

Так, в 2015 г. было зарегистрировано 41030 преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ (осуждено 18987 лиц), в 2016 г. – 85257 (75282); в 2017 г. – 81171 (72018), в 2018 г. – 73106 (66287), в 2019 г. – 68035 (59543).

Если сопоставить представленные статистические данные с общим количеством зарегистрированных в стране преступлений и осужденных лиц, то можно увидеть следующую картину: в 2015 г. удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ составил 1,7% (удельный вес осужденных – 2,6%), в 2016 г. – 3,9% (10,2%), в 2017 г. – 3,9% (10,3%), в 2018 г. – 3,7% (10,1%), в 2019 г. – 3,4% (10%).

¹ Антонова Е.Ю. К вопросу о криминализации преступлений с административной преюдицией // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам V Международной научно-практич. конф.: 3 ноября 2017 г. Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» / отв. ред. Е.Н. Рахманова. - СПб.: ИД «Петрополис», 2018. - С. 47-56.

² Коробеев А.И. Криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее? // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практич. конф. 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. - Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. - Т. 1. - С. 51-58.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на некоторое снижение статистических показателей зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ, и количества осужденных лиц, говорить о существенном улучшении ситуации в этой области не приходится.

Отметим, что изменения в уголовно-правовой политике государства в сфере противодействия рассматриваемых преступлений, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения продолжается.

Так, Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ – в ст. 263 УК РФ также появился квалифицирующий признак «совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения» (ч. 1², 2¹, 4).

Этим же Федеральным законом внесены изменения в ст. 15 УК РФ. Соответственно общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 263 и 264 УК РФ, в случае их совершения лицом, находящимся в состоянии опьянения, и повлекшим за собой причинение смерти или смерти двум или более лицам, возведено законодателем в разряд тяжких преступлений. Примечательно, что на сегодняшний день – это единственные неосторожные составы преступлений, которые законодатель отнес к указанной категории.

Юридические последствия такого законодательного решения очевидны. В случае смертельного дорожно-транспортного происшествия сегодня исключается применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судебного штрафа; увеличивается срок фактического отбывания наказания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Деятельное раскаяние в таких случаях на основании п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ могут расцениваться судом только в качестве смягчающего наказание обстоятельства. При этом наличие смягчающих обстоятельств, регламентированных в п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, при одновременном отсутствии отягчающих обстоятельств, обязывают суд назначать наказание, не превышающее $\frac{2}{3}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части УК РФ (ст. 62 УК РФ).

Анализ предпринимаемых государством уголовно-правовых (репрессивных) мер в сфере противодействия преступлениям, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения, в целом и преступлениям, посягающим на безопасность дорожного движения, в частности, показывает, что они являются неэффективными. Представляется, что только уголовно-правовые меры воздействия являются не достаточными и малоэффективными в таком противостоянии. Необходимо поднимать, в первую очередь, культурный уровень населения, а это невозможно без соответствующих социальных мер.

Список литературы

1. Антонова Е.Ю. К вопросу о криминализации преступлений с административной преюдицией // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам V Международной научно-практич. конф.: 3 ноября 2017 г. Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» / отв. ред. Е.Н. Рахманова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 47-56.

2. Коробеев А.И. Криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее? // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практич. конф. 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. Т. 1. – С. 51-58.

3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2015-2019 гг. Форма 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 15.06.2020).

4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. – М.: ГИАЦ МВД РФ, 2020. - 66 с.

Баранчикова М.В.

Уголовно-правовые особенности «организованного» мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств

Аннотация: Мошенничество, совершенное в составе организованных преступных формирований, связанное с реализацией транспортных средств имеет особую распространенность и высокую опасность в условиях расширяющейся сферы автобизнеса. Исследование специфики его совершения, характеристик автовладельцев-потерпевших позволяет повысить эффективность уголовно-правового реагирования на хищения автотранспорта. В статье раскрываются способы воздействия на потерпевших, особенности действий членов организованных групп, совершающих мошенничества в сфере купли-продажи транспортных средств.

Ключевые слова: мошенничество, транспортные средства, организованная группа, потерпевший, обман.

Organized Fraud in Auto-Sales: Aspects of the Criminal Law Approach

Abstract: Fraud in auto-sales committed as part of organized criminal groups activities has a noticeable prevalence and high danger in the expanding sphere of the car sale business. Effectiveness of the criminal prevention in that

sphere can be raised through the research of the mechanics of that crime and its victim's profile. The article describes how the members of the organized groups influence the victims of the fraud in the car sales.

Keywords: fraud, vehicles, organized group, victim, deception.

Последние годы характеризовались целым рядом уголовных дел, связанных с изобличением преступных групп, совершающих мошенничества в отношении реальных и потенциальных автовладельцев. Организованные мошенничества обладали повышенной степенью общественной опасности, приобретали разнообразие и масштабность, характеризовались множеством новых криминальных способов реализации чужих автомобилей.

Предметом посягательств автотранспортных мошенников выступали автомобили, которые их собственники собирались продать либо те, на приобретение которых рассчитывали потенциальные покупатели. В связи с высокой стоимостью автотранспорта и большим числом преступных эпизодов ущерб от таких видов мошенничества представлял собой крупный и особо крупный размеры, а сами деяния носили многоэпизодный характер, совершались преимущественно групповым способом.

Так, в 2013 году к уголовной ответственности были привлечены члены организованной группы, которые на протяжении двух лет совершали мошенничества в Оренбурге. Потерпевшими от данных преступлений стали граждане, которые ознакомившись с объявлениями об услугах поставки автомобилей из Германии, якобы предоставляемых ООО «Мега56», в газетах, сети Интернет или на досках объявлений на улицах г. Оренбурга, либо узнав о данной организации от других лиц, обращались в офис фирмы, где мошенники предлагали заказать автомобили из Германии. Потенциальным потерпевшим сообщали заведомо ложные сведения о сверхнизких, не соответствующих реальной рыночной стоимости ценам на автомобили, объясняя это более низкими сроками эксплуатации автомобилей в Европе, предлагали выгодные условия в виде выкупа старого автомобиля, беспроцентную рассрочку на срок до двух лет, бесплатное таможенное оформление и бесплатную доставку автомобиля автовозом¹. Покупатели, рассчитывая приобрести иномарки по низким ценам, отдавали деньги мошенникам для оплаты, однако последние присваивали их себе, не предоставляя взамен обещанных автомобилей. Членам организованной группы было инкриминировано 53 факта мошенничества.

В феврале 2020 года была пресечена мошенническая деятельность преступного сообщества, связанная с реализацией автотранспортных средств. Действуя в Москве, Белгороде, Курске и Москве в период с 2017 по январь 2020 года мошенники под видом владельцев и сотрудников автосалонов, предлагали быстро и выгодно оказать посреднические услуги

¹ Торговлю «виртуальными» авто в Оренбурге суд оценил в 11 лет колонии. - URL: www.regnum.ru/news/accidents/1693448.html. (дата обращения 25.06.2020).

по продаже автомобилей, а по факту – похищали их. Мошенниками было зарегистрировано несколько юридических лиц, арендованы помещения, в которых организованы автосалоны. Они брали у граждан автомобили с сопроводительными документами под реализацию, обещая продать их в короткие сроки и на выгодных условиях. При этом выполнять обязательства перед клиентами не намеревались. В итоге автовладельцы лишались транспортных средств и оставались без денег. От действий мошенников пострадало более 300 человек. Данные факты были квалифицированы по ст. 159 УК РФ и ст. 210 УК РФ¹.

Сегодня торговля транспортными средствами является сферой привлекательной для мошенников, она выступает самостоятельным объектом преступных посягательств ввиду их значительного оборота, стоимости и потенциальной выгоды от сбыта.

Организованное мошенничество, связанное с реализацией транспортных средств часто совершается под видом деятельности автомобильных салонов. Преступники, входящие в состав организованных групп и преступных сообществ, маскируются под профессиональных субъектов автобизнеса. Для этого они создают мнимые автосалоны, подделывают документы, обманывают граждан, участвующих в договорах купли-продажи автомобилей. Мошенничества могут быть сопряжены с другими хищениями автотранспорта, его незаконной легализацией, контрабандой, изменением идентификационных номеров транспортных средств. Они причиняют колоссальный материальный ущерб потерпевшим, ставят под угрозу развитие российского авторынка.

Потерпевшими от незаконной купли-продажи автотранспорта выступают лица, которые доверяют сделку с автомобилем посторонним лицам, тем самым они сами способствуют совершению в отношении них хищения. В свою очередь мошенник определяет потенциальную жертву по ее желанию выгодно продать или купить автомобиль. В зоне риска оказываются те, кто ориентирован на оперативное, экономное оформление автосделки при ее цене, значительно отличающейся от среднерыночной в пользу выгодоприобретателя.

Мошенники успешно используют в свою пользу присущие потерпевшим корыстолюбие и правовое невежество, они воздействуют на интеллектуальную сферу жертвы, манипулируют ею. Используя личные качества жертвы, такие как доверчивость, наивность преступник добивается цели².

Мошенничество с автомобилем заключается в хищении его или права на него путем обмана или злоупотребления доверием. При этом эффективность применения обмана в каждом конкретном случае зависит от использо-

¹ Ни денег, ни авто: полиция «накрыла» банду мошенников. - URL: www.orelgrad.ru/blog/2020/02/04/ni-deneg-ni-avto-policiya-nakryla-bandu-moshennikov (дата обращения 25.06.2020).

² Сплавская Н.В. Взаимодействие жертвы и преступника в процессе совершения мошенничества // Государство и право в XXI веке. - 2017. - № 3. - С. 17.

вания мошенниками личностных особенностей жертвы, которые могут быть известны заранее или же раскрываются непосредственно во время общения с ней¹.

Будучи по природе своей психологами, интеллектуалами и актерами мошенники быстро ориентируются в избрании наиболее подходящего способа введения жертвы в заблуждение, убеждают, входят в доверие, выбирают тип поведения, вызывающий симпатию и желание работать с ними.

Для организованного мошенничества характерны особенности взаимодействия преступников с жертвой в виде использования различных «легенд», средств обмана, разрабатываемых и реализуемых преступниками. Мошенники могут заранее подбирать жертву, определять способ выхода на нее и первичного контакта, определяется место его совершения, распределяются роли, инсценируется ситуация, посредством которой воздействуют на сознание потерпевшего, которая доводится до него.

При оценке мошенничества, совершенного организованной группой, важно установить устойчивость как ее признак. О ней свидетельствуют тщательность планирования и подготовки, длительность, высокая интенсивность преступной деятельности, множество преступных эпизодов[5], а также множественность соучастников и распределение между ними ролей.

Обстановка совершения мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств, свидетельствует о скрупулезном планировании преступной деятельности на продолжительный период. Мошенничеству предшествуют и сопутствуют аренда помещений на длительный срок, регистрация автосалонов для прикрытия незаконной деятельности, создание специально оборудованных, технически оснащенных современных офисов, подбор грамотных, коммуникабельных сотрудников-соучастников, а также создание специальных сайтов указанных организаций, распространение их рекламы. Такая конспиративность формирует представление о благонадежности компании, предлагающей посреднические услуги в автобизнесе, вводит в заблуждение потенциальных участников сделки купли-продажи транспортных средств.

Обман ориентирован на желание собственника продать автомобиль по более высокой цене при минимальных временных затратах, что учитывается мошенником, предлагающим выгодные условия сделки. Привлекательными жертвами являются лица, которые спешат продать автомобиль. Таковым оказывается каждый третий пострадавший.

Придание официальности и демонстрация успешности деятельности автосалонов, которые лишь внешне вполне легально существуют на авторынке, позволяет воздействовать на доверие тех, кто желает удачно продать или купить автомобиль.

Сегодня дача объявлений в печатных изданиях, на специальных сайтах связаны с открытостью информации об объекте продажи, что облегчает мо-

¹ Шурухнов Н.Г., Дроздова И.Ю. Взаимодействие преступника и жертвы в современных видах мошенничества // Отечественная юриспруденция. - 2019. - № 5 (37). - С. 33.

шенникам выбор подходящей жертвы для преступного обмана. Воздействуя на сознание и эмоции жертвы, убеждая ее в выгоды взаимодействия с автосалонами-посредниками, мошенники вводят ее в заблуждение, причиняя ущерб, извлекают выгоду.

Своеобразие мошенничества состоит в том, что с внешней стороны оно проявляется как бы в «добровольном» отчуждении автотранспорта самим владельцем или собственником и передаче его преступнику. Последний, прибегая к обману, непосредственно не изымает автомобиль из чужого владения. Он фальсифицирует представление о действительном положении вещей в сознании потерпевшего, достигает цели безвозмездного обращения переданного ему автотранспорта или денег на его приобретение в свою пользу.

Ущерб причиняемый «организованным автомошенничеством» часто составляет крупный и особо крупный размеры, охватывает причинение вреда большому числу пострадавших.

Вероятность пострадать от такого мошенничества более высока у лиц с низким уровнем информированности о современных схемах мошенничества, а также у доверчивых, внушаемых, жадных, наивных, некритичных потерпевших.

Личность потерпевшего, его характер, моральные и нравственные ценности, психика, жизненная позиция, играют большую роль в механизме преступного и виктимного поведения¹. На уровень виктимности влияет правовая безграмотность, психофизиологические свойства личности.

Для данного вида мошенничества не характерна высокая латентность. Почти все обманутые жертвы заявляют о факте преступления, ведь утрата автомобиля либо денег на его приобретение значима для его собственника или приобретателя, о чем он сообщает в правоохранительные органы. Исключением являются граждане, неправомерно владеющие транспортными средствами, либо знающие об их незаконном происхождении или модификации последних.

Мошенничество, совершенное организованной группой, является тяжким преступлением. Оно часто совершается лицами, имеющими значительный преступный опыт хищений различного рода, в том числе профессиональными преступниками.

Способы воздействия членов организованных групп на личность потерпевших от мошенничества, размер причиненного вреда, сопоставляемый с материальным положением последних, могут иметь определяющее значение в социально-правовой оценке содеянного, что требует оптимальных мер борьбы с ним, использования ещё недостаточно востребованных направлений и средств.

В последние годы механизм мошенничества, предметом которого выступают транспортные средства, стал более сложным и разнообразным. Связь его с угонами транспортных средств, организованной преступностью,

¹ Майоров А.В., Яременко Н.Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. - 2019. - № 3 (21). - С. 37.

отмыванием доходов от преступной деятельности, другими опасными преступлениями в автобизнесе становится интенсивней.

Постоянное совершенствование способов мошеннического обмана, включая использование информационных технологий, сопряженность с хищениями средств с банковских счетов или в отношении электронных денежных средств потенциальных покупателей автомобилей требует выработки новых подходов правоприменительной практики в отношении мошеннических фактов.

Стоит согласиться с мнением, что «рост числа мошенничеств, бурное развитие новых способов их совершения, слабая защищенность от таких посягательств представителей различных слоев населения независимо от образования, уровня интеллекта, социального статуса, имущественного положения дают основание называть переживаемый нами период времени эпохой мошенничества»¹.

Это означает, что уголовная политика в сфере противодействия хищениям транспортных средств должна быть последовательной, комплексной, инновационной, учитывать их опасность, ориентированность на долгосрочную преступную перспективу, масштабность извлечения преступной выгоды, адекватно реагировать на новые типы организованного характера мошенничества.

Список литературы

1. Майоров А.В., Яременко Н.Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. - 2019. - № 3 (21). - С. 36-41.

2. Ни денег, ни авто: полиция «накрыла» банду мошенников. - URL: www.orelgrad.ru/blog/2020/02/04/ni-deneg-ni-avto-policiya-nakryla-bandu-moshennikov (дата обращения 25.06.2020).

3. Славская Н.В. Взаимодействие жертвы и преступника в процессе совершения мошенничества // Государство и право в XXI веке. - 2017. - № 3. - С. 16-20.

4. Торговлю «виртуальными» авто в Оренбурге суд оценил в 11 лет колонии. - URL: www.regnum.ru/news/accidents/1693448.html. (дата обращения 25.06.2020).

5. Шатилов А.В. Особенности криминологической характеристики и предупреждения мошенничества, совершаемого организованными преступными формированиями. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 24 с.

6. Шурухнов Н.Г., Дроздова И.Ю. Взаимодействие преступника и жертвы в современных видах мошенничества // Отечественная юриспруденция. - 2019. - № 5 (37). - С. 32-35.

¹ Шатилов А.В. Особенности криминологической характеристики и предупреждения мошенничества, совершаемого организованными преступными формированиями. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2019. - С. 3

7. Ямашкин С.В. Организованное мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2010. - 24 с.

Геращенко И.Г., Геращенко А.И.

О проблеме экономической эффективности уголовно-правовых норм

Аннотация: В статье анализируется мало изученная проблема экономической эффективности уголовно-правовых норм. Показаны причины, требующие экономического подхода в современном уголовном законодательстве. Выявлены механизмы реализации экономической теории в практике уголовно-правового регулирования. Обосновывается идея об эффективности экономических санкций в современном уголовном праве.

Ключевые слова: уголовно-правовые нормы, экономическая эффективность, экономические преступления, уголовное законодательство, теория рационального выбора.

Cost-benefit Analysis of the Criminal Law

Abstract: The article analyzes the poorly studied problem of the economic efficiency of criminal law. Authors lay out the reasons to approach the modern criminal law from the economic point of view and reveal the mechanisms by which the economic theory can be implemented in the criminal law regulation. The research supports the idea of the effectiveness of economic sanctions in modern criminal law.

Keywords: criminal law, economic efficiency, economic crime, criminal law, rational choice theory.

В условиях современной глобальной рыночной экономики и информационного общества все более важной и актуальной становится проблема экономической эффективности уголовно-правовых норм. Вопросы эффективности уголовно-правового законодательства в научной юридической литературе привлекают постоянное внимание ученых и практиков¹. Значительная литература имеется также по вопросам экономической эффективности правовых норм в целом².

¹См.: Курылева В.Н. Эффективность уголовно-правовых норм // Бизнес в законе. - 2007. - № 2. - С. 114-117; Дворецкий М.Ю. Эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. - 2011.- № 1. - С. 52-58; Бадамшин И.Д., Черепашкин А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2012. - № 3 (23). - Т. 5. - С. 101-105; Савенок А.Л. Современные проблемы изучения эффективности уголовного закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 2 (34). - С. 200-203.

²См.: Антонов М.В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического

Вместе с тем, сравнительно мало исследований, посвященных проблеме экономической эффективности уголовно-правовых норм. На наш взгляд, данная проблема приобретает особую актуальность в последние годы, что связано с кризисными явлениями в мировой экономике и ростом количества экономических преступлений. Данная ситуация не может ни оказывать своего влияния на теорию и практику применения уголовного законодательства.

Общеизвестно, что преступная деятельность активизируется с ухудшением экономической ситуации в стране, со снижением жизненного уровня значительной части населения. В этих условиях важно учитывать конкретные обстоятельства экономической преступности в каждом отдельном случае. Одно дело, когда происходит незначительное хищение или воровство, и подсудимый получает реальный уголовный срок. И другое дело, когда многомиллионные хищения сопровождаются условным наказанием. В этом случае проявляется экономическая неэффективность уголовно-правовых норм. В первом случае ущерб государству и обществу незначительный, а во втором случае он очень большой.

В настоящее время резко возросла необходимость междисциплинарных исследований в уголовном праве¹. Особенно актуально в этой связи применение инструментария современной экономической науки для повышения эффективности уголовно-правового регулирования. Это объясняется тем, что уголовное право изначально возникло с целью регулирования хозяйственной жизни общества. Ограниченность материальных ресурсов, в которой всегда пребывало человечество, толкало отдельных его представителей на противозаконное овладение этими ресурсами. Данная ситуация востребовала создание теории и практики уголовного законодательства.

Экономические причины лежат уже в основании источников права: правовых обычаев, нормативно-правовых актов и судебных прецедентов. При этом эволюция источников права отражает эволюцию самой экономики. Правовые обычаи формируются уже в недрах первобытного общества. Нормативно-правовые акты характерны как для нерыночных, так и для рыночных типов общества. Судебные прецеденты развиваются преимущественно в условиях рыночной экономики. В этом смысле можно проследить и экономическую эволюцию уголовно-правовых норм.

Сформировавшаяся на западе школа экономического анализа права ставит своей целью изучение роли правовых норм в максимизации дохода и в

анализа права в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2011. - № 3. - С. 10-25; Авдийский В.И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. - 2012. - № 2. - С. 101-107; Тарасов Д.Ю. Теоретико-правовые аспекты экономической эффективности норм права // Проблемы экономики и юридической практики. - 2015. - № 3. - С. 27-29; Момотов В.В. Экономический анализ права в системе юридической методологии: понятие, сущность, критика // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2017. - № 5. - С. 83-94; Бирюков С.В. О влиянии экономики на право (теоретические подходы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2018. - № 1 (4). - С. 6-14.

¹См.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. - М., 2016. - С. 24-25.

минимизации экономических издержек¹. Представители данной школы предлагают использовать междисциплинарный подход для повышения эффективности применения правовых норм. Иногда этих ученых упрекают в «экономическом империализме», поскольку они хотят исключительно рыночными методами решать различные социальные проблемы, в том числе, связанные с уголовно-правовым регулированием.

Г.С.Беккер в своей программной статье «Преступление и наказание: экономический подход» сформулировал основные вопросы в сфере уголовного права, которые могут быть решены с позиций современного экономического анализа. Это следующие вопросы: какой объем средств следует использовать для достижения эффективности различных видов уголовных законов? какие меры наказания будут наиболее оптимальными? какое количество преступлений следует признать допустимыми? какое количество преступников можно оставить без наказания? как минимизировать потери общества от совершаемых преступлений? как минимизировать издержки уголовно-правовой системы?².

В контексте экономического анализа преступная деятельность может быть рассмотрена в качестве специфической отрасли народного хозяйства, которая только в последнее время стала изучаться экономистами. Экономические издержки, порождаемые преступностью, включают в себя: непосредственный материальный ущерб, наносимый обществу в результате различных видов преступной деятельности, и государственные расходы на борьбу с преступностью.

Валовый доход от преступной деятельности (особенно такие его статьи, как коррупция, наркобизнес, проституция и др.) значительно превосходит затраты государства на содержание исправительных учреждений, судебной системы, прокуратуры и полиции. Вместе с тем, доход от преступной деятельности в незначительной степени возвращается в бюджет благодаря правоохранным мерам. Значительная часть преступных доходов возвращается в экономику в результате процедуры «отмывания» денежных средств.

Можно высказать предположение, что уголовно-правовые нормы и вся правоохранительная система станут функционировать эффективно с экономической точки зрения в том случае, если в бюджет будет возвращаться такое количество материальных средств, полученных преступным путем, которое превышает затраты государства и общества на содержание всей правоохранительной системы. Г.С. Беккер предложил следующую модель оптимальной с его точки зрения стратегии борьбы с преступностью, которая включает в себя такие связи, нуждающиеся в экономическом анализе:

- связь между количеством преступлений и сопутствующими издержками;

¹См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. - М., 2007. - С. 74-91.

²См.: Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. - М., 2003. - С. 283.

- связь между количеством преступлений и строгостью наказания за их совершение;

- связь между количеством пойманных и осужденных преступников и расходами государственного бюджета на содержание судебной системы и полиции;

- связь между количеством раскрытых преступлений и издержками государства на содержание преступников в местах лишения свободы;

- связь между количеством преступлений и расходами частных лиц на обеспечение собственной безопасности¹.

Экономический анализ эффективности уголовно-правовых норм сознательно абстрагируется от внеэкономических оценок преступной деятельности (моральной, религиозной, образовательной, культурной и т.п.). Это не отрицает важности этих оценок, однако, научный подход предполагает ограничение предмета и объекта исследования.

К примеру, ущерб, наносимый преступлениями, с экономической точки зрения оценивается следующим образом. Прежде всего, величина ущерба находится в прямой зависимости от активности преступной деятельности. Другие аспекты ущерба выяснить гораздо сложнее. Убийство справедливо считается самым тяжким преступлением не только потому, что гибнет уникальная человеческая жизнь, но и потому, что уничтожается человеческий капитал, который является частью капитала всего общества (безвозвратно пропадает будущий труд человека, полученное им образование, интеллектуальные, физические и культурные ресурсы).

Такие преступления, как кражи, являются менее тяжкими, поскольку материальные ресурсы, как правило, остаются внутри страны, но происходит противоправная смена собственника. Если же в результате экономических преступлений деньги выводятся за рубеж, то ущерб обществу резко возрастает, что должно находить свое выражение в строгости соответствующих уголовно-правовых норм.

Поимка преступников, а также установление их вины требуют существенных издержек. Чем больше средств расходуется на поимку преступников, тем легче обнаружить преступление. Процент раскрываемости является важным критерием эффективности работы правоохранительных органов, однако в ряде случаев он страдает формальностью (возможности искусственного завышения, привлечение к ответственности невиновных и др.). Более содержательным критерием выступает возврат похищенных средств либо материальная компенсация причиненного вреда в результате противоправных действий.

Повышение вероятности поимки преступника влияет на снижение количества преступлений в большей степени, нежели ужесточение строгости наказания. Теория рационального выбора, используемая в уголовном законо-

¹См.: Беккер Г.С. Указ. соч. - С. 287-288.

дательстве развитых западных стран, исходит из того, что большинство людей ведет себя рационально, то есть, они постоянно просчитывают выгоды и потери от собственных действий. К примеру, если выгода от хищения либо коррупции большая, а вероятность попасться сравнительно незначительная, то определенное количество людей способно на такое преступление. Если же выгода мала, а вероятность наказания велика, то большинство людей на такое преступление не пойдет. Это прагматический подход к классификации мотивов преступных деяний.

В обществе важно создать такие условия, чтобы совершать преступления было не выгодно, в том числе, и экономически. Для этого должна существовать возможность для большинства людей получать такую же выгоду, занимаясь законными видами деятельности, какую они могли бы получить в результате преступных действий. Поскольку данные условия создать крайне сложно, постольку и наблюдается рост экономической преступности.

Наказания за совершенные преступления также следует рассматривать с точки зрения экономической эффективности. Практически все виды наказаний наказывают не только преступника, но и общество в целом. Лишение свободы, к примеру, сопряжено с большими материальными затратами не только для государства, но и для общества в целом. Исключение среди всех видов наказаний представляют штрафные санкции, когда правонарушитель самостоятельно расплачивается за собственное преступное деяние. Это единственный случай, когда общество не несет никаких материальных издержек. Именно данная форма наказания является наиболее эффективной с экономической точки зрения. Поэтому штрафы следует более активно использовать в правоохранительной деятельности.

Существует два основных подхода к проблеме уголовного наказания на государственном уровне. Первый заключается в ужесточении видов наказания. В этом случае упор делается не на увеличение раскрываемости преступлений, что требует значительных бюджетных затрат, а на устрашение потенциальных преступников. Второй случай предполагает более мягкую систему наказания и высокий процент раскрываемости преступлений. Затраты бюджета здесь частично компенсируются за счет штрафных санкций. Развитие в экономическом смысле страны идут по второму пути применения наказаний за уголовные преступления.

Теория рационального выбора объясняет, почему значительное количество преступников отбывает свой срок за преступления малой и средней тяжести. Это, как правило, малообразованные люди из соответствующей социальной среды, у которых не сформированы рациональные механизмы поведения. Уголовное законодательство строится на четких рациональных принципах, основанных на законах формальной логики и морально-этического кодекса современного демократического общества. При этом уровень демократизма отдельных уголовно-правовых норм может существенно отличаться в законодательствах разных стран.

На основании теории рационального выбора становится ясно, почему так тяжело бороться с крупными экономическими преступлениями и коррупцией на государственном уровне. В финансовой сфере и на государственной службе, как правило, трудятся люди с высоким уровнем рациональной культуры. Низкий уровень рационализма просто не позволил бы им получить соответствующее образование и выдержать высокую конкуренцию в своей сфере деятельности. Чем выше занимаемое положение, тем, чаще всего, выше степень рационализма. В такой ситуации бывает особенно тяжело выявить преступные мотивы, поскольку рациональность уголовного законодательства и поведения правонарушителей находится примерно на одном уровне. Кроме того, преступники с высокой степенью развития рационального мышления постоянно стремятся минимизировать собственные риски. Для этого они создают криминальные сообщества, пытаются заручиться поддержкой вышестоящих инстанций, перекладывают собственные риски на подчиненных и т.п.

Система штрафов, возможно, является наиболее эффективным способом противодействия коррупции. Вспомним Средние века и более позднее время, когда чиновник покупал свою должность, а в дальнейшем за счет взяток компенсировал понесенные затраты. Штрафные санкции предполагают действие обратного механизма. Если чиновник не желает довольствоваться законной зарплатой и занимается мздоимством, то он обязан полностью компенсировать нанесенный обществу ущерб. Лишение свободы будет эффективно только в том случае, когда чиновник не может вернуть всю сумму сразу.

Штрафы, как система уголовного наказания, эффективны еще и в том смысле, что являются более гуманными по сравнению с теми санкциями, которые предполагают различные виды физического воздействия или ограничения свободы. Вместе с тем, существенные штрафы или конфискация имущества сами по себе являются не таким уже слабым наказанием по сравнению с лишением свободы. Экономическое принуждение в условиях рынка является весьма действенной санкцией.

Между экономикой и уголовным законодательством существует двусторонняя зависимость. Чтобы уголовно-правовые нормы становились более демократичными, должны сформироваться определенные экономические предпосылки, связанные с повышением материального уровня жизни большинства людей. С другой стороны, уголовное законодательство может тормозить либо способствовать экономическому прогрессу общества. Законодатель должен рационально просчитывать воздействие каждой уголовно-правовой нормы на поведение заинтересованных лиц, на то, как данная норма будет влиять на экономическую ситуацию в стране в целом. Для этого необходим не только высокий уровень юридического профессионализма, но и хорошее знание экономической теории и практики. К сожалению, как справедливо отмечает Э. де Сото: «редкие юристы понимают экономические последствия своей деятельности»¹.

¹Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит пора-

Подводя итог, следует еще раз обратить внимание на то, что проблема экономической эффективности уголовно-правовых норм обладает повышенной актуальностью для современного демократического общества, поскольку она связана с рациональным использованием человеческих и материальных ресурсов. Эффективность уголовного законодательства, в конечном итоге, оказывает определяющее воздействие на конкурентоспособность данной страны на международной арене в условиях глобального рынка.

Список литературы

1. *Авдийский В.И.* Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. - 2012. - № 2. - С. 101-107.
2. *Антонов М.В.* О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2011. - № 3. - С. 10-25.
3. *Бадамшин И.Д., Черепашкин А.С.* К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2012. - № 3 (23). - Т. 5. - С. 101-105.
4. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. - Москва: ГУ ВШЭ, 2003 - 672 с.
5. *Бирюков С.В.* О влиянии экономики на право (теоретические подходы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2018. - № 1 (4). - С. 6-14.
6. *Дворецкий М.Ю.* Эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. - 2011. - № 1. - С. 52-58.
7. *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. - М.: Статут, 2016. – 528 с..
8. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. — 224 с
9. *Курылева В.Н.* Эффективность уголовно-правовых норм // Бизнес в законе. - 2007. - № 2. - С. 114-117.
10. *Момотов В.В.* Экономический анализ права в системе юридической методологии: понятие, сущность, критика // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2017. - № 5. - С. 83-94.
11. *Савенок А.Л.* Современные проблемы изучения эффективности уголовного закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 2 (34). - С. 200-203.
12. *Сото Э. де.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. - М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 272 с.
13. *Тарасов Д.Ю.* Теоретико-правовые аспекты экономической эффективности норм права // Проблемы экономики и юридической практики. - 2015. - № 3. - С. 27-29.

жение во всем остальном мире. - М., 2004. - С. 200.

Нужно ли уголовное право?

Аннотация: В статье анализируется относительность (сконструированность) понятия «преступление», неэффективность мер уголовного наказания. Сохранение уголовного права и наказания вынужденно необходимо, но не имеет достаточных оснований.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовное право

Is Criminal Law Necessary?

Abstract: The article analyzes the relativity (construction) of the concept of «crime», the ineffectiveness of criminal penalties. The maintenance of criminal law and punishment is necessarily necessary, but does not have sufficient grounds.

Keywords: crime, penal, criminal law

Действующая в современных условиях система уголовного права, очевидно, не способна реализовать декларированные цели.

А.Э. Жалинский

Введение

Сразу оговоримся: то, что сегодня уголовное право существует во всех государствах и будет еще существовать неопределенное время – не вызывает сомнений. Проблема в другом: а выполняет ли уголовное право и предусмотренные им меры (наказания) в отношении нарушителей уголовного запрета те цели, задачи, которые выдвигаются перед уголовным законом (и наказанием)?

Соответственно рассмотрим, что из себя представляет *преступление*, и насколько функционально *наказание* как средство сокращения преступности. С рецептами «что делать?» не будем спешить.

Преступление и преступность

Во-первых, в реальной действительности нет деяний, которые были бы «преступностью» (или «преступлением») по своему содержанию, своим внутренним, имманентным свойствам. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть – социальные конструкторы, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне (подвиг!), убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда. конфискация, в состоянии крайней необходимости, обман государством своих граждан и т.п.

Преступление не является чем-то объективным по своей природе, а суть социальный конструкт, и по мнению Бенедикта Спинозы (1632-1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству»¹.

П. Сорокин (1889-1968) пишет: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнузданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому *причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная*»².

И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было при- сущо еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов³. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер⁴: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»⁵.

И почему в средневековой Испании была смертная казнь за курение табака, в современных ОАЭ появление в общественном месте с бутылкой алкоголя карается длительным тюремным заключением, а в РФ предусмотрена уголовная ответственность «за оскорбление чувств верующих» (правда, не известно, что это такое) – вопрос к соответствующему законодателю.

¹ Спиноза Б. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 1. - С.554.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М., 1992. - С.62.

³ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. - New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. - Greenwich University Press, 1995; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. - Palgrave Macmillan, 2012.

⁴ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

⁵ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей»¹.

Во-вторых, со времен Э. Дюркгейма (1858-1917) известно: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности невозможно... Преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!»². Прошло 120 лет: «Общество нуждается в преступности как двигателе социальных преобразований. Общество без существенных отклонений в поведении криминального характера застыло бы в своем развитии»³.

В-третьих, то, что уголовный закон (любого государства) называет «преступлением», было, есть и будет, пока существует человеческий род (люди убивают, насилуют, причиняют телесные повреждения и т.п.) и товарно-денежные отношения (люди крадут, грабят, дают и берут взятки, занимаются проституцией и др.). То, что законодатель или мы называем преступлением, люди совершали, совершают и будут совершать. Более того, согласно действующим уголовным законам большинства государств, *все* совершают «преступления», каждый человек (включая автора этих строк). Достаточно внимательно перечитать уголовный кодекс и примерить на себе⁴...

Итак: преступление – конструкт, придуманный властью, законодателем (прежде всего, в своих интересах). Преступность нормальное, неизбежное в обществе явление. Нарушение закона полезно, необходимо, без него не было бы развития.

Тогда вопрос: зачем нужно уголовное право?

Наказание

Наказание всегда – *насилие*. Оно неизбежно, когда речь идет о реакции государства на совершенное преступление. «Это неизбежно, но обязывает общество и государство постоянно проверять, не является ли уголовно-правовое насилие, как физическое, так и психическое, избыточным по интенсивности и целям»⁵.

¹ Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. - NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, p.2.

² Дюркгейм Э. Норма и патология. В: Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. - С. 39-43.

³ Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление. – СПб: Алеф-Пресс, 2019. - С. 245.

⁴ Подробнее см.: Гишинский Я. Преступность как повседневность // Телескоп, №1 - 2019. - С. 24-26.

⁵ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. - С. 17.

С 1970-х годов все чаще начинают говорить о «кризисе наказания». Этот кризис проявляется в сохранении преступности независимо от деятельности правоохранительных органов и применяемых мер наказания; в относительно постоянном, а то и растущем уровне рецидива в каждой стране; в негативных последствиях длительного и репрессивного содержания осужденных под стражей. -

Целями наказания ч. 2 ст. 43 УК РФ называет: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений. Рассмотрим каждую прокламируемую цель.

Восстановление социальной справедливости. А кто знает, что такое «социальная справедливость»? Где дается *юридическое* определение этого понятия? Социальная справедливость - с точки зрения потерпевшего, его близких, виновника, его близких, «населения» (но оно очень неоднородно)? По мнению профессора Х, смертная казнь справедлива и необходима, с моей точки зрения, смертная казнь - недопустимое преступление, убийство государством. Неопределенность понятия делает бессмысленным его правовое понимание и применение.

Исправление осужденного. А можно ли кого бы то ни было «исправить» наказанием? Один из известнейших американских педиатров, Бенджамин Спок – автор книги «Ребенок и уход за ним», изданной в 1946 году и ставшей одним из крупнейших бестселлеров не только в США, писал, что преступниками вырастают дети, испытывавшие дефицит любви, а не наказания. С точки зрения детских психологов, педагогов, если ребенок подвергался физическим наказаниям, из него с высокой вероятностью вырастет насильственный преступник. Исправить наказанием нельзя ни капризного ребенка, ни хулиганистого школьника, ни преступника.

Предупреждение совершения новых преступлений. Речь идет о *специальном* предупреждении (осужденного) и *общем* предупреждении – других лиц, «чтобы другим неповадно было».

Весь исторический опыт свидетельствует о неэффективности *общего* предупреждения. Самые жестокие наказания, квалифицированные виды смертной казни не приводили к сокращению преступлений, скорее - наоборот.

Что касается *специального* предупреждения, то, по данным профессора Т. Матисена¹ уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны, что бы ни предпринимали правоохранительные органы! Об этом свидетельствуют и современные данные. Так, в США (очень жесткая система наказаний) в тюрьмы возвращается около 50–60% отсидевших, а в гуманной Норвегии – менее 20%. В России уровень рецидива также был относительно постоянен, но за последнее время растет, подтверждая бессмысленность усиления репрессий в целях «предупреждения» преступлений. Так, доля рецидивной преступности составляла в России в 1988 – 25,9%; в 1997 – 33,7%; в 2013 – 47,7%, в 2017 г. – свыше 65%.

¹ Mathiesen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory. In: Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo/London, 1974.

Заключение

Автор прекрасно понимает, что в современном мире и на отдаленную перспективу ни одно государство не может отказаться от уголовного права и наказания. Предложение немецкого профессора Х.-Х. Йешека *отменить уголовное право, как несовместимое с правами человека и гражданина*¹, пока не проходит... Смысл вышеизложенного – постараться задуматься о реальных возможностях уголовного права и наказания и необходимости минимизировать негативные последствия того и другого (криминализация только действительно опасных деяний; декриминализация многих нынешних составов преступлений, засоряющих уголовные законы большинства стран; минимизация репрессивности наказаний – безусловная отмена смертной казни, преобладание краткосрочного лишения свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы; условия отбывания наказания в виде лишения свободы, сохраняющие у заключенных чувство собственного достоинства и обеспечивающие их ресоциализацию; и др.). Следует помнить, что уголовное право «является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»².

Список литературы

1. Гилинский Я. Преступность как повседневность // Телескоп - №1 - 2019. - С. 24-26.
2. Дюркгейм Э. Норма и патология. // Социология преступности (современные буржуазные теории). - М.: Прогресс, 1966.- С. 39-44.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.
4. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление. – СПб: Алеф-Пресс, 2019. – 362 с.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М., Политиздат, 1992. – 544 с.
6. Спиноза Б. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 1.
7. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. - New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. - Greenwich University Press, 1995.
8. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. - Palgrave Macmillan, 2012;
9. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
10. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10, pp.63-80.
11. Jescheck H.-H. Lehrbuch der Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. – Berlin: Duncker und Humblot, 1988.

¹ Jescheck H.-H. Lehrbuch der Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. – Berlin: Duncker und Humblot, 1988. S.3.

² Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 68.

12. *Mathiesen T.* The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory. In: Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo/London, 1974.

13. *Robinson M.* Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. - NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004.

Далгалы Т.А.

Уголовная политика России в условиях глобализации: основные тенденции

Аннотация. Современные процессы глобализации определяют основные тенденции и направления развития государственной политики, в целом, и уголовной политики, в частности. Глобализация повлияла на многие сферы человеческой жизни с помощью различных инструментов, в том числе и на преступность, а значит на уголовную политику. Автором рассматривается влияние глобализации на национальную систему уголовного права.

Ключевые слова: глобализация, уголовная политика, уголовное право, международное право, права человека.

Russian State Criminal Policy in the Context of Globalization: Main Trends

Abstract: Modern processes of globalization determine the main trends and directions of state policy as well as criminal policy development. That multifaceted phenomenon has affected many areas of human life, including crime, and therefore criminal policy. The author researches the impact of globalization on the national criminal law system.

Keywords: globalization, criminal policy, criminal law, international law, human rights.

Концепция глобализации в доктрине уголовного права является объектом многочисленных научных исследований на протяжении последних десятилетий. Однако, несмотря на это, ученым трудно дать исчерпывающее определение для нее, до сих пор в науке нет единого определения глобализации. Малкольм Уотерс считает, что термин «глобализация» получил широкое распространение с 1960-х годов. Эти слова были впервые введены в культуру в 1961 году. Некоторые ученые исследовали положительные эффекты глобализации, в то время как другие исследовали их отрицательные последствия. В целом, глобализация означает развитие социальных и экономических отношений во всем мире.

Одним из распространенных представлений о глобализации является интернационализация. С этой точки зрения термин «глобализация» - это еще одно слово для описания экстерриториальных отношений между странами, а

глобализация определяет развитие международных отношений и взаимозависимости. Иная точка зрения под глобализацией понимает процесс устранения ограничений, которые правительства накладывают на отношения между странами, и ее целью является создание свободной и неограниченной глобальной экономики. Таким образом, глобализация определяется как процесс международной экономической интеграции. Также распространена в научной литературе интерпретация глобализации в качестве геополитического обновления. То есть социальное пространство больше не идентифицируется в терминах территорий, территориальных расстояний и территориальных границ.

Влияние глобализации на социальные, экономические и правовые явления привело к тому, что этот процесс рассматривается как значительные изменения в обществе. Сегодня многие социально-экономические проблемы, такие как мир, преступность, иммиграция, производство, занятость, развитие технологий, экологические угрозы, распределение доходов, процветание, социальное единство и идентичность, описываются как явления, затронутые глобализацией. Международное право, уголовное право и другие отрасли права также подвержены влиянию глобализации. При этом процесс глобализации права в целом и уголовного права в частности, явление *de facto*. Глобализация повлияла на все, например, на такие категории как преступность, жертва, процесс совершения преступления, криминализация и декриминализация и уголовная политика.

Итак, существуют два основных препятствия для согласования процесса преступности и глобализации. Одним из них является принцип территориального суверенитета уголовных законов. Цель принципа территориального суверенитета уголовных законов состоит в том, что эти законы подлежат исполнению в отношении всех правонарушителей, находящихся в пределах территориального суверенитета страны, и не применяются за ее пределами. Почти 190 стран мира активно пытаются защитить свой суверенитет. Каждая страна утверждает, что имеет наиболее подходящую и наиболее эффективную правовую систему, чем другие, и с этой идеей ни одна страна не хочет потерять свой суверенитет под влиянием глобализации. В связи с тем, что принцип территориального суверенитета иногда недостаточен для разрешения международных уголовных дел, был представлен принцип личной юрисдикции. Если принцип территориальной юрисдикции и персональной юрисдикции также не применим, для устранения коллизии будет рассмотрен принцип места совершения преступления.

Разрушения и массовые убийства во время Второй мировой войны привели к созданию Организации Объединенных Наций, которая незамедлительно разработала всеобъемлющую формулу для защиты отдельных лиц и общин от запрещения повторения того, что произошло в прошлом. Эти гарантии включали в себя «Всеобщую декларацию прав человека», «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и «Женевскую конвенцию об улучшении положения раненых и больных в воору-

женных силах в плену», в которых прогнозировалось конкретное поведение в международных конфликтах. Международные институты неоднократно пытались улучшить положение людей во всем мире путем заключения межгосударственных двусторонних договоров и предоставления соответствующих решений. Эти соглашения включают в себя «Пакт об экономических, социальных и культурных правах» и «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция о пытках)», «Международная конвенция». «Ликвидация всех форм расовой дискриминации» и «Международная конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», которые фактически создали основу современных прав человека.

Указанные международные акты фактически создали основу современных прав человека. Кроме того, с созданием и учреждением Международного уголовного суда, который представляет собой отправную точку для кодификации международных уголовных преступлений, сегодня стало известно о глобальном авторитете международных судов. Более того, авторитет международных судов позволяет в результате их деятельности ограничивать суверенитет государств. Так, Европейский суд по правам человека, Межамериканская комиссия по правам человека, Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Комитет по правам человека Европейского Суда обязал правительства более чем когда-либо контролировать общие и глобальные правила, которые играют важную роль в формировании глобальных и плюралистических прав. С развитием Совета Европы и Европейского Союза континент укрепил свои позиции в качестве среды формирования европейского права.

Таким образом, международные договоры являются наиболее важными документами, отражающими глобальные ценности, заслуживающие защиты от преступности определяющие основные тенденции уголовной политики государств. Международная воля, выраженная в этих конвенциях, отражает признание ценности и целесообразности, которую международное сообщество отстаивало, зная, что нарушение является преступлением. Там, где возникают нарушения прав человека, даже самые сильные защитники суверенитета правительств обходят эту концепцию. Поэтому члены Организации Объединенных Наций или других международных организаций, независимо от того, присоединились они к этим договорам или нет, обязаны соблюдать ее правила. Действительно, гармонизация прав разных стран в соответствии со стандартами в области прав человека способствовала созданию глобального права. Эта гармония в области конкретного уголовного права столкнулась с проблемами из-за различий в понятиях дисциплины и справедливости, которые являются основными источниками преступности в каждой стране, а также различий в поддерживаемых ценностях. Это привело к различиям в качестве принятия правительствами глобальных правил, и готовность прави-

тельств криминализировать действия, угрожающие их основным выгодам, - это не только их готовность криминализировать угрожающее поведение своего народа. Принимая международные договоры в области уголовного права, правительства ограничивают или отменяют свой абсолютный суверенитет в области преступности, наказания, судебного преследования, судебного разбирательства и т. д. Но принимая принципы и институты права в международной системе прав человека, они революционизируют свои криминальные системы для сближения и фактически сближаются друг с другом.

Позиция Международной ассоциации уголовного права подчеркивает, что уголовная политика всегда должна отходить от самого полного понимания реальности преступных явлений (и личностных и социальных факторов, которые их затрагивают) и, отдавать приоритет профилактическим мерам. Универсальность прав человека - это новое достижение человеческой цивилизации. Уголовное право - это система достоинства, нарушение его требований - преступление, а наказание - гарантия его долговечности и выживания. Даже внутренние системы в процессе глобализации, несмотря на желание чиновников, вынуждены принимать глобальные нормы. Уголовная политика в глобализированной системе ценностей основана на общих стандартах прав человека, и желание политических и религиозных идеологий, культурного релятивизма и т. д. не может этому помешать.

Одна из наиболее важных либеральных критических замечаний по уголовному праву - безопасность и укрепление благодаря этой части закона. В этом случае люди могут чувствовать больше опасности и неуверенности. Этот аспект уголовного права не имеет отношения к преступлению глобализации.

Одной из проблем, стоящих перед правительствами в отношении глобализованной преступности, является их уязвимость к этим преступлениям. Разумеется, эту уязвимость можно рассматривать с точки зрения конфликта между уголовной политикой стран в области преступности на судебном уровне. Также уязвимость можно обсудить на этапе реализации. Спор о конфликте глобальной преступности с уголовной политикой можно спорить о том факте, что уголовная политика на национальном уровне находится в конфликте с международным уровнем. Тем не менее, определение политики на национальном уровне с международным правом, хотя они имеют сходство, но на международном уровне отличается. Учитывая, что в международном праве мнения отдельных стран или регионов не являются приоритетными.

Сегодня ограничение национального суверенитета после международных преступлений можно рассматривать как наиболее серьезную угрозу национальному суверенитету. Уголовная политика на национальном уровне также является конкурентной и противоречивой. Однако внутренняя и международная криминализация и процесс глобализации являются ограничениями прав стран в области национального законодательства. Другими словами, страны не могут рассматриваться просто как последователи требований и ограничений внутреннего законодательства в области международного зако-

нодательства и криминализации глобальных преступлений. В итоге можно сказать, что глобальная преступность не учитывает суверенитет и границы государств.

Уголовное право - это система высших ценностей и норм. Фактически, когда уголовная защита правовых ценностей поднимается в уголовной политике, важность этих правил становится все более очевидной для всех. Миссия уголовного права становится более важной, когда она связана с человеческими ценностями и глобальными правами человека, Часть этих основ является ответственностью уголовного права, а другая часть - правами человека. После образования Организации Объединенных Наций в середине прошлого века в уголовном законодательстве также произошли некоторые изменения, ученые-правоведы и политологи назвали это «гуманизацией уголовно-правовых норм». Необходимость поддерживать человеческую личность и самобытность и отдавать ему приоритет, принцип быть человеком и ставить человека в качестве цели, осуждает личные интерпретации и восприятие человека как инструмента и подчеркивает его религиозное и нерелигиозное значение. После изменений в интернационализации и глобализации, а также положительных и отрицательных последствий того и другого, одним из наиболее важных событий в области уголовного права является изменение, произошедшее в дискурсе системы, регулирующей преступления и наказания в эпоху глобализации. Именно глобализация преступности определяет такую тенденцию развития уголовной политики России как корректирование внутреннего нормативного порядка. Так, для борьбы с преступностью в целом, должны быть созданы глобальные намерения, воля, и транснациональные соглашения. Общая и двусторонняя криминализация, разработка политики противодействия глобализированной преступности, установление единых наказаний в глобальном суверенитете, принятие единых законов на региональном и глобальном уровнях, регулирование единых правил для поставщиков интернет-услуг, определение превентивных единых политик для глобальной преступности, принятие единых подходов для противодействия формированию организованных групп в киберпространстве, использование цензуры в основных случаях являются одними из наиболее важных мер, которые необходимо принять в этом отношении

Список литературы

1. *Далгалы Т.А.* Глобализация как тенденция развития уголовного права // Вопросы российского и международного права. – 2018. - № 12 А. – С. 233-238.
2. *Keenan, Patrick J.* The New Deterrence: Crime and Policy in the Age of Globalization. Iowa Law Review. 91, 2005, 505. Available at: <http://hdl.handle.net/11212/1116>
3. *Smith, Anthony.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge: Polity Press, 2001. Available at: <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00109>

О декларативности принципов уголовного права

Аннотация. В статье анализируется содержание принципов уголовного права, их релевантность основным положениям уголовной политики и их корреляции с содержанием уголовно-правовых институтов и норм.

Ключевые слова: принципы уголовного права, законность, равенство, вина, справедливость, гуманизм.

On Declarative Principles of Criminal Law

Abstract. The article analyzes the content of the principles of criminal law, their relevance to the main provisions of criminal policy and their correlation with the content of criminal legislation.

Keywords: principles of criminal law, legality, equality, guilt, justice, humanism.

Принципы уголовного права – это основополагающие идеи (руководящие начала), на которых оно строится. В своей совокупности они образуют феномен, природа которого неоднозначна. С одной стороны, речь идет об основных, исторически сформировавшихся формах отражения в общественном сознании фундаментальных положениях относительно уголовной ответственности, преступности и наказуемости деяний и т.п. Иными словами, в данном аспекте принципы уголовного права выступают критериями его социальной оценки, на основе которых может быть выведена модель уголовного права, где цели охраны социальных благ, восстановления справедливости, предупреждения преступлений на основе закона соотносятся с такими средствами, как государственное принуждение и воспитательное воздействие уголовно-правовых мер.

С другой стороны, данные принципы функционируют как правовые нормы, поскольку закреплены в УК РФ. Значение их в этом качестве заключается в том, что они образуют фундаментальные основы уголовного права, интегрированы во все его институты и нормы, создают необходимые условия их легитимности, а также – регулируют практическую деятельность соответствующих субъектов уголовно-правовых отношений, в первую очередь представляющих государство (судей, прокуроров, следователей, работников органов дознания и т. д.) и наделенных широкими властными полномочиями, использование которых не по назначению либо с нарушением закона представляет повышенную общественную опасность.

И в первом (принципы как критерии социальной оценки деятельности), и во втором (принципы как правовые нормы) случаях речь идет об идеях, сформированных в общественном сознании.

Существует и третий, на наш взгляд, наиболее важный аспект. Указанные принципы являются атрибутивными свойствами уголовного права, вытекающими из его сущности. Это позволяет признавать их объективно существующими и, соответственно, подлежащими охране. В таком качестве уголовно-правовые принципы следует рассматривать в связи с факторами их образования. К таким факторам относятся: социально-экономические условия, уголовное право, как средство регулирования общественных отношений и правоприменительная деятельность как способ такого регулирования. Нормы уголовного права «работают» либо самостоятельно, либо реализуются посредством государственного принуждения. В первом случае для реализации прав и обязанностей, вытекающих из закона, достаточно добровольного выполнения предписаний участниками соответствующего правоотношения. При наличии же правонарушения требуется вмешательство государственных органов, принудительно устраняющих «сбои» в работе механизма правового регулирования. Таким образом, деятельность указанных органов является властно-принудительным способом реализации уголовного права. Границы этого способа определяются рассматриваемыми принципами, выступающими в то же время необходимыми элементами (средствами, инструментами) осуществления этой деятельности, а содержание – отраслевыми правовыми нормами уполномочивающего и обязывающего характера.

Указанные принципы имеют объективно-субъективную природу. Принципы имеют объективно-субъективную природу. По словам А.М. Васильева, возникая как определенные идеи, отражающие в общественном правосознании то или иное явление, правовые принципы получают доктринальное истолкование в правовой теории, а после их официального признания и закрепления в правовом акте приобретают юридический характер (именно в качестве правовых принципов). Следовательно, принципы субъективны, потому что с помощью мышления выводятся из объективной реальности. Задача состоит в том, чтобы правильно их сформулировать и обеспечить неуклонное проведение в жизнь. В широком смысле принципы определяются в литературе как интересы, которым придается правовая форма¹.

Неотъемлемой характеристикой принципов уголовного права является их социальная обусловленность, т.е. выводимость из потребностей и интересов общества, с одной стороны, и международных стандартов – с другой. В рассматриваемых принципах концентрируются основополагающие социальные идеи и представления об уголовном праве в целом и его отдельных институтах (положениях), в частности.

Уголовно-правовые принципы опираются на положения Конституции РФ и международного права. Так, В.П. Коняхин, рассматривая конституци-

¹ См.: Сиренко В.Ф. Интересы в системе основных институтов советского государственного управления. - Киев, 1982. - С. 32.

онные нормы как выполняющие идеологическую (мировоззренческую) функцию, справедливо считает, что они олицетворяют собой концептуальную основу уголовного права¹.

Таким образом, принципы призваны быть фундаментом всей системы уголовно-правового правового регулирования, являются связующим звеном между правом и практической деятельностью по противодействию преступности, гарантиями адекватного социальным ожиданиям уголовно-правового регулирования общественных отношений. Указанными обстоятельствами и обусловлена важность их соблюдения.

Однако относительно сущности принципов нет полной ясности. Так, Л.Л. Кругликов справедливо отмечает, что из наименования главы I УК РФ следует, что надо вести речь о принципах Уголовного кодекса, а из содержания ч. 2 ст. 2 того же нормативно-правового акта – о принципах уголовной ответственности². В учебной литературе высказано мнение, что, с одной стороны, «принципы уголовного законодательства, Уголовного кодекса, уголовного права – наименования-синонимы одного и того же феномена», а с другой – что принципы уголовного права и принципы уголовной ответственности «различаются и по содержанию, и по сфере приложения, хотя, несомненно, содержат пересекающиеся положения»³.

Полагаем, что речь идет об одних и тех же принципах, хотя термин «принципы уголовной ответственности» является более узким, поскольку отражает только один их аспектов предмета уголовно-правового регулирования.

Однако обращение к содержанию рассматриваемых принципов ставит ряд фундаментальных вопросов, без ответа на которые невозможно с убежденностью говорить об их релевантности основным положениям уголовной политики и корреляции с содержанием уголовно-правовых институтов и норм.

Так, второе положение принципа законности гласит, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Аналогия закона предполагает применение уголовно-правовых норм, прежде всего, содержащих составы преступления к случаям, которые в полной мере не охватываются установленными в них признаками. Очевидно, что в правовом государстве это не допустимо, поскольку ставит в зависимость правоприменительную практику от возможности произвола лиц, осуществляющих предварительное расследование или правосудие. Смысл запрета на аналогию закона основан на формально-материальном понятии преступления, обладающего признаками как общественной опасности, так и уголовной противоправности (ст. 14 УК РФ).

Но в действующем уголовном законе встречаются нормы, фактически допускающие аналогию закона, что является не исключением из правила, а

¹ См.: *Коняхин В.П.* Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. 2002. №4 // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения 16.05.2020).

² См.: *Кругликов Л. Л.* Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2009–2019 гг.): в 2 томах. Т.1. - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. - С. 8.

³ См.: *Уголовное право России. Часть Общая: Учебник.* - М., 2005. - С. 36, 37.

примером нарушения системности изложения уголовно-правового материала и требует немедленного устранения. Примером может служить ч. 1 ст. 228 УК РФ: «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...».

Дело в том, что цитируемая норма является бланкетной, т.е. для своего толкования и применения отсылает к нормативно-правовым актам, относящимся к иной отрасли права, в частности, к Постановлению Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 09.08.2019) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»¹. Однако понятие «аналог» позволяет обходить и его, в нарушение рассматриваемого принципа законности, что делает его фактически ничем не подкрепленной декларацией.

Применительно к уголовному праву принцип равенства граждан перед законом означает установление одинаковых оснований уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и наказания, условий погашения судимости и т.п.

Однако уголовный закон допускает подчас особую регламентацию указанных оснований для отдельных категорий лиц, объединяемых родовыми признаками: несовершеннолетних, женщин, военнослужащих, некоторых категорий должностных лиц. В частности, уголовно-правовой статус несовершеннолетнего, независимо от совершенного им деяния, характеризуется облегченными (если не льготными) условиями ответственности.

Так, согласно ст. 18 УК РФ, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет. Несовершеннолетие виновного является смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Более того, Общая часть российского уголовного закона содержит целый раздел V («Уголовная ответственность несовершеннолетних»), регламентирующий особую систему наказаний, сокращенную по видам и размерам уголовно-правовых мер (ст. 88 УК РФ), более мягкие условия назначения наказания (ст. 89 УК РФ), особую систему принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых только к ним в качестве средств освобождения от уголовной ответственности.

В привилегированном положении по российскому уголовному праву находятся лица женского пола (независимо от возраста). Им, независимо от совершенного преступления, не может быть назначен целый ряд наказаний (в случае беременности и наличия детей до трех лет): обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, арест, пожизненное лишение

¹Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 09.08.2019) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 16.05.2020).

свободы, наконец, смертная казнь¹. Женщины, осужденные за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, отбывают наказание в исправительных колониях общего режима. Согласно ст. 82 УК РФ, беременная женщина и женщина, имеющая ребенка в возрасте до четырнадцати лет, имеет безусловное право на отсрочку отбывания наказания, в то время как мужчине она предоставляется только в случае, если он является единственным родителем. В Особенной части УК РФ для женщин предусмотрен привилегированный состав убийства, если она, будучи матерью, убила своего новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Ряд привилегий имеют другие категории: военнослужащие, иностранные граждане, некоторые должностные лица. Так, по ст. 42 УК РФ, не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение.

Наконец, нельзя не сказать о дискриминационном наименовании принципа, предусмотренного ст. 4 УК РФ: «Принцип равенства граждан перед законом». С учетом того, российский уголовный закон распространяется не только на граждан РФ, но также на иностранных граждан и лиц без гражданства, очевидно, что такая формулировка, по сути, не позволяет распространять принцип равенства на две последние категории лиц.

Все это говорит о том, что о равенстве в уголовно-правовом контексте можно говорить лишь условно и только применительно к основаниям уголовной ответственности по тем составам преступлений.

Принцип вины является фундаментальным и одним из древнейших в уголовном праве. Суть его состоит, во-первых, в персональной ответственности лица, совершившего преступление. В отличие от других отраслей права, например, гражданского, предусматривающих солидарную, субсидиарную и другие виды коллективной ответственности. Во-вторых, лицо может подлежать ответственности только за те деяния, которые он совершил виновно, т.е. с умыслом или по неосторожности. Это безусловное требование уголовного закона основано на постулате о том, что только виновный может понять смысл и значение уголовной ответственности, в том числе применяемых в отношении него наказания или иных уголовно-правовых мер. Кроме того, установление вины неразрывно (концептуально) связано с последующим достижением таких целей наказания как: исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Однако, в уголовном законе, к сожалению, остается возможность объективного вменения посредством учета при квалификации некоторых оценочных признаков. В качестве примера можно назвать причинение значи-

¹ Несмотря на мораторий на применение смертной казни, установленный п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П, она продолжает находиться в системе наказаний, предусмотренной ст. 44 УК РФ.

тельного ущерба потерпевшему. Оно, как правило, образует квалифицированный состав преступления, за которое установлена более строгая ответственность. Его особенность состоит в том, что он оценивается постфактум. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, «при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием к статье 158 УК РФ». Очевидно, что виновный в момент кражи, далеко не всегда может оценить перечисленные выше особенности потерпевшего, особенно, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи. Это означает, что данные обстоятельства момент совершения преступления не могут охватываться его умыслом. Поэтому квалификация деяния как причинившего значительный ущерб, является по сути ничем иным, как объективным вменением. Думается, такие признаки, если они не охватывались умыслом виновного, могут учитываться судом только при решении вопроса о возмещении ущерба потерпевшему.

Принцип справедливости реализуется в двух аспектах: а) соответствия карательных мер объективным и субъективным признакам содеянного; б) исключение двойной ответственности. Аспект соответствия имеет оценочный характер, т.е. устанавливается на основе судебного усмотрения исходя из конкретных обстоятельств дела. Залогом успешности такового выступает законодательная дифференциация ответственности в значимости от совершаемого деяния и квалифицирующих признаков. Таким образом, справедливость обеспечивается правильной квалификацией преступления и вынесением на ее основе правосудного приговора.

Вместе с тем, необходимо сказать, что термин «справедливость» упоминается также в ст. 43 УК РФ в качестве одной из целей наказания («восстановление социальной справедливости»). Не углубляясь в исследование ее значения, следует отметить определенное противоречие с рассматриваемым принципом, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, т.е. — предполагает определенную перспективную функцию. Иными словами, соблюдение принципа справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости. И наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует, что указанный принцип был нарушен.

Думается, что законодатель вряд ли сознательно закладывал такую дихотомию в уголовный закон. Очевидно, здесь имеет место несовершенство юридической техники, когда одно и то же правовое понятие упоминается нормативным правовым актом в разных контекстах, к тому же – противоречащих друг другу.

Сказанное свидетельствует, что система принципов уголовного права требует незамедлительного совершенствования ввиду того, что лишь при концептуальном единстве всего нормативного массива, обеспечиваемом научно обоснованными и непротиворечивыми руководящими основами, можно рассчитывать на эффективность уголовно-правового регулирования.

Список литературы:

1. *Коняхин В.П.* Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. 2002. №4 // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения 16.05.2020).

2. *Кругликов, Л. Л.* Проблемы теории уголовного права: избранные статьи (2009–2019 гг.): в 2 томах. Т.1. - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019.

3. *Сиренко В.Ф.* Интересы в системе основных институтов советского государственного управления. - Киев, 1982.

4. Уголовное право России. Часть Общая: Учебник. - М., 2005.

Куниц Е.В.

Тенденции уголовной политики в условиях COVID -19

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции уголовной политики в условиях пандемии. Автор указывает, что под уголовной политикой традиционно в теории уголовного права принято понимать направления в деятельности государства, в рамках которых формируются исходные требования борьбы с преступностью, через создание и применение норм материального, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер. Формулируются проблемы направлений развития уголовной политики в условиях пандемии и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовная политика, медицинские работники, уголовная ответственность, COVID -19

Criminal policy trends in the context of COVID-19

Abstract: The article examines trends in criminal policy in a pandemic. The author points out that traditionally in the theory of criminal law it is customary to understand the criminal policy as directions in the activities of the state that form a

framework for the fight against crime through the creation and application of norms of material, criminal procedural and penal law, as well as by defining the circle of measures permissible in the fight against crime. Author formulates the challenges of directing the criminal policy in the context of a pandemic and proposes the ways to solve them.

Keywords: criminal policy, medical professionals, criminal responsibility, COVID-19

Традиционно уголовная политика включает в себя непосредственно три вида политики: 1) уголовно-правовая политика; 2) уголовно-процессуальная политика; 3) уголовно-исполнительная политика.

Еще ученые советского периода указывали, что уголовная политика — сложнейшее социальное явление, к тому же следует учитывать, что «предмет уголовной политики, ее основное содержание — борьба с преступностью — предопределяет и некоторые особенности ее реализации»¹. Уголовная политика на современном этапе имеет множество проблем, характеризующихся реализацией уголовной политики и получившие в настоящее время солидную научную разработку, представляется целесообразным затронуть лишь один аспект, касающийся форм, в которых происходит процесс реализации уголовной политики.

Реализация современной уголовной политики является проблемой системной, междисциплинарной, предполагает ее исследование и изучение на различных уровнях.

В самом общем виде реализация (от лат. *realis* — вещественный) уголовной политики есть выполнение стоящих перед ней задач, проведение в жизнь намеченной в борьбе с преступностью стратегии, посредством последовательного осуществления органами государственной власти и при участии институтов гражданского общества комплекса практических мероприятий по борьбе с преступностью в сфере законотворческой и правоприменительной деятельности.

В реальной действительности процесс реализации уголовной политики происходит во всех вышеуказанных формах одновременно, то есть все они проявляются лишь в их совокупности, следовательно, классификация правовых форм реализации уголовной политики носит чисто условный характер и преследует чисто познавательные цели.

Особое место должно быть отведено современной юридической науке, поскольку залогом успешной практики, является хорошая теория.

Ряд ученых советского периода отстаивали позицию о выделении уголовной политики в самостоятельную комплексную дисциплину, предметом которой был бы весь комплекс правовых мер борьбы с преступностью, в том числе и проблемы, связанные с определением правовых форм реализации уголовной политики.

¹ Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. - М.1979. - С. 78.

Думается такое выделение нецелесообразно, поскольку каждая из составляющих уголовную политику, в частности, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная имеет свой предмет, содержание. Укрупнение этих направлений в одну дисциплину создаст сложности для условий и предпосылок изменения законодательства и повышения ее эффективности.

Государственные и правоохранительные органы, а также политические партии России по-разному участвуют в работе по противодействию распространения коронавируса, но стараются помочь населению страны, идет поиск эффективности мер по противодействию эпидемии и их зависимости от позиции гражданского общества, а также значению в этих условиях деятельности каждого.

Президента России Владимира Путина попросили ввести мораторий на уголовные преследования медицинских работников, лечащих COVID-19. Открытое письмо российскому лидеру написали медицинские работники совместно с юристами: «Мы с коллегами сформулировали предложение по необходимости принятия системы мер, которые создадут эффект бессрочного «моратория» на уголовное преследование медицинских работников до окончания пандемии COVID-19. Медицинских работников предлагают освободить от уголовной ответственности по таким статьям, как халатность (ст. 293 УК), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК), причинение тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118 УК), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК), неоказание помощи больному (ст. 124 УК), нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК) и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК). Мораторий на привлечение к ответственности должен быть бессрочным и коснуться действий, которые медицинские работники совершили с 21 января этого года и до окончания пандемии COVID-19. С внесением изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающееся того, что на время проведения расследования врачи не должны быть заключены под стражу»¹. В настоящее время все медики работают фактически наощупь, тестируя новое оборудование, расходные материалы, подбирая схемы лечения. По факту медицинский персонал имеет исследовательский характер лечения пациентов с COVID-19. Работа не всегда соответствует действующему законодательству по многим статьям в силу его неприспособленности к экстренным ситуациям в масштабах страны. Врачи бьются за жизни пациентов, и опасаются, что после этого могут еще и стать самими участниками судебных разбирательств. Методические рекомендации Минздрава по лечению COVID-19 всё время меняются. Фактически разрешено и широко практикуется применять лекарства не в точном соответствии с инструкцией (так как лекарств от нового вируса пока не существует), но юридически это раз-

¹Главу РФ просят запретить уголовные дела против врачей при COVID. «Работают фактически наощупь» URL:

<https://ura.news/news/1052433622>(дата обращения: 22 июля 2020)

решение никак не оформлено. В результате медики постоянно нарушают букву закона. Кроме того, в условиях переориентирования аппарата здравоохранения на борьбу с пандемией пациенты с другими заболеваниями порой не получают плановую медицинскую помощь. Ранее власти разрешили снижать плановый объём медицинской помощи и переносить плановые операции и другие процедуры, но критерии и пределы такого снижения не нормированы.

Многие граждане спекулируют на этом, распространяют недостоверную информацию, что влечет панику в обществе, социальную напряженность, недоверие к органам государственной власти и правоохранительным структурам.

31 марта 2020 г. Государственная Дума и Совет Федерации приняли закон об уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, который в том числе предусматривает наказание за распространение недостоверных новостей о чрезвычайных ситуациях, в том числе о коронавирусе COVID-19 и борьбе с ним. За такие нарушения будет грозить штраф от 300 тыс. до 700 тыс. руб. (1,5–3 млн руб.— для юридических лиц и средств массовой информации) либо ограничение свободы на срок до трех лет. Альтернативным вариантом наказания могут стать обязательные (до 360 часов), исправительные (до года) работы. Также вводится уголовная ответственность за фейки об угрозе жизни граждан и мерах по обеспечению их безопасности, а также за недостоверную информацию, которая повлекла вред для здоровья,— до трех лет тюрьмы. За фейки, последствием распространения которых стала смерть человека или более тяжкие последствия, можно будет получить до пяти лет лишения свободы¹.

Взрыв эпидемии коронавируса может произойти в России из-за того, что врачи, контактировавшие с зараженными, вынуждены работать дальше. Между тем руководители учреждений не спешат сообщать об эпидемии. Имеется информация, что медработники, контактировавшие с инфицированным коллегой, продолжают работу. По закону такой человек должен уведомить больницу и уйти на 14-дневный карантин с оформлением больничного. Такие действия приводят к тому, что больницы становятся рассадниками инфекции, можно получить взрыв эпидемии, которая произойдет по вине тех руководителей медицинских учреждений. Каждый сотрудник медицинского учреждения должен понимать, что продолжение работы после контакта с инфицированным является уголовным преступлением.

Россияне, которые сейчас находятся за рубежом, переживают пандемию коронавируса в разных странах. В США, самоизоляция носит рекомендательный характер, несмотря на то, что страна считается лидером по числу зараженных. В США нет запрета выходить на улицу, это рекомендация, паники в штатах не наблюдается, отмечается активную господдержку.

¹Профсоюз медиков проходит тест на фейк-ньюз URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4309590>(дата обращения 14 июля 2020)

Самые строгие условия в Италии. В Китае очень жесткий карантин, очень жесткие наказания, но китайцы ввиду особенностей своего менталитета особо не нарушают. На 1,5 млрд человек приходится чуть больше двух тысяч преступлений. Китайцы соблюдают дистанцию, носят маски и перчатки. Дезинфекция улиц и подъездов проходит несколько раз в день. Дефицита продуктов и медикаментов не наблюдается. Противоположная ситуация складывается в Индии. Здесь много пожилых людей, много детей. Многие вообще без денег. Сложно приобрести даже лекарства.

Смягчить наказание для врачей, которые непреднамеренно утратили сильнодействующие обезболивающие препараты, президента попросили во время встречи с калининградскими общественниками. Путин согласился с идеей и предложил медучреждениям самим закреплять эту норму в специальных актах. В то же время отмечено, что в некоторых случаях медицинские работники могут незаконно использовать свое положение, чтобы распространить наркотические вещества и психотропные вещества. Ранее высказывалось предложение об ужесточении наказаний для медицинских работников, которые совершают ошибки при обследованиях и установлении групп инвалидности.

Президент России Владимир Путин заявил, что врачей стоит избавить от чрезмерной уголовной ответственности при работе с сильными анальгетиками. При этом, по его мнению, необходимо защитить общество от нелегального оборота наркотиков. «Избыточные требования ведут к негативным последствиям, напрягают медицинских работников, не дают им возможности нормально работать»¹.

Таким образом, уголовную политику следует рассматривать в качестве составной части внутренней государственной политики, так и внешней. Подтверждением этого является ситуация с COVID-19. Реальная угроза нарушения национальных интересов в результате преступной деятельности извне не менее, а иногда и более опасна, чем при совершении преступлений внутри страны; в равной защите со стороны государства нуждаются граждане и лица без гражданства.

¹Путин встал на защиту врачей, работающих с наркотическими препаратами
URL:<https://ura.news/news/1052405463>(дата обращения: 12 июня 2020)

Уголовная политика в отношении лиц, совершающих изнасилование в Польше

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с преступлением изнасилования в Польше. В нем представлена сфера правового регулирования этого деяния, основанная на Уголовном кодексе 1997 года. Показаны также результаты преследования и выявления изнасилования полицией и практика польских судов в отношении лиц, совершивших это преступление. Анализ приводит к убеждению, что применимые уголовные нормы являются адекватными (хотя и несколько казуистическими), количество преступлений уменьшается а суды либерально относятся к лицам, совершившим этот акт.

Ключевые слова: уголовная политика, изнасилование, преступления против половой свободы и порядочности, зарегистрированное преступление, раскрываемость преступлений.

Criminal Policy towards rapists in Poland

Abstract. The paper tackles the problem of the rape offense in Poland. The Author presents issues related to this crime such as scope of regulation in relation to the Criminal Code of 1997, prosecution and detection of rape by the police as well as case-law. Although current regulation is quite casuistic it appears that it is sufficient indeed – decrease in crime is observed while rapists are sentenced in a liberal way.

Key words: criminal policy, rape offense, crime against sexual freedom and decency, registered crime, crime detection

Преступление изнасилования как одно из сексуальных преступлений значительно нарушает свободу человека в интимной сфере. Его совершение вызывает долговременные последствия, особенно в психологической сфере жертвы. Поэтому соответствующие правовые решения, деятельность правоохранительных и судебных органов должны эффективно влиять на потенциальных и реальных исполнителей этого акта.

Цель этого исследования состоит в том, чтобы показать сферу правового регулирования в отношении изнасилования в Уголовном кодексе Польши 1997 года¹, опыт полиции, занимающейся судебным преследованием лиц, совершивших это преступление, а также судебную практику в отношении насильников. Анализ статистических данных полиции будет охватывать период с 1999 года (первый полный статистический год Кодекса 1997 года) по 2018 год (современность). Из-за отсутствия некоторых данных будут обсуждаться вопросы о назначении наказания в отношении лиц, виновных в изнасиловании, на 2002–2018 годы и на 2008–2018 годы.

¹ Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks karny, Dz. U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).

1. Правовое регулирование преступления изнасилования в Уголовном кодексе Польши 1997 года

Преступление изнасилования регулируется ст. 197 УК во главе XXV «Преступления против половой свободы и нравственности».

На основании ст. 197 УК наказывается:

- насилием, незаконной угрозой или обманом доведение другого человека в половой акт (ч. 1).

Насилие состоит в том, чтобы действовать с применением силы, направленной на то, чтобы жертва приняла конкретное решение, желаемое преступником, или сломала его сопротивление¹. Таким образом, это действие предотвращает (например, связывание жертвы) или подрывает (избивает жертву) сопротивление жертвы², что является проявлением несогласия жертвы с поведением преступника. Это может быть выражено различными способами, не только на словах, но и через плач, сжатые кулаки, плевки на преступника. Что важно, так это отношение жертвы, демонстрирует отсутствие согласия на конкретное поведение со стороны преступника³. Пострадавший не всегда может использовать все возможные средства защиты⁴. Однако его сопротивление должно быть реальным, видимым для преступника и недвусмысленным⁵. Незаконная угроза представляет собой как наказуемую угрозу, так и угрозу возбуждения уголовного дела или распространения сообщения об отступлении в честь лица, подвергающегося риску, или его непосредственного лица (ст. 115 ч. 12 УК). Это вызывает страх в жертве перед совершением преступления в ее ущерб. Обман «вводит в заблуждение или использует ошибку жертвы в отношении мотивов преступника». Следовательно, нет никакого обмана, когда жертва сознательно соглашается на половой акт, например, в связи с обещанием вступить в брак, которое впоследствии не было соблюдено⁶. Половой акт состоит как в классическом половом акте, так и в его суррогатах⁷, и привлечение другого человека к такому поведению означает «требование причинно-следственной связи между средствами преступника и половым актом»⁸. Действие карается лишением свободы от 2 до 12 лет.

¹ M. Filar, Rozdział XXIII. Przestępstwa przeciwko wolności [w:] M. Filar (red.), Kodeks karny. Komentarz, LexisNexis, Warszawa 2012, s. 959.

² A. Marek, Kodeks karny. Komentarz, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2007, s. 384.

³ N. Kłaczyńska, Rozdział XXV. Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] J. Giezek (red.), Kodeks karny. Część szczególna. Komentarz, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2014, s. 520.

⁴ M. Filar, Rozdział XXV. Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] M. Filar (red.), Kodeks karny. Komentarz, LexisNexis, Warszawa 2012, s. 990.

⁵ Wyrok Sądu Najwyższego z dnia 26 lipca 2001 r., V KKN 95/99, LEX nr 51671.

⁶ M. Filar, Rozdział XXV..., s. 990.

⁷ N. Kłaczyńska, op. cit., s. 519.

⁸ O. Górniok, Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] O. Górniok, S. Hoc, M. Kalitowski, S. Przyjemski, Z. Sienkiewicz, J. Szumski, L. Tyszkiewicz, A. Wąsek, Kodeks karny. Komentarz, T. I. Art. 117-363, Arche, Gdańsk 2005, s. 201.

- насилием, незаконной угрозой или обманом, приводящими к тому, что другое лицо совершает другой половой акт (ч. 2).

Другая сексуальная активность не является типичным половым актом. Он может состоять из контакта тела жертвы с жертвой, а также его отсутствия. Тем не менее, это должно вызвать сексуальную вовлеченность жертвы¹. Подчинение такому виду деятельности означает «пассивное участие в сексуальных действиях, совершаемых преступником, например, терпение прикосновения гениталиями жертвы или другими частями тела», и его выполнение может включать в себя прикосновение к гениталиям преступника, разоблачение себя, мастурбацию². Деяние наказывается лишением свободы от 6 месяцев до 8 лет.

Изнасилование, совершенное совместно с другим человеком, предполагает поведение как минимум двух человек. Они связаны между собой согласием и совместным осуществлением отдельных лиц, а также различными видами деятельности (например, один преступник применяет принудительные меры, а другой совершает половой акт)³. Изнасилование несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет называется педофильным поведением. Однако следует помнить, что если половой акт или другая сексуальная деятельность произошла с согласия несовершеннолетнего, то преступник несет ответственность за сексуальное насилие над несовершеннолетним по ст. 200 ч. 1 УК⁴. Изнасилование против самого близкого человека (ст. 115 ч. 11 УК), называется изнасилованием кровосмесительным. Деяние карается лишением свободы от 3 до 15 лет.

- совершение изнасилования (упомянутого в ч. 1-3) с особой жестокостью (ч. 4).

Особая жестокость «преступника, стремящегося заставить другого человека подчиниться проституции, может выражаться не только в физическом, но и в психологическом воздействии на этого человека»⁵. Следовательно, он определяет такое поведение как «резкое и отвратительное», а прилагательное «особый» означает его различные степени⁶, то есть высокий или очень высокий уровень насилия, жестокого обращения с жертвой⁷. Деяние карается лишением свободы от 5 до 15 лет.

Объект защиты ст. 197 Уголовного кодекса представляет собой сексуальную свободу. Это означает «свободу выбора сексуального по-

¹ A. Marek, *op. cit.*, s. 384.

² N. Kłaczyńska, *op. cit.*, s. 519 -520.

³ M. Filar, *Rozdział XXV...*, s. 991.

⁴ M. Mozgawa, *Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] M. Mozgawa (red.), Kodeks karny. Praktyczny komentarz, Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, s. 408.*

⁵ Wyrok Sądu Najwyższego z 13 kwietnia 1978 r., II KR 52/78, OSNKW 1978, nr 12, poz. 145.

⁶ M. Mozgawa, *op. cit.*, s. 409.

⁷ A. Marek, *op. cit.*, s. 387.

ведения, а также свободу выбора времени, места, формы и других обстоятельств»¹.

Субъект преступления общий. Это означает, что это может быть любой человек, независимо от пола, сексуальной ориентации, отношения к жертве (незнакомец, родственник, супруг)² или рода занятий (проститутка женского или мужского пола, а также гетеросексуальная и гомосексуальная)³. Субъектная сторона включает прямую вину.

В 1998–2013 годах преступление изнасилования преследовалось в форме заявления. Это означало, что только потерпевшая сторона могла подать заявление о возбуждении уголовного дела (заявка не могла быть отозвана), а с 2013 года⁴ оно преследуется государственным обвинением.

Информация об эволюции этого преступления будет важна для дальнейшего рассмотрения. С момента принятия Уголовного кодекса в 1997–2005 годах положение ст. 197 Уголовного кодекса состояло из трех части: ч. 1 - насильственная, незаконная угроза или обман; ч. 2 - побуждение человека к другой сексуальной активности вышеуказанными способами; ч. 3 - изнасилование с особой жестокостью или вместе с другим человеком. Однако с 2005 года⁵ предоставление ст. 197 Уголовного кодекса состоит из четырех части: ч. 1 и ч. 2 - остаются без изменений; ч. 3 - изнасилование вместе с другим человеком; ч. 4 - изнасилование с особой жестокостью. После внесения поправки в 2009 году⁶ положение ст. 197 Уголовного кодекса состоит из четырех части: ч. 1 и ч. 2 - остались без изменений; ч. 3 - изнасилование вместе с другим лицом или против несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет или против восходящего, потомкового, усыновленного, усыновителя, брата или сестры; ч. 4 - изнасилование с особой жестокостью.

2. Статистическая картина преступления изнасилования в Польше в 1999-2018 годах

После обсуждения правовых аспектов преступления изнасилования необходимо было показать его количественные характеристики. Данные представлены в таблице 1.

Как следует из данных, содержащихся в таблице 1 за анализируемый период, количество преступлений изнасилования не сформировало постоянной тенденции. Они гораздо чаще снижались (в 13 раз), и только в

¹ N. Kłączyńska, *op. cit.*, s. 518.

² M. Mozgawa, *op. cit.*, s. 408.

³ J. Warylewski, *Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] R. A. Stefański (red.), Kodeks karny. Komentarz*, Wyd. C. H. Beck, Warszawa 2018, s. 1280.

⁴ Ustawa z dnia 13 czerwca 2013 r. o zmianie ustawy – Kodeks karny oraz ustawy – Kodeks postępowania karnego, *Dz. U. z dnia 26 lipca 2013 r. poz. 849*.

⁵ Ustawa z dnia 27 lipca 2005 r. o zmianie ustawy - Kodeks karny, ustawy - Kodeks postępowania karnego i ustawy - Kodeks karny wykonawczy, *Dz. U. Nr 163, poz. 1363*.

⁶ Ustawa z dnia 5 listopada 2009 r. o zmianie ustawy — Kodeks karny, ustawy — Kodeks postępowania karnego, ustawy — Kodeks karny wykonawczy, ustawy — Kodeks karny skarbowy oraz niektórych innych ustaw, *Dz. U. Nr 206, poz. 1589*.

2000, 2002, 2006, 2010, 2016 и 2018 годах - увеличивались. Они колебались от ок. 1260 до ок. 2400 из этих актов в год. Поэтому они были на низком уровне. Точно так же их доля в общем количестве преступлений, обнаруженных в нашей стране, была незначительной. Он варьировался от 0,13% до 0,19%. Такая низкая динамика и незначительная доля этого преступления обусловлены следующими причинами: нежелание жертв сообщать о факте его совершения, вызванное стыдом или страхом перед лицом, совершившим преступление, и страхом вторичной виктимизации. Такое поведение жертв в течение многих лет также определялось выводом, что способ преследования зависел только от них. Следовательно, это преступление характеризуется высокой латентностью.

Таблица № 1 Динамика зарегистрированных преступлений изнасилования в Польше в 1999-2018 гг.

Год	Общее количество зарегистрированных преступлений	Количество зарегистрированных преступлений изнасилования (ст. 197 ч. 1-4 Уголовного кодекса)	%
1999	1121545	2089	0,19
2000	1266910	2399	0,19
2001	1390089	2339	0,17
2002	1404229	2345	0,17
2003	1466643	2322	0,16
2004	1461217	2176	0,15
2005	1379962	1987	0,14
2006	1287918	2001	0,16
2007	1152993	1827	0,16
2008	1082057	1611	0,15
2009	1129577	1530	0,14
2010	1138523	1567	0,14
2011	1159554	1497	0,13
2012	1119803	1432	0,13
2013	1061239	1362	0,13
2014	867855	1249	0,14
2015	799779	1144	0,14
2016	748459	1383	0,18
2017	753963	1262	0,17
2018	768049	1391	0,18

Источник: <http://www.statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/121940,Przestepstwa-ogolem.html> oraz <http://www.statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przestepstwa-przeciwko-6/63496,Zgwalcenie-art-197.html> и собственные расчеты.

Затем необходимо было показать уровень выявления изнасилования, на фоне общей раскрываемости преступлений в Польше. Данные представлены в таблице 2.

Данные, содержащиеся в таблице 2, показывают, что в анализируемом периоде процент выявления преступлений изнасилования оставался на высоком уровне. Чаще всего это было более 80% (за исключением периода 2014-2015 гг. - более 70%). На него повлияла процедура судебного преследования за это деяние, которая привела к тому, что очень часто после сообщения жертвы о преступлении полиция подтверждала факт его совершения. Поскольку преступники часто были известны жертве, отсюда и высокий уровень раскрываемости.

Таблица № 2 Раскрытие преступлений, связанных с изнасилованием, на фоне общей раскрываемости преступлений в Польше в 1999–2018 годах

Год	% раскрываемости преступлений в Польше	% раскрытых преступлений изнасилования
1999	45,0	83,7
2000	47,8	85,9
2001	53,8	83,9
2002	54,9	85,3
2003	55,5	85,7
2004	56,2	82,7
2005	58,6	84,1
2006	62,4	82,7
2007	64,6	84,2
2008	65,9	81,1
2009	67,1	82,6
2010	67,9	82,3
2011	68,7	80,1
2012	67,8	83,3
2013	67,0	84,1
2014	65,2	78,1
2015	64,7	77,6
2016	65,5	80,5
2017	71,7	82,7
2018	74,23	85,2

Источник: <http://www.statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/121940,Przestepstwa-ogolem.html> oraz <http://www.statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/przestepstwa-kryminalne/63470,Przestepstwa-kryminalne-ogolem.html>.

3. Судебная практика польских судов в отношении лиц, виновных в изнасиловании

Впоследствии должна быть показана судебная практика польских судов, применяемых к лицам, виновным в изнасиловании. Данные представлены в таблицах 3-7.

Как следует из таблицы 3 в анализируемом периоде, количество осужденных за преступления против половой свободы и порядочности (то есть

изнасилование, использование беспомощности, злоупотребление зависимостью, сексуальные отношения с несовершеннолетними, запрещенный контакт с несовершеннолетними, запрет на публичное продвижение педофильного поведения, кровосмешение, распространение порнографии, принуждение к проституции и сутенерство) не показывает постоянной тенденции. Чаще всего они показали снижение (в 10 раз), а в 6 раз (2003–2004, 2008–2009, 2016, 2018) - увеличение. Они колебались от примерно 1660 до примерно 2500 осужденных в год. Их доля в общей структуре преступности составляла от 0,4% до 0,8%. Так он был на низком уровне.

Таблица № 3 Количество осужденных за преступления против половой свободы и порядочности по сравнению с общим числом осужденных в Польше в 2002-2018 годах

Год	Общее количество осужденных	Количество осужденных за преступления против половой свободы и порядочности	%
2002	365326	1682	0,46
2003	415933	1807	0,43
2004	513410	2538	0,49
2005	504281	2315	0,46
2006	462937	2032	0,44
2007	426377	1851	0,43
2008	420729	2259	0,54
2009	415272	2266	0,55
2010	432891	2117	0,49
2011	423464	1880	0,44
2012	408107	1870	0,46
2013	353208	1798	0,51
2014	295353	1700	0,58
2015	260034	1661	0,64
2016	289512	1870	0,65
2017	241436	1824	0,76
2018	275768	1914	0,69

Источник: Skazania prawomocne – doróśli – z oskarżenia publicznego – w latach 2002-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Данные, содержащиеся в таблице 4, указывают что в анализируемом периоде число осужденных за изнасилование имело тенденцию к снижению (за исключением 2003–2004, 2008, 2012 и 2016 годов). Они варьировались от ок. 630 до ок. 1250 осужденных в год, а в последние годы - на уровне выше 600. На фоне двенадцати преступлений против сексуальной свободы и порядочности доля осужденных за изнасилование в анализируемом периоде составляла от ок. 33% до ок. 57%, а с 2008 года она была ниже - 40% .

Таблица № 4 Количество осужденных за изнасилование на фоне количества преступлений против половой свободы и порядочности в 2002-2018 годах

Год	Количество осужденных за преступления против половой свободы и порядочности	Количество осужденных за изнасилование по ст. 197 Уголовного кодекса	%
2002	1682	961	57,1
2003	1807	986	54,6
2004	2538	1252	49,3
2005	2315	1125	48,6
2006	2032	856	42,1
2007	1851	815	44,0
2008	2259	879	38,9
2009	2266	847	37,4
2010	2117	770	36,4
2011	1880	699	37,2
2012	1870	719	38,4
2013	1798	701	39,0
2014	1700	651	38,3
2015	1661	643	38,7
2016	1870	684	36,6
2017	1824	645	35,4
2018	1914	633	33,1

Источник: Skazania prawomocne – dorosli – z oskarzenia publicznego – w latach 2002-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Приступая к анализу таблицы 5, следует помнить о поправках к ст. 197 УК в 2005 году (введение ч. 4 после разделения на два ч. 3) и в 2009 году (расширение ч. 3).

Как следует из данных, содержащихся в таблице № 5, количество осужденных по ст. 197 ч. 1 УК, в анализируемом периоде оставались в пределах от 368 до 820, демонстрируя в последние годы снижение примерно до 300-400. Их доля в общем количестве изнасилований в течение многих лет оставалась на одном уровне, т.е. около 60%. Количество осужденных по ст. 197 ч. 2 УК колебалось между 90 и 160. Их доля в общем количестве изнасилований остается в диапазоне от примерно 10% до примерно 20%. Количество осужденных по ст. 197 ч. 3 УК оставалась в пределах от 110 до 335, а в последние годы их число превысило 100. Оно позволило сформировать долю в структуре изнасилования на уровне примерно от 13% до 34%. Количество осужденных по ст. 197 ч. 4 УК колебалось на уровне от нескольких до нескольких (от 3 до 16).

Таблица № 5 Число осужденных за изнасилование в разбивке на отдельные деяния (ст. 197 ч. 1-4 Уголовного кодекса) в Польше в 2002–2018 годах

Год	Количество осужденных за изнасилование по ст. 197 ук	Ст. 197 ч. 1 ук	%	Ст. 197 ч. 2 ук	%	Ст. 197 ч. 3 ук	%	Ст. 197 ч. 4 ук	%
2002	961	559	58,2	87	9,1	315	32,8	-	-
2003	986	545	55,3	106	10,8	335	34,0	-	-
2004	1252	821	65,6	152	12,1	279	22,3	-	-
2005	1125	737	65,5	141	12,5	247	22,0	0	0
2006	856	558	65,2	144	16,8	154	18,0	0	0
2007	815	509	62,5	159	19,5	147	18,0	0	0
2008	879	573	65,2	154	17,5	144	16,4	8	0,91
2009	847	560	66,1	160	18,9	111	13,1	16	1,89
2010	770	502	65,2	133	17,3	131	17,0	4	0,52
2011	699	462	66,1	113	16,2	113	16,2	11	1,57
2012	719	437	60,8	137	19,1	142	19,7	3	0,42
2013	701	421	60,1	130	18,5	141	20,1	9	1,28
2014	651	402	61,8	118	18,1	120	18,4	11	1,69
2015	643	385	59,9	105	16,3	140	21,8	13	2,02
2016	684	400	58,5	127	18,6	151	22,1	6	0,88
2017	645	393	60,9	126	19,5	122	18,9	4	0,62
2018	633	368	58,1	139	21,9	120	18,9	6	0,95
Вместе	13866	8632	60,2	2231	15,8	2912	18,8	91	0,79

Источник: Skazania prawomocne – dorozli – z oskarzenia publicznego – w latach 2002-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.
 „-” означает отсутствие ч. 4 в ст. 197 Уголовного кодекса

За анализируемый период осуждено 8 264 виновных в изнасиловании по ст. 197 ч. 1 УК (в среднем 62,4% всех обвинительных приговоров за это преступление), значительно меньше, т.е. 2 792 из ст. 197 ч. 3 УК (21,1%) и еще меньше ст. 197 ч. 2 УК, т. е. 2092 (15,8%) и меньше всего из ст. 197 ч. 4 УК, т.е. 85 (0,64%).

Данные, содержащиеся в таблице 6, показывают, что в отношении совершителей изнасилования чаще всего суды наказывали лишение свободы. Это затронуло от 580 до 880 человек, что составляет от 91 до 100%. Доля смешанных штрафов не показывает устойчивой тенденции.

Как следует из Таблицы 7 в анализируемом периоде, наиболее распространенным приговором было лишение свободы на 2 года (2 334 осужденных), затем от 3 до 5 лет (1 317 осужденных) и 3 года (852 осужденных). Помня о том, что преступникам угрожает лишение свободы от 2 до 12 лет (§ 1), от 6 месяцев до 8 лет (§ 2), от 3 лет до 15 лет (§ 3), от 5 лет до 15 лет (§ 4) и суды, как правило, осуждают § 1, поэтому назначенные наказания являются низкими.

Таблица № 6 Наказания, вынесенные осужденным за изнасилование в Польше в 2008–2018 годах

Год	Количество осужденных за изнасилование по ст. 197 Ук	Штраф	%	Ограничение свободы	%	Лишение свободы	%	Смешанный штраф ¹	%
2008	879	1	0,11	0	0,00	877	99,8	-	-
2009	847	0	0,00	0	0,00	847	100,0	-	-
2010	770	1	0,13	0	0,00	769	99,9	-	-
2011	699	2	0,29	0	0,00	687	98,3	-	-
2012	719	2	0,28	1	0,14	716	99,6	-	-
2013	701	1	0,14	0	0,00	700	99,9	-	-
2014	651	0	0,00	1	0,15	650	99,8	-	-
2015	643	2	0,31	1	0,16	636	98,9	5	0,78
2016	684	3	0,44	6	0,88	651	95,2	24	3,51
2017	645	3	0,47	6	0,93	590	91,5	46	7,13
2018	633	6	0,97	8	1,26	584	92,2	35	5,53

Источник: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.
 „- „ означает, что это наказание отсутствует в Уголовном кодексе

Подводя итоги, следует отметить, что сфера правового регулирования изнасилования, предусмотренная в Уголовном кодексе Польши, в принципе является приемлемой. Он четко наказывает за различные запрещенные действия преступника, нарушающие близость жертвы. Можно только обвинить чрезмерную казуистику положения, особенно в результате введения видов преступлений в форме изнасилования педофилом и кровосмешения. Изменение процедуры заявки в публичную жалобу, принятой в 2013 году, предназначенной для сокращения безнаказанности насильников, не принесло значительных результатов.

В анализируемом периоде количество зарегистрированных изнасилований чаще всего показало снижение и увеличение их раскрываемости, что оказывает успокаивающее воздействие на общество. Также наблюдается снижение доли осужденных за изнасилование в отношении других преступлений против половой свободы и порядочности (около 40%). Убеждения в основном типе этого акта доминируют. Несмотря на изменения, внесенные в

¹ Смешанное наказание (лишение свободы + ограничение свободы) действует в Польше с 2015 года. На основании ст. 37b Уголовного кодекса "в случае, связанном с преступлением, наказуемым лишением свободы, независимо от нижнего предела установленной законом угрозы для данного акта, суд может также назначить лишение свободы на срок не более 3 месяцев, а если верхний предел установленной законом угрозы составляет не менее 10 лет - 6 месяцев и наказание в виде ограничения свободы до 2 лет."

2009 году, ни число осужденных, ни их участие в структуре изнасилования существенно не повлияли на эти цифры. Можно констатировать, что уголовная политика, проводимая польскими судами, довольно либеральна, поскольку наказания обычно колеблются вокруг нижнего предела криминальной угрозы, предусмотренной для этого преступления.

Таблица № 7 Наказание в виде лишения свободы осужденным за изнасилование в Польше в 2008-2018 годах

Год	1 месяц	2 месяца	3 месяца	4 – 5 месяцев	6 месяцев	7-11 месяцев	1 год	>1 год– <2 года	2 года	>2 –<3 года	3 года	>3 - 5 лет	>5-8 лет	>8-10 лет	>10-15 лет	Пожизненное лишение свободы
2008	1	2	10	24	43	72	303	74	111	164	57	10	1	0	5	1
2009	0	1	1	2	13	20	40	78	304	65	89	156	62	13	3	0
2010	0	1	3	4	9	28	40	59	276	53	103	142	39	8	4	0
2011	0	0	1	0	6	20	27	41	261	61	81	143	42	12	2	0
2012	0	3	1	3	7	26	37	53	234	59	89	145	42	14	3	0
2013	0	1	0	2	8	26	37	31	244	55	103	135	49	6	3	0
2014	0	2	0	0	15	22	32	32	253	62	73	97	42	11	9	0
2015	0	0	1	2	11	24	39	38	231	45	60	120	46	13	5	0
2016	0	0	1	0	11	33	77	22	194	64	57	124	51	12	5	0
2017	0	0	0	0	15	40	76	23	118	62	66	133	44	5	8	0
2018	0	0	0	0	20	37	85	26	108	62	74	112	39	14	7	0
Вместе	1	10	18	37	158	348	793	477	2334	752	852	1317	457	108	61	1

Источник: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Однако следует подчеркнуть, что для лица, совершившего изнасилование, важно поймать его и приговорить к тюремному заключению, а также лечить во время и после вынесения приговора. Это касается как терапевтического ограничения его сексуальных расстройств, так и коррекции насильственного поведения. Только тогда можно говорить об успехах осужденных за изнасилование, если наступит уменьшение проблем в обеих сферах.

Список литературы

1. Filar M., Rozdział XXIII. Przestępstwa przeciwko wolności [w:] M. Filar (red.), Kodeks karny. Komentarz, LexisNexis, Warszawa 2012.
2. Filar M., Rozdział XXV. Przestępstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] M. Filar (red.), Kodeks karny. Komentarz, LexisNexis, Warszawa 2012.

3. Górniok O, Przepęstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] O. Górniok, S. Hoc, M. Kalitowski, S. Przyjemski, Z. Sienkiewicz, J. Szumski, L. Tyszkiewicz, A. Wąsek, Kodeks karny. Komentarz, T. I. Art. 117-363, Arche, Gdańsk 2005.
4. Kłaczyńska N., Rozdział XXV. Przepęstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] J. Giezek (red.), Kodeks karny. Część szczególna. Komentarz, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2014.
5. Marek A. , Kodeks karny. Komentarz, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2007.
6. Mozgawa M, Przepęstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] M. Mozgawa (red.), Kodeks karny. Praktyczny komentarz, Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010.
7. Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego – w latach 2002-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/>.
8. Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przepęstw i wymiaru kary w latach 2008-2018, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/>.
9. Statystyka przepęstw, <http://www.statystyka.policja.pl/st/przepęstwa-ogolem/121940,Przepęstwa-ogolem.html>.
10. Statystyka przepęstw, <http://www.statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przepęstwa-przeciwko-6/63496,Zgwalcenie-art-197.html>.
11. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks karny, Dz. U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).
12. Ustawa z dnia 27 lipca 2005 r. o zmianie ustawy - Kodeks karny, ustawy - Kodeks postępowania karnego i ustawy - Kodeks karny wykonawczy, Dz. U. Nr 163, poz. 1363.
13. Ustawa z dnia 5 listopada 2009 r. o zmianie ustawy — Kodeks karny, ustawy — Kodeks postępowania karnego, ustawy — Kodeks karny wykonawczy, ustawy — Kodeks karny skarbowy oraz niektórych innych ustaw, Dz. U. Nr 206, poz. 1589.
14. Ustawa z dnia 13 czerwca 2013 r. o zmianie ustawy – Kodeks karny oraz ustawy – Kodeks postępowania karnego, Dz. U. z dnia 26 lipca 2013 r. poz. 849.
15. Warylewski J., Przepęstwa przeciwko wolności seksualnej i obyczajności [w:] R. A. Stefański (red.), Kodeks karny. Komentarz, Wyd. C. H. Beck, Warszawa 2018.
16. Wyrok Sądu Najwyższego z 13 kwietnia 1978 r., II KR 52/78, OSNKW 1978, nr 12, poz. 145.
17. Wyrok Sądu Najwyższego z dnia 26 lipca 2001 r., V KKN 95/99, LEX nr 51671.

**Социально-правовая обусловленность противодействия преступности,
как элемент современной уголовной политики:
доктринально-прикладное содержание**

Аннотация: Поступательная модернизация уголовной политики как в области противодействия традиционным деяниям, так и возникающим новым, ранее не известным криминальным явлениям, требует переоценки социально-правовой обусловленности борьбы с преступностью. В статье предпринята попытка демонстрации имеющихся сегодня в доктрине, раскрывающих сущность социально-правовой обусловленности противодействия общественно-опасным деяниям. На основе их исследования предложены ее концептуально-методологические отличительные черты.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие, социально-правовая обусловленность, преступность, государство.

**Fight Against Crime: Social and Legal Predicament
as an Element Of Modern Criminal Policy**

Abstract. The ongoing modernization of the criminal policy both in the field of counteracting old crimes and new, previously unknown criminal phenomenon, requires a reassessment of the social and legal consequences of the fight against crime. The article demonstrates actual doctrine that reveals the essence of the socio-legal conditionality of fight against crime. Author proposes conceptually and methodologically distinctive features of that predicament.

Keywords: criminal policy, opposition, social and legal conditionality, crime, state.

Вопросом социальной и правовой обусловленности противодействия различным видам девиантно-криминального поведения серьезно озадачен современный научный мир, а также представители законотворческих, правоприменительных и судебных органов¹. Это подтверждается значительным объемом научных работ различного уровня и формата, количество которых ежегодно увеличивается².

¹ Особо активно и широко вопросы социально-правовой обусловленности обсуждались на X Российском конгрессе уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2016 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, – 2016.

² См.: Кириллов М.А. Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2002. – С. 5; Тенчов Э.С. Охрана собственности – институт уголовного права: социальная обусловленность, структура, функционирование: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – Иваново, 1990. – С. 8; Кирюшкин М.В. Социальная обусловленность уголовного наказания: дисс. ...

Проведение исследования социально-правовой обусловленности противодействия преступности продиктована, в том числе и положениями паспорта научной специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Однако, в доктрине, к сожалению, отсутствует единое мнение как о содержании социальной обусловленности и ее влиянии на развитие уголовного права в целом и уголовного законодательства в частности, так и ее юридико-технической интерпретации.

Учитывая взятую для исследования область научного познания, сопряженную с преступной деятельностью, первый подход, с которым мы столкнулись, апеллирует термином «социальная обусловленность» при обосновании криминализации общественно опасных форм поведения¹. Главным концептом отмеченного приема является использование отмеченного социально-правового явления как главного инструмента и аргумента в обосновании отнесения того или иного деяния к преступному. Но с нашей точки зрения, рассматриваемая научная позиция сужает как содержание, так и значение социальной обусловленности в противодействии преступности.

В этой связи в доктрине имеется и иной, более широкий подход, в рамках которого отмеченный социально-правовой феномен рассматривается через институт уголовной ответственности². В целом поддерживая заявленную выше позицию, подчеркнем, что она опять же не раскрывает весь объем, то есть целостное содержание социальной обусловленности. Связано это с тем что, она жестко ограничена рамками уголовной ответственности, имеющей свое начало и окончание³, что также с нашей точки зрения частично занижает

канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 1999. – С. 26.; Юрков С.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2012. – С. 13; Семенов Т.В. Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: социальная обусловленность и законодательное конструирование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2016. – С. 5 и т.д.

¹ Лукьянова И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности / И.В. Лукьянова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал / Рос. правовая акад., Калуж. фил. – Калуга: Политоп, – 2004. – 189 с. Библиогр.: С. 172–189.; Зацепин А.М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2010. – С 6 и др.

² Семенов В.Р. Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Орел, 2013. – С. 11; Вакутин А.А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2013. – С. 8 и др.

³ Так, наиболее распространенной точкой зрения по моменту начала уголовной ответственности является факт совершения преступления (См.: Уголовное право России. Общая часть: курс лекций / под ред. А.П. Кузнецова; Е.Е. Черных. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 464), а окончания – с момента прекращения уголовно-правовых отношений, то есть зависит от формы реализации уголовной ответственности (См.: Сверчков В.В. Уголовное

тот потенциал, который сегодня должен быть заложен в социальную обусловленность противодействия преступности.

Представители следующей точки зрения, рассматривая выделяемую нами категорию, раскрывая ее концептуальную сущность, акцентируют внимание на социуме, то есть потребности общества в защите наиболее значимых благ инструментами уголовно-правового содержания¹. И эта научная позиция также заслуживает внимания. Она буквально вытекает из толкования социальной обусловленности, а также отражает идею современного уголовного законодательства, сосредоточенного на охране важнейших общественных отношений, где интересы социума стоят на одном из приоритетных мест.

Есть еще одна позиция в поддержку социального зерна рассматриваемого направления. Учитывая, что современный курс уголовной политики общественно ориентирован, социальная обусловленность уголовно-правовых запретов должен строиться не на идее «общество основывается на законе», а наоборот «закон основывается на обществе». Объясняется это тем, что в правовом, демократическом государстве закон выступает в качестве выражения общих интересов и потребностей, не допускающих произвола отдельных субъектов².

Поляризация подходов в области определения сущностных характеристик социальной обусловленности противодействия преступности, а также используемого понятийного инструментария, ее определяющего, указывает не только на наличие на площадке научного сообщества дискуссии, находящейся сегодня в активной фазе, но и на высокий уровень значимости данного доктринально-прикладного инструмента, обосновывающего содержание уголовно-правового противодействия преступности.

Причинами такой неопределенности могут выступать, во-первых, терминологический инструментарий, используемый для обозначения, затронутого нами направления; во-вторых, этимологическое содержание терминов, используемых при его формулировании.

В частности, в научных трудах прошлых лет и современности, использовались и используются разных интерпретации, характеризующие обусловленность борьбы с преступностью. Например, академик В.Н. Кудрявцев, в одной из своих работ, посвященных роли уголовного права в системе государственной политики, указывал на социальную обусловленность уголовно-правового запрета, в разрезе установления критериев криминализации и де-

право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2013).

¹См.: Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – С. 14.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд. второе. Т. 6. Государственное издательство политической литературы. – М., 1957. – С. 259.

криминализации¹. В этой связи, заложив одно из направлений обоснованности уголовно-правовой охраны, особо значимых групп отношений, значительное количество ученых-современников продолжили использовать предложенный В.Н. Кудрявцевым термин². Профессор М.А. Кириллов, являющийся представителем нижегородской научной школы, в рамках подготовки диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук, также стал приверженником такого подхода³.

С нашей точки зрения предложенная позиция является наиболее универсальной и унифицированной, тем самым создавая предпосылки для безграничного исследования в целом всего механизма обусловленности противодействия преступности. Однако, глубочайшая переоценка ценностей, произошедшая в начале 90-х годов прошлого века, задекларировавшая в качестве главного регулятора общественных отношений – норму права, повлекла за собой модернизацию не только самого курса национальной политики в области борьбы с преступностью, но и разработку, а также принятие инновационного в тот момент Уголовного кодекса РФ. Новый государственно-правовой тренд, поставивший во главу угла право, как регулятора общественных отношений, повлек за собой и модернизацию механизмов обусловленности в борьбе с преступностью. Это повлекло за собой и методологические изменения в терминологических инструментах, обуславливающих такой процесс. Именно поэтому, все чаще и чаще мы видим использование такого понятия как «социально-правовая обусловленность»⁴. Мы полностью разделяем данную позицию, и подчеркнем, что она вытекает и уточняет подход, реализуемый в советской уголовно-правовой науке, акцентируя внимание тем самым на следующих ее концептуально-методологических отличительных чертах.

Во-первых, противодействие преступности возможно исключительно правовыми средствами и в целях защиты взятых под охрану уголовным зако-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1995. – С. 3–20.

² Например, См.: Кирюшкин М.В. Социальная обусловленность уголовного наказания: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 1999. – С. 26; Бобровский И.В. Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 1996. – С. 3.

³ Кириллов М.А. Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2002. – С. 5.

⁴ См.: Никифоров А.В. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 12. – С. 36–38; Цыркалюк А.А. Социально-правовая обусловленность доведения до самоубийства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (93). – С. 347–350; Дмитренко А.П., Рускевич Е.А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы Межведомственного круглого стола / под ред. Г.В.Ищука, Е.Н.Билоуса, А.В.Ковалева, Г.С.Шкабина. – 2016. – С. 50–57 и др.

ном благ и ценностей, что и определяет правовую сущность выделяемого нами направления.

Во-вторых, с учетом того, что право выступает в качестве основного и единственного регулятора общественных отношений, в том числе и в уголовно-правовой материи, социальная сущность борьбы с преступностью является неотъемлемой частью современной уголовной политики, демонстрируя таким образом ее тренд.

Список литературы

1. *Авдалян М.Э.* Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – 199 с.

2. *Бобровский И.В.* Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 1996. – 24 с.

3. *Вакутин А.А.* Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2013. – 220 с.

4. *Дмитренко А.П., Русскевич Е.А.* Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы Межведомственного круглого стола / под ред. Г.В.Ищука, Е.Н.Билоуса, А.В.Ковалева, Г.С.Шкабина. – 2016. – С. 50–57.

5. *Зацепин А.М.* Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2010. – 199 с.

6. *Кириллов М.А.* Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2002. – 241 с.;

7. *Кирюшкин М.В.* Социальная обусловленность уголовного наказания: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 1999. – 175 с.;

8. Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2016 г.) / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, – 2016. – 568 с.

9. *Кудрявцев В.Н.* Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1995. – С. 3–20.

10. *Лукиянова И.В.* Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности / И.В. Лукиянова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал / Рос. правовая акад., Калуж. фил. – Калуга: Политоп, – 2004. – 189 с. Библиогр.: С. 172–189.

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: изд. второе. Т. 6. Государственное издательство политической литературы. – М., 1957. – С. 259.
12. *Никифоров А.В.* Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008.– № 12. – С. 36–38;
13. *Сверчков В.В.* Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 589 с.
14. *Семенов В.Р.* Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Орел, 2013. – 214 с.;
15. *Семенов Т.В.* Уголовно-правовые запреты в сфере корпоративных отношений: социальная обусловленность и законодательное конструирование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2016. – 221 с.
16. *Тенчов Э.С.* Охрана собственности – институт уголовного права: социальная обусловленность, структура, функционирование: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – Иваново, 1990. – 332 с.
17. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций / под ред. А.П. Кузнецова; Е.Е. Черных. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 568 с.
18. *Цыркалюк А.А.* Социально-правовая обусловленность доведения до самоубийства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (93). – С. 347–350;
19. *Юрков С.А.* Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2012. – 223 с.

Мальшева Ю.Ю.

Мнимая криминализация и уголовная политика: актуальные вопросы

Аннотация: статья посвящена мнимой криминализации как одному из существенных недостатков уголовной политики. Сегодня криминализация является одним из важнейших направлений уголовной политики и мощным инструментом в руках законодателя, поэтому мнимая криминализация – это дефект уголовной политики, заключающийся в конструировании уголовно-правовых норм, иллюзорно устанавливающих ответственность за совершение каких-либо деяний, дублирующих существующие идентичные нормы.

Ключевые слова: криминализация; мнимая криминализация; уголовная политика.

Fictitious Criminalization and Crime Policy: Relevant Issues

Abstract: Fictitious criminalization is the phenomenon of the criminal policy that appears in a form of illusory establishing responsibility for committing deeds that are already described in the existing identical norms. Today criminalization is

one of the critical areas of state policy towards crime and a powerful tool in the hand of the legislation. The author considers fictitious criminalization one of the significant disadvantages of the modern criminal policy.

Keywords: criminalization, fictitious criminalization, criminal policy.

Под криминализацией в уголовном праве принято понимать «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»¹. В ходе криминализации происходит трансформация деяния, правомерного ранее или противоправного, но уголовно наказуемого, в преступление с закреплением соответствующих признаков его состава. Результатом подобной трансформации является появление в уголовном законе нормы, описывающей объективные и субъективные составляющие не существовавшего прежде состава преступления.

Сказанное позволяет констатировать, что криминализация – это одно из важнейших векторов уголовной политики, мощный инструмент в руках законодателя, который должен его использовать, опираясь на научно разработанные и обоснованные постулаты.

Представляется, что по своей сущности криминализация может быть реальной и мнимой. Реальная криминализация заключается в действительном появлении нормы, содержащей уголовно-наказуемое деяние, которое ранее таковым не являлось.

Например, новеллой уголовного законодательства стало введение в Уголовный кодекс в июле 2019 года РФ ст. 124¹ УК РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи», которая предполагает воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, влекущая в качестве последствий неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью пациента в ч.1 данной статьи, либо смерть пациента по неосторожности. Данная уголовно-правовая норма появилась неслучайно, криминализация является реальной, поскольку частыми для медицинской практики Российской Федерации и в частности Республики Татарстан оказываются случаи невыполнения предписаний врачей, либо отказ от лечения самим пациентом либо родителями несовершеннолетнего больного без какой бы то ни было видимой причины. Также появилась ответственность за несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ), занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ (ст. 274¹ УК РФ).

С точки зрения русского языка слово «мнимый» означает: 1)воображаемый, кажущийся. 2) притворный, ложный². Следовательно, мни-

¹ Коробеев.А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток. 1987. С.59.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва «Русский язык». – 1986. – С. 305.

мая криминализация заключается в кажущейся необходимости и непосредственном появлении уголовно наказуемого деяния. При этом объективно происходит конструирование статьи Особенной части УК, где обрисовываются признаки как бы появившегося состава преступления, и создаётся иллюзия установление уголовной ответственности за совершение данного деяния. В действительности уголовная ответственность за его совершение существовала и ранее. Поэтому по сути, мнимая криминализация – это отсутствие таковой. Парадокс заключается в том, что она влечёт юридико-правовые последствия, оказывая влияние на квалификацию преступления, а также на вид и размер назначаемого наказания. Для иллюстрации сказанного обратимся к следующему примеру. В 2011 г. появилась ст. 291¹ УК РФ, мнимо регламентирующая ответственность за посредничество во взяточничестве. В тексте настоящей статьи способствование означает ни что иное как оказание помощи, т.е. действия посредника являются пособничеством в получении или даче взятки, что до появления указанной нормы квалифицировалось по ч. 5 ст. 33 и ч.1 ст. 290 (при отсутствии квалифицирующих признаков) и (или) по ч.5 ст. 33 и ч.1 ст. 291 УК РФ. В этой связи появление в уголовном законе ст. 291¹ УК РФ выглядит непонятным шагом, демонстрирующим наличие явного недостатка именно уголовной политики – мнимой криминализации.

В рамках законодательной деятельности возможно также и искусственное увеличение объёма криминализации за счёт дробления одного состава преступления на несколько новых, что, безусловно, свидетельствует о мнимости произведённой криминализации. К примеру, изначально была установлена уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых незаконным путём (ст. 174 УК РФ). В 2001 г. вместо данной статьи появились две новые: ст. 174 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ. Странность подобного законодательного решения очевидна. Ничем, кроме субъекта преступления, вновь созданные составы не отличаются, располагая одинаковыми квалифицирующими признаками и одинаковой наказуемостью основных и квалифицированных составов. Поэтому обоснованной представляется идея авторов научного проекта УК РФ унифицировать рассматриваемые нормы, вернувшись к первоначальной редакции ст. 174 УК РФ.

В настоящее время тенденция к осуществлению мнимой криминализации продолжает усиливаться. Она происходит посредством закрепления новых статей в Особенной части УК РФ, которые лишь увеличивают объём законодательного материала, не расширяя сферу уголовно наказуемых посягательств.

Конструирование специальных норм в некоторых случаях можно рассматривать как мнимую криминализацию. К примеру, в 2012 году УК РФ был дополнен нормами, устанавливающими ответственность за специальные виды мошенничества. По справедливому утверждению Н.А. Лопашенко, выделение новых видов мошенничества было произведено исключительно по казуистическому принципу, только за счёт обращения внимания на отдельные разновидности

ности хозяйственной деятельности¹. К сожалению, несмотря на надежду законодателя повысить тем самым эффективность противодействия мошенничеству и снизить число квалификационных ошибок, редакция специальных уголовно-правовых норм о мошенничестве оказалась недостаточно удачной.

Уверены, что подобное дробление ответственности за мошенничество представляется явно излишним, и при желании законодателя подобным образом можно поступить с любым составом. Главный вопрос: зачем? Тем более, что санкции новых видов мошенничества частично совпадают с санкциями «классического» мошенничества либо являются менее строгими, что свидетельствует, по сути, о создании привилегированных составов мошенничества. Поэтому вполне справедливо, что появление ст. 159¹ -159⁶ подверглось обоснованной критике.

Следовательно, по нашему мнению, отличие специальной нормы от нормы, закрепляющей мнимую криминализацию, заключается в том, что специальная норма всегда обладает одинаковым признаком с общей по отношению к ней норме.

К сожалению, мнимая криминализация как навязчивый коронавирус продолжает заражать текст уголовного закона, делая его слабым с точки зрения законодательной техники и раздутым с точки зрения экономии законодательного материала. В частности, речь идёт о ч.1¹ ст. 212 УК РФ (подстрекательство к массовым беспорядкам), ч.1 ст. 173² УК РФ (фактическое пособничество), ч.5 ст. 184 УК РФ (фактическое пособничество), ст. 204¹ УК РФ (закрепляет ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение целостности РФ, что является частым случаем публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности – ст. 280 УК РФ), ст. 325 УК РФ (фактическое приготовление). Следует отметить, что изложенный перечень примеров мнимой криминализации не является полным.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что мнимая криминализация – это дефект уголовной политики, заключающийся в конструировании уголовно-правовых норм, иллюзорно устанавливающих ответственность за совершение каких-либо деяний, но, по сути, дублирующих существующие идентичные нормы.

Список литературы

1. *Коробеев.А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. - Владивосток. 1987.
2. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2015.- Т.9. -№3.-С. 508.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - Москва «Русский язык». 1986.

¹Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. -2015.- Т.9. -№3.-С. 508.

Реализация уголовно-правовой политики через применение уголовного закона

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации уголовно-правовой политики через применение уголовного закона, выявление потребности в реализации права, установление фактических обстоятельств, установление нормы права, принятие решения о реализации права, проверка исполнения решения. Акцентируется внимание на том, что реализация уголовно-правовой политики через применение уголовного закона представляет собой один из основных видов реализации, который осуществляет наибольшее влияние на общественное правосознание.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовный закон, реализация права.

Implementation of the Criminal Law Policy through the Application of the Criminal Law

Abstract. The article discusses the implementation of the criminal law policy through the application of the criminal law, identifying the need to exercise the law, establishing factual circumstances, establishing the rule of law, making a decision on the implementation of the law, checking the implementation of the decision. Attention is focused on the fact that the implementation of the criminal law policy through the application of the criminal law is one of the main types of implementation, which has the greatest impact on public conscience.

Keywords: criminal law policy, criminal law, realization of law

Решение комплекса задач, связанных с развитием правового государства, вызывает, прежде всего, проблему разработки фундаментальных теоретических понятий и подходов. Среди чрезвычайно широкого комплекса вопросов, которые стоят в этом ряду, одно из ведущих мест занимает разработка теоретических основ борьбы с преступностью.

Важное место в этой сфере принадлежит уголовно-правовой политике, которая определяет основные параметры объекта воздействия и является системообразующим элементом всей политики в сфере борьбы с преступностью.

Теоретические основы уголовно-правовой политики были заложены в XIX столетии в трудах выдающихся ученых криминалистов Ферри, Листа, Принса, Гарда.

Еще М.П. Чубинский отмечал: «Кто первый применил термин «уголовная политика» – в науке не установлено... Уже в 1804 году Фейербах говорил об уголовной политике как о понятии существующем»¹.

¹ Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Изд. 2-ое. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912.– С. 64.

Особое место в развитии теории уголовной политики в целом и уголовно-правовой политики, в частности, принадлежит Г.М. Миньковскому, который в 1979 году возглавил первую в Советском Союзе специализированную кафедру уголовной политики и уголовного права Академии МВД СССР. Его идеи легли в фундамент современных взглядов на содержание и перспективы развития уголовной политики. Г.М. Миньковский особенно подчеркивал необходимость «...определения места уголовной политики в системе государственной политики как крупномасштабного направления деятельности государства, цели, задачи борьбы с преступностью в современный период и ее адекватные способы, средства и формы»¹.

Применение норм закона об уголовной ответственности является одной из главных проблем уголовно-правовой политики, с которой непосредственно связано много важных моментов: уголовно-правовые отношения, уголовная ответственность, ее основания и прочее. Применение является одной из стадий реализации закона об уголовной ответственности, среди которых можно выделить: выявление потребности в реализации права, установление фактических обстоятельств, установление нормы права, принятие решения о реализации права, доведение решения до сведения заинтересованных субъектов, проверка исполнения решения.

Добровольное соблюдение норм закона об уголовной ответственности без какого-либо вмешательства со стороны общества и государства само собой уже обеспечивает выполнение его функций, а потому и рассматривается как самостоятельная стадия их действия.

Применение норм закона об уголовной ответственности – вторая стадия. Она состоит из таких этапов, которые последовательно сменяют друг друга и образуют виды применения закона об уголовной ответственности, которые связаны с соответствующими уголовно-процессуальными стадиями: расследование уголовного дела, решением вопроса о привлечении к уголовной ответственности или об освобождении от уголовной ответственности, рассмотрение дела судом, назначение наказания, освобождение от него, исполнение наказания.

Значение этой стадии для политики в сфере борьбы с преступностью (уголовной политики) трудно переоценить. Как отмечает В.С. Зеленецкий «ее повседневная реализация всеми правоохранительными органами является реальным фактором, обуславливающим возможность создания общей теории борьбы с преступностью, которая будет не только ее проводником, но и станет научной основой деятельности всех правоохранительных органов по реализации уголовной политики, внедрению ее принципов и стратегических установок в жизнь»².

¹ Миньковский Г.М. О предмете и задачах курса уголовной политики // Труды Академии МВД СССР. Уголовная политика Советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС. – М.: Академия МВД СССР, 1982. – С. 67–73.

² Зеленецкий В.С. Общая теория борьбы с преступностью. Концептуальные основы. – Х.: Основа, 1994. – С. 46.

Применение норм закона об уголовной ответственности не является обязательной стадией. Оно имеет место в тех случаях, когда уголовно-правовой запрет нарушается, когда, несмотря на угрозу наказания, совершается преступление. Но это, разумеется, не уменьшает ее значение как стадии социального действия, которая играет важную роль в деятельности органов правосудия и правоохранительных органов.

Применение норм закона об уголовной ответственности – сложный процесс, который выражается в подведении под абстрактную норму уголовного законодательства конкретного факта (общественно опасного поведения человека), в постановлении в связи с этим соответствующего решения, решением вопросов связанных с применением наказания и последствиями привлечения к уголовной ответственности.

Применение закона об уголовной ответственности осуществляется специально на то уполномоченными органами государства: судом, прокуратурой, органами внутренних дел.

Только суд решает, соответствует ли деяние признакам, указанным в законе, и если оно им соответствует, то, какое наказание следует назначить виновному (или, при наличии соответствующих оснований освободить его от ответственности или наказания). При решении этих вопросов, то есть в процессе правоприменения, реализуются права и обязанности как органов государства, применяющих закон об уголовной ответственности, так и лица, совершившего преступление – преступника, то есть реализуются права и обязанности субъектов уголовно-правового отношения.

Под применением норм закона об уголовной ответственности следует понимать сопоставление с абстрактной нормой закона об уголовной ответственности признаков совершенного общественно опасного деяния, признание этого деяния преступлением, квалификация данного преступления, назначения наказания лицу, виновному в его совершении, или освобождение его от уголовной ответственности и наказания, а также исполнение назначенного судом наказания и решение вопросов, связанных с последствиями привлечения к уголовной ответственности (судимость).

Применение норм закона об уголовной ответственности – это не только процесс квалификации преступления, назначения и исполнения наказания и освобождения от наказания и т.п., но и результат этих процессуальных действий, выраженных в процессуальных документах – актах применения права.

Это правоприменительные акты:

1) являются государственно-властными, индивидуально-определенными;

2) принимаются компетентным органом государства (судом, прокуратурой, органом внутренних дел);

3) определяют соответствующие обязанности и права лица, совершившего преступление, а также обязанности и права государства в лице компетентных органов, характеризующие возникшее уголовно-правовое отношение и связанные с реализацией уголовной ответственности и наказания.

Таким образом, под актом применения норм закона об уголовной ответственности следует понимать государственно-властный индивидуально-определенный акт, устанавливающий права и обязанности лица, совершившего преступление, и государства, который принимается судом, прокуратурой, и другими компетентными органами государства, и который регламентирует ответственность и наказание лица, совершившего преступление.

Применение уголовно-правовых норм, как и их реализация в целом, социально обусловлены и постоянно находятся под воздействием социальных и других факторов. Однако это не должно вызывать сомнений в практике применения закона об уголовной ответственности. Как справедливо подчеркивает О.М. Литвак «стабильной должна быть практика применения уголовно-правовых норм – в дознании, оперативно-розыскной деятельности, предварительном следствии, суде и при исполнении наказания»¹.

К ним, прежде всего, относятся исторически определенные социально-экономические и политические условия жизни общества. Как отметил А. Подгурецкий, одна и та же норма права в условиях различных режимов (формаций) может действовать по-разному: как и ранее; в совершенно другом направлении; не действовать вообще (хотя и не потерять своего обязательного, нормативного свойства); действовать частично; действовать измененным образом².

А. Подгурецкий выделяет три призмы, через которые преломляются нормы.

Первая призма – «комплекс социально-экономических условий данного типа социального строя»³. Революционные события, в результате которых в ряде случаев наступает изменение социально-экономического строя при одновременном сохранении ранее действующей правовой системы, создают будто экспериментальную систему, которая проявляет отчетливое действие независимой переменной, которой является социально-экономический строй. Там же, где изменения осуществляются постепенно, незаметно, шаг за шагом, может возникнуть иллюзия, что социально-экономический строй никак не влияет на самостоятельное действие правовых норм.

О влиянии социально-экономических факторов на правотворчество и правоприменение, в частности на механизм действия норм закона об уголовной ответственности, свидетельствует история развития закона об уголовной ответственности в Донецкой Народной Республике.

Так, в период становления Донецкой Народной Республики, при отсутствии нового национального уголовного законодательства, судебные органы ДНР руководствовались (хоть и непродолжительное время) старыми нормами закона об уголовной ответственности Украины.

¹ Литвак О.М. Злочинність, її причинність та профілактика – К.: Україна, 1997. – С. 23.

² Подгурецкий А. Очерк социологии права / Под об. ред. А.Р. Ратинова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 289.

³ Там же. Указ соч. С. 290.

Вторая призма – правовая «подкультура». Как известно, в обществе существует определенная совокупность социальных ценностей в виде комплекса идей, знаний, произведений искусства, различных образцов поведения и др., которые образуют культуру данного общества. Известно также, что различная среда, различные социальные круги, существующие в пределах одного общества, имеют отличные друг от друга специфические «подкультуры». Ценности, признанные в пределах этих «подкультур», свойственны только им и лишь в незначительной степени они вносят свой вклад в общую культуру. А в тех случаях, когда «подкультура» имеет негативный социальный характер, ее влияние на общую культуру всего общества может быть вредным.

Такая же картина и с правовой «подкультурой». Кроме действующей правовой системы, в обществе существует еще правовое сознание различных классов и социальных групп, правовые чувства и др. В каждом обществе существует определенная степень подчинения праву, общее наслоение оценок, нравственных позиций, обычаев, которые поддерживают или ослабляют действие правовой системы. Эту общность навыков и ценностей, связанных с принятием, оценкой, критикой и реализацией действующей правовой системы, можно определить как общую правовую культуру данного общества. Эта правовая культура может быть более-менее развита, а ее отдельные части могут быть в разной степени слаженные со всей культурой. Но существуют и определенные отклонения от основополагающих принципов этой общей правовой культуры.

Можно вести речь о негативной, позитивной и нейтральной правовой «подкультуре». Можно также говорить о правовой «подкультуре» тех, для кого в конце концов создается право, кому адресованы правовые нормы, правовой «подкультуре» тех, кто формирует право, а также о правовой «подкультуре» тех, кто реализует право. По данным А. Подгурецкого, отрицательная правовая «подкультура» (скорее, правовая антикультура) влияет не только на изменения в поведении лиц, являющихся адресатами правовых норм. Она оказывает влияние и на лиц, применяющих право. Отсюда – «... вторая призма, через которую преломляются отправленные законодателем адресату правовые распоряжения, – это своеобразное содержание правовой «подкультуры», которое характеризует позицию тех, кто ее реализует. Таким образом, в пределах одного и того же социально-экономического строя различные виды правовой «подкультуры» могут приводить к разному правовому поведению, определяемому видами этих «подкультур»¹.

И, наконец, «третьей призмой, через которую преломляются направленные от законодателя к адресату абстрактные нормы (правовые предписания), – это разные типы лица»². Этот аспект проблемы механизма применения норм закона об уголовной ответственности в уголовно-правовой науке только начинает разрабатываться.

¹ Подгурецкий А. Очерк социологии права / Под об. ред. А. Р. Ратинова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 296.

² Там же. – С. 300.

Все эти и другие подобные им факторы окажут существенное влияние на организацию управления в сфере борьбы с преступностью и должны учитываться в практической деятельности органов, применяющих закон об уголовной ответственности, поскольку существенно влияют на сам процесс применения закона об уголовной ответственности.

Применение норм закона об уголовной ответственности является формой реализации уголовной ответственности. Оно тесно связано с уголовно-правовыми отношениями и является правовым основанием возникновения и реализации уголовной ответственности. Именно в процессе применения норм закона об уголовной ответственности раскрывается социальная сущность уголовно-правового отношения, через которое и осуществляется связь правоприменительной деятельности с уголовной ответственностью. Поэтому социологический аспект исследования применения норм закона об уголовной ответственности предполагает изучение правоприменения в тесной связи с уголовно-правовыми отношениями.

Уголовно-правовые отношения – это разновидность общественных отношений, которые, будучи урегулированными нормами закона об уголовной ответственности, становятся правовыми отношениями. Их служебная роль заключается в «переключении» общих предписаний норм права в плоскость субъективных прав и обязанностей, реализуемых в процессе применения уголовно-правовых норм.

Уголовно-правовое отношение, как и любое другое правоотношение, является единством правовой формы и социального содержания. Его служебная роль состоит в «переводе», «переключении» общих правил поведения (запретов), которые содержатся в нормах закона об уголовной ответственности, в конкретное поведение участников уголовно-правовых отношений.

Содержанием уголовно-правового отношения является само общественное отношение, возникающее в связи с совершением преступления (юридический факт) между государством как социальным институтом и преступником, их обязанности и права, а объектом этого правоотношения – поведение его субъектов.

Уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступления и прекращается в момент погашения или снятия судимости или в момент отказа государства от применения уголовной ответственности.

Раскрывая содержание уголовно-правового отношения, необходимо иметь в виду, что оно существует не само по себе, не ради самого себя и не только как следствие применения норм закона об уголовной ответственности. Уголовно-правовое отношение органически связано с применением норм закона об уголовной ответственности и уголовной ответственностью, которая является целью и следствием возникновения уголовно-правового отношения и правоприменительной деятельности. Именно в применении закона об уголовной ответственности раскрывается содержание и осуществляется развитие уголовно-правового отношения, реализуются обязанности и права его участников – обязанность преступника понести наказание и вместе с тем

его право быть наказанным в соответствии с законом, предусматривающей совершенное им преступление; обязанность и право государства наказать преступника за содеянное.

Уголовная ответственность реализуется в формах, определенных действующим Уголовным кодексом.

Таким образом, реализация уголовно-правовой политики через применение уголовного закона представляет собой один из основных видов реализации, который находится на поверхности и осуществляет наибольшее влияние на общественное правосознание, на формирование оценки уголовно-правовой политики, выработке требований к ее формированию. Применение является одной из стадий реализации уголовного закона, которую образуют формы, связанные с соответствующими уголовно-процессуальными стадиями: расследование уголовного дела, решением вопроса о привлечении к уголовной ответственности или об освобождении от уголовной ответственности, рассмотрение дела судом, назначение наказания, освобождение от него, исполнение наказания.

Список литературы

1. *Зеленецкий В.С.* Общая теория борьбы с преступностью. Концептуальные основы. – Х.: Основа, 1994. – 321 с.

2. *Литвак О.М.* Злочинність, її причинність та профілактика – К.: Україна, 1997. – 167 с.

3. *Миньковский Г.М.* О предмете и задачах курса уголовной политики // Труды Академии МВД СССР. Уголовная политика Советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС. – М.: Академия МВД СССР, 1982. – С. 67–73.

4. *Подгурецкий А.* Очерк социологии права / Под об. ред. А.Р. Ратинова. – М.: Прогресс, 1974. – 327 с.

5. *Чубинский М.П.* Курс уголовной политики. Изд. 2-ое. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. – 426 с.

Антикриминальная политика: методологические и теоретические основы

Аннотация. В рамках исследования проблем оптимизации современной отечественной уголовной политики обосновывается необходимость создания её концептуальных основ на базе новой криминологии как интегративной науки с перспективным использованием идей, выдвинутых и обоснованных философской и психологической наукой. Автор поддерживает предложения о поиске и обосновании принципиально новых подходов к расширению методологического и теоретического арсенала криминологии, об объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных наук.

Ключевые слова: криминология, преступность, уголовная политика, гуманно-личностный подход.

Anti-Criminal Policy: Methodological and Theoretical Foundations

Abstract. As part of the optimization of modern domestic criminal policy research, there is an increasing need to create the conceptual foundations of the new criminology as an integrative science with the prospective use of ideas put forward and justified by philosophical and psychological science, which have not yet been included in the methodology of criminology. The author proposes to search for and justify the fundamentally new approaches to the expansion of methodological and theoretical arsenal of criminology, and to unite the efforts of representatives of all social sciences, as well as natural and exact sciences.

Keywords: criminology, crime, criminal policy, human-personal approach.

Зарегистрированная преступность, по данным МВД РФ, в стране и в большинстве регионов снижалась с 2007 до 2019 года, и пока осталась примерно на уровне 2018 г. Но мы все понимаем, что эти благополучные официальные цифры преступности явно контрастируют с продолжающейся моральной деградацией населения, ростом мошенничеств, повсеместной коррупцией и нарастающей ненавистью. В этой связи всё более явно ощущается необходимость создания концептуальных основ целостной государственной политики в области противодействия преступности – антикриминальной политики.

Традиционно политика в области борьбы с преступностью ассоциируется с уголовной политикой, включающей в себя уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику¹. Хорошо известно, что преступность есть следствие системной дефор-

¹ См., напр.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. - М., 2018; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. - М., 2019.

мации, как социума, так и отдельных индивидов. Поэтому и воздействие на преступность также должно носить системный характер и включать в себя не только правовые и специально-криминологические, но и политические, организационные, экономические и идеологические меры. Представляется поэтому, что назрела необходимость обоснования более широкого государственного подхода, разработки основ целостной антикриминальной политики. При таком подходе уголовная политика может быть представлена как важный, но всё же не главный, а подчинённый элемент антикриминальной политики. До сего дня пока это не сделано.

(1) Соотношение смежных понятий, на мой взгляд, должно выглядеть следующим образом:

антикриминальная политика – государственная политика как система основных мер и приоритетов государства в области противодействия преступности, включает в себя два основных компонента: социальную и уголовную политику;

уголовная политика – уголовно-правовая + криминологическая + уголовно-процессуальная + уголовно-исполнительная+криминологическая политика;

криминологическая политика – политика в области профилактики преступлений. *В узком значении* включает только специально-криминологические меры, в том числе т.н. криминологическое законодательство. Но последнее не решает основной проблемы.

В широком значении криминологическая политика совпадает с антикриминальной политикой, включает т.н. общесоциальные меры – политические, правовые (правовую политику: конституционные, административные, гражданско-правовые меры), организационные, экономические, социально-культурные, идеологические, образовательно-воспитательные (педагогические), психологические, религиозные.

Общесоциальные меры, по существу, есть меры не столько против преступности, сколько содержат усилия по утверждению законопослушного ответственного поведения, здорового образа жизни граждан. Лучшая профилактика преступности – внедрение и закрепление позитивных факторов, направленных на всестороннее физическое, духовное и материальное развитие населения вообще и каждого гражданина, в частности. Преступные варианты поведения замещаются, вытесняются как из сознания, так и реального поведения. Адекватная оптимальная социальная политика государства есть в то же время лучшая антикриминальная политика.

А.И. Долгова выделяла две основные функции антикриминальной политики: разрушающую (криминальные отношения и конструкции) и созидующую (правоустойчивость и антикриминальную безопасность), что, кстати, требует немалых затрат и усилий специалистов разных отраслей науки и практики¹.

¹ См.: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М., 2003. - С. 373.

Развивая и продолжая данный подход, Г.Н. Горшенков выделяет два важнейших назначения (функции) антикриминальной политики. Первое назначение — минимизация и по возможности полное устранение криминальной угрозы в значительной мере путем разрушения криминальных отношений и структур. Второе — созидание и творчество во всех областях социальной жизни, то есть укрепление внутренней устойчивости объекта перед криминальной угрозой. Обе функции-задачи ориентированы на достижение главной цели — максимальное обеспечение антикриминальной безопасности¹.

(2). В связи со сказанным для формирования оптимальной социальной политики государства необходимо соответствующая теоретическая база. Если до сих пор криминология была лишь неким дополнением к уголовному праву, сегодня актуальной задачей становится расширение поля зрения, обновление методологического арсенала криминологии, объединение усилий представителей всех гуманитарных, и даже естественных и точных наук.

В последнее время много внимания стало уделяться формированию представлений о будущей преступности, будущей криминологии. Всё это очень важно. Но пока мы будем находиться лишь в плену наших прогнозов о будущей криминологии и будущей преступности, дело не сдвинется с мёртвой точки. В чём новизна иного подхода? В практической нацеленности. До сих пор дискуссии вращались вокруг кризиса криминологии, поиска и прогнозирования новых перспектив самой науки. Это может продолжаться бесконечно. А реальная проблема – в том, что имеется общесоциальный мировой цивилизационный кризис, частью которого является кризис политики в области противодействия преступности. Растут факторы напряжённости и конфликтности, нарастает паразитизм малой части населения за счёт большинства, усиливается социальное расслоение, усугубляется социальная несправедливость. Новые криминологические подходы должны стать базой реформирования концепции не только криминологии, но и уголовной политики и практики противодействия преступности. Т.е. необходимы криминологические основы новой уголовной политики.

Сегодня нужен *интегративный* подход. Идея конвергенции (слияния) разных отраслей знания в целях решения общей задачи уже, пожалуй, отстояла своё право на существование². Однако в криминологии к реальному применению данного подхода ещё практически не приступали, за исключением известных работ В.Н. Фадеева³.

Глубокое понимание феномена преступности и её причин невозможно лишь в рамках узкого традиционного криминологического объяснения. Нужен комплексный междисциплинарный подход. Но вместе с тем, углубляясь

¹ См.: Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 3 (35). - С. 301.

² См., напр.: Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 6.

³ См., напр.: Фадеев В.Н и др. Судьба России – судьба человечества. - М., 2018.

в природу и сущность объектов криминологического изучения, мы объективно выходим за рамки собственно традиционной криминологической науки. Но тогда и предмет изучения меняется и это надо признать. Криминология, нравится это или нет, привязана к преступности, а последняя привязана к уголовному закону. В рамках более широкого теоретико-правового подхода мы должны говорить о правонарушаемости, в рамках социологии – о девиантности, в рамках этики – об аморальности, в рамках политэкономии – об экономической эксплуатации, в рамках конфликтологии – о социальных конфликтах. Т.е. речь должна идти не только об углублении понимания собственно преступности, но и о познании в целом отклоняющегося от норм поведения. Что именно попадёт в Уголовный кодекс, решают законодатель, государство, от этого зависит объём криминализации. Криминология может и должна научно обосновать оптимальный объём и масштабы криминализации общественно опасных деяний. Что же касается в целом *социального зла*, то вот именно здесь на помощь должна прийти некая метанаука, *наука в целом о человеческом произволе*. Последний (произвол) вытекает из человеческого отчуждения как антипода любви (личность = любовь +/- отчуждение).

Вижу два огромных пласта такой науки (научного направления). Это, конечно же, *«паразитология»* - наука о природе, причинах и особенностях социального паразитизма, жизни одних людей за счёт других, о присвоении результатов чужого труда, об экономической эксплуатации человека человеком. Это также *общая наука о насилии*, устрашении, физической эксплуатации человека человеком.

(3). В рамках новых подходов представляется перспективным использовать идеи, выдвинутые и обоснованные философской и психологической наукой, которые до сих пор не включались в методологическую базу криминологии. Так, следует подумать и о новой методологической основе. Такой основой могла бы послужить, в последнее время об этом говорю, т.н. *реалистическая философия* - диалектическое направление, "снимающее" крайности материализма и идеализма и понимающее природу и дух как равнозначные, равновеликие, противоположные стороны мироздания¹.

(4). В числе важнейших принципов следует назвать *личностный подход*. Любое преступление - и всегда – это не только вина, но и беда, драматическая ошибка лица в выборе жизненной стратегии вообще или конкретного варианта поведения. Но как добиться осознания этого самим виновным? Как добиться покаяния, без которого остаётся высокой вероятностью повторения подобной ошибки? В этом направлении пока наши исследования ещё не начинались.

(5). *Принцип универсального гуманизма*. Нуждается в критическом переосмыслении устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Речь идёт о возможности, целесообразности, условиях и границах применения к преступникам

¹ См. подробнее: Обухов В.Л. и др. Реалистическая философия. - СПб., 2009.

государством и обществом мер, альтернативных принудительным. Общая задача педагогики и криминологии должна заключаться в очищении душ от деструктивной скверны, в возвращении личности её подлинного человеческого облика. Известен успешный опыт великого советского педагога А.С. Макаренко по перевоспитанию юных преступников. Но где продолжение?

(6). *Учёт причин правомерного поведения.* Криминологи издавна задавались вечным вопросом: каковы причины - как преступного поведения отдельного индивида - так и преступности, как массового социального явления. Вместе с тем вне поля зрения остался вопрос, выходящий за пределы собственно криминологии: а каковы причины социально приемлемого поведения. Ответ на последний вопрос мог бы существенно помочь и криминологам.

Криминологи увидели связь преступного поведения с феноменом т.н. отчуждения: отстранённость от общества, других людей, собственности и даже нередко и собственной личности лежит в основе такого поведения¹. Вот этот разрыв органической связи личности с миром травмирует и деформирует её, делает человека несчастным и ущербным, провоцируя асоциальное поведение.

(7). *Принцип формирования «здорового общества».* В своё время Э. Фромм выдвинул идею «здорового общества», имея в виду общество социальной гармонии. Это такое общество, в котором ни один человек не является средством для другого человека. Нездоровое, ущербное общество, напротив, порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации². Конечно, общество социальной гармонии остаётся сегодня ещё далёкой мечтой. Но осознание человечеством всего того, что мешает быть полноценными людьми, поможет минимизировать криминогенные факторы и двигаться в сторону реального снижения уровня и степени опасности преступности. Как отмечал в своё время ещё Маркс, болезнь – это стеснённая в своей свободе (т.е. ущербная – В.Н.) жизнь³. Но точно так же ведь и преступление – это стеснённая в своей свободе жизнь!

(8). *Принцип развития.* Специфика социальных субъектов (человечество, государство, семья, индивид и т.д.) заключается в том, что все они находятся в процессе постоянного движения, взаимодействия, как, впрочем, всё это происходит в природе. Но социальное движение – это или постоянное развитие, совершенствование, адаптация, наконец, или, наоборот, это обратный процесс: стагнация, застой, деградация и разрушение. Преступность и преступники сегодня – совсем не те, что были 40-50 лет назад. Криминологам надо работать с опережением, менять свои стереотипы и изучать новые тенденции и закономерности.

¹ См.: Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Генезис и профилактика дезадаптивных преступлений. - Ереван, 1987.

² См.: Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. - М., 2005. - С. 26, 28, 112, 268 и др.

³ См.: Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 64.

(9). *Принцип патриотизма.* Нет необходимости лишней раз говорить о значимости патриотизма и патриотического воспитания для мотивирования достойного законопослушного поведения. Патриотизм – это любовь к своей Родине, стране, своему народу. Но, отметим, что это не какая-то обособленная любовь, это *часть общей любви* к человечеству, миру.

Патриотизм – это ещё и *ответственность* за страну и народ. Ответственность же предполагает не слепую безоглядную любовь, а высокую требовательность, взыскательность по отношению к себе, согражданам и руководителям. Это означает и требование законности, честности государства и его граждан в конкуренции, в спорте, недопустимости «победы любой ценой» и т.п. Это означает и право на критику, как властей, так и некоторых «народных» традиций типа пьянства или склонности к коррупции.

Патриотизм *не может быть основан на ненависти* к другим странам, народам и этносам, иначе он трансформируется в национализм и даже фашизм. Разделение людей на врагов и друзей провоцирует столкновения, конфликты и войны, а ведь худой мир лучше всякой доброй ссоры.

Вне зависимости от того или иного ответа на поставленные выше вопросы, бесспорно, что параметры и направления развития отечественной антикриминальной политики в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.* Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Генезис и профилактика дезадаптивных преступлений. - Ереван, 1987.
2. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы российской уголовной политики. - М., 2018.
3. *Горшенков Г.Н.* Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 3 (35).
4. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М., 2003.
5. Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 6.
6. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. - М., 2019.
7. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
8. *Обухов В.Л. и др.* Реалистическая философия. - СПб., 2009.
9. *Фадеев В.Н. и др.* Судьба России – судьба человечества. - М., 2018.
10. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе. - М., 2005.

Раздел II. Проблемы Общей части уголовного законодательства

Антонов И.М.

Установление пределов судейского усмотрения при построении санкций статей уголовного закона

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные вопросы установления пределов судейского усмотрения законодателем при построении санкций статей уголовного закона. Автор приходит к выводу о необходимости установления разумных пределов судейского усмотрения, ограничения его рамками, необходимыми и достаточными для индивидуализации наказания.

Ключевые слова: санкция, уголовный закон, санкции статей уголовного закона, судейское усмотрение, построение санкций.

Establishing the Limits of Judicial Discretion in the Construction of Criminal Penalties

Abstract: The article deals with certain issues of establishing the limits of judicial discretion by the legislator in the construction of the criminal law penalties. The author concludes that it is necessary to establish reasonable limits for judicial discretion, to limit it to the scope necessary and sufficient to individualize the punishment.

Keywords: sanction, criminal law, criminal penalties, judicial discretion, construction of sanctions.

В процессе конструирования уголовно-правовых санкций большое значение имеет соотношение законодательной воли с границами (пределами) судейского усмотрения. Законодательная конструкция уголовно-правовых санкций – установление ее минимальных и максимальных пределов ограничивает пределы судейского усмотрения. Именно в этих пределах обязан действовать суд при избирании конкретной уголовно-правовой меры воздействия на лицо, признанное виновным в совершении конкретного преступления.

Правильно отмечает А.И. Коробеев, что «чем уже будут эти рамки, тем меньше окажется возможностей у суда для принятия произвольных решений, и наоборот»¹. Именно от конструкции уголовно-правовой санкции зависят пределы судейского усмотрения при выборе меры уголовно-правового воздействия. Более того, законодатель устанавливает в санкции пределы применения конкретного наказания.

Отметим, что ученые давно обратили внимание на проблему установления пределов (границ) судейского усмотрения при построении уголовно-правовых санкций.

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса.- М., 2019. - С. 150.

Так, уже в 1905 г. Н.Д. Сергеевский писал о том, что одной из своих задач составители Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ставили «установление соразмерности наказаний с тяжестью преступных деяний и разумное ограничение судейского произвола в деле назначения наказаний»¹.

А уже вначале 2000-х гг., Ю.И. Ляпунов считал существенным и трудно устранимым недостатком действующего Уголовного кодекса Российской Федерации «исключительно плохо разработанную регламентацию в законе важнейшего вопроса о дискреционных полномочиях суда при назначении виновному конкретной меры наказания»².

При конструировании уголовно-правовых санкций законодатель должен помнить о том, что судьи имеют неодинаковый жизненный и профессиональный опыт. С неизбежностью это отражается на ценностных ориентациях каждого из них. Анализ приговоров показывает, что разные судьи выносят неодинаковые решения по аналогичным правовым ситуациям. С учетом же того, что «источником усмотрения может быть только уголовный закон, только он наделяет суд некоторыми правомочиями по выбору решения в конкретном случае, устанавливая при этом пределы такого выбора»³, можно утверждать, что такое различие во многом вызывается чрезмерно широкими пределами санкций уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем.

По этому поводу С.И. Дементьев писал о том, что судебные ошибки по применению уголовного наказания в большинстве случаев допускаются не потому, что судьи теоретически слабо подготовлены ..., а потому, что они, как и все люди, могут неоднозначно психологически (а не только юридически) оценивать происходящее. Помощь в этом деле может оказать только законодатель, не забывая о необходимости сохранения у суда возможности индивидуализировать ответственность и наказание⁴.

Ученые подразделяют судейское усмотрение на «плановое», когда законодатель специально создает определенное пространство, в рамках которого правоприменитель может действовать самостоятельно, и «стихийное» (вынужденное), когда законодатель допускает недоработки в формулировании правовых норм⁵.

Согласимся с мнением А.Э. Жалинского в том, что «воля законодателя и воля правоприменителя не всегда тождественны». Имеющиеся раз-

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. - СПб., 1905. - С. 189.

² Ляпунов Ю. Российское уголовное законодательство: резервы совершенствования // Уголовное право. - 2002. - № 2. - С. 49.

³ Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения / отв. ред. А.И. Чучаев. - М., 2013. - С. 99.

⁴ Дементьев С.И. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. - Ростов-н/Д., 1981. - С. 150.

⁵ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя. - Омск, 2002. - С. 51.

личия «воли законодателя» и «воли правоприменителя» при назначении наказания можно объяснить тем, что при конструировании уголовно-правовых санкций законодатель учитывает формы вины, мотивы, цели, способы совершения деяний, тяжесть наступивших последствий и т.д., а суд, при назначении наказания, – иные обстоятельства (пол, возраст, семейное положение, судимость и т.д.)¹.

Представляется, что одной из задач законодателя при конструировании уголовно-правовых санкций является установление оптимальных, «плановых» границ (пределов) судебного усмотрения. Считаем, что именно такие пределы являются основным условием эффективности уголовно-правовых санкций.

В доктрине уголовного права формулируются прямо противоположные точки зрения относительно установления границ (пределов) судебного усмотрения, которые следует закреплять в уголовно-правовых санкциях.

Так, по мнению П.П. Осипова, широкие пределы санкций уголовно-правовых норм, безусловно, предпочтительнее узких². Аналогичную позицию занимает И.М. Рагимов, утверждающий, что «законодателю необходимо ориентироваться при построении уголовно-правовой санкции на максимальное расширение границ лишения свободы с целью увеличения рамок судебного усмотрения»³.

С точки зрения Ю.И. Ляпунова, «пределы судебного усмотрения не должны быть чрезмерно широкими». По его мнению, это таит в себе опасность проявления необоснованного субъективизма и предвзятости суда при назначении мер наказания (что вообще нетерпимо)⁴.

Сказанное свидетельствует о необходимости учета законодателем при конструировании уголовно-правовых санкций не только характера и степени общественной опасности преступного деяния, но установления в них четких границ (пределов) судебного усмотрения.

Т.А. Лесниевски-Костарева обращает внимание на то, что даже судьи не заинтересованы в широких рамках санкций, поскольку они затрудняют выбор конкретной меры уголовно-правового воздействия⁵.

Н.А. Лопашенко констатирует, что санкции за преступления обладают потенциальной криминогенностью, связывая это с допускаемым уголовным законом судебским усмотрением⁶.

¹ Огородникова Н.В. Санкции за имущественные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1991.- С. 12-13.

² Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. - Л., 1976. - С. 118.

³ Рагимов И.М. Эффективность лишения свободы и пути ее повышения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Л., 1988. - С. 19.

⁴ Ляпунов Ю. Указ. соч. - С. 49.

⁵ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. 2-е изд. - М., 2000. - С. 332-333.

⁶ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. - М., 2009. - С. 150.

А.И. Коробеев отмечает, что «анализ тенденций российской уголовно-правовой политики также приводит к выводу, что ее развитие идет по пути последовательного ограничения пределов судейского усмотрения»¹.

Первый подход (демонстрирующий широкие пределы судейского усмотрения) представляется неверным, поскольку он создает простор для субъективизма, ведет к неоправданному разнообразию судебной практики, противоречит идее единства уголовно-правовой политики (в теории, в законе, на практике). Следует поддержать мнение А.И. Рарога и В.П. Степалина о необходимости разумного компромисса «между формальной определенностью права и оценочной деятельностью правоприменителя, так как предоставление суду чрезмерно широких рамок усмотрения могло бы поколебать возможность соблюдения принципа законности в уголовном праве, а полное исключение оценочной деятельности правоприменителя сделало бы невозможной реализацию принципов справедливости и гуманизма»². Соответственно при построении санкций статей уголовного закона необходимо установление разумных пределов судейского усмотрения, ограничение его рамками, необходимыми и достаточными для индивидуализации наказания. Установление таких пределов является необходимым условием эффективности уголовно-правовых санкций.

Список литературы

1. *Грачева Ю.В.* Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения / отв. ред. А.И. Чучаев. – М., 2013. – 376 с.
2. *Дементьев С.И.* Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. – Ростов-н/Д., 1981. – 208 с.
3. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. – М.: Юрилитинформ, 2019. – 352 с.
4. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. 2-е изд. – М., 2000. – 400 с.
5. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. – М., 2009. – 608 с.
6. *Ляпунов Ю.* Российское уголовное законодательство: резервы совершенствования // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 46-50.
7. *Марфицин П.Г.* Усмотрение следователя. – Омск, 2002. – 180 с.
8. *Огородникова Н.В.* Санкции за имущественные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1991. – 17 с.
9. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л., 1976. – 135 с.
10. *Рагимов И.М.* Эффективность лишения свободы и пути ее повышения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1988. – 32 с.

¹ Коробеев А.И. Указ. соч. - С. 152.

² Рарог А.И., Степалин В.П. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. - 2002. - № 2. - С. 36.

11. *Рарог А.И., Степалин В.П.* Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 36-42.

12. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. – СПб., 1905. – 434 с.

Берестовой А.Н.

**Уголовное законодательство иностранных государств
об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью спортсменов
в результате занятия спортом и проведении спортивных состязаний
(краткий обзор)¹**

Аннотация: В статье, с точки зрения сравнительного правоведения, исследуются проблемные вопросы квалификации причинения вреда участниками спортивных соревнований на примере уголовного законодательства некоторых зарубежных государств. Определены различные подходы к решению данной проблемы в национальных уголовных законодательствах иностранных государств, которые нашли свое закрепление в уголовных кодексах этих стран.

Ключевые слова: национальное уголовное законодательство, телесное повреждение, вред жизни и здоровью, потерпевший, компенсация причиненного вреда, нарушение правил проведения спортивных соревнований.

**Comparative Studies of the Criminal Law Approach to the Injuries
to Life or Health of the Participants in Sports Competitions**

Abstract: The author examines the problematic issues of qualifying the injuries suffered by participants of sports competitions using the examples provided by the criminal law of some foreign countries. Author identifies various approaches to solving this problem in the national criminal legislation of foreign states from the point of view of comparative jurisprudence.

Keywords: national criminal law, personal injury, harm to life and health, the victim, compensation for harm caused, violation of the sports competition's rules.

Уголовное законодательство Японии, имеет свой особый взгляд или вернее сказать правовую позицию, по вопросу связанному с правовой оценкой ситуаций, при которых причиняется вред участникам спортивных состязаний. В первую очередь, конечно, речь идет о вреде жизни или здоровью человека, участвующего в спортивных состязаниях.

Уголовно-правовое понятие «противоправности» является тем краеугольным камнем, в контексте которого, японское уголовное законодательство рассматривает институт обстоятельств, который в отечественном уго-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта»

ловном праве закреплен в главе 8 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». Сущностное содержание такого подхода состоит в том, что японская правовая доктрина вкладывает в понятие «противоправности», содержание, которое существенно отличается от того, к которому мы привыкли, изучая курс уголовного права по уголовному законодательству РФ. Основным постулатом в японском понимании термина «противоправности» является отсутствие обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность. Национальная правовая доктрина определяет их, как «основания не образования противоправности»¹.

Условия, наличие которых свидетельствует о том, что в совершенных лицом действиях, причинивших вред, наличествуют «Основания необразования противоправности» мы можем увидеть в Общей части УК Японии. Эти условия имеют решающее значение для правовой квалификации содеянного, даже не смотря на наличие в действиях лица достаточных признаков состава преступления: *«Глава 7. Не образование состава преступления. Смягчение наказания и освобождение от наказания. Статья 35. Действия в соответствии с законодательством либо в осуществление правомерного занятия».*

Действие, совершенное в соответствии с законодательством либо в осуществление правомерного занятия, ненаказуемо»².

Четыре вида обстоятельств, именуемых «обстоятельства не образования противоправности» нашли свое правовое закрепление в уголовном законодательстве этого иностранного государства³: «1) деяние на основании законодательства, 2) деяние в порядке занятия правомерной профессиональной деятельностью, 3) правомерную оборону, 4) срочные меры укрытия от опасности»⁴.

Уточняя правовое содержание из перечисленных выше «обстоятельств не образования состава преступления», а именно «деяние в порядке занятия правомерной профессиональной деятельностью» (ст. 35 УК Японии), ряд известных, пользующихся заслуженным авторитетом японских правоведов (Сугияма и Ваги) отмечают: *«Имеется в виду правомерная профессиональная деятельность, по природе своей образующая деяния, подпадающие под составы преступления. Здесь исключается противоправность. В качестве примеров могут быть приведены спортивные единоборства разного рода (бокс, сумо и др.), медицинские вмешательства врачей, включая операции по*

¹ См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под. ред. проф. Козочкина И.Д. - М., 2003. - С. 471.

² См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов / Голованова Н.А., Еремин В.Н., Козочкин И.Д., Крылова Н.Е., и др.; Под ред.: Козочкин И.Д. - М.: Зерцало, 1999. - С. 338.

³ Соответствует, принятым в российском уголовном законодательстве обстоятельствам, исключаящим преступность деяния.

⁴ См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под. ред. проф. Козочкина И.Д. - М., 2003. - С. 471.

методике, получившей общее научно-медицинское признание, и другие». Согласно книге семинара Васэда, в качестве примера деяния в порядке занятия правомерной профессиональной деятельностью могут быть приведены, например, лечебные действия врача, участие профессионального спортсмена в спортивных соревнованиях, защитительная деятельность адвоката, работа газетного репортера по сбору материала¹.

Отсюда можно сделать следующий вывод: уголовное законодательство Японии дает правоприменителю право не привлекать к уголовной ответственности лиц, которые в результате занятий спортом в повседневной жизни или в период проведения спортивных соревнований причинили вред жизни или здоровью другого человека на основании того, что согласно норме, закрепленной в национальном уголовном законодательстве Японии, имеет место правомерная деятельность лица. При этом необходимо помнить, что заявленные и утвержденные правила проведения состязаний по конкретному виду спорта должны быть неукоснительно соблюдены.

Стоит обратить внимание и на еще одну правовую норму, предусмотренную УК Японии. Согласно ст. 209 УК Японии *«Тот, кто по неосторожности повредит тело другого человека, наказывается денежным штрафом на сумму до 300000 иен или малым штрафом. Уголовное преследование за преступные деяния, предусмотренные предыдущей частью, возбуждаются только по жалобе потерпевшего»*².

Данная норма УК Японии, требует определенного комментария, так как на наш взгляд, также имеет отношение к вопросам квалификации случаев причинения вреда жизни или здоровью при проведении спортивных мероприятий или занятиях спортом. Не является секретом, что в некоторых ситуациях, правила проведения спортивных состязаний могут нарушаться. Отсюда возникает закономерный вопрос о возможности квалификации действий спортсмена, участника спортивного соревнования, причинившего вред жизни или здоровью другого его участнику, и как следствие, привлечение его к уголовной ответственности. Следует уточнить, что мы не рассматриваем случаи умышленного грубого нарушения утвержденных правил проведения соревнований, а также ситуации, когда причинение вреда жизни и здоровью другого человека охватывалось умыслом участника соревновательного процесса. Речь идет о ситуации, когда умысел участника направлен на нарушение правил проведения соревнований, по отношению же к возможным или наступившим последствиям в виде вреда жизни или здоровью имеет место неосторожная форма вины. Подобные случаи, если они имели место, по общему правилу, должны квалифицироваться, как неосторожное причинение вреда. Уголовно-правовая доктрина Японии, право сделать выбор о привлечении

¹ См.: Там же. С. 472.

² Уголовный кодекс Японии. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: Перевод с японского / Науч. ред.: Коробеев А.И.; Пер.: Еремин В.Н. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002.. - С. 127.

или не привлечении лица, причинившего вред жизни или здоровью по неосторожности другому участнику спортивного соревнования, возлагает на потерпевшего. Так как мы видим из содержания ст. 209 УК Японии привлечение у уголовной ответственности в подобных ситуациях возможно исключительно по жалобе потерпевшей стороны.

При изучении уголовного законодательства Великобритании следует отметить, что оно не содержит какого-либо определенного перечня обстоятельств подобного рода. Обращаясь к Общему праву, можно констатировать, что оно все же признает определенные обстоятельства, исключающими преступность деяния. Например: 1) когда отсутствует воля; 2) когда воля лица не направлена на содеянное; 3) когда воля подавлена принуждением¹.

В начале мы говорим о том, что виновное лицо не достигло определенного возраста, необходимого для привлечения к уголовной ответственности, имеет душевную болезнь или находится в состоянии опьянения (независимо от того алкогольное оно или наркотическое). И наконец – когда лицо вынуждено совершить противоправное действие (преступление) в результате принуждения со стороны иного лица.

Говоря о правовом основании освобождения лица от уголовной ответственности в случае причинения им вреда жизни или здоровью другого участника спортивного соревнования, можно с полной уверенностью констатировать, что единственным таким основанием в законодательстве Великобритании является отсутствие вины.

Достаточно беглого взгляда на практику правоприменения, которая касается случаев связанных с причинением вреда жизни и здоровью при занятиях спортом, существующую в Великобритании, чтобы увидеть общую картину, которая заключается в том, что все подобные случаи рассматриваются исключительно как несчастный случай.

Нельзя не остановиться и на другом видении проблемы причинения вреда жизни и здоровью в спорте. Необходимо иметь в виду, что для англо-американского права в целом основополагающей чертой является отрицание ответственности в подобного рода ситуациях на основании согласия потерпевшего. Кенни писал: «...каждый, кто принимает участие в спортивных состязаниях, тем самым дает согласие на причинение ему телесных повреждений»².

В юридической науке существует предположение, что в случаях, когда в результате спортивной борьбы или добровольного занятия спортом, причиняется вред жизни или здоровью участников, виновные в подобных случаях не должны нести уголовную ответственность на том основании, что имело место добровольное согласие участников соревновательного процесса на причинение вреда жизни и здоровью, обусловленное тем, что некоторые ви-

¹ См.: К. Кенни. Основы уголовного права. - М., 1949 - С. 52.

² Kenny, *Outline of criminal law*? Cambridge, 1926, 12 ed., p. 158, - Цит. по: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. - М., 1947 - С. 369.

ды спорта прямо предполагают определенное, зачастую довольно жесткое физическое воздействие на соперников.

Обращаясь к уголовному законодательству ФРГ мы можем отметить, что оно также имеет свои особенности, касающиеся правовой оценки и квалификации ситуаций связанных со случаями наступления вреда жизни и здоровью спортсменов и других участников спортивных мероприятий в ходе их проведения.

Стоит отметить, что уголовный кодекс ФРГ содержит норму, которая позволяет правоприменителю не привлекать виновное в причинении вреда жизни или здоровью лицо к какому-либо виду ответственности, в том числе и уголовной. Существующая в уголовном законодательстве ФРГ ст. 228 гласит: *«Кто наносит потерпевшему телесные повреждения с его согласия, только тогда действие правомерно, если деяние, несмотря на согласие потерпевшего, нарушает общепринятые моральные нормы»*¹.

Мысль законодателя в данном случае является очевидной: поскольку занятие каким-либо видом спорта является добровольным волеизъявлением лица, то очевидно, что одновременно с этим он дает свое согласие и на возможное причинение вреда жизни и здоровью, которое допускает (предполагает возможность такого исхода) в своем сознании. Потому, по мнению правоведов ФРГ, некое согласие потерпевшего на причинение вреда жизни или здоровью, которое он, как считается, давал, соглашаясь на занятия определенным видом спорта, и может быть тем обстоятельством, при котором возможно исключение уголовной ответственности.

Сама мысль о том, что согласие потерпевшего может быть использовано в качестве основания освобождения лица в описываемых ситуациях связанных с причинением вреда при занятиях спортом находила свое отражение и в работах отечественных ученых правоведов². Тем не менее, следует констатировать, не нашла своего дальнейшего развития и закрепления в уголовном законодательстве России.

Возвращаясь к анализу уголовного законодательства ФРГ обратим внимание, что не все случаи причинения вреда при занятии спортом отдаются на откуп согласия потерпевшего. В частности, ст. 228 УК ФРГ декларирует положение о том, что согласие потерпевшего на причинение телесных повреждений в некоторых случаях, может противоречить, действующему на тот момент законодательству, то есть другими словами – быть противоправным. Такая ситуация может сложиться, если в ходе разбирательства будет установлено, что *«Нарушаются общепринятые моральные нормы»*³. В данном случае, очевидным является предположение о том, что понятие «соблюдения

¹ См.: Уголовный кодекс ФРГ (перевод с нем.) / Под ред. Серебренниковой А.В.- М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. 208. - С. 133-134.

² Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. / Под ред. проф. И. С. Ноя. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. - С. 116.

³ См.: Уголовный кодекс ФРГ (перевод с нем.) / Под ред. Серебренниковой А.В.- М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. - С. 133-134.

моральной нормы» трактуется в том числе и на ситуации связанные занятием спортом. Экстраполируя данную дефиницию на ситуации причинения вреда жизни или здоровью в спорте, можно предположить, что по мысли законодателя «нарушение общепринятых моральных норм», будет ничем иным как нарушением установленных правил проведения соревнований или правил регламентирующих спортивные занятия для конкретного вида спорта.

Беглый взгляд ученого правоведа на историческую ретроспективу развития и становления уголовного права Германии позволяет найти еще одно подтверждение тезиса о том, что именно ст. 228 УК ФРГ является тем правовым инструментом, который позволяет избежать уголовной ответственности в ситуациях, связанных причиненным вредом в спорте. Уголовное законодательство фашистской Германии усиленно пропагандировало положение о том, что «никакое действие, совершенное в спортивном состязании, соответствующим спортивным правилам или неосторожно их нарушившее и повлекшее за собой телесные повреждения или смерть, не может влечь за собой уголовной ответственности для причинителя»¹. Справедливости ради стоит отметить, что в официальных, вступивших в силу правовых источниках фашистской Германии, регламентирующих уголовную ответственность в каком-либо ее виде, своего юридического закрепления данное положение не получило.

Список литературы

1. *Бабурин В.* Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами): Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омская академия МВД РФ. - Омск. 2019. - С. 53-57
2. *Варданян А.В., Безручко Е.В.* Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2018.- № 2. - С. 34-37
3. *Игнатов А.Н.* Спорт и уголовная ответственность // Советская юстиция - 1989 - № 7- С. 28 – 29
4. *Кенни К.* Основы уголовного права. Перевод с английского /; Под ред.: Никифоров Б.С. (Вступ. ст.); Пер.: Каминская В.И. - М.: Иностран. лит., 1949. - 599 с.
5. *Красиков А.Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве/ Под ред. проф. И. С. Ноя. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. - 121 с.
6. Новый Уголовный кодекс Франции. – / Науч. ред.: Кузнецова Н.Ф., Побегайло Э.Ф.; Пер.: Гарф М.В., Крылова Н.Е., Щорс М.Ф. - М.: Юрид. колледж МГУ, 1993. - 212 с.

¹ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947 - С. 369-370.

7. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов / Голованова Н.А., Еремин В.Н., Козочкин И.Д., Крылова Н.Е., и др.; Под ред.: Козочкин И.Д. - М.: Зерцало, 1999. - 352 с.

8. Уголовный кодекс ФРГ (перевод с нем.) / Под ред. Серебренниковой А.В. - М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. 208 с.

9. Уголовный кодекс Японии. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: Перевод с японского / Науч. ред.: Коробеев А.И.; Пер.: Еремин В.Н. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 226 с.

10. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. - 511 с.

Бурлаков В.Н.

Объективные методы совершенствования судебной практики назначения наказания: подходы и перспективы

Аннотация: внедрение в судебную практику объективных методов назначения наказания (формализация) способствует целям минимизации субъективизма, равенству преступников перед законом и справедливости при вынесении приговора. Сравнительный анализ различных вариантов формализации назначения наказания показывает, что более сложные модели уступают в достижении этих целей более простым моделям, не гарантируют объективной точности результата и вызывают недоверие со стороны судебных работников. Сделан вывод, что для внедрения в практику модели назначения наказания необходимо законодательное решение, как это сделано в США.

Ключевые слова: формализация назначения наказания; методы назначения наказания; судебское усмотрение.

Objective Methods of Improving Judicial Practice of Sentencing: Approaches and Prospects

Abstract: The introduction of objective methods of sentencing (formalization) into judicial practice contributes to the goals of minimizing subjectivity, treating offenders as equal in the face of law, and reaching fairness in sentencing. A comparative analysis of various options for formalizing sentencing shows that more complex models are inferior to simpler models in achieving these goals, since they do not guarantee objective accuracy of the result, and cause distrust on the part of judicial officials. It is concluded that to implement the sentencing model in practice, a legislative solution is necessary, as it is done in the United States.

Keywords: formalization of sentencing; methods of sentencing; judicial discretion

От элементарных предложений до компьютеризации НН

История разработки объективных методов назначения наказания, которые с позиции *de lege ferenda* повысили бы его справедливость и эффективность, длится более ста лет. Можно отметить характерную тенденцию - чем дальше от юриспруденции находился автор метода, тем сложнее были его предложения, и тем нетерпимее отношение к ним практических работников, прежде всего судей. Ярким примером является метод инженера Н.Д. Оранжеева (1916 г.) использовать балльную систему на основе математического расчета наказания – придание всем преступлениям эквивалентов соответственно санкциям, а также разработка коэффициентов для различных вариаций деяния (коэффициент главного участника, подстрекателя, осознанности, аффекта и т.д.). Сумма коэффициентов и эквивалент преступления в итоге демонстрировали размер наказания в конкретном случае.¹ Предложенный им метод балльной системы назначения наказания в последующем использовался многими учеными в своих моделях (В.И. Курляндским, А.П. Козловым, Е.В. Благовым, А.В. Ищенко).

Близка с балльной системой пошаговая методика, разработана А.А. Арямовым. В соответствии с его методикой наказание без смягчающих и отягчающих обстоятельств (средневзвешенное) представляет собой среднее арифметическое между минимальной и максимальной санкцией. От средневзвешенного наказания делаются шаги для его повышения или понижения, в соответствии с количеством смягчающих и отягчающих обстоятельств.²

Также схожего метода исчисления наказания придерживается Е.В. Благов. В соответствии с его методом расчета, вначале определяется исходная точка отсчета, которая находится между полюсами границ минимально целесообразного в данном случае вида наказания из числа установленных в статье. Она определяется математически, путем деления пополам суммы нижнего и верхнего размеров данного вида наказания. Далее производится учет факторов, включённых в общие начала назначения наказания. Сначала при этом учитывается степень общественной опасности, затем личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Методика Е.В. Благова учитывает и некоторые специальные правила назначения наказания (ст.62 УК РФ). В целом, она расширяет возможности учета смягчающих и отягчающих обстоятельств и делает назначение наказания более индивидуализированным.³

Балльная система, разработанная в России, как это не раз уже бывало, оказалась востребованной за рубежом. Так, в США используется Федеральное Руководство по назначению наказаний, основанное на присвоении деянию баллов в зависимости от определённых объективных критериев, набран-

¹ Оранжеев Н.Д. Преступление и наказание в математической зависимости: идея и схема применения. - М., 1916.

² Арямов А.А. Методология назначения наказания по уголовному праву Российской Федерации. - СПб., 2002

³ Благов Е.В. Назначение наказания: (теория и практика) – Ярославль, 2002.

ные баллы в итоге указывают на уровень преступления, а он в свою очередь на рекомендуемое наказание (может изменяться судом то не значительно). Данное Руководство оценивается судьями в США положительно, т.к. подтвердило свою эффективность на практике.¹ Схожие методики применяются так же в Италии и Испании. Федеральное Руководство по назначению наказания США появляется в тот момент, когда американский законодатель меняет парадигму уголовного наказания: от теории реабилитации как основной цели наказания с ее системой неопределенных приговоров он переходит к теории справедливого наказания, требующей скрупулезного определения его предела. Федеральное руководство значительно ограничивают судебское усмотрение, и предусматривает сложный и последовательный порядок определения наказания. Цели, обозначенные в нем, были следующие: повысить способность системы уголовного правосудия бороться с преступлениями путем справедливой системы наказаний и избежать скрытого неравенства путем единообразия в назначении наказания за аналогичные преступления. Руководство предусматривает пошаговый алгоритм действий суда при назначении наказаний, нацеленных на оценку его критериев: преступление; преступник; конкретные обстоятельства совершения, смягчающие и отягчающие вину, как то обстоятельства, связанные с жертвой преступления, ролью виновного в совершенном деянии и препятствовании правосудию. Дифференциация показателей критериев выражается в баллах, которые затем суммируются, и в завершение соотносятся со шкалой наказания (смерть, лишение свободы, штраф). При наличии особых обстоятельств, суд может и отклониться от диапазона наказания, вычисленного с помощью Руководства, но не более чем на 25% (до 6 мес. лишения свободы).²

Компьютерные технологии и цифровизация правовой системы подтолкнули ученых к использованию ЭВМ при назначении наказания. Появилась методика, получившая название «электронные весы правосудия».³ Название как говорят, обязывает. Но вот вопрос, в чем суть электронных весов – только в названии инструментария, т.к. предлагается использовать компьютерную программу и ЭВМ при назначении наказания, или же в переосмыслении основ правосудия, и предложение найти альтернативу правосознанию профессионального судьи? Если это инструмент, то электронные весы всего лишь подспорье для применения норм уголовного права. Но если метод объявляется мозгом правосудия, тогда уже речь идет о ниспровержении уголов-

¹ Лешо И. Реформа системы назначения наказания в США // Советская юстиция. - 1991; Рагог А.И. Шкала наказаний как средство ограничения судебское усмотрения // Российский ежегодник уголовного права. - СПб., 2006. - № 1.

² Federal Sentencing Guidelines Manual: 2018–2019 Edition. Michigan Legal Publishing Ltd. 2019. Hoffman, Peter B. (2000), Simplifying the U.S. Sentencing Commission's Offense Scale, 44, St. Louis U. L.J., p. 365. William J. Stuntz (Jun 2004), Plea Bargaining and Criminal Law's Disappearing Shadow, 117 (8), Harvard Law Review, pp. 2548–2569

³ Алиперов Х.Д. Компьютерные программы определения меры наказания. - СПб: Международный криминологический клуб. 2019.

ного права. Подумать так заставляют рассуждения автора «электронных весов правосудия».¹

Цели индивидуализации наказания и средства их достижения.

И здесь возникает главный вопрос: зачем нужна точность при назначении наказания или кому она нужна? Напрашивается ответ, в точности назначения наказания заинтересованы все субъекты правосудия. Сам осужденный, ибо ему предназначено претерпевать ограничения и лишения, предусмотренные в санкции за совершенное преступление. Парадокс, но в точности заинтересованы и другие осужденные, которые сравнивают «свое» наказание с наказанием для других осужденных и болезненно реагируют в случае их расхождения. К точности или соответствию тяжести наказания объему нанесенного вреда обращены взоры и потерпевшего, который требует примерно наказать либо отказывается от возмездия (ст.76 УК и др.). В объективно точной методике заинтересован и судья, т.к. он заинтересован в том, чтобы знать, как можно проверить правильность его вердикта. Наконец, общественное мнение заинтересовано положительно или негативно оценивать результаты судебной практики назначения наказания, чтобы продемонстрировать свое понимание справедливости в отношении преступников. Итак, в точности назначения наказания заинтересованы все субъекты правосудия, вопрос состоит в том, каков предел точности и каковы средства ее достижения.

Уголовное наказание и цели наказания: жесткая система или гибкая модель

А какова точность при назначении наказания с позиции *De lege lata*? Студент первокурсник юрфака скажет, что максимальная точность возможна только при абсолютно определенных санкциях. Но в уголовном праве России таких санкций нет. Если исходить из того, что санкции за совершенные преступления относительно определенные, что в самом уголовном законе предусмотрена широкая возможность варьировать предел наказания за конкретное

¹ «Мы придали наказанию несвойственные ему мерности и на этой основе создали ложную правовую константу...наказание есть нечеловекотворный феномен, зародилось не в культурной среде и существовало ещё до сотворения Адама. Сказанное диктуют необходимость ревизии наших знаний о генезисе наказания и его целей. И нельзя исключать, что эти гипотезы являются той скрытой тропинкой, ведущей к запертой двери истины, открыв которую, мы сможем проникнуть в другой темпоральный мир наказания, где за завесой находится его валидная матрица, увы, пока непостижимая для нас. И вполне возможно, что, ознакомившись с ней, мы убедимся, что, к примеру, приписываемые наказанию такие потенциальности, как восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, его перевоспитание и т.д., не являются его функциями, а представляют собой результат банальных стремлений *Homo sapiens* выдать желаемое за действительное». / Аликперов Х.Д. «Неизведанные грани феномена наказания (антропологические, философские и правовые аспекты)» // Международная беседа «Учение о противодействии преступности – проблема наказания» - сайт СПб международного криминологического клуба. 2020.

преступление (от возможности изменить категорию преступления до снижения или повышения минимального или максимального предела наказания), то получается что точность при назначении наказания это идея фикс. Все уголовно-правовые нормы, регулирующие процесс назначения наказания, показывают, что наказание относительно. Поэтому судья, назначающий наказание, является не столько бухгалтером в области права, сколько законодателем в решении конкретного вопроса назначения наказания. Общество и закон признаем за судьей право на судебское усмотрение, а оно всегда представляет собой не столько выбор между хорошим и плохим решением, а скорее выбор между плохим и очень плохим решением. Итак, в системе: преступление – цели наказания и средства их достижения – устранение зла и исправление преступника, кажется, пока отсутствует основа для точности назначения наказания ни с позиции закона, ни практики его применения.

Преимущества простых решений

Основным недостатком многих вышеперечисленных методик является низкий уровень учета личности виновного. Т.В. Непомнящая справедливо отмечает в отношении этих методик, что «непонятно, кто и каким образом должен устанавливать многочисленные критерии, от которых должна зависеть мера наказания». Пошаговая методика учитывает только отягчающие и смягчающие обстоятельства, что не должно являться единственным, на что обращается внимание при назначении наказания, не берется во внимание в должной мере личность преступника.¹

Этот недостаток устранен в методике формализации назначения наказания, предложенной В.Н. Бурлаковым. В ней используется метод шкалирования в отношении санкции, общественной опасности деяния, личности преступника и смягчающих и отягчающих обстоятельств. Для анализа личности преступника с целью диагностирования степени ее исправимости используется таблица, в которой прописаны показатели ретроспективной и перспективной общественной опасности, всего 21. Показатели с 1 по 14 имеют степени выраженности, с 15 по 21 не делятся по степеням, только учитываются либо не учитываются (так как это смягчающие и отягчающие обстоятельства). Каждому показателю по степени выраженности присваивается код (001, 002, 003 и т.д.). В итоге, после анализа личности преступника и присвоении каждому показателю кода, они вносятся в матрицу диагностирования степени исправимости личности, которая в свою очередь состоит из 4 ячеек, путем вычеркивания в них этих кодов. Та ячейка, где будет вычеркнуто наибольшее количество кодов, определяет тип личности преступника.

После этого необходимо перейти на следующую ступень – к оценке преступления. Методика оценки преступления состоит из трех шкал – общественной опасности преступления, конкретного деяния и санкции статьи, каждая из которых состоит из 4 интервалов.

¹ Непомнящая Т.В. Назначение наказания: Теория, практика, перспективы. - СПб., 2006

Шкала общественной опасности – для материальных составов на шкале располагается причиненный вред (имущественный ущерб, вред здоровью и т.д.). Для формальных составов – способ, орудие преступления и т.д. Шкала конкретного деяния состоит из 4 интервалов и строится на основании одного из интервалов шкалы общественной опасности. Шкала санкции статьи УК РФ состоит из 4 интервалов, в пределах которых равномерно распределяются основные виды наказания данной санкции.

Для назначения наказания необходимо «пройти» десять шагов – создать шкалу санкции, затем шкалу общественной опасности преступления, затем шкалу конкретного деяния, после чего определить вид наказания по деянию. Далее необходимо определить вид наказания по личности исходя из продиагностирования степени ее исправимости, т.е. выбора более или менее строгого вида наказания из предусмотренных в санкции – более строгие для трудно и особо трудно исправимых преступников, менее строгие для легко и средне исправимых.

После этого необходимо построить шкалу наказания за конкретное деяние.

Далее – определить размер наказания по деянию, то есть верхней планки шкалы диапазона индивидуализации. Верхняя планка рассчитывается с учетом общественной опасности конкретного деяния и равна размеру наказания за конкретное деяние. Нижняя планка равна минимальному размеру вида наказания, рассчитанного за конкретное деяние. После чего необходимо построить шкалу диапазона индивидуализации. Далее следует определение размера наказания с учетом личности. Последний шаг – окончательное определение наказания, с учетом смягчающих и отягчающих, которые не нашли отражения ранее при оценке деяния и личности. Методика В.Н. Бурлакова реализует не только Общие начала, но и специальные правила назначения наказания. Она единственная на сегодняшний день, которая учитывает все критерии назначения наказания.¹ Эта методика позволяет достаточно быстро рассчитать вид и размер наказания, от которого судья может отклониться с указанием конкретных обстоятельств, которые остались за рамками методики.

Методика прошла проверку в процессе мониторинга судебной практики по разным видам преступлений и сравнения наказаний по реальным приговорам и исчисленным по методике. В более чем 30% случаев наказания были близки, а существенные расхождения, как правило, возникали из-за ошибок судьи при применении норм, регламентирующих назначение наказания.²

¹ Бурлаков В.Н. Назначение наказания и личность преступника. Правовые, теоретические и методические вопросы. - СПб.: Изд-во Юридический центр, 2017.

² Мониторинг судебной практики проводился в течение 10 лет студентами магистерского курса юридического факультета СПбГУ «Теоретические проблемы личности преступника при назначении наказания» под руководством автора этой статьи.

Посредник - исполнитель преступления и новый вид соучастника

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы соотношения понятий соучастия и посредничества в совершении преступления по современному уголовному законодательству, разработан и обоснован вариант законодательно-го закрепления понятия посредника в системе норм института соучастия.

Ключевые слова: соучастие, посредничество в преступлении, уголовный закон

Complicity in a Crime and a New Type of Criminal Accomplice

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of complicity and mediation in the commission of a crime under modern criminal law. Author has developed and provided grounds for the legislative consolidation of the concept of mediator among the regulations describing the concept of complicity.

Keywords. Complicity, mediation in a crime, criminal law

Ретроспективный и сравнительный анализ посредничества и соучастия в уголовном законодательстве РФ показывает, что преступное посредничество представляет собой разновидность преступного поведения, которое по своей природе является тождественным соучастию как умышленному совместному участию нескольких лиц в совершении умышленного преступления. Несмотря на глубокие исторические корни, единый подход к законодательному и теоретическому определению преступного посредничества так и не был выработан. Квалификация действий посредника по правилам института соучастия, т.е. путем признания посредника кем-либо из соучастников, установленных ст. 33 УК РФ, является исторически сложившейся, хотя на сегодняшний день – не в полной мере учитывающей специфику посреднической деятельности, характеризующейся все более активными и опасными проявлениями, а также наличием в законе новых норм о самостоятельно криминализованном посредничестве.

Далеко не любое преступление, даже при стечении в нем нескольких участников, совершается с использованием посредника.

Как справедливо отмечал А.Ю. Сунгатуллин (для примера взята одна из современных работ, основанных на актуальном содержании уголовного закона), «посредничество в совершении преступления предполагает участие в таком общественно опасном деянии, которое характеризуется криминальным соглашением, в качестве классификационного основания соответствующих норм уголовного закона может быть выделен предмет преступной сделки. Имеются основания полагать, что все преступления, в которых возможно участие посредника предполагают передачу чего-либо от одной сто-

роны – другой»¹. Причем, развивая эту мысль, необходимо отметить, что обе стороны нередко совершают самостоятельные, но взаимообусловленные преступления, когда наличие одного преступления становится возможным только при наличии другого, корреспондирующего ему состава (например, приобретение и сбыт наркотиков, получение и дача взятки, получение и дача коммерческого подкупа, различные виды преступных сделок и преступлений по найму - убийство по найму, причинение тяжкого вреда здоровью по найму, сделка по купле-продаже человека и т.д.). В ряде случаев такие деяния могут юридически не создавать соучастия, тем не менее, представляя собой одно событие. Б.В. Волженкин на примере дачи взятки характеризовал это как «обязательное, необходимое соучастие, имеющееся во всех случаях получения взятки должностным лицом»².

В свою очередь, посредническая деятельность в соответствии с установленными представлениями означает содействие соглашению, сделке между сторонами, между которыми посредник является связующим звеном.

Таким образом, посредник в силу характера своей деятельности всегда содействует другим лицам, в данном случае - участникам криминальной сделки, чьи действия могут квалифицироваться по одной или разным статьям, частям статьи Особенной части УК РФ. При этом посредник принимает одновременное участие в совершении минимум двух преступлений сторон сделки, что образует и его собственное преступление.

Объективная сторона деяния посредника предполагает такое участие в интересах, на стороне, от имени, с согласия или по поручению не менее чем одной стороны криминальной сделки, которое направлено на достижение и реализацию преступного соглашения между ними. При таком положении оценка действий посредника как соучастника исходя из того, кому из сторон преступной сделки он в большей мере способствовал, не учитывает всех фактических обстоятельств содеянного, а кроме того, может существенным образом повлиять на вид и меру ответственности.

Кроме того, роль посредника, обладающего чертами всех из имеющихся видов соучастников, в полной мере ни одним из них не охватывается: посредник может полностью или частично выполнить объективную сторону преступления (например, передать предмет подкупа); он же может обеспечивать установление контактов между потенциальными участниками преступной сделки за вознаграждение; обещать и предлагать свои посреднические услуги и т.д. Более того, именно посредники зачастую обеспечивают так называемый «коррупционный оборот» ценностей и сделок с ними, могут совершать действия по приданию правомерного вида преступным сделкам, трансформировать предназначавшиеся коррупционеру ценности из одного вида в другой путем произведения цепочек финансовых операций, включая

¹Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2016.- С. 77.

²Волженкин Б.В. Служебные преступления. - - М., Юрист. – 2000 - С. 194.

использование нескольких посредников, совершая тем самым действия, далеко выходящие за пределы функций лиц, передающих и получающих подкуп.

Безусловно, такой широкий «функционал» преступного посредничества, в сочетании с международными обязательствами нашей страны, обязывающими криминализировать любые формы противоправного влияния и коррупционные проявления, закономерно потребовал закрепления в законе преступной деятельности соответствующего вида.

Для начала, как видно, законодатель пошел по пути «наименьшего сопротивления», не требующей существенной модернизации основополагающих институтов уголовного права, таких как институт соучастия, и установил уголовную ответственность за преступное посредничество на уровне самостоятельного преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Однако, такой механизм не универсален, поскольку может быть постоянной необходимостью дополнения Особенной части УК РФ значительным количеством новых составов посредничества в зависимости от того, как будет проходить процесс дальнейшей криминализации, будут ли в законе новые преступления, для которых появится необходимость ответственности посредника. Также может возникнуть потребность криминализации посредничества применительно к значительному количеству уже существующих составов преступлений и формулирование понятия преступного посредничества применительно к каждому составу, что, с учетом их специфики, может существенно различаться. В свою очередь, отсутствие такого понятия может свидетельствовать о неопределенности нормы уголовного закона, что приведет к невозможности ее практического применения, т.е. неэффективности правового регулирования. В этом плане наглядной иллюстрацией является ч. 5 ст. 184 УК РФ – посредничество при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, не содержащая понятия посредничества, по которой с момента ее введения в УК РФ (Федеральным законом № 324-ФЗ от 3 июля 2016 г.) до настоящего времени не постановлено ни одного судебного акта. Примеров расследования подобного рода дел в ходе проводимого исследования также не добыто.

Ряд современных ученых, упомянутых в предыдущих частях настоящей работы, высказывались о возможности законодательного закрепления посредника в качестве самостоятельного вида соучастника, с установлением его понятия и признаков в Общей части УК РФ.

А.Н. Кугатов справедливо констатировал нормативное и теоретическое несовершенство ст. 33 УК РФ, не позволяющей с введением понятия преступного посредничества охватить собой все возможные формы содействия совершению преступления посредническими действиями¹.

¹ Кугатов А.Н. Посредничество в совершении преступлений: уголовно-правовые аспекты.

А.Ю. Сунгатуллин обосновал необходимость «дополнения ч. 1 ст. 33, а также ч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ указанием на посредника и включения в ст. 33 УК РФ новой части 6, где следует изложить разработанное определение посредника в совершении преступления как содействия достижению и реализации договоренности между двумя и более лицами о совершении преступления»¹.

Выводы данных исследователей, основанные на актуальном состоянии законодательства и правоприменительной практики, представляются убедительными. Вместе с тем, на наш взгляд, они могут быть подвергнуты некоторой корректировке. Рассмотрим данные вопросы более подробно.

Из содержания ст. 291.1, 204.1 УК РФ следует, что посредничество - это обеспечение лицом в любой форме (физической, интеллектуальной) взаимодействия между двумя и более лицами – участниками преступного соглашения (преступной сделки) от имени, по поручению, в интересах одной или нескольких ее сторон. Посредник – это представитель участника преступной сделки, одновременно совершающий самостоятельное преступление. Объективная сторона преступления посредника по сути состоит в участии в совместной преступной деятельности других лиц.

В случае выделения посредничества в самостоятельный состав преступления, как это сделано законодателем в ст. 291.1, 204.1, ч. 5 ст. 184 УК РФ, посредническая деятельность применительно к данным составам является исполнением преступления. Если же лицо посредничает при совершении других преступлений, ответственность за посредничество в которых в самостоятельной норме уголовного закона не предусмотрена, то посредник, трансформируется в соучастника, т.е. лицо, оказывающее содействие в совершении преступлений другим лицам. При этом его нельзя однозначно отнести к числу кого-либо из существующих видов соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ. Во-первых, посредник как вид соучастника возникает только по преступлениям определенной категории, где имеются как минимум две «стороны» преступной сделки. Во-вторых, объективная сторона совершаемого им преступления состоит в участии в преступной деятельности нескольких лиц и в интересах этих лиц, совершающих взаимообусловленные преступления, что не является отличительной чертой для иных видов соучастников. В-третьих, многообразие способов посредничества включает в деянии посредника признаки, характерные всех иных видов соучастников, и при этом ни одним из них полностью не охватывается.

В этом случае посредничество как вид соучастия - это самостоятельный вид соучастия и одновременно элемент необходимого соучастия в преступлениях с множественными субъектами; представляет собой одновременное участие одного лица в нескольких взаимообусловленных преступлениях

- С. 8-9.

¹ Сунгатуллин А.Ю. Посредничество в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2016.- С. 148.

других лиц, совершаемых в форме криминальной сделки, заключающееся в обеспечении в любой форме (физической, интеллектуальной) взаимодействия между указанными лицами по совершению ими указанных преступлений.

Соответственно, посредник – это вид соучастника с распределением ролей, который является связующим звеном в совершении преступлений в форме преступной сделки (преступного соглашения), обеспечивая взаимодействие между как минимум двумя участниками указанной сделки (соглашения), не являясь при этом исполнителем преступления.

Несколько по-иному будет складываться ситуация с посредником – исполнителем преступления (самостоятельно криминализированного посредничества). Такой посредник, даже при условии перспективного закрепления преступного посредничества в ст. 33 УК РФ, останется исполнителем преступления, с сохранением все квалификационных правил его ответственности. Квалификация его действий будет производиться только по статье Особенной части УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за преступное посредничество, т.е. по правилам как для исполнителя преступления, без ссылки на ст. 33 УК РФ¹, тогда как квалификация действий посредника-соучастника будет состоять из статьи Особенной части УК РФ со ссылкой на пункт (часть) статьи 33 УК РФ, устанавливающей понятие посредника как вида соучастника.

Описанный подход позволит упорядочить и привести к единообразию механизм квалификации преступного посредничества, и позволяет учитывать дуалистическую природу преступного посредничества и как вида соучастия и как самостоятельного преступления.

Список литературы

1. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. - М., Юрист. - 2000. - 368 с.
2. *Корнеева А.В.* Теория квалификации преступлений : учебно-практическое пособие для магистрантов. - М. : Проспект. - 2020. - 112 с.
3. *Кугатов, А.Н.* Посредничество в совершении преступлений: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. -0 М., 2015. - 190 с.
4. *Сунгатуллин, А.Ю.* Посредничество в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2016. - 178 с.

¹ Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений : учебно-практическое пособие для магистрантов. – М. : Проспект, 2020. - С. 66-67.

Учет психических расстройств при назначении уголовного наказания несовершеннолетним

Аннотация: Психическое развитие в несовершеннолетнем возрасте имеет свои особенности, что делает весьма затруднительным установление экспертным путем факт его отставания. Отсутствие каких-либо более или менее устойчивых критериев психической зрелости делает сомнительными назначение экспертиз и их результаты для обеспечения юридической чистоты применения положений Главы 14 УК РФ. **Обосновывается необходимость закрепления в УК РФ** положения, согласно которому возраст несовершеннолетия от 14 до 16 лет по факту признается естественным психическим состоянием лица, не связанным ни с отставанием в психическом развитии, ни психическим расстройством, ограничивающим вменяемость, но ограничивающим его способность в полной мере осознавать характер и общественную опасность совершенного деяния. Назначать экспертизы несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет целесообразно только в случаях необходимости решения вопроса об их вменяемости в момент совершения преступления.

Ключевые слова: возраст, вменяемость, несовершеннолетний, психика, расстройства, экспертиза,

Mental disorders and imposition of punishment on juveniles

Abstract: Mental development of juveniles has its own characteristics, which makes it very difficult to establish by expert means the fact of mental retardation. The absence of any stable criteria for mental maturity makes the appointment of examinations and their results doubtful to ensure the legal purity of applying the provisions of Chapter 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is necessary to fix in the Criminal Code of the Russian Federation a provision, according to which the age from 14 to 16 years is recognized as a natural mental state of a person, not related either to a mental retardation, or a mental disorder that limits sanity, but limits its ability to fully recognize the nature and the public danger of the act. The appointment of examination of juveniles from 14 to 16 years is advisable only if it is necessary to decide on their sanity at the time the crime is committed.

Keyword: age; sanity; juvenile; mind; disorder; examination.

Несовершеннолетие является не только физическим, но и правовым состоянием индивида, определяющим пределы дозволенного поведения и меры ответственности. Распространенным в науке мнением о причинах установления привилегированного уголовно-правового и уголовно-процессуального положения для несовершеннолетних и в целом о снисходительном отноше-

нии к ним со стороны общества даже в случаях совершения ими преступлений является то, что у этой категории обвиняемых или осужденных в силу физиологических особенностей, обусловленных возрастом, недостаточно развита психика¹. Хотя по общему правилу психическое созревание индивида, позволяющее привлекать его к уголовной ответственности, происходит к шестнадцати годам, тем не менее, далеко не всегда можно быть уверенным в том, что лицо в полной мере осознавало характер совершенных им общественно опасных действий даже при достижении им соответствующего возраста. Сомнения в способности лица осознавать характер совершаемых действий тем сильнее, чем моложе возраст индивида и сложнее для понимания уголовно-правовой запрет, понять который может далеко не каждый квалифицированный юрист, в том числе и судьи, нередко допускающие ошибки, устраняемые вышестоящими судебными инстанциями.

Возраст лица от 14 до 16 лет является пограничным, характеризующим степень психического развития: от близкой к полной неспособности осознать характер совершенных действий до близкой к их полному пониманию. При этом с учетом правила, согласно которому лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а с начала часов следующих суток, решающее значение могут иметь одни сутки или несколько часов или даже минут. Если, например, лицу исполнилось 13 лет 11 месяцев и 29 дней, то отсутствует состав преступления, то есть нет основания для уголовной ответственности. Если ко времени совершения преступления (кроме особо тяжкого) лицу исполнилось 15 лет 11 месяцев и 29 дней, то такому лицу может быть назначено лишение свободы на срок не свыше 6 лет (ч.6 ст.88 УК РФ).

Возраст от 14 до 16 лет - это период наиболее активного развития личности, включающий в себя неосознаваемый процесс познания окружающей действительности и соизмерения с ней себя, апробацию сил и возможностей и вообще способности физической выживаемости. Физиологическое развитие каждого человека, особенно его психическое развитие, индивидуально, и этот процесс может протекать совершенно по-разному в 14-, 16- или 18-летнем возрасте. На этот процесс влияют множество факторов: наследственные, социальные, экология, жилищные условия и др. О сложности процесса психического развития говорят результаты судебно-психиатрических экспертиз и формулировки, используемые экспертами при описании психического состояния лица². Но, возможно ли такое, что одни сутки, часы или минуты

¹ Косевич Н.Р. Уголовная ответственность несовершеннолетних в нормах российского законодательства как реализация дружественного к ребенку правосудия // СПС КонсультантПлюс. 2013; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. - М., 2003. - С. 510.

² Например, такая формулировка: «...Однако, как установлено стационарной судебно-психиатрической экспертизой, у Б., хотя и нет психического заболевания, обнаруживается серьезная задержка психического развития вследствие перенесенных им при родах травмы головного мозга, асфиксии и недоношенности, по уровню общего психического развития

могли влиять на социальное или психическое созревание личности, и как судебно-психиатрическая или любая другая экспертиза может это установить, а суды на основе их заключения применить соответствующую уголовно-правовую норму?

Полагаем, что совокупное воздействие множества факторов на психическое (интеллектуальное и волевое) взросление человека обуславливает невозможность установления уголовно и процессуально значимого факта – что несовершеннолетнее лицо в момент совершения преступления было способно осознавать характер совершаемого деяния. Этим обусловлено то, что закон допускает возможность применения (в исключительных случаях) положений Главы 14 (за небольшим исключением) и в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте от 18 до 20 лет (ст. 96 УК РФ). Какие именно исключительные обстоятельства могут быть учтены для применения положений ст. 96 УК РФ ни закон, ни Пленум Верховного Суда не оговаривают, отдавая этот вопрос на усмотрение суда. В научной литературе к этим обстоятельствам относят социальную, психологическую незрелость лица (причем именно *во время* совершения преступления, как будто после совершения преступления сразу может произойти социальная или психическая зрелость), наличие хронической (!?) уменьшенной вменяемости и т.д.¹

Вместе с тем, ч.3 ст.20 УК РФ допускает возможность уголовной безответственности лиц, совершивших преступление в возрасте от 14 до 16 лет, при условии, что у них установлен факт отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. При этом нет критериев, позволяющих определить, в полной ли мере лицо осознавало фактический характер и общественную опасность совершенного деяния. Так же не понятно, чем обусловлено то, что это положение не распространяется на лиц в возрасте от 16 до 18 лет? В некоторых случаях психические расстройства в момент совершения преступного деяния не достигают степени медицинского и юридического критериев невменяемости, но вместе с тем влияют на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), либо руководить ими. Эту особенность психики человека учитывают положения ст. 22 УК РФ, устанавливающей особенности уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, расширив тем самым диапазон качественных ха-

на момент обследования он не соответствует паспортному возрастному периоду, считается не достигшим 14 лет и в силу интеллектуально-личностной незрелости, недостаточной способности к прогнозированию, контролю и выполнению критических функций на момент обследования, как и во время совершения общественно опасного деяния, не мог в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими» в Определении Верховного Суда Российской Федерации №. 19/1кп097-5 по делу Болотова // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 14.05.1997 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1997 года» // СПС КонсультантПлюс

¹ Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. - 2018. - № 4. - С. 96 - 109.

рактик осознанно-волевого поведения и преодолев ранее существовавший дихотомический подход «вменяемость-невменяемость». Концептуальное положение этой нормы материального права оказало влияние на содержание норм процессуального права (ч.3 ст.27, ст.ст.433-435 УПК РФ).

Пока лицо не совершило преступление, презюмируется, что его развитие идет нормально, а имеющиеся отклонения (если они есть) обусловлены возрастом и сами по себе не могут привести к преступлению. Если же преступление совершается, то на органы расследования и суд возлагается обязанность выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний. Для обеспечения профессиональной компетентности судей, специализирующихся на уголовных делах по преступлениям несовершеннолетних, рекомендуется прохождение ими обучения и переподготовки не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых в рамках процессуального законодательства¹.

Отметим, что, во-первых, такие познания крайне желательны и для лиц, производящих досудебное производство по уголовному делу, а во-вторых, этих познаний крайне недостаточно для определения степени вменяемости несовершеннолетнего в момент совершения им преступления. Ведь сложно определиться с вопросом: «Страдает ли несовершеннолетний расстройством психики, или это естественное состояние развивающейся психики с соответствующими реакциями на определенные раздражители?». Если следовать логике Пленума Верховного Суда России, выраженной в п.14 Постановления № 1 от 01.02.2011 г., то экспертиза может назначаться только при наличии данных, указывающих на отставание в психическом развитии несовершеннолетнего. А перед экспертами должен быть поставлен вопрос о влиянии психического состояния несовершеннолетнего на его интеллектуальное развитие с учетом возраста. И все это не для того, чтобы освободить лицо от уголовной ответственности, а для того, чтобы суд мог это учесть в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания. Кроме того, правоприменительная практика вносит свои коррективы и далеко не всегда следует разъяснениям Пленума Верховного Суда в части необходимости назначения экспертизы. В одних случаях следствие и суды вообще не назначают психиатрические экспертизы даже при очевидной необходимости этого². В других случаях решения принимаются на основании ранее проведен-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февраля.

² Так, по уголовному делу № 1-28/2017, рассмотренному Никольским районным судом, было установлено, что подсудимый М. 15 лет обучался в коррекционной школе, но в от-

ных экспертиз по другим делам, хотя Пленум Верховного Суда требует, чтобы при наличии данных об отставании несовершеннолетнего в психическом развитии проведение ему экспертизы для установления уровня психического развития необходимо по каждому уголовному делу независимо от проведения экспертизы ранее по другому уголовному делу.

Так, например, в одном случае следователь приобщил к уголовному делу копию заключения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, проведенной ранее в отношении этого несовершеннолетнего по другому уголовному делу¹. К другому уголовному делу приобщена справка инспектора по делам несовершеннолетних о том, что обвиняемые - П.14 лет и П. 15 лет - состоят на учете. Даже наличие заключения экспертов, подтверждающего факт психического расстройства у обвиняемого, не исключает того, что допускаются другие нарушения положений УПК при проведении различных процессуальных и следственных действий, чаще всего проведение допросов без участия педагога или психолога².

Статистика региональных центров судебной психиатрии такова, что из общего числа ежегодно проводимых экспертиз около 2% составляют комплексные психолого-психиатрические экспертизы в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не могущих в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения либо руководить им (ч.3 ст.20 УК РФ)³. Это говорит о том, что на практике случаи, вызывающие сомнения в адекватности лица, встречаются довольно часто⁴.

ношении него в ходе досудебного производства не была назначена психиатрическая экспертиза.

¹ Архив Вологодского районного суда / Уголовное дело № 1-171-2017.

² Архив Череповецкого городского суда. Уголовное дело № 1-2-2017; 1-36-2018; Архив Никольского районного суда. Уголовное дело № 1-18.2018.

³ Скрипченко Н.Ю. К вопросу об учете уровня психического развития несовершеннолетнего при назначении ему мер уголовно-правового характера // Медицинское право. - 2012. - № 6. - С. 39 - 41. Причина роста случаев отставания в психическом развитии несовершеннолетних в научной литературе объясняется еще и тем, что значительное число детей, зачастую еще до наступления подросткового возраста, начинает употреблять алкоголь, токсичные вещества, наркотики // Марковичева Е.В. Использование судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в процессе доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетних // Юридическая психология. - 2008.- № 2.- С. 14.

⁴ При анализе соотношения психических аномалий и делинквентного поведения несовершеннолетних исследователи пришли к выводу, что у 51,3% подростков-правонарушителей обнаруживаются психические отклонения. В их числе ведущее место занимают пограничные состояния (неврозы и психогенные депрессии невротического уровня - 11% от числа обследованных с психическими аномалиями, патохарактерологические развития и психопатии - 30,5%); на втором месте - остаточные явления ранних органических поражений головного мозга - 18,2%, а также задержки психического развития и олигофрении - 9%; на третьем месте хронический алкоголизм - 13% и он же, но ослож-

По исследованным делам, по которым назначались судебно-психологические или комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы, в приговорах суды ссылались лишь на результаты таких экспертиз¹, и другие доказательства не приводились. Однако, полагаем, что самым уязвимым местом в этом вопросе является проблема принятия решения о назначении соответствующей экспертизы, так как такая экспертиза назначается лишь в случаях, когда у следователя или суда есть основание считать, что несовершеннолетний отстает в психическом развитии. Анализ жалоб адвокатов показывает, что весьма нередки случаи, когда их ходатайства о назначении соответствующих экспертиз игнорируются. Поэтому считаем, что в уголовном законе должно быть закреплено положение, согласно которому возраст от 14 до 16 лет по факту признается естественным психическим состоянием лица, не связанным ни с отставанием в психическом развитии, ни с психическим расстройством, ограничивающим вменяемость, но ограничивающим его способность в полной мере осознавать характер и общественную опасность совершенного деяния. Назначать экспертизы несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет следует только в случаях необходимости решения вопроса об их вменяемости в момент совершения преступления.

Зарубин А.В.

Некоторые проблемы судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Исследованы вопросы назначения судебного штрафа применительно к формальным составам преступлений, возмещения ущерба, особенности назначения судебного штрафа применительно к отдельным составам преступлений. Разработаны предложения по совершенствованию практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, судебный штраф

ненный наркоманией, - 2,5% // Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста (теоретический, клинический и судебно-психиатрический аспекты). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. - С. 24.

¹ Архив Московского городского суда // Постановление Московского городского суда от 12.11.2012 № 4у/5-8722/12; Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2007 № 45-о07-26 // КонсультантПлюс

Challenges Set by the Judicial Practice of Exemption from Criminal Liability with the Imposition of a Court Fine

Abstract. The article explores certain problems of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine. Author researched the practice of assigning a court fine in relation to the formal elements of crime, compensation for damages, and the specifics of assigning a court fine in relation to specific crimes. On the base of made research author proposes to improve the practice of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine.

Keywords: other measures of criminal-legal nature, judicial fine.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в УК РФ введена ст. 76.2, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа».

Кроме того, в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» появилась новая глава 15.2 «Судебный штраф», которая включает ст. 104.4 и 104.5 УК РФ «Судебный штраф» и «Порядок определения размера судебного штрафа».

Применение положений об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа приобретает все большие масштабы. При этом до настоящего времени не решены многие проблемы правоприменения до настоящего времени не решены¹. Некоторую помощь правоприменителю оказывает утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 г. «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)».

Необходимо указать на сложную правовую природу судебного штрафа, который являясь с одной стороны условным видом освобождения от уголовной ответственности, с другой стороны определен в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, так же, как и основания, установленные ч. 1 ст. 75, ст. 76 и ст. 90 УК РФ, предусмотрено для применения к двум категориям преступлений – небольшой и средней тяжести.

В связи с этим возникает вопрос о праве суда изменить категорию преступления в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 15 УК РФ, и освободить лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В первой редакции п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» действовавшей

¹ Безбородов Д.А., Ильина А.Н. Некоторые особенности применения судебного штрафа при совокупности преступлений // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 25.

до 29.11.2016 г., содержалось разъяснение, согласно которому в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, то при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания. В действующей редакции данного Постановления такое положение отсутствует.

При этом в соответствии с п. 10 Постановления Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания.

На наш взгляд, суд при постановлении приговора, назначив наказание и изменив категорию преступления на менее тяжкую, при наличии оснований, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, может освободить осужденного от отбывания назначенного наказания и назначить ему меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В тексте ст. 76.2 УК РФ в качестве постпреступного позитивного поведения предусмотрено возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом. Совершение других позитивных действий, как это предусмотрено для деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ), от лица не требуется.

Освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.2 УК РФ также возможно в соответствии с п. 7 «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)» утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 г. в случае, когда в результате полного возмещения ущерба не было достигнуто примирение с потерпевшим. Мнение потерпевшего должно иметь значение только при решении вопроса о способах заглаживания вреда и размере его возмещения. Решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности не связано с мнением потерпевшего, поскольку в силу публичного характера уголовно-правовых отношений данное право принадлежит государству в лице суда.

В ст. 76.2 УК РФ словосочетания «возместило ущерб» и «иным образом заглавило причиненный преступлением вред» соединены разделительным союзом «или». Это означает, что каждое из этих позитивных действий является самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности.

В случаях, когда потерпевшему преступлением причинен имущественный вред (ущерб), его возмещение должно быть расценено судом как основание для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. А в тех случаях, когда потерпевшему причинен неимущественный вред (физический или моральный), его заглаживание приемлемым для

потерпевшего способом является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Полагаем, что по смыслу ст. 76.2 УК РФ под возмещением ущерба (имущественного вреда) для целей предусмотренного в этой норме закона освобождения от уголовной ответственности следует понимать возмещение ущерба (имущественного вреда) в полном объеме, т.е. в объеме, установленном в материалах дела.

При причинении потерпевшему неимущественного вреда способ и размер его возмещения должны быть приемлемыми для потерпевшего, поэтому мнение потерпевшего по этому вопросу должно быть учтено.

Однако явно несоразмерные причиненному вреду требования потерпевшего не должны приниматься во внимание, так как они противоречат задачам правосудия. В таких случаях суд, исходя из принципов разумности и справедливости, должен дать оценку размеру возмещения с точки зрения его достаточности для признания выполненным условия, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ.

Уголовный кодекс РФ содержит значительное число формальных составов преступлений небольшой и средней тяжести, в которых не предусмотрено наступления общественно опасных последствий в виде причинения имущественного или неимущественного вреда физическим или юридическим лицам.

В связи с этим возникает проблема допустимости применения судебного штрафа к лицам, совершившим такого рода преступления, поскольку в УК РФ в качестве единственного основания для освобождения от уголовной ответственности предусмотрено возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда.

Так, например, Кузьмина была освобождена в соответствии со ст. 76.2 УК РФ от уголовной ответственности по ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 6 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 1 ст. 204.2, ч. 1 ст. 204.2, ч. 5 ст. 204, ч. 5 ст. 204, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 50.000 рублей¹.

По нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших такого рода преступления, тем более в совокупности, по основанию, предусмотренному в ст. 76.2 УК РФ, нецелесообразно.

Такие лица могут быть освобождены от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренным в ч. 1 ст. 75 УК РФ, либо по специальному основанию, предусмотренному в примечании к статье Особенной части УК РФ (специальный вид деятельного раскаяния). Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 322.3 УК РФ, может быть

¹ Постановление Индустриального районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) № 1-507/2019 от 6 сентября 2019 г. по делу № 1-507/2019. URL: <http://www.sudact.ru>. (дата обращения: 08.06.2019).

освобождено от уголовной ответственности по основанию, указанному в примечании 2 к указанной статье.

Однако судебная практика показывает, что новый вид освобождения от уголовной ответственности стал применяться также и по делам, где не было ущерба и вопрос о его возмещении или заглаживании вреда не возникал.

При этом в п. 1 «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)» утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 г. указано, что «закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76.2 УК РФ условий и в тех при совершении преступлений с формальным составом».

В п. 2 1 «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) от 10.07.2019 г. указано, что суды правильно исходят из того, что вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

При этом в Обзоре приводится постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 28 июня 2017 г. о прекращении уголовного дела в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере десяти тысяч рублей.

К. загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность.

По нашему мнению, Верховный суд РФ при этом оставил без внимания вопрос о соответствии общественных отношений, которым причинен вред и тем учреждениям, социальным ценностям, на содержание которых виновный перечислил деньги в качестве благотворительности.

В ст. 76.2 УК РФ предусмотрено применение нового вида освобождения от уголовной ответственности на диспозитивных началах, т.е. по усмотрению суда. Это означает, что суд даже при наличии всех предусмотренных законом условий не обязан, а вправе освободить лицо от уголовной ответственности.

Упущением законодателя видится то, что в ст. 76.2 УК РФ не предусмотрен обобщающий критерий, на основании оценки которого суд, установив наличие предусмотренных законом объективных условий (совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда), должен будет решить вопрос о целесообразности или нецелесообразности освобождения лица от уголовной ответственности.

По нашему мнению, критерии, ограничивающие судебское усмотрение, могут быть установлены с учетом того, что освобождаемое лицо подвергает-

ся уголовно-правовой мере в виде судебного штрафа, которая применяется в тех же целях, что и уголовное наказание, а именно в целях восстановления социальной справедливости, исправления лица и предупреждения новых преступлений.

УК РФ содержит немало составов преступлений, отнесенных к категориям небольшой и средней тяжести, но представляющих высокую общественную опасность. Например, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ст. 240.1 УК РФ.

Исправление лиц, совершивших такого рода преступления, вряд ли может быть достигнуто назначением судебного штрафа. Однако лицо, впервые совершившее такое преступление и возместившее ущерб или иным образом загладившее причиненный преступлением вред, по закону может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, поскольку иных кроме указанных ограничений законом не предусмотрено.

Суд при рассмотрении таких дел вынужден будет мотивировать нецелесообразность освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа со ссылкой на основания, не предусмотренные законом, что сопряжено с риском отмены судебного решения ввиду неправильного применения закона. Законодательное установление указанного обобщающего критерия создаст необходимые нормативные предпосылки для применения нововведения только в тех случаях, когда это соответствует его целям.

Судебное регулирование определения размера судебного штрафа также не лишено недостатков. Часть 2 статьи 104.5 УК РФ в качестве обстоятельств, учитываемых судом при определении судебного штрафа, указывает на: тяжесть совершенного преступления; имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности; имущественное положение семьи лица, освобождаемого от уголовной ответственности; возможность получения лицом, освобождаемым от уголовной ответственности заработной платы или иного дохода.

Таким образом ч. 2 ст. 104.5 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, учитываемых при назначении судебного штрафа. Однако в п. 8 «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)» от 10.07.2019 г. в качестве положительного опыта приведено постановление Магасского районного суда Республики Ингушетия от 17 августа 2017 г. в котором суд в нарушение требований УК РФ при определении размера судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера учел степень общественной опасности содеянного, личность обвиняемого, который по месту жительства характеризуется положительно, наличие на иждивении четверых малолетних детей и возмещение вреда потерпевшему в полном объеме.

Учет обстоятельств, относящихся к личности виновного, а также влияния назначенного судебного штрафа на условия жизни его семьи противоречит п. 7.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58

(ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Явной проблемой применения судебного штрафа является, по нашему мнению, то обстоятельство, что в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ не установлен минимальный размер судебного штрафа.

Поскольку при определении размера судебного штрафа руководствоваться положениями ст. 46 УК РФ у суда нет правовых оснований, так как в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ не указано об этом.

Таким образом, если судебный штраф будет назначен в размере 100 руб., а суд мотивирует это имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, то такое решение формально будет соответствовать закону.

На наш взгляд, нужно установить минимальный размер судебного штрафа в ст. 104.5 УК РФ, иначе данная мера уголовно-правового характера может превратиться в фикцию.

Имеются также некоторые особенности назначения судебного штрафа несовершеннолетним. В соответствии с п. 16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и п. 16.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в отличие от п. 7.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами главы 14 УК РФ, касающиеся, в частности, исчисления сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т.д.

Таким образом для последовательного решения проблем назначения судебного штрафа целесообразно, в первую очередь, унифицировать положения Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, определяющих порядок назначения судебного штрафа и «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)» от 10.07.2019 г., при этом четко определив в них позицию Верховного Суда РФ по вопросам применения ст. 76.2 УК РФ.

Список литературы

Безбородов Д.А., Ильина А.Н. Некоторые особенности применения судебного штрафа при совокупности преступлений // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 25-28.

О месте искусственного интеллекта в уголовном праве России

Аннотация. Автором рассматриваются проблемы уголовно-правового регулирования статуса искусственных интеллектуальных систем. В ходе исследования автор приводит к выводам о том, что искусственный интеллект имеет тесную связь с многими признаками состава преступления, выступая в качестве них полностью или частично, в зависимости от конкретного правонарушения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преступление, робот, субъект, компьютерная информация

On the Place of Artificial Intelligence in Russian Criminal Law

Abstract. The author considers the problems of criminal law regulation of the status of artificial intelligent systems. The research lets author to conclude that artificial intelligence has a close relationship with many elements of crime and may become one of these elements partially or wholly, depending on the specific offense.

Keywords: artificial intelligence, crime, robot, subject, computer information

Интенсивность развития высоких технологий и информатизация общества порождают новые явления, правовое регулирование которых часто «запоздывает» или вовсе отсутствует. Одной из наиболее актуальных и сложных ситуаций для законодателя стало появление систем искусственного интеллекта, не получивших до сих пор должной законодательной регламентации. В то же время, можно наблюдать все большее распространение влияния интеллектуальных систем на жизнедеятельность человека.

Как правильно отмечают отечественные ученые, прежде чем приступить к принятию конкретных норм, необходимо «разобраться в философии и природе будущих правоотношений, определить, когда возможно создание сложных автономных систем, которые будут обладать волей и станут разумными...»¹

Научной проблемой выступает отсутствие единого понимания места искусственного интеллекта в теории уголовного права. В настоящее время отечественный уголовный закон не содержит каких-либо специальных норм, посвященных искусственному интеллекту. В то же время, некоторые инциденты с самообучаемыми программами уже встречались в практике, и в перспективе их количество будет только возрастать. Следовательно, целесооб-

¹ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. - 2017. - Т. 6. - №. 55. - С. 49.

разно вносить соответствующие изменения в закон на раннем этапе, чтобы предупредить возникновение неблагоприятных ситуаций.

Определения места искусственного интеллекта в уголовном праве, думается, возможно осуществить последовательно, соотнеся с отдельными признаками состава преступления.

Следует ли в качестве объекта преступления отдельно выделять общественные отношения, возникающие по поводу использования искусственного интеллекта? Представляется, что объем общественных отношений, возникающих по поводу использования искусственного интеллекта пока еще несопоставим с объемом родового или видового объектов преступления, несмотря на их растущее влияние. Соответственно, отдельно выделять такой объект на уровне родового или видового нецелесообразно, как и создавать в УК РФ специальные раздел или главу.

Что касается непосредственного объекта преступления, можно отметить, что этот вид вполне сопоставим по объему с общественными отношениями, возникающими по поводу использования искусственного интеллекта. В то же время, на текущем уровне развития самообучаемых программ, отечественное уголовное законодательство уже в определенной степени защищает связанные с ними отношения, посредством охраны иных объектов преступления. Поскольку искусственный интеллект по существу является компьютерной программой, наиболее полно это явление защищается нормами, предусмотренными главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Если же обратить внимание на конкретные сферы, в которых используются подобные системы, то объект охраны, скорее всего, изменится. Так, если посягательство производится на программное обеспечение беспилотного транспортного средства, то объектом преступления будут выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения. Таким же образом изменяется объект в случае противоправных действий в отношении самообучаемых медицинских приборов, систем вооружения, торговых алгоритмов и т.д.

В то же время, учитывая специфику искусственного интеллекта, его отличия от иных компьютерных программ, а также возрастающее влияние (тенденция, безусловно, сохранится в будущем), в дальнейшем вполне оправданно выделение связанных с данным явлением общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления, с соответствующим закреплением специальных норм, посвященных их охране.

Что касается потенциальной возможности признания искусственного интеллекта предметом преступления, то, в первую очередь необходимо отметить, что относительно содержания самого предмета преступления длительное время ведется научная дискуссия. Так, например, одними учеными предлагается относить к предметам лишь вещи и иные материальные образования. С другой стороны, в теории уголовного права существуют позиции, согласно которым в круг предметных отношений включаются также информа-

ция, атмосферный воздух, электричество, интеллектуальные ценности, то есть, нематериальные образования¹.

Искусственный интеллект в роли предмета преступления отвечает, как ни странно, обеим вышеуказанным позициям. Материальная единица, управляемая самообучаемой компьютерной программой (робот, беспилотное транспортное средство, система охраны), может быть повреждена, например, ударом или направленным электромагнитным воздействием. Следовательно, указанное противоправное деяние можно квалифицировать как преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ, то есть как «умышленное уничтожение или повреждение имущества». Предметом данного преступления является чужое имущество, в данном случае – искусственный интеллект или продукция, оснащенная искусственным интеллектом.

Если же противоправное посягательство производилось непосредственно на программный код искусственного интеллекта, то имеет место преступление в сфере компьютерной информации, которое может быть квалифицировано в рамках российского уголовного законодательства, к примеру, по статьям 272 или 273 УК РФ. Таким образом, искусственный интеллект может выступать в качестве предмета преступления как специфических кибер-преступлений, так и общеуголовных преступлений.

Что же касается признания искусственного интеллекта потерпевшим от преступления, то, следует отметить, что в настоящий момент это не представляется возможным. Потерпевшими традиционно признаются физические лица, хотя отдельными учеными предлагается закрепить в качестве таковых и юридических лиц². Думается, что признание искусственного интеллекта в качестве потерпевшего сейчас несвоевременно и нецелесообразно, поскольку означает постановку их на одну ступень социальной значимости с человеком. Развитие самообучаемых компьютерных программ еще не достигло должного уровня самосознания, хотя ни в коем случае не следует исключать такого развития события в будущем, что и предопределяет их правовой статус.

Переходя к исследованию признаков объективной стороны, следует остановиться, пожалуй, лишь на орудиях и средствах, а также способе совершения преступления, поскольку искусственный интеллект вряд ли может выступать в качестве времени, места и обстановки. Как подчеркивают С.В. Скляр и К.Н. Евдокимов, компьютерная информация, средства ее создания, хранения, обработки и передачи, информационно-телекоммуникационные сети не только являются предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления³. Такая позиция вполне

¹ Воробьев В.В. О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. - 2015. - № 6. - С. 221-223.

² Бальжинимаева В.В. Юридическое лицо как потерпевший в уголовном праве // Вестник ВЭГУ. - 2017. - № 5 (91). - С. 134-135.

³ Скляр С.В., Евдокимов К.Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2016. - Т. 10. - № 2. - С. 322-330.

справедлива и по отношению к искусственному интеллекту, поскольку, как указывалось выше, такое явление можно отнести к компьютерной информации, а его использование преступниками станет распространенным уже в ближайшем будущем.

Способ, отвечая на вопрос: «как совершено преступление?», является более широким понятием, чем орудия или средства. Рассматривая искусственный интеллект в данном контексте, хочется обратить внимание на то, что саму программу нельзя отнести к последовательности методов или приемов, которые решил применить преступник.

В то же время, преступник может сознательно избирать конкретные разновидности орудий, средств, приемов и методов, которые обладают схожими признакам, включающими использование последних достижений науки и техники. Указанный способ можно назвать высокотехнологичным, под которым, на наш взгляд, можно понимать такой способ совершения преступления, при котором для достижения преступного результата используются сложные по исполнению результаты интеллектуальной деятельности в сфере компьютерных и иных электронных систем, устройств и программного обеспечения.

Несмотря на тот факт, что совершение ряда преступлений возможно высокотехнологичным способом, законодатель не относит его к конструктивным или квалифицирующим признакам, что вызывает необходимость в квалификации деяний по правилам совокупности. Думается, назрела необходимость в совершенствовании уголовно-правовых норм с учетом возможности их совершения данным способом, который можно выделить в самостоятельный вид с закреплением его в качестве квалифицирующего признака.

Последним пунктом исследования, заслуживающим самого серьезного внимания, является проблема признания искусственного интеллекта в качестве субъекта преступления. Думается, правовое положение интеллектуальных устройств в дальнейшем претерпит существенные изменения, что будет зависеть от меры и природы автономности, а также от уровня самосознания.

В настоящее время невозможно и нецелесообразно привлечение искусственного интеллекта к уголовной ответственности. Программное обеспечение даже продвинутых военных устройств не обладает самосознанием или должной степенью самосознания, что исключает какую-либо форму вины, мотивацию, а также достижение целей наказания. Учитывая отсутствие социальной ценности равной ценности жизни человека на текущий момент, можно ограничиться перепрограммированием, уничтожением или заменой устройства без использования уголовно-правового механизма¹.

И все же, поскольку преступления, связанные с использованием систем искусственного интеллекта, так или иначе, все же будут иметь место, необ-

¹ Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2019. - Т. 10. - № 3. - С. 461-476.

ходимо определить перечень возможных субъектов их совершения. Можно, на наш взгляд, выделить следующие категории, в зависимости от характера объективной стороны:

- производитель программы (системы искусственного интеллекта);
- производитель или продавец продукции, оснащенной искусственным интеллектом;
- пользователь такой продукции;
- иные лица (например, хакеры).

Искусственное лицо сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если в будущем будет законодательно наделено правосубъектностью.

Список литературы

1. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Т. 6. №. 55. С. 46-62.
2. *Бальжинимаева В.В.* Юридическое лицо как потерпевший в уголовном праве // Вестник ВЭГУ. 2017. № 5 (91). С. 133-139.
3. *Воробьев В.В.* О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. 2015. № 6. С. 221-223.
4. *Мосечкин И.Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461-476.
5. *Скляров С.В., Евдокимов К.Н.* Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 322-330.

Мухамеджанов Э.Б.

К вопросу о синергии уголовно-правовых норм на примере п.4 ст. 4 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан»

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с ограничением пассивного избирательного права по основаниям судимости лиц, на этапе их регистрации в качестве кандидатов в Президенты, депутаты.

Ключевые слова: судимость, коррупционное преступление, кандидат в депутаты, избирательные права.

Paragraph 4 of the Article 4 of the Law «On Elections in the Republic of Kazakhstan» as an Example of the Synergy of Norms of Criminal Law

Abstract. This article discusses issues related to the restriction of passive suffrage on the basis of the criminal record of persons at the stage of their registration as candidates for the presidency, deputies.

Keywords: criminal record, corruption crime, candidate for deputy, suffrage.

Поводом написания данной статьи послужили положения п.4 ст.4 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан».

В этой правовой норме закреплено, что: «4. Не может быть кандидатом в Президенты Республики Казахстан, в депутаты Парламента Республики Казахстан, в том числе по партийным спискам, маслихатов, а также кандидатом в члены иного органа местного самоуправления:

1) лицо, имеющее судимость, которая не погашена или не снята в установленном законом порядке;

2) лицо, вина которого в совершении коррупционного преступления и коррупционного правонарушения в установленном законом порядке признана судом»¹.

Следует заметить, что пунктом 4 данная статья впервые была дополнена Конституционным законом от 8 мая 1998 года. В тот момент этот пункт имел иную редакцию, которая в последующем несколько раз изменялась и дополнялась. Действующая редакция этого пункта была закреплена Конституционным законом от 9 февраля 2009 года² [2].

На первый взгляд, положения данной нормы содержат вполне обоснованные требования, которым должен отвечать тот или иной кандидат, баллотирующийся на ту или иную выборную должность. Их суть, как видно, заключается в том, чтобы на ранней стадии избирательного процесса отсеять из числа претендентов в кандидаты лиц, имеющих судимость и виновных в совершении коррупционного преступления или правонарушения.

Эти требования законодателя, с точки зрения общественной морали и нравственности, являются справедливыми. Известно, что лицо, представляющее власть, народ, избирателей должно пользоваться уважением и обладать авторитетом. В обществе, нацеленном на построение демократии, в основе такого авторитета, должны лежать либерально-демократические или иные социально полезные ценности, но никак не криминально-коррупционные.

Поэтому законодатель в подпункте 1) пункта 4 ст.4 Конституционного закона о выборах запретил доступ к выборной должности Президента страны

¹ Конституционный закон РК от 28 сентября 1995 г. «О выборах в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями). URL:https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004029#pos=3;-96 (дата обращения – 15.05.2020)

² Комментарий к Конституционному закону Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан». - Астана, 2016. - С.18

и к иным выборным органам власти, тем гражданам, которые на момент избирательной кампании имеют не погашенную или не снятую судимость. Но, в тоже время, в целях соблюдения конституционного права граждан, избирать и быть избранным, допускает к регистрации в кандидаты лиц, имеющих погашенную или снятую судимость.

В ст. 79 УК РК закреплено, что лицо считается судимым за совершение преступления со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости¹.

Отсюда видно, что судимость порождает вступивший в законную силу приговор суда, а в качестве способов ее прекращения выступают – погашение или снятие.

Оба способа прекращения судимости возможны лишь после отбытия лицом установленного приговором суда срока уголовного наказания. Однако с отбытием срока уголовного наказания (исполнение наказания) не всегда наступает прекращение уголовной ответственности, которая является формой негативной реакции общества на совершенное преступление. Примером этому может служить судимость, когда лицо, отбывшее наказание, еще определенный период времени (срок) продолжает претерпевать негативные последствия за содеянное.

Одновременно исполнение наказания, прекращение уголовной ответственности и судимости в отношении лица, отбывшего наказание, возможно только в тех случаях, когда об этом прямо указано в уголовном законе. Примером этому служит положение части 2 ст.79 УК РК, где закреплено, что «лицо, освобожденное от наказания, а также осужденное за совершение уголовного проступка, признается не имеющим судимости». Кроме того, также отметим, что судимость может быть снята актами амнистии или помилования, по решению суда до истечения срока погашения судимости (ч.ч. 2 и 4 ст.78 и ч.7 ст.79 УК РК).

Во всех остальных случаях, лица совершившие преступления, несут уголовную ответственность в течение всего срока исполнения наказания и в течение установленных в ч.3 ст. 79 УК РК сроков погашения судимости.

В свою очередь в соответствии с ч.7 ст. 79 УК РК, если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения (ч.3 ст.79 УК РК).

Таким образом, судимость – это предусмотренная законом обязанность претерпеть отрицательные последствия осуждения. В рассматриваемом нами случае, такими отрицательными последствиями осуждения, является запрет лицу, отбывшему наказание, быть зарегистрированным кандидатом в Президенты и другие органы власти в период выборов.

Отсюда можно заключить, что институт судимости содержит в себе элементы репрессии, т.к. в период установленных уголовным законом сро-

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения – 15.05.2020)

ков, продолжает частично ограничивать отдельные права и свободы лица, отбывшего уголовное наказание.

В тоже время установление сроков судимости (часть 3 ст.79 УК РК) означает, что по их истечению лицо полностью считается реабилитированным и ни в каких случаях ранее совершенное преступление не может обусловить каких-либо правоограничений или назначения виновному более тяжкого наказания. Согласно ч.9 ст. 79 УК РК погашение или снятие судимости аннулирует все **уголовно-правовые последствия, предусмотренные Уголовным кодексом**, за исключением ограничений, установленных назначенным пожизненно дополнительным видом наказания.

Как видно, законодатель в этой норме институт судимости рассматривает только с уголовно-правовой точки зрения, суть которой состоит в том, что в соответствии с ч.1 ст.79 УК РК этот институт в УК РК учитывается при **определении рецидива преступлений, опасного рецидива преступлений и при назначении наказания.**

В тоже время в ином отраслевом законодательстве, не имеющем прямого отношения к уголовному праву, институт судимости является инструментом оценки опасности той или иной личности, отбывшей наказание, или служит основанием для ограничения её отдельных конституционных прав. Примером этому могут служить положения пункта 3 ст. 16 Закона РК «О государственной службе». В этой норме закреплено, что на государственную службу не может быть принят гражданин, имеющий судимость, которая ко времени поступления на государственную службу не погашена или не снята (подпункт 10), а в подпункте 11) этого же пункта речь идет уже о ранее **судимом** или освобожденном от уголовной ответственности за совершение преступления на основании пунктов 3), 4), 9), 10) и 12) части первой статьи 35 или статьи 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан за совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Аналогичные запреты содержатся и в других законодательных актах.

Исходя из этих примеров, возникает вопрос, почему положения специальной уголовно-правовой нормы (ч.1 ст.79 УК РК) в отраслевом законодательстве обретают расширительную трактовку, а именно служат препятствием к поступлению на государственную службу и т.п.?

Постановка этого вопроса состоит в том, что при конкуренции общей и специальной нормы, должна применяться специальная, это следует из теории права. В нашем же случае специальная норма, предусмотренная УК, судимость понимает уже, чем нормы законов, относящиеся к другим отраслям права. В этой связи полагаем, что редакция ч.1.ст.79 УК должна быть дополнена положениями, в которых прямо будет отражено, что судимость ограничивает права и свободы, реализация которых регулируется иным отраслевым законодательством. Поэтому считаем необходимым предложить следующую формулировку ч.1 ст.79 УК РК: «1. **Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимо-**

сти. Судимость в соответствии с настоящим Кодексом является элементом уголовной ответственности, служит основанием ограничения отдельных прав личности после отбытия ею наказания, а также учитывается при определении рецидива преступлений, опасного рецидива преступлений и при назначении нового наказания».

Такое развернутое определение «судимости» будет нести в себе как превентивные, так и информационные начала. Из его содержания сразу будет видно, что судимость не только влияет на признание лица рецидивистом и учитывается при назначении наказания, но и после его отбытия может быть основанием для ограничения конституционных прав гражданина.

Теперь, что касается подпункта 2 пункта 4 статьи 4 Конституционного закона о выборах, где законодатель говорит **о недопустимости регистрации в качестве кандидата на выборах лиц, вина которых в совершении коррупционного преступления и коррупционного правонарушения в установленном законом порядке признана судом¹.**

Проблема данного положения, на наш взгляд, заключается в том, что законодатель, придал лицам, совершившим коррупционные преступления, такую степень общественной опасности, которую не имеют лица, отбывшие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Так, например, лица, отбывшие наказание за государственную измену, вооруженный мятеж, диверсию и др., при погашенной судимости, теоретически могут быть, в соответствии с подпунктом 1) п. 4 статьи 4 Конституционного закона о выборах, зарегистрированы кандидатами на выборах Президента или в иной выборный орган. Лица же, виновные в совершении коррупционного преступления, фактически, вряд ли когда-либо смогут быть зарегистрированы в качестве таких кандидатов. Это вытекает из содержания абзаца 4 ч.2 ст.50 УК РК. В этой норме указано, что за совершение коррупционных преступлений в обязательном порядке должно назначаться **дополнительное наказание** в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. При этом, суть данного вида дополнительного наказания состоит **в пожизненном запрете** занимать определенные должности в государственных органах и субъектах квазигосударственного сектора.

С одной стороны, логичность такого решения, не противоречит положению п.1 ст.39 Конституции РК, где закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законами.

Но, с другой стороны, пожизненное лишение гражданина, совершившего коррупционное преступление, права реализации им пассивного избирательного права вызывает определенные сомнения из-за того, что такое ограничение (лишение) вызвано **дополнительным видом уголовного наказа-**

¹ Перечень коррупционных преступлений дан в пункте 29 статьи 3 УК РК, а перечень коррупционных правонарушений в статьях 676-681 Кодекса об административных правонарушениях

ния. В таком запрете можно усмотреть некую искусственность и алогизм. Получается, что лицо, отбывшее основной вид уголовного наказания за коррупционное преступление, имеющее погашенную судимость, из-за дополнительного наказания, носящего пожизненный характер, не может реализовать пассивное избирательное право, но при этом вправе осуществлять свое активное избирательное право, т.е. голосовать. Кроме того, алогизм этого наказания, на наш взгляд, состоит в том, что основные виды уголовного наказания, по своей репрессивности должны быть более строгими, чем дополнительные. При этом основные виды уголовного наказания имеют срочный характер, а, дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью за коррупционное преступление, является бессрочным. Возникает вопрос, насколько это оправдано? Не противоречит ли это постулатам классической теории наказания? Не девальвирует ли такую цель наказания, как исправление осужденного (ч.2 ст.30 УК РК)? Не приведет ли это к нарушению постулата о том, что мера наказания должна быть справедливой, соответствовать тяжести содеянному с учетом личности виновного и условий его жизни (ст.52 УК РК).

В свою очередь, отмеченное порождает другой вопрос, чем вызвано выделение в подпункте 2) п.4 ст.4 Конституционного закона о выборах, из общей массы преступлений в отдельную группу только коррупционных преступлений?

При такой постановке вопроса получается, что законодатель не только разделил преступления, но и лиц, их совершивших. Согласуется ли такое разделение лиц, отбывших наказание, с конституционным принципом равенства всех перед законом (п.1 ст.14 Конституции РК).

Из содержания подпункта 2) пункта 4 ст.4 Конституционного закона о выборах видно, что в нем речь идет не только о коррупционных преступлениях, но и о коррупционных правонарушениях, ответственность за которые наступает по административному законодательству.

Между тем, степень опасности преступления отличается от административного правонарушения. Акцентируя внимание на этом, хотим обратить внимание на то, что ранее в редакции рассматриваемого пункта были подпункты, в которых речь шла о дисциплинарной ответственности за коррупционное правонарушение и о наложении на лицо в течение года перед регистрацией в судебном порядке административной ответственности. В 2004 году из пункта 4 эти положения были исключены. Поводом тому послужили критические замечания представителей ОБСЕ, по итогам президентских выборов 1999 года¹. Основанием к таким замечаниям было то, что данные виды ответственности создавали условия к возможному устранению потенциальных конкурентов на выборах.

¹ Отчет оценочной миссии ОБСЕ о президентских выборах в Республике Казахстан. URL: <http://www.eurasia.org.ru/archive/99/archives/february/Elc0681.htm> (дата обращения – 10.05.2020)

На основании этого полагаем, что было бы целесообразно из редакции подпункта 2) пункта 4 ст.4 Конституционного закона о выборах исключить положение относящиеся к коррупционному правонарушению.

В заключении отметим, что вопросы, поднятые в данной статье, носят спорный характер и требуют более подробного анализа, как в сфере уголовного, так и избирательного права. Думается, что специалистам в области уголовного права необходимо еще раз вернуться к содержанию дополнительного наказания, связанного с пожизненным лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью при его назначении за коррупционные преступления. В этом вопросе можно пойти по пути уголовного законодательства России, где данный вид дополнительного наказания может назначаться на срок до 20 лет. Однако такой путь, на наш взгляд, не решит проблемы бессмысленной репрессивности этого вида наказания. Известно, что по нашему уголовному закону, при назначении этого наказания в качестве дополнительного к лишению свободы, аресту, его срок начинается исчисляться с момента отбытия основного наказания (ч.4 ст.50 УК РК), то в таком случае и 20 лет, это довольно длительный срок реализации уголовной ответственности. Бессмысленная же репрессивность этого наказания состоит в том, что еще из университетского курса «Криминологии» известно, что по истечению 7 лет лишения свободы, осужденный перестает чувствовать тяготы наказания и режима его исполнения. Поэтому, в данном случае, законодатель, должен проявить гуманизм. Поскольку пожизненное дополнительное наказание, как и

20-летнее, на наш взгляд, девальвирует такую цель наказания, как исправление осужденного (ч.2 ст.30 УК РК), а также свидетельствует о недоверии государства своей пенитенциарной системе, а именно, что она способна исправлять и перевоспитывать осужденных.

Осинов М.Ю.

К вопросу о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются вопросы о целесообразности снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних. На основе анализа современных международно – правовых документов и практики применения уголовных наказаний несовершеннолетними делается вывод о нецелесообразности снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних, поскольку как показывает практика современные воспитательные колонии, к сожалению, не способствуют формированию устойчивого законопослушного поведения, у несовершеннолетних и приводит впоследствии к повторному совершению преступлений. Сделан вывод о необходимости гуманного отношения к несовершеннолетним и введения профилактических мер против преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, несовершеннолетний, гуманное отношение, международно – правовое регулирование

To the question of the advisability of reducing the age of criminal responsibility

Abstract. This article discusses the advisability of reducing the age of criminal responsibility for minors. Based on the analysis of modern international legal documents and the practice of applying criminal punishments by minors, it is concluded that it is inappropriate to reduce the age of criminal responsibility for minors, as practice shows that modern educational colonies, unfortunately, do not contribute to the formation of stable law-abiding behavior among minors and subsequently lead to repeated committing crimes. The conclusion is drawn about the need for a humane attitude to minors and the introduction of preventive measures against juvenile delinquency.

Keywords: age of criminal responsibility, minor, humane attitude, international legal regulation

Одной из актуальных проблем, обсуждаемых в последнее время в российской юридической науке, является проблема определения минимального возраста уголовной ответственности несовершеннолетних. Об этой проблеме написано немало работ.¹ Сторонники снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних обычно указывают на ряд стран, где возраст уголовной ответственности гораздо ниже, чем у нас («Турция -11 лет, Бразилия, Израиль, Канада, Нидерланды – 12 лет; Ирландия, Ирландии Бангладеш, Иордания, Египет, Ливан, Ливия, Пакистан, Сингапур – 7 лет»)². Для того, чтобы ответить на данный вопрос необходимо решить ряд проблем, которые входят в предметное поле исследования (выступают в качестве предмета исследования): 1. Что представляет институт уголовной ответственности вообще и институт уголовной ответственности несовершеннолетних в частности? 2. Каковы должны быть психологические особенности субъекта уголовной ответственности. 3. Насколько меры уголовной ответственности несовершеннолетних эффективны. 4. Будут ли эти меры уголовной ответственности несовершеннолетних эффективны при снижении возраста уголовной ответственности?

¹ Кобзарь И.Г. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних по новому уголовному законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. – С.139; Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. – С. 13; Павлов В.Г. Субъект преступления: Монография. СПб., 2000. – С.96. Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. – № 4. - С. 96 - 109. DOI: 10.12737/art_2018_4_10 (www.doi.org).

² Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. – 2018. – № 4. - С. 96 - 109. DOI: 10.12737/art_2018_4_10 (www.doi.org).

Анализ ответов на поставленные вопросы позволил прийти к следующим выводам.

Применительно к уголовной ответственности несовершеннолетних можно сделать вывод о том, что под уголовной ответственностью несовершеннолетних в объективном смысле следует понимать институт уголовного права, представляющий собой систему норм, устанавливающих определенные санкции личного, имущественного или организационного характера за совершенное преступление, а также регулирующий порядок применения к несовершеннолетнему совершившему преступление установленных санкций; в субъективном же смысле уголовная ответственность несовершеннолетних представляет собой осуществляемое в установленном законом порядке при обеспечении несовершеннолетнему лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления права на защиту на основе принципа состязательности и равноправия сторон возложение судом на лицо, совершившее преступление определенных санкций личного, имущественного или организационного характера, которые предусмотрены нормами уголовного права за данный вид преступления. При этом, обратим внимание на то, что ключевым моментом привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности является наличие в его деянии состава преступления, а преступление – это не просто общественно – опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания, но деяние совершенное виновно. Согласно статье 5 Уголовного кодекса РФ «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Следовательно, для того, чтобы несовершеннолетнего можно было бы привлечь к уголовной ответственности, необходимо чтобы несовершеннолетний обладал следующими психологическими особенностями: он должен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Возникает вопрос, с какого возраста несовершеннолетний может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в принципе.

Как справедливо отмечается в литературе для того, чтобы признать человека субъектом уголовной ответственности необходимо «наличие развитой способности умозаключениям, резкое снижение внушаемости, наличие определенного уровня развития волевых свойств, достаточного для перехода к внутренней регуляции поведения».¹ Кроме того, для того, чтобы признать несовершеннолетнего субъектом уголовной ответственности необходимо

¹ Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 96 - 109. DOI: 10.12737/art_2018_4_10 (www.doi.org). Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. - М., 1998.- С. 110 – 111 Рубинштейн С.Л. Основы психологии. - М., 1935. – С. 362 – 368

чтобы в его поведении проявлялись такие черты как: самостоятельность, настойчивость, умение контролировать свое поведение, владеть собой¹. При этом становится совершенно очевидным, понимание того, что важнейшими психологическими особенностями несовершеннолетнего субъекта уголовной ответственности является понимание характера и степени общественной опасности совершаемого им деяния, умение предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно- опасных последствий своего деяния, а также умение руководить своими действиями. Как отмечают психологи в полном объеме – эта способность наступает только к 14 годам, и не раньше. Некоторые ученые говорят о том, что общественная опасность многих преступлений настолько очевидна, а их запрещенность общеизвестна, что это способны понимать и понимают значительно раньше 14 или 16 лет.² Однако, в данном случае речь идет о другом. Для того чтобы человека (несовершеннолетнего) признать субъектом уголовной ответственности необходимо чтобы он не только понимал, что убивать нехорошо и это запрещено законодательно, но чтобы он понимал и осознавал, являются ли его действия/бездействие общественно опасными в той или иной ситуации/способен ли он предвидеть общественную опасность последствия совершаемого им деяния/способен ли он, зная о том, что деяние является общественно опасным или предвидя общественно – опасные последствия своего деяния отказаться от его совершения. Только при наличии положительного ответа на все поставленные вопросы можно говорить о том, что несовершеннолетний, совершивший указанные деяния является субъектом уголовной ответственности. Кроме того, как отмечается в литературе «для несовершеннолетних совершивших преступления против жизни и здоровья их хулиганских побуждений характерны следующие особенности психологического состояния «повышенная тревожность, подавленность, постоянный стресс, разочарование, что вызывает агрессивный срыв»³ Следовательно, для того, чтобы признать несовершеннолетнего субъектом уголовной ответственности необходимо установить, а способен ли он в принципе справляться с психотравмирующими факторами не совершая преступление или нет. Как показывают современные психологические исследования, такая способность у человека формируется к 14 -18 годам, поэтому на наш взгляд снижение возраста уголовной ответственности ниже 14 лет нецелесообразно с психологической точки зрения.

Кроме того, анализ статистических данных показывает, что снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних позволяет выдвигать

¹ Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. - М., 1970. – С. 20

² Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. – 2000 – № 11. – С. 23-25

³ Каримова Г.Ю. Личностные и виктимологические факторы, влияющие на совершение несовершеннолетними преступлений против здоровья из хулиганских побуждений // Российский следователь. – 2016. – № 14. – С. 31 - 34.

нуть гипотезу о том, что снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних приведет к росту преступности среди несовершеннолетних и формированию группировок несовершеннолетних.

Это обусловлено наличием на сегодняшний день особенностями и социальной структуры, сложившихся в воспитательных колониях. Как показывают статистические данные удельный вес лиц, осуждённых за совершение преступления старше 16 лет, составляет 96% от общего числа населения колонии, из них от 18 до 19 лет 23%. Несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет составляют 72% общего населения колонии

Соответственно несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет составляют 4% от общего населения колонии. Следовательно, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет занимают самые низшие места в социальной иерархии тюремного населения в воспитательных колониях и не влияют на общий климат в колонии. Это обуславливает их фактически «бесправное» положение в системе так называемой «тюремной иерархии».

В случае снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет переместятся на одну иерархию социальной лестницы выше и будут выступать своеобразными «посредниками» между «взрослой частью» населения колонии и «малолетними», что при их достаточно агрессивном поведении будет способствовать формированию криминальных молодежных банд, ярким примером которых выступает так называемая АУЕ¹ Для возможной профилактики необходимых явлений необходимо максимальным образом сокращать социальную иерархию в воспитательных колониях: незамедлительно переводить лиц, достигших возраста 18 лет в исправительные колонии общего режима или освобождать их от уголовного наказания, если срок их истекает; разделить несовершеннолетних по возрастам: 14 -15 лет, 16 -17 лет, 17 -18 лет включительно. Обеспечить их надлежащую изоляцию друг от друга. Принятие подобного рода мер обусловлено требованиями Конвенции ООН о правах ребёнка. Все вышеуказанные обстоятельства позволяют предположить, что снижение возраста уголовной ответственности не будет эффективной мерой уголовной политики в контексте Конвенции ООН о правах ребенка, а также достижений современной криминологической и психологической науки.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что снижение возраста уголовной ответственности будет противоречить Конвенции ООН о правах ребенка, подвергать дискриминации детей, совершивших преступление после вступления в силу закона о снижении возраста уголовной ответственности, может стимулировать создание тюремных банд наподобие АУЕ, и, в конце концов, подрывать у несовершеннолетних веру в добро и справедливость государства.

¹ Румянцев Н.В., Фумм А.М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 16 - 19. DOI: 10.18572/2072-4438-2018-1-16-19 (www.doi.org).

Все эти обстоятельства делают нецелесообразным снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних, поскольку подобное снижение входит в противоречие с достижениями современной криминологической и психологической наук.

Список литературы

1. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., – 1970. – 124с.
2. *Боровых Л.В.* Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, – 1993. – 19с.
3. *Васильевский А.* Возраст как условие уголовной ответственности // *Законность.* – 2000, – № 11. – С. 23-25
4. *Каримова Г.Ю.* Личностные и виктимологические факторы, влияющие на совершение несовершеннолетними преступлений против здоровья из хулиганских побуждений // *Российский следователь.* – 2016. – № 14. – С. 31 - 34.
5. *Кобзарь И.Г.* Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних по новому уголовному законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., – 1998. – 220с;
6. *Павлов В.Г.* Субъект преступления: Монография. СПб., – 2000. – 118с.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., – 1935. –685с.
8. *Румянцев Н.В., Фумм А.М.* АУЕ: миф или реальность? // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* – 2018. – № 1. – С. 16 - 19. DOI: 10.18572/2072-4438-2018-1-16-19 (www.doi.org).
9. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. - М., 1998. - С. 110 – 111
10. *Хромова Н.М.* Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // *Журнал российского права.* – 2018. – № 4. – С. 96 - 109. DOI: 10.12737/art_2018_4_10 (www.doi.org).

Свинин Е.В.

Карра и исправление как стороны уголовного наказания: вопросы правовой политики и правопорядка

Аннотация: дисбаланс кары и исправления как сущностных сторон уголовного наказания способствует стихийной самоорганизации сферы исполнения наказания, тем самым снижает эффективность правового порядка, усиливает декларативность социальных целей. Обосновывается необходимость изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в форме закрепления принципа добросовестности отбывания уголовного нака-

зания, понятия «уклонение от отбывания лишения свободы» и фикции признания срока отбытого наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: уголовное наказание, правовая политика, правопорядок, принцип добросовестности, уклонение от отбывания наказания

Retaliation and Correction as the Elements of the Criminal Penalty: Legal Policy and Enforcement Challenges

Abstract: The imbalance between the goals of retaliation and correction as the essential elements of criminal punishment leads to the spontaneous self-organization in the sphere of sentence enforcement, thereby reducing the effectiveness of the law and enhancing the declarative nature of social goals. The author suggests improving the criminal and penal legislation adding the principle of serving a sentence in a good faith, as well as the concept of «evading serving the punishment», and the fiction of accepting the term of imprisonment.

Keywords: criminal punishment, legal policy, law and order, the principle of good faith, evading the serving a sentence

Сущность уголовного наказания, его цели и роль относятся к проблемам, имеющим повышенное теоретическое и практическое значение. Спор о сущности уголовного наказания навряд ли будет исчерпан. Всегда найдутся оппоненты любой точке зрения. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что уголовное наказание имеет противоречивую природу, в которой сочетается репрессивная и гуманистическая стороны.

Уголовное наказание в своей первоначальной сущности есть кара, возмездие за нарушение запретов. И как любое возмездие, уголовное наказание связано с лишениями и страданиями. Однако, исторический опыт развития государства указывает на исключительное и важное значение идей гуманизма. В конечном счете, эти идеи становятся дополнительным фактором обеспечения устойчивого и стабильного развития государства. На современном этапе признание прав человека, уважение его достоинства являются универсальными и базовыми ценностями практически в любом государстве. Уголовное наказание неизбежно учитывает гуманистические тенденции и провозглашает благую цель – исправление осужденного. Таким образом, наказание должно воспитывать, исправлять, но не калечить и уродовать.

Состояние правопорядка в сфере уголовного наказания определяется качеством законодательства, правоприменительной практики и степенью достижения социальных целей, и, прежде всего, цели исправления осужденного. В статье хотелось бы аргументировать следующий главный тезис: правопорядок в сфере уголовного наказания содержит внутренний дефект соотношения кары и исправления, в свете этого задачей правовой политики является выработка необходимого баланса указанных сторон уголовного наказания.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что кара и исправление присутствуют в уголовном наказании в разном объеме, в зависимости от его вида. В

некоторых наказаниях можно увидеть их органичное сочетание (к примеру, лишение свободы), в других наблюдается преобладание кары над исправлением. В частности, такие виды уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь не предполагают исправления осужденного, выступают как акт возмездия со стороны государства. В случае смертной казни происходит физическая ликвидация лица, что делает его исправление невозможным. В отношении пожизненного лишения свободы интерес представляет ч. 5 ст. 79 УК РФ, в соответствии с которой лицо, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Иными словами, длительный срок отбывания наказания должен приводить не к исправлению, а утрате лицом своей общественной опасности.

Примечательно, что условно-досрочное освобождение не возможно по отношению к таким видам наказания как штраф, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы. Однако это не указывает на то, что эти виды наказания не преследуют цель исправления осужденного. Полагаем, что цель исправления должна достигаться в результате полного и добросовестного отбытия этих видов наказания.

Весьма интересен тот факт, что уголовное законодательство предусматривает институт «злостного уклонения». В частности, он предусматривается нормами ч. 3. ст. 49, ч. 4. ст. 50 и ч.5. ст. 53 УК РФ. В результате нарушения возложенных на осужденного обязанностей и злостного уклонения от отбывания наказания, ему может быть назначен более строгий вид уголовного наказания – принудительные работы или лишение свободы. Характерно, что и в отношении принудительных работ также существует нормы об уклонении от отбывания наказания (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). Таким образом, презюмируется, что добросовестность выполнения осужденным обязанностей и ограничений позволяет добиться цели наказания. И наоборот, отход от добросовестности свидетельствует об уклонении осужденного от отбывания наказания, то есть невозможность обеспечить его реализацию и достичь цель наказания.

Возникает ситуация, при которой лишение свободы выступает своего рода «венцом» системы уголовного наказания, уклониться от которого (с формально-юридической точки зрения) не возможно. Как представляется, это видимость, свидетельствующая о системных недостатках нормативного правопорядка. Обратим внимание на ряд дефектных нормативных положений.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление трактуется в широком социальном аспекте, как формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Обратим внимание на то, что исправление характеризует внутренний мир лица, а следовательно, не может становиться предметом правового регулирования. Как известно, право регулирует лишь поступки, но не образ мыслей людей. Од-

нако, по смыслу ст. 79 УК РФ это социальное явление приобретает юридические черты. Суд обязан установить, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывания всего срока наказания.

Первый дефект связан с тем, что нормы права выходят за границы правового регулирования, иными словами регулируют то, что регулировать не могут. Второй дефект связан с тем, что уголовно-исполнительное законодательство исправление осужденных интерпретирует односторонне как преимущественную обязанность администрации исправительного учреждения организовать соблюдение требований режима, провести воспитательные мероприятия, обеспечить привлечение к труду, создать условия для образования и так далее. УИК РФ умалчивает о наличии у осужденных общей обязанности стремиться к своему исправлению. Как представляется, исправление – это двусторонний процесс, участниками которого является как администрации исправительного учреждения и сам осужденный.

На наш взгляд, отсутствие обязанности принимать меры к своему исправлению способствует определенной пассивности осужденных. Если проанализировать распределение осужденных по условиям отбывания наказания, о можно увидеть, что значительная, большая часть отбывает наказание на общих условиях и не стремится к своему исправлению.

В 2019 году среднесписочная численность осужденных к лишению свободы составляла 445776; на обычных условиях содержания находилось 370308 осужденных¹ (83%), в 2018 году по аналогичным показателям цифры составляют соответственно 513818 и 428444 осужденных² (83%)

Ключевым показателем, характеризующим исправление осужденных является условно-досрочное освобождение. Статистика свидетельствует о том, что количество лиц, освобождаемых по этому основанию, в течение последних лет снижается, однако в целом является значительным. Так, в 2019 году было условно-досрочно освобождено 46010 осужденных³, в 2018 году – 50080 осужденных⁴, а в 2017 году – 55319 осужденных⁵.

На первый взгляд, это может указывать на эффективность наказания и

¹ См. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2019 года: информационно-аналитический сборник.- Тверь.: НИИТ. 2020. - С. 249.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2018 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2019. - С. 214.

³ См. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2019 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2020.- С. 248.

⁴ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2018 года: информационно-аналитический сборник.- Тверь.: НИИТ. 2019. - С. 213.

⁵ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2017 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2018. - С. 270.

воспитательного процесса. Однако, следует учитывать, что значительный процент этой категории осужденных, после условного освобождения вновь совершают преступления. Так, в 2019 году 18205 граждан ранее условно-досрочно освобожденных вновь совершили преступления (39% от числа условно-досрочно освобожденных в 2019 году); в 2018 году эта категория составляет 20445 человек (40%), в 2017 году – 22487 человек (40%)¹.

Таким образом, показатели достижения важнейшей социальной цели уголовного наказания неоднозначны и противоречивы. В определенном смысле можно предположить, что формируется специфическая закономерность: необходимость обеспечения исправительного воздействия доминирует над карательно-репрессивным элементом наказания.

Формально-юридический процесс исправительного воздействия и оценки его результатов нуждается в усилении реальной, социальной стороны исправления, главным образом, посредством формирования мотивации не к условно-досрочному освобождению (у осужденных она и так на высоком уровне), а к исправлению. Важными средствами формирования этой мотивации могут служить такие технико-юридические средства, как презумпция добросовестности отбывания наказания, фикция течения сроков отбытия наказания, понятие «уклонение от отбывания лишения свободы».

Начнем с анализа последнего понятия. Считаем возможным и необходимым закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве понятия «уклонение от отбывания лишения свободы». Казалось бы как можно уклоняться от этого вида наказания? Осужденный находится на территории исправительного учреждения и не покидает его, тем самым отбывает уголовное наказание.

Однако, наказание в виде лишения свободы, как и любое другое наказание, связано с определенными обязанностями и ограничениями, которые возлагаются на осужденного. Неисполнение обязанностей, нарушение установленных запретов должно рассматриваться не просто как нарушение установленного режима, но как злоупотребление со стороны осужденного. Исполнение осужденным приговора заключается не только в физическом нахождении на территории исправительного учреждения, но и добросовестном выполнении возложенных на него обязанностей. Считаем важным дополнить ст. 8 УИК РФ принципом добросовестного отбывания уголовного наказания. Сознательный отказ от соблюдения запретов и выполнения обязанностей в конечном счете это не только нарушение режима, но и неисполнение судебного решения. Рассмотрим ряд статистических данных, характеризующих дисциплинарную практику в отношении осужденных.

В 2019 году совершили нарушения режима отбывания наказания 287164 осужденных (64% от среднесписочной численности), при этом общее

¹ См.: Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.06.2020)

количество нарушений составляет 610947¹. В 2018 году совершили нарушения режима отбывания наказания 294346 осужденных (60% от среднесписочной численности), общее количество нарушений составляет 597417². В 2017 году совершили нарушения режима отбывания наказания 316499 осужденных (61% от среднесписочной численности), общее количество нарушений составляет 612536³.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о непростой ситуации в исправительных учреждениях. Сотрудники находятся в условиях непрерывного отрицания значительной частью осужденных необходимости соблюдения режимных требований. При этом, воспитательное воздействие необходимо оказывать на всех осужденных. «Тотальная» воспитательная работа неизбежно приводит к осознанию ее декларативности. Невольно вспоминаются слова известного советского киногероя, о том как «советские корабли бороздят просторы большого театра».

Возникает непростой вопрос: может ли воспитательная работа осуществляться в отношении не всех, а лишь отдельной группы осужденных? Представляется, что частично возможен утвердительный ответ. Считаем, что у осужденных должен быть выбор между карой и исправлением. В этой связи, ст. 9 УИК РФ следовало бы дополнить частью четвертой следующего содержания: «Лица, стремящиеся к условно-досрочному освобождению, обязаны принимать меры к своему исправлению». В отношении этой категории и должен осуществляться основной объем индивидуальной воспитательной работы. В отношении осужденных, которые не выбрали путь исправления, воспитательные мероприятия должны проводиться в меньшем объеме. Эта категория осужденных не может претендовать на условно-досрочное освобождение, однако дополнительных штрафных санкций в отношении этой группы применяться не должно. Таким образом, осужденный должен сделать осознанный выбор либо встать на путь исправления, принимать к этому дополнительные усилия и в перспективе получить возможность выйти досрочно, либо сознательно отказаться от исправления и социального лифта, но при этом добросовестно выполнять все возложенные на него обязанности в течение всего срока наказания.

В случае, если осужденный сознательно игнорирует выполнение обязанностей и систематически совершает нарушения режима отбывания наказания, то он может быть признан уклоняющимся от отбывания наказания и часть срока наказания не будет засчитана. Правовое основание подобной меры потребует внесения изменений в ст. 56 УК РФ и ст. 81 УИК РФ.

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2019 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2020. - С. 247.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2018 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2019. - С. 212.

³ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2017 года: информационно-аналитический сборник. - Тверь.: НИИТ. 2018. - С. 269.

Считаем возможным предложить следующие рабочие формулировки норм. Статью 56 УК РФ дополнить частью шестой следующего содержания: «Осужденные обязаны добросовестно отбывать весь срок наказания. В случае уклонения осужденного от отбывания лишения свободы, суд, изучив представление администрации исправительного учреждения и личность осужденного, может принять решение о том, что в отбытый срок наказания не засчитывается период уклонения осужденного от отбывания наказания».

Статью 81 УИК РФ дополнить частями 1.1 – 1.3 следующего содержания:

«По решению суда в отбытый срок наказания не засчитывается период уклонения осужденного от отбывания наказания.

Уклонением осужденного от отбывания наказания считается время, когда он находился в штрафном изоляторе либо помещении камерного типа (едином помещении камерного типа) при условии, признания его систематическим нарушителем установленного режима отбывания наказания.

Систематическим нарушителем осужденный признается в случае, если он в течение года три и более раза совершал злостные нарушения, либо в течение года совершил более пятнадцати нарушений установленного режима отбывания наказания».

Предлагаемые изменения не могут рассчитывать на окончательный вид. Известно, что дьявол кроется в мелочах и крайне важно продумать возможные изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Однако, тот факт, что изменения нужны – не вызывает сомнения. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство нуждаются в нормах, устанавливающих презумпцию добросовестности отбывания наказания, особенности течения срока отбытого наказания, понятие и основания уклонения от лишения свободы.

Семенова В.В.

Судебная практика применения обстоятельства, отягчающее наказание, предусмотренное ч. 1.1 ст. 63 УК РФ

Аннотация: в статье рассмотрена судебная практика применения обстоятельства, отягчающее наказание, предусмотренное ч.1.1 ст. 63 УК РФ. Выявлены признаки, при наличии которых судья (суд) учитывает это обстоятельство, как отягчающее наказание. Предложен вариант оценки состояния опьянения лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: обстоятельства, отягчающие наказание; состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ.

Judicial Practice of Applying the Aggravating Circumstances Clause

Abstract: The article explores the judicial practice of accepting circumstances aggravating punishment in the judgement. The author has identified the terms on which the judge (court) takes the circumstances into account as aggravating punishment. Finally, authors propose a stance on the state of intoxication of the offender and its evaluation.

Keywords: aggravating circumstances, intoxication caused by alcohol, drugs, psychotropic substances or their analogues, new potentially dangerous psychoactive substances or other intoxicating substances..

В России большое количество преступлений совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ (далее – в состоянии опьянения)¹. Так, согласно статистическому наблюдению в 2019 г. в России зарегистрировано 326,9 тыс. преступлений, совершенных лицами, находящимися в состоянии опьянения (16 % от общего числа преступлений), что на 12 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Отмечается ежегодное снижение количества совершения преступлений в данном состоянии. Однако он все равно остается на высоком уровне.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплено обстоятельство, отягчающее наказание – совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ (ч. 1.1. ст. 63 УК РФ). Обратим внимание, что состояние опьянения может быть установлено, как медицинским освидетельствованием, так и показаниями или иными доказательствами.

Например, мировой судья судебного участка № 1 Новооскольского района Белгородской области факт нахождения лица в состоянии алкогольного опьянения установил посредством показаний потерпевшего и подозреваемого².

В свою очередь, совершение преступления в состоянии опьянения само по себе не является единственным основанием для признания его обстоятельством, отягчающим наказание. Судье для признания его таковым необходимо учитывать характер и степень общественной

¹ Готчина Л.В., Семенова В.В. Назначение наказания за совершение преступлений в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – № 4 (80) – 2018 – С. 78.

² Приговор мирового судьи судебного участка № № 1 Новооскольского района Белгородской области по уголовному делу № 1 - 11/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного¹.

При изучении приговоров судов нами выявлены основные признаки, которые судья (суд) учитывают для признания нахождения лица в состоянии опьянения, обстоятельством, отягчающим наказание: неоднократность привлечения к административной ответственности, непогашенную судимость, нарушение возложенных судом обязанностей, отрицательные характеристики с места работы, поступившие жалобы от соседей.

Так, мировой судья судебного участка №14 Малмыжского судебного района Кировской области, при признании состояния опьянения, обстоятельством, отягчающим наказание, исходит из того, что М. ранее был неоднократно судим, вновь совершил умышленное преступление, относящееся к категории преступлений небольшой тяжести², а мировой судья по 74 судебному участку Нижнеилимского района Иркутской учел однократное привлечение к административной ответственности по ст. 20.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³.

При отсутствии указанных признаков, судья (суд) может признать рассматриваемое обстоятельство, отягчающим наказание, указывая на то, что именно нахождение лица в состоянии опьянения привело его к совершению преступления.

Например, мировой судья судебного участка № 4 по Кировскому району г. Уфы, основываясь на том, что «...именно состояние алкогольного опьянения, в которое подсудимый сам себя привел, распивая спиртные напитки дома, сняло внутренний контроль за его поведением и вызвало немотивированную агрессию к потерпевшей...», признал нахождение лица в состоянии опьянения в виде обстоятельства, отягчающего наказание⁴, а мировой судья судебного участка №4 Кудымкарского судебного района Пермского края для признания его обстоятельством, отягчающим наказание, указал, что именно алкогольное опьянение поспособствовало совершению преступления⁵. Мировой судья судебного участка № 3 Междуреченского городского судебного

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» – // URL: // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

² Приговор мирового судьи судебного участка №14 Малмыжского судебного района Кировской области по уголовному делу № 1-16/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

³ Приговор мирового судьи судебного участка № 74 Нижнеилимского района Иркутской области по уголовному делу № 1-17/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

⁴ Приговор мирового судьи судебного участка № 4 по Кировскому району г. Уфы по уголовному делу № 1-65/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

⁵ Приговор мирового судьи судебного участка №4 Кудымкарского судебного района Пермского края по уголовному делу № 1-16/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

района Кемеровской области, учел это обстоятельство, отягчающим наказанием, так как причиной совершения преступления явилась потеря контроля над своим поведением именно в результате алкогольного опьянения¹.

Вышеуказанное говорит о том, что решение вопроса о признании состояния опьянения, обстоятельством, отягчающим наказание – это правомочие, а не обязанность судьи (суда). Следовательно, рассмотрение характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного для признания состояния опьянения, обстоятельством, отягчающим наказание, носит оценочный характер.

По нашему мнению это недопустимо, так как при совершении преступлений, подпадающих под одну и ту же квалификации, при схожих обстоятельствах и характеризующих данных, в одном случае судья (суд) может признать нахождение лица в состоянии опьянения, обстоятельством, отягчающим наказание, а в другом нет. Следовательно, лицам будет назначено разное наказание.

Считаем, необходимым закрепить нахождение в состоянии опьянения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, признаваемого таковым по факту нахождения лица, в этом состоянии на момент совершения преступления.

Список литературы

Готчина Л.В., Семенова В.В. Назначение наказания за совершение преступлений в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – № 4 (80) – 2018 – С. 77-85.

Суденко В.Е.

Пробелы уголовного законодательства

Аннотация. Рассматриваются упущения законодателя при разработке норм Общей части уголовного права, регулирующих назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров. Сомнительность нижней границы лишения свободы. Необходимость возвращения конфискации имущества как уголовного наказания. Ошибки относительно возможности соучастия в неосторожных преступлениях.

Ключевые слова: совокупность преступлений и приговоров; наказание; конфискация; соучастие.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Междуреченского городского судебного района Кемеровской области по уголовному делу № 1-4/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

Gaps in Criminal Legislation

Abstract. Author dedicates the article to the loopholes left by legislator in the General Part of the Criminal Code, describing the cumulative sentencing. The bottom limit of the penalty leaves much place to discussion. Author presents arguments for returning the forfeiture of the property as a criminal penalty. Finally, he touches the question of the reckless type of complicity.

Keywords: cumulating sentencing, penalty, forfeiture, complicity.

Четверть века действия Уголовного кодекса Российской Федерации свидетельствует, что в некоторых случаях возникают определённые затруднения в части применения отдельных его норм. Многие пробелы и упущения, имеющиеся УК РФ, остаются и по сей день, несмотря на многократно вносимые в него дополнения и изменения. К одному из недостатков Общей части УК можно отнести пробелы и недоработки, обнаруживаемые при реализации положений, предусмотренных ст. ст. 69 и 70 УК РФ, определяющих назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

Часть третья статьи о назначении наказания по совокупности преступлений гласит: «Если хотя бы одно из преступлений, совершённых по совокупности, является тяжким или особо тяжким преступлением, то окончательное наказание назначается путём частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершённых преступлений».

В чём мы видим недоработку формулировки данной уголовно-правовой нормы? Дело в том, что в законодательном порядке не определен порядок определения окончательного наказания при частичном сложении каждого из назначенных наказаний, хотя почти не возникает вопросов при его определении путём полного сложения. В таком случае максимальный срок окончательного наказания в виде лишения свободы чётко определён и не вызывает никаких сомнений. Однако, при применении частичного сложения наказаний могут возникнуть и возникают вопросы. Может ли суд от наказания за каждое преступление, совершённое по совокупности брать его часть и соединять их, или он должен брать от какого-то одного наказания часть и складывать его с полным наказанием за другое преступление? Дальше, должно ли окончательное наказание быть больше наиболее строго наказания в данной совокупности, быть равным ему или может быть даже меньше его?

Допустим, лицо совершило грабёж, предусмотренный ч. 3 ст. 161 УК (максимальный срок наказания 12 лет лишения свободы), и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренное ч. 2 ст. 111 УК (максимальный срок 10 лет лишения свободы). Суд назначил за грабёж наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет и за тяжкое причинение вреда здо-

ровью 8 лет лишения свободы. В случае полного сложения наказаний максимальный срок окончательного наказания суд определяет его в 18 лет, что не превышает половины максимального наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое преступление (в данном случае это грабёж в особо крупном размере с максимальным сроком лишения свободы 12 лет).

В соответствии с законом суд имеет право определить окончательно наказание путём сложения части наказания за грабёж, взяв 6 лет лишения свободы, и части наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, взяв 3 года лишения свободы. И это не будет противоречить уголовному закону, поскольку в статье 69 УК не сказано о минимальном сроке окончательного наказания при частичном сложении назначенных наказаний при совокупности преступлений. И это несмотря на то, что окончательное наказание в 9 лет лишения свободы меньше назначенного за отдельное преступление, в данном случае, за грабёж.

Оппоненты могут заявить, что такая ситуация противоречит логике назначения наказаний, однако это будут эмоции, ведущие в никуда, но не законодательное решение, тем более не решение уголовного закона¹.

Применительно к рассматриваемому вопросу образцом может служить статья 70 УК РФ, регулирующая назначение наказания в виде лишения свободы по совокупности приговоров. Данная статья определяет, что окончательное наказание должно превышать наказание, назначенное по последнему приговору, и неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. Хотя и здесь могут возникнуть вопросы, о чём будет сказано ниже.

По нашему мнению редакция ст. 69 УК РФ нуждается в уточнении, исключающем судебное усмотрение при определении окончательного наказания по совокупности приговоров. Возможно следующее решение: при частичном соединении наказаний, оно должно быть не меньше наиболее строгого наказания, назначенного на наиболее тяжкое преступление. Могут быть и иные варианты.

Обращаясь к назначению наказания по совокупности приговоров, зададимся вопросом: а *на сколько больше* должно быть окончательное наказание в виде лишения свободы при частичном присоединении к вновь назначенному наказанию неотбытой части наказания по предыдущему приговору? При полном сложении наказаний вопросов не возникает, но в случае частичного присоединении возникают вопросы. Известно, что нижняя граница срока лишения свободы - 2 месяца (ч. 2 ст. 56 УК РФ), а поэтому окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда минимум на два месяца. К примеру, отбыв 10 из 15 лет лишения свободы, осуждённый совершил кражу дорогостоящего инструмента на производстве,

¹ Суденко В.Е. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие / под ред. А. Г. Кибальника. - Пятигорск, 2007.

где он работал, за что был осуждён по пункту «в» части 3 ст. 158 УК РФ, и суд назначил ему 5 лет лишения свободы. Окончательное наказание в этом случае должно быть больше 5 лет, а на сколько - вопрос. Возможен вариант, когда при его определении суд назначит 10 лет, соединив полностью оба наказания. Но может быть и вариант, когда окончательное наказание будет 6 лет, а возможно и 5 лет и 2 месяца, что также больше наказания, назначенного по второму преступлению, и оставшейся части наказания по первому приговору.

И здесь с неизбежностью возникает следующий вопрос: как это согласуется с требованиями усиления борьбы с рецидивной преступностью?

Далее, вряд ли оправдано снижение нижней границы лишения свободы до двух месяцев. Что это за срок лишения свободы? Осуждённый, проведя эти два месяца в условиях наших пенитенциарных учреждений, вполне может заболеть туберкулёзом или иной болезнью, получить среди преступной субкультуры хорошее «тюремное воспитание», озлобиться и на суд, и на весь мир вообще, и выйдет из места двухмесячного лишения свободы «хорошо подкованным» потенциальным правонарушителем.

Было бы справедливым и социально оправданным не только не снижать нижнюю границу лишения свободы, а, наоборот, повысить её, скажем до двух лет. Вряд ли оправдано определять нижнюю границу лишения свободы в два месяца, в шесть месяцев и даже в один год, если в УК РФ имеется немало других видов наказаний, которые законодатель должен предусмотреть в санкциях статей Особенной части УК РФ, а суд их применять к лицам, не заслуживающим лишения свободы на срок до двух лет. Нынешнее определение нижней границы этого наказания, по нашему мнению, не отвечает ли принципу справедливости уголовного права (и закона)¹.

Далее, в ст. 3 Венской Конвенции ООН 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ содержится перечень отягчающих вину обстоятельств, в том числе совершение незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ организованной группой, применение оружия или насилия; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений; наличие судимости вообще и особенно за такие преступления². Конвенция призывает государства увеличивать сроки давности наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Однако отечественный законодатель не только не поддержал требования данной Конвенции, но и упразднил наличие судимости у виновного лица как квалифицирующий признак, оставив его только за преступления против половой неприкосновенности малолетних (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ).

¹ Суденко В.Е. Социальная справедливость и уголовное право // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2017. - Т. 3 (69). - № 2. - С. 112-118.

² Материалы Конвенции ООН для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. - М., 1988.

Получается, что отечественное законодательство, предусматривая с одной стороны следование международному праву, с другой стороны само же ему противоречит. Такая ситуация на поле борьбы с преступностью, особенно с организованной и профессиональной, вряд ли оправдана и целесообразна.

Многочисленные и серьезные поправки, внесённые в Уголовный кодекс Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. и другими законами, вряд ли смогли закрыть глаза на то, что одно из наиболее действенных в профилактическом отношении наказаний – конфискация имущества, было упразднено, а ст. 52 УК РФ утратила силу. Кому, зачем это понадобилось, вряд ли кто даст ответ на этот важнейший для борьбы с преступлениями, особенно с организованной преступностью, вопрос. Конфискация могла бы и может подрывать финансовую базу организованной преступности, в том числе экономической, террористической и экстремистской направленности.

Согласно Конституции РФ, если внутренне законодательство противоречит международному праву, то действуют нормы международного права. В соответствии с принятой в указанной выше Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, рекомендуется подписантам конвенции применять к виновным в незаконном обороте наркотиков лицам, кроме лишения свободы, штраф и *конфискацию* имущества. Пункт «а» ст. 4 и ст. 5 Конвенции специально рассматривают вопрос о конфискации¹.

Решение законодателя об упразднении конфискации нельзя назвать своевременным шагом на пути борьбы с преступностью и на фоне того, что творится в действительности. Количество корыстных преступлений имеет устойчивую тенденцию к росту; увеличивается количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ, количество хищений оружия и торговли им, торговли природными ресурсами; продолжается противозаконное завладение объектами государственной и общественной собственности, так называемая приватизация, многие объекты экономического характера остаются в тени. Особенно это относится к производству алкогольной и табачной продукции, поддельных лекарственных препаратов и т.п., совершаемых организованными преступными группами и членами преступных сообществ. В этой связи предпринятое законодателем решение об изъятии конфискации имущества из предусмотренных Уголовным кодексом РФ видов наказаний невозможно объяснить, оно выглядит более чем странно.

В международной практике конфискация является общепринятой мерой наказания. В статье 2 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. записано, что каждая страна должна принимать соответствующие законодательные меры, необходимые для осуществления конфискации материальных ценностей и иной прибыли, полученных преступ-

¹ Материалы Конвенции ООН для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. - М., 1988.

ным путём¹. Всё это чётко предусматривается в ст. ст. 13 и 14 раздела «Конфискация» Конвенции.

И в других международных актах, прежде всего о борьбе с коррупцией и организованной преступностью, аналогично решается вопрос о конфискации как уголовном наказании. Согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1966 г., любое государство, являющееся участником данного договора, не должно кивать на своё внутреннее законодательство как на оправдание нарушений Венской конвенции².

В других странах подход к конфискации как к уголовному наказанию совсем иной, что видно в уголовном законодательстве Германии, Китая, Северной Кореи, Южной Кореи, США, Швейцарии, Японии и многих других государств.

О конфискации имущества как наказании или санкции сказано в некоторых отраслях отечественного права, в том числе в ст. 243 Гражданского кодекса РФ, ст. 3.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях

В своё время Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 мая 1999 г. по проверке конституционности положений статей 131 и 380 Таможенного кодекса, предусматривавших конфискацию товаров, признал положения о конфискации соответствующими Конституции Российской Федерации³.

Специфическая особенность конфискации как наказания в том, что полное и последовательное изъятие преступного и иного противоправного дохода имеет цель возмещение причинённого материального ущерба, предупреждение дальнейшей преступной деятельности по причине отсутствия необходимых для этого денежных средств и другого имущества. Особенно это важно для борьбы с организованной преступностью, поскольку конфискация подрывает её экономические основы.

Дополнения, внесённые в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 27 июля 2007 г. № 153-ФЗ, в части конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, вряд ли позволят существенно подорвать экономическую основу организованной преступности. Дело в том, что российский законодатель то ли по небрежности, то ли умышленно первоначально «забыл» включить в перечень статей, указанных в ст. 104¹ Уголовного кодекса, такие преступления, как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём – статьи 174 и 174¹ УК РФ. И только спустя несколько лет включил их в перечень статей, указанных в ст. 104¹ УК

¹ Международное право в документах. - М., 2000. - С. 380-385.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.1999 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & g. Reliable Services, Inc.». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23236 (Дата обращения - 22.06.2020).

РФ, однако так и оставив не включёнными кражи, мошенничество, грабежи, разбойные нападения, совершённые в отношении имущества в особо крупном размере (соответственно статьи 158, 159, 161, 162, 163 УК РФ).

Вопрос относительно соучастия в неосторожных преступлениях может возникнуть в случае применения части 4 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершённое группой лиц по предварительному сговору или организованно группой (ч. 3 ст. 111 УК), повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Из этого можно сделать вывод, что соучастие возможно и при совершении неосторожных преступлений, хотя в ст. 32 УК РФ говорится, что оно (соучастие) возможно только при совершении умышленных преступлений. Здесь, по нашему мнению, необходимо перед словами «повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего» добавить слово «либо». Тогда вполне объяснимо, что это не относится к групповому преступлению. Подобное имеет место в ч. 4 ст. 263¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности, где союз «или» отделяет соучастие от последствий, наступивших по неосторожности, и относящихся лишь к преступлению, совершённом одним лицом.

Таковы краткие рассуждения об имеющихся упущениях и пробелах в уголовном законодательстве нашей страны.

Список литературы

1. Суденко В.Е. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / под ред. А. Г. Кибальника. - Пятигорск, 2007.

2. Суденко В.Е. Социальная справедливость и уголовное право // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. - Юридические науки. - 2017. - Т. 3 (69). - № 2. - С. 112-118.

Шевелева С.В.

Редомициляция как основание освобождения от уголовной ответственности¹

Аннотация. На фоне либерализации уголовной политики наиболее остро встают вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших отдельные преступления экономической направленности. В статье дается анализ ч.3 ст. 76¹ УК РФ, введенной в уголовный закон в рамках государственной политики по «амнистии капиталов». Ставится под сомнение финансовая привлекательность данной нормы, а и как следствие ее нежизнеспособность.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020г. № 08510-2020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

Ключевые слова: экономизация, освобождение от уголовной ответственности, амнистия капиталов, редомициляция, возмещение ущерба

Redomiciliation as a Basis for Exemption from Criminal Liability

Abstract. One of acute questions of the liberalization of criminal policy states is the exemption from criminal liability for persons who have committed certain economic crimes. The article provides an analysis of Part 3 of Art. 761 of the Criminal Code, introduced the “amnesty of capital” into the criminal law as part of the state policy. The financial attractiveness of this norm, as well as its non-viability, is called into question.

Keywords: economization, exemption from criminal liability, amnesty of capital, redomiciliation, redress

В 2011 году Федеральным законом № 420-ФЗ в гл.11 УК РФ было введено новое основание – освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ) Позже наименование нормы было подвергнуто редакции. В настоящее время она именуется как «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда».

В 2015 г. данная норма была дополнена ч.3, в соответствии с которой в безусловном порядке лицо освобождается от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года либо до 1 января 2019 года деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, ч.1,2 ст. 194, 198, 199, 199¹, 199² УК РФ, при условии, если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в соответствующей специальной декларации, поданной в соответствии с ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации. В этом случае не применяются положения ч.1,2 ст. 76¹ УК РФ в части возмещения ущерба, перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода. Следовательно, «на первый взгляд, ч.3 ст. 76¹ УК РФ **не предполагает** возмещение ущерба»¹, но как будет указано ниже из анализа регулятивного законодательств такой вывод не проистекает.

¹ Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 8. - С. 118 - 127.

Идея освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если оно полностью возместило причиненный ущерб и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение, является показателем либерализации уголовного закона к представителям бизнеса и заслуживает поддержки. Во-первых, происходит добровольное возмещение ущерба с применением «монетарной «квази-санкции»¹, во-вторых, лицо избегает привлечения к уголовной ответственности со всеми вытекающими социально-правовыми последствиями, в-третьих, происходит экономия государственных ресурсов на правосудие по отдельным преступлениям.

Последовательное осуществление принципа экономии уголовной репрессии, в соответствии с которым уголовная ответственность должна наступать за те правонарушения, защита от которых невозможна средствами иных отраслей права, при этом меры уголовной ответственности не могут быть избыточными и жестокими, и должны быть оптимальными и справедливыми, находит свое отражение в рассматриваемой норме, однако некоторые вопросы требуют своего законодательного и доктринального решения².

Особое нарекание среди ученых вызывает наименование нормы³. Например, предлагается назвать рассматриваемую статью как «Освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших некоторые преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также преступления в сфере экономики»⁴. Суть претензий сводится к тому, что наименование нормы не соответствует ее содержанию.

Действительно, обязательность возмещения ущерба как основания для освобождения от уголовной ответственности характерно для ч.1, 2 ст. 76¹ УК РФ. Часть 3 рассматриваемой нормы прямо не предусматривает возмещение ущерба, однако анализ коррелирующего регулятивного законодательства свидетельствует о необходимости несения довольно внушительных расходов.

Следует отметить, что внесение изменений в УК РФ в 2015 г. было продиктовано необходимостью «амнистии капиталов» на основании Федерального закона от 08.06.2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках

¹ Хачатрян А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук.- М., 2014. - С.44.

² См. подробнее: Шевелева С.В., Дробышева О.С. О псевдогуманизации уголовного законодательства в отношении представителей бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. - 2012. - №4 (43). - Ч.1. - С. 82.

³ См., например: Благоев Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 118-127; Софоян М.Э. Проблемы законодательной техники в ст. 76¹ УК РФ // Аллея науки. - 2019. - Т. 3. - № 12 (39). - С. 592-594.

⁴ Власенко В.В. "Реинкарнация" ст. 76¹ УК РФ и другие новеллы института освобождения от уголовной ответственности: законодательные погрешности и перспективы применения // Российская юстиция. - 2019. - № 8. - С. 25 – 27; Софоян М.Э. Указ. соч. С. 592-594.

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ № 140-ФЗ). Цель поправок – «деофшоризация» российской экономики. Такой подход был определен после провала политики ужесточения ответственности за вывод капиталов из страны. Законодатель решил действовать мягкими методами, посредством освобождения от уголовной ответственности лиц – декларантов, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации по активам, находящимся за рубежом. Причем сроки предоставления такой декларации, освобождающей лицо от уголовной ответственности, неоднократно продлялись (ст. 5 ФЗ № 140-ФЗ).

Текстуально ч.3 ст. 76¹ УК РФ изложена крайне сложно. Кроме того, диспозиция нормы содержит отсылку к другому федеральному закону, который систематически подвергается изменениям.

Тем не менее, условиями освобождения по ч.3 ст. 76¹ УК РФ являются следующие:

1. преступление должно быть совершено до 1 января 2015 г., где предметом являются имущественные права на иностранные компании или иностранные счета или до 1 января 2019 г. за преступления, предусмотренные ст. 193, ч.1, 2 ст. 194, ст. 198-199² УК РФ;

2. лицо должно являться декларантом специальной декларации, предусмотренной ФЗ №140-ФЗ;

3. признаки объективной стороны преступления должна быть связаны с приобретением, использованием, распоряжением имуществом иностранных компаний или открытием, зачислением денежных средств на иностранные счета;

4. международная компания, включенная в специальную декларацию, должна пройти редомиляцию, т.е. процедуру по замене юридического адреса с одной юрисдикции на другую, сохранив и свою корпоративную структуру и организационно-правовой статус (данное дополнительное условие действует для третьего этапа декларирования, т.е. с 1 июня 2019 года по 29 февраля 2020 года);

5. денежные средства, находящиеся на иностранных счетах, должны быть переведены в кредитные организации Российской Федерации до подачи декларации.

Существенным отличием данного основания от иных заключается в том, что освобождению от уголовной ответственности подлежит как сам декларант, так и лица, информация о которых содержится в декларации. Так, это могут быть «номинальные владельцы имущества, т.е. те граждане, которые осуществляли права собственника в интересах или по поручению физического лица на основании договора номинального владения имуществом; лица, выполнявшие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в организации (в соответствии с ее распорядительными документами), которая участвовала в процессе приобретения, использования или распоряжения имуществом, или в процессе открытия (за-

числения) денежных средств на счета, информация о которых содержится в декларации»¹.

Не может быть освобождено от уголовной ответственности по данному основанию лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование по одному из составов преступлений, предусмотренных ст. 193, ч.1, 2 ст. 194, 198, 199, 199¹, 199² УК РФ. Если специальная декларация была подана до возбуждения уголовного дела, последнее подлежит прекращению. В силу того, что содержащаяся в декларации информация является налоговой тайной, а, следовательно, не может использоваться в качестве доказательственной базы, ее подача не может рассматриваться налоговыми и правоохранительными структурами как повод к возбуждению уголовного дела даже по тем преступлениям, которые под «амнистию капиталов» не попадают.

Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по данному основанию даже в том случае, если декларация содержит не все сведения об активах за рубежом. Однако, положения ч.3 ст. 76¹ УК РФ применяются только к тому имуществу, которое содержится в декларации. Следовательно, если часть активов декларантом были не отражены, по данному имуществу может быть возбуждено уголовное дело при наличии к тому оснований.

Не является препятствием к освобождению от уголовной ответственности и отсутствие информации об источниках приобретения объектов имущества, денежных средств, указанных в декларации.

Отдельные авторы высказываются о «фактической дискриминации лиц, совершивших преступления, и нарушения принципа равенства в применении закона»², т.к. специальные декларанты имеют шанс избежать от ответственности без возмещения ущерба государству, тогда как другие лица, совершившие аналогичные преступления, но не подпадающие по «амнистию капиталов», обязаны выплатить пени, штрафы или двойной размер ущерба³. А.В. Кузнецов предлагает взимать сбор за декларирование иностранных активов, подобно тому как это было сделано в Италии и ряде других государств⁴.

Учитывая, что третий этап амнистии капиталов в обязательном порядке

¹ Кузнецов А.В. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по Ч. 3 ст. 76¹ УК РФ в рамках «Амнистии капиталов» // ВЭПС. - 2016. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/k-voprosu-ob-osvobozhdenii-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-ch-3-st-761-uk-rf-v-ramkah-amnistii-kapitalov> (дата обращения: 06.03.2020).

² Капинус Н. Амнистия капитала: есть ли справедливость? // <https://www.garant.ru/ia/origins/author/kapinus/650962/> (дата обращения 30.06.2020)

³ Кузнецов А.В. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по Ч. 3 ст. 76¹ УК РФ в рамках «Амнистии капиталов» // ВЭПС. - 2016. - № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/k-voprosu-ob-osvobozhdenii-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-ch-3-st-761-uk-rf-v-ramkah-amnistii-kapitalov> (дата обращения: 09.03.2020).

⁴ Кузнецов. А.В. Указ. соч. С. 176.

должен сопровождаться редомициляцией (ч.2 ст. 6 ФЗ № 140-ФЗ), то в соответствии с ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹ «Минимальный объем инвестиций, необходимый для получения статуса международной компании, составляет пятьдесят миллионов рублей. Срок, в течение которого должны быть произведены инвестиции, составляет шесть месяцев с даты государственной регистрации международной компании» (ч.6 ст. 2). Для соблюдения условий освобождения от уголовной ответственности по ч.3 ст. 76¹ УК РФ лицо должно зарегистрировать международную компанию в специальном административном районе (о. Русский Приморского края или о. Октябрьский Калининградской области – офшорные зоны в РФ) с особым правовым режимом для редомицилированных компаний и принять на себя обязательства по инвестированию в размере не менее 50 млн. рублей на территории России в течение 6 мес. с даты регистрации. При этом инвестиционный проект не имеет территориальной привязки, а форма инвестирования может быть как в качестве капитальных вложений, так и вложений в уставной капитал.

Таким образом, реализация положений ч.3 ст. 76¹ УК РФ практически невозможна, т.к. редомициляция в РФ – процесс не отлаженный, имеющий большое количество юридических и организационных вопросов и «белых пятен» в законодательстве, что осложняет амнистию капиталов в целом. По заявлению экспертов заявку на редомициляцию сегодня подала только одна международная компания. Полагаем, что льготы по налогу на прибыль являются экономически непривлекательными.

Учитывая, что преступные деяния, перечисленные в диспозиции ч.3 ст. 76¹ УК РФ, относятся к категории небольшой или средней тяжести, срок давности составляет два и шесть лет соответственно. Следовательно, в ряде случаев может возникать ситуация, когда освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности – более «выгодное» основание, нежели «амнистия капиталов», т.к. в соответствии со ст. 78 УК РФ лицо в безусловном порядке освобождается от уголовной ответственности без каких-либо дополнительных условий. Заслуживает поддержки вывод Е.В. Благова: «для лиц, совершивших соответствующие преступления небольшой тяжести до указанной выше даты, «амнистия капиталов» - ухудшающее их положение предписание»².

Список литературы

1. *Благов Е.В.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. – 2019. - № 8 (105). – С. 118-127.

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О международных компаниях и международных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.08.2018.

² Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. - 2019.- № 8. - С. 118 - 127.

2. *Власенко В.В.* «Реинкарнация» ст. 76¹ УК РФ и другие новеллы института освобождения от уголовной ответственности: законодательные погрешности и перспективы применения // Российская юстиция. – 2019. - № 8. – С. 25 – 27.

3. *Капинус Н.* Амнистия капитала: есть ли справедливость? // <https://www.garant.ru/ia/opi№io№/author/kapi№us/650962/> (дата обращения 30.06.2020)

4. *Кузнецов А.В.* К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по Ч. 3 ст. 76¹ УК РФ в рамках «Амнистии капиталов» // ВЭПС. – 2016. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/k-voprosu-ob-osvobozhdenii-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-po-ch-3-st-761-uk-rf-v-ramkah-amnistii-kapitalov> (дата обращения: 06.03.2020).

5. *Софоян М.Э.* Проблемы законодательной техники в ст. 76¹ УК РФ // Аллея науки. – 2019. – Т. 3. № 12 (39). С. 592-594.

6. *Хачатрян А.К.* Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

7. *Шевелева С.В., Дробышева О.С.* О псевдогуманизации уголовного законодательства в отношении представителей бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. - №4 (43). Ч.1. – С. 80-87.

Раздел III. Проблемы Особенной части уголовного законодательства

Абашина Л.А., Ефремова О.В.

Структурно-содержательные проблемы конструирования главы 20 УК РФ «Преступления против несовершеннолетних и семьи»

Аннотация. В статье авторы рассматривают структурно-содержательные проблемы конструирования главы 20 УК РФ «Преступления против несовершеннолетних и семьи» и делают предложения по её конструктивному совершенствованию.

Ключевые слова: преступления против несовершеннолетних и семьи, преступления против развития несовершеннолетних, преступления против семьи и прав несовершеннолетних в ней, уголовно-правовая охрана несовершеннолетних.

Constructing Chapter 20 of the Criminal Code «Crimes Against Minors and the Family»: Structural and Substantive Challenges

Abstract. Construction of a separate chapter dedicated to crimes against minors in the Criminal Code of Russian Federation resulted in certain challenges for the legal doctrine. Authors examine the implementation data and theoretical approaches to the structural and substantial imperfections of the chapter and offer suggestions for its constructive improvement.

Keywords: crimes against minors and the family, crimes against the development of minors, crimes against the family and the rights of minors in it, criminal law protection of minors.

Как справедливо отметила в своем диссертационном исследовании С.А. Куемжиева, «следует признать более чем своевременным выделение в составе уголовного законодательства отдельной главы, объединившей и дополнившей правовые нормы, предусматривающие ответственность и преступления против семьи и несовершеннолетних»¹. По нашему мнению, сходному с позицией абсолютного большинства криминологов, к несомненным достоинствам современного российского уголовного законодательства в его актуальной редакции можно отнести структурное выделение в Кодексе главы двадцатой, нормы которой специально регламентируют преступления против несовершеннолетних (ст.ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 153, 154, 155, 156, 157 УК РФ), хотя и не исчерпывают их. Некоторые исследователи (Ч.Ш. Купирова)

¹ Куемжиева С.А. Правовые и криминалистические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против семьи. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С.3.

вообще выражаются довольно категорично, говоря, что она не способна в полной мере обеспечить защиту прав несовершеннолетних¹.

Проанализировав статистические данные, мы можем отметить, что эти составы преступлений можно подразделить на часто применимые в правореализационной практике и используемые чрезвычайно редко из-за недостаточной фиксации самих фактов таких преступных деяний по причине высокого уровня их латентности, так как большинство приговоров (95%) по статьям, сосредоточенным в двадцатой главе, приходится на дела, возбужденные по части первой ст. 157 УК РФ и ст. 156 УК РФ, и наименьшее – на дела по ст.ст. 151.2, 153, 154, 155 УК РФ. Однако в материалах судебной практики нами были всё же обнаружены приговоры по ст.ст. 150, 151 УК РФ.

Наш анализ статистики также подтверждает и другой факт: против несовершеннолетних совершается большое число «общеуголовных» преступных деяний, таких как убийство, мошенничество, вымогательство и пр., причем в гораздо больших объемах, чем преступлений, размещенных в 20 главе УК РФ. В этой связи имеет смысл прислушаться к мнению Ю.Е. Пудовочкина, который призывает различать преступления, непосредственно направленные против несовершеннолетних, и преступления, потерпевшим при совершении которых может оказаться несовершеннолетний (а может и другое лицо), подчеркивая, что они соотносятся между собой как часть и целое².

Преступления против несовершеннолетних, легальное дефинирование которых в российском уголовном законодательстве отсутствует (однако существует большое количество авторских доктринальных определений), могут быть классифицированы по различным основаниям. Однако, как замечает Е.А. Коршунова, не существует в уголовно-правовой доктрине ни единого понимания сущности этих преступлений, ни их классификации³. Многие исследователи в процессе анализа преступных деяний против несовершеннолетних пытаются предложить свои варианты классификации. Г.А. Решетникова предлагает собственную авторскую классификацию, используя более детальное разграничение групп общественных отношений, защищаемых этой главой: согласно её воззрениям, все нормы этой главы направлены на защиту общественных отношений: «а) по обеспечению надлежащей передачи ребенку социального опыта (ст. ст. 150, 151 УК); б) по обеспечению действительности

¹ Купирова Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского Федерального Округа). Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С.5.

² Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних. Автореф. дисс ... докт. юрид. наук. М., 2005. С.11.

³ Коршунова Е.А. Классификация преступлений гл. 20 уголовного кодекса РФ // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 марта 2016 г, г. Уфа). В 4 ч. Ч.3. - Уфа: АЭТЕРНА, 2016. -С. 100.

факта кровно-родственных отношений (ст. 153 УК); в) по обеспечению прочной семейной общности (ст. 155 УК); г) по обеспечению нормального развития и жизнеобеспечения несовершеннолетних (ст. 156 УК); д) по обеспечению стабильности экономического благополучия семьи и ее членов (ст. 157 УК)»¹. Очевидно, что появившиеся в составе уголовного законодательства позднее выхода ее работы ст. 151.1 и ст. 151.2 УК РФ также должны относиться к группе «а».

Исходя из объектного критерия, в этой главе, по нашему мнению, очень четко выделены преступления, направленные против развития несовершеннолетних, и группа преступлений, направленных против интересов семьи и личных прав несовершеннолетнего в ней (все, кроме ст.ст. 150, 151, 151.1, 151.2 УК РФ, относящихся к первой группе преступлений). Существует и точка зрения, согласно которой все преступления, предусмотренные главой 20 УК РФ, в принципе посягают одновременно и на интересы несовершеннолетних, и на интересы семьи (В.П. Ревин)².

Приняв во внимание авторскую классификацию Ю.Е. Пудовочкина³, можно говорить о структурном несовершенстве главы. Полагаем, что можно принять во внимание и предложить как тему для дискуссии новую норму для этой главы, устанавливающую ответственность за нарушения прав несовершеннолетних в сфере профессиональной деятельности/занятости. За основу можно взять уже выдвинутое Ю.Е. Пудовочкиным предложение и сформулированный им примерный состав такого преступного деяния⁴. Будет ли это способствовать ликвидации либо, по меньшей мере, ослаблению экономической эксплуатации несовершеннолетних – вопрос спорный и выходящий за рамки уголовно-правовой регламентации таких преступлений. Сомнения у нас возникают потому, что уже имеющиеся в УК РФ нормы, защищающие трудовые права граждан, остаются одними из самых невостребованными по причинам, вообще не имеющим отношения к уголовно-правовому регулированию.

Возможно, также требуется продумать вопрос о реструктурировании её содержательного наполнения: ст. 242.1 УК РФ, а также ст.ст. 134, 135 УК РФ есть смысл обсудить в порядке научной дискуссии возможное перемещение в 20 главу Кодекса, поскольку объектом преступного посягательства здесь является нравственность несовершеннолетних, а не только их половая свобода и неприкосновенность, тогда как положения ст. 155 УК РФ и ч. 2 ст. 157 УК РФ следует поместить в предыдущую главу Кодекса, изъяв их из главы двадцатой. В то же время часть исследователей считают, что подобное изменение структуры уголовного законодательства будут нарушать объектный принцип, используемый законодателем при конструировании разделов и глав УК РФ, и

¹ Решетникова Г.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2005. С.9.

² Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В. П. Ревина. -М., 2010. -С. 245-246.

³ Пудовочкин Ю.Е. Указ.соч. - С.25-26.

⁴ Там же.- С.30.

разрушат структурно-содержательную логику расположения норм Особенной части, и потому нецелесообразны¹. А.Р. Акиев полагает, что нормы, устанавливающие ответственность за нарушения прав несовершеннолетних, расположенные в других главах, находятся там потому, что права несовершеннолетних там выступают как дополнительный (факультативный) объект, в отличие от норм главы 20 УК РФ.

Предложения Ю.Е. Пудовочкина о необходимости переименования двадцатой главы с ее конструктивной коррекцией, который предлагает оставить в ней только преступные деяния против развития несовершеннолетних, поскольку ему представляется нецелесообразным включение в эту главу деяний, направленных против социального института (семьи), а не против личности, тем более что эти интересы (семьи, а не несовершеннолетнего), по его мнению, выступают только как дополнительный или факультативный видовой объект, заслуживают внимание. Однако часть криминологов интересы семьи как социального института считают родовым объектом преступлений в этой главе, а не дополнительным или факультативным (Г.А. Решетникова²). Другие (Е.Е. Пухтий³) полагают, что в данной главе групповым объектом выступают две сферы общественных отношений, отраженных в названии самой анализируемой главы.

Один из предлагаемых в криминологической среде путей совершенствования этой главы - возможное изменение наименования анализируемой главы - следует продумать, но не в контексте оставления в названии только преступлений против прав/развития несовершеннолетних, а в рамках переименования «семьи» как факультативного объекта, на который посягают преступные деяния, сосредоточенные в этой главе, в «семейные отношения». Общее скорректированное название могло бы звучать так: «Преступления против семейных отношений и прав несовершеннолетних». Кроме того, объединение в этой главе двух групп составов преступлений демонстрирует органичное единство и взаимосвязь этих сфер общественных отношений, поэтому и отвечает отечественному опыту уголовно-правовой регламентации защиты прав несовершеннолетних и дореволюционным наработкам отечественных криминологов.

Многие исследователи дополнительно акцентируют внимание на совершенно неподобающем (последнем) месте гл. 20 в структуре VII раздела, что явно не соответствует степени важности защищаемых нормами этой главы общественных отношений. Однако далее их позиции расходятся: одна группа

¹ Акиев А.Р. Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // ЮП. - 2017. - №2 (81). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-glavy-o-prestupleniyah-protiv-semi-i-nesovershennoletnih> (дата обращения: 26.05.2020).

² Решетникова Г.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2005. С.25.

³ Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних (Вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С.13.

исследователи (Е. Пухтий¹) предлагают поменять местами с соответствующим изменением нумерации 19 и 20 главы УК РФ, другие криминологи считают содержание главы и защищаемых ею общественных отношений настолько важным и значимым, что, по их мнению, она должна располагаться сразу после главы 1 этого раздела, регламентирующей ответственность за преступления против жизни и здоровья, третьи ученые (И.Н. Туктарова²) считают, что важность этих общественных отношений настолько велика, что подлежит специальному упоминанию в качестве особо приоритетного объекта уголовно-правовой защиты в нормах Общей части УК РФ, причем в задачах и принципах (ст.ст. 2,7 УК РФ). Мы склонны солидаризироваться с исследователями, придерживающимися первой позиции, поскольку она лучше обоснована по уровню используемой аргументации. За ее принятие говорит проведенный анализ санкций: ее автор, напоминая, что нормы Особенной части УК РФ расположены в Кодексе по степени убывания их общественной опасности, и проанализировав санкции статей, сосредоточенных в главах 19 и 20 УК РФ, пришел к выводу, что, исходя из менее серьезных наказаний, представленных в главе 19 по сравнению с главой 20, они (нормы, расположенные в девятнадцатой главе), с точки зрения законодателя, представляют меньшую степень общественной опасности, соответственно, должны быть расположены после норм, устанавливающих ответственность за преступления против несовершеннолетних и семьи. Несколько избыточным нам представляется предложение И.Н. Туктаровой о структурной перестройке уголовного законодательства таким образом, чтобы все преступные деяния, против несовершеннолетних были собраны со всего Кодекса и размещены в единый раздел (раздел, а не главу)³. По нашему мнению, помещение гл. 20 в VII разделе, вобравшем в себя преступные деяния против личности, исходя из объектного принципа построения УК РФ вполне логично, и в этой части не требует корректировки.

Содержательное наполнение этой главы тоже представляется многим криминологам несовершенным. И, если с позицией некоторых из них вполне можно согласиться (например, с мнением Ю.Е. Пудовочкина, рекомендовавшего дополнить эту главу новыми составами, устанавливающими уголовно-правовую ответственность за посягательства на права несовершеннолетних в сфере профессиональной деятельности/занятости⁴, или предложением Э.Э. Эмирбековой о корректировке диспозиции ст. 151 УК РФ, которая потребует-ся, если криминализировать вовлечение несовершеннолетних в азартные игры⁵, в чем действительно существует потребность), то, например, предложе-

¹ Пухтий Е.Е. Указ. соч. С.7, 13.

² Туктарова И.Н. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С.6.

³ Туктарова И.Н. Указ. соч. - С.14.

⁴ Пудовочкин Ю.Е. Указ.соч. - С.30.

⁵ Эмирбекова Э.Э. Преступления против несовершеннолетних и проблемы их профилактики: по материалам Республики Дагестан. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С.7.

ние о необходимости возвращения ст. 152 УК РФ (возможно, с новой нумерацией, как это произошло с клеветой при её повторной криминализации) нам представляется неактуальным и нецелесообразным, поскольку торговля несовершеннолетними стала в 2003 году квалифицирующим признаком в ст. 127.1 УК РФ, который был создан как единый состав, с добавлением к нему в части второй квалифицирующего признака с условием заведомости применительно к несовершеннолетним, т.е. деяние не было декриминализировано. Позднее это условие было убрано¹. Это представляется логичным по двум причинам: во-первых, многие криминологи отмечают неопределенность критериев «заведомости» и, в целом, не разработанность этой категории в уголовно-правовой науке, что негативно сказывается на правоприменительной деятельности, а, во-вторых, получалось, что несовершеннолетние, «заведомо» таковыми не выглядящие, лишались уголовно-правовой защиты, предоставляемой в п. «б» части второй ст. 127.1 УК РФ.

В силу вышеизложенного, предложение Э.Э. Эмирбековой, требующей «восстановить уголовную ответственность за торговлю несовершеннолетними (ст.152 УК РФ)»², нам представляется странным, поскольку она (ответственность) за этот состав преступления и не была утрачена, однако за совершение этого преступного деяния было значительно смягчено наказание, что видно при анализе альтернативных относительно-определенных санкций квалифицированного и особо квалифицированного составов ранее действовавшей ст. 152 УК РФ по сравнению с санкцией части второй ст. 127.1 УК РФ. Возможно, в данном случае проявился общий тренд, направленный на либерализацию уголовного законодательства, но необходимость его изменения по отношению к преступлениям против интересов ребенка вполне дискуссионна и, скорее всего, по результатам общественных и профессиональных дискуссий будет поддержана большинством российского социума и юридического сообщества.

Итак, общее скорректированное название главы 20 УК РФ при возможном его переименовании могло бы звучать так: «Преступления против семейных отношений и прав несовершеннолетних». Оставление в наименовании главы только преступлений против развития несовершеннолетних нецелесообразно, поскольку наличие в этой главе двух сфер общественных отношений, защищаемых её статьями, демонстрирует их органичное единство и взаимосвязь. Следует также изменить структурное расположение гл. 20 в УК РФ: поменять их местами с гл. 19: это будет логичнее отражать степень общественной опасности деяний, в них предусмотренных, исходя из санкций статей, размещенных в этих главах. По нашему мнению, помещение гл. 20 в VII разделе, вобравшем в себя преступные деяния против личности, исходя из

¹ Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. -2012. -№ 10. -Ст. 1162.

² Эмирбекова Э.Э. Указ. соч. С.7.

объектного принципа построения УК РФ, вполне логично, и в этой части не требует корректировки. Возможное нарушение этого принципа построения Кодекса делает необходимым продолжение доктринальных дискуссий о необходимости добавления в эту главу (или устранения из нее) новых составов.

Список литературы

1. *Акиев А.Р.* Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // ЮП. - 2017. - №2 (81). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-glavy-o-prestupleniyah-protiv-semi-i-nesovershennoletnih> (дата обращения: 26.05.2020).

2. *Коршунова Е.А.* Классификация преступлений гл. 20 уголовного кодекса РФ // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 марта 2016 г, г. Уфа). В 4 ч. Ч.3. - Уфа: АЭТЕРНА, 2016. - С. 99-101.

3. *Куемжиева С.А.* Правовые и криминалистические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против семьи. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 24с.

4. *Купирова Ч.Ш.* Ответственность за преступления против несовершеннолетних (по материалам следственно-судебной практики Приволжского Федерального Округа). Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 24с.

5. *Пудовочкин Ю.Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних. Автореф. дисс ... докт. юрид. наук. М., 2005. 60с.

6. *Пухтий Е.Е.* Преступления против семьи и несовершеннолетних (Вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 31с.

7. *Решетникова Г.А.* Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2005. 40с.

8. *Туктарова И.Н.* Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 23с.

9. *Уголовное право России.* Особенная часть / под ред. В. П. Ревина. -М., 2010. – 392с.

10. *Эмирбекова Э.Э.* Преступления против несовершеннолетних и проблемы их профилактики: по материалам Республики Дагестан. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. - 25 с.

Уголовно-правовая характеристика преступлений против правосудия

Аннотация: в статье дается общая характеристика преступлений против правосудия, проводится классификация этих преступлений в зависимости от объекта посягательства и иных признаков состава преступления.

Ключевые слова: общественно-опасные посягательства, преступления против правосудия, причинение вреда или угроза его причинения, отправление правосудия

Criminal-Legal Characteristics of the Crimes against Justice

Abstract: The article gives a general description of crimes against justice, offers the classification of these crimes depending on the target of a crime and other elements of the crime definition.

Keywords: socially dangerous offences, crimes against justice, harm or threat of harm, course of justice

Общественно-опасные посягательства, причиняющие вред либо создающие угрозу причинения вреда, признаваемые преступлениями против правосудия является самостоятельным институтом уголовного законодательства (гл. 31 УК РФ).

В соответствии с Конституцией РФ (ст.18) правосудие в Российской Федерации осуществляется исключительно судом, а судьи при отправлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону (ч.1 ст. 120 Конституции РФ).

Отправление правосудия в РФ является важной и необходимой государственной функцией, осуществляемой судебной властью от имени государства. Она реализуется посредством рассмотрения и разрешения конституционных, гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел, и основывается на демократических принципах, закрепленных в Конституции РФ (ст.ст.45-54; 120, 122-124), отражающих сущность и задачи правового государства. Правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на порядок отправления правосудия, призваны обеспечить охрану конституционных положений правосудия, составляющие основу функционирования судебной власти, созданной для разрешения социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими и физическими лицами путем судебного разбирательства; установления конституционности отдельных положений законов, примененных или подлежащих применению при рассмотрении уголовных дел; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами и должностными лицами исполнительной власти; принятия мер по соблюдению прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных и иных процессуальных

действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий в процессе производства по уголовным делам, привлечении виновных лиц к юридической ответственности, в том числе, уголовной; определения других наиболее значимых юридических фактов. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей, осуществляется судьями и представителями общественности, в случаях, установленных законом.

Если правосудие в широком смысле это одна из форм государственной деятельности, заключающаяся в применении права, то в узком это деятельность суда с участием сторон и иных участников по рассмотрению и разрешению конституционных, гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел.

При этом, правосудие с позиций уголовного закона, призванного обеспечить его отправление - это не только деятельность суда, но и деятельность органов и должностных лиц прокуратуры, предварительного расследования, органов и учреждений, исполняющих судебные решения, вступившие в законную силу.

Так, Конституция РФ (ст.46) каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод, обеспечение которых является необходимым условием формирования и функционирования правового государства, и институтов гражданского общества.

Данное обстоятельство означает, что суды обязаны рассматривать жалобы на решения и действия (бездействия) органов и должностных лиц власти и управления, общественных организаций, разрешать конфликты между ветвями власти, юридическими и физическими лицами, а также применять меры принуждения в целях восстановления нарушенных прав и наказания лиц, виновных в совершении преступных посягательств.

Органы государственной власти, призванные отправлять правосудие занимают особое положение, обусловленное спецификой возложенных на них функций и выполняемых задач. Она заключается в том, что органы правосудия, образующие судебную власть, отличаются от других ветвей власти и служит основанием для выделения преступлений против правосудия в отдельную самостоятельную главу уголовного законодательства (гл. 31 УК РФ).

Известно, что к органам правосудия относятся только суды (судьи, мировые судьи) деятельность которых тесно связаны с другими органами и должностными лицами, осуществляющими правоохранительные, надзорные и право исполнительные функции: дознание, предварительное следствие, прокурорский надзор, исполнение судебных решений (приговора, постановления, определения), призванные обеспечивать отправление правосудия.

Так, без предварительного расследования, осуществляемое, также как и судебная деятельность, в строгом соответствии с законом, невозможно рассмотрение и разрешение в суде уголовных дел, кроме дел частного обвинения.

Следовательно, преступные посягательства на нормальную досудебную деятельность также относятся к преступлениям против правосудия, что в данном случае означает их более широкое понимание, включающее в себя помимо судов и другие органы и должностные лица, обеспечивающие отправление правосудия.

Соответственно, можно раскрыть характер отношений, являющихся основным объектом преступлений против правосудия, содержанием которых выступает нормальная деятельность судебных, правоохранительных, надзорных и право исполнительных органов и их должностных лиц.

Вместе с тем, при совершении преступлений против правосудия, помимо обозначенного основного объекта вред причиняется или создается угроза причинения вреда и другим отношениям, охраняемым уголовным законом и выступающим в качестве дополнительных объектов преступных посягательств: права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц.

При этом, от преступлений против правосудия необходимо отличать преступные посягательства, затрагивающие и причиняющие вред либо создающие угрозу причинения вреда интересам отправления правосудия, но не связанные с ее спецификой.

К таким общественно-опасным деяниям, посягающим на нормальную деятельность любых органов власти и управления относятся преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (получение взятки, дача взятки, служебный подлог и др.), а также преступления против порядка управления (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, применение насилия в отношении представителя власти и др.).

Так, оскорбление прокурора, выступающего в качестве государственного обвинителя в ходе судебного разбирательства, является преступлением против правосудия и следует квалифицировать как неуважение к суду (ст.297 УК РФ), а подобного рода действия, связанные с иной служебной деятельностью прокурора, содержит признаки преступления против порядка управления: оскорбление представителя власти (ст.319 УК РФ).

Если в процессе деятельности представителями судебной власти, должностными лицами предварительного расследования, прокуратуры и иных исполнительных органов совершено взяточничество, халатность и др., то их деяния следует квалифицировать как преступления против интересов государственной службы. В случае, если одновременно с этими деяниями ими осуществлено посягательство на интересы отправления правосудия, то их деяния необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (напр., по ст. 290 и ст.305 УК РФ в случае постановления заведомо неправосудного приговора за взятку).

С объективной стороны рассматриваемые преступления характеризуются разнообразными деяниями, нарушающими нормальную деятельность органов правосудия. Формами поведения могут являться как действия, так и

бездействие. С субъективной стороны преступления против правосудия характеризуются умышленной формой вины.

Так, в диспозициях отдельных норм содержится указание на заведомость, характеризующая интеллектуальный момент умысла и означающая осознание виновным фактических обстоятельств, к которым закон относит обозначенный признак: неправомерность приговора, незаконность ареста, ложность показаний и др.

Субъектов преступлений против правосудия достаточно много. При этом, субъекты, посягающие на нормальную деятельность по отправлению правосудия могут быть подразделены на две группы.

К первой группе можно отнести субъектов, которые по своему правовому статусу и предоставленным властным полномочиям призваны обеспечить отправление правосудия: судьи, прокуроры, следователи и др. К второй группе субъектов относятся иные лица, которые вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность в том или ином качестве и обязанные содействовать отправлению правосудия либо не препятствовать предварительному расследованию, судебному производству по уголовным делам или исполнению судебных решений (приговора, постановления, определения): свидетели, потерпевшие, эксперты, переводчики и др.

Отсюда следует, что преступления против правосудия – это умышленные общественно-опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на нормальную деятельность по отправлению правосудия, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда интересам правосудия, совершаемые судьями, должностными лицами предварительного расследования, прокуратуры и органов, обеспечивающих исполнение судебных решений либо иными физическими лицами, обязанными содействовать или не препятствовать отправлению правосудия.

Классификация преступлений против правосудия основывается на определенных видах отношений, составляющих нормальную деятельность по отправлению правосудия. Соответственно, систему преступлений против правосудия можно обозначит следующим образом:

1. Преступления в сфере обеспечения независимости судей и защиты их личной безопасности, чести и достоинства. К ним относятся: воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст.294 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК РФ); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст.296 УК РФ); неуважение к суду (ст.297 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст.298 УК РФ); разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст.311 УК РФ).

2. Преступления в сфере правильного отправления правосудия должностными лицами органов правосудия. К ним относятся: «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» (ст.299 УК РФ); «Незаконное освобождение от уголовной ответственности» (ст.300 УК РФ); «Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей» (ст.301 УК РФ); «Принуждение к даче показаний» (ст.302 УК РФ); «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности» (ст.303 УК РФ); «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» (ст.305 УК РФ).

3. Преступления в сфере выполнения гражданами обязанностей содействовать или не препятствовать осуществлению правосудия. К ним относятся: провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ); заведомо ложный донос (ст.306 УК РФ); заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод (ст.307 УК РФ); отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (308 УК РФ); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст.309 УК РФ); разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ); укрывательство преступлений (ст.316 УК РФ).

4. Преступления в сфере исполнения приговоров, решений и других актов органов правосудия. К ним относятся: незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст.312 УК РФ); побег из места лишения свободы, из под ареста или из под стражи (ст.313 УК РФ); уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ); неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст.315 УК РФ).

Указанные преступления посягают на нормальную деятельность в сфере отправления правосудия, причиняют вред либо создают угрозу причинения вреда специфическим общественным отношениям и объединены в самостоятельную главу в Уголовном кодексе РФ 1996 года, что представляется обоснованным.

Таким образом, преступления против правосудия существенным образом отличаются от иных общественно-опасных посягательств, предусмотренных уголовным законодательством и представляют наибольшую опасность для человека, общества и государства, особенно те из них, что могут совершаться исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности: (ст.299 УК «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела»; ст. 300 УК «Незаконное освобождение от уголовной ответственности»; ст. 301 УК «Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей»; ст. 302 УК «Принуждение к даче показаний»; ст.303 УК «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности»; «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» (ст.305 УК РФ).

При этом, только ч. 1 ст. 301 УК РФ предусматривает в качестве меры наказания наряду с другими такой вид наказания как «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» (п. «б» ст. 44 УК РФ). Согласно ч.3 ст. 47 УК РФ данный вид наказания может назначаться в качестве дополнительного наказания и в тех случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, т.е. по усмотрению суда.

Между тем, как показывает судебная практика при осуждении лиц по указанным статьям УК обозначенная мера наказания практически не применяется, в том числе, возможно и потому, что в случаях осуждения, например, следователя, прокурора и судьи, они в дальнейшем не смогут занимать эти должности несмотря на снятую или погашенную судимость, но уже по другим, непредусмотренным УК основаниям, что, как нам представляется, не совсем правильным.

Поэтому, считаем необходимым применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью наряду с другими мерами принуждения признать обязательным, независимо от усмотрения суда, в тех случаях когда то или иное преступление стало возможным исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельностью и внести соответствующие изменения в действующее уголовное законодательство.

Деревянская Т.П.

Незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: уголовно-правовой аспект

Аннотация. В статье анализируются изменения ст. 238¹ УК РФ, принятые в условиях мировой пандемии, вызванной коронавирусом COVID-19. Рассматривается поправка, предусматривающая ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Подвергается анализу состав преступления, отмечается, что необходимо выделять дополнительный объект преступления, а в качестве обязательного признака объективной стороны вступают средства совершения преступления.

Ключевые слова: лекарственные средства, лекарственный препарат, медицинское изделие, незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия, уголовная ответственность.

Criminal Law Response to the Use of Telecommunication Networks in Illegal Drug Commerce

Abstract. The article analyzes the changes to the article 238 of the Criminal code of the Russian Federation adopted in the context of the global pandemic caused by the COVID-19 coronavirus. Examined amendment provides the liability for the circulation of falsified, substandard, and unregistered medicines, medical devices and the circulation of falsified dietary supplements committed using mass media or information and telecommunication networks, including the Internet. Author analyzes the elements of the crime and concludes that it is necessary to allocate an additional target of the crime and mention the means of committing the crime as a mandatory feature among the physical elements of the offence.

Keywords: drugs, medicine, medical device, unregistered drugs and medical devices, criminal liability.

Сфера обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок не остается без внимания как правоприменителей так и законодателя, что является вполне обоснованным. Незаконный оборот медицинской продукции в первую очередь подвергает опасности здоровье населения.

В период мировой пандемии COVID-19 – коронавирусной инфекции, вызываемой коронавирусом SARS-CoV-2, стало острым вопросом обращение лекарственных средств и медицинских изделий. В условиях вынужденной самоизоляции серьезной проблемой стало дистанционное приобретение медицинской продукции. Решая эту проблему, был принят законопроект, разрешающий розничную продажу лекарственных средств дистанционным способом¹, а также Федеральным законом от 01.04.2020 № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»² ст. 238¹ УК РФ была дополнена ч. 1.1. Рассматриваемая поправка предусматривает ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Данные изменения уголовного законодательства, по нашему мнению, являются своевременным реагированием на сложившуюся ситуацию. Даже

¹ Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/73842086/paragraph/1:0> (дата обращения 20.06.2020).

² Федеральный закон от 01.04.2020 № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349062/(дата обращения 20.06.2020).

не принимая во внимания условия пандемии, по результатам изучения судебной практики можно отметить, что 95 % приговоров внесены в отношении лиц, осуществляющих незаконную продажу лекарственных средств и медицинских изделий с использованием сети «Интернет». Существует большое количество сайтов, осуществляющих розничную и оптовую продажу лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок. Так, в 2017 г. прокурором города Пскова были выявлены сайты: www.piluli.ru, www.intoxics.com, www.третиноин.рф, www.daclatasvir.su, www.boys-shop.ru, www.apteka-euromed.ru, www.transfarma.ru, www.krasnewdelhi.com, www.arv24.com, www.c.recardiosale.com, www.hetero-russia.com, www.likitoriya.com, www.eurofarmacia.ru, www.lekarstvo-iz-evropy.ru, www.binfarma.com, www.lechebka.su, www.apteka-med.com, www.pharm-from.ru, на которых размещалась информация о продаже лекарственных средств дистанционным способом¹.

Важность рассматриваемых изменений позволяет констатировать и тот факт, что ранее исследователи проблем обращения медицинской продукции неоднократно предлагали предусмотреть в качестве квалифицирующего признака незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»².

Несомненно, при незаконном обращении лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет» общественная опасность таких преступлений возрастает. Это связано с тем, что к информации о продаже-покупке медицинской продукции в средствах массовой информации и сети «Интернет» может иметь доступ неограниченный круг людей, при этом такая информация может свободно передаваться другим лицам.

Кроме того, незаконное обращение лекарств и медицинских изделий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе «Интернет», позволяет преступникам значительно увеличивать объем обращения фальсифицированной медицинской продукции. Например, Л. посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте «www.avito.ru» разместила объявление о продаже презервативов марки «Con-tex» оптом и в розницу и в последующем совершила сбыт 25 коробок 4478 упаковок в которых содержались 44304 фальсифицированных медицинских изделия. В результате преступных действий ООО «Рекитт Бенкизер АйПи»

¹ Архив Псковского городского суда Псковской области. – Приговор от 12 сентября 2019 г.

² См. например Иликбаева, Е.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. - Краснодар, 2019. – С.20.

причинен материальный ущерб в сумме 1 478 862 рубля 02 копейки, что является крупным размером¹.

Также стоит отметить, что то факт, что использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», облегчает организовывать обращение фальсифицированных, незарегистрированных и недоброкачественных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок не только на региональном и федеральном, но и на международном уровнях. Так, А. посредством сети «Интернет» заказал для дальнейшего сбыта 6 коробок по 28 таблеток в каждой лекарственного средства, незарегистрированного на территории РФ, получила их посредством курьерской службы «Почта России», после чего сбыла незарегистрированное на территории РФ лекарственное средство².

Несомненно, рассмотренные обстоятельства вызывают необходимость рассмотрения и анализа незаконного обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Считаем возможным отметить, что рассматриваемые изменения внесли некоторые коррективы в уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ. В первую очередь, это касается объекта преступления. По устоявшемуся мнению, непосредственным объектом являются общественные отношения, охраняющие здоровье населения при обращении лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок. Рассматривая ч.1.1. данной статьи помимо основного объекта необходимо выделять еще дополнительный – общественные отношения в сфере правомерного использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сеть «Интернет».

Кроме того изменилась структура объективной стороны рассматриваемого преступления. Теперь, в соответствии с ч.1.1. ст. 238¹ УК РФ, обязательным признаком объективной стороны вступают средства совершения преступления: средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет».

Понятие «средство массовой информации» содержится в ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 г. «О средствах массовой информации»³. Так под средствами массовой информации необходимо понимать периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). При этом под периодическим печатным изданием пони-

¹ Архив Мотовилихинский районный суд г. Перми. – Приговор от 12 сентября 2019 г.

² Архив Советского районного суда г. Краснодара. – Приговор от 11 июня 2019 г.

³ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/(дата обращения 20.06.2020).

мается газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год, а под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование (название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год.

В рамках данного исследования, считаем возможным отметить, что Закон «О средствах массовой информации», кроме прочего, содержит ст. 4 в которой описываются случаи недопустимого использования средств массовой информации в некоторых целях. Так, например, ч.3 данной статьи запрещает распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях сведений об обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и т.д. Полагаем, что в свете рассматриваемых изменений уголовного законодательства, целесообразно внести дополнения в ст. 4 Закона «О средствах массовой информации», дополнив ее запретом на размещение информации об обращении фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороте фальсифицированных биологически активных добавок.

Понятие информационно-телекоммуникационных сетей закреплено в ст. 2 ФЗ от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ под которыми понимают технологические системы, предназначенные для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Таким образом, под незаконным обращением лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» необходимо понимать производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, совершенные в крупном размере с использованием периодического печатного издания, сетевого издания, телеканала, радиоканала, телепрограммы, радиопрограммы,

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 20.06.2020).

видеопрограммы, кинохроникальной программы, иной формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) или технологических систем, предназначенных для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники, в том числе сети «Интернет».

Основываясь на вышесказанном, считаем, что изменения ст. 238¹ УК РФ являются актуальными и своевременными, они позволят решить часть существующих проблем, складывающихся в правоприменительной практике, и будут способствовать обоснованному привлечению к уголовной ответственности за незаконное обращение лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок и назначению справедливого наказания.

Список литературы

1. Архив Мотовилихинский районный суд г. Перми. – Приговор от 12 сентября 2019 г.
2. Архив Советского районного суда г. Краснодара. – Приговор от 11 июня 2019 г.
3. Архив Псковского городского суда Псковской области. – Приговор от 12 сентября 2019 г.
4. *Иликбаева, Е.С.* Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: вопросы криминализации, дифференциации ответственности и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. - Краснодар, 2019.

Лепешкина О.И.

Мелкое взяточничество как самое распространенное коррупционное преступление

Аннотация. В числе преступлений, связанных со взяточничеством, мелкое взяточничество составляет примерно половину. Состав мелкого взяточничества в Уголовном кодексе РФ позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от степени тяжести преступления.

В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2018-2020 годы в статье предложены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки мелкого взяточничества.

Необходимо устранить ошибку в части назначения наказания в виде исправительных работ, допущенную при установлении санкции за мелкое взяточничество.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное преступление; получение взятки; дача взятки; мелкое взяточничество

Petty Bribery as the Most Wide-Spread Type of Corruption Crime

Abstract. Among the crimes involving bribery, petty bribery makes about half of them. The description of that crime laid out in the Criminal Code of the Russian Federation make it possible to diversify the liability depending on severity of a crime.

In accordance with the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020, the article proposes a number of qualifying and particularly qualifying characteristics of petty bribery.

Author also notes that it is necessary to eliminate the error regarding imposition of punishment in the form of correctional labor made in a legal text.

Keywords: corruption, corruption crime, bribetaking, bribery of an official, petty bribery

Россия пока остается в числе стран с невысоким индексом восприятия коррупции, т.е. наиболее коррумпированным.

По данным Международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией Transparency International, которая ежегодно представляет данные об индексе восприятия коррупции в мире, в 2019 г. Россия в рейтинге государств заняла 137 место из 180, набрав 28 баллов. Это стабильный показатель для России с 2012 г., с некоторым улучшением ситуации в 2015-2017 гг.: в 2012 г. – 28 баллов, в 2013 г. – 28 баллов, в 2014 г. – 27 баллов, в 2015 г. – 29 баллов, в 2016 г. – 29 баллов, в 2017 г. – 29 баллов, в 2018 г. – 28 баллов, в 2019 г. – 28 баллов. Также на 137 месте в 2019 г. были еще восемь стран: Либерия, Доминиканская Республика, Парагвай, Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Кения, Мавритания и Уганда¹.

К странам с самым низким уровнем коррупции относятся Дания, Новая Зеландия, Сингапур, Финляндия, Швеция.

По данным ГИАЦ МВД России, за период с 2015 по 2018 г. число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности оставалось примерно на одном уровне, некоторое снижение (–10%) было в 2017 г. и рост (+2,9%) в 2018 г.² В 2015 г. было зарегистрировано 32 393 преступления коррупционной направленности, в 2016 г. – 32924.

В 2017 г. было зарегистрировано преступлений коррупционной направленности всего 29634, из них связанных со взяточничеством – 12111, в том числе получение взятки – 3188, дача взятки – 2272, посредничество во взяточничестве – 810, мелкое взяточничество – 5841; связанных с коммерческим подкупом – 1018, в том числе коммерческий подкуп – 840, мелкий коммерческий подкуп – 178.

¹ Сайт «Трансперенси Интернешл – Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/> (дата обращения: 10.02.2020).

² Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 25.02.2020).

В 2018 г. было зарегистрировано преступлений коррупционной направленности всего 30495, из них связанных со взяточничеством – 12527, в том числе получение взятки – 3499, дача взятки – 2612, посредничество во взяточничестве – 979, мелкое взяточничество – 5437; связанных с коммерческим подкупом – 968, в том числе коммерческий подкуп – 740, мелкий коммерческий подкуп – 228.

В 2019 г. число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности составило 30991 (+1,6%), из них связанных со взяточничеством – 13867, в том числе получение взятки – 3988, дача взятки – 3174, посредничество во взяточничестве – 1297, мелкое взяточничество – 5408; связанных с коммерческим подкупом – 1294, в том числе коммерческий подкуп – 990, мелкий коммерческий подкуп – 304.

Таким образом, в числе преступлений, связанных со взяточничеством, мелкое взяточничество составляет примерно половину: в 2017 г. – 48,2%, в 2018 г. – 43,4%, в 2019 г. – 38,9%.

Уголовная ответственность за мелкое взяточничество была установлена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в целом направленным на усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Однако, как указывалось в Пояснительной записке к проекту данного закона, в 2012-2015 гг. подавляющее большинство уголовных дел по факту дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей. Учитывая небольшую степень общественной опасности таких деяний, и была введена в УК РФ¹ ст. 291² «Мелкое взяточничество».

Введение данной статьи в УК РФ по-разному расценивается в науке уголовного права. По мнению Н.А. Колоколова, «учреждение в уголовном праве института мелкой взятки – явление, безусловно, гуманное», так как «основная масса осужденных по ст. 291.2 УК РФ – не взяткополучатели, а взяткодатели». «Подавляющее большинство осужденных – лица, которые только попытались подкупить сотрудников ГИБДД (ч.3 ст. 33, ч.1 ст. 291.2 УК РФ)»².

Н.В. Голубых и М.О. Лепихин считают выделение мелкого взяточничества в отдельную статью нецелесообразным: «... лица, совершившие менее общественно опасное деяние, должны нести более щадящее наказание, чем лица, совершившие преступление с более высокой степенью общественной опасности. В обозначении каких-либо размеров передаваемого предмета взятки в данном случае нет никакой необходимости»³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (с изм. от 8 июня 2020 г. № 170-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – N 25. – Ст. 2954.

² Колоколов Н.А. Применение ст. 291.2 УК РФ мировыми судьями // Мировой судья. – 2018. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Голубых Н.В., Лепихин М.О. Совершенствование уголовного законодательства в области борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

Е.В. Курилова предложила указать на это в ч.1 ст. 290 и ч.1 ст. 291 УК РФ – «за исключением преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьей 291.2 настоящего Кодекса»¹.

Считаем, что введение уголовной ответственности за мелкое взяточничество вполне обоснованно, так как позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от степени тяжести преступления.

В соответствии с ч.1 ст. 291² УК РФ мелкое взяточничество – это «получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей». В ч.2 ст. 291² УК РФ установлена повышенная ответственность за совершение тех же деяний лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291¹, 291².

В примечании к ст. 291² УК РФ содержится поощрительная норма об освобождении от уголовной ответственности лица, давшего взятку в размере до 10 тысяч рублей, по трем основаниям: 1) если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления; 2) если в отношении его имело место вымогательство взятки; 3) это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Статья 291² УК РФ содержит специальную норму по отношению к статьям 290 и 291 УК РФ и применяется в том числе при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков: за незаконные действия (бездействие), совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, с вымогательством взятки. Об этом дается разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п.14).

Полагаем, что это следует предусмотреть непосредственно в ст. 291² УК РФ, с учетом установленных в ней менее строгих санкций.

Одной из основных задач, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции на 2018-2020 годы, утвержденном Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378, является «систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции. Устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции». Для решения этой задачи Генеральной прокуратуре РФ с участием Верховного Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Федеральной службы безопасности РФ и Следственного комитета РФ поручено подготовить предложения по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества (п. 39).

¹ Курилова Е.В. Квалификация преступлений коррупционной направленности, связанных с мелким взяточничеством // Законность. – 2017. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

В Плате Верховного Суда РФ по противодействию коррупциии на 2018-2020 годы подготовка предложений по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества, предполагалась до 1 марта 2019 г. (п. 5.12).

Кроме того, в числе предложений, требующих законодательного решения, следует указать на необходимость устранения системной ошибки, допущенной в санкции ч.2 ст. 291² УК РФ. Санкция ч. 2 ст. 291² УК РФ предусматривает назначение наказания в виде исправительных работ на срок до трех лет. Однако согласно ч. 2 ст. 50 «Исправительные работы» УК РФ, этот вид наказания может назначаться на срок до двух лет.

В связи с этим предлагаем ст. 291² УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 291.2 Мелкое взяточничество

1. Получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей,-

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Дача взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействие),-

наказывается штрафом в размере до двухсот пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Получение взятки за незаконные действия (бездействие),-

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

4. Получение взятки, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления,-

наказывается штрафом в размере до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.

5. Получение взятки, совершенное с вымогательством взятки,-

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до семи меся-

цев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

6. Деяния, предусмотренные частями первой – пятой настоящей статьи, если они совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой,-

наказываются штрафом в размере до девятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до девяти месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

7. Те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей,-

наказываются штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок **до двух лет**, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Примечание. Лицо, совершившее дачу взятки в размере, указанном в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки».

Список литературы

1. *Голубых Н.В., Лепихин М.О.* Совершенствование уголовного законодательства в области борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2.

2. *Колоколов Н.А.* Применение ст. 291.2 УК РФ мировыми судьями // Мировой судья. – 2018. – № 2.

3. *Курилова Е.В.* Квалификация преступлений коррупционной направленности, связанных с мелким взяточничеством // Законность. – 2017. – № 3.

О юридико-техническом совершенствовании системы квалифицирующих признаков преступлений против личности по УК РФ

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос совершенствования системы квалифицирующих признаков, содержащихся в диспозициях статей Уголовного кодекса России о преступлениях против личности. Освещаются юридико-технические аспекты изложения квалифицирующих признаков в уголовном законе, а также возможные пути решения существующих проблем с ним (изложением) связанных.

Ключевые слова: квалифицирующие признаки, юридическая техника, дифференциация ответственности, состав преступления, преступления против личности.

Improving the Legal Technique of the Crimes Qualification System

Abstract: The article examines the issue of improving the system of qualifying features contained in the articles of the Criminal code of Russia on crimes against the person. The article highlights the legal and technical aspects of the presentation of qualifying features in the criminal law, as well as possible ways to solve existing problems related to it.

Keywords: qualifying features, legal technique, differentiation of responsibility, composition of the crime, crimes against the person.

Теоретический анализ дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков показал, что отечественное уголовное законодательство содержит значительные резервы в части использования этого приема. В качестве трех потенциальных направлений качественного совершенствования системы квалифицирующих признаков нами выявлено: исключение отдельных признаков, вынесение некоторых признаков за рамки Особенной части УК РФ, дополнение предписаний Раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками; в качестве юридико-технического направления – перегруппировка существующего набора квалифицирующих признаков и их уплотнение.

Вопросы юридической техники представляются особенно важными, когда речь идет об уголовном законе, основанном на требованиях законности, определенности, недопустимости двойного толкования, равенства. Любая небрежность или двусмысленность законодателя здесь грозит существенными негативными социальными и правовыми последствиями. Наука разработала и предложила законодателю целый ряд правил, соблюдение которых должно обеспечить надлежащее соответствие «духа» закона его «букве». Однако в силу разных причин техника современного УК РФ далека от идеальных научных представлений. И в этом отношении система квалифи-

цирующих признаков преступлений против личности демонстрирует определенные резервы для своего совершенствования.

В рамках настоящего доклада обратимся к тем признакам, наличие и содержание которых, в принципе, не вызывает возражений, но порядок их оформления в тексте закона может быть усовершенствован.

Прежде всего, обратим внимание на случаи избыточной дифференциации уголовной ответственности. Такая избыточность является следствием изменений закона, имевших место в последние годы и направленных на усиление защиты интересов несовершеннолетних.

Так, в статье 110¹ УК РФ содержится шесть частей. При этом логика законодателя состоит в том, чтобы дифференцировать ответственность за склонение и содействие к самоубийству: (1) несовершеннолетних, беспомощных, беременных; (2) в случае смерти несовершеннолетнего, беспомощного или беременной; (3) в случае смерти двух или более несовершеннолетних, беспомощных, беременных. Однако проведена эта дифференциация, по нашему мнению, неразумно и непоследовательно. Согласно закону, деяния, повлекшие самоубийство двух или более несовершеннолетних, беспомощных, беременных, обладают той же опасностью, что и деяния, повлекшие самоубийство двух или более «обычных» потерпевших, так как все эти случаи охватываются ч.6 ст. 110¹ УК РФ. Различия в оценках имеют место только при наличии одного потерпевшего (ч.4 и ч.5 ст. 110¹ УК РФ). Однако это, на наш взгляд, «разрушает» изначальную логику законодателя. К тому же, наличие признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц» существенно занижает представления об опасности содеянного, поскольку в современной ситуации исключает возможность квалификации содеянного по правилам совокупности.

С учетом того, что разница в санкциях между преступлением, повлекшим смерть одного несовершеннолетнего и повлекшим смерть двух или более несовершеннолетних, составляет всего три года, а между деянием, повлекшим смерть взрослого и смерть несовершеннолетнего – два года, полагаем, что в специальной дифференциации ответственности за преступления в ч.4, ч.5 и ч.6 ст. 110¹ УК РФ не было особого смысла. Полагаем, что вполне достаточным, разумным и обоснованным с точки зрения теории дифференциации ответственности было бы на основании частей 4, 5, 6 ст. 110¹ УК РФ сконструировать единую часть статьи с квалифицирующим признаком – «повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство» с единой санкцией – от пяти до пятнадцати лет лишения свободы. Такое решение обеспечит, помимо прочего, унификацию квалифицирующих признаков в сопоставимых составах преступлений, предусмотренных ст.110 и ст. 110¹ УК РФ.

Следующий аспект изложения квалифицирующих признаков, восходящий к требованиям юридической техники и социально-правовой обусловленности, состоит в обсуждении того, насколько возможно и целесообразно закрепление в одном комплексе признаков, различающихся по степени опасности вариантов их проявления.

Так, например, в ч.2 ст.124 УК РФ альтернативными квалифицирующими последствиями преступления признаются смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью; в ч.3 ст.127¹, ч.3 ст.127² УК РФ – те же плюс иные тяжкие последствия; в ч.2 ст.126 УК РФ – альтернативными способами совершения деяния признаются применение насилия, опасного для жизни или здоровья, или угроза его применения (при том, что в ч.2 ст.127 УК РФ угроза не указана в ряду квалифицирующих признаков); в ч.2 ст.127¹ УК РФ – насилие либо угроза его применения; в ч.3 ст.150, ч.3 ст.151 УК РФ – насилие или угроза его применения (при том, что в ст.151² УК РФ такой признак вовсе не предусмотрен).

В ситуациях составных насильственных преступлений дело осложняется еще и тем, что объем насилия в каждом составе может существенно различаться, даже если наименование этого вида насилия совпадает. В реальности это приводит к тому, что существенно различающиеся по степени опасности деяния получают равную юридическую квалификацию.

Так, по ч.2 ст.150 УК РФ квалифицируется вовлечение в преступление, совершенное как при угрозе побоями, так и с реальным причинением несовершеннолетнему средней тяжести вреда здоровью, а по п. «е» ч.2 ст.127¹ УК РФ – торговля людьми, совершенная как с угрозой побоями, так и с реальным причинением тяжкого вреда здоровью. Это порождает закономерный вопрос о надлежащей дифференциации ответственности и соблюдении начал справедливости в уголовно-правовой оценке деяний.

Представляется, что при существующем приеме изложения квалифицирующих признаков принцип справедливости не соблюдается в полной мере. Самый простой, на первый взгляд, способ разрешения проблемы – расчленить рассматриваемые признаки, исходя из опасности образующих их альтернативных вариантов, и предусмотреть в различных частях той или иной статьи УК РФ. Однако он может «сработать» не всегда, поскольку техника конструирования квалифицированных составов в данном случае «накладывается» на технику и правила конструирования составных сложных преступлений. В силу чего, работа по упорядочению ситуации здесь должна осуществляться комплексно.

В качестве общих принципов можно выделить следующие: а) если можно не конструировать сложное составное преступление, не следует его создавать искусственно, поскольку для оценки рассматриваемых ситуаций всегда есть институт совокупности преступлений; б) если создание составного преступления оправданно, то различные по степени опасности последствия или различный по опасности способ не должны предусматриваться в рамках одного состава в качестве альтернативных признаков.

Далее остановимся на соблюдении законодателем требования единообразия в изложении квалифицирующих признаков. Вполне обоснованно законодатель дифференцирует ответственность за преступления против личности, совершенные с особой жестокостью. Однако юридико-техническое оформление этого квалифицирующего признака различается: в ст.ст. 105,

131, 132 УК РФ использован оборот «с особой жестокостью» (в случае половых преступлений – к потерпевшему или иным лицам), в ст.111 УК РФ – «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями», в ст.117 УК РФ – «с применением пытки». Между тем, социально-криминологическая сущность всех этих признаков одина. В науке давно обращалось внимание на это обстоятельство¹. Имеющаяся полисемия не способствует правильному пониманию уголовного закона, направляет усилия юристов в сторону тщетных попыток разграничить указанные признаки, что не оправдывается необходимостью.

Полагаем, что вполне достаточно в статьях уголовного закона использовать уже устоявшийся оборот «совершение преступления с особой жестокостью», толкование которого, при всей известной сложности, является уже относительно устоявшимся в науке. Единственная оговорка, которую необходимо в данном случае сделать, состоит в особенностях использования данного признака в ст.131 и ст.132 УК РФ. В условиях прежнего толкования данных норм, при котором насилие в отношении «иных» помимо потерпевшего лиц охватывалось составом полового преступления и не требовало квалификации содеянного по совокупности, связь особой жестокости с насилием в отношении этих лиц была вполне оправданна. Сегодня, когда правоприменитель изменил подход к уголовно-правовой оценке насильственных половых преступлений и требует квалификации насилия в отношении «иных» лиц всегда по совокупности со ст.131 или ст.132 УК РФ, представляется, что особая жестокость в составе изнасилования и насильственных действий сексуального характера должна связываться исключительно с характеристикой поведения виновного в отношении жертвы полового преступления. Особая жестокость в отношении «иных» лиц должна получать оценку в рамках квалификации насильственных преступлений против их здоровья.

Еще один значимый юридико-технический аспект изложения квалифицирующих признаков в законе состоит в том, чтобы каждый признак получил самостоятельный буквенный индекс в рамках соответствующей части статьи уголовного закона². В этом отношении необходимо пересмотреть технику изложения признаков, зафиксированных сегодня в п. «б» ч.2 ст.111, ч.2 ст.119, ч.2 ст.121, ч.4 ст.150 УК РФ, таким образом, чтобы каждый предусмотренный в соответствующих предписаниях квалифицирующий признак получил самостоятельное обозначение.

¹ См., например: Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические исследования. – Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1992. – С. 88; Тришина Ж.В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 8.

² Это требование звучит лейтмотивом едва ли не всех сочинений, посвященных проблемам теории квалифицирующих признаков. См., например: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 192–193.

Изложенное в рамках настоящего доклада, разумеется, не может претендовать на то, чтобы осветить все аспекты законодательной практики конструирования и судебного применения квалифицирующих признаков в преступлениях против личности. Но оно, на наш взгляд, убедительно доказывает, что современная система таких признаков в УК РФ далека от совершенства и содержит существенные резервы для совершенствования. Основные направления для этого: упрощение, систематизация, унификация, обеспечение социально-криминологической адекватности. Однако работа по оптимизации использования квалифицирующих признаков для дифференциации ответственности не может и не должна рассматриваться в отрыве от решения предшествующей этому, а потому и более фундаментальной задачи, – определения основания ответственности и отбора признаков основного состава преступления, а также разграничения преступлений между собой.

Список литературы

1. *Кругликов Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.
2. *Тришина Ж.В.* Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности (уголовно-правовые и криминологические проблемы). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
3. *Чечель Г.И.* Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические исследования – Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. – 153 с.

Петрушина Н.В.

О некоторых аспектах квалификации отдельных видов преступлений против жизни и здоровья: вопрос направленности умысла субъекта преступления

Аннотация: Статья посвящена вопросам понимания умышленной формы вины с теоретической и практической точек зрения при квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья.

Ключевые слова: вина, умысел, принцип законности, принцип справедливости, принцип вины.

On Some Aspects of The Qualification of Separate Types of Crimes Against Life and Health: Direction of Intent of the Perpetrator of the Crime

Abstract: The article considers the intentional form of guilt in the qualification of certain crimes against life and health from the theoretical and practical points of view.

Keywords: guilt, intent, principle of legality, principle of justice, principle of guilt.

До настоящего времени представляет научный интерес вопрос понимания умышленной формы вины, так как теоретические взгляды не всегда совпадают с правоприменительной практикой.

Следует согласиться с В.В. Найбойченко, чьи взгляды не могут не импонировать большинству исследователей, который акцентирует наше внимание на аспектах понимания вины в умышленных преступлениях, является приверженцем взглядов о все возрастающем интересе в научной среде о том, в какой мере практическая составляющая правоприменительной деятельности в рассматриваемом аспекте близка и одновременно – далека от законодательного описания данного феномена и теоретических воззрений.¹

С.В. Векленко и М.В. Бавсун, ссылаясь на нечеткость и оценочность такой дефиниции как «осознание общественной опасности своих действий (бездействия)», утверждают, что не всегда представляется вероятным понять и оценить (тем более, максимально конкретизировать юридические элементы интеллектуальной составляющей умысла) ни правоприменителем, ни субъектом преступления.²

Со вторым, т.е. интеллектуальным компонентом прямого умысла, который характеризуется предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, становится открытым также определенный ряд вопросов. В нашей стране законодатель не конкретизирует определение такой формы умысла. В конструкциях статей общей и особенной частей Уголовного закона разъяснено лишь о преступлениях, совершаемых умышленно, о преступлениях, совершенных с прямым умыслом. Щепельков В.Ф. предлагает в своих трудах дать определение самого прямого умысла, например, такое как: «При прямом умисле лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления». Его следует поместить по настоянию инициатора таких изменений в ч. 2 ст. 25 УК РФ. В предложенной дефиниции прямого умысла усматривается отказ от категории «неизбежность» по ряду причин. Как справедливо отмечает В.Ф. Щепельков, неизбежность является частным случаем возможности, соответственно, ее дублирование в законе утрачивает актуальность.³ Так и, например, В.В. Найбойченко, также усматривает неизбежность послед-

¹ Найбойченко В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5 (106) 2015 // <https://cyberleninka.ru/article/n/umysel-v-prestupleniyah> (Дата обращения: 10.05.2020).

² Векленко С. В., Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учебное пособие. Омск, 2006. С. 46–47.

³ Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 204.

ствий общественно опасного деяния не всегда как желаемые для лица, совершившего противоправное деяние.¹

Так или иначе умысел и намерения лица, находящегося в процессе совершения уголовно-наказуемого деяния, всегда направлены на нарушение целостности и единства, охраняемых и гарантированных законом общественных отношений.

Казакова В.А. абсолютно точно преподносит позицию относительно положения такой гарантии как право на здоровье. Исследователь констатирует ведущее положение данного права (после права на жизнь) в совокупности прав человека и его защиты отраслевыми правовыми нормами. Уголовное право предопределяет наибольшие меры ответственности за преступления против здоровья, включенные в главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». К категории более опасных посягательств отнесены такие, как причинение тяжкого вреда здоровью, которое часто бывает сопряжено с опасностью для жизни лица, на которое и направлены преступные деяния и собственно само по себе психическое отношение лица к содеянному.

Некоторые статьи презюмированы законодателем таким образом, что основной состав посягает на здоровье, а квалифицированный (особо квалифицированный) имеет в своем составе объектом жизнь. Ведя речь об уголовно-правовой защите здоровья человека, следует не нивелировать факт о том, что это состояние здоровья конкретного человека (потерпевшего от преступления) обладает строго индивидуальными характеристиками.²

Квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по рассмотренным выше мотивам, в частности, как констатировано Пленумом Верховного Суда РФ, по ряду пунктов Уголовного закона России, как то: по пункту «е» части 2 статьи 111, или по пункту «е» части 2 статьи 112, или по пункту «б» части 2 статьи 115 УК РФ – исключает возможность одновременной квалификации содеянного по иным, схожим по конструкции субъективной стороны преступления пунктам указанных частей таких статей, предусматривающим иной мотив и иную цель преступления (например, «из хулиганских побуждений»)³.

Однако форму вины Пленум Верховного Суда не устанавливает, что гипотетически представляет право законодательно определить ее по отчасти субъективному критерию. Мотив и цель, вместе с тем, относясь к факультативным признакам, не являются обязательными для квалификации преступления.

¹ Найбойченко В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - № 5 (106). - 2015 // <https://cyberleninka.ru/article> (Дата обращения: 10.05.2020).

² Казакова В.А. Общая характеристика преступлений против здоровья. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) // <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 10.05.2020).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тивными признакам субъективной стороны, лишь в данном конкретно взятом случае будут выступать влияющими на квалификацию.

Представляется целесообразным отметить, что, совершая преступные деяния, подпадающие под действие ряда пунктов статей 111, 112 и 115, субъект противоправного деяния не способен реально оценить степень и характер наступающих общественно-опасных последствий, предусмотренных гипотезами этих составов.

К таковым видится уместным отнести такие квалифицированные признаки вышеуказанных составов как:

1. совершение противоправного деяния в отношении двух или более лиц;
2. совершение противоправного деяния из хулиганских побуждений;
3. совершение противоправного деяния по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Пленумом Верховного Суда России предreshается соответствующая модель поведения для судов общей юрисдикции при рассмотрении дел о преступлениях, совершённых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти, вражды в отношении социальной группы. Данная конструкция предполагает процесс отграничения указанных выше деяний от преступных девиаций, совершенных на почве личных, равно личных неприязненных отношений. Также Пленумом Верховного Суда предписано учитывать при установлении мотива преступления, ко всему прочему, длительность межличностных отношений подсудимого и потерпевшего; отграничивать от искомых мотивов конфликтные ситуации с последним, не связанные со взглядами, тождественными национальным, религиозным, идеологическим, политическим посылам, равно как и принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.¹

Таким образом, предполагается возможным исключение данных квалифицирующих признаков из составов преступлений с такой формой вины как умысел и перенесение их в статус деяний, повлекших причинение исследуемого вреда по неосторожности.

Данный тезис сформулирован исходя из постулатов Уголовного закона, таких как: принцип законности, принцип справедливости и принцип вины.

Законодатель и правоприменитель не должны и не имеют права строить доказательственную базу, полагаясь на ощущения и догадки. Опорой должны являться только юридические факты, исходя из которых должно быть составлено сформулированное представление обо всех элементах состава преступления.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»// Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Векленко С. В., Бавсун М.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления: учебное пособие. - Омск, 2006.
2. Казакова В.А. Общая характеристика преступлений против здоровья. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) // <https://cyberleninka.ru>. (Дата обращения: 10.05.2020).
3. Найбойченко В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - № 5 (106). - 2015.// <https://cyberleninka.ru/article/n/umysel-v-prestupleniyah> (Дата обращения: 10.05.2020).
4. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. - М., 2003.

Савинский А.В.

Об оптимизации антитеррористических норм УК РФ

Аннотация: в статье излагаются предложения автора по совершенствованию действующего российского антитеррористического законодательства. Они касаются путей повышения контртеррористического потенциала Уголовного кодекса России, в том числе за счет устранения имеющихся коллизий между его антитеррористическими нормами и нормами Федерального закона «О противодействии террористической деятельности».

Ключевые слова: антитеррористическое законодательство, преступления террористической направленности, террористический акт.

Optimization of anti-terrorist norms of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract. The author suggests ways to improve the current Russian anti-terrorism legislation. Doctrinal analysis of the criminal law shows that it may be achieved by eliminating the existing conflicts between anti-terrorism norms of the Criminal Code and those of the Federal Law «On Countering Terrorist Activities».

Keywords: anti-terrorism legislation, terrorist crimes, terrorist act.

Одним из приоритетов российской уголовной политики является совершенствование антитеррористического законодательства. В последние годы на этом направлении сделан ряд крупных шагов, направленных на наиболее полное юридическое обеспечение потребностей контртеррористической деятельности. Создан и достаточно продуктивно действует на федеральном уровне Национальный антитеррористический комитет, ставший организатором и координатором всей контртеррористической работы в стране. В субъ-

ектах Федерации подобную функцию выполняют антитеррористические комиссии. Принят базовый федеральный закон «О противодействии терроризму», пакетом антитеррористических статей (205¹ - 205⁶) пополнился Уголовный кодекс России (далее – УК РФ).

По оценкам специалистов-террологов, действующее российское антитеррористическое законодательство в целом соответствует международным стандартам и остроте террористических угроз. Вместе с тем оно, как представляется, не лишено недостатков, нуждается в дальнейшем улучшении. В данной статье излагаются некоторые предложения автора на этот счет.

Необходимо привести в полное согласование антитеррористические нормы Уголовного кодекса России и ФЗ «О противодействии терроризму». Принятие в 2006 году базового законодательного акта в сфере контртеррористической деятельности потребовало существенной модернизации Уголовного кодекса России. Он был дополнен статьями 2051 - 2056, криминализовавшими деяния террористического характера, включенные базовым законом в понятие террористической деятельности. Однако эти федеральные законодательные акты, к сожалению, расходятся в части некоторых основополагающих положений.

Во-первых, в статье 3 ФЗ «О противодействии терроризму» дано понятие террористического акта как «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Почти полностью совпадает с этой дефиницией новая редакция диспозиции ч. 1 статьи 205 «Террористический акт»¹ (прежнее название «Терроризм»), введенная Федеральным законом от 27.07. 2006 г. № 153², раскрывающая уголовно-правовое содержание террористического акта. Несоответствие состоит лишь в том, что в базовом законе целью и террористического акта, и угрозы

¹Переименование представляется не бесспорным. Под террористическими актами традиционно подразумеваются политические убийства и покушения на них, т.е. посягательства на жизнь видных государственных и общественных деятелей (в терминологии УК РФ 1996 г.). Прежняя редакция статьи 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля», закреплявшая название «террористический акт» в тексте своей диспозиции, соответствовала таким представлениям. Преступление же, предусмотренное статьей 205 УК РФ, вполне можно бы именовать «актом терроризма». Тем более что такое понятие фигурирует в действующем Уголовном кодексе (в названии статей 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» и 361 «Акт международного терроризма»).

² Федеральным законом от 27.07. 2006 г. № 153 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона «О противодействии терроризму»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

его совершения может быть как дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, так воздействие на принятие ими решений, а в части 1 статьи 205 УК РФ в качестве цели угрозы совершения террористического акта обозначено только воздействие на принятие решений органами власти и международными организациями. Считаем, что необходимо устранение этой коллизии, причем в пользу базового антитеррористического закона, т.е. возратить угрозе террористического акта альтернативную цель дестабилизации органов власти или международных организаций. Дело в том, что на практике террористы именно угрозами нередко вынуждают принимать выгодные им решения.

Во-вторых, в той же 3 статье ФЗ «О противодействии терроризму» понятие «террористической деятельности» определено казуальным способом, через указание деяний, так или иначе сопряженных с террористическим актом: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

ФЗ от 27.07. 2006 г. № 153 (и рядом других законодательных актов) в УК РФ были криминализированы те же самые деяния: в статье 205¹ «Содействие террористической деятельности»; в статье 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганда терроризма»; в статье 205³ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; в статье 205⁴ «создание террористического сообщества или участие в нем»; в статье 205⁵ «Организация деятельности террористической организации или участие в ее деятельности», в статье 205⁶ «Несообщение о преступлении». В названии, диспозициях и примечаниях новых антитеррористических статей УК РФ законодатель также ввел в уголовно-правовой оборот понятие «террористическая деятельность». Только вот ее трактовка гораздо более широкая, нежели в базовом антитеррористическом законе. При этом в разных статьях УК РФ ее понятие также не единообразно: в статье 205³ точно такое же, как в статье 3 ФЗ «О противодействии терроризму» (как совершение преступлений, предусмотренных статьями 205 – 205⁵ УК РФ); в статье 205² (примечание 2) существенно более обширное (как совершение преступлений, предусмотренных не только статьями 205 – 205⁶, но и статьями 205⁶, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360

и 361 УК РФ)¹; в статье 205¹ как и в статье 205², но с исключением статьи 205⁶ (несообщение о преступлении), а в статье 205⁴ - нечто среднее между базовым законом и статьей 205² УК РФ.

Подобная разногласия не только порождает различное понимание террористической деятельности, но и служит предпосылкой для судебных и следственных ошибок, противоречивой судебной практики. Выход из сложившегося положения, противоречивого в терминологическом и сущностном смысле, видится в унификации понятия террористической деятельности. Наиболее полная и адекватная преступным реалиям дефиниция раскрыта, считаем, в статье 205² УК РФ, подобное определение было бы целесообразно инкорпорировать и в статью 3 ФЗ «О противодействии терроризму», а также привести в соответствие с ним статьи 205¹, 205³, 205⁴ УК РФ. В этом случае нынешние редакции статей с 205¹ по 205⁶ значительно избавятся от двусмысленности, а их диспозиции будут носить более определенный характер.

Примечательно, что при антитеррористической реконструкции Уголовного кодекса законодатель поступился одной из установок, которых придерживался со времени принятия УК РФ 1996 г.: криминализировал применительно к преступлениям террористической направленности такую из форм криминальной прикосновенности, как недонесение. Теперь несообщение компетентным органам власти о лице (лицах), которые по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершил хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205 – 205⁵, а также статьями 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, влечет уголовную ответственность. Только к преступлениям террористической направленности, заметим, применим феномен недонесения, что лишний раз подчеркивает их повышенную общественную опасность. Между тем, думается, что законодатель несколько «переборщил» в этом отношении: из названного перечня следовало бы исключить статью 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма», по крайней мере, в части публичного оправдания и пропаганды терроризма в связи с их очевидно меньшей общественной опасностью по сравнению с другими преступлениями террористической направленности. Обоснованность такого решения подтверждают положения ч. 5 статьи 78 УК РФ, согласно которым к лицам, совершившим преступления террористической направленности, *за исключением предусмотренных статьей 205²* (курсив мой. – А.С.), не применяются сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Также не вполне понятна логика законодателя, отнесшего в статье 205² УК РФ к террористической деятельности такие составы, как «незаконное об-

¹ Преступления, предусмотренные данными статьями УК РФ, Пленум Верховного суда РФ назвал преступлениями террористической направленности. Таким образом, между понятиями «террористическая деятельность» и «преступления террористической направленности» можно ставить знак тождества.

ращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами» (статья 220) и «хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» (статья 221). Названные криминальные деяния, бесспорно, могут сопутствовать или способствовать террористической деятельности - предоставлять орудия и средства, определять мишени террористических атак, - но сами по себе все же ею не являются. Если же радиоактивные вещества или ядерные материалы будут использованы для совершения террористического акта, то ответственность наступит по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 205 и 221 или 220 УК РФ. Иными словами, никакой самостоятельной террористической составляющей данные преступления не содержат.

В действующей редакции статьи 205 УК РФ, по сути, на один уровень по степени общественной опасности поставлены реальное совершение террористического акта и угроза его совершения. Думается, это не вполне правильно. Все-таки угроза совершения – это лишь потенциальная опасность, а не свершившийся террористический акт, ее общественная опасность ниже и наказание, следовательно, должно быть менее строгим. С учетом сказанного угрозу совершения террористического акта следовало бы выделить в самостоятельный состав, предусмотренный отдельной частью статьи 205 УК РФ.

Думается, законодатель допустил оплошность, введя такой квалифицирующий террористический акт признак, как «умышленное причинение смерти человеку» (п. «б» ч.3 статьи 205 УК РФ). Убийство (умышленное причинение смерти человеку) общепризнанно считается одним из самых тяжелых по характеру и степени общественной опасности преступлением. Поэтому использование его в качестве квалифицирующего признака другого преступного деяния не вполне вписывается в логику как теории множественности преступлений, так и методики квалификации преступления. «В уголовно-правовой теории и правоприменительной практике, - аргументирует подобную точку зрения А.С. Колосов, - была выработана стройная модель квалификации подобных преступлений как совокупности убийства и террористического акта, а в случае необходимости – и других преступлений, предусмотренных ст. 167, 208, 210, 222, 223 и др. статьями УК России. Необходимость такой квалификации основывается на доктринальных представлениях о равноценности личности и общества как объектов уголовно-правовой охраны и, следовательно, их самостоятельном характере¹.

Не исключаем целесообразности перемещения статей 205-205⁶ УК РФ из главы 24 «Преступления против общественной безопасности» в главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Основной про-аргумент следующий. Терроризм, безусловно, посягает на общественную безопасность, но одновременно (вернее, главным образом!) он нацелен и против безопасности государства. Примеры

¹ Колосов А.С. Актуальные проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за террористический акт // Информационный бюллетень НАК. - 2009. - № 4. - С.235-236..

совершенных резонансных террористических актов, по нашему мнению, это подтверждают. Эту же идею убедительно аргументируют в своих работах С.В. Дьяков¹ и М.Ф. Мусаелян².

Высказанные нами предложения по совершенствованию российского антитеррористического законодательства, безусловно, носят дискуссионный характер. Вынесение их на обсуждение широкой юридической общественностью позволит определить их реальную юридическую ценность и законодательную востребованность.

Список литературы

1. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. - СПб: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. - 267 с.

2. Колосов А.С. Актуальные проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за террористический акт // Информационный бюллетень НАК. - 2009.- № 4. - С.235-236.

3. Мусаелян М.Ф. Террористический акт: уголовно-правовой аспект - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. - 159 с.

Самойлова Ю.Б.

Уголовная политика по противодействию преступлениям в сфере охраны лесных насаждений

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой охраны лесов и лесных насаждений в Российской Федерации. Анализируются уголовные дела и делается вывод о необходимости выработать системный подход к регламентации и единообразному законодательному урегулированию этого вопроса.

Ключевые слова: охрана леса, уголовная политика, незаконная рубка леса

Counteracting Crimes in the Field of Forest Protection

Abstract. The article deals with the issues of criminal protection of forests and forest plantations in the Russian Federation. On the base of empirical analysis

¹ Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. - СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр пресс», 2009. - С. 100-101.

² Мусаелян М.Ф. Террористический акт: уголовно-правовой аспект - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. - С. 68-69.

author concludes that legislator needs to develop a systematic and uniform approach to the regulation of forest protection.

Keywords: forest protection, criminal policy, illegal logging

Важность сохранения лесных насаждений трудно переоценить. Не вызывает сомнений факт влияния лесов на климат, равно как и воздействие изменений климата на состояние лесных насаждений. Этой проблеме уделяется значительное внимание во Втором оценочном докладе Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации¹, Докладе о климатических рисках², в Пятом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата³. К тому же, первозданные леса помогают регулировать и водный режимы планеты, защищают почву от деградации и помогают рекам оставаться полноводными. Однако в своем первозданном виде сохранилась лишь одна пятая часть всех лесов России⁴. Более того, защита леса имеет важное значение и для сохранения водных биологических ресурсов. Так, специальная категория лесов – нерестовые полосы, были созданы для защиты нерестовых рек от пагубных последствий. Таких как смыв почвы в воду, заиливание нерестилищ, чрезмерные паводки в весенний период и снижение водности рек – в летний⁵. В этой связи основополагающей задачей сохранения климата, водного режима, почвы, рек, водных биоресурсов становится, в том числе, сохранение лесных насаждений, экологически безопасное лесопользование.

Совершенно очевидной становится возможность глобальных экологических последствий в связи с локальными событиями, так называемая «экологическая глобализация»⁶.

Обратимся к нормам международных актов. Существенным препятствием для экспорта незаконно заготовленной древесины является Конвенция по международной торговле вымирающими видами дикой фауны и флоры (CITES)⁷, в которую, в частности включены ценные породы древесины (дуб монгольский и ясень маньчжурский). О.Л. Дубовик отмечает наибольший интерес для российских специалистов перечня составов пре-

¹ Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. – Москва, 2014.

² Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. – Санкт-Петербург., 2017.

³ Fifth Assessment Report, vol. 2. Climate Change 2014, Impacts, Adaptation and Vulnerability. – URL: <https://www.ipcc.ch/> (дата обращения 28.06.2020).

⁴ URL: <https://wwf.ru/help/projects/forest-guards/> (дата обращения 28.06.2020).

⁵ Леман В., Кобяков К., Винников А. Защитные леса и сохранение водных биологических ресурсов // Устойчивое лесопользование. –2018. – №1 (58).

⁶ См.: Забавко Р.А. Новая криминологическая модель профилактики загрязнения окружающей среды // Криминологический журнал БГУЭП. – 2008. – №2 (4). – С.41.

⁷ Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978, – Вып. XXXII. – С. 549-562

ступлений, содержащихся в Директиве № 2008/99/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза¹.

Уголовно-правовая охрана лесных насаждений от незаконной рубки осуществляется ст. 260 УК РФ, от неосторожного обращения с источниками повышенной опасности – ст. 261 УК РФ. Об охране леса можно говорить и в контексте ст.250 УК РФ в виду того, что одним из общественно опасных последствий в этой норме предусмотрен существенный вред лесному хозяйству, а также других экологических преступлений, в результате которых может быть причинен существенный вред лесам (например, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов).

Еще одна норма, заслуживающая особого внимания, была включена в УК РФ в 2014 году. Связно это с тем, что серьезной мотивацией для лиц, осуществляющих незаконную рубку лесных насаждений, сохраняется непрекращающийся спрос на древесину, в том числе нелегально заготовленную². Речь идет о ст.191¹ УК РФ Данная норма устанавливает ответственность тех лиц, которые участвуют в реализации древесины после ее незаконной рубки, а также придания ей вида законно заготовленной, облегчая ее дальнейший сбыт, в том числе за рубеж. Такие преступления нередко совершаются организованными группами, на протяжении длительного времени. Отмеченное наглядно иллюстрируют следующие примеры.

26.06.2020 Следственными органами Дальневосточного следственного управления на транспорте Следственного комитета направлено в суд уголовное дело (ч. 2 ст. 210 УК РФ, ч. 3 ст. 191.1 УК РФ, ч. 3 ст. 226.1 УК РФ) в отношении гражданина КНР, который являлся участником транснационального преступного сообщества. Преступное сообщество состояло из двух подразделений – русского и китайского. Преступным сообществом в течение 2016-2018 года было приобретено не менее 20 283,7 кубометров дуба монгольского, 2 972 кубометров ясеня маньчжурского, на которые отсутствовали документы, подтверждающие законность нахождения древесины в торговом обороте Российской Федерации. Нелегальная древесина хранилась на складах и перерабатывалась для дальнейшего сбыта в КНР. Всего в КНР было перемещено 7 709 кубометров лесоматериалов, оценочная стоимость которых составила свыше 137 млн. рублей, а также 14 924 кубометров лесоматериалов и дополнительно 574,7 кубометров дуба монгольского, задекларированных иными компаниями, оценочная стоимость которых составила свыше 320 млн. рублей³.

¹ Директива № 2008/99/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об уголовно-правовой охране окружающей среды (текст в соответствии с ЕЭП)» (Принята в г. Страсбурге 19.11.2008). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения 28.06.2020).

² Пояснительная записка к законопроекту № 416458-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления ответственности за оборот незаконно заготовленной древесины)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/416458-6> (дата обращения 28.06.2020).

³ В Приморье в суд направлено уголовное дело по обвинению участника преступного сообщества в контрабанде древесины пород дуба монгольского и ясеня маньчжурского. – URL:<https://sledcom.ru/news/item/1476918/> (дата обращения 28.06.2020).

В 2018 году в Республике Бурятия местный житель был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 191.1 УК РФ, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. В период с марта по ноябрь 2017 года осужденный организовал скупку у жителей Республики незаконно заготовленных пиломатериалов таких пород деревьев как сосна, лиственница, осина. Затем, предоставив в контролирующие и таможенные органы подложные документы, содержащие сведения о легальном происхождении, вывозил лесоматериалы за пределы Российской Федерации с целью последующего сбыта. Всего им было перемещено через границу свыше 21 тысячи м³ пиломатериалов на общую сумму около 160 миллионов рублей¹.

В практике имеются примеры привлечения к уголовной ответственности только за незаконное приобретение, сбыт нелегальной древесины. К примеру, владелец пилорамы Д., не поставленной на учет в Министерстве лесного комплекса Иркутской области, договорился с осуществляющими незаконную лесозаготовительную деятельность лицами и приобретении у них древесины. Д., реализовав преступный умысел, в апреле 2017 года, приобрел, перевозил и хранил в целях сбыта таким образом древесину породы общим объемом 33,02 м³ общей стоимостью 149879 рублей 75 копеек².

По другому уголовному делу Ч. В августе 2015 года, достоверно зная о незаконной рубке деревьев, приобрел древесину породы сосна объемом 32,083 м³ за 70 000 руб., переработал на пиломатериал в виде 08 м³ досок и 24 м³ бруса, который сбыл за 120 000 руб. Действия Ч. Были квалифицированы по ч.2 ст. 191¹ УК РФ³.

В то же время, как показывает анализ судебных решений, привлекаются по этой норме чаще всего те же лица, которые незаконно заготавливают древесину с целью дальнейшего сбыта. Из 21 изученных выборочно судебных решений, имеющих в свободном доступе ГАС «Правосудие», СПС «КонсультантПлюс» по 15 уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ УК РФ, подсудимые были также осуждены по ст. 260 УК РФ⁴; исключено как излишне вменное обвинение по ст. 191¹ при осуждении

¹ В Республике Бурятия местный житель признан виновным в приобретении, хранении, перевозке и сбыте незаконно заготовленной древесины и контрабанде. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1263972/> (дата обращения 28.06.2020).

² Постановление Нижнеудинского городского суда Иркутской области от 31.05.2018. Уголовное дело № 1-234/2018. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения 28.06.2020).

³ Приговор Тасеевского районного суда Красноярского края от 03.03.2017. Дело № 1-17/2017. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения 28.06.2020).

⁴ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2020 по делу № 77-103/2020, Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 14.03.2019 по делу № 22-419/2019, Апелляционное определение Челябинского областного суда от 01.08.2019 по делу № 10-3961/2019, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.09.2018 по делу № 22-6655/2018, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.07.2018 по делу № 22-5135/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения 28.06.2020). Апелляционное определение

по ст. 260 УК РФ по 3 уголовным делам¹. Постановлением Президиума Забайкальского краевого суда от 01.08.2018 отменено решение нижестоящего суда, с тем, чтобы при новом судебном разбирательстве были проверены доводы стороны обвинения о квалификации действий П. (с учетом обстоятельств дела, предмета посягательства, размера причиненного ущерба) как совокупности преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 260 УК РФ и ч. 2 ст. 191¹ УК РФ².

Вероятно, исходя из того, что преступления в сфере незаконного лесопользования посягают не только на отношения по охране и рациональному использованию лесных насаждений, но и на основы экономической безопасности государства³, ответственность за оборот нелегальной древесины предусмотрена в гл. 22 УК РФ. В то же время если речь идет о незаконном обороте особо ценных биоресурсов, то законодатель пошел по другому пути, указав и незаконную добычу, и незаконную продажу в одной норме – ст. 258¹ УК РФ главы «Экологические преступления». Представляется необходимым выработать системный подход к регламентации и единообразному законодательному урегулированию этого вопроса.

Список литературы

1. Атабаева Т.Ш. Квалификация незаконной рубки лесных насаждений по совокупности с другими преступлениями // Законность. – 2019. – № 10. – С. 46 - 49.

2. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. – Москва, 2014.

Свердловского областного суда от 04.10.2019 по делу № 22-6661/2019, Приговор Тайшетского городского суда Иркутской области от 31.10.2016 по делу №1-383/2016, Приговор Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 18.04.2017 №1-153/2017, Приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 03.04.2018 по делу №1-54/2018, Приговор Белорецкого межрайонного суда РБ от 19.05.2017 по делу №1-248/2017, Приговор Выксунского городского суда Нижегородской области от 15.03.2016 по делу №1-71/2016, Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 17.06.2016 по делу №1-218/2016, Приговор Никольского районного суда Вологодской области от 13.02.2017 по делу №1-8/2017, Приговор Асиновского городского суда Томской области от 14.09.2016 по делу № 1-154/2016, Приговор Баяндаевского районного суда Иркутской области от 28.06.2016 по делу №1-43/2016. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения 28.06.2020).

¹ Постановление Президиума Тверского областного суда от 25.12.2017 № 44у-174/2017, Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 08.06.2017 № 44У-75/2017, Постановление Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 07.10.2016 по делу № 1-240/2016. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения 28.06.2020).

² Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 01.08.2018 по делу № 44У-95/2018. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения 28.06.2020).

³ Атабаева Т.Ш. Квалификация незаконной рубки лесных насаждений по совокупности с другими преступлениями // Законность. – 2019. – № 10. – С. 46 - 49.

3. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. – Санкт-Петербург., 2017.

4. *Забавко Р.А.* Новая криминологическая модель профилактики загрязнения окружающей среды // Криминологический журнал БГУЭП. – 2008. – №2 (4).

5. *Леман В., Кобяков К., Винников А.* Защитные леса и сохранение водных биологических ресурсов // Устойчивое лесопользование. –2018. – №1 (58).

Сафонов В.Н.

Регламентация уголовной ответственности в законодательных актах, принятых в связи с пандемией коронавируса

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы криминализации деяний, связанных с пандемией коронавируса. Основной тезис статьи: несмотря на нормотворческий и социальный «ажиотаж», порождённый пандемией, законодатель не может игнорировать фундаментальные принципы криминализации деяний и системности права.

Обозначена ещё одна проблема - необходима надёжная методика криминалистического исследования в сфере вирусологии, в том числе - позволяющая установить причинную связь между действиями вирусоносителя или соответствующего лица с причинёнными последствиями.

Не все законодательные меры по дополнению действующего УК РФ, обусловленные пандемией, автор считает удачными и предлагает своё видение по разрешению ситуации.

Ключевые слова: пандемия, нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

Criminal Law Innovations Caused by the Coronavirus Pandemic

Abstract. The article deals with the problems of criminalization the deeds related to the coronavirus pandemic. Despite the normative and social «excitement» generated by the pandemic, the legislator cannot ignore the fundamental principles of criminalization and the legal system. Another problem that the author points on is a lack of a reliable method of forensic research in the field of virology, including one that allows us to establish a causal relationship between the actions of the virus carrier or the corresponding person with the caused consequences. Author deems certain legislative measures in the sphere of criminal law of the Russian Federation unsuccessful and offers his vision for resolving the situation.

Keywords: pandemic, violation of sanitary and epidemiological rules

Пандемия коронавируса, поразившая мировое сообщество в 2020 г., привела в движение различные по содержанию социальные процессы. При-

метой времени стал один из самых ходовых терминов - «социальная дистанция», вобравший в себя и масштабы грянувшей беды, и меры по её преодолению.

Каждый по-своему, но не остались в стороне ни криминалитет, ни законодатель, ни правоохранители-практики.

Пандемия коронавируса стала питательной почвой для реализации своих намерений лицами с отклоняющимся поведением. Отмечен рост мошенничеств, киберпреступлений с различной мотивацией и посягательств на общественную безопасность.

Напомним динамику законодательных мер, обусловленных пандемией. Следует оговориться: пандемия хотя и послужила «движущей силой» законодотворческих процессов, но в категориальный аппарат она не вошла, уступив по понятным причинам место более универсальным терминам.

Федеральным законом от 01.04.2020 N 100-ФЗ действующий уголовный кодекс дополнен статьями 207¹ и 207². Этим же законом изменена редакция статьи 236 УК РФ.

Тогда же был принят федеральный закон N 99-ФЗ, которым, в частности, изменены или дополнены статьи 6.3 и 13.15 КоАП РФ.

Обратимся к содержанию этих новелл.

Статья 207¹ УК РФ предусматривает ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. В примечании к статье даётся понятие обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Статья 207² УК РФ предусматривает, по существу, то же деяние, но повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, а её часть вторая - ответственность за то же деяния, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Среди новелл статьи 236 УК (Нарушение санитарно-эпидемиологических правил) – её новый альтернативный простой состав. Если до этого было криминализировано нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, то теперь ответственность по части 1 данной статьи связывается и с угрозой наступления таких последствий. Дополнена статья 236 и особо квалифицированным составом в части 3 – тем же нарушением, но повлекшим по неосторожности смерть двух или более лиц.

Насколько эти новеллы сбалансированы и носят системный характер, позволяет понять обращение к корреспондирующим им нормам из КоАП РФ.

Сложно не заметить, что статье 207¹ корреспондирует претерпевшая изменения статья 13.15 КоАП РФ (Злоупотребление свободой массовой информации). Сейчас эта норма актуализирована, то есть дополнена частями 10.1 и 10.2.

Часть 10.1 статьи 13.15 предусматривает ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

Часть 10.2 той же статьи КоАП РФ предусматривает ответственность за аналогичные действия, но с тяжкими последствиями.

Характерно, что в обеих приведённых частях статьи 13.15 КоАП РФ отсутствует часто применяемый в таких случаях приём законодательной техники – указание на условие наступления административной ответственности – «если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния».

Тем самым законодатель ставит правоприменителя перед непростой проблемой квалификации конкретных действий в условиях межотраслевой конкуренции правовых норм. Взаимодействие норм уголовного и административного права – одна из наиболее актуальных проблем последних лет, которой посвящён целый ряд крупных, в том числе монографических работ¹ или отдельных публикаций².

Так или иначе, но со сложившейся ситуацией связаны два уже ставших типичными обстоятельства: объяснение причины и поиск выхода.

Причина связана с нарушением принципов криминализации общественно-опасных деяний и системности норм. Если вкратце, то отнесение деяний к числу преступлений должно учитывать ряд условий. Наиболее сбалансированным здесь видится подход, предложенный М.В. Бавсуном, который связывает целесообразность криминализации с общественной опасностью деяния, степенью его влияния на общественные процессы и общественное сознание; распространённостью; степенью тяжести преступных последствий, характеризующейся размером причиненного вреда; яркой антисоциальной направленностью деяния и лица, противопоставляющего себя обществу³.

Если криминализация деяний соответствует тезисам «зачем» и «почему», то за внутри - и внешнеотраслевое построение норм определяет принцип системности права (отрасли и правовой семьи).

¹ Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права: Монография/ Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. - М.: РГУП, 2017. - 480 с.

² Сафонов В.Н. Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность//Библиотека криминалиста. Научный журнал.- 2016. - №4 (27). - С.316-319, а также: Шкеле М.В. О взаимодействии уголовного и административного права при квалификации правонарушений /Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина: в 2 частях. Том. Часть 1. - СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2012. - С.112-118

³ Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве. Автореф. дисс.... к.ю.н. - Омск. 2002. - С. 12.

А.В. Денисова под системностью права понимает характерную особенность права, любой её отрасли, в том числе уголовного права, означающую, что право есть упорядоченная, внутренне согласованная, целостная система правовых норм и иных правовых явлений. Противоречащие друг другу правовые предписания могут привести к нарушениям прав и законных интересов граждан и в конечном итоге – к дестабилизации единого правового пространства¹.

В современной практике и доктрине сложился подход к отграничению смежных составов преступлений от схожих административных деликтов, в рамках которого преобладающее значение придаётся конкретным признакам деликтов, относящихся к четырём элементам – подсистемам состава преступления и административного правонарушения². Но иногда нормы этих отраслей совпадают едва ли не до запятой, и тогда процесс отграничения таких деликтов усложняется³.

Мы солидарны с М.В. Шкеле, которая считает, что в таких случаях необходимо отдавать предпочтение нормам административного права как более гуманным: «приоритет отдается выбору более мягкого вида ответственности⁴».

Однако такой критерий отграничения преступлений и административных правонарушений был бы неполным. Определяющим здесь является признак общественной опасности, свойственный только преступлению.

Неслучайно Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) неоднократно возвращался к проблемам понимания преступления и отграничения преступлений от смежных административных правонарушений. Лишь в последние годы высший судебный орган страны трижды касался этой проблемы в руководящих постановлениях: от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»; от 25.12.2018 N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

Так, в п.8 ПВС РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» указывается,

¹ Денисова А.В. Система российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации: монография. – Самара: .Изд-во «Самарский университет».2014. - С.4-5.

² Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права: Монография. - С.5-78.

³ Сафонов В.Н. Указ. раб.

⁴ Шкеле М.В. Там же.

что если допущенное лицом административное правонарушение содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, то вопрос решается в пользу административной ответственности.

Ещё более очевидно представлена позиция Верховного Суда РФ в п.2 ПВС РФ от 25.12.2018 N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: « По смыслу закона уголовная ответственность по части 1 или по пунктам "а", "б" части 2 статьи 238 УК РФ наступает при условии, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной».

Именно реальность общественной опасности – магистральный критерий, отграничения преступлений от административных правонарушений.

Практика показывает, что сложности в определении «границ» между смежными преступлениями и административными деликтами применительно к каждой категории преступлений нередко разрешает, к сожалению, «в ручном режиме» Верховный суд РФ. Это хорошо видно на примере указанных выше трёх постановлений ПВС РФ.

Несложно заметить, что «коронавирусные законодательные новеллы» привнесли очередную межотраслевую проблему, заключающуюся в сложности отграничения преступления, предусмотренного ч.1 ст. 207¹, от административного правонарушения, предусмотренного ч.10 ст.13.15 КоАП РФ. Аналогичная проблема и в отграничении преступления, предусмотренного статьёй 207², от административного правонарушения, предусмотренного ч.11 статьи 13.15 КоАП РФ.

Схожая ситуация и с изменённой статьёй 236 УК РФ, в которой, как уже говорилось, теперь криминализировано в качестве альтернативного состава преступления нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее угрозу массового заболевания или отравления людей. «Конкурентом» для этой нормы стала статья 6.3 КоАП РФ со схожей диспозицией нормы.

Вторая и третья части статьи 6.3 КоАП РФ предусматривают административную ответственность за квалифицированные виды этого правонарушения, также схожие с квалифицированными видами преступления, предусмотренного ст.236 УК РФ.

Пока что напрашивается одно безусловное основание отграничения – субъект правонарушения в случае его совершения юридическим лицом. Ответственность в таком случае наступает только по норме КоАП РФ, т.к. юридическое лицо субъектом уголовной ответственности не является. В остальных случаях отграничительные признаки виртуальны.

С этих позиций вопрос об ответственности должен решаться преимущественно через призму общественной опасности. Как показывает изучение материалов судебной практики, составы поставления в опасность наряду с формальными – благодатная почва для незаконного привлечения к уголовной ответственности. Печальная практика привлечения к уголовной ответствен-

ности (по существу, невиновных) по статьям 238, 138¹ УК РФ (конец которой, хочется надеяться, положили профильные постановления Пленума ВС РФ) - убедительное тому подтверждение.

Ещё одна проблема, обусловленная уголовно-правовыми и административно-правовыми новеллами- проблемы доказательственного свойства. Необходимы соответствующие криминалистические методики. Они должны быть достоверны и основываться на последних достижениях криминалистической науки. В этом отношении видится простой по сюжету, но сложный по доказыванию вопрос: как доказать, что этот потерпевший заразился именно в этом учреждении и по причине действий конкретного лица или бездействия конкретного руководителя? Пока что с большой долей уверенности можно сказать одно: сторона защиты окажется победителем, так как столь достоверными доказательными методиками современная криминалистика не владеет.

Предпринятый анализ позволяет автору сделать следующие выводы:

1.Криминализация законодательных новелл, предусмотренных статьями 207¹, 207², а также введение в часть 1 статьи 236 УК РФ простого альтернативного состава - нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей либо создавшее угрозу таких последствий, осуществлена с нарушением принципов криминализации деяний и системности права;

2. Составы преступлений, предусмотренных статьями 207¹, 207² УК РФ вступают в межотраслевую конкуренцию соответственно с частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ – законодательными новеллами административного права;

3.Состав преступления, предусмотренного частью 1 статьи 236 УК РФ (нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей либо создавшее угрозу таких последствий) соотносится как конкурирующая норма с составами административных правонарушений, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 6.3 КоАП РФ;

4.Конструкции норм, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 6.3 КоАП РФ, а также частями 10.1 и ч.10.2 статьи 13.15 КоАП РФ содержат изъяны юридико-технического характера: они дублируют смысл конкурирующих уголовно-правовых норм и не содержат минимальных ограничительных признаков, как, например отсутствие в действии или бездействии признаков уголовно наказуемого деяния;

5.Выходом из сложившейся ситуации видится либо дальнейший акцент законодателем на одном виде противоправности в ситуациях межотраслевой конкуренции правовых норм, либо очередное постановление Пленума ВС РФ о важности учёта реальной общественной опасности деяния при решении конкретных вопросов о привлечении к уголовной ответственности;

6.Во всех случаях практика нуждается в процессуальной (криминалистической) составляющей – современных методиках, которые давали бы возможность доказывать наличие причинной связи в деликтах, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил.

Список литературы

1. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве. Автореф. дисс.... к.ю.н. - Омск. 2002.- 23 с.
2. Взаимодействие уголовного и административно - деликтного права: Монография/ Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И.Пикурова. - М., РГУП,2017.- 480 с.
3. *Денисова А.В.* Система российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации: монография - Самара. Изд-во «Самарский университет». 2014. - 160 с.
4. *Сафонов В.Н.* Взаимодействие уголовного и административного права: социальные запросы и реальность//Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2016. - № 4 (27). - С. 316-319.
5. *Шкеле М.В.* О взаимодействии уголовного и административного права при квалификации правонарушений// Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина: в 2 частях. Том. Часть 1. - СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2012. - С.112-118

Скрипченко Н.Ю.

Уголовная ответственность за торговлю людьми: вопросы законодательной техники и правоприменения

Аннотация. Стремясь максимально придерживаться международных дефиниций и опираясь на имеющийся опыт правового регулирования, российский законодатель закрепил в УК норму (ст. 127¹), содержащую редакционные изъяны, затрудняющие ее реализацию. В новом Постановлении Верховный Суд снял большую часть вопросов (обусловленных преимущественно дефектами юридической техники), возникающих при реализации ст. 127¹ УК на практике.

Ключевые слова: торговля людьми; эксплуатация человека; Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Criminal Responsibility for Human Trafficking: Legislative Technique and Enforcement Issues

Abstract. Trying to adhere to international definitions as much as possible and drawing on the existing experience of legal regulation, the Russian legislator enshrined in the Criminal Code (Article 1271) the norm containing editorial flaws that impeded its implementation. In the new ruling, the Supreme Court addressed

most of the issues (mainly due to defects in legal technology) arising from the implementation of Art. 127.1 of the Criminal Code in practice.

Key words: human trafficking, human exploitation, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Ратификация в 2004 г. Конвенции ООН против транснациональной преступности и дополняющего ее протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (далее – Палермский протокол)¹ обязала Российскую Федерацию привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами. Именно эта задача была решена Федеральным законом № 162-ФЗ², дополнившим УК РФ статьей 127¹, устанавливающей уголовную ответственность за торговлю людьми.

Определение торговли людьми, предусмотренное ст. 127¹ УК РФ³ в целом соответствует понятию, закрепленному в п. «а» ст. 3 Палермского протокола⁴, принципиально отличаясь по двум позициям.

1. В российской дефиниции предусмотрены отсутствующие в международном понятии действия в виде купле-продажи и иных сделок в отношении человека.

2. Национальное определение, в отличие от международного, не включает в число обязательных характеристик торговли людьми средства воздействия на жертву (угрозы силой или ее применения или других форм принуж-

¹ «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» принят в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 46 – 55. Палермский протокол был подписан от имени Российской Федерации 12 декабря 2000 г. См.: Распоряжение Президента РФ от 9 декабря 2000 г. № 556-рп «О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 50. Ст. 4894.

² Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 50. Ст. 4848.

³ В соответствии с ч. 1 ст. 127¹ УК РФ торговля людьми, то есть купля-продажа человека либо его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации.

⁴ В соответствии с п. «а» ст. 3 Палермского протокола торговля людьми – это осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

дения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод), относя их к числу признаков, влекущих более строгое наказание (п. «в», «е», «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ).

Учитывая, что конвенционные нормы содержат лишь «минимум криминализации», оставляя за государствами-участниками право на расширение соответствующего уголовно-правового запрета, избранный отечественным законодателем подход к определению торговли людьми не только не противоречит требованиям международных стандартов, но и, следуя российской правовой традиции, демонстрирует вполне оправданную с социально-криминологической позиции тенденцию дифференциации уголовной ответственности.

Вместе с тем, стремление отечественного законодателя максимально придерживаться международной дефиниции и желание облегчить применение нового состава на практике, так как по содержанию ст. 127¹ УК РФ в части деяний, в форме купле-продажи и иных сделок с человеком совпадает с утратившей силу (в связи с появлением ст. 127¹) ст. 152 УК РФ, предусматривавшей ответственность за торговлю несовершеннолетними, привело к проблемам реализации новой нормы. И вопросы не столько в редакционных изъянах как в названии, так и в содержания рассматриваемой статьи (например, ученые обращают внимание на то, что в названии нормы законодатель использовал термин «людьми», а в содержании «человека»; указывают на требуемую при определении «торговли» систематичность действий виновного), сколько в законодательном стирании границы между стадиями преступной деятельности. Так, определяя в диспозиции ст. 127¹ УК РФ действия альтернативно, законодатель «уравнивал» разные по степени общественной опасности деяния – сами сделки, предметом которых выступает человек (купля-продажа и иные сделки) и действия, им сопутствующие (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека, совершаемые с целью эксплуатации).

Еще больше вопросов в определении торговле людьми возникает при уяснении содержания такого признака как эксплуатация человека, подлежащего обязательному установлению при определении торговли людьми в форме вербовки, перевозки, передачи, укрывательстве или получении человека.

Указанное понятие также легально определено в ст. 3 Палермского протокола¹ и в п. 2 Примечания к ст. 127¹ УК РФ². И очевидно, стремление

¹ В соответствии с п. «а» ст. 3 Палермского протокола эксплуатация человека включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

² В соответствии с п. 2 Примечания к ст. 127¹ УК РФ под эксплуатацией человека понимается использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние.

российского законодателя максимально придерживаться международной формулировки, привило к нарушению правил юридической техники¹. Так, используя буквальный перевод понятия «эксплуатация человека», законодатель предусмотрел в нем словосочетание «иные формы сексуальной эксплуатации» (т.е. понятие раскрывается через понятие), а закрепление термина «услуги» в скобках к словосочетанию «рабский труд» свидетельствует о синонимичности соответствующих понятий. С точки же зрения русского языка не сочетаемость слов «рабская услуга» очевидна, поскольку услуга означает действие, приносящее помощь, пользу другому, а равно свободное волеизъявление, добровольное согласие на ее оказание просителю².

Обозначенные редакционные изъяны в определении «торговли людьми» и «эксплуатации человека» породили в следственной и судебной практике трудности правоприменения. Так, закрепление в диспозиции ст. 127¹ УК РФ разных по смыслу альтернативных деяний, приравненных к торговле людьми, с выборочной конкретизацией субъективных признаков, дезориентирует правоприменителя при установлении признаков состава преступления. И несмотря на то, что цель эксплуатации человека напрямую не закреплена в отношении действий в виде «купли-продажи» и «иных сделок», правоохранительные органы, опасаясь за устойчивость своих решений, устанавливают ее, предъявляя обвинение по ст. 127¹ УК РФ³. Бремя доказывания указанной цели в отношении соответствующих действий, было снято Пленумом Верховного Суда РФ, разъяснившим в п. 12 Постановления «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»⁴ (далее – Постановление), что цель эксплуатации человека является обязательным признаком состава преступления только для таких действий, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение потерпевшего. Для купли-продажи или совершения иных сделок с человеком цель его эксплуатации обязательным признаком состава преступления не является, хотя и может преследоваться виновным лицом при совершении данных действий.

В указанном пункте нашел разрешение еще один значимый для квалификации вопрос, возникающий в первую очередь, при определении вербовки, вопрос о согласии потерпевшего на его эксплуатацию и его передачу в каче-

¹ Устинова, Т.Д., Измайлова И.Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 17 – 21.

² Алихаджиева И. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 31 – 35.

³ См.: Справка Кемеровского областного суда от 1 сентября 2009 г. № 01-26/771 «О практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми (статьи 126, 127, 127.1 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. 31.12.2019. № 296.

стве товара. Акцентируя внимание нижестоящих судов на том, что осведомленность потерпевшего о характере совершаемых с ним действий и его согласие на их совершение не влияют на квалификацию данных действий как торговли людьми, Пленум, учел положения, содержащиеся в п. «в» ст. 3 Палермского протокола.

Отсутствие легального определения и сложности, возникающие у правоприменителя при конкретизации действий, образующих «купля-продажу», «иные сделки», «вербовку», «перевозку», «передачу», «укрывательство», «получение», определяют исключительную практическую ценность указанных дефиниции данных Верховным Судом РФ в п.п. 12 и 13 Постановления.

Однако указанные разъяснения не снимают всех вопросов, которые возникают на практике. Так, заведомо незаконный характер сделок с «живым товаром» определяет криминальный содержание действий и продавца, и покупателя, актуализируя на практике вопрос о возможной совокупности ст. ст. 127¹ УК РФ в действиях лица, купившего, а в последующем продавшего одного и того же потерпевшего. Судебная практика идет по пути исключения множественности. Так, исключая из обвинительного приговора Н. один из составов, предусмотренный ст. 127¹ УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала: «Осужденной Н. была совершена торговля в отношении одних и тех же потерпевших, купля и продажа состоялись фактически с минимальным разрывом во времени. При таких обстоятельствах суд необоснованно и искусственно разделил действия, связанные с куплей и продажей потерпевших, на два самостоятельных состава преступлений (в рамках каждой потерпевшей)»¹.

Вопросы о возможной совокупности ст. ст. 127¹ УК РФ, возникают и при уголовно-правовой оценке множества сделок (совершаемых между одними и теми же лицами) в отношении одного потерпевшего, например, аренды младенца, передающийся во временное владение для использования в процессе попрошайничества или девушки, передаваемой виновным для сексуальной или трудовой эксплуатации.

Учитывая, что в приведенном выше примере ключевую роль в уголовно-правовой оценке сыграл небольшой временной промежуток, прошедший с момента совершения первой и второй сделки (2 часа), можно предположить, что более значительный временной интервал между сделками, не исключал бы в действиях покупателя-продавца совокупности ст. 127¹ УК РФ. Указанный вывод подтверждают и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, конкретизирующие момент окончания торговли людьми в форме купли-продажи и иных сделок – «фактическая передача и получение потерпевшего» (п. 14 Постановления). Совокупность исключается в случаях, когда все сделки в отношении одного потерпевшего охватываются единым умыслом виновного, так как содеянное будет образовывать единое продолжаемое преступление.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.10.2008 // СПС «КонсультантПлюс».

Вербовка, как разновидность торговли людьми включает в себя ряд действий: поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека (абз. 2 п. 13 Постановления). Такое многообразие форм вербовки актуализирует на практике следующие вопросы. Во-первых, образует ли торговлю людьми, соответствующие действия виновного, совершаемые для целей эксплуатации потерпевшего самим вербовщиком. Отдельные ученые, ссылаясь на то, что вербовка, в которой участвуют лишь два человека – вербовщик и тот, кого вербуют, не является разновидностью сделки с человеком, так как завербованный не может быть предметом торговли с самим собой, исключают ст. 127¹ УК РФ.¹ На наш взгляд, указанный подход не соответствует смыслу Палермского протокола, определяющего, что «вербовка может производиться тем же самым лицом, которое единолично эксплуатирует жертву, либо лицом, являющимся частью преступной сети, но одновременно участвующим в эксплуатации жертвы, либо индивидом, который является лишь одним из многих в сети торговли людьми, но не имеет отношения к стадии эксплуатации».

Во-вторых, распространяются ли на вербовщика правила об освобождении от уголовной ответственности, предусмотренные в п. 1 Примечания к ст. 127¹ УК РФ. Исходя из содержания вербовки потерпевший дает согласие на эксплуатацию, что исключает добровольный характер освобождения жертвы, закрепленного в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности. Как справедливо отмечают многие ученые², если завербованный не лишен свободы, то нет оснований говорить о добровольном его освобождении вербовщиком как условии освобождения от уголовной ответственности. Если жертва незаконно лишена свободы, то деяние вербовщика тем более не отвечает требованиям уголовно-правовой нормы, изложенной в примечании, поскольку кроме торговли людьми наличествует состав преступления, предусмотренный ст. 127¹ УК РФ, что препятствует освобождению вербовщика от ответственности.

В-третьих, по каким признакам следует разграничивать вербовку в целях использования занятия проституцией другими лицами и вовлечение в занятие проституцией, предусмотренное ст. 240 УК РФ. В доктрине уголовного права в качестве основного критерия, по которому разграничивают составы преступлений выделяют объект, определение которого напрямую зависит от

¹ Сердюкова Е.В. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми // Законность. – 2013. – № 2. – С. 55.

² См., например: Алихаджиева И. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 31 – 35; Сердюкова Е.В. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми // Законность. – 2013. – № 2. – С. 54 – 57; Устинова, Т.Д., Измайлова И.Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 17 – 21.

цели. «Квалификация преступлений определяется постановкой цели – пишет А.И. Рарог, что позволяет сделать вывод о цели, как об ориентире, служащем своеобразным маяком в правоприменительной деятельности»¹. А.В. Наумов указывает, что «вербовка человека в целях его сексуальной эксплуатации образует состав торговли людьми, если такое деяние сопряжено с посягательством на свободу соответствующего лица. Если вербовка человека для занятия проституцией (и согласие на это) не связана с лишением его свободы, содеянное следует квалифицировать по ст. 240 УК РФ».² В случаях, когда указанные преступные деяния совершаются с применением насилия (п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 249 УК РФ), функцию разграничения будет выполнять цель насилия и ее соотношение с объектом соответствующего преступного деяния. «Если насилие сопряжено с лишением или ограничением свободы потерпевшего в целях его сексуальной эксплуатации, налицо состав преступления, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ. В случае же когда насилие предполагает лишь физическое воздействие на потерпевшего с целью вовлечения его в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, содеянное следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 249 УК РФ как вовлечение в занятие проституцией».³

Закрепление указанных положений в Постановлении с конкретизацией фактических обстоятельств, по которым можно определить направленность умысла виновного (к числу которых можно отнести, например, возможность лица, вовлеченного в занятие проституцией свободно передвигаться, прекратить заниматься данным видом деятельности; наличие контроля за доходами от проституции и принципы его распределения), предотвратило возможные ошибки в понимании и применении рассматриваемых составов преступлений.

Список литературы

1. *Алихаджиева И.* Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 31 – 35.
2. *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. - М.: Проспект, 2011. - 480 с.
3. *Наумов А.В.* Разграничение преступлений, предусмотренных ст. ст. 127.1 и 240 УК // Законность. – 2007. – № 6. – С.10 – 15.
4. *Сердюкова Е.В.* Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми // Законность. – 2013. – № 2. – С. 54 – 57.
5. *Устинова, Т.Д., Измайлова И.Д.* Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 17 – 21.

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. - М.: Проспект, 2011. – С. 125.

² Наумов А.В. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. ст. 127.1 и 240 УК // Законность. – 2007. – № 6. – С. 12.

³ Там же.

Проблемы уголовной ответственности за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности

Аннотация. В статье рассматриваются основания введения уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 284¹ УК РФ.

Рассматриваются также вопросы объективной стороны названного состава преступления, вопросы административной преюдиции, а также основания и условия освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: нежелательная организация, административная преюдиция, основы конституционного строя и безопасности государства, руководство деятельностью, участие в деятельности.

Criminal Liability for Carrying out Activities of an Undesired Foreign or International Non-Governmental Organization on the Territory of the Russian Federation

Abstract. The article considers the grounds for introducing criminal liability for committing a crime under article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also considers the facts of the crime, issues of administrative prejudice, as well as the grounds and conditions for exemption from criminal liability.

Keywords: undesirable organization, administrative prejudice, foundations of the constitutional system and state security, management of activities, participation in activities

Уголовная ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации (далее по тексту РФ) иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности (ст. 284.1 УК РФ) (далее по тексту нежелательная организация), была введена 3 июня 2015 г. федеральным законом от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Представленная новелла уголовного законодательства сконструирована с использованием так называемой административной преюдицией, при которой ответственность наступает за неоднократное совершение аналогичного административного правонарушения. В случае со ст. 284.1 УК РФ речь идет

¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 21. Ст. 2981.

о трехкратном совершении в течение года административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ, ответственность за совершение которого также была установлена названным федеральным законом.

Приведенный федеральный закон внес, в том числе, и определенные дополнения в федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»¹, получивший свою известность под названием «Закон Димы Яковлева», в которых содержатся основания и процессуальный порядок признания организации нежелательной (ст.ст. 3.1 и 3.2).

Появление в российском законодательстве самого института нежелательных организаций и соответствующих мер уголовно-правового и административно-деликтного противодействия ему непосредственно обусловлено необходимостью существования и функционирования эффективной системы защиты основ конституционного строя РФ, ее безопасности и обороноспособности от негативного влияния со стороны таких организаций.

На сегодняшний день в целях причинения ущерба внутренним интересам РФ зарубежными странами все чаще используются скрытые, замаскированные способы воздействия, одним из проявлений которых и выступает осуществление деятельности иностранных или международной неправительственной организации, формально относящиеся к числу правозащитных и призванных развивать гражданское общество, правовое государство на территории РФ, а на самом же деле стремящихся создать очаги политической, социальной, национальной, религиозной напряженности в обществе для дальнейшего «разжигания» так называемых «цветных революций» и последующей противоправной смены власти в стране.

В отличие от экстремистских и террористических организаций нежелательные организации открыто не провозглашают своих враждебных целей и намерений, а всегда действуют под благовидным предлогом защиты прав и свобод граждан, обеспечения экологической безопасности и т.п.

В настоящее время в перечне содержится 22 нежелательных организации, среди которых большинство зарегистрированы на территории Соединенных Штатов Америки и Великобритании, с которыми у РФ складываются в современный период достаточно сложные отношения.

Таким образом, криминализация повторного осуществления деятельности нежелательной организации является абсолютно обоснованным, своевременным и эффективным шагом отечественного законодателя.

Законодательство не содержит понятия иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Однако, признаки такой организации указаны в статье 3.1 федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на

¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

По смыслу названной статьи закона такая организация:

– является иностранной или международной неправительственной;

– её деятельность представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства;

– её деятельность, в том числе, способствует либо препятствует выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме (включая участие в иных формах в избирательных кампаниях, кампаниях референдума, за исключением участия в избирательных кампаниях, кампаниях референдума в качестве иностранных (международных) наблюдателей).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, по нашему мнению, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере нормального функционирования основ конституционного строя и безопасности государства.

Законом предусмотрено, что признание нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации влечет за собой:

1) запрет на создание (открытие) на территории Российской Федерации структурных подразделений иностранной или международной неправительственной организации и прекращение в определенном законодательством Российской Федерации порядке деятельности ранее созданных (открытых) на территории Российской Федерации таких структурных подразделений;

2) наступление последствий, указанных в ст. 3.2 данного Федерального закона (кредитные организации и не кредитные финансовые организации обязаны отказать в проведении операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, одной из сторон которой является иностранная или международная неправительственная организация, включенная в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации);

3) запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной неправительственной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также производство или хранение таких материалов в целях распространения;

4) запрет на осуществление на территории Российской Федерации программ (проектов) для иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации;

5) запрет на создание иностранной или международной неправительственной организацией на территории Российской Федерации юридических лиц либо участие в них.

Законодательный запрет на осуществление перечисленных действий корреспондирует наличие административной и уголовной ответственности за их осуществление. Необходимо заметить, что признаки ст. 20.33 КоАП РФ и ст. 284.1 УК РФ не являются тождественными, хотя в какой-то части совпадают.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ составляют действия:

а) по руководству деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии со ст. 3.1 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

б) по участию в такой деятельности.

В общепринятом смысле термин «руководство» означает процесс управления и контроля деятельности организации или группы лиц. В данном случае речь идёт об управлении и контроле деятельности нежелательной организации.

Термин «участие» означает совместную с кем-либо деятельность, вовлечённость в какую-либо деятельность. В рассматриваемом случае в деятельность нежелательной организации.

Условием привлечения к ответственности является факт предшествующего двукратного привлечения лица к ответственности в течение одного года по ст. 20.33 КоАП РФ.

В соответствии с положениями ст. 4. 6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Таким образом, в случае, если постановление по делу об административном правонарушении в отношении лица не вступило в законную силу, или прошёл годичный срок со дня окончания исполнения данного постановления, такое лицо не может считаться подвергнутым к административной ответственности по ст. 20. 33 КоАП РФ, что влечёт и отсутствие административной преюдиции в целях статьи 284.1 УК РФ.

Субъектом рассматриваемого состава преступления является лицо, достигшее 16-летнего возраста. Это положение не только прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 20 УК РФ, но и логически проистекает из положений КоАП РФ, устанавливающей общее правило об административной ответственности для

лиц, достигших возраста 16 лет, а также административной преюдиции, предусмотренной ст. 284.1 УК РФ.

Анализируемая статья относится к категории тяжких, поскольку в качестве максимально строгого наказания предусматривает лишение свободы на срок до 6 лет.

В качестве дополнительного и альтернативного наказания предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет. Достаточно внушительная и сумма штрафа: от трёхсот до пятисот тысяч рублей.

Таким образом, характер и размер санкции свидетельствуют о достаточно серьёзном настрое законодателя на применение уголовно – правовой репрессии в отношении лиц, совершивших анализируемое преступление.

Рассматриваемая статья УК РФ содержит примечание, в соответствии с которым лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности нежелательной организации, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Подобное примечание является почти стандартным для многих статей УК РФ. Так, освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным прекращением преступной деятельности предусмотрено, в частности, ст.ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 222, 222.1 УК РФ.

Однако, в отличие от примечаний к некоторым иным статьям УК РФ, примечание к рассматриваемой статье не содержит указания на необходимость добровольного сообщения правоохранительным органам о совершении преступления, либо предотвращения негативных последствий от совершения преступления.

В рассматриваемом случае достаточно лишь прекратить участие в деятельности организации. Естественно, в действиях лица не должно содержаться иного состава преступления.

Подобная конструкция примечания, которое не предъявляет иных «завышенных» требований к лицу, является проявлением гуманизма законодателя, который даёт возможность избежать уголовной ответственности по ст. 284.1 УК РФ, лишь прекратив участие в деятельности нежелательной организации.

Вместе с тем, примечание, исходя из его текстуального толкования, может применяться лишь к лицу, участвующему в деятельности нежелательной организации, но не может быть применено к лицу, которое осуществляет руководство деятельностью нежелательной организации.

Изменение редакции ст. 327 УК РФ (новая редакция – проблемы старые)

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению изменений, внесенных в текст ст. 237 УК РФ, правовых последствий, указанных изменений, проблеме определения свойств документов, выступающих предметом преступления, складывающейся судебно-следственной практике по указанной категории дел. Статья содержит выводы и предложения по применению норм, предусмотренных ст. 327 УК РФ.

Ключевые слова: предмет преступления, официальный документ, удостоверение, подделка, квалификация.

New Edition of the Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation (new edition - old problems)

Abstract: This article explores the new version of the Art. 237 of the Criminal Code and its legal consequences. Author researches the judicial investigative practice concerning the definition of the documents that can become a target of a crime. Author offers suggestions on the due application of the norms provided for in Art. 327 of the Criminal Code.

Keywords: target of a crime, official document, certificate, fake, qualification.

Среди уголовно-правовых норм, предусмотренных главой 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» наиболее востребованными являются нормы о преступлении, установленном ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков».

Несмотря на достаточно широкое применение настоящей статьи в судебно-следственной практике встречались разнообразные проблемы, образно говоря количество совершаемых преступлений не всегда перерастало в качество их применения.

Приведем некоторые показатели характеризующие правоприменительную практику. В 2015г. по ч.1 ст.327 УК РФ осуждено 813 человек, по ч.2 – 33 человек, по ч. 3- 9610 человек. В последующие три года, имелся некоторый прирост лиц, осужденных по ст. 327 УК РФ, главным образом за преступление, предусмотренное ч. 3 указанной статьи, которая предусматривала ответственность за использование заведомо подложного документа. Наибольшее количество лиц, осужденных в последующие годы составило 10541 человек (+9,7% в 2017г. в сравнении с 2015г.).

В 2019 г. законодатель внес существенные изменения в текст статьи 327 УК РФ. Назовем наиболее серьезные из них. Прежде всего, заметим, что количество частей выросло с трех до пяти. Произошло это за счет выделения

различных предметов преступления и разнесения их по различным частям статьи 327 УК РФ. Так частью 2 ст. 327 УК РФ установлена ответственность за «подделку паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях их использования или сбыт таких документов». Соответственно наказание за данное преступление было ужесточено, в частности лишение свободы с 2-х лет увеличилось до 3-х лет. Законодатель исходил из того, что подделку удостоверения и паспорта должна караться более строго, нежели подделка иных официальных документов, предусмотренных ч.1 ст. 327 УК РФ.

Об этом говорится и в документах, отражающих проектные работы по изменению содержания ст. 327 УК РФ. В Заключении Комитета Совета Федерации по Конституционному законодательству и государственному строительству указывалось: «Принятие Федерального закона будет способствовать назначению соразмерного общественной опасности наказания за подделку паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей»¹. Никаких иных аргументов в документе не содержалось. Можно лишь допустить, что разработчики исходили из более высокой ценности и как следствие повышенной уголовно-правовой защиты от подделки таких документов как паспорт и удостоверение, предоставляющее права или освобождающее от обязанностей.

Кроме того, ст. 327 УК РФ пополнилась частью 3, в которой установлена ответственность за «Приобретение, хранение, перевозка в целях использования или сбыта либо использование заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков». Таким образом перечисленные деяния, ранее составлявшие приготовление к преступлениям, предусмотренным частями 1 и 3 ст. 327 УК (в ред. до 26.07.2019г.) приобрели форму окончанных преступных деяний.

В части 4 ст. 327 УК РФ сохранилась норма об ответственности за совершение деяний, предусмотренных в частях 1-3, (до внесения изменений в ч. 1 ст. 327 УК РФ) совершенные с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

В части 5 ст. 327 УК РФ установлена ответственность за использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 указанной статьи. О каких исключениях говорится в части 5 ст. 327 УК РФ? Дело в том, что законодатель и в части 3 и в части 5 установил ответственность за деяния, которые состоят в использовании заведомо поддельных документах. Различие заключается лишь в том, что в ч. 3 речь идет о

¹Заключение Комитета СФ ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству от 22.07.2019 № 3.1-05/2713 «По Федеральному закону «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n> (дата обращения 01.07.2020).

документах, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а в ч.5 о документах, не обладающих такими свойствами. Следовательно, задача органов предварительного расследования, прокуратуры и суда состоит в том, чтобы определить какими свойствами обладает тот или иной документ.

До внесения изменений в текст ст. 327 УК РФ в уголовно-правовой литературе высказывались различные точки зрения по поводу свойств документов, которые были в качестве предмета предусмотрены в ч.3 ст. 327 УК РФ (в ред. до 26.07.2019г.). Решения Конституционного Суда России тем не менее позволяли утверждать, что такие документы следовало считать предоставляющими права или освобождающими от обязанностей. Так, например, в Определении КС РФ от 19 мая 2009 г. № 534-О-О КС РФ указывалось, что законодатель наделил правоприменителя правом в каждом конкретном случае оценивать свойства документа и признавать его либо предоставляющим права или освобождающим от обязанностей, либо нет. А, следовательно, в зависимости от этого привлекать или не привлекать к ответственности за использование документа как подложного¹. В Определении КС от 18 октября 2012 г. № 1931-О указывается, что и в части 3 ст. 327 УК РФ документ также является официальным².

В условиях новой правовой реальности Конституционный Суд согласился с правом законодателя устанавливать уголовную ответственность за использование документов различной значимости, включая и те, что не предоставляют прав и не освобождают от обязанностей (иные)³.

И так, какие предварительные выводы можно сделать из сказанного? Во-первых, законодательные поправки, внесенные в текст ст. 327 УК РФ направлены на усиление защиты установленного порядка выдачи документов и их последующего оборота, во-вторых законодатель расширил правовое поле уголовно-правовых норм, предусмотрев ответственность за деяния, которые ранее не были преступлениями поскольку привлечение за приготовление к преступлениям в форме приобретения, хранения и перевозки официальных документов не было возможно в силу положения предусмотренного ч.2 ст. 30 УК РФ. В-третьих, уголовная ответственность возможна и за использование заведомо подложного документа, не обладающего свойствами официального документа, который предоставляет права или освобождает от обязанностей.

Посмотрим, как выглядит в числах судебная практика после изменений,

¹URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89873/(дата обращения 01.07.2020).

²URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n> (дата обращения 01.07.2020).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 N 2368-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Тамары Константиновны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n> (дата обращения 01.07.2020).

внесенных в ст. 327 УК РФ. К сожалению, в нашем распоряжении находится статистика только за 2019 год. Она тем не менее свидетельствует, что количество лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 327 УК РФ снизилось более чем на 1/3 от количества осужденных в 2018 году, а количество осужденных по ч. 3 ст. 327 УК РФ снизилось на 24% за тот же период времени.

Все высказанные положения могут быть предметом рассмотрения, однако в рамках настоящей статьи мы остановимся на лишь последнем из предварительных выводов. Возникает по меньшей мере два вопроса. Первый вопрос - как определить обладает ли официальный документ указанными свойствами или не обладает? Второй вопрос – может ли быть документ, предусмотренный в качестве предмета преступления в ч.5 ст. 327 УК РФ – неофициальным или нет?

Попытаемся ответить на указанные вопросы обратившись к правоприменительной практике и доктрине уголовного права.

Начнем с положений, принятых доктриной уголовного права, хотя и не бесспорных. Что такое документ, и что такое официальный документ?

Согласно ст. 5 ФЗ от 29.12.1994 (ред. 23.07.2008г.) «Об обязательном экземпляре документов» официальный документ – это документ, принятый органом законодательной, исполнительной и судебной власти носящий обязательный, рекомендательный или информационный характер¹. В соответствии со ст. 1259 ч.4 ГК РФ официальным документом признаются законы, судебные решения, иные тексты законодательного, административного и судебного характера, а также их официальные переводы. К числу официальных документов наделяющих правами судебно-следственная практика относит: военный билет,² водительское удостоверение, временные разрешения на право управления автомобилем, технический паспорт, документы для постановки автомашин на учет, трудовую книжку, пенсионное удостоверение, удостоверение ветерана, участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, дружинника, работников ФСБ, МВД и налоговой службы, пропуска для проезда на закрытый объект, медицинские книжки (карты), санитарные книжки, ме-

¹ Российская газета. 1995. 17 января.

² По уголовному делу в отношении Крохина и Чегоровой Верховный Суд РФ в Постановлении №1003 п 2000 указал, что военный билет, водительское удостоверение, водительское удостоверение являются важными личными документами граждан и не относятся к официальным, которые предусмотрены ч.1 ст. 325 УК РФ. Это дало повод обсуждать вопрос о принадлежности указанных документов к числу официальных применительно к ст. 327 УК РФ. Представляется, что указанные документы могут составлять предмет преступления, предусмотренный ст. 327 УК РФ. По такому пути идет и правоприменительная практика. Так, например, по ч.1 ст. 327 УК РФ был осужден С., который нашел паспорт гражданина РФ на имя Ушакова Е.Н., присвоил себе для дальнейшего использования, как документа, удостоверяющего его личность и предоставляющего право вступать, как гражданину РФ в те или иные правоотношения. В последующем найденный документ С. подверг изменению: переклеил фотографию и использовал как свой личный документ (Постановление Президиума Московского городского суда от 31.05.2007г. №44-у-605).

дицинские справки, листки временной нетрудоспособности, документы об образовании (свидетельства, аттестаты, дипломы), доверенности, договоры, приказы, разрешения на хранение и ношение оружия, страховые полисы (обязательные), повестки о вызове в правоохранительные органы и суд, патенты, лицензии, миграционные карты, документы о временной регистрации гражданина по месту пребывания. Документами, освобождающими от обязанностей, могут быть, например, справки об освобождении от военной службы, листки временной нетрудоспособности.

О таких документах в частности сказано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В п. 35 Постановления указывается, что применительно к ст. 292 УК РФ официальным является документ, «удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля»¹. Безусловно – список документов не исчерпывающий.

Полагаем, что документы имеют статус официальных не только потому, что они предоставляют определенные права или освобождают от обязанностей, но и в силу того, что они включены в систему управления. Ученые, исследовавшие рассматриваемую проблему, считают, что если документ находится (попадает) в официальном документообороте (делопроизводстве) и связан с управленческой или служебной деятельностью государственных, муниципальных органов (организаций), то его следует признавать официальным, если даже его автором является частное лицо.

К официальным документам не относят статистические карточки, месячные проездные билеты, марки для писем, квитанции об уплате штрафа, налога и госпошлины, чеки об оплате товаров и услуг, банковские справки о покупке валюты, извещения о почтовом переводе, кассовые ордера, акты, письма на бланках² и т.д. Указанные предметы имеют преимущественно ин-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17.07.

² Президиум Санкт-Петербургского Городского Суда своим постановлением от 27.01.1993г. отменил приговор Городского Суда в отношении Рогинского, и дело прекратил ввиду отсутствия в его действиях состава преступления. Как видно из материалов дела, ученый-историк Рогинский составлял на бланках учреждений заявки, ходатайства о допуске в архивы для работы с архивными документами в научных целях. Эти ходатайства нельзя отнести к подделке и использованию документов и бланков, предусмотренных ст. 196 УК РСФСР, поскольку никаких юридических фактов они не устанавливали // URL: <https://www.lawmix.ru/vas/170672>. (дата обращения 01.07.2020).

формационный, уведомительный характер и не влекут правовых последствий, изменяющих статус или положение лица.

При оценке предмета преступления как документа, обладающего свойствами – освобождать от обязанностей или наделять правами придется руководствоваться собственным представлением об этих правах и обязанностях, складывающейся судебной-следственной практикой, иногда весьма противоречивой. Приведем некоторые примеры применения ст. 327 УК РФ.

Приговором суда в составе председательствующего мирового судьи судебного участка №222 Академического района г. Москвы по ч.5 ст. 327 УК РФ осужден гр-н Республики Таджикистан К., который у неустановленного лица за денежное вознаграждение, приобрел не выдававшуюся ему в установленном законом порядке заведомо подложную отрывную часть к бланку уведомления о прибытии иностранного гражданина на имя ФИО1, в которой, согласно справке об исследовании № 395 от 16 марта 2020 года имеется оттиск прямоугольного штампа «...уведомление принято поставлен на учет...», расположенный на отрывной части бланка уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания на имя ФИО1.

Какова роль такого документа? Уведомление о прибытии иностранного гражданина направляется в территориальный (местный) орган Федеральной Миграционной Службы, а у принимающей стороны остается отрывной талон Уведомления с отметкой ФМС или отделения связи о принятии Уведомления. Этот отрывной талон служит подтверждением того, что иностранец и принимающая сторона исполнили обязанность по регистрации иностранного гражданина. Полагаем, что уведомление является официальным документом, однако такой документ не дает его владельцу конкретных прав и не освобождает от обязанностей.

Еще пример. Органами предварительного следствия К. подозревалась в использовании заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных ч.3 ст.327 УК РФ. К., не желая исполнять предписанную ст.214 ТК РФ обязанность работника пройти предварительный (при поступлении на работу) медицинский осмотр, с целью упростить порядок его прохождения и желая сэкономить собственные денежные средства, решила в установленном порядке медицинскую комиссию в медицинской организации не проходить, а представить в отдел кадров подложный документ, свидетельствующий о якобы прохождении ею медицинского осмотра, то есть использовать заведомо подложный документ. Реализуя задуманное, К. через сеть «Интернет» приискала сайт, предоставляющий услуги по продаже заведомо подложных документов от имени медицинских организаций г. Санкт-Петербурга, договорилась с продавцом о встрече и, находясь у станции метро «Дыбенко» в Санкт-Петербурге, приобрела за денежные средства в размере 1500 рублей паспорт здоровья работника, выданный СПбЗБУЗ «Городская Мариинская больница», куда были внесены данные об удовлетворительном состоянии ее здоровья. После чего передала его в отдел кадров по месту ра-

боты. Органом предварительного расследования в последующем было принято решение изменить квалификацию содеянного и представить документы для применения ст. 76.2 УК РФ. В постановлении о возврате ходатайства о назначении судебного штрафа указывается, что «... паспорт здоровья не влечет сам по себе возникновение у лица права на трудоустройство в указанную организацию, а является лишь одним из документов, подтверждающих отсутствие у лица препятствий для конкретной работы...». Аналогичное решение было принято по делу А, за исключением того, что первоначально деяние было оценено как преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ¹.

Иная практика складывается по делам о приобретении и незаконном использовании патентов. В приговоре по делу А. указано, что патент, представляет собой «поддельный документ, подтверждающий его право на осуществление трудовой деятельности и законного нахождения на территории Российской Федерации»². Патент (в миграционном законодательстве) — документ, подтверждающий право иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, осуществлять трудовую деятельность на территории субъекта Российской Федерации. Согласно п. 1 ст. 13.3 Закона № 115-ФЗ (в новой редакции) привлекать к работе безвизового иностранца, имеющего патент.

Такая же практика складывается и по делам, связанным с использованием поддельных свидетельств о регистрации³. Временная регистрация не дает конкретного права, но является условием для последующего оформления документации, требующейся ему на данный момент (пенсионное удостоверение, заграничный паспорт и т.д.), возможно оформление займов и кредитов, получение положенных социальных льгот, прием несовершеннолетних детей в учебные учреждения (школу, детский сад), получение своевременной бесплатной медицинской помощи и пр.

Приведенные примеры иллюстрируют сложность установления свойств предмета преступления в ст. 327 УК РФ и возможные ошибки при квалификации.

Заканчивая рассмотрение складывающейся практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 327 УК РФ, полагаем в качестве заключения указать следующее:

1). Официальные документы могут быть документами, т.н. прямого действия, например, водительское удостоверение. Такие документы указывают на статус лица и его полномочия. Документы непрямого действия, создают возможность использовать их для приобретения права или освобождения от обязанностей.

2). Официальные документы, не являющиеся документами прямого дей-

¹Постановление судьи Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 21.02.2020г. // URL: <http://www.судебные.решения.рф>. (дата обращения 01.07.2020).

² Приговор Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 11 марта 2020г. Дело №1-191/2020 // URL: <http://www.судебные.решения.рф>. (дата обращения 01.07.2020).

³ Приговор Невского районного суда Санкт-Петербурга от 17.02.2020г. Дело 1-136/20 //

ствия, создают условия для приобретения прав или освобождения от обязанностей. Например, таким документом является поддельное пенсионное удостоверение (в настоящее время лицам, не работавшим в органах государственной власти, выдается справка, свидетельствующая о том, что лицо является пенсионером). Подделка такого документа, совершенная не для приобретения прав или освобождения от обязанностей не должна влечь уголовной ответственности.

Указанный документ, на наш взгляд может быть предметом преступления лишь в том случае, если виновный предъявит (использует) его для того чтобы приобрести соответствующее право, например, воспользоваться правом на бесплатное посещение музея, проезда по льготной цене в транспорте. Уголовная ответственность в таком случае должна наступать по ч.3 ст. 327 УК РФ.

Наличие такого документа у лица, не использовавшего его для приобретения права или освобождения от него не должно быть основанием уголовного преследования.

3). Документы, предусмотренные в ч.5 ст. 327 УК РФ, должны быть официальными документами, т. е. выданы соответствующими органами власти, юридическими лицами, в том числе учреждениями не являющимися органами власти. Некоторые официальные документы создающие условия для приобретения какого-либо права, не являющиеся документами прямого действия являются предметом преступления, предусмотренного ч.5 ст. 327 УК РФ.

Филатова Н.Ю.

Цель в виде причинения боли и (или) страданий животному при жестоком обращении с ним

Аннотация: анализируется сравнительно недавно принятый Федеральный закон № 498-ФЗ от 27.12.2018 года «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес существенные изменения в толкование ст. 245 УК РФ, и в тоже время с его принятием возникли новые вопросы о применении данной статьи. Автор исследует уголовное и административное законодательство, анализирует судебную практику и приходит к выводу, что законодателю не удалось восполнить существующие пробелы в ст. 245 УК РФ, и в тоже время возникли новые, также требующие решения.

Ключевые слова: жестокое обращение, животные, статья 245 УК РФ, цель, страдания, пробелы в праве.

The Goal of Causing Pain and (or) Suffering to the Animal in Criminal Law

Abstract: Author analyses the Federal Law No. 498-FZ «On the responsible handling of animals». The new law significantly changed the understanding of the

Art. 245 of the Criminal Code. At the same time new questions arose about the application of this article. The author examines the criminal and administrative legislation, analyzes the judicial practice and concludes that the legislator failed to fill the existing gaps in Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, and at the same time, added new ones that also require solutions.

Keywords: cruel treatment, animals, article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, goal, suffering, legal gaps

Принятый в 2018 году Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон «Об ответственном обращении с животными») был призван восполнить существующие пробелы в сфере взаимодействия человека и животного. В частности, учеными и правоприменителями отмечалась пробельность ст. 245 УК РФ, предусматривающая ответственность за жестокое обращение с животными.

Проблемы, связанные с объективной стороной рассматриваемого состава преступления, касались, в основном, толкования такой категории, как «жестокое обращение». Это было вызвано тем, что до принятия указанного закона это понятие являлось оценочным, никаким образом не уточнялось законодателем и не разъяснялось высшими судебными инстанциями. Представляется очевидным, что, находясь в правовом вакууме, судам было тяжело толковать норму при применении ст. 245 УК РФ, что отражалось, в том числе, и на количестве отмененных и измененных решений.

В п.5 ст.3 Закона «Об ответственном обращении с животными» закреплена дефиниция «жестокое обращение с животным», которая включает в себя перечень следующих противоправных деяний:

- обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями);
- нарушение требований к содержанию животных, установленных нормативно-правовыми актами Российской Федерации (в том числе, отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного;
- неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни и здоровья состоянии¹.

Как видно из определения, для признания обращения жестоким не требуется наличие цели в виде причинения боли и страданий животному. По смыслу же ст. 245 УК РФ жестоким будет являться такое обращение с животным, которое совершается именно в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье. То есть для привлечения к уголовной ответственности одним из альтернативных признаков субъективной стороны основного состава должна выступать цель.

¹ Российская газета. №295. 29.12.2018 г.

Отметим, что цель была включена в состав рассматриваемого преступления в 2017 году в результате принятия Федерального закона от 20.12.2017 N 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹. До этого момента вопросом «А нужно ли, чтобы животное мучалось для привлечения к ответственности по ст. 245 УК РФ?» задавался практически каждый правоприменитель. Так, например, было с отмененным приговором в кассационной инстанции в отношении молодого человека, который застрелил в парке белку. Президиум Санкт-Петербургского городского суда вынес оправдательный приговор, так как белка была убита одним выстрелом, без мучений². Так же Определением Верховного Суда РФ от 20.02.2007 года №4-О07-13 было установлено, что в деянии Н. отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, поскольку он убил собаку, нанеся ей неустановленным предметом несколько ударов по голове и «данных о том, что при этом умысел Н. был направлен на причинение страданий животному, по делу не имеется...»³.

В 2011 году Президиум Сахалинского областного суда изменил приговор Корсаковского городского суда, указав, что «из материалов дела следует, что С. убил собаку одним выстрелом, когда та спала, и гибель животного наступила сразу после выстрела»⁴.

В настоящее время вопрос о необходимости доказывания цели совершения деяния не поднимается, в связи с прямым указанием на такую необходимость в некоторых случаях в законе. Однако, иногда бывает сложно установить, было ли умерщвление животного жестоким или нет, преследовал ли преступник цель причинять страдания животному или же он хотел причинить страдание другим людям, на глазах которых совершал преступное деяние. В таких случаях проводится экспертиза. Так, например, по делу № 1-429/2018, возбужденному в отношении Кочнева А.Е., который, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, на глазах у своей сожительницы М. оторвал головы 3-м котяткам, а также прижал рукой к полу кошку и с силой сдавил рукой ее грудную клетку, что привело к их гибели, была назначена судебно-ветеринарная экспертиза. Согласно выводам экспертизы «животные испытывали физические страдания в виде боли при насильственных действиях, направленных на наступление смерти, находились в беспомощном положении по отношению к насильственным действиям, направленным

¹ Российская газета. №291. 22.12.2017 г.

² URL: <https://www.fontanka.ru/2017/02/01/153/> (дата обращения: 04.06.2020 г.)

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2007 г. №4-О07-13. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 20.05.2020 г.)

⁴ Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 09.09.2011 по делу N 44у-93/11. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid> (дата обращения: 20.05.2020 г.)

на причинение смерти»¹. При этом, указывалось, что котята в таком возрасте (2 недели) находятся в зависимом положении от матери, а сама взрослая кошка не могла избежать смерти вследствие преобладания материнского инстинкта.

Само определение понятия «страдания» вызывает определенные трудности. Только ли физические страдания подразумевает законодатель? Могут ли животные испытывать психические и моральные страдания? По уголовному делу в отношении бывшего командира войсковой части 42289 майора Евгения Митяшина, который расстрелял собак, находившихся в закрытых вольерах, была назначена зоопсихологическая экспертиза, а также допрошены ветеринары и зоопсихологи. В материалах дела подчеркивалось, что «собаки испытывали психологические и моральные страдания»². В статье «Жестокое обращение с животными в форме причинения психических страданий: постановка проблемы криминализации самостоятельного деяния» автор указывает, что «внешние воздействия на психику животного, без непосредственного оказания на него физического воздействия, способно вызвать психические страдания, приводящие к последствиям жестокого обращения с животным, что может указать на наличие признаков состава преступления, предусмотренного ст.245 УК РФ»³.

Следует также помнить, что рассматриваемый состав преступления находится в главе «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», т. е. объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ является, прежде всего, общественная нравственность, «которая связана с взаимоотношением человека с животными, проявлением гуманности к последним»⁴. В ситуации, когда преступник выкидывает домашнее животное из окна, и оно моментально погибает в результате удара о землю (не мучаясь), на наш взгляд, представляется все-таки необходимым признать причи-

¹ Приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области от 21.12.2018 года по делу № 1-429/2018. URL: https://bsr.sudrf.ru/bigshow/Document.html?id=3_1e0e0b341913f0eb16c2e31ec6e94110 (дата обращения: 05.06.2020 г.)

² Сайт военной прокуратуры Западного военного округа. URL: <https://gvp.gov.ru/zvo/news/view/451/> (дата обращения: 04.04.2020 г.); Надзорное производство по уголовному делу, возбужденному по ч.1 ст.245 УК РФ в отношении М. // Архив военной прокуратуры Санкт-Петербургского гарнизона.

³ Семенов К.П. Жестокое обращение с животными в форме причинения психических страданий: постановка проблемы криминализации самостоятельного деяния // Право и современная экономика сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. 2018. С. 209-212.

⁴ Подробнее см.: Филатова Н. Ю. Общественная нравственность как объект в составе преступления, предусмотренном ст. 245 УК РФ//Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции/Отв.ред. Е.Н. Рахманова. 2016. – СПб., Издательский дом «Петрополис». С. 353-358; Осокин Р. Б. Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу//Вестник Московского университета МВД России. № 2. 2014. С. 93

нение вреда прежде всего общественной нравственности. Таким образом, включение в ст. 245 УК РФ цели в виде причинения боли и страданий животному нам видится излишним.

Кроме того, несмотря на недавно принятый закон, по-прежнему не устранены некоторые пробелы в праве. Так, по смыслу закона, если указанная цель при жестоком обращении с животными отсутствует, а также отсутствуют иные альтернативные признаки (хулиганские и корыстные побуждения), возможна другая ответственность. Но в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации есть только статья, регламентирующая наступление административной ответственности за нарушение правил пользования объектами животного мира. Объекты животного мира – это дикие животные. При этом ст. 21 Закона «Об ответственном обращении с животными» прямо указывает на возможность наступления административной, уголовной и иной ответственности в отношении владельцев и иных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, за нарушение требований указанного закона. Административная ответственность предусмотрена лишь некоторыми субъектами Российской Федерации на региональном уровне.

В Государственную Думу в 2016 году вносился проект федерального закона, призванный восполнить упомянутый пробел, но в марте 2018 года он был отклонен. В официальном отзыве Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации - Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации С. Приходько указывалось, что из содержания законопроекта не понятно, как будет происходить процесс выявления и доказывания факта причинения физических и психических страданий животным¹. В заключении Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству отмечалось, что административная ответственность должна устанавливаться только по тем вопросам, которые имеют федеральное значение, в том числе за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. И, поскольку Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» еще не был принят, данный законопроект отклонили и по настоящее время решение по рассматриваемому вопросу не принято.

Таким образом, отметим, что хотя в последние годы наше государство предпринимает шаги, направленные на регулирование отношений при обращении с животными, но не всегда эти изменения носят систематический характер, что, в свою очередь, порождает пробелы в праве и трудности в правоприменительной практике.

¹ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1175091-6> (дата обращения: 10.06.2020 г.)

Список литературы

1. *Осокин Р. Б.* Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу // Вестник Московского университета МВД России. - № 2. - 2014. - С. 91-97
2. *Семенов К.П.* Жестокое обращение с животными в форме причинения психических страданий: постановка проблемы криминализации самостоятельного деяния // Право и современная экономика сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. 2018. - С. 209-212.
3. *Филатова Н. Ю.* Общественная нравственность как объект в составе преступления, предусмотренном ст. 245 УК РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.Н. Рахманова. 2016. – СПб., Издательский дом «Петрополис». - С. 353-358

Цветков П.В.

Некоторые вопросы совершенствования российского уголовного законодательства в сфере противодействия применения допинга¹

Аннотация. Статья посвящена проблемам применения антидопингового уголовного законодательства. Рассматриваются ст.ст. 230¹ и 232² УК РФ, анализируется опыт зарубежных стран, выявляются некоторые недостатки уголовно-правового регулирования в данной сфере и предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: преступление, антидопинговое законодательство, специальный субъект, криминализация.

Some Issues of Improving Russian Criminal Legislation in the Field of Countering Doping

Abstract. The article is dedicated to the problems of application of anti-doping criminal legislation. Author examines the articles 230.1 and 232.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the experience of foreign countries, identifies some shortcomings of criminal law regulation in this area and proposes possible solutions.

Keywords: crime, anti-doping legislation, special type of offender, criminalization

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта»

В 2016 году независимая комиссия Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА) подготовила отчет, в котором указывались многократные случаи использования российскими профессиональными спортсменами допинга, а также были установлены и зафиксированы случаи распространения запрещенных субстанций на всех уровнях спортивной системы в Российской Федерации.

Вслед за обнародованием данного документа последовали увольнения многих должностных лиц и тренеров, дисквалификации российских спортсменов и многочисленные санкции, которые нанесли серьезный урон отечественному спорту. В частности, многие российские спортсмены не были допущены к участию в крупнейших мировых спортивных форумах¹. Кроме того, был нанесен серьезный удар по имиджу российского спорта в целом.

В целях реабилитации и восстановления прав российских спортсменов на международной арене государством предприняты меры различного характера, направленные на противодействие применению, использованию запрещенных субстанций и препаратов (допинга) и искоренению правонарушений, связанных с их применением в спорте.

С этой целью в российское законодательство были имплементированы нормы, содержащиеся в Международной конвенции по борьбе с допингом в спорте и Всемирном антидопинговом кодексе². Внесены изменения и дополнения в уголовное законодательство (ст. ст. 230¹ и 230² УК РФ), в КоАП РФ – ст. 6.18, а также в трудовой и гражданский кодексы в части установления спортивной ответственности (дисциплинарной) спортсменов, тренеров и др.

Но несмотря на предпринятые меры, государству так и не удалось на данный момент, восстановить престиж российских спортсменов. По нашему мнению, причиной тому служит не столько недостаток образовательно-просветительской работы со спортсменами и иными специалистами в области спорта, сколько несовершенство законодательных норм, направленных на противодействие применения допинга, под которым в соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ о спорте в РФ) допингом в спорте признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытка использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте³. Перечень указанных субстанций должен отвечать требованиям ВАДА и утверждается Приказом Министерства спорта РФ.

¹ Амиров И.М., Беляев А. А. Антидопинговое законодательство в России и за рубежом // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. - №4. – С. 28-32.

² Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Заключена в г. Париже 19.10.2005)// Бюллетень международных договоров. 2007. N 9. С. 20 – 46; Всемирный антидопинговый кодекс. Международный стандарт. Запрещенный список 2020 года// СПС Консультант Плюс

³ Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»//СПС Консультант Плюс

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что в период с 2017 по 2019 гг. по ст. 230¹ и 230² УК РФ не был осужден ни один человек. Вместе с тем за этот же период РУСАДА опубликовала внушительный список дисквалифицированных российских спортсменов тренеров, медицинских работников и др. лиц, в отношении которых были вынесены дисциплинарные санкции.

Следует отметить, что к данной проблеме привлечено внимание многих специалистов в области уголовного права, которые справедливо отмечают, что несовершенство ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ состоит в том, что уголовная ответственность за совершение преступлений предусмотрена не для всех возможных субъектов, причастных к данной преступной деятельности.

К числу спорных и до сих пор нерешенных проблем в уголовном праве, является определение основного непосредственного объекта противоправного деяния, выраженного в применении спортсменом запрещенных веществ и (или методов).

На наш взгляд, основным непосредственным объектом преступлений, связанных с допингом (в том числе ст. 230.1 и 230.2 УК РФ), выступают общественные отношения, обеспечивающие беспристрастность и объективность подготовки, организации и проведения спортивных соревнований, а также общественную нравственность, которая предопределяется взаимными интересами участников и зрителей этих соревнований, главным образом, социокультурных потребностей, а дополнительным – общественные отношения, связанные с режимом оборота запрещенных веществ и (или) методов для использования в спорте.

При этом, исходя из своей объектности, сущности и целей, рассматриваемые деяния могут выступать в качестве способов оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, уголовная ответственность за которое в настоящее время предусмотрена ст.184 УК РФ.¹

Не меньше вопросов возникает в связи с определением субъекта рассматриваемых деяний, который является специальным: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, являющееся тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта.²

Согласно ст. 22 ФЗ о спорте в РФ тренером признается физическое лицо, «имеющее соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование и осуществляющее проведение со спортсменами тренировочных мероприятий, а также осуществляющее руководство их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов».

¹ Цветков П. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений в области спорта и при проведении зрелищных коммерческих конкурсов // Бизнес. Образование. Право. – 2018. - №2 (43). – С.322-325.

² Федоров А. В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2017. - №3. - С. 25-42.

В то же время в российском законодательстве не раскрывается понятие специалист по спортивной медицине, под которым И.М. Амиров и А.А. Беляев А.А понимают лицо, имеющее высшее медицинское образование, специализирующееся на медицинском сопровождении спортсменов в процессе их подготовки к соревнованиям. При этом склонение (использование) в отношении спортсмена запрещенных веществ, например, участковым врачом клиники по месту жительства потерпевшего, не является уголовно наказуемым деянием.¹

Перечень иных специалистов в области культуры и спорта содержится в приказе Минспорттуризма от 16.04.2012 №347 и является исчерпывающим².

Но законодатель не учитывает возможности влияния на спортсменов иных лиц, не перечисленных в законе. Это могут быть сотрудник специализированного магазина спортивного питания, родственник или близкий друг спортсмена, представитель (агент) спортсмена, соперник (иной спортсмен) и др.

Все это позволяет нам признать, что перечень специальных субъектов, указанных в законе, неоправданно ограничен. И можно согласиться с Д. В. Пешковым, который предлагает предусмотреть уголовную ответственность для субъектов, обладающими общими признаками³.

А. П. Алексеева совершенно справедливо называет в качестве основной проблемы применения рассматриваемых норм изолированность и закрытость спортивной системы, основанной на соподчинении и строгой дисциплине всех ее участников⁴. Действительно, выявление факта склонения или использования в отношении спортсмена запрещенных субстанций и (или) методов указанными специальными субъектами, без участия самого потерпевшего, нам видится бесперспективным. Следовательно, для обнаружения противоправных действий, образующих составы преступлений, предусмотренных ст. 230¹ и 230² УК РФ, необходимо наличие конфликта между потерпевшим и специальным субъектом, а учитывая специфику отношений в сфере спорта, это представляется маловероятным⁵.

¹ Амиров И.М., Беляев А. А. Указ. соч.

² Приказ Минспорттуризма России от 16.04.2012 N 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации»// Российская газета, N 109, 16.05.2012

³ Пешков Д. В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст.230.2 УК РФ // Международный научный журнал «Инновационная наука». - 2018. - №3. - С. 65-69.

⁴ Алексеева А. П. Проблемы выявления фактов склонения к использованию или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов // Труды Академии управления МВД России. - 2018. - №2 (46). - С. 98-102.

⁵ Попельницкий Е.В. Некоторые проблемные вопросы применения статей 230.1 и 230.2 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях / Под ред.

Несовершенство антидопингового законодательства, с нашей точки зрения, заключается, кроме того в отсутствии состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность самого спортсмена, применяющего запрещенные субстанции и (или) методы.

Некоторые ученые придерживаются позиции, что существующих административных и дисциплинарных мер, выражающихся в дисквалификации спортсмена, вполне достаточно, поскольку в связи с применяемой дисциплинарной санкцией спортсмен лишается возможности карьерного роста и профессиональной самореализации¹.

Иные полагают, что при дальнейшем совершенствовании законодательства возможна криминализация деяния, предполагающего применение допинга самим спортсменом, поскольку в его интересах приобретение статуса победителя профессиональных спортивных соревнований, за которым следуют значительные преференции в виде карьерного роста и внушительного денежного вознаграждения².

В связи с научными дискуссиями, сопровождающими вопрос криминализации деяния, выраженного в применении допинга самим спортсменом, нам представляется интересным и полезным обратиться к опыту зарубежного законодательства.

Так, в Спортивном кодексе Франции под нарушением антидопингового законодательства спортсменом понимается хранение запрещенных веществ и использование запрещенных веществ (ст. L232.9 Спортивного кодекса). При этом использование спортсменом допинга предполагает административные меры воздействия в виде дисквалификации, а вот за хранение спортсменом одного или нескольких запрещенных веществ предусмотрена уголовная ответственность – один год тюремного заключения и штраф в размере 3750 евро (п.1 ст. L232-26 Спортивного кодекса). В том числе, за различные способы склонения спортсмена к применению допинга, а также за распространение запрещенных препаратов (п.1 и 2 ст. L232.10 Спортивного кодекса) применяются меры государственного воздействия в виде уголовной ответственности, которая предполагает пять лет тюремного заключения и штрафа в 75 000 евро (п.2 ст. L232-26 Спортивного кодекса), причем субъектом вышеуказанных преступлений признается любое лицо. Также представляют интерес нормы, содержащиеся в ст. L232-25 Спортивного кодекса, согласно которой воспрепятствование деятельности уполномоченных лиц, призванных осуществить допинг-контроль, а также несоблюдение решений о временной или пожизненной дисквалификации влечет за собой уголовную ответственность в виде шестимесячного тюремного заключения и штрафа в 75 000 евро.³

Н.Н. Цуканова – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019 - С. 262-265.

¹ Алексеева А.П. Там же. - С. 99.

² Федоров А. В. Цит. соч. - С. 39.

³ Спортивный кодекс Франции (Законодательная часть): Перевод с французского, вступительная статья с кратким комментарием к.ю.н. А.А. Соловьева; предисловие д.ю.н.,

В Спортивном кодексе Греции также содержатся уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с допингом. Согласно ст. 128 Спортивного кодекса лица, вводящие спортсмену натуральные или химические вещества, или биологические или биотехнологические материалы, или применяющие к спортсмену запрещенные методики, чтобы достичь улучшения его спортивного состояния, подлежат уголовной ответственности в виде тюремного заключения от 3 до 5 лет и штрафа от 25 000 до 50 000 евро. Применение допинга самим спортсменом является уголовно наказуемым деянием и предусматривает санкцию в виде тюремного заключения на двухлетний срок.¹

Даже краткий анализ зарубежного спортивного законодательства показывает, что одним из важнейших шагов на пути к усовершенствованию отечественного антидопингового законодательства может стать криминализация деяния, предполагающего применение запрещенных веществ и (или) методов самим спортсменом.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что проанализированные статьи нуждаются в серьезной доработке. В частности, полагаем, что необходимо исключить из диспозиций данных норм признаки специальных субъектов, указав субъекта, обладающего общими признаками – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, представляется также разумным предусмотреть уголовную ответственность за применение спортсменом запрещенных субстанций и (или) методов.

В связи с тем, что дисциплинарные и административные санкции не оказывают должного превентивного воздействия необходимо разработать комплексный подход противодействия данному явлению, тем более, что как указано выше, деяния, предполагающие применение спортсменом, его склонение или использование в отношении последнего запрещенных субстанций и (или) методов могут выступить в качестве альтернативных способов оказания противоправного влияния на результат официальных спортивных соревнований.

Список литературы

1. *Алексеева А. П.* Проблемы выявления фактов склонения к использованию или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов // Труды Академии управления МВД России. - 2018. - №2 (46). - С. 98-102.

2. *Амиров И.М., Беляев А. А.* Антидопинговое законодательство в России и за рубежом // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. - №4. – С. 28-32.

проф. С. В. Алексеева / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2009. –134с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Выпуск 2).

¹ Панагиотопулос Д. Уголовная ответственность за допинг по законодательству Греции // Спорт: экономика, право, управление. – 2011. - № 4. – С. 29-30.

3. *Иванов А.С. Панова О.С.* Актуальные проблемы российского антидопингового и антикоррупционного законодательства в области физической культуры и спорта // *Успехи современной науки.* – 2017. – Том 7. - №3. – С. 189-191.

4. *Панагиотопулос Д.* Уголовная ответственность за допинг по законодательству Греции // *Спорт: экономика, право, управление.* – 2011. - № 4. – С. 29-30.

5. *Пешков Д.В.* К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст.230.2 УК РФ // *Международный научный журнал «Инновационная наука».* - 2018. — №3. - С. 65-69.

6. *Попельницкий Е.В.* Некоторые проблемные вопросы применения статей 230.1 и 230.2 УК РФ // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях / Под ред. Н.Н. Цуканова – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019 - С. 262-265.*

7. Спортивный кодекс Франции (Законодательная часть): Перевод с французского, вступительная статья с кратким комментарием к.ю.н. А.А. Соловьева; предисловие д.ю.н., проф. С. В. Алексеева / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2009. –134с. (Серия: «Актуальные проблемы спортивного права». Выпуск 2).

8. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.* - 2017. - №3. - С. 25-42.

9. *Цветков П. В.* Некоторые вопросы квалификации преступлений в области спорта и при проведении зрелищных коммерческих конкурсов // *Бизнес. Образование. Право.* – 2018. - №2 (43). – С.322-325.

Чеснокова Е.А., Акулин И.М.

Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия публичному распространению заведомо ложной информации: анализ новелл российского законодательства

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы криминализации и пенализации публичного распространения заведомо ложной информации. Отмечается, что криминализация данных деяний в полной мере отвечает реалиям современного общества. Анализируются признаки составов преступлений, введенных новыми уголовно-правовыми нормами. Отмечаются отдельные недостатки законодательных новелл. На основании результатов исследования авторами выдвигаются предложения о возможности объединения двух новых составов, введения административной преюдиции, а также введения квалифицирующих признаков преступления, таких, как содержание

информации, способ её передачи, наличие специального субъекта, распространение недостоверной информации организованной группой лиц.

Ключевые слова: криминализация, публичное распространение заведомо ложной информации, фейковые новости, новая коронавирусная инфекция, общественная безопасность.

New Criminal Law Policy of the Russian Federation in the Field of Countering the Public Distribution of Deliberately False Information

Abstract. The article deals with some issues of criminalization and penalization of public dissemination of deliberately unreliable information. It is noted that the criminalization of these acts fully meets the realities of modern society. The article analyzes the features of the elements of crimes introduced by the new criminal law norms. Some shortcomings of legislative novels are noted. Based on the results of the study, the authors conclude that it is possible to combine two new structures, introduce administrative prejudice and qualifying features of the crime, such as the content of information, the method of its transmission, the presence of a special subject, and the dissemination of false information by an organized group of persons.

Keywords: criminalization, public distribution of deliberately false information, fake news, new coronavirus infection, public safety.

Уголовно-правовая политика в сфере криминализации деяний по публичному распространению заведомо ложной информации вызывает множество дискуссий не только в научных и политических кругах, но и в целом в современном обществе. В данной сфере переплетаются такие интересы как, с одной стороны, общественная безопасность, общественная нравственность, общественный порядок, общественное здоровье, и, с другой стороны, неприкосновенность частной жизни, право на здоровье и медицинскую помощь, право на свободу мнения, а также право на информацию. Следует отметить, что принятие государством политических решений по данным вопросам представляет особую сложность и в определённой степени несёт в себе опасность. Вводимые уголовно-правовые средства призваны противодействовать преступности, оказывающей влияние на общественное мнение, и именно поэтому закономерно ожидать что та часть общества, которая в той или иной степени подверглась воздействию недостоверной общественно значимой информации, воспримет негативно любые шаги государства в направлении криминализации данных деяний, усматривая в этом репрессивную составляющую и посягательство не только на свободу слова, но и на право людей знать правду. Кроме того, следует признать, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за публичную дезинформацию, в силу определённой специфики признаков состава преступления, наличия таких оценочных категорий как недостоверность сведений и заведомое знание об их недостоверности, создают благодатную почву для злоупотреблений, что может

привести к нарушению конституционных прав граждан и в ещё большей степени дестабилизировать ситуацию в обществе. С другой стороны, инертность законодателя в вопросах криминализации умышленного распространения заведомо ложной информации может привести к крайне негативным последствиям как на уровне отдельных граждан, так и на уровне всего государства и общества в целом.

Ещё до проведения реформы 2020 года действующий уголовный закон уже содержал ряд составов, предусматривающих ответственность за дезинформацию граждан. При этом следует понимать, что ложь может заключаться не только в изложении под видом достоверных несуществующих фактических обстоятельств, но и в искажении или сокрытии имеющих место в реальности обстоятельств. Соответственно, в рамках действующего уголовного закона привлечение к уголовной ответственности может быть, в частности, по таким статьям, как, например, клевета (ст. 128.1 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). При этом оправданность применения уголовно-правовых средств в целях противодействия распространению в сети Интернет недостоверной информации на протяжении многих лет является предметом горячих научных дискуссий и политических дебатов. В этом смысле показателен пример декриминализации в 2011 году клеветы и её последующей криминализации уже в 2012 году. Аналогично и в отношении статьи 282 УК, неоднократно высказывались мнения и выдвигались законодательные инициативы по декриминализации. Однако, хотя и существует высокий риск того, что дальнейшие шаги законодателя в направлении криминализации так называемых фейковых новостей могут получить негативный отклик значительной части общества, ещё более разрушительным может оказаться недооценка степени общественной опасности данной категории деяний. Как отмечается в правовой доктрине, легитимность введения ответственности за публичное распространение вредоносной для общества информации представляется полностью оправданной, а недооценка серьезности последствий от умышленного распространения посредством средств массовой информации заведомо ложных сведений, направленных на дестабилизацию общества и государства, может быть крайне опасна, что предопределяет необходимость совершенствования законодательства в данной области¹.

Федеральным законом от 01.04.2020 №100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Уголовный кодекс был

¹ Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях - новый вызов государственной безопасности в современном мире //Гуманитарные и юридические исследования.-2019.-№2.- С. 121-128.

дополнен двумя нормами, предусматривающими уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации. Данные статьи были введены в первоначальный законопроект поправками, подготовленными ко второму чтению уже в период распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. По мнению законодателя, принятие предлагаемых новелл должно способствовать обеспечению защиты граждан Российской Федерации от инфекционных заболеваний. Однако в диспозициях данных норм предусматривается значительно более широкий круг фактических обстоятельств. Так, согласно примечанию к ст. 207.1 УК РФ, к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, в целях применения настоящей статьи помимо эпидемий законодатель относит и иные чрезвычайные экологические ситуации, а также чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, если данные обстоятельства могут повлечь или уже повлекли вред жизни и здоровью людей, вред окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Предмет преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, является ещё более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, и потенциально включает в себя любые сведения, вызывающие либо способные вызвать общественный резонанс¹. Соответственно, публичное распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.1, должно квалифицироваться по ст. 207.2 УК РФ в случае, если это деяние повлекло по неосторожности причинение вреда жизни, здоровью или иные тяжкие последствия.

Таким образом, предмет данных преступлений является значительно более широким, чем обстоятельства, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 и с принятием мер по противодействию её распространению, однако, учитывая, что законодатель довольно оперативно принял решение о необходимости криминализации публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации именно на фоне развития эпидемии нового инфекционного заболевания, представляется особенно интересным рассмотреть некоторые вопросы уголовной ответственности по данным статьям именно применительно к ситуациям, когда предметом преступления является информация медицинского характера или информация о функционировании системы здравоохранения, а также о принимаемых государством мерах по противодействию эпидемии.

Объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие безопасное существование общества. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК, состоит

¹ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную эпидемию// Законность.-2020.-№5 (1027). -С. 41-44.

в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Состав преступления по своей конструкции является формальным, преступление считается оконченным с момента публичного распространения указанной заведомо ложной информации вне зависимости от наступления последствий. Состав преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК, по своей конструкции является материальным. Преступление считается оконченным с момента наступления последствий в виде причинения вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 207.2 УК), смерти человека или иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 207.2 УК). Следует согласиться с мнением Кибальника А.Г., который в качестве серьёзного недостатка ст. 207.2 УК указывает на то, что в ней говорится о единственном потерпевшем, ввиду чего количество потерпевших не должно влиять на квалификацию¹. По нашему мнению, рассматриваемые статьи имеют ещё один существенный недостаток, так как не предусматривают как квалифицирующий признак способ распространения информации. Однако, с учётом специфики существования современного общества, всё более вовлекаемого в мир цифровых технологий, безграничного общения в виртуальном пространстве, обмена мнениями и обсуждения проблем онлайн в составе неограниченного круга лиц, именно информационно-телекоммуникационные технологии предоставляют практически неограниченную возможность для вброса и последующего распространения недостоверной информации не только среди пользователей сети Интернет, но и опосредованно среди их друзей, знакомых и родственников. В научных трудах представителей социальных наук в качестве одного из решений данной проблемы рассматривается надлежащее осуществление информирования населения через официальные СМИ. В частности, относительно информации о распространении коронавирусной инфекции было отмечено, что, в зависимости от содержания представляемых широкому кругу лиц публикаций, они могут как способствовать снижению стигматизации, так и напротив усиливать её проявления, что, по мнению отдельных исследователей, требует от представителей исполнительной власти в системе здравоохранения оперативно представлять населению чёткую и ясную информацию, способствующую правильному пониманию ситуации². Однако необходимо учитывать, что полное и своевременное информирование, осуществляемое через официальные ресурсы, не способно в достаточной мере нивелировать риски пагубного воздействия на общественное мнение через неофициальные источники информации, коими являются, в частности, блоги, посты в социальных сетях, комментарии. В научных источниках отмечается, что повсеместное распро-

¹ Кибальник А.Г., 2020. Цит.

² Федосенко Е.В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Материалы XXV Международного симпозиума. - 2020. - №XXV.- С. 34-47.

странение Интернета дало новое дыхание такому методу дезинформации, как распространение слухов, то есть, новостей, передаваемых при неформальном общении, что подсознательно воспринимается людьми как информация, заслуживающая большего доверия в сравнении с информацией, размещаемой в официальных источниках. Кроме того, так как слухи доходят до адресата быстрее, чем информация для СМИ, они, в силу своей первичности, закрепляются в сознании людей как истинные знания¹. Грамотно сделанный первичный вброс такой неофициальной информации способен запустить цепную реакцию, когда информация будет транслироваться добросовестно заблуждающимися лицами, скорость её распространения будет экспоненциально расти, слухи будут сопровождаться всё более пугающими подробностями, а старания официальных лиц разъяснить ситуацию будут расцениваться людьми как попытки скрыть правду. В действующем уголовном законе в ряде статей использование средств массовой информации рассматривается как квалифицирующий признак, но при этом не разграничивается использование официальных СМИ и неофициальных информационных ресурсов, что, на наш взгляд, не в полной мере соответствует сегодняшним реалиям и определяет необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования с учётом крайне высокой степени общественной опасности деяний, связанных с использованием именно неофициальных источников информации, тиражируемых через информационно-телекоммуникационные сети. Таким образом, полагаем, что по рассматриваемым преступлениям, предусмотренным ст. 207.1 УК и 207.2 УК, использование информационно-телекоммуникационных сетей должно предусматриваться как отдельный квалифицирующий признак.

Субъект обоих рассматриваемых преступлений – общий. Однако, по нашему мнению, здесь также не в полной мере учтена специфика передачи и восприятия специальных сведений, как, например, информация, включающая данные медицинского характера. Очевидно, что информация, например, о высокой эффективности какого-либо лекарственного препарата или об опасности новой вакцины будет намного более убедительной, если она сообщается непосредственно лицом с высшим медицинским образованием, чем если бы она исходила от человека, не имеющего медицинского образования и лишь ссылающегося на мнения специалистов и иные авторитетные источники. Не вызывает сомнения, что и само лицо, обладающее специальными познаниями, будет осознавать, что информация, передаваемая им в качестве неформального сообщения, потенциально способна оказать значительное влияние на формирование общественного мнения по тому или иному вопросу. Соответственно, представляется, что наличие у субъекта специальных познаний по вопросам, затрагиваемым в ложном информационном сообщении, должно служить квалифицирующим признаком, предусматривающим назна-

¹ Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal.-2020.- №8 (60). – С. 78-79.

чение более строгого наказания. На данный довод можно было бы возразить, отметив, что в таких науках, как, например, медицина, редко можно говорить о каких-либо сведениях со стопроцентной степенью уверенности. Однако здесь следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать время, место, способ, обстановку, орудия и средства преступления. Так, например, не основанные на достоверных фактах предположения и утверждения могут рассматриваться как научная гипотеза, если они изложены в профессиональных кругах или опубликованы в специальных научных изданиях, и совсем иное значение они приобретут, если в тех же терминах будут донесены для не обладающих познаниями в вопросах медицины лиц на страницах в социальных сетях.

Особые сложности в правоприменительной практике может представлять установление признаков субъективной стороны рассматриваемых преступлений. В Обзоре ВС № 2¹ указывается на то, что размещение лицом в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию, может быть квалифицировано по статье 207.1 или 207.2 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц. При этом, применимо к составу, предусмотренному ст. 207.2 УК, особенностью субъективной стороны является то, что умысел здесь имеет место только по отношению к деянию, тогда как субъективное отношение к преступным последствиям должно быть только неосторожным. В случаях установления умысла по отношению к последствиям (прямого или косвенного) содеянное необходимо квалифицировать в зависимости от направленности умысла и степени завершенности, например, как умышленное причинение вреда здоровью, убийство, организацию массовых беспорядков (либо приготовление или покушение на эти преступления)². В доктрине была высказано мнение о том, что позиция правоприменителя, в соответствии с которой преступление по ст. 207.2 может быть совершено только с прямым умыслом, противоречит ч. 2 ст. 24 УК и законодательной конструкции ст. 207.2 УК, в связи с чем форма вины по ст. 207.2 УК должна определяться на основании законодательной конструкции данной нормы и положений ч. 2 ст. 24 УК как неосторожность³. Действительно, одной из особенностей диспозиции данных преступлений, как уже указывалось выше, является наличие более общего предмета преступления в диспозиции ст.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). N 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020)

² Кибальник А.Г., 2020. Цит.

³ Бурнин С.С. Когда квалифицировать действие как распространение фейков о коронавирусе//Уголовный процесс.-2020.-№ 6(186).-С. 52-60.

207.2 УК, и включение части от общего предмета преступления в диспозицию отдельной статьи 207.1, предусматривающей формальный состав преступления. Однако с точки зрения юридической техники такое решение законодателя представляется несколько спорным: исходя из положений ст. 27 УК, наличие двух различных форм вины возможно только в квалифицированных составах преступлений, в которых законодатель объединяет в один состав два самостоятельных преступления одно из которых является умышленным, а другое - неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием¹. В данном контексте возможным решением могло бы стать объединение в одну статью преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ. Однако следует учитывать, что предмет преступления по ст. 207.2 УК является более широким, в связи с чем представляется оправданным с учётом текущих социальных реалий установить в первой части статьи ответственность за публичное распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние, а второй частью статьи предусмотреть ответственность за публичное распространение заведомо недостоверной информации при наличии квалифицирующих признаков преступления, к коим и следует отнести содержание информации, предусмотренное примечанием к ст. 207.1 УК. Также к квалифицирующим признакам наряду с содержанием информации, наступлением тяжких последствий и распространением информации, имеющей отношение к профессиональной деятельности преступника, следует отнести совершение преступления организованной группой лиц.

Остановившись на вопросах пенализации, следует отметить, что, по нашему мнению, введение административной преюдиции было бы вполне оправданным, так как субъектом данного преступления может оказаться, например, молодой человек, студент, ведущий свою страничку в социальных сетях, или человек, потерявший работу, или пенсионер, который на фоне испытываемых им эмоций и с учётом лёгкости совершения данного преступления может опрометчиво разместить в сети Интернет заведомо недостоверную информацию, руководствуясь абсолютно иррациональными побуждениями сделать что-то «назло всем» или просто посмотреть, «что получится». Общественная опасность личностей таких лиц довольно невысока, и привлечение их к административной ответственности может оказаться вполне достаточным для предотвращения совершения ими подобных деяний в будущем.

Также представляется вполне оправданным предусмотреть в качестве основного наказания лишение права занимать определенные должности или

¹ См., например, Уголовное право России. Общая часть. / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 2-е изд. //СПб: Издательство СПбГУ. – 2013.- С.210-213. См. также Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: прак. пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Проспект», 2009 г. – С. 73-76.

заниматься определенной деятельностью. В частности, в отношении тех лиц, степень общественной опасности личностей которых представляется достаточно невысокой, превентивная цель наказания за рассматриваемые преступления может быть достигнута путём лишения их на определённый срок права заниматься администрированием интернет-ресурсов, включая ведение собственных страничек в социальных сетях.

Список литературы

1. *Бурынин С.С.* Когда квалифицировать действие как распространение фейков о коронавирусе//Уголовный процесс. - 2020. - № 6(186). - С. 52-60.
2. *Кибальник А.Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную эпидемию// Законность. - 2020. - №5 (1027). - С. 41-44.
3. *Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н.* Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях - новый вызов государственной безопасности в современном мире //Гуманитарные и юридические исследования. - 2019. - №2. - С. 121-128.
4. *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Проспект», 2009 г.
5. *Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А.* Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. - 2020. - №8 (60). – С. 78-79.
6. Уголовное право России. Общая часть. / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 2-е изд. //СПб: Издательство СПбГУ. – 2013
7. *Федосенко Е.В.* Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XXV Международного симпозиума. - 2020. - №XXV. - С. 34-47.

Раздел IV. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности

Васильев С.А.

Международно-правовые меры профилактики преступлений в сфере мореплавания¹

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные тенденции в сфере мореплавания и его правового регулирования с точки зрения возникновения новых угроз и необходимости принятия мер профилактического характера для противодействия преступлениям в данной области общественных отношений.

Ключевые слова: профилактика преступлений; торговое мореплавание; незаконная миграция; хождение под флагом; морское право.

International Legal Measures for the Prevention of Maritime Crime

Abstract. This article discusses the main trends in the field of navigation and looks at the reaction of legislation to the emergence of new threats. Author explores the justifications for the new preventive measures to counter crimes in this area of social relations.

Keywords: crime prevention, merchant shipping, illegal migration, sailing under flag, maritime law.

Современные общественные отношения в области мореплавания являются весьма разнообразными хотя бы в силу того, что судно, находящееся в открытом море, в гораздо меньшей степени может быть отслежено или проконтролировано со стороны компетентных субъектов, чем любое другое транспортное средство на суше или воздухе. Указанные обстоятельства обуславливают соблазн для злоумышленников воспользоваться таким положением для реализации своего преступного умысла. Примечательно, что и некоторые нормативные требования также потворствуют данному обстоятельству.

Одним из субъектов международного торгового мореплавания, находящимся под флагом России могут выступать иностранные физические и юридические лица в соответствии с Федеральным законом от 3 августа 2018 года № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фон-

¹ Данная научная работа выполнена в рамках внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». Проект № 26/06-31 «Правовое регулирование финансовых, имущественных и организационных отношений в сфере торгового мореплавания».

дах»¹. Передача судна под иностранный флаг – достаточно простая и широко распространенная процедура, урегулированная ст. 19 КТМ.

Государства заинтересованы в том, чтобы судна, занимающиеся коммерческой деятельностью, ходили под их флагами, т.к. это обеспечивает дополнительные налоговые и иные вливания в бюджеты. Вместе с тем законодательство различных государств в этой части различается, в связи с чем различные предприниматели выбирают для себя «удобные» флаги для снижения налоговой нагрузки на свой бизнес². Национальность судна таким образом может не совпадать с национальностью собственника или пользователя и тем более, капитана или экипажа³. Именно поэтому важно действие и исполнение международного права в данной сфере.

Согласно исследованию, проведенному специалистами из Южной Африканской Республики, в водах данного государства рыбной ловлей занимались только 6% судов, ходивших под флагом данного государства, все остальные имели принадлежность азиатских государств⁴.

Несмотря на то, что ст. 91 Конвенции по морскому праву определена обязательность установления правовой связи между государством и судном, под флагом которого оно ходит, благодаря развитию правовых отношений, а точнее – их деформирования, установить такую связь становится все сложнее⁵. Это в свою очередь обуславливает не просто возможность неконтролируемого, незаконного лова рыбы, но и открывает возможности для развития работоторговли, распространения наркотиков, незаконного оборота огнестрельного оружия и т.д.⁶

При этом нельзя действовать простыми запретами, ограничивая предпринимательскую деятельность, лишая граждан развитых стран зарабатывать морским промыслом. Ученые выработали методы ранжирования государств в зависимости от ряда факторов, включающих экономическую составляющую, коррупцию, количество допущенных правонарушений и т.д.⁷ Такое ранжирование может лечь в основу осуществления обычаев делового оборота в международном частном праве, когда лица, часто нарушающие норма-

¹ О международных компаниях и международных фондах: Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 290-ФЗ (ред. от 26 ноября 2019 года) // Собрание законодательства РФ. 2018. 6 августа. № 32 (часть I). Ст. 5083.

² Коваль В.Н. Правовые особенности применения «удобных» флагов на торговых и круизных судах // Юрист. - 2017. - № 14. - С. 36-40.

³ Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Международное частное право и инвестиции: монография. - М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2012. - 272 с.

⁴ Rollinson D.P., Wanless R.M., Ryan P.G. Patterns and trends in seabird bycatch in the pelagic longline fishery off South Africa // African Journal of Marine Science. 2017. 39(1), с. 9-25.

⁵ Powell E. Taming the beast: How the International legal regime creates and contains Flags of Convenience // Annu. Surv. Int. Comp. Law 19(1) (2013), p. 12.

⁶ Liddick D. The dimensions of a transnational crime problem: the case of IUU fishing // Trends Organ Crim., 17 (2014), pp. 290-312.

⁷ Ford J.H., Wilcox C. Shedding light on the dark side of maritime trade – A new approach for identifying countries as flags of convenience // Marine Policy. 2019. 99, с. 298-303.

тивные предписания, занимают низкие места в такого рода рейтинге и, соответственно, получают меньше контрактов. Это же позволит наиболее добросовестным рабочим быть востребованными правопослушными владельцами судов и рыболовецких компаний.

С развитием современного общества все более становится ощутимым кадровый взаимообмен между странами. Где-то он осуществляется более интенсивно, в других местах, наоборот – на благо своей родины трудятся только коренные жители. Одни государства невольно являются поставщиками рабочей силы, другие – принимают таких работников. Данная ситуация является наиболее актуальной для сферы торгового мореплавания. Во многом такая ситуация обусловлена недостатком кадров в данной сфере¹.

Современное законодательство различных государств по-разному строит отношения в данной сфере. Однако для каждого из них трудовая миграция скорее проблема, нежели неопределимая помощь со стороны иностранных граждан, поэтому правовое регулирование в данной сфере требует своего совершенствования. Отправной точкой для такой деятельности должны стать международные правовые акты, а также деятельность международных и региональных организаций, занимающихся проблемами трудовой миграции.

Для исключения множества проблем в данной сфере необходимо контролировать миграционные потоки, следить, чтобы приехавшие работать и в силу стечения обстоятельств, лишившиеся работы иностранцы не становились опасностью для граждан страны, которая их приняла. К сожалению, на сегодняшний день растет социальное недовольство в обществе из-за наплыва трудовых мигрантов другой национальности, с другой культурой, традициями, религией. Это порождает межнациональные конфликты, увеличивает преступность, способствует росту экономических преступлений и т.д.²

В последние 30 лет на территории многих европейских государств возникла проблема большого количества иностранных рабочих на рыболовецких судах³. В последние годы, например, в Шотландии, это привело к тому, что в зависимости от гражданской принадлежности существенным образом варьируется размер оплаты труда за один и тот же функционал: европейцы получают значительно больше своих коллег⁴. Данное обстоятельство обуславливает необходимость выработки особых правил правового регулирования, уравнивающих в правах рыбаков, отталкиваясь от основных принципов и норм международного права.

¹ Международное морское право (частное и публичное): учебник / под общ. ред. В.Н. Ковалю. – М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017.- С. 119.

² Васильев С.А. Худяков А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности в сфере трудовой миграции правоохранительными органами России. – Коломна: Принт Сервис, 2015. - С. 5, 61.

³ Winchester N., Bailey N. Making sense of «global» social justice: claims for justice in the global labour market for seafarers // Sociological Research Online. 2012. 17. 4.

⁴ Jones E., Botterill K., Chikwama C., Caveen A., Gray T. Pay Gaps Between Domestic and International Fishers: an Economic or Ethical Issue? // Maritime Studies. 2020. 19(1), с. 15-27.

Здесь же следует отметить, что в случае возникновения непредвиденных обстоятельств с иностранным работником возникает большое количество проблем, связанных с его возвращением на родину. Российское и международное правовое регулирование предусматривает большое количество правил, по которым обязывает различных субъектов, включая государственные структуры предпринять все возможные действия для обеспечения такого права зарубежного рыбака¹.

Существенную проблему составляют суда, не имеющие вовсе никакого флага, деятельность которых изначально направлена на осуществление незаконной деятельности², включая рыболовство, пиратство, а в последнее время ставшую популярной организацию незаконной миграции.

Международное морское право также должно регулировать проблемы большого количества тонущих мигрантов в процессе незаконных пассажирских перевозок. При этом также простые запреты приводят к гибели людей³. Необходимо создавать благоприятные условия, которые делали бы соблюдение установленных правил выполнимыми и эффективными.

При этом для российского обывателя представляется, что проблема использования морских перевозок для осуществления незаконной миграции – это проблема современной Европы, в то время как власти Австралии предпринимают различные меры, включая государственные программы, направленные на пресечение нелегальной транспортировки людей из Индонезии⁴. Данное обстоятельство обусловлено тем, что по своему географическому расположению Австралия является субъектом, активно вовлекаемым в бизнес процессы, осуществляемые азиатскими государствами. Создаются целые консорциумы с участием этих государств⁵. С развитием отечественной экономики Россия может быть также уязвима с этой точки зрения, в особенности с точки зрения защиты интересов населения Дальнего Востока.

Описанные выше проблемы и некоторые предложенные меры потенциально способны позитивным образом воздействовать на предупреждение преступлений в морской сфере, однако для их реализации необходимо продумывать трансформацию, в том числе, международного правового регулирования, что по инициативе одной из стран представляется несколько проблематичным. Тем не менее, определенные шаги в данном направлении делать необходимо.

¹ Бекяшев Д.К. Международно-правовые проблемы управления рыболовством: монография. - М.: Проспект, 2017. - 512 с.

² Scanlon Z. Taking Action against Fishing Vessels without Nationality: Have Recent International Developments Clarified the Law? // International Journal of Marine and Coastal Law. 2017. 32(1), с. 54-68.

³ Mann I. Maritime legal black holes: Migration and rightlessness in international law // European Journal of International Law. 2018. 29(2), с. 347-372.

⁴ Missbach A., Palmer W. People smuggling by a different name: Australia's 'turnbacks' of asylum seekers to Indonesia // Australian Journal of International Affairs. 2020. 74(2), с. 185-206.

⁵ Sundaramurthy A. The China factor in India-Australia maritime cooperation // Asian Affairs. 2020. 51(1), с. 169-188.

Список литературы

1. *Бекашев Д.К.* Международно-правовые проблемы управления рыболовством: монография. - М.: Проспект, 2017. - 512 с.
2. *Васильев С.А., Худяков А.В.* Конституционно-правовые основы обеспечения экономической безопасности в сфере трудовой миграции правоохранительными органами России. – Коломна: Принт Сервис, 2015. – 114 с.
3. *Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г.* Международное частное право и инвестиции: монография. - М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. - 272 с.
4. *Коваль В.Н.* Правовые особенности применения «удобных» флагов на торговых и круизных судах // Юрист. - 2017. - № 14. - С. 36-40.
5. *Международное морское право (частное и публичное): учебник / под общ. ред. В.Н. Коваля.* – М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017. – 228 с.
6. *Ford J.H., Wilcox C.* (2019) Shedding light on the dark side of maritime trade – A new approach for identifying countries as flags of convenience // *Marine Policy*- 99. - P. 298-303.
7. *Jones E., Botterill K., Chikwama C., Caveen A., Gray T.* (2020) Pay Gaps Between Domestic and International Fishers: an Economic or Ethical Issue? // *Maritime Studies* - 19(1) – P. 15-27.
8. *Liddick D.* (2014) The dimensions of a transnational crime problem: the case of IUU fishing // *Trends Organ Crim* - 17. - P. 290-312.
9. *Mann I.* (2018) Maritime legal black holes: Migration and rightlessness in international law // *European Journal of International Law*. - 29(2). - P. 347-372.
10. *Missbach A., Palmer W.* (2020) People smuggling by a different name: Australia's “turnbacks” of asylum seekers to Indonesia // *Australian Journal of International Affairs* - 74(2). -P. 185-206.
11. *Powell E.* Taming the beast: How the International legal regime creates and contains Flags of Convenience // *Annu. Surv. Int. Comp. Law* 2013. 19(1). С. 12.
12. *Rollinson D.P., Wanless R.M., Ryan P.G.* (2017) Patterns and trends in seabird bycatch in the pelagic longline fishery off South Africa // *African Journal of Marine Science* - 39(1). - P. 9-25.
13. *Scanlon Z.* (2017) Taking Action against Fishing Vessels without Nationality: Have Recent International Developments Clarified the Law? // *International Journal of Marine and Coastal Law* - 32(1). - P. 54-68.
14. *Sundaramurthy A.* (2020) The China factor in India-Australia maritime cooperation // *Asian Affairs* - 51(1). - P. 169-188.
15. *Winchester N., Bailey N.* (2012) Making sense of “global” social justice: claims for justice in the global labor market for seafarers // *Sociological Research Online* - 17. 4.

Влияние девиантного поведения несовершеннолетних на уголовную современную политику

Аннотация: В статье указывается, что в последнее время отклонения поведения несовершеннолетних от норм, установленных обществом и государством, стали частым явлением в нашей стране. Данные отклонения приобретают различные содержания, которые проявляются в разнообразных формах. К основным формам девиантного поведения несовершеннолетних следует отнести преступность, совершение общественно опасных деяний, проституцию, алкоголизм, наркоманию. То есть именно те формы, которые являются предпосылкой преступности. В связи с этим, необходимо установить влияние девиантного поведения несовершеннолетних на уголовную политику.

Ключевые слова: девиантное поведение, несовершеннолетние, уголовная политика, содержание, преступность

Influence of Deviant Behavior of Minors on Modern Criminal Policy

Abstract. The author claims that deviations in the behavior of minors from the norms established by society and the state have become a frequent occurrence in our country recently. These deviations are manifested in various forms. The main forms of deviant behavior of minors include crime, the commission of socially dangerous acts, prostitution, alcoholism, and drug addiction. That is, precisely those forms that are a prerequisite for crime. In this regard, it is necessary to establish that deviant behavior of minors influence the criminal policy.

Key words: deviant behavior, minors, criminal policy, content, crime

Преступность, являющуюся самостоятельным видом девиации, в криминологическом плане следует рассматривать отдельно, выделяя те характеристики девиантного поведения, которые отражают совершение преступлений несовершеннолетними, достигших и не достигших возраста уголовной ответственности, и демонстрируют связь данной формы девиантного поведения с другими формами девиации.

За последние пять лет (с 2015 г. – фев. 2020 г.) показатели преступности несовершеннолетних демонстрируют позитивную динамику. Выделяются три основные причины преступности несовершеннолетних: 1) отрицательное влияние семьи (низкий уровень жизни, неблагополучие, отсутствие необходимого воспитания и надзора за детьми); 2) негативное воздействие окружения (влияние сверстников и старших лиц); 3) низкий уровень работы образовательных учреждений.

К основным условиям преступности несовершеннолетних следует отнести: 1) недостаточную деятельность специальных органов и учреждений по

предупреждению и профилактики преступности несовершеннолетних; 2) неполную развитость всех форм предупреждения преступности несовершеннолетних; 3) злоупотребление несовершеннолетними алкоголем, наркотическими и психотропными веществами.

Немалую роль в формировании преступных намерений у несовершеннолетних играет преступная субкультура, которая обладает огромным отрицательным нравственным потенциалом, поскольку общеизвестно, что в силу возрастных особенностей подростки склонны к вовлечению в совершение антиобщественных действий.

Большое значение в процессе трансформации девиантного поведения в преступное имеет наличие примеров «успешной преступной карьеры» со стороны взрослых «товарищей», которые используют доверчивость и возрастные особенности подростков в своих целях. Наличие в жизни несовершеннолетнего авторитетных лиц с преступным прошлым и настоящим уско-ряет процесс повышения криминализации его сознания.

Преступность несовершеннолетних и приводящие к ней факторы требуют решительных и целенаправленных мер по их предупреждению и профилактики от органов государственной власти и общества.

Являясь крайним выражением девиантности, преступность имеет следующие специфические особенности:

1) Отрицательное влияние семьи – по мнению Упорова И. В. И Гречишкина Ю.Н., «в 30-35% случаев преступлений несовершеннолетних установлено прямое отрицательное влияние родителей и старших членов семьи (аморальный образ жизни, пьянство, жестокость, грубость), при этом типичными для родителей несовершеннолетних преступников является низкая культура и престижно-потребительские установки»¹.

Несовершеннолетние не могут обеспечить себе досуг, оказались не нужными в какой то степени ни семье, ни школе, ни государству.

Вышеперечисленные факторы способствуют формированию криминальной личности, для которой присущи жестокость, равнодушие к общественным проблемам, учёбе, профессии, переживаниям и страданиям других людей, лживость, неправильное восприятие социальных и правовых норм, ценностей. Данная личность, сформировавшись, готова к совершению преступления и в определённой ситуации она может и способна его совершить.

Одними из важных причин подростковой преступности является беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних.

Меры по борьбе с безнадзорностью и беспризорностью, принимаемые органами государственной власти, часто недостаточны и не способны уберечь несовершеннолетних от возвращения в прежний образ жизни. В связи с этим проблема беспризорности и безнадзорности остаётся нерешённой.

¹ Упоров И.В., Гречишкин Ю.Н. Преступность как крайняя форма девиантного поведения несовершеннолетних // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. - 2018. - С. 156.

Казакова А. С. к причинам подростковой преступности относит также насилие над несовершеннолетними. Она указывает, что «большинство лиц, совершивших насильственные преступления, подвергались в детстве унижениям и наказаниям, страдали от жестокого обращения взрослых».¹

Ивасюк О. Н. считает, что «на сегодняшний день различные формы насилия и жестокого обращения с детьми по своим масштабам и серьезности последствий представляют серьезную угрозу основам национальной безопасности нашей страны».² Т

Велика вероятность того, что несовершеннолетние, которые были подвержены насилию со стороны родителей или иных законных представителей, в дальнейшем могут перенять подобную линию поведения и начать совершать действия, направленные на причинение вреда жизни и здоровью себе, своим сверстникам, а также лицам младшего или старшего возраста.

Проблема насилия над детьми также остаётся нерешённой и требует от государства и общества принятия мер, способных защитить несовершеннолетних и создать для них такие условия, в которых им не нужно будет опасаться за свою жизнь и своё здоровье.

Употребление алкоголя подростками, как правило, носит групповой характер. Большинство пробуют спиртные напитки из любопытства, удовлетворив которое часть несовершеннолетних больше никогда алкоголь не употребляют, а для других он становится средством самоутверждения в глазах других сверстников и взрослых. Объединившись в группу, несовершеннолетние, находясь в пьяном кураже, стремятся продемонстрировать свою силу и совершают акты хулиганства, вандализма, ввязываются в драки.³

Также существуют группы несовершеннолетних, у которых употребление спиртного входит в традицию в качестве досуга. Некоторые из них пьют, чтобы испытать, так называемую, алкогольную эйфорию, другие анализируют какой именно алкоголь и каким образом следует его употреблять, чтобы получить удовольствие и наслаждение и впоследствии охотно делятся своими знаниями с друзьями. Для этой группы характерно вовлечение в своё занятие девушек, совершение актов изнасилований и организация притонов. Криминальное поведение для них является только лишь дополнением к употреблению алкоголя, так как целиком занять свой досуг спиртными напитками невозможно.⁴

¹ Там же. С. 75.

² Ивасюк О.Н. Особенности семейно-бытовых преступлений в отношении несовершеннолетних и проблемы их предупреждения // Вестник Московского университета МВД России. - 2019.- С. 124.

³ Подростковый алкоголизм и правонарушения // Studopedia.ru. URL: https://studopedia.ru/11_116300_podrostkoviyy-alkogolizm-i-pravonarusheniya.html (Дата обращения: 19.03.2020)

⁴ Саморазрушающее (аддиктивное) поведение детей и подростков // Медицина, здоровье. URL: <https://zodorov.ru/metodicheskoe-posobie-samorazrushayushee-addiktivnoe-povedenie.html?page=2> (Дата обращения: 19.03.2020)

Гоголева А. В. утверждает, что «наибольшим криминальным риском обладают группы несовершеннолетних, бравирующих употреблением алкоголя. Они стремятся показать себя сильными в глазах друзей и способными «перепить всех». Такое стремление быстро перерастает из психологической и социальной, то есть групповой, зависимости в физическую и приводит к деградации личности. В таком случае несовершеннолетние готовы пойти на всё, в том числе совершить любое преступление, чтобы добыть средства на приобретение алкогольных напитков».¹

Таким образом, становится очевидно, что употребление алкогольных напитков несовершеннолетними оказывает губительное влияние на все стороны их жизни и ведёт к разрушению психики, причиняет существенный вред здоровью и толкает на совершение преступлений. Данная проблема остаётся актуальной в нашей стране и требует постоянного внимания со стороны государственной власти и общества.

Самохвалов И.Ю. и Троицкая И.Ю. следующей стадией по вовлечению несовершеннолетних считают «совершение вовлекателем действий, которые направлены на ослабление контроля подростка над его действиями и полную утрату контроля в дальнейшем». Следующий этап – поиск объекта преступного посягательства, распределение ролей между участниками совершения преступления с внушением мысли о невозможности реального попадания в поле зрения правоохранительных органов. Важным мотивационным действием вовлекателя является обсуждение суммы вознаграждения за проделанную работу. Вовлекатель, зная о финансовом положении несовершеннолетнего, обращает его внимание на то, что, усердно выполняя порученную работу, подросток может обрести финансовую независимость и иметь в своём распоряжении денежную сумму, о которой он раньше мог только мечтать. Завершающей стадией является удержание несовершеннолетнего в преступной группе любыми доступными способами и средствами, включая использование методов насильственного воздействия.²

Помимо бродяжничества, попрошайничества, алкоголизма, наркомании и суицидального поведения связь с преступностью имеет также проституция несовершеннолетних. Ю. М. Антонян считает, что «зло проституции состоит в том, что:

- 1) Она наносит вред подрастающему поколению и общественной нравственности, расшатывая многие социальные институты;
- 2) Проституция является источником венерических заболеваний, СПИДа, смертности и самоубийств;
- 3) Значительная часть лиц, занимающихся проституцией, контактируют с преступниками, а нередко и сами совершают преступление».³

¹ Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика // Кооб.ru. URL: https://www.koob.ru/gogoleva_a/addictive_behavior (Дата обращения: 23.03.2020)

² Там же. С.251.

³ Криминологическая характеристика и профилактика проституции // isfic.info. URL: <https://isfic.info/somkrim/lebedev87.htm> (Дата обращения: 30.03.2020)

Преступность несовершеннолетних и приводящие к ней факторы требуют решительных и целенаправленных мер по их предупреждению и профилактики от органов государственной власти и общества, которые могли бы обезопасить несовершеннолетних от губительного влияния на их жизни различных форм проявления девиантного поведения.

Основными направлениями деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности среди несовершеннолетних являются: 1) своевременное выявление несовершеннолетних, которые могут совершить преступления или уже их совершили; 2) воздействие сотрудников, служб и подразделений органов внутренних дел на условия и причины, которые способствуют возникновению, развитию и распространению преступности несовершеннолетних; 3) ограничение воздействия отрицательных социальных факторов, которые связаны с детерминантами преступности несовершеннолетних; 4) непосредственное воздействие органов внутренних дел на несовершеннолетних, у которых выявлена склонность к совершению преступлений или которыми уже были совершены противоправные деяния; 5) воздействие органов внутренних дел на группы с антиобщественной направленностью, которые могут подтолкнуть несовершеннолетних к совершению преступлений; 6) осуществление контроля и надзора над несовершеннолетними, склонными к противоправному поведению, а также над их родителями или лицами их заменяющими; 7) проведение профилактических мероприятий в образовательных учреждениях, а также бесед с несовершеннолетними и их семьями; 8) проведение мероприятий, направленных на виктимологическую профилактику преступлений, посредством доведения до несовершеннолетних и других категорий граждан практических советов как не стать жертвами того или иного преступления.

Данное совершенствование должно осуществляться по следующим направлениям:

– введение ювенальной юстиции и её институтов, которые способны привести к сокращению общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними, оптимизации профилактических мер, направленных на преступность несовершеннолетних, а также к обеспечению справедливости правовых решений, принятых в отношении несовершеннолетних;

– корректировка законодательства в части применения принудительных мер воспитательного воздействия, перечень которых должен быть пересмотрен. Из числа данных мер должны быть исключены такие меры, как «предупреждение» и «передача под надзор родителей или лиц их заменяющих», и включены такие меры, как «обязательное прохождение курса социально–психологического тренинга» и «обязательное прохождение процедуры медиации»;

– переподготовка и повышение квалификации специалистов, деятельность которых связана с работой несовершеннолетними (психологи, педагоги, социальные работники и др.), а также улучшение координации их взаимодействия друг с другом в качестве субъектов профилактики.

О цифровизации общества, преступности и противодействия ей

Аннотация. Цифровизация жизни населения вызвала увеличение криминогенности информационного пространства в России. Преступниками начали использовать искусственный разум. Для защиты от такой преступности необходимы универсальные цифровые технологии и специалисты, готовые их внедрять.

Ключевые слова: цифровизация, преступность, противодействие, телекоммуникационная сеть, Интернет.

Digitalization of Society and Counteraction to Crime

Abstract. Widespread digitalization caused an increase in the criminogenity of the Russian infosphere. Criminals have started to use artificial intelligence technologies. Author researches the digital technologies and competencies needed to counteract such crimes.

Keywords: digitalization, crime, counteraction, telecommunications network, Internet.

В Стратегии национальной безопасности РФ констатируется появление новых форм противоправной деятельности, в частности, с использованием информационных, телекоммуникационных и высоких технологий, что относится к преступности в целом, и к ее видам, в частности. Общественная опасность таких деяний выше в связи с увеличением криминогенности информационного пространства глобальной сети Интернет. Её открытость и доступность стали факторами увеличения спроса на наркотики, оружие, секс-услуги через многочисленные поисковые системы.¹ Реакция законодателя на это выражена, в квалифицирующих признаках некоторых составов преступлений, в частности, в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ, которая охватывает деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Однако уголовного закона, обладающего значительным потенциалом противодействия преступности, недостаточно. Так, например, в 2018 году осуждено за преступление, предусмотренное ст. 228¹ УК РФ, 20 % от общего числа лиц, осуждённых за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (в соответствии со статистической формой 6-МВ-НОН). Речь идет о привлечении к ответственности «контактных сбытчиков», то есть тех, кто непосредственно передает запрещенные к гражданскому обороту средства или

¹ Филонов Д. Интернет стал основным каналом сбыта синтетических наркотиков. - URL: <https://ria.ru/20120207/559738738.html> (дата обращения: 29.11.2019).

вещества для их дальнейшего употребления. Однако необходимо признать, что такой метод сбыта характерен для новичков наркорынка или мелких сбытчиков¹. Сама деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков сегодня характеризуется «следующими признаками: хорошо отлаженная высокоорганизованная многоэтапная скоррумпированная, высокодоходная, специализирующаяся и нацеленная на конкретную возрастную группу «молодежь» и «подростки»². Рутинные «ручные» методы совершения преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, давно заменены на более конспиративные массовые³. Особую нишу среди них занимает использование преступниками искусственного разума. Ряд сайтов, посвященных сбыту наркотиков, оружия, привлечению несовершеннолетних к легким заработкам за продажу своего тела⁴, использование криминального жаргона, обслуживается зачастую не человеком, а машиной по специально разработанной программе, на основе компьютерного алгоритма. Последний прописывается специалистом в сфере информационных технологий на основе математических формул и расчетов. То есть сегодня «движущей» силой реализации различных продуктов на криминальном рынке являются работающие конкурентно и высокодоходно математики и программисты. Опасность использования преступниками искусственного интеллекта высокая, она обеспечивает массовость сбыта, привлечения новых потенциальных потребителей и уход от ответственности исполнителей- «компьютерных сбытчиков». По моему мнению, именно 80 % не выявленных преступников используют электронные или информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»).

Универсальные цифровые технологии применимы как правоохранителями, так и преступниками. Несмотря на расширяющуюся потребность в них, такие технологии должны применяться в правоохранительной деятельности не всеми сотрудниками. Вероятнее всего, это должен быть специализированный отдел в структуре оперативных подразделений. Для этого необходима специальная профессиональная подготовка таких специалистов в период получения образования. То есть возникла необходимость изменения образовательного стандарта, учебных планов для курсантов юридических факультетов вузов правоохранительной системы.

С точки зрения теории, а также опираясь на низкие показатели статистики пресечения преступности в России с использованием электронных или

¹ Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика: монография - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. - С. 65.

² Готчина Л.В. О связи наркобезопасности с «цифровизацией» наркопреступности и противодействия ей - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).

³ Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотиков / Гаврилов В.Г., Готчина Л.В., В. И. Диденко и др. - Белгород, 2006. - С. 18.

⁴ Готчина Л.В., Логинова Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: монография - М.: Юрлитинформ, 2015. - С. 36.

информационно-телекоммуникационных сетей, констатируем потребность в установлении связи между «цифровизацией» преступности и противодействия ей, с одной стороны, и безопасностью общества – с другой.

С.Я. Лебедев считает, что наш законодатель и, главное, правоприменитель не готов адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены.¹ Возникает вопрос «Должен ли законодатель реагировать и каким образом на появляющиеся преобладающие методы совершения преступления?» Должен! В нашем понимании преобладание конкретного метода совершения уголовно наказуемого деяния и массовость преступлений, совершенных с его использованием, и есть тот критерий, которым должен руководствоваться законодатель, чтобы оперативно реагировать на изменения «преступного поля». И, как говорится, в поле один не воин, поэтому понимая, что преступность - это живой видоизменяющийся организм, использующий все новые методы и средства, противодействие также должно стремиться успевать «оцифровываться». Одним из эффективных средств такого противодействия преступности и является учет уголовным правом ее «цифровизации», выражающийся в дополнении метода совершения преступления «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» в качестве квалифицирующего в УК РФ.

Я придерживаюсь точки зрения большинства специалистов, признающих в России наличие кризиса уголовного права. В таких условиях затруднительно и несвоевременно применение электронных программ для определения типового оптимального судебного решения для конкретного уголовного дела. Более того, в моем представлении создание универсальных моделей, методик такого рода, невозможно, утопично. Так, анализируя судебную практику за последние 5 лет на примере уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 228-234 УК РФ, сформулирую некоторые выводы:

1) при вынесении приговоров судом все виды, размеры и сроки наказаний не используются. Последние назначаются более мягкие. Предложенные в санкциях статей наказания требуют смягчения;

2) недостатки законодательного направления пенализации устранимы при принятии законодательных мер в санкциях статей в вопросах изменения верхних и нижних пределов лишения свободы, размеров штрафа и дополнения альтернативных видов наказаний.

В соответствии с ч. 1 ст. 72¹ УК РФ суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, а в соответствии с ч.1 ст. 82¹ УК РФ «... может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и прохождения медицинской реабилитации, социальной реабилитации». В

¹ Лебедев С.Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).

2015-2018 гг. в первом случае судом возлагалась обязанность на осужденных по ст. 228 УК РФ в 5 % случаев, по ст. 228¹ УК РФ такой процент вырос с 14,3 % в 2015 г. до 20 % в 2018. Во втором случае наблюдалось падение назначения судом отсрочки отбывания наказания с 1 % в 2015 г. до 0,6 % в 2018.

Каким образом компьютерная программа при ее внедрении будет определять оптимальное решение по таким вопросам, как она будет расценивать понятия «может возложить обязанность ...», «может отсрочить...», не совсем понятно. Вряд ли математическая формула сможет вывести объективный оптимальный вариант судебного решения, в принятии которого мы сомневаемся даже при вынесении решения судьей, несмотря на то, что в его основу кладутся также не учитываемые искусственным разумом личность виновного, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ). Вряд ли такие обстоятельства возможно запрограммировать в формулу и, конечно, учесть все. Поэтому, учитывая вышесказанное, в моем представлении «оцифрованные» технологии для определения типового оптимального судебного решения, применяемого по конкретному уголовному делу, несвоевременны. Они не обеспечат вынесения справедливых и объективных судебных решений. Это прерогатива судьи и присяжных заседателей.

Не отрицая ценность техники и математических моделирований, последние не всегда могут заменить человека, только потому, что социально-правовые системы и процессы носят нелинейный характер.

Рассуждая о перспективе привлечения к уголовной ответственности лиц, «оцифровывающих» преступность, видится перспективным высказанное мнение доктора юридических наук, профессора С.Ф. Милюкова на одной из конференций в Санкт-Петербурге в ноябре 2019 г. о эффективности наказания в виде изоляции от средства, с помощью которого виновный и оцифровывает что-либо, и зарабатывает деньги на продукте такой оцифровки. По прототипу идеи, что «с экономическими преступниками надо бороться экономическими методами», видится нам эффективной потребностью в разработке нового вида наказаний, предусматривающих информационную изоляцию. Кроме того, поскольку такие преступники являются высококлассными специалистами в сфере программирования и могут быть более полезны по другую сторону баррикад, в частности, в «цифровизации» противодействия преступности, необходима и статья в УК РФ, предусматривающая основания и правила освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере компьютерной деятельности. Подобный проект реализован в ст. 76¹ УК РФ в отношении экономических преступников.

Следующим эффективным направлением «цифровизации» противодействия преступности является использование современных технических ресурсов при выявлении стадии приготовления к совершению преступления. Потребность в этом обусловлена, в первую очередь, тем, что зачастую серверы, через которые осуществляется поиск клиентов – покупателей секс-услуг,

наркотиков, оружия, находятся за границей, однако техническое отслеживание такой переписки позволяет выявить места и время сбыта, увеличить процент пресечения таких преступлений. Для обеспечения эффективности такого направления в правоохранительной деятельности согласны с С.Я. Лебедевым, что требуется «целенаправленное и масштабное объединение профессиональных научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов»,¹ возможно, в рамках получения одного образования, например, для подготовки сотрудника правоохранительных органов. Умение разрабатывать специальные программы, контролировать их и при необходимости корректировать первоначально важно сегодня при использовании искусственного разума с целью выявления распространителей наркотиков. Такие технологии успешно применяются за рубежом наряду с внедряемыми элементами криминогенного западного законодательства². В частности, программы позволяют провести замены обращений с реальных сайтов распространителей наркотиков на фальш-сайты, по факту реализующие незапрещенные вещества, то есть искусственный интеллект выполняет функцию замены реального интернет-пространства наркотиков на профилактический сайт. Его эффект в том, что во-первых, падает спрос на такие сайты «бесконтактного сбыта», во-вторых, выявляются места и время вероятного сбыта, пополняются профилактические учеты преступников, увеличивается процент пресечения таких преступлений.

Однако для реализации такого проекта в России нужно правовое сопровождение, должны быть разработаны нормативные акты, обеспечивающие законность такого профилактического ресурса, и подготовка кадров, обеспечивающих его функционирование. К разработке правовое сопровождения нужно подойти с особой осторожностью и грамотностью, так, чтобы в процедуре «сайтозамены», которая, конечно, должна быть прерогативой правоохранительных органов, не усматривались признаки мошенничества и провоцирующего поведения, склоняющего к сбыту, квалифицируемого как провокация, со стороны лиц, наделяющих компьютерные программы правом такой замены.

Предложенная и хорошо апробированная западная технология при внедрении в России может дать высокий профилактический эффект при грамотной организации, качественном правовом и ресурсном обеспечении. Представляя собой направление «цифровизации» противодействия преступности, она сегодня первоначально востребуема.

¹ Лебедев С.Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).

² Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них //Lex russica (Русский закон). - 2014. - Т. 96. - № 5. - С. 595.

Список литературы

1. Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотиков / Гаврилов В.Г., Готчина Л.В., В. И. Диденко и др. Белгород, 2006. .
2. *Готчина Л.В.* Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика: монография / СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013.
3. *Готчина Л.В.* О связи наркобезопасности с «цифровизацией» наркопреступности и противодействия ей URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).
4. *Готчина Л.В.* Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них // Lex russica (Русский закон). - 2014. - Т. 96. - № 5. - С. 594-606.
5. *Готчина Л.В.,* Логинова Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: монография, М.: Юрлитинформ, 2015.
6. *Лебедев С.Я.* Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-sessions/372-2019-11-13-11-25-36.html> (дата обращения: 29.11.2019).
7. *Филонов Д.* Интернет стал основным каналом сбыта синтетических наркотиков. - URL: <https://ria.ru/20120207/559738738.html> (дата обращения: 29.11.2019).

Зубалова О.А.

Особенности современной типологии экстремизма

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей современной типологии экстремизма. В ходе исследования раскрывается содержание различных научных подходов к определению критериев типологии экстремизма, однако, отмечает автор, по данному вопросу в научном мире до сих пор идут споры и предлагаются различные его типологии. Автор приходит к выводу, что, несмотря, на многообразие экстремизма в своих проявлениях следует выделять националистический, религиозный, политический, молодежный и социально-бытовой экстремизм, все остальные виды экстремизма (экономический, расовый и др.) являются производными от выше названных.

Ключевые слова: экстремизм, националистический экстремизм, религиозный экстремизм, политический экстремизм, молодежный экстремизм, социально-бытовой экстремизм, национализм, шовинизм, ксенофобия, фашизм.

Modern typology of extremism

Abstract: The article is dedicated to the analysis of modern typologies of extremism. The study reveals the content of various scientific approaches to the definition of criteria for the typology of extremism. However, the scientific world is still debating this issue and offers different typologies. The author concludes that, despite the diversity of extremism in its manifestations, it is necessary to distinguish between nationalist, religious, political, youth and social extremism, and all other types of extremism (economic, racial, etc.) are derived from the above.

Keywords: extremism, nationalist extremism, religious extremism, political extremism, youth extremism, social extremism, nationalism, chauvinism, xenophobia, fascism.

Особенности современного экстремизма и способы его распространения заставляют нас еще раз вернуться к этой проблеме и признать эту тему актуальной для предупредительной деятельности. С развитием цифровых технологий экстремистская деятельность стала безнаказанно развиваться в виртуальном пространстве, а «интерактивный характер интернет платформ помогает создать чувство общности между людьми, живущими в разных географических регионах и имеющими различное происхождение, способствуя созданию сетей для обмена материалами учебного и тактического характера»¹. Развитие блокчейн системы и распространение криптовалюты способствовало расширению возможностей финансирования экстремизма². При этом, при прямой просьбе о пожертвовании сбор средств и ресурсов объявляется на интернет платформах, в чат группах, вебсайтах или через массовые рассылки. Возможно осуществление финансирования через благотворительные организации и с использованием платежных инструментов.

В последние годы экстремистские организации полностью перешли в интернет пространство, что способствовало увеличению количества своих сторонников. Именно в этой среде массово распространяются учебные пособия, литература, методического характера об осуществлении экстремистской, а порой и террористической деятельности, содержащая подробные инструкции об осуществлении названной деятельности.

Однако, следует отметить, что направленность такой деятельности зависит от вида экстремизма, а поскольку он многообразен в своих проявлениях, на законодательном уровне и в уголовно-правовой науке приняты попытки его классификации.

¹ Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. – М., 2019.

² Пинкевич Т.В. Некоторые проблемы создания механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием виртуальной валюты и инвестиционных платформ//Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции: под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – 2019. – С. 286.

Так, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года в качестве наиболее опасных видов экстремизма, названы «националистический, религиозный и политический»¹.

На доктринальном уровне исследованию видов экстремизма уделяется особое внимание, и предлагаются различные его типологии. Широкое распространение в уголовно-правовой науке получила типология, положившая в основу ее деления мотивы, включенные в понятие преступлений экстремистской направленности и законодательно закрепленные в примечании к ст. 282.1 УК РФ (политические, идеологические, расовые, мотив национальной или религиозной ненависти или вражды).

На теоретическом уровне нет единого подхода к определению видов экстремизма, критериев его классификации. Так, например, Е.П. Сергун, все проявления экстремизма предлагает систематизировать как «правый и левый экстремизм»², а Д.Е. Некрасов рассматривает его как расово-этнический экстремизм³. Интересным представляется подход А.В. Серикова, который предлагает сразу несколько классификаций экстремизма, в основу деления, которых положены различные по своему содержанию основания. Так, например, в зависимости от характера влияния на межгосударственную сферу и гражданства экстремистов, он выделяет внутренний и международный экстремизм. В зависимости же от методов воздействия экстремистов, он указывает на «экстремизм с применением физического или психического насилия, и на экстремизм, сопряженный с уничтожением имущества»⁴.

Заслуживает внимания типология экстремизма, предложенная Р.А. Амироковой, которая, в зависимости от сферы социальной жизни, выделяет экстремизм экономический, культурный, этнический и религиозный⁵.

Несмотря на наличие различных по своему характеру типологий, предлагаем остановиться на рассмотрении содержания видов экстремизма, закрепленных на законодательном уровне, а именно националистический, религиозный и политический.

Определяющим, для рассмотрения сущности националистического экстремизма, является анализ дефиниции «нация», а поскольку в переводе с латинского *nascere*—рождаться, следовательно, нация обозначает происхождение

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утв. Президентом РФ, 28.11.2014 г. ПР-2753: URL:http://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_194160/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/: (дата обращения: 16.04.2019).

² Сергун Е.П. О криминологическом понимании правого и левого экстремизма // Российский криминологический взгляд. - 2012. - № 3.

³ Некрасов Д.Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2006.

⁴ Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на при-мере Ростовской области): дис. ... канд. соц. наук. - Ростов н/Д, 2005.

⁵ Амирокова Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России: дис. ... канд. пол. наук. - Черкесск. 2006.- С. 39.

ние, принадлежность к той или иной общности. Раскрывая понятие «национализм» П.И. Ковалевский предлагает включать в его понятие такие признаки как «уважение, любовь, преданность до самопожертвования, желание благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в будущем – той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит»¹.

Однако с годами меняется мировоззрение на понятие «национализм». И уже в справочной литературе его трактуют в одном случае «как идеологию и политику в национальном вопросе, определяющую нацию как высшую ценность и форму общности», в другом, как идеологию и политику, ставящую «свою господствующую нацию в привилегированное положение и направленную на создание вражды между другими нациями»². Видимо по этой причине национализм связывают с ненавистью к другим нациям, пропагандой национальной исключительности. Нередко и средства массовой информации говорят о национализме как о явлении, представляющем опасность для общества, для отдельных социальных групп по признаку национальной принадлежности, что вызывает негативные эмоции у значительной части населения.

Но, как видим «этимологическое толкование национализма, не включает в себя идеологию национального превосходства, с которой сегодня связывают национализм, не пропагандирует культ и насилие к лицам другой национальности... Национализм проповедует не вражду и ненависть к представителям иных наций и народов, а скорее, политическую и социальную независимость и деятельность на благо собственного народа»³.

Иное смысловое содержание имеют понятия «ксенофобия» и «шовинизм» как крайние радикальные формы экстремизма. Так, ксенофобия является достаточно распространенным социальным явлением, которое является одной из предпосылок экстремистской идеологии. Ожегов С.И. в Толковом словаре русского языка определяет его как «ненависть, нетерпимость к чему-нибудь чужому, незнакомому, иностранному»[10]. Другие авторы, раскрывая особенности ксенофобии, раскрывают ее черты через эмоциональное негативное отношение субъектов (прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) к отдельным общностям людей и их «представителям – «чужакам», «иным», «не нашим»⁴.

Анализ справочной и научной литературы позволил охарактеризовать ксенофобию как форму национализма, характеризующуюся присущим ей чувством страха, и как следствие, нетерпимости и ненависти к лицам иной национальности.

В тоже время, воззрения ксенофобов не являются противоправными до

¹ Ковалевский П.И. Психология Русской нации. - СПб., 1914.

² Большой толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004. – С. 487.

³ Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества. дис... канд. юрид. наук - Н. Новгород. 2013. – С. 26.

⁴ Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. -М., 2005.

тех пор, пока они не начинают действовать: публично пропагандировать свои взгляды, распространять их, вовлекать в свои ряды сторонников, причинять физическое насилие их противникам или просто лицам, которые не поддерживают их взгляды. В данном случае речь идет о так называемой криминальной ксенофобии, общественная опасность которой достаточно высока.

Криминальная (крайняя) ксенофобия характеризуется совершением противоправных действий, участием в вооруженных конфликтах, участием в актах геноцида по отношению к другим национальностям и т.д.

Близким по своему содержанию к ксенофобии является понятие «шовинизм», для которого характерны наиболее агрессивные методы, используемые для доказательства превосходства своей нации над другими и для разжигания конфликтов национальных интересов. Иногда, целью крайних националистов является создание независимого государственного образования, в котором, они рассчитывают на единоличную политическую власть.

Особым и наиболее опасным, на наш взгляд, является религиозный экстремизм. Особенность его заключается в том, что он характеризуется распространением отрицания традиционных взглядов на истоки религии, к верующим других религиозных конфессий и лицам иной национальности относятся неуважительно, а порой и агрессивно, стремятся показать свое превосходство и порой открыто призывают к насильственному захвату власти, нарушению территориальной целостности. Их деятельность направлена на «разжигание националистических и сепаратистских настроений среди верующих, насильственные посягательства на жизнь, здоровье и конституционные права священнослужителей и верующих других религий»¹.

Для религиозного экстремизма характерно не только наличие религиозной идеологии, основанной на нетерпимости к лицам, исповедующим иную религию и отрицание инакомыслия, но и применение к таким лицам «идеологически обоснованного» насилия.

Как и крайние националисты, сторонники религиозных экстремистских течений для того, чтобы их религия стала господствующей, нередко направляют все усилия на создание государственных или административных образований.

Признаки религиозного экстремизма нередко находят свои проявления в религиях: исламе, индуизме, буддизме.

В зависимости от источников возникновения, в науке выделяют следующие формы религиозного экстремизма: «антиконфессиональный; консервативный; межгосударственный; антигосударственный; государственный; сектантский»².

От религиозного экстремизма необходимо отличать так называемый псевдо-религиозный экстремизм. Широкое распространение в нашей стране

¹ Зубалова О.А. Указ. работа. – С. 26.

² Поминов С.Н. Организация деятельности органов в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма. дис... канд. юрид. наук - М., 2006. - С. 87.

получили псевдо-религиозные организации, которые в целях достижения корыстных целей, используют искаженное или ложное религиозное учение. Опасность таких формирований обусловлена тем, что они не только препятствуют исполнению, предусмотренных законодательством прав гражданина, но и создают реальную угрозу для жизни и здоровья личности.

Политический экстремизм характеризуется многообразием форм его проявлений, его распространение - это результат объективных и субъективных противоречий экономического, социального и политического характера в государстве. В основе любой экстремистской политической идеологии лежит идея борьбы за власть, как правило, противоправными методами. Нередко это насильственные действия со стороны лиц не согласных с проводимой политикой в государстве, направленные на изменение политического строя в государстве. Для политических экстремистов характерно нетерпимое отношение и отсутствие компромиссов к сторонникам иных политических взглядов, «использование насилия, противоречащего моральным и правовым установкам общества, для достижения политических целей»¹. Одной из особенностей рассматриваемого вида экстремизма является его способность придавать политическую направленность экстремистским проявлениям религиозного, националистического, идеологического характера. Некоторые авторы рассматривают такой вид экстремизма как религиозно-политический, понимая его как идеологию насилия и практику «воздействия на органы государственной и муниципальной власти, международные организации, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий»².

Крайней формой политического экстремизма является фашизм, который на доктринальном уровне рассматривают как идеологию, исповедующую «тотальный приоритет государства над обществом и личностью и возводящую войну в ранг необходимого условия существования общества и государства»³.

Другими словами, фашизм провозглашает «абсолютный культ государства над обществом в целом, и в отдельности над индивидом»⁴, и признает войну в качестве необходимого условия существования общества и государства.

Еще одной разновидностью экстремизма выступает социально-бытовой экстремизм, который на первый взгляд, ошибочно может показаться менее опасным, чем все остальные виды. Социально-бытовой экстремизм проявляется в повседневной жизни в структуре социально-групповых и меж-

¹ Зубалова О.А. Там же. – С. 26.

² Магомедова Р.И. Курс лекций «Противодействие религиозно-политическому экстремизму»: Учебное пособие для студентов вузов неисторических направлений. – Махачкала: ДГИНХ, 2011.

³ Ковалев В. Что же такое «фашизм». От этимологии – к законодательному определению// Российская юстиция. - 2002. - № 10. - С.54.

⁴ Зубалова О.А. Указ. соч. – С. 26.

личностных отношений. Это, например, проявление жестокости, агрессии, нетерпимости, максимализма, применение физического насилия. Данный вид экстремизма, безусловно, безнравственен и опасен, но не всегда, находится в рамках правового поля, вместе с тем, его распространение «не менее опасно, чем деятельность экстремистских группировок»¹.

Сложно согласиться с мнением авторов, которые данный вид экстремизма относят только к молодежному экстремизму и утверждают, что «бытовой экстремизм – это ориентация молодежного сознания на риск в повседневной жизни, например, наличие установки на групповые конфликты и драки, а заведомо агрессивное поведение как способ самоутверждения в группе равных»².

Одной из самых острых и наиболее обсуждаемых проблем в научной литературе является распространение экстремизма в молодежной среде. Молодежный экстремизм это явление массового характера, распространение которого свидетельствует о существовании значительных пробелов в государственной политике по направлению воспитательной работы с несовершеннолетними.

Так как молодежь, это самая уязвимая социальная группа, усилия лидеров экстремистских формирований направлены на привлечение ее к преступной деятельности. Зачастую вербовка молодежи в такие преступные формирования носит благовидный характер. Так, например, «Русское национальное единство» нередко проводит агитацию молодежи в свои ряды предлагая им бесплатные занятия в спортивных клубах. В то же время, помимо привлечения к занятием спортом молодые люди получают «мощную идеологическую обработку в духе крайнего национализма»³.

Таким образом, учитывая современные изменения, происходящие в обществе, развитие цифровых технологий и их влияние на изменения криминального мира, многообразие экстремизма в своих проявлениях следует выделять националистический, религиозный, политический, молодежный экстремизм и социально-бытовой. Все остальные виды экстремизма (экономический, расовый и др.) являются производными от выше названных.

Список литературы

1. *Амирокова Р.А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: дис. ... канд. пол. наук. - Черкесск. 2006

¹ Терроризм, национализм, экстремизм - это оружие слабых :<http://yurpsy.com/files/fakt/165.html>(дата обращения: 13.01.2017г.).

² Молодежный экстремизм: норма или патология?<http://youngspace.ru/faq/molodezhnyj-ekstremizm-norma-ili-patalogiya/>; Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления /Ю.А. Зубок В.И. Чупров - М.: АCADEMIA, 2009.

³ Экстремизм. Обзор судебной практики за последние годы. <https://rospravosudie.com/society/extremizm> (дата обращения 18.06.2017 г.)

2. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004.
3. Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис... канд. юрид. наук - Н. Новгород. 2013.
4. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления - М.: АСАДЕМІА, 2009.
5. Ковалев В. Что же такое «фашизм». От этимологии – к законодательному определению// Российская юстиция. - 2002. - №10. - С.52-54.
6. Ковалевский П.И. Психология Русской нации. - СПб., 1914.
7. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.
8. Магомедова Р.И. Курс лекций «Противодействие религиозно-политическому экстремизму»: Учебное пособие для студентов вузов неисторических направлений. – Махачкала: ДГИНХ, 2011.
9. Молодежный экстремизм: норма или патология? – URL: <http://youngspace.ru/faq/molodezhnyj-ekstremizm-norma-ili-patalogiya/> (дата обращения – 15.06.2020)
10. Некрасов Д. Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2006.
11. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. – М., 2019.
12. Пинкевич Т.В. Некоторые проблемы создания механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием виртуальной валюты и инвестиционных платформ//Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции: под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – 2019. – С. 285.
13. Поминов С.Н. Организация деятельности органов в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма. дис... канд. юрид. наук: М., 2006.
14. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на при-мере Ростовской области): дис. ... канд. соц. наук. - Ростов н/Д, 2005.

Спорт и криминологическая профилактика¹

Аннотация. В статье дается понятие криминологической профилактики, показываются ее возможности в сфере спорта. Утверждается, что капиталистическая модель современного российского спорта криминогенна по своей природе. Предлагаются меры по коррекции спортивной криминологической политики.

Ключевые слова: спорт, криминологическая профилактика, коммерциализация спорта, советский спорт.

Sports and criminological prevention

Abstract. The article gives the concept of criminological prevention, shows its possibilities in the field of sports. The paper argues that the capitalist model of modern Russian sports is inherently criminogenic.

Key words: sport, criminological prevention, sport commercialization, Soviet sport.

1. Криминологическая профилактика представляет собой профилактику правонарушений, которая является частью системы противодействия преступности. Проведенный комплексный анализ базовых законодательных актов, а именно федеральных законов Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»², от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³, от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁴ и ряда других нормативно-правовых актов, посвященных вопросам противодействия разного рода противоправным деяниям, показал, что в содержание противодействия преступности входит их а) предупреждение, включая профилактику; б) борьба; в) ликвидация и минимизация преступных последствий. В частности, под противодействием терроризму понимается деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

² Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма¹. По нашему мнению, к борьбе с правонарушениями следует отнести ее организацию, а также деятельность связанную с назначением и исполнением административного и уголовного наказания.

Федеральный закон «О системе профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет ее как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения². С научной точки зрения это определение утопично, поскольку ставит невыполнимые задачи, поскольку многие причины и условия правонарушений не могут быть устранены, во-первых, а недопущение антиобщественного поведения (то есть, по трактовке Федерального закона, не влекущих за собой административную или уголовную ответственность действий физического лица, нарушающих общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц) принципиально невозможно, во-вторых. Кроме того, выявление причин и условий предполагает их разграничение и дифференциацию, что требует основательной философской подготовки, которой практические работники в сфере профилактической деятельности не обладают. Поэтому предлагается такое определение криминологической профилактики - это *выявление объективных и субъективных детерминант правонарушений и оказание социально позитивного воздействия на них путем реализации мер правового, организационного, образовательного, воспитательного, информационного и иного характера.*

Следует выделить криминологическую профилактику: а) в сфере спорта и б) посредством спорта.

2. Криминологическая профилактика в сфере спорта является актуальным направлением. Об этом в определенной степени можно по ответам на вопрос об эффективности борьбы с преступностью в спорте. Эффективной ее признали 22,9% респондентов, а неэффективной – 43,8% (остальные - уклонились от ответа). На вопрос «Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени оказывает негативное влияние на борьбу с преступными проявлениями в области спорта?» были получены такие ответы (в %):

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851.

отсутствие правовой культуры – 41,7;
несовершенство законодательства – 37,5;
неэффективность работы правоохранительных органов – 20,8%.

В этих ответах верно только одно – констатация факта, что причинами правонарушений являются их субъективные детерминанты. Как замечает М.П. Клейменов «Причинные комплексы детерминант преступности имеют социально-психологическую природу. Непосредственные, ближайшие причины преступности коренятся в психологии масс. Не безработица и нищета выступают причинами преступности, а психологическое отношение к этим явлениям»¹. Это в полной мере верно и по отношению к любым правонарушениям (не только уголовным).

В ряду субъективных детерминант правонарушений в сфере спорта на первом месте находится не отсутствие правовой культуры, а стремление к обогащению. Превращение спорта в бизнес закономерно изменило его парадигму. Советская (социалистическая) модель, в которой главным было служение Родине, была заменена капиталистической моделью, нацеленной на получении прибыли. Это привлекло в сферу спорта дельцов, далеких от высоких идеалов, зато в совершенстве знающих и владеющих схемами максимизации доходов и минимизации издержек, в том числе за счет спортсменов. На вопрос «Какова, на Ваш взгляд, степень распространенности коррупции в спорте?»: ответы распределились следующим образом (в %):

- высокая – 33,3;
- средняя – 35,4;
- низкая – 8,3;
- затрудняюсь ответить – 22,9.

Коррупционные риски зависят от многих обстоятельств, но в первую очередь от должности, связанной с принятием решений. В Министерстве спорта осознают такую зависимость и в этой связи разработали Перечень коррупционно-опасных функций, в частности, осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд; участие в подготовке и оформлении документов на выплату стипендий Президента Российской Федерации, денежного вознаграждения спортсменам, тренерам и специалистам спортивных сборных команд Российской Федерации по итогам выступления на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы по соответствующим видам спорта, подготовка материалов для признания в Российской Федерации видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и др.²

¹ Клейменов М.П. Криминология: учебник. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Норма, 2018. С. 59.

² Перечень коррупционно-опасных функций (утв. протоколом заседания комиссии Минспорта России по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством спорта Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов от 28.12.2017 № 2). Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

Существенной субъективной детерминантой правонарушений в сфере спорта является безответственность должностных лиц, принимающих решения, влияющие на судьбу спортсменов, исход состязаний, получение преференций и пр. Не случайно на вопрос «Какими, по Вашему мнению, способами можно оказать противоправное влияние на спортивное соревнование?» большинство опрошенных (70%) указали на злоупотребление влиянием со стороны должностных лиц.

Следствием безответственности закономерно становится вседозволенность. И в этой связи следует указать на два объективных фактора, способствующих такому процессу. Первый – неприменение специальных норм уголовного закона, нацеленных на борьбу со злоупотреблениями в сфере спорта: статьи 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», статьи 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», статьи 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Второй фактор – правовая неурегулированность общественных отношений в сфере спорта, обусловленная отсутствием баланса между государственными интересами и автономией спортивных организаций. В результате возникает множество схем в виде: третейских привязок; произвольной «отмены» принципа презумпции невиновности по делам о совершении антидопинговых нарушений; закрепления аморфных и невнятных критериев отбора в сборные команды на участие в спортивных соревнованиях; введения ограничений права на участие в спортивных соревнованиях; злоупотребления спортивными организациями своим доминирующим положением; использования двойных стандартов при применении спортивных санкций, когда одни спортсмены, принимавшие допинг, нещадно наказываются, а другие при прочих равных условиях имеют возможность продолжать свое противоправное поведение¹.

В плане общей профилактики преступлений в сфере спорта указанные объективные детерминанты требуется устранить или, по крайней мере, попытаться это сделать. С одной стороны, это потребует передачи статьи 184 УК РФ в подследственность органов федеральной службы безопасности, поскольку органы внутренних дел с задачей борьбы с коррупцией в сфере спорта явно не справляются и в настоящих условиях справиться не в состоянии. С другой стороны, представляется, что криминализация деяний, связанных с использованием в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, представляется поспешной. С нашей точки зрения, здесь достаточно применения мер административной ответ-

¹ Юрлов С.А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // Lex russica.- 2018. - № 10. - С. 85 - 97.

ственности. С уверенностью можно прогнозировать, что статьи 230.1 и 230.2 уголовного закона применяться не будут.

В определенной степени наше мнение соотносится с результатами опроса юристов, которые на вопрос «Какими нормами, на Ваш взгляд, следует регулировать деяния, связанные с использованием допинга лично спортсменом» ответили:

административно-правовыми мерами – 41,5%;

уголовно-правовыми нормами – 36,6%;

никакими, поскольку это личное дело спортсмена – 19,5%.

Между двумя радикальными взглядами – а) применением уголовно-правовых мер и б) принципиальным не реагированием на применение допинга реализация мер административного воздействия выглядит предпочтительной.

3. Криминологическая профилактика посредством спорта имеет убедительную историю советского периода, когда спортивные секции и мероприятия широко использовались в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи. При этом следует вспомнить, что существовала широкая сеть спортивных секций, а занятия в них были бесплатными. Этот опыт во многом утерян в современной России, а в зарубежных странах этому направлению криминологической профилактики уделяется немало внимания¹. Полагаем, что в обозримом будущем к такому опыту придется вернуться.

Климова Ю.Н.

Криминологический аспект понятия «злоупотребление правом в избирательном процессе»

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о злоупотреблении правом в избирательном процессе. Исследуются определения рассматриваемого термина, его признаки, соотношение с иными терминами, в том числе, «административный ресурс», «злоупотребление должностными или служебными полномочиями». Автор формулирует состав правонарушения и предложения по изменению законодательства, проблемы уголовно-правовой охраны избирательных правоотношений, приводит опыт зарубежных стран в целях совершенствования действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: злоупотребление, избирательные права, «административный ресурс», «должностные полномочия», избиратели, кандидаты, уголовная ответственность, фальсификация избирательных документов, воспрепятствование избирательным правам, бюллетень.

¹ Sport Policy in Canada. University of Ottawa Press, 2013. 435 p.; Sports law and policy in the European Union. Manchester University Press, 2003. 288 p.

Abuse of the Right to Vote: Criminological Aspect of the Crime

Abstract. The author researched the issue of electoral rights' abuse, examined the definitions of the term in question, its features, the relationship with other terms, including lobbyism and abuse of authority. Using the experience of other states, the author offers the definition of the crime elements and proposes to amend the law to protect the electoral process.

Keywords: abuse, suffrage, lobbying, voters, candidates, criminal liability, falsification of electoral documents, obstruction of suffrage, ballot..

В отечественной научной литературе применяются различные термины, включающие слово «злоупотребление» применительно к сфере избирательных правоотношений: «злоупотребления избирательными правами»¹, «злоупотребления субъективными избирательными правами», «злоупотребление правом в сфере избирательных правоотношений», «коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе», «злоупотребление «административным ресурсом» в ходе избирательных кампаний». Интерес с рассматриваемых позиций представляет также изучение содержания терминов «злоупотребление должностным, служебным положением в избирательных правоотношениях», «использование преимуществ должностного или служебного положения в российском избирательном законодательстве».

Следует отметить, что существуют разные подходы к построению дефиниции «злоупотребление правом в избирательном процессе», научный спор возникает по поводу разных признаков рассматриваемого термина.

1. *По признаку правомерности/неправомерности.* Так, Д.В. Орлов классифицирует злоупотребления избирательным правом на правомерные и противоправные злоупотребления. М.Ю. Куликов положение о том, что злоупотребление избирательными правами может быть и правомерным, и противоправным, считает неверным.²

2. *По содержанию термина «избирательные права»* (активное, пассивное право / иные («вспомогательные») избирательные права). Например,

¹ Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения // Сибирский юридический вестник. - 2014. - №2. - С.21; Советников И. Злоупотребление пассивным избирательным правом // Сравнительное конституционное обозрение. - 2005. - № 2. - С. 139; Акчурин А.Р. О способах противодействия злоупотреблению правом в избирательном процессе // Избирательное право. - 2015. - №3 (31); Куликов М.Ю. Теоретические аспекты квалификации поведения участников выборов как злоупотребления субъективными избирательными правами // Избирательное право - 2014. - №3 (27). – С. 15; Овчинникова Л.А. Злоупотребление правом в сфере избирательных правоотношений // Таврический научный обозреватель. - 2017. - №2 (19). - С. 175; Акунченко Е. А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе // Мониторинг правоприменения. - 2017. - №1 (22). – С.34. Булгак О. В., Лычагин А. И. Злоупотребление административным ресурсом в ходе избирательных кампаний как угроза основным ценностям демократической системы России // Власть. - 2011. - №2. – С. 115.

² Указ. Соч. - С.23.

по мнению Д. В. Орлова, «под субъективным избирательным правом следует понимать не только различные права, свободы, но и властные и должностные полномочия». М. Ю. Куликов считает, что злоупотребления полномочиями необходимо рассматривать отдельно.

3. *По критерию субъектов злоупотребления* (избиратели, кандидаты, должностные лица, члены избирательных комиссий и др.). М.Ю. Куликов считает неправильным отнесение к числу субъектов злоупотребления избирательными правами избирательных комиссий, их членов и должностных лиц органов государственной власти, т.к. «все эти лица обладают не правами, а полномочиями, и их деятельность и ответственность регламентированы, и за злоупотребления, совершенные ими, установлена юридическая ответственность».

4. *По признаку формы вины*. Так, Д.В. Орлов считает, что деяние может быть совершено как с умыслом, так и по неосторожности, а, скажем, И. Советников, А. А. Макарецев говорят об умышленности деяния.¹

Кроме того, конституциональные признаки определения во многом зависят от того, с позиций какой отрасли права исследуется рассматриваемое правовое явление. Скажем, М.С. Матейкович полагает, что злоупотребление избирательными правами проявляется *в превышении уполномоченным субъектом избирательного процесса меры возможного поведения*. Д. В. Орлов, считает, что «злоупотребление избирательным правом – конституционное правонарушение..., суть которого состоит в... осуществлении участниками выборов своих субъективных избирательных прав в противоречии с их назначением...». При этом обратим внимание, что такое деяние характеризуется признаком «противоречие назначению избирательного права», что, на наш взгляд, не всегда предполагает нанесение вреда иным участникам избирательных правоотношений. И. Советников определяет злоупотребления избирательными правами как «умышленные действия... по реализации субъективных прав..., направленные на причинение вреда избирательным правам граждан». В этом определении в качестве признака злоупотребления избирательным правом указывается «направленность на причинение вреда избирательным правам граждан» (один из признаков такого вида злоупотребления права, как шикана).

Если обратиться к цивилистическим исследованиям состава злоупотребления правом, то важным с точки зрения настоящего исследования является следующее суждение «если шиканой признаются действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, то наличие другой цели в поведении лица, а также действия без намерения (неосторожные) представляют собой «другие формы» злоупотребления правом.² В

¹ Макарецев А.А. Институционально правовая эффективность норм российского избирательного права: от цели к результату : монография - Новосибирск, 2011. - С. 99–100.

² Губарь А.С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом -// Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. №4. URL:

соответствующей научной литературе выделяются формы злоупотребления правом¹. Применительно к сфере злоупотребления избирательными правами наиболее актуальны такие формы злоупотреблений, как совершение действий исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также применение недозволенных средств реализации права и защиты права, которое предполагает необоснованные преимущества перед другими субъектами правоотношений. Причем, если такие преимущества используются лицами в силу своего особого статуса, то такие злоупотребления часто обозначаются термином «административный ресурс», противодействие которому весьма проблематично. Еще более редки случаи квалификации злоупотреблений в избирательном процессе в качестве злоупотреблений должностным или служебным положением.

Следует продумать формулировки норм о пределах осуществления избирательных прав по аналогии со статьей 10 ГК РФ. Например, дополнения в статью 3 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» могли бы выглядеть следующим образом: «не допускаются осуществление избирательных прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление избирательных и гражданских прав избирателей, кандидатов, избирательных объединений, иных участников выборов в целях достижения определенного результата на выборах (*злоупотребление правом*)».

Кандидаты чаще всего используют следующие избирательные технологии, которые можно квалифицировать в качестве злоупотребления правом: выдвижение кандидатов «двойников», выдвижение кандидатов «паровозов», выдвижение кандидатов, которые затем снимают свою кандидатуру (в целях или «передачи» поддержки своего электората в пользу конкретного кандидата, или признания выборов недействительными и др.), направление массовых обращений в избирательные комиссии в целях дестабилизации их работы и дискредитации деятельности. Со стороны избирателей, как было отмечено, самым распространенным является злоупотребление правом голосовать при наличии подкупа со стороны кандидата и его избирательного штаба в разных формах.

Как правило, то или иное злоупотребление избирательным правом связано с наличием пробелов в правовом регулировании избирательных процедур и имеет отношение к проблеме применения «административного ресурса» и «грязных» избирательных технологий. Именно применение избирательных технологий ставит перед собой цель обхода закона с противоправной целью.

<https://cyberleninka.ru/article/n/shikana-kak-osobaya-forma-zloupotrebleniya-grazh.anskim-pravom> (дата обращения: 15.05.2020).

¹ Ряполова О.А. К вопросу об определении, свойствах и формах злоупотребления субъективным гражданским правом // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право.- 2014. - №2. - С. 84.

Поскольку указанные термины активно применяются в сфере политологии нам важно определить юридически значимые признаки. Приведем определение криминолога И.А. Дамм. «Административный ресурс» понимается ей как «использование лицами или кандидатами, замещающими государственные или выборные муниципальные должности, находящимися на государственной (гражданской, военной, правоохранительной) или муниципальной службе либо являющимися членами органов управления организаций независимо от формы собственности, преимуществ своего должностного или служебного положения в интересах определенных участников избирательного процесса (личных интересах) с целью достижения определенного результата на выборах, референдуме»¹.

Если рассматривать использование «административного ресурса» как правонарушение, то в рамках избирательного процесса оно имеет такие характерные признаки: - противоправное использование преимуществ своего должностного или служебного положения, нарушающее принцип равенства кандидатов на выборную должность; - специальный субъект – «должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ», а также члены избирательных комиссий; - связь деяния с должностным или служебным положением субъекта; - наличие у субъекта корыстной заинтересованности (в случае получения материальной выгоды за применение ресурса) или (чаще) личной заинтересованности (использование нормативно закрепленных средств, возможностей с целью достижения определенного результата на выборах как самими субъектами пассивного избирательного права, так и третьими лицами).

С учетом сказанного под *административным ресурсом в рамках избирательных кампаний* следует понимать нормативно закрепленные средства, возможности (материального и нематериального характера), вытекающие из использования должностного или служебного положения лица, но применяемые при решении задач, непредусмотренных законом, в интересах определенных участников избирательного процесса с целью достижения определенного результата на выборах. Определение «административного ресурса» также могло бы найти свое отражение в ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях...». *Под использованием «административного ресурса» в избирательном процессе* мы понимаем нарушающее принцип равенства кандидатов на выборную должность противоправное использование преимуществ своего должностного или служебного положения должностными лицами, указанными в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также лицами, выполняющие управленче-

¹ Дамм И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие: дис. ... канд. юрид. наук - Красноярск, 2006 - С. 71.

ские функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ, а также членами избирательных комиссий с целью достижения определенного результата на выборах как самими субъектами пассивного избирательного права, так и третьими лицами.

Таким образом, использование «административного ресурса» со стороны кандидатов и избирательных объединений может рассматриваться как злоупотребление правом. В научной литературе, однако, высказывается мысль, что следует различать содержательно термины «злоупотребление избирательными правами» и «злоупотребление полномочиями участника выборов», и объем последнего термина не включается в объем первого. В таком случае, использование кандидатом «административного ресурса» в силу преимуществ своего должностного положения (т.е. в силу полномочий - прав предоставленных в виду занятия определенной деятельностью) мы не сможем отнести к злоупотреблению избирательным правом. И в таком случае, превентивное значение предлагаемых изменений в закон нивелируется. В то же время именно такие злоупотребления более всего имеют место в избирательной кампании и влияют на легитимность ее результатов. Поэтому при исследовании вопросов злоупотребления избирательным правом необходимо рассматривать и вопросы злоупотребления полномочиями участников выборов.

За злоупотребление избирательными правами может наступать уголовно-правовая, административно-правовая, конституционно-правовая и гражданско-правовая ответственность. Проблема, заключается в том, что *в избирательных кампаниях «грязные» избирательные технологии постоянно видоизменяются и создаются новые технологии, использующие пробелы в действующем законодательстве.* Даже самое гибкое законодательство – избирательное – не успевает меняться, чтобы исключить применение таких технологий, не говоря об административном и уголовном праве. Поэтому, на наш взгляд, какие бы изменения не предлагались в сфере совершенствования ответственности за злоупотребления в избирательном процессе, необходимо закрепление общего запрета на злоупотребление правами в избирательном процессе, которое сформулировано нами выше.

Кроме того, требует осмысления институт злоупотребления в избирательном процессе с позиций уголовно-правовых запретов.

В целях систематизации уголовно-правовых норм выделим две группы уголовно наказуемых злоупотреблений в зависимости от субъекта преступления (в Главе 19 УК РФ): 1) *злоупотребления служебным положением* (п. «б» части 2 статьи 141 УК РФ – воспрепятствование осуществлению избирательного права лицом с использованием служебного положения; ч.3 ст.141 УК РФ – вмешательство с использованием должностного или служебного положения в осуществление избирательной комиссией ее полномочий с це-

лью повлиять на ее решения; ч.1 ст. 142 УК РФ – фальсификация избирательных документов членом избирательной комиссии; ст. 142.1 УК РФ – фальсификация итогов голосования членом избирательной комиссии; ч.1 ст. 142.2 УК РФ – незаконная выдача бюллетеня); 2) *злоупотребления основными (конституционными) избирательными правами избирать и быть избранным и организационными избирательными правами* участников избирательного процесса, содействующими реализации основных избирательных прав (ч.1 ст.141 УК РФ – воспрепятствование осуществлению избирательных прав, которое может осуществляться путем злоупотребления кандидатами и иными лицами правами, предоставленными в рамках реализации той или иной избирательной процедуры; ч.2 ст.142 УК РФ – подделка подписей в поддержку выдвижения кандидата, которое, по сути, может представлять собой злоупотребление правом на сбор подписей и т.д.).

Проведение такой систематизации позволяет выделить пробелы в установлении уголовно-правовых запретов и, прежде всего, отсутствии ответственности избирателя за злоупотребление правом голосовать. Ранее нами отмечался в этом отношении положительный опыт зарубежных стран¹. В ряде зарубежных стран уголовно наказуемые злоупотребления избирательными правами формулируются следующим образом: – использование избирательного права лицом, не обладающим им (ст. 168 УК Болгарии); – участие в официально назначенных выборах лица, которое умышленно выдает себя за другого (ст. 128 голландского Уголовного кодекса); – голосование лицом, не обладающим избирательным правом или правом голоса, от имени другого лица без его поручения или не в соответствии с поручением либо иным недопустимым образом (§ 266 УК Австрии); – обманным путем незаконное присвоение или передача другому лицу права голосовать по общественным вопросам либо содействие этому (§ 107 уголовного законодательства Норвегии); – совершение обманных действий лицом, участвующим в процедурах проведения выборов или в жеребьевке, в отношении лиц, выдвигаемых на замещение государственных должностей посредством референдума или опосредованного голосования (ст. 397 УК Республики Сан-Марино); – присвоение иностранцами или постоянно проживающими на территории страны лицами без гражданства политических прав, принадлежащих гражданам Сан-Марино (ст. 399 УК Республики Сан-Марино).

Кроме того, проведенный анализ показывает, что наряду с отсутствием соответствующих запретов, возникает *множество вопросов и по действующим уголовно-правовым нормам* в отношении злоупотреблений в избирательном процессе. Так, в научной литературе отмечается, что невелика прецедентность преступных нарушений законодательства о выборах в рамках ч.1 ст. 142 УК РФ. Также имеет место коллизийность норм ч.1 ст. 142 УК

¹ См. Климова Ю.Н. Диспозиции и санкции российских и зарубежных уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию результатов выборов // Всероссийский криминологический журнал. - 2015. - №3. - С.547.

РФ и ст. 142.1 УК РФ, а также казуистичность норм ст. 142.1 УК РФ. Некоторые авторы указывают на избыточность указанных норм, предлагая использовать общие нормы о служебном подлоге (ст. 292 УК РФ). Вызывает вопрос отнесение любых членов избирательных комиссий к должностным лицам, а также проблема разграничения преступления и административного правонарушения (скажем, в случае подкупа избирателя). Сложно доказывать состав воспрепятствования осуществлению избирательных прав, особенно при применении средств «административного ресурса». Очень серьезной проблемой является соблюдение соразмерности общественной опасности деяний, закрепленных в диспозициях, и вида, размера наказаний, указанных в санкциях. В этом вопросе также важно учитывать распространенность на практике мотива преступления (личная заинтересованность – карьеризм, ложно понимаемые интересы службы, сокрытие собственной некомпетентности либо корыстный мотив, при наличии которого деяние также характеризуется как коррупционное преступление). Эти и другие вопросы целесообразно решать с учетом как российского, так и зарубежного правоприменительного опыта.

Список литературы

1. Акчурин А.Р. О способах противодействия злоупотреблению правом в избирательном процессе // Избирательное право. - 2015. - №3 (31).
2. Куликов М.Ю. Теоретические аспекты квалификации поведения участников выборов как злоупотребления субъективными избирательными правами // Избирательное право. - 2014. - №3 (27).

Кобец П.Н., Краснова К. А.

Уголовная политика государств участников ЦАРИКЦ в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов от незаконного оборота наркотиков: пути совершенствования

Аннотация. Авторы проводят сравнительный анализ уголовного и уголовно-процессуального государств – участников ЦАРИКЦ в части установления ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов, а также закрепления подследственности уголовных дел рассматриваемого вида. Авторы приходят к выводу о необходимости наднационального мониторинга правоприменения и проведении совместных научных исследований, направленных на выявление современных тенденций легализации преступных доходов от незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, уголовная политика, легализация доходов, наркопреступность, наркобизнес, ЦАРИКЦ.

Criminal policy of the CARICC member states in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from illicit drug trafficking: ways to improve

Abstract. The authors conduct a comparative analysis of the criminal and criminal procedural states - CARICC participants in terms of establishing responsibility for the legalization (laundering) of criminal proceeds, as well as securing the jurisdiction of criminal cases of the type in question. The authors conclude about the need for supranational monitoring of law enforcement and joint scientific research aimed at identifying current trends in the legalization of criminal proceeds from drug trafficking.

Key words: drug trafficking, criminal policy, legalization of income, drug crime, drug business, CARICC.

Борьба с наркопреступностью, как признано сейчас во всем мире, не сводится исключительно к уголовной репрессии (то есть выявлению и пресечению отдельных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков)¹, а стоит гораздо шире – пресечь сам наркобизнес, представляющий собой «специфическое» индустриальное производство с самостоятельными стадиями выработки, транспортировки, торговли и т. д. до отдельных стадий операции по отмыванию полученных преступных доходов².

Национальное законодательство по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов от незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) представлено: уголовным, уголовно-процессуальным законодательством, а также соответствующими законами государств-участников Центрально-азиатского регионального информационного координационного Центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – ЦАРИКЦ) о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов, об оперативно-розыскной деятельности и др. Законодательство государств-участников ЦАРИКЦ в данной сфере имеет свою специфику и различный подход к закреплению прерогативы компетентных органов по производству следствия по фактам легализации (отмывания) преступных доходов³.

¹ Шестопалов С.В., Краснова К.А. Правовое регулирование предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: опыт европейских стран // Будущее без наркотиков: Материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 14 декабря 2010 г.). – Алматы: Алматинская академии МВД Республики Казахстан, 2010. С. 38-42.

² Кобец П.Н. Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: опыт и проблемы. – М.: НУ ОАОУ, 2014. С. 12-13.

³ Жестеров П.В. Перспективы экономии уголовной репрессии в сфере незаконного оборота наркотиков в государствах-участниках ЦАРИКЦ // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 6.

В деятельности ЦАРИКЦ самое приоритетное направление сейчас – это противодействие легализации (отмыванию) денежных средств от незаконного оборота наркотиков. В этой связи рассмотрим уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты данной деятельности. Так, проведенный нами анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан показал следующее.

Азербайджанская Республика (далее – АР). Уголовным законом АР предусмотрена ответственность за легализацию денежных средств либо иного имущества, добытого преступным путем (ст. 193-1 УК АР)¹. В соответствии со ст. 215 УПК АР предварительное следствие по уголовным делам, предусмотренными ст. ст. 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240 УК АР (наркопреступлениям), производится соответствующими органами исполнительной власти. Предварительное следствие по делам, предусмотренными статьей 193-1 УК АР (легализация денежных средств либо иного имущества, добытого преступным путем), производится прокуратурой.

В соответствии с Законом АР о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ прекурсоров к соответствующим органам исполнительной власти относятся: органы внутренних дел, государственной безопасности и таможенные органы. Расследование легализации (отмывания) денежных средств от незаконного оборота наркотиков могут производиться органами внутренних дел, национальной безопасности, антикоррупционной службой или службой экономических расследований, начавшими досудебное расследование.

Республика Казахстан (далее – РК). Предшествующие легализации (отмыванию) преступных доходов наркопреступления (ст. ст. 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303 УК РК) в соответствии со ст. 187 УПК РК («Подследственность») расследуются органами внутренних дел.

По делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. 286 УК РК («Контрабанда»), следствие производится органами внутренних дел, национальной безопасности, начавшими досудебное расследование.

Следует отметить, что отсутствие полномочий Комитета государственных доходов Минфина РК не позволяет выявлять преступления данной категории самостоятельно². Закономерно, что факты легализации (отмывания) денежных средств от незаконного оборота наркотических средств выявляются в ходе следственных мероприятий в совокупности с другими совершенными наркопреступлениями.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.08.2020 г.

² Письмо из Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, исх. № КГД – 16/28978-И.

Кыргызская Республика (далее – КР). Уголовным законодательством КР предусмотрена ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов (ст. 183 УК КР). Согласно п. 5-1 ст. 163 УПК КР следствие по легализации (отмыванию) преступных доходов (ст. 183 УК КР) производится следователями органов по борьбе с экономическими преступлениями, по контролю наркотиков, органов национальной безопасности и внутренних дел.

Предшествующие легализации (отмыванию) преступных доходов наркопреступления (ст. ст. 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254 УК КР) в соответствии со ст. 153 УПК КР («Подследственность») расследуются органами по контролю наркотиков, органов внутренних дел, национальной безопасности и таможенными органами.

Российская Федерация (далее – РФ). В российском уголовном законодательстве выделены два состава, предусматривающие уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств, в зависимости субъекта преступления: а) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); б) легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ).

В любом из двух случаев имеет место легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, но субъект преступления разный, во втором случае субъектом является лицо, непосредственно совершившее предшествующее легализации (отмыванию) преступление¹.

В соответствии с ч. 2 п. 3 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ производится следователями органов внутренних дел. Наряду с этим, согласно ч. 5 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по вышеуказанным статьям (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества) может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления.

Согласно п. 3, 5 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предшествующие легализации (отмыванию) преступных доходов наркопреступления (ст. ст. 226.1, 228, 228.1, 228.4, 230, 231, 234 УК РФ) расследуются следователями органов внутренних дел, а также наряду с указанными органами по ст. 229.1. УК Ф («Контрабанда наркотических средств») следователями органов федеральной службы безопасности.

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 151 УПК РФ отдельные наркопреступления расследуются также следователями органа, выявившими деяния, предусмотренные ст. ст. 228.1, 228.4, 229.1, ч. 2 и 3 ст. 234.1 УК РФ.

¹ Жестеров П.В. Легализация преступных доходов: опыт уголовной репрессии в государствах-членах Европейского Союза и России // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 195-199.

Республика Таджикистан (далее – РТ). Уголовным законодательством РТ предусмотрена ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ст. 262 УК РТ)¹. В соответствии с ч. 8 ст. 161 УПК РТ расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (ст. 262 УК РТ), отнесена по подследственности к прерогативе следователей специализированного органа по борьбе с коррупцией. Наряду с этим, следует учесть, что предварительное расследование может также проводить компетентный орган, выявивший преступление.

В соответствии с ч. 9 и 11 ст. 161 УПК РТ предварительное расследование по предшествующим легализации наркопреступлениям (ст. ст. 200, 201, 202, 202(1), 202(2), 206 (1) УК РТ) проводится следователями Агентства по контролю за наркотиками при Президенте РТ и органов внутренних дел.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 289 УК РТ («Контрабанда наркотических средств») следствие производится следователями Агентства по контролю за наркотиками при Президенте РТ.

Туркменистан. Уголовным кодексом Туркменистана предусмотрена уголовная ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 242 УК Туркменистана)².

В соответствии с ч. 1 ст. 224 УПК Туркменистана легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 242 УК Туркменистана) подследственна органам прокуратуры. Предварительное расследование фактов незаконного пересечения государственной границы Туркменистана, если они связаны с контрабандой наркотиков (ст. 214 УК Туркменистана), расследуются следователями Государственной службы Туркменистана по борьбе с наркотиками.

Республика Узбекистан (далее – РУ). Уголовная ответственность за легализацию доходов, полученных от преступной деятельности, предусмотрена ст. 43 УК РУ³.

В соответствии со ст. 345 УПК РУ⁴ легализация доходов, полученных от преступной деятельности (ст. 243 УК РУ) подследственна органам внутренних дел. Предварительное следствие по предшествующим легализации наркопреступлениям (ст. ст. 270, 271, 273, 274, 275, 276 УК РУ) производится следователями органов внутренних дел.

Следствие по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 46 УК РУ («Контрабанда») производится следователями службы национальной безопасности. Следует учесть также тот факт, что если в производстве расследования будет установлено новое преступление, подследствен-

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.08.2020 г.

² Уголовный кодекс Туркменистана с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.08.2020 г.

³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.08.2020 г.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2015 г.

ное другому органу предварительного следствия, следствие производится следователем органа, в производстве которого находится дело, только с согласия соответствующего прокурора.

Следует также отметить, что для улучшения сотрудничества правоохранительных и других органов государств-участников ЦАРИКЦ по противодействию легализации (отмыванию) доходов от НОН необходимо не только отслеживать изменения национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства и судебную практику по уголовным делам рассматриваемого вида, но и учитывать современные тенденции легализации преступных доходов от НОН. Во-первых, факты легализации (отмывания) денежных средств от НОН, скорее всего, являются латентными, нежели редко совершаемыми. Во-вторых, использование наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов привело к изменению контингента лиц, занимающихся данным видом преступной деятельности. Прежде всего, одной из характерных особенностей личности наркодельца стало наличие познаний в области организации работы ресурсов сети Интернет, оборота денежных средств в электронных платежных системах и современных способов бесконтактного общения, что в корне изменило процесс организации преступлений и подходы к конспирации преступных действий¹. Данные тенденции необходимо учитывать при разработке стратегических положений уголовной политики в сфере НОН. Важным компонентом совместной работы перечисленных выше компетентных органов является непрерывный мониторинг наркоситуации в государствах-членах ЦАРИКЦ, разработка мер профилактики наркопотребления, совместные научные исследования.

Список литературы

1. *Жестеров П.В.* Легализация преступных доходов: опыт уголовной репрессии в государствах-членах Европейского Союза и России // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 195-199.

2. *Жестеров П.В.* Перспективы экономии уголовной репрессии в сфере незаконного оборота наркотиков в государствах-участниках ЦАРИКЦ // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 6.

3. *Кобец П.Н.* Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: опыт и проблемы. – М.: НУ ОАОУ, 2014. 215 с.

4. *Шестопалов С.В., Краснова К.А.* Правовое регулирование предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: опыт европейских стран // Будущее без наркотиков: Материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 14 декабря 2010 г.). – Алматы: Алматинская академии МВД Республики Казахстан, 2010. - С. 38-42.

¹ Письмо КНБ Республики Казахстан, исх. № А/15/9689 от 10.12.2015 г.

Обеспечение криминологической безопасности в сфере цифровых технологий

Аннотация: В статье анализируются проблемные вопросы обеспечения криминологической безопасности в цифровой среде, дается краткий анализ решения Четырнадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2020г.). В ходе анализа автор, опираясь на собранные эмпирические данные, приходит к выводу о том, что обеспечение такого вида безопасности не будет эффективным без первоначального решения основных проблем обеспечения безопасности личности, общества и государства от направленных на них преступных посягательств, что требует создания новой научной базы правоохранительной деятельности по обеспечению криминологической безопасности в сфере цифровых технологий.

Ключевые слова: безопасность, преступность, цифровые технологии, криминологические риски, организованная преступность, личность, общество, государство.

Ensuring Criminological Security in the Field of Digital Technologies

Abstract: The article analyzes the problematic issues of ensuring criminological security in the digital environment, provides a brief analysis of the decision of the Fourteenth United Nations Congress on crime prevention and criminal justice (2020). Using the analysis and collected empirical data, author concludes that the provision of such security will not be effective without first solving the basic problems of security of individual, society and state from crime, proposes creation of a new scientific base for the law enforcement activities to ensure criminological security in the field of digital technology.

Keywords: security, crime, digital technologies, criminological risks, organized crime, personality, society, state.

Проблема криминологической безопасности, независимо от того в каких формах она выражается (государственная, общественная, экономическая, экологическая и др.), на протяжении существования правового общества была и остается одной из главных, поскольку от ее решения и обеспечения криминологической безопасности, зависит защита личности, общества и государства от нарастающих угроз. Это обусловлено тем, что быстрые темпы развития научно-технического прогресса в XX веке и стремительная цифровизация общества в веке XXI, принесли обществу намного больше апокалиптических рисков относительно всех предыдущих этапов развития общества.

Согласно мнению Юджина Х. Спаффорда «По настоящему безопасной можно считать лишь систему, которая выключена, замурована в бетонный

корпус, заперта в помещении со свинцовыми стенами и охраняется вооруженным караулом, но и в этом случае сомнения не оставляют меня»¹.

Изучая разнообразие современных способов совершения преступлений в сфере цифровых технологий или с их использованием следует добавить к цитате Ю.Х. Стаффорда лишь одно «и не существует, ни в реальности, ни в фантазиях», поскольку криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий в России только складывается. Это обусловлено тем, что цифровые технологии, в условиях развития современного мирового сообщества, по своей сути вездесущи, они проникают во все сферы деятельности, сопровождают нас каждую минуту нашей жизни и содержат подробную информацию о ней. В связи с чем образованность населения в сфере цифровых технологий неизменно растет, а параллельно этим процессам, укрепляют свои позиции и представители преступного мира.

Глобальные переживания человечества за свое безопасное будущее вынуждает государства к принятию конкретных, эффективных мер нейтрализации и предупреждения возможных социальных угроз. Свидетельством тому является решения Четырнадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который состоялся в Киото, Япония, 20–27 апреля 2020 года.

В рамках заседаний, прежде всего, были рассмотрены вопросы, связанные с преступной деятельностью транснациональной организованной преступности, которая подрывает экономический рост и наносит ущерб благосостоянию общества во всем мире. Также было установлено, что за последнее десятилетие разработанная стратегия предупреждения преступности внесла существенный вклад в социально-экономическое развитие и благополучие мирового сообщества путем устранения факторов риска, сокращения масштабов виктимизации и разрыва порочного круга социальной изоляции и преступности. Особую тревогу и внимание вызывает и в России организованная преступность, которая «является реальной угрозой мировой безопасности и стабильности и, по прежнему крайне негативно влияет на состояние национальной безопасности России, активно внедряясь не только в экономическую деятельность, но и в органы государственной власти и управления»².

Ее интересы сегодня направлены на захват нелегальных рынков с высоким уровнем дохода, в том числе: незаконный оборот оружия и наркотиков, торговля людьми, порнографией и пр. На особом положении у представителей преступного сообщества в настоящее время находится финансово-банковская сфера, специализация в этой сфере растет с квадратичной скоростью и неизменно совершенствуется и эволюционирует ввиду того, что со-

¹ Цитируется по статье Василенко Н. А. «Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступность)» // Старт в науке. – 2016. – № 5. – С. 31-34

² Пинкевич Т.В. Проблемы противодействия организованной преступности в сфере цифровой экономики / Т.В. Пинкевич / Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности РФ (Москва, 22-23 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2019. – С. 204 – 210.

вершение преступлений данного рода является их способом получения сверхприбыли. В настоящее время, такого рода преступная деятельность дает возможность получения доходов, превышающих доходы от какой-либо иной преступной деятельности.

Анализ криминальной ситуации, сложившейся в сфере внедрения и использования цифровых технологий, свидетельствует о том, что преступления имеют тенденцию к росту. Так, за 2019 г. в этой сфере было зарегистрировано 294 тыс. преступлений, что на 70% больше в сравнении с предыдущим периодом, ущерб составил более 10 млрд рублей¹. 98, 4 тыс. зарегистрированных преступлений относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений. При этом, по данным МВД России их раскрываемость составляет 20, 5 %². В первом полугодии 2020 г. рост этих преступлений продолжился. Так, за пять месяцев число преступлений в названной сфере, по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 85,1% и составило 180 498, сохраняя тенденцию их роста³.

Однако обеспечение необходимого контроля над преступностью, не может быть эффективным без первоначального решения основных проблем обеспечения безопасности личности, общества и государства от направленных на них преступных посягательств. Общая составляющая этого процесса предопределяет развитие самой идеи криминологической безопасности.

Следует отметить, что преступления, совершаемые в сфере цифровых технологий по своей сути малоизучены и имеют высокий уровень латентности. Это обусловлено: отсутствием современной методической базы исследования этого вида деяний, недостаточными знаниями ИТтехнологий, изменением способов совершения преступлений и пр⁴. Действительно, в настоящее время, преступления могут совершаться в виртуальной среде, не выходя из своего дома или офиса и сохраняя анонимность.

Участились случаи совершения преступлений в сфере нарушений неприкосновенности частной жизни граждан, постоянно происходят атаки на личные банковские счета граждан с целью кражи их средств, так же имеется риск хакерских атак на различные инфраструктуры государства, повреждение которых может причинить не только финансовые убытки, но и потерю боеспособности страны и, как следствие, невозможность сохранения ее суверенитета.

¹ МВД: ущерб от киберпреступлений в России превысил 210 млрд рублей. URL - forklog.com (Дата обращения 17. 02.2020 г.)

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года: МВД РФ (Дата обращения 17. 02.2020 г.)

³ Состояние преступности в России за январь-май 2020 г. - URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560/> (дата обращения 4.07.2020 г.)

⁴ Пинкевич Т.В. Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики //Уголовная политика и правоприменительная практика / Сб. статей по материалам VII Международной научно-практической конференции 1-2 ноября 2019 г. // под ред. Е.Н. Рахмановой, д.ю.н., доцента// Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО РГУП, - СПб, - С. 52-57.

При этом ввиду активного внедрения искусственного интеллекта в повседневную жизнь граждан создается угроза сохранения даже их жизни. Один из таких примеров являются действия компании Tesla, которая без согласования пользователя, в 2020 году удаленно отключила автопилот на одном из проданных ею автомобилей, что могло привести к тяжким последствиям. Учитывая, что подобные технологии развиваются с неумолимой скоростью и в скором времени ими будут оснащены автомобили, то тогда у злоумышленников появится возможность взломав сеть предприятия совершать преступление против жизни и здоровья человека, оставаясь неизвестным т.е. по сути произвести ликвидацию оппонента нажатием комбинации клавиш. Подобным образом станет возможным фактически изменить мировой порядок или систему власти, не выходя из дома.

Данная возможность анархии и доступность получения больших денежных средств неизменно притягивает к себе новых, молодых специалистов и побуждает их совершать преступления именно в сфере цифровых технологий, что в свою очередь влечет модернизацию и эволюцию данного вида преступлений, которые будут приобретать все более изощренные способы.

Такая позиция обусловлена тем, что представители преступного сообщества молниеносно реагируют на все нововведения, в том числе и на особенности цифровых технологий и их использование в преступных целях о чем свидетельствуют все новые виды хакерских атак. Так, например, 2 января 2020 года Сбербанк столкнулся с беспрецедентной DDoS-атакой, которая была в 30 раз мощнее, чем самая мощная атака, произошедшая в 2018 году, за всю историю Сбербанка¹. Данные показатели свидетельствуют о том, что за последние два года количество этого вида преступлений выросло в 30-раз, что свидетельствует о «хакерской эволюции».

Правоохранительные органы в настоящее время предпринимают попытки обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровых технологий. Однако, в плане эволюционирования и способностей, создаваемые в их подразделениях технологичные системы нуждаются в совершенствовании, более того, требуется и привлечение специалистов, способных как создавать, так и управлять ими, с одной стороны. С другой стороны учитывая, что совершение преступлений в сфере цифровых технологий является новым явлением, необходима подготовка сотрудников-юристов, обладающих знаниями цифровых технологий, позволяющих им правильно принимать решения о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении цифровых преступлений, правильно квалифицировать эти виды преступлений, расследовать их и т.д.

В настоящее время почти каждое второе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях в названной

¹ Трубилина М. Сбербанк столкнулся с мощнейшей DDOS-атакой: URL: <https://rg.ru/2020/01/21/sberbank-stolknulsia-s-moshchnejshej-ddos-atakoj.html> (дата обращения - 15.06.2020)

сфере и о приостановлении расследования соответствующих уголовных дел было отменено органами прокуратуры. Конечно ряд этих отмен происходил из-за действующей в правоохранительных органах «палочной системы», но несмотря на это, данный факт также обусловлен тем, что преобладающая часть специалистов органов предварительного расследования пытаются расследовать уголовные дела о цифровых преступлениях традиционными методами, без наличия специальных познаний в данной области, что в наше время становится абсолютно неэффективным.

Таким образом, распространение исследуемой преступности имеет тенденцию к росту, что требует особого внимания со стороны государства принятии решений по предупреждению правонарушений и преступлений в названной сфере. Кроме того, необходимо создание новой научной базы правоохранительной деятельности по обеспечению криминологической безопасности в сфере цифровых технологий, что обусловлено серьезностью современных криминальных процессов, представляющих реальную криминологическую угрозу личности, обществу и государству.

Список литературы

1. *Василенко Н.А.* «Преступления в сфере информационных технологий (киберпреступность)» // Старт в науке. – 2016. – № 5. – С. 31-34
2. *Пинкевич Т.В.* Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики // Уголовная политика и правоприменительная практика / Сб. статей по материалам VII Международной научно-практической конференции 1-2 ноября 2019 г. // под ред. Е.Н. Рахмановой, д.ю.н., доцента // Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО РГУП, - СПб, - С. 52-57.
3. *Пинкевич Т.В.* Проблемы противодействия организованной преступности в сфере цифровой экономики / Т.В. Пинкевич / Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности РФ (Москва, 22-23 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2019. – С. 204 – 210.

Правовое регулирование уголовной политики противодействия коррупции в Республике Казахстан

Аннотация: Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм, регламентирующей ответственность за коррупционные преступления. Автором рассматривается проблема эффективности наказания за коррупционные преступления, изучены данные социологических опросов и следственной практики, касающейся коррупционных проявления в нашей стране. Также предпринята попытка определения эффективных мер уголовно-правового воздействия на субъектов коррупционных преступлений.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, коррупция, уголовные наказания, штраф, конфискация

Legal regulation of the criminal policy of combating corruption in the Republic of Kazakhstan

Abstract. In the article the author analyses criminal legislation aimed at corrupt practices. Author explores the effectiveness of the norms taking in consideration investigative practice and public opinion research. Author attempts to devise the most productive criminal law measures that can be used against the corrupt officials.

Keywords: corrupt practices, corruption, criminal penalties, penalty, confiscation

Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 «О противодействии коррупции» устанавливает следующее понятие коррупции: «незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, должностными лицами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения или извлечения лично или через посредников имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя либо третьих лиц, а равно подкуп данных лиц путем предоставления благ и преимуществ»¹. Из изложенного следует, что коррупционными являются действия, обязательно связанные с имущественной (неимущественной) выгодой либо совершенные из корыстных побуждений. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан указанные действия являются преступлениями².

¹ Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 «О противодействии коррупции»// Казахстанская правда. 20.11.2015 г. № 223.

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. «Уголовный кодекс

Согласно ст.1 Закона Республики Казахстан от 18 ноября 2015 «О противодействии коррупции» противодействие коррупции определяется как деятельность субъектов противодействия коррупции в пределах своих полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по формированию антикоррупционной культуры в обществе, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, а также по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений и устранению их последствий.

Таким образом, установленное законом содержание понятия коррупция сводится фактически к деятельности по двум направлениям: профилактике и борьбе с преступлениями и административными правонарушениями, подпадающими под это понятие.

Сущность коррупции проявляется в том, что она искажает нормальные общественные отношения: власть, предоставленная государством определенным своим представителям, начинает использовать не в интересах общества, а в интересах отдельных лиц, зачастую во вред государству и обществу, разрушая и дискредитируя, таким образом, весь государственный аппарат¹.

Таким образом, можно сделать вывод: коррупция, выражающаяся в подмене правовых инструментов государственного управления (законов, установленного порядка и механизма обеспечения их соблюдения) внеправовыми действиями государственных служащих, нарушающий установленный порядок своей деятельности в личных материальных и нематериальных целях, способствует появлению неэффективности государственного управления и дисфункции государства с дезорганизацией общества и угрозой разрушения *государства*. Коррупция препятствует государству обеспечивать единство и целостность, а также гарантировать права и свободы граждан.

Согласно законодательству Республики Казахстан коррупционные правонарушения классифицируются а) по характеру нарушения права - уголовные преступления, административные правонарушения и дисциплинарные проступки; б) по видам коррупционного деяния - подкуп, хищение, злоупотребление влиянием, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение, воспрепятствование осуществлению правосудия, отмывание коррупционных доходов, сокрытие коррупционных доходов.

Если же говорить о целевой ориентации коррупционных связей, то можно выделить коррупцию-достижение (получение выгодного заказа, поступление в вуз, обеспечение качественной медицинской помощи и пр.), коррупцию-избегание (предотвращение большего ущерба, уход от уголовной ответственности), коррупцию-конкуренцию (подкуп покровителя). По степени

Республики Казахстан»// Казахстанская правда. 09.07.2014. № 132.

¹ Иманов И.А. Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции в Республике Казахстан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 ; Акад. Генер. прокуратуры РФ. - Москва, 2017. – С.9.

общественной опасности - «коррупция-проступок» и «коррупция-преступление», «коррупция-обогащение» (понуждение к взятке).

Круг фундаментальных законодательных актов, регламентирующих противодействие коррупции в Республике Казахстан, включает в себя:

- Конституцию РК (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.04.2020 г.)¹;

- Уголовный кодекс РК от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями от 11.10.2018 г.);

- Кодекс об административных правонарушениях РК от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.10.2018 г.)²;

- Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.04.2019 г.);

- Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.04.2019 г.)³;

- Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года № 31-IV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»⁴;

- Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018 г.)⁵;

- Указ Президента РК «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» от 22 апреля 2009 года № 793 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2018 г.)⁶;

- Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденная Указом Президента РК от 24 августа

¹ Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. «Конституция Республики Казахстан»// [http:// adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_](http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_) (дата обращения 10.04.2020 г.)

² Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. «Об административных правонарушениях»// Казахстанская правда. 12.07.2014 г. № 135.

³ Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК. «О государственной службе Республики Казахстан»// Казахстанская правда. 25.11.2015 г., № 226.

⁴ Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года N 31-IV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»// Казахстанская правда. 6 мая 2008 года N 95.

⁵ Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV. «О правоохранительной службе» // Казахстанская правда. 19.01.2011 г., № 17-18.

⁶ Указ Президента Республики Казахстан от 22 апреля 2009 года № 793. «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан»// САПР Республики Казахстан, 2009 г., № 19, ст. 166.

2009 года № 858 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2014 г.)¹;

- Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан (Правила служебной этики государственных служащих), утвержденный Указом Президента РК от 29 декабря 2015 года № 153;²

- Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы, утвержденная Указом Президента РК № 986 от 26 декабря 2014 года;³

- Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 декабря 2017 года № 806 «Об утверждении Правил проведения внешнего анализа коррупционных рисков»;⁴

- Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 19 октября 2016 года № 13. «Об утверждении Правил проведения антикоррупционного мониторинга»⁵.

Исходя из круга источников, можно сделать вывод, что ответственность за коррупцию в Республике Казахстан носит уголовный, административный и дисциплинарный характер.

При этом следует отметить, что, несмотря на достаточно совершенное законодательство и наличие политической воли руководства страны к противодействию коррупции, говорить о минимизации коррупции как негативного социально-политического явления еще рано. Примером этому могут служить коррупционные скандалы в административно-политической сфере, фигурантами которых выступают отдельные представители властных структур. Однако сам факт выявления и публичного расследования таких фактов говорит об открытости Казахстана к противодействию коррупции.

В целом мы хотим отметить основные направления уголовной политики борьбы с коррупцией в Республике Казахстан и, при наличии пробелов, дать обоснованные рекомендации по их устранению.

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года»// Казахстанская правда. 27.08.2009 г., № 205.

² Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153. «О мерах по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан»// Казахстанская правда. 31.12.2015 г., № 250.

³ Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986. «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы»// Казахстанская правда. 30.12.2014 г., № 254.

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 декабря 2017 года № 806 «Об утверждении Правил проведения внешнего анализа коррупционных рисков»// Казахстанская правда. 14.12.2017 г., № 241.

⁵ Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 19 октября 2016 года № 13. «Об утверждении Правил проведения антикоррупционного мониторинга»// <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600014431>

Так, ни ранее действовавший Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года № 267-І «О борьбе с коррупцией»¹, ни Указ Президента РК «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией и дальнейшему совершенствованию правоохранительной деятельности в Республике Казахстан» от 22 апреля 2009 года № 793 не содержали дефиниции понятия противодействия коррупции. Отсутствует такое определение и в Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы, утвержденной Указом Президента РК № 986 от 26 декабря 2014 года. При этом подчеркнем, что также до сих пор нет законодательно установленного определения понятия «борьба с коррупцией».

Отметим, что в 2013 году в Республике Казахстан встал вопрос о необходимости смены антикоррупционной парадигмы от борьбы с коррупцией к противодействию коррупции и, соответственно, кардинальной смены антикоррупционной законодательства. Был разработан проект закона «О противодействии коррупции» и размещен для общего обсуждения². 18 ноября 2015 года этот проект утвержден Главой государства. Так вот, пунктом 9) статьи 1 данного закона дано следующее определение противодействия коррупции: «противодействие коррупции – деятельность субъектов противодействия коррупции в пределах своих полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по формированию антикоррупционной культуры в обществе, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, а также по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений и устранению их последствий». Как видно из текста определения, оно имеет несколько недостатков:

Как видно из текста определения, оно имеет несколько недостатков:

- является тавтологичным, то есть определяется само из себя (противодействие – деятельность субъектов противодействия);

- полномочия указаны как пределы деятельности субъектов противодействия коррупции. В то же время статья 18 данного закона относит к субъектам: 1) уполномоченный орган по противодействию коррупции; 2) иных субъектов противодействия коррупции – государственные органы, субъекты квазигосударственного сектора, общественные объединения, а также иные физические и юридические лица. Возникает вопрос – каковы полномочия иных физических и юридических лиц в данном процессе?

- нет указания на тот факт, что противодействие коррупции непременно должна включать в себя комплекс мер по устранению последствий коррупции, являющейся, несомненно, одним из наиболее опасных социальных явлений;

¹ Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года N 267. «О борьбе с коррупцией»// Казахстанская правда. 09.07.1998 г. N 132. (утратил силу).

² Досье на проект Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31387138 (дата обращения: 17.09.2019).

- формулировка дефиниции не позволяет отделить предупреждение коррупции от выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных правонарушений и устранения их последствий.

Наличие таких существенных недостатков, фактически, законодательного пробела, требует своего разрешения, поскольку сам термин «противодействие коррупции» встречается как в текстах выступлений Главы государства, так и в газетных публикациях, научной полемике, документах правящей партии и иных материалах.

Здесь также следует остановиться на принципиальной разнице между противодействием коррупции и борьбой с коррупцией. Эти термины зачастую соседствуют в текстах СМИ и публичных выступлениях, тем не менее, они далеко не равнозначны. Вывод об этом можно сделать как из факта разработки нового законопроекта «О противодействии коррупции», пришедшего на смену действовавшему до этого закону «О борьбе с коррупцией», так и из факта смены ориентира соответствующего правоохранительного ведомства – Агентство Республики Казахстан по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция) передало свои полномочия вновь созданному Агентству Республики Казахстан по противодействию коррупции.

Список литературы

1. Досье на проект Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31387138 (дата обращения: 17.09.2019).

2. *Иманов И.А.* Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции в Республике Казахстан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 /; Акад. Генер. прокуратуры РФ. - Москва, 2017. – 301 с.

Пинкевич Т.В.

Экономическая преступность: современное состояние и прогноз

Аннотация: В статье анализируется современное состояние экономической преступности, которое, по мнению автора, зависит от социальных явлений и процессов, происходящих в жизни общества и влияющих на качественные изменения преступности и переориентацию преступной деятельности в экономической сфере. К таковым в статье относятся стремительное развитие цифровых технологий и пандемия COVID – 19, которая оказала влияние на ряд социальных явлений, возникающих в жизни общества и несущих порой неисчислимы экономические, социальные и политические последствия в глобальном масштабе. Автор приходит к выводу о том, что име-

ющиеся криминологические риски свидетельствуют о том, рост экономической преступности будет продолжаться.

Ключевые слова: экономика, преступность, цифровые технологии, коронавирус, пандемия COVID – 19, криминологические риски, организованная преступность.

Economic Crime: Current State and Forecast

Abstract: The article analyzes the current state of economic crime, which, according to the author, depends on social phenomena and processes that occur in the life of society and affect the qualitative changes in crime and reorientation of criminal activity in the economic sphere. These include the rapid development of digital technologies and the COVID – 19 pandemic, which has had an impact on a number of social phenomena that occur in the life of society and sometimes have incalculable economic, social and political consequences on a global scale. The author concludes that the existing criminological risks indicate that the growth of economic crime will continue.

Keywords: economy, crime, digital technologies, coronavirus, COVID – 19 pandemic, criminological risks, organized crime.

Многие годы анализу экономической преступности уделялось и уделяется пристальное внимание, и каждый раз обращаясь к ее изучению мы находим все новые и новые ее грани, которые открываются нам в зависимости от социально-политических, социально-экономических и правовых причин и условий, способствующих изменению ее количественных и качественных показателей. И следует признать, что ее изменения зависят не только от перечисленных составляющих причинного комплекса преступности, которые существуют десятилетиями и на устранение которых порой, оказывается точечное воздействие. Современные социальные явления и процессы, происходящие в жизни общества повлияли на качественные изменения преступности и переориентацию преступной деятельности в экономической сфере. К такому следует отнести, во-первых, стремительный рост цифровых технологий и их внедрение во все сферы жизнедеятельности общества, а во-вторых, это пандемия COVID – 19, которая по мнению экспертов с момента распространения оказала влияние на ряд социальных явлений, возникающих в жизни общества и несущих порой неисчислимы экономические, социальные и политические последствия в глобальном масштабе. Экономическая преступность, как одно из весомых последствий, отозвалась мгновенно на сложившуюся ситуацию, поскольку при подобных общественных явлениях, в большей степени страдают экономическая и социальная сфера.

За последние двадцать лет количество зарегистрированных преступлений данного вида постоянно снижалось. Исключение составил 2009 г., когда на фоне роста в целом числа зарегистрированных преступлений, произошел и рост исследуемых преступлений на 14%. На этом фоне менялись качественные ее ха-

рактеристики, преступления стали носить организованный характер и совершались как правило в совокупности с тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Исследование показателей зарегистрированной преступности в первом полугодии 2020 г. также свидетельствуют о снижении этих преступлений на 3% по сравнению с показателями аналогичного периода 2019 г. При этом, количество преступлений в сфере экономической деятельности возросло на 7,8%, среди них увеличилось количество и таких преступлений как например, незаконное предпринимательство (20,1%), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (1,8%, по данным статистической отчетности за шесть месяцев текущего года рот этих преступлений составил 78,6%), незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (70,6%), неправомерный оборот средств платежей (76%), неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство (6,7%) и др. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений рассматриваемого вида составили 62,8%. Материальный ущерб от рассматриваемых преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 214,1 млрд руб.¹

При характеристике экономической преступности нельзя оставлять без внимания преступления, рост которых увеличивается ежегодно в связи с развитием цифровых технологий, поскольку такие преступления совершаются в большей своей части в экономической и социальной сфере с использованием названных технологий. Так, анализ криминальной ситуации, сложившейся в сфере внедрения и использования цифровых технологий², свидетельствует о том, что преступления имеют тенденцию к росту. Так, например, только за 2019 г. в этой сфере зарегистрировано 294 тыс. преступлений, что на 70% больше, чем в 2018 г. Их них 98, 4 тыс. зарегистрированных преступлений относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Ущерб от хищений, совершенных с использованием цифровых технологий в 2019 г., по данным МВД РФ, составил более 10 млрд рублей³, а раскрываемость этих преступлений составила 20, 5 %⁴.

Первая половина 2020 г. также ознаменовалась ростом преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так,

¹ Состояние преступности в России за январь-май 2020 г. : URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560/> (дата обращения 4.07.2020 г.); Состояние преступности в России за январь-июнь 2020 г. : URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560/> (дата обращения 18.07.2020 г.).

² Пинкевич Т.В. Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации //Вестник Костромского государственного университета. - 2019 - № 4. – С. 161-162.

³ МВД: ущерб от киберпреступлений в России превысил 210 млрд рублей: URL: forklog.com (Дата обращения 17. 02.2020 г.)

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года: МВД РФ (Дата обращения 17. 02.2020 г.)

только за 6 месяцев этого года зарегистрировано 225,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или на 91,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года, их удельный вес увеличился с 11,6% в январе - июне 2019 года до 22,3%, из них к категориям тяжких и особо тяжких преступлений относится 51,1%¹. Большая часть из них совершена в финансовой и банковской сфере, против собственности как юридических, так и физических лиц и пр. Проблема раскрываемости этих преступлений заключается в том, что большая часть этих преступлений совершается в виртуальной среде, что не позволяет своевременно выявить лиц, причастных к совершению таких преступлений.

Наверное, было бы неверно, показатели этих зарегистрированных преступлений, брать за истину, необходимо обратить внимание еще и на латентную ее часть. И здесь уместно вспомнить мнение В.В. Лунеева, считающего, что «если бы хотя бы четверть экономических преступлений стала известна правоохранительным органам, то есть, выявлена, она бы в несколько раз превышала кражи, которые по современной статистике занимают более 50 % всех зарегистрированных преступлений»².

Несомненно, следует обратить внимание на тот факт, что представленные показатели преступности напрямую связаны с имеющимся причинным комплексом экономической преступности, который усугубился разрушающим воздействием пандемии COVID-19 и увеличил криминологические риски.

Так, количество закрытых предприятий и, соответственно, количество безработных стало увеличиваться. Только в марте 2020 года прекратили деятельность 66 820 индивидуальных предпринимателей. Это на 77% больше, чем в марте 2019 года (37 718), следует из данных Федеральной налоговой службы. При этом 64 237 предпринимателей сами приняли решение о прекращении своей деятельности, 1563 исчезли из-за смерти владельца, 158 были признаны банкротами³. В апреле текущего года отказались от продолжения предпринимательской деятельности еще 2% от оставшегося количества предпринимателей. Проблемы возникли с продолжением трудовой деятельности и у сотрудников юридических лиц, не случайно только в начале апреля 2020 г., по данным Росстата количество безработных составило 4,3 миллиона человек, уровень безработицы вырос до 5,8%⁴. По данным Минтруда до конца 2020 г. она может достичь 6 млн человек. При худшем варианте развития событий безработица в

¹ Состояние преступности в России за январь-июнь 2020 г. : URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560/> (дата обращения 18.07.2020 г.).

² Лунеев В.В. Экономика и преступность. Проблемы противодействия экономической преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2013. - №6. - С. 202-203.

³ Сергеев М. Россию ждет рекордная безработица: URL: http://www.ng.ru/economics/2020-05-20/1_7865_unemployment.html

⁴ Безработица выросла вслед за пособием: URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/05/29/5ecd298c9a79473f80719596>

России в 2020 году вырастет до 9,5% (для сравнения: уровень безработицы на конец 2019 г. составил 4,5%), а в 2021 году до 9,8%¹.

В качестве справки. Во всем мире по оценке Международной организации труда (МОТ) COVID – 19 уничтожит востребованность граждан, работающих в неформальном секторе экономики. Именно они первыми попадают под «удар», поскольку закроются сотни миллионов предприятий. При этом количество безработных достигнет 1,6 млрд человек, это почти половина мировой рабочей силы².

Быстрыми темпами растет и число безработных, ставших на учет в службах занятости, их количество увеличилось в два раза и составило в мае текущего года 2,1 млн. человек. С такими темпами прогноз не утешителен и численность ищущих работу граждан может превысить к концу 2020 г. 10 млн человек³.

Высокий уровень безработицы всегда повышает криминологические риски, поскольку безработица является резервом преступности⁴, а криминальный потенциал определенного слоя безработных ориентирован на получение работы в криминальном бизнесе организованной преступности⁵, что способствует формированию «криминального рынка» рабочей силы.

Продолжается процесс обнищания значительной части граждан. Что подтверждается данными Росстата. Так, на начало 2020 г. года за чертой бедности находилось более 20 млн., что свыше 15% населения России⁶. В настоящее время падение реальных доходов населения в России увеличивается, о чем свидетельствуют и результаты исследований⁷.

В официальных государственных документах криминализация общества ставится в один ряд с такими явлениями, как повышение уровня бедности; рост безработицы, наркомании, проституции и т. п. В сложившихся

¹ Уровень безработицы в России : URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/russia/>

² __ Прокофьев А. Безработица и коронавирус: что происходит на рынке труда: URL: <https://polit.ru/article/2020/05/06/coronaworkfail/>

³ Реальную безработицу в России оценили в 10 млн человек: URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/06/03/1846931.html>

⁴ Эминов В. Е. Причины преступности в России : Криминологический и социально-психологический анализ: монография – М.: Норма: ИНФА-М, 2015. С. 61.

⁵ Пономарев П.Г. Социальные и правовые проблемы противодействия преступности в России / Духовность, правопорядок, преступность: Материалы научно-практической конференции. – М., 1996. - С. 27.

⁶ Статистика бедности в России в 2019 году: росстат: URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b9ba35cc3cbc000ab140b83/statistika-bednosti-v-rossii-v-2019-godu-rosstat-5d777b41028d6800ad71fd97>

⁷ Подробнее см.: Росстат отчитался о сокращении реальных располагаемых доходов россиян. Основной удар по доходам населения из-за коронавируса придется на второй квартал: URL: https://www.rbc.ru/economics/26/04/2020/5ea40aaf9a7947217fbda5f9?from=materials_on_subject

условиях следует обратить внимание и на вопросы социального и цифрового неравенства, когда представители социальной группы зачастую ограничены в возможности иметь доступ к современным средствам коммуникации. Все это ограничивает возможности этой группы в поиске работы, налаживании социальных связей, культурном обмене и может негативно влиять на экономическую эффективность, развитие и сохранение культуры, уровень образования.

В теории криминологии, с момента ее возникновения в XIX в., неравенство относили к числу главных причин экономической преступности. Кроме того, обрушение доходов просто растянет период бедности и затруднит восстановление потребительского спроса, а это уже серьезнейшая проблема для всей экономики в целом.

Со снижением обусловленных пандемией ограничений неизбежно увеличится внутренняя миграция, обусловленная стремлением граждан страны найти даже неквалифицированную работу в любом регионе страны. Миграция тесно связана с теневой экономикой, которая по самому вероятному сценарию получит стимул к развитию, нагнетая социальную напряженность в обществе. На 1 января 2020 г. теневая занятость в России составила 13 миллионов человек, или 18% от рабочей силы страны¹. Принято считать, что такие явления, как миграция и теневая экономика тесно взаимосвязаны.

Увеличение доли теневой экономики напрямую связано с ростом преступности экономической направленности и ее организованной части, чему способствует, слабая система социального контроля, проблемы законодательного характера и правоприменительной практики.

Таким образом, безработица, социальное и цифровое неравенство, внутренняя миграция, снижение жизненного уровня населения, выступают составляющими криминологических угроз и влияют на уровень экономической преступности².

Более того, уже сейчас происходит изменение экономической преступности, идет «переструктуризация»³ преступлений с учетом современных реалий. Несмотря на введение дополнительных карантинных мер, криминальная угроза останется динамичной, как во время пандемии COVID-19, так и в дальнейшем, в перспективе будет расширяться преступная деятельность, меняясь не только количественно, но и качественно.

Представители криминального мира быстро приспосабливаются к меняющейся ситуации. Так, при развитии пандемии COVID-19 они моментально отреагировали на складывающуюся ситуацию и уже в начальном ее периоде в России с использованием цифровых ресурсов для массового психологического воздействия на население, путем вброса фейковых новостей о надвигающейся эпидемии, расширили свои преступные границы и теневой

¹ См. Исследование: теневой сектор дает работу 13 миллионам россиян: URL: <https://ria.ru/20191210/1562188896.html>

² Там же.

³ Сборник избранных лекций по криминологии: под ред. Т.В. Пинкевич.- М., Юрлитинформ, 2020. – С. 48.

рынок. На первоначальном этапе они не только способствовали созданию дефицита необходимых для населения товаров первой необходимости в условиях пандемии (маски для лица, одноразовые латексные перчатки антисептические и дезинфицирующие средства и фармацевтические препараты), но и быстрыми темпами наладили реализацию этих товаров по завышенным ценам, чем увеличили свои преступные доходы многократно.

Стремительно меняется и преступность в сфере распределения и использования бюджетных средств. Криминологические риски их нецелевого использования увеличиваются, поскольку правительством принято решение по упрощению правил госзакупок на период борьбы с коронавирусом¹. Ссылаясь на режим чрезвычайной ситуации, заказчик получил возможность закупать товары и услуги у единственного поставщика без конкурса. Это дает основание считать, что в ближайшей перспективе увеличится количество преступлений в сфере закупок товаров и услуг, поскольку данное направление преступной деятельности будет интересно для криминала, так как с распространением коронавируса COVID-19 в медицинские учреждения и фармацевтическую промышленность сегодня направлены огромные финансовые и материальные ресурсы.

Более того, там, где государственные усилия по борьбе с коронавирусом окажутся недостаточно эффективными с точки зрения населения, организованная преступность постарается не только встроиться в структуры логистики и блокировки, но и напрямую войти в государственную власть и структуры чрезвычайной медицинской помощи в рамках пандемии с целью получения прибыли от реализации медицинской техники.

Особое внимание следует уделить и вопросам недружественных корпоративных слияний и поглощений хозяйствующих субъектов (рейдерских захватов), количество которых не только не снижается в России, а увеличивается. Так, количество уголовных дел о рейдерских захватах предприятий выросло за 2019 год на 135 %². Предполагается их рост и в среднесрочной перспективе. Это обусловлено тем, что в результате экономического кризиса увеличится количество обанкротившихся предприятий, которые в дальнейшем, в связи с отсутствием финансовых возможностей, не смогут возместить заемные и кредитные средства, что и станет причиной недружественных слияний и поглощений.

¹ Об установлении случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и (или) муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) и порядка их осуществления и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. N 443: Постановление Правительства РФ от 8 мая 2020 г. N 647 : URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73901582/> (Дата обращения 4.07.2020 г.)

² Количество дел о рейдерских захватах в РФ выросло на 135% в 2019 году: URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/chislo_del_o_reyderskikh_zakhvatakh_v_rf_vyroslo_na_135_v_2019_god_u7863/

Увеличится количество таких преступлений как легализация (отмывание) преступных доходов, поскольку пандемия COVID-19 негативно сказывается на способности правительства и частного сектора выполнять обязательства по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов от надзора, регулирования до отчетности о подозрительных сделках. Эти угрозы и уязвимости представляют собой новые риски легализации. При этом следует обращать внимание на следующие факты. Экономическая напряженность и возникновение рецессии в стране могут привести к снижению цен на некоторые объекты, которые особенно популярны у преступных инвесторов, в том числе и в секторе недвижимости и строительства, что позволяет инвестировать преступные доходы в этот сектор экономики с целью их легализации.

Особого внимания требуют сделки с недвижимостью при приобретении предприятий, интенсивно использующих наличные деньги, но могут быть и другие способы и варианты легализации преступных доходов, а у криминальных структур их достаточно. Сегодня стоит уделить внимание и обороту цифровых активов (криптовалюты) который позволяет легализовывать большие суммы денег из-за злоупотребления онлайн-финансовыми услугами и виртуальными активами для перемещения и сокрытия незаконных средств. В условиях экономического спада преступники могут также вносить незаконные доходы в финансовую систему путем реструктуризации существующих займов и кредитных линий. Кроме того, производство по делу о несостоятельности предприятий может высвободить незаконные денежные средства, содержащиеся в коммерческих предприятиях.

Преступники постараются использовать: меры экономического стимулирования и схемы неплатежеспособности в качестве средства сокрытия и легализации преступных доходов физическими и юридическими лицами; найдут способы обойти меры должной осмотрительности клиентов; более широко нерегулируемый финансовый сектор, создающий дополнительные возможности для легализации преступных доходов; злоупотребление и незаконное присвоение внутренней и международной финансовой помощи и чрезвычайного финансирования. Они, используя пандемию COVID-19 и связанный с этим экономический спад, переходят к новым интенсивным и высоколиквидным видам бизнеса и могут попытаться, как говорилось ранее, воспользоваться ситуацией, приобретая предприятия с интенсивным использованием наличных средств для легализации преступных доходов. Так же подлежит контролю и вывод физическими лицами денег из банковской системы из-за финансовой нестабильности, так как это может привести к более широкому использованию нерегулируемого финансового сектора, создавая дополнительные возможности для преступников по легализации преступных доходов.

Не исключен рост фальсифицированной и контрафактной продукции, многие эксперты считают, что увеличится количество некачественной продукции медицинского назначения, в том числе и неэффективные фальсификаты вакцины против COVID-19. Можно предположить, что они не только будут вкладывать значительные средства в их создание, но и распространение предложений на их приобретение с использованием цифровых техноло-

гий (Интернет, различные онлайн-платформы, социальных сети). В связи с экономическими проблемами у населения, возможно повышение спроса на контрафактные товары, что будет влиять на расширение теневых рынков, развитие которых повлечет рост преступлений в сфере недобросовестной конкуренции и незаконного использования интеллектуальной собственности.

Преступные границы и теневой рынок были расширены криминальными элементами уже на первых этапах развития пандемии путем использования цифровых ресурсов для массового психологического воздействия на население, вброса фейковых новостей о надвигающейся эпидемии. В результате этого возник дефицит необходимых для населения средств защиты в условиях пандемии, реализация которых быстрыми темпами была налажена преступными структурами по завышенным ценам.

Таким образом, стремительный рост цифровых технологий и пандемия COVID – 19, оказали существенное влияние на качественное изменение экономической преступности и ее переориентацию в перспективе. Следует ожидать активизации организованной преступности, создающей сегодня основу для передела собственности, как уже отмечалось путем: недружественных корпоративных слияний и поглощений хозяйствующих субъектов (рейдерских захватов), приобретения финансовых активов с целью завладения финансовыми рынками и др. Миллиардные доходы, вероятно, в последующем будут перепрофилированы на развитие актуального направления преступной деятельности – изучения способов использования цифрового мира в преступной деятельности.

Список литературы

1. *Лунеев В.В.* Экономика и преступность. Проблемы противодействия экономической преступности // Пробелы в российском законодательстве. - 2013. - №6. - С. 202-203.
2. *Пинкевич Т.В., Нестеренко А.В.* Проблемы обеспечения безопасности цифровых технологий в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. - 2019 - №4. – С. 161-162.
3. *Пономарев П.Г.* Социальные и правовые проблемы противодействия преступности в России / Духовность, правопорядок, преступность: Материалы научно-практической конференции. – М., 1996. - С. 27.
4. *Прокофьев А.* Безработица и коронавирус: что происходит на рынке труда: URL: <https://polit.ru/article/2020/05/06/coronaworkfail/>
5. Сборник избранных лекций по криминологии: под ред. Т.В. Пинкевич. - М., Юрлитинформ, 2020. – С. 48.
6. *Сергеев М.* Россию ждет рекордная безработица: URL: http://www.ng.ru/economics/2020-05-20/1_7865_unemployment.html
7. *Эминов В. Е.* Причины преступности в России : Криминологический и социально-психологический анализ: монография/ В.Е. Эминов. – М.: Норма: ИНФА-М, 2015.- С. 61.

Международный закон о защите животных

Аннотация. Благополучие животных является ключевым принципом, лежащим в основе законодательства о защите животных большинства стран мира. Постепенно приходит понимание о необходимости создания глобального режима защиты животных. Но до сих пор международная защита животных остается пока на уровне дебатов. Приходится признать, что в настоящее время все еще отсутствует согласованность и единый подход к обеспечению благополучия животных.

Ключевые слова: благополучие животных, защита животных, международно-правовое регулирование защиты животных

International Animal Protection Act

Abstract. Animal welfare is a key principle underlining animal welfare legislation in the most countries of the world. Gradually we come to understand the need to create a global system for the protection of animals. But so far, international animal welfare remains a matter of discussion. We must admit that until now there is still a lack of coherence and a unified approach to ensuring animal welfare.

Keywords: animal welfare, animal protection, international legal regulation of animal protection

Первый закон об защите животных от жестокого обращения был принят в Соединенном Королевстве в 1822 году¹. Его принятие послужило толчком к созданию законодательной базы о защите животных в Великобритании, которая затем легла в основу законов о защите животных в последующие 100 лет. Постепенно опыт Великобритании получил распространение во многих странах мира.

В середине XX-го столетия внимание мировой общественности к проблемам защиты животных спровоцировала дискуссия между Ричардом Райдером, британским психологом, автором книги «Жертвы науки»², и Питером Зингером, австралийским философом, который, в свою очередь, опубликовал работу «Освобождение животных»³. В результате проблемы защиты животных начали обсуждаться на самом разном уровне. Стремительно росло число движений в защиту животных, создавались убежища

¹ Act to Prevent the Cruel and Improper Treatment of Cattle, 22d July 1822 // Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 3 George IV, 1822. L.: Printed by His Majesty's Statute and Law Printers, 1822. P. 403–405

² Ryder R. D. Victims of Science: The Use of Animals in Research. L.: Davis-Poynter, 1975 - 279 p.

³ Singer P. Animal Liberation. N. Y.: Harper Collins, 2001. – 320 p.

и приюты для животных, учреждались международные организации по их защите. В их числе можно назвать Всемирную федерацию по их защите животных (World Federation for the Protection of Animals), Международное общество по защите животных (International Society for the Protection of Animals), Всемирный фонд дикой природы (World Wide Fund for Nature), Люди за этическое обращение с животными (People for the Ethical Treatment of Animals - PETA) и др.

Активность международных неправительственных организаций, бесспорно, повлияла на развитие международного и национального законодательства в этой сфере.

Так, в 3 марта 1973 г. в Вашингтоне была принята Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС)¹.

Цель Конвенции четко изложена в ее преамбуле, в которой говорится, что «дикая фауна и флора в их многочисленных прекрасных и различных формах являются незаменимой частью природных систем земли, которые должны быть охраняемы для настоящего поколения и для будущих». При этом присущий антропоцентризму термин «поколения» предполагает, что для участников Конвенции животные по своей сути представляют ценность лишь в той мере, насколько они имеют значение для человека.

Но поскольку конвенция касается только редких «исчезающих видов», она не претендует на регулирование торговли одомашненными животными или животными, которые разводятся на фермах. Таким образом, мы можем признать, что СИТЕС играет важную роль в защите экологически уязвимых животных, но ее статус как международного соглашения существенно ограничен из-за ориентации на находящиеся под угрозой исчезновения дикой фауны и флоры.

Другим серьезным межправительственным инструментом регулирования проблем защиты животных является Кодекс здоровья наземных животных (ТАНС), принятый Всемирной организацией здоровья животных (МЭБ). Этот документ устанавливает «стандарты в целях улучшения здоровья и благополучия животных и ветеринарного здоровья населения в мире. Ветеринарные органы стран-импортёров и экспортёров должны применять ветеринарно-санитарные меры, установленные Наземным кодексом, в своей деятельности по своевременному выявлению, нотификации и контролю патогенных агентов, вызывающих болезни наземных животных (млекопитающих, рептилий, птиц и пчёл), в том числе зоонозных, для недопущения их распространения в ходе междуна-

¹ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вместе с «Перечнем видов млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий, рыб, беспозвоночных и растений, экспорт, реэкспорт и импорт...») (Заклучена в г. Вашингтоне 03.03.1973)// Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII.- М., 1978. С. 549 - 562.

родной торговли животными и продукцией животноводства, не создавая при этом необоснованных барьеров»¹.

В данном случае акцент делается, прежде всего, на охрану здоровья животных и на профилактику их болезней. Нужно отметить, что когда Кодекс был принят в 1968 году, основное внимание уделялось охране животных в целях решения экономических проблем. Но в 2004 году благополучие животных было признано в качестве приоритетной задачи МЭБ. В результате в кодекс был включен Раздел 7, в котором перечисляются меры «по поддержанию благополучия животных и покрывают такие области деятельности, как выращивание, перевозка, убой и умерщвление животных, а также аспекты благополучия, связанные с контролем популяций безнадзорных собак и использованием животных для опытных и учебных целей».

Но как и в СИТЕС, статья 7.1.2 ТАНС «Основные принципы благополучия животных» также выражает антропоцентрические настроения. В ней говорится, что «улучшение благополучия животных на ферме зачастую способствует увеличению производительности и повышению уровня санитарной безопасности пищевых продуктов, способствуя таким образом экономическому росту». Однако, в отличие от СИТЕС, ТАНС также признает, что «использование животных предполагает этическую ответственность за их защиту», и что индикаторами, которые позволяют определить ситуации, которые угрожают «благополучию животных являются так называемые универсальные «пять свобод»: свобода от голода и жажды, свобода от дискомфорта, свобода от боли, увечий и болезней, свобода от страха и стресса, свобода естественного поведения».

Тем не менее, несмотря на включение этических вопросов, положения кодекса имеют ограниченную сферу применения. Например, руководящие принципы, изложенные в ТАНС, касаются только животных, находящихся в пути, и не учитывают их потребности в конечном пункте назначения. Более того, даже в пути кодекс не обеспечивает им значимой защиты. К тому же стандарты, включенные в ТАНС, не имеют обязательной юридической силы для членов МЭБ, но при этом, как ни странно, они обязательны для членов Всемирной торговой организации (ВТО).

По существу, стандарты, руководящие указания и рекомендации, содержащиеся в кодексе МЭБ, являются торговыми стандартами. Иначе говоря, они в первую очередь предназначены для обеспечения санитарной и безопасной международной торговли животными, а не для защиты животных. Во Введении прямо указывается, что «стандарты МЭБ основаны на последних научных знаниях и технических достижениях. При условии правильного применения они позволяют защитить здоровье и благополучие животных и ветеринарное здоровье населения в процессе производства и торговли жи-

¹ Кодекс здоровья наземных животных. Т. 1 Общие положения. – ВОЗЖ, 2019 - URL: https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/oie/oie_terrestrial_code_g_t1.pdf (дата доступа - 29.06.2020)

вотными и животноводческой продукцией, а также при пользовании животными». Поскольку защита животных не является главной целью данного документа, кодекс не может рассматриваться в качестве основы полноценного международного режима защиты животных.

Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке (пересмотренная) была заключена в Кишиневе в 2003 году¹. Европейская конвенция предусматривает общие условия международной перевозки животных от их подготовки к перевозке до их разгрузки в пункте высадки. В отличие от СИТЕС, Европейская конвенция 2003 года признает, что «каждый человек имеет моральную обязанность уважать всех животных и принимать должным образом во внимание их способность к страданию». Тем не менее, стоит отметить, что в первоначальной преамбуле Европейской конвенции 1968 года подобное положение отсутствовало².

Европейская конвенция содержит руководящие принципы для международной перевозки всех позвоночных животных, включая подробную ссылку на некоторые наиболее часто продаваемые виды, такие как овцы и крупный рогатый скот. Но нельзя забывать, что ее сила распространяется только на члены Европейского Союза (ЕС) и за его пределами она не действует.

Тем не менее, при оценке значения Европейской конвенции необходимо учитывать, что Европа относительно хорошо интегрирована в культурном и экономическом отношении, а это означает, что соглашение между европейскими государствами по всей вероятности, легче достичь, чем международное соглашение между менее интегрированными странами. Более того, европейские государства-члены ЕС, как отражающие, так и вносящие вклад в развитие Европейской конвенции, могут быть, а некоторые из них уже, являются лидерами в области защиты животных.

Это, кстати, хорошо видно при анализе процессов гармонизации и унификации европейского законодательства о защите животных. Так, многие европейские страны признают, что животные являются разумными существами³.

В качестве примера гармонизации может указать на соблюдение в ЕС минимальных стандартов для содержания яиц-несушек, в котором с 1 января 2012 года запрещены обычные клетки батареи. В результате, в Австрии использование клеток запрещено с 2020 года, «в Швейцарии клеточное содер-

¹ Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке (Заключена в г. Кишиневе 06.11.2003)//СПС Консультант Плюс

² Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900042> (дата доступа - 29.06.2020)

³ Рахманова Е. Н. Законодательство о защите животных: сравнительно-правовой анализ//Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 01-02 ноября 2019 г.) – СПб. Изд-во «Астерион», 2019. – С. 258-263; Филатова Н. Ю. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России//Адвокатская практика – 2017 - № 5 – С. 59-64

жание куриц полностью запрещено, более того, уже в 1987 году крупнейшие швейцарские торговые сети прекратили продажу яиц, полученных при таком способе разведения. Практически полностью удалось отказаться от клеточного содержания также в Германии, где в 2013 году куры в этой системе составляли только 13%, а немецкие супермаркеты и торговые сети постепенно прекращали продажу яиц из этого вида содержания. В Бельгии в 2009 году было опубликовано заявление о том, что постепенный отказ от любого типа клеток является вероятным решением, и возможный запрет может быть введен с 2025 года»¹.

История становления законодательства о защите прав человека показывает, что принятие положений о социальном обеспечении внутри той или иной страны побуждает других членов международного сообщества принять аналогичные стандарты. На Западе благополучие людей и животных имеют общую историю. Именно поэтому есть все основания предположить, что в итоге они будут следовать аналогичным траекториям и на международном уровне, и что правовые принципы защиты животных перейдут от национальных к транснациональным, как это произошло в случае защиты прав человека.

Вторая причина, которая позволяет ожидать появления общего международного режима защиты животных, заключается в том, что страны, занимающиеся международной торговлей живыми животными, испытывают беспрецедентное политическое давление на них. Наиболее логичный способ справиться с такой критикой - попытаться разработать единый международный стандарт защиты животных, который позволил бы экспортерам из развитых стран отправлять своих животных в развивающиеся страны, будучи уверенными в том, что защита, предоставляемая животным во всем мире, является единой. Иначе говоря, поскольку глобализация продолжает влиять на мировую торговлю, представляется вполне вероятным, что торговцы животными (а также те, кто импортирует и экспортирует продукты животного происхождения, такие как мясо, молочные продукты и мех), будут придерживаться глобальных стандартов благополучия животных.

В результате развивающиеся страны вынуждены уже сегодня принимать законодательные меры, направленные на обеспечение защиты животных. Так, в Китае постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей в 2020 году одобрил предложение «в целях эффективной защиты жизни и здоровья граждан запретить незаконную торговлю дикими животными и отменить вредную привычку чрезмерного потребления диких животных»².

Как указывалось выше, ни СИТЕС, ни ТАНС нельзя признать нормативными актами предназначенными для защиты интересов животных исклю-

¹Проблемы благосостояния кур-несушек на птицефабриках в Республике Беларусь. - URL:<https://koshtjajek.opencages.by> 91.pdf (дата доступа - 29.06.2020)

² Новые Известия. – URL: <https://newizv.ru/news/world/25-02-2020/luchshe-pozdno-v-kitae-zapretili-torgovlyu-i-upotreblenie-v-pischu-dikih-zhivotnyh> (дата доступа - 29.06.2020)

чительно ради самих животных. Ключевым принципом, лежащим в основе СИТЕС, является различие между «дикой природой» и экологией, не испорченной человеческим взаимодействием, и миром, в котором доминирует промышленное развитие. Как отмечалось ранее, это означает, что СИТЕС ориентирована исключительно на виды животных, находящихся под угрозой исчезновения. ТАНС, в свою очередь, тоже связан с экономическим развитием и поддержкой эффективного сельскохозяйственного производства, и, следовательно, его задача обеспечить защиту животных как «ресурса» производственного процесса.

В отличие от направления, связанного с экономикой, существует также второе направление, целью которого является установление единого международного режима защиты животных под эгидой ООН. Для достижения этой цели Международная Лига Прав животных 23 сентября 1997 года в Лондоне приняла Всемирную Декларацию прав животных. В ее преамбуле утверждается, что «что уважение животных человеком является неотъемлемым от уважения человека человеком» и что «определенный юридический статус животных и их прав должен быть признан законом. Защита и безопасность животных должны быть представлены на уровне Правительственных организаций»¹.

Кроме того, в ходе многочисленных консультаций с членами исполнительного комитета Всемирного общества защиты животных (ВОЗЖ), в который входят представители 378 организаций по защите животных из 90 стран мира, был разработан текст Всемирной Декларации благосостояния животных ООН (UDAW). Декларация основана на четырех основополагающих принципах: благополучие животных должно быть общей целью для всех; стандарты благосостояния животных, достигнутые каждым государством, должны поощряться, признаваться и соблюдаться посредством улучшенных мер на национальном и международном уровнях; должны быть приняты все необходимые меры для предотвращения жестокого обращения с животными и уменьшения их страданий; стандарты по благосостоянию животных должны быть разработаны государствами-членами ООН². В настоящее время ведется активная кампания по подписанию государствами-членами ООН данной Декларации.

Долгое время Всемирная организация здоровья животных (МЭБ) рассматривалась в качестве главного международного органа по защите животных, но с момента начала кампании по поддержке UDAW многие главы государств поддержали модель ООН, также как и министры сельского хозяйства из 27 стран-членов Европейского союза («Благополучие животных: призывание министров», 2009 г.), Американская ветеринарная медицинская ассоци-

¹ Всемирная Декларация прав животных - URL: <https://zoo69.ru/vsemirnaya-deklaraciya-prav-zhivotnyx/> (дата доступа - 29.06.2020)

² Всемирная Декларация благосостояния животных - URL: <http://www.animalsprotectiontribune.ru/nnnn59.html> (дата доступа - 29.06.2020)

ация (AVMA) и др. Эта поддержка имеет решающее значение, поскольку, если UDAW будет открыт для подписания государствами-членами ООН, он получит статус международно обязывающего соглашения, и, по сути станет, основным ориентиром в деле защиты животных. Так как это было с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г.

Действительно, хотя МЭБ и ООН представляют две конкурирующие модели глобального регулирования благополучия животных, они не развиваются изолированно и частично совпадают по ряду важных аспектов. Например, предварительный проект UDAW признает «важность текущей работы МЭБ в установлении глобальных стандартов защиты животных» (Всемирное общество защиты животных, 2007, стр. 1).

Аналогичным образом, в рекомендациях, которые были приняты на второй Глобальной конференции МЭБ по защите животных в 2008 году, членам МЭБ было предложено «содействовать принятию Организацией Объединенных Наций Декларации, касающейся благосостояния животных, включая соблюдение норм здоровья и благополучия животных МЭБ». (МЭБ, 2008b, стр. 2). То есть эта рекомендация предполагает, что МЭБ рассматривает UDAW и связанную с ним роль ООН в глобальном режиме защиты животных.

Но если МЭБ станет единственной организационной основой глобального режима защиты животных, вполне вероятно, что статус-кво будет сохранен, и животные будут по-прежнему использоваться в качестве средства достижения человеческих целей.

Но, с другой стороны, если глобальный режим защиты животных будет основан на декларации ООН, результат может быть лучшим для животных, поскольку UDAW в отличие от МЭБ считает защиту животных своей главной целью.

Краткий анализ наиболее известных международных инструментов показывает, что данный момент отсутствует единый международный режим защиты животных. Существующие нормативные акты отражают две модели. Первую модель предпочитают промышленность и государства, и она предполагает, что МЭБ постепенно расширит свою роль в регулировании благополучия животных. Вторая модель ближе защитникам прав животных, которые надеются на принятие Всеобщей Декларации о благополучии животных. В конечном счете, эти модели, вероятно, объединятся в некий гибридный режим, основанный на широких целях, сформулированных ООН, и научных знаниях, предоставленных МЭБ. Однако, независимо от формы, которую примет данный режим, уже ясно, что он вряд ли устроит обе стороны.

Пока можно лишь признать, что в существующих международных нормативных актах о защите животных нет согласованности, необходимой для формирования институциональной структуры, занимающейся защитой животных, поскольку они либо направлены на сохранение животных, либо на содействие торговли животными. Иначе говоря, они в первую очередь посвящены проблемам защиты редких и находящихся под угрозой исчезновения видов жи-

вотных (обычно тех, которые считают желательными для людей), либо защите международной торговли животными, нежели обеспечению того, чтобы животные были защищены от причинения им боли и страданий.

Список литературы

1. *Рахманова Е. Н.* Законодательство о защите животных: сравнительно-правовой анализ//Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 01-02 ноября 2019 г.) – СПб. Изд-во «Астерион», 2019. – С. 258-263
2. *Филатова Н. Ю.* Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России//Адвокатская практика – 2017 - № 5 – С. 59-64
3. *Ryder R. D.* Victims of Science: The Use of Animals in Research. L.: Davis-Poynter, 1975 - 279 p.
4. *Singer P.* Animal Liberation. N. Y.: Harper Collins, 2001. – 320 p.

Ретин М.Е.

Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступной деятельности в сфере обращения платежных банковских карт

Аннотация: В статье автором рассмотрены основные тенденции повышения социальной опасности в результате роста случаев киберхищений в сфере обращения банковских платежных карт; проанализированы механизм и основные способы преступной деятельности рассматриваемого вида; предложена комплексная система профилактических мер, направленных на повышение эффективности противодействия хищениям с пластиковых карт.

Ключевые слова: банковская платежная карта, банк, хищение, мошенничество, информационные технологии, киберпреступность.

Countering Criminal Activity in the Field of Bank Cards Circulation: Challenges for Criminal Law and Criminology

Abstract: Increase in the rates of cyber theft in the sphere of bank cards circulation presents a threat to society. The author analyzes the mechanism and main methods of criminal activity of this type, discusses its main trends and offers a comprehensive system of measures aimed at improving the effectiveness of criminal law measures.

Keywords: bank payment card, bank, theft, fraud, information technology, cybercrime.

Активное вовлечение России в мировое информационное пространство в начале XXI века придало мощнейший импульс развитию IT-технологий. В этот период повсеместно происходит активное становление и совершенствование глобальных телекоммуникационных и компьютерных сетей, разработка аппаратно-программного обеспечения электронно-вычислительных машин, масштабная поголовная компьютерная цифровизация всех без исключения сфер общественно-политической и экономической жизни практически каждого человека.

Но в современных реалиях имеющая место глобальная интеграция и экономическая компьютеризация отдельно взятых государств в единое мировое пространство подразумевает собой не только положительные, но и отрицательные моменты. Благоприятной почвой для криминализации сферы информационно-телекоммуникационных технологий являются всеобщая доступность глобальной сети Интернет, бурное развитие и повсеместное внедрение электронных систем в общественные отношения в условиях всеобщей мировой интеграции.

Преступная деятельность в сфере информационных технологий характеризуется высокой степенью латентности и низким уровнем раскрываемости. Этот факт объясняется несколькими простыми причинами:

- во-первых, у большинства российского населения отсутствуют элементарные теоретические знания и необходимые практические навыки основ информационной грамотности и компьютерной безопасности;

- во-вторых, рост подкованности и постоянное интеллектуальное совершенствование компьютерных мошенников, так называемых: крэкеров (англ. cracker, от to crack – разламывать, раскалывать) и хакеров (англ. hacker, от to hack – кромсать, рубить);

- в-третьих, недостаточный уровень квалификации и профессиональной компетентности большинства сотрудников отечественных правоохранительных органов, осуществляющих выявление, расследование и раскрытие преступной деятельности рассматриваемого вида;

- в-четвертых, киберпреступность – это большой и хорошо организованный бизнес, который ежегодно оперирует миллиардами долларов по всему миру, и его финансирование гораздо выше, чем финансирование компаний и организаций, в том числе правоохранительных структур, которые противостоят и борются с ней¹.

Понимая во внимание всю значимость сложившейся непростой ситуации и необходимость скорейших оздоровительных действий, Президентом России Владимиром Путиным утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, главной целью

¹ См. об этом: Шаталов А.С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2018. - № 3 (32). - С. 7–15.

которой является стабилизация ситуации в стране. В ней впервые было употреблено понятие «критическая информационная инфраструктура России» и отмечена важность ее защиты «с использованием государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы». Информационная безопасность страны интерпретируется как «состояние защищенности общества, личности и государства от внешних и внутренних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация фундаментальных прав и свобод личности, достойные качество и уровень жизни индивида, территориальная целостность, суверенитет и устойчивое экономико-социальное развитие России, безопасность и оборона государства». Система обеспечения информационной безопасности по праву считается неотделимой частью единой комплексной системы обеспечения национальной безопасности страны¹.

В настоящей статье мы рассмотрели актуальные вопросы профилактики и противодействия преступной деятельности в сфере обращения платежных банковских карт и предложили некоторые пути решения назревших и требующих незамедлительного вмешательства со стороны государства проблем.

По официальным сведениям в настоящее время в мире насчитывается свыше десяти миллиардов банковских карт. С каждым годом их общее количество неуклонно продолжает расти. Так, например, количество банковских карт в России на душу населения составляет 2-3 карты. Совершенствование сферы обращения платежных карт в нашей стране играет первостепенную роль для повышения уровня жизни людей и стимулирования экономического роста. Это оказывает существенное влияние:

- на экономику страны и на ее отдельные ее компоненты;
- на ускорение оборота финансового капитала;
- на сокращение затрат по обслуживанию оборота наличных средств;
- на сокращение операционных расходов;
- на повышение уровня безопасности проводимых операций и эффективности банковского обслуживания;
- на вовлечение дополнительных инвестиций физических лиц в развитие экономики в форме зачисления свободных денежных средств на счета, открытие в банковских организациях и др.²

Повсеместное распространение банковских карт при осуществлении платежей, расчетов, кредитных и иных денежных операций показывает, что использование этого современного финансового инструмента существенно упрощает отношения покупателей и продавцов, переводы между счетами фи-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 02.05.2020).

² См. подробнее: Васильев И.И. Развитие российского рынка банковских карт // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2018. - Т. 7. - № 1 (22). - С. 70-73.

зических и юридических лиц наличных денежных средств. Несмотря на существующие проблемы и некоторые недостатки, по-прежнему для населения большинства регионов страны банковские карты – это основной способ защиты и хранения имеющихся накоплений. Банковская карта позволяет ее держателю мгновенно и, практически, повсеместно делать закупки и получать наличные деньги, контролировать текущее состояние своего банковского счета в режиме online. Платежные карты представляют собой мощное оружие потребительского рынка, реализуют выбранную стратегию продавцов услуг и товаров в отношении программ лояльности клиентов и предоставления дополнительных бонусов и скидок.

Мы солидарны с мнением ведущих отечественных ученых и практиков, что, с точки зрения безопасности, пластиковая карта далека от своей безупречности. На внутреннем нелегальном рынке кибермошенники распро­страняют реквизиты карт – чему активно способствует имеющийся устойчивый спрос на них. По данным исследования, проведенного крупнейшей американской компанией McAfee (входит в состав Intel Security), специализирующейся на разработке антивирусного программного обеспечения и различных технологий безопасности, сведения о платежной банковской карте могут стоить от 15 до 200 американских долларов – в зависимости от типа карты, наличия сведений о держателе карты, балансе карты, сроке ее действия, ПИН-коде и кодах безопасности CVV2 или CVC2)¹. По данным Ponemon Institute, в 2018 году ущерб корпораций от потери одной записи о пластиковых картах составил (в зависимости от страны) в среднем 149 долларов США, при этом самими «дорогими» оказались утечки в немецких компаниях – 236 долларов США. Объектами посягательств, с целью получения платежных данных, являются разнообразные банки-эмитенты, розничные отделы в сфере торговли и процессинговые компании. Имея такие данные, кибермошенники приобретают товары и услуги в интернет-магазинах, изготавливают поддельные банковские платежные карты, внося в них реквизиты законных держателей, расплачиваются ими в торговых сетях путем использования различных терминалов, позволяющих без использования авторизации проводить оплату до определенного фиксированного лимита. Нередко злоумышленники пользуются услугами «дропперов» – лиц, снимающих наличные деньги по поддельным картам за определенное финансовое вознаграждение. Кроме этого, свой вклад вносят и сами собственники платежных карт, которые своим несерьезным отношением к «финансовому пластику» предоставляют возможность интернет-мошенникам использовать свои персональные данные для реализации противоправного умысла².

¹ Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. - М.: Норма: ИНФРА-М, - 2018. - С. 221-244.

² Чуракова А.А., Падалка Е.В. Информационные системы как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятий // Актуальные проблемы экономико-правового развития России и регионов [Электронный ресурс]: сборник научных трудов Межвузовской научно-практической конференции (Оренбург, 13 февраля 2019 г.); Оренбургский

Как отмечают в проводимых исследованиях и научных разработках сотрудники Управления «К» МВД России, сотрудники центра информационной безопасности ФСБ России, компьютерные криминалисты из компании Group-IB, сотрудники отдела расследования компьютерных инцидентов ЗАО «Лаборатория Касперского» в последнее время по-прежнему наблюдается негативная тенденция развитие вредоносных программ, ориентированных непосредственно на сами банкоматы. Они могут иметь в своем арсенале весьма обширный функционал: от получения охраняемых конфиденциальных сведений о платежных картах, до выдачи всех имеющихся в банкомате наличных денег и внедрения во внутренние сети банковских организаций. Не теряет своей былой популярности и классический скимминг, позволяющий с помощью сканирующего устройства считать с магнитной полосы карточки персональные данные о владельце и номере счета, необходимые в последующем для изготовления «белого пластика» – поддельной банковской карты¹.

В отечественных средствах массовой информации и оперативных сводках правоохранительных органов регулярно освещаются громкие факты выявления криминальных схем и задержания очередных преступных групп компьютерных злоумышленников, которые не только изготавливали и устанавливали скимминговое оборудование и программное обеспечение, но и осуществляли мошеннические хищения вплоть до непосредственного обналичивания денежных средств с поддельных банковских платежных карт².

В своих глобальных исследованиях утечек конфиденциальной информации Аналитический Центр InfoWatch систематически представляет на всеобщее обозрение общественности международные новости и отчеты о разглашении данных о платежных картах и расчетных счетах на основании находящейся в свободном доступе информации. В ходе тщательно проведенных анализов и экспериментов специалисты пришли к неутешительным выводам:

– малые фирмы и предприятия, активно принимающие к расчету банковские карты (офлайн-ритейлеры, игровые сервисы и т.д.), нередко становятся главной целью сетевых интернет-мошенников. Для указанных компаний и корпораций характерным является то, что у них в наличии имеется значительный объем платежных сведений, а уровень IT-безопасности существенно ниже, чем, например, в банковских организациях;

филиал РЭУ им. Г.В.Плеханова. - Красноярск: Научно-инновационный центр, - 2019. - С. 132-137. - URL: <http://nkras.ru/books/arhiv/2019/aprpr2019.pdf> (дата обращения 03.05.2020).

¹ Гришина Е.А. Риски в платежных системах: мошеннические схемы в мире банковских карт // Финансы и кредит. - 2018. - Т. 24. - Вып. 21. - С. 1280-1291.

² См. об этом: Репин М.Е., Кошелева Е.Е. Характеристика некоторых способов мошеннических списаний денежных средств с платежных банковских карт: Первые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные 100-летию образования экспертно-криминалистической службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции. (Чебоксары, 1 марта 2019 г.). - Чебоксары: Издательство: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, - 2019. - С. 226-231.

– особую тревогу и беспокойство вызывает тот факт, что не все фирмы, имеющие дело с платежными сведениями, понимают их истинную значимость. Если банки и банковские организации действительно уделяют повышенное внимание защите такой информации, то большинство «ритейлеров» просто закрывает глаза на слабую систему собственной защищенности финансовой информации своих клиентов, не выполняя самый минимум требований регулятора и допуская хранение и обработку платежных данных в собственной информационной базе;

– более крупные банки проявляют также не лучшие свои качества и свойства. Весомый процент преднамеренных утечек информации через давно изученные и теоретически легко контролируемые каналы говорит о том, что банки чрезмерно рассчитывают на технические средства защиты и уделяют недостаточное внимание мерам управленческого воздействия и организации работы с психологией собственных сотрудников;

– доля стихийных утечек финансовых сведений в банках и процессинговых компаниях невелика. Соответственно, службы экономической и информационной безопасности в кредитно-банковской сфере обладают необходимым потенциалом, позволяющим им справляться с ошибками персонала с помощью технических средств защиты и контроля за перемещением данных¹.

С каждым годом ассортимент методов интернет-мошенников регулярно пополняется. Вместе с тем, основными способами незаконной добычи сведений о банковских картах у злоумышленников по-прежнему являются:

– внедрение вредоносного программного обеспечения в персональный компьютер потенциальной жертвы с целью перехвата конфиденциальной информации;

– использование «фишинговых» (англ. phishing, от fishing – выуживание, рыбная ловля) атак посредством создания подложных (ненастоящих) сайтов;

– установка специального оборудования в банкоматах – «скиммеров» (от англ. skim – снимать сливки) – устройств считывания магнитной дорожки пластиковой карты.

Также киберпреступники широко используют методы и приемы социальной инженерии, основанные на психологических особенностях людей².

Несмотря на некоторые особенности и специфичность раскрытия новых видов интернет-мошенничества в следственно-судебной практике уже имеются конкретные примеры успешного выявления и расследования рас-

¹ См. подробнее: Байбекова Ф.Н., Бабушкин О.Г. Обзор угроз удаленного доступа для безопасности автоматизированных систем // Перспектива-2019: Материалы VIII Всероссийской молодежной школы-семинара по проблемам информационной безопасности «Перспектива-2019». - Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье», 2019. - с. 256-261

² См. Ламинина О.Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 2. - С. 21-23.

смаатриваемой категории дел, по которым уже были вынесены судами обвинительные приговоры. Пресс-службой Следственного департамента МВД России представлена официальная информация, где идет речь об успешном окончании первого в нашей стране уголовного дела о компьютерном «фишинге». Главными «фигурантами» это громкого дела стали два брата и студент. Братья-хакеры из Санкт-Петербурга 11 сентября 2012 г. Чертановским районным судом города Москвы были признаны виновными в совершении преступлений по ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 273 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, использование и распространение вредоносных программ для электронно-вычислительной техники, а также мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору с причинением ущерба в особо крупном размере) и приговорены к шести годам лишения свободы «условно» с испытательным сроком 5 лет и штрафу по 450 тысяч рублей в пользу государства с каждого. Их соучастник – студент одного из ВУЗов Калининграда – признан виновным тем же судом в пособничестве в совершении мошенничества (ч. 5 ст. 33 и ч. 4 ст. 159 УК РФ) и приговорен к 4 годам «условно» и штрафу в 200 тысяч рублей¹.

Желание сохранить кристалльную деловую репутацию и положительный образ надежности финансового сектора влечет за собой низкую информированность самими банками о фактах хищений финансовых активов с пластиковых карт. Из этого следует высокий уровень латентности преступной деятельности в сфере кибернетических технологий. Весомая доходность и мнимая вседозволенность вызывают у нарушителей непреодолимое желание дальнейшего продолжения своих противоправных действий. С целью профилактики киберпреступлений целесообразно создать единый действенный механизм противодействия, используя все имеющиеся научные, технические и иные ресурсы, как правоохранительных структур, так и коммерческих объединений, заинтересованных в защищенности финансовых систем².

Для оперативного выявления, предупреждения и раскрытия преступной деятельности в сфере обращения платежных банковских карт субъектам расследования необходимо иметь детальное представление о типичных схемах и способах мошеннических действий с противоправным использованием реквизитов законных держателей. Следует учесть тот факт, что такие деяния совершаются, как правило, в составе преступных групп, где имеет место строжайшая дисциплина и четкое распределение ролей между участниками³.

¹ См. подробнее: Обокрали виртуально: хакеры похитили 60 миллионов рублей [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 22 марта. № 61(5734) URL: <https://rg.ru/2012/03/20/moshenniki-site.html> (дата обращения: 05.05.2020).

² См. об этом: Гундерич Г.А. Состояние киберпреступности // Научный вестник Крыма. - 2018. - № 4 (15). - С. 11.

³ Морозов В.В., Репин М.Е. Оперативно-розыскное обеспечение выявления и раскрытия экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и современных информационных технологий: постановка гипотез // Актуальные проблемы

Среди основных направлений и способов преступной деятельности в сфере IT-технологий можно выделить наиболее типичные схемы совершения мошеннических хищений:

- получение необходимых реквизитов банковских карт путем неправомерных операций;
- применение в корыстных целях незаконно добытых конфиденциальных сведений и персональных данных;
- изготовление и последующее противоправное использование поддельных документов, удостоверяющих личность;
- создание подложных пластиковых карт;
- дальнейшее обналичивание финансовых средств с использованием банкоматов;
- осуществление имеющимися у мошенников поддельными платежными картами расчетов за приобретенные товары и оказанные услуги;
- отмывание денежных средств посредством проводимой реализации вышеуказанных товаров и услуг¹.

Чаще всего общение и взаимодействие всех участников преступных группировок происходит через ресурсы глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Как следствие этого, практически все противоправные действия совершаются не знакомыми лично друг другу людьми. Среди всех членов преступных групп особая роль принадлежит организатору, который управляет другими участниками ее участниками. Организатор подбирает нужное лицо – главного исполнителя, который непосредственно поддерживает отношения с остальными членами сообщества, передает им поступившие от организатора инструкции и поручения, осуществляет соответствующее руководство. Главный исполнитель отбирает определенных лиц, осуществляющих покупки в торговых точках и снятие наличных средств через терминалы и банкоматы. Организатор делает пластиковые карты, фальшивые документы и передает их главному исполнителю, который при помощи остальных участников группы совершает снятие денег с соответствующих счетов законных владельцев. Мы полностью согласны с позицией Осипенко А.Л., который считает, что это ординарная, на первый взгляд, схема совершения преступной деятельности рассматриваемого вида, но она позволяет нам понять – каким именно образом кибермошенникам удается практически безнаказанно совершать свои противоправные деяния, используя пластиковые карты².

науки и практики в исследованиях молодых ученых: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 14 ноября 2019 г.) / под ред. А.Ю. Афанасьева, А.В. Горбачевой. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. - 2020. - С. 200-207.

¹ Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие : в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. - М. : Академия управления МВД России, 2019. - Ч. 1. - С. 58-72.

² См. подробнее: Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 4 (40). - С. 181-188.

Следует обратить внимание на пугающую направленность распространения приложений для планшетов и смартфонов. В результате развития таких предложений имеется полноценная возможность доступа к персональным сведениям собственника. Владельцам современных гаджетов лучше отказаться от использования сомнительных приложений. Говоря о других трендах развития IT-преступности, специалисты отмечают, что одной из важных тенденцией нескольких последних лет является широкое использование мобильных платформ в качестве средств для получения конфиденциальной информации. Сотрудниками «Управления К» МВД РФ была выявлена крупная ботсеть, ориентируемая устройством под управлением Android. Ее целью являлось хищение денег с электронных счетов крупнейшего российского банка. Программа скрытно отправляла и принимала управляющие SMS-сообщения системы мобильного банка, что позволяло ей узнавать баланс на счетах и осуществлять несанкционированные переводы. Количество зараженных устройств в России составляет не менее 20-25 тыс. смартфонов¹.

В рамках представленного материала, принимая во внимание внушительный объем всей необходимой для изучения и освоения информации, мы попросту лишены полноценной возможности детально рассмотреть высокоэффективную последовательность проверочных действий. Как считает известный ученый-процессуалист Лубин А.Ф., именно проверочные действия – как средства формирования исходной информации – способствуют активному изобличению свидетельской базы, характера деяний, которые успели совершить кибермошенники, времени и места совершения противоправных действий, негативных последствий совершения незаконных операций с пластиковыми картами, установлению конкретных обстоятельств, подлежащих доказыванию, расследованию и, в конечном итоге, раскрытию преступной деятельности данного вида².

В заключение, в качестве действенных мер по профилактике мошеннических преступлений с использованием банковских платежных карт мы можем выделить следующие:

- усиление спроса к порядку хранения и обработки финансовых сведений на региональном и глобальном уровне, в том числе не хранить их в информационных системах;
- доведение до владельцев пластиковых карт правил их безопасного использования и хранения;
- своевременное обращение в органы правопорядка при обнаружении какого-либо несоответствия платежных данных с данными официально выпущенной карты;

¹ МВД назвало главные угрозы для пользователей смартфонов и интернета [Электронный ресурс]. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/mvd_nazvalo_glavnye_ugrozy_dlya_polzovatelej (дата обращения: 11.05.2020).

² См.: Лубин А.Ф., Репин М.Е. Проверочные действия как средства формирования исходной информации // Расследование экономических и иных преступлений: проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей. - Нижний Новгород: Издательство: Нижегородская академия МВД России. - 2016. - С. 127-138.

- непрерывное комплексное взаимодействие и сотрудничество между правоохранительными структурами и службами безопасности банков;
- незамедлительное обращение в правоохранительные органы при подозрении на наличие несанкционированного технического оснащения на банкоматах;
- осуществление круглосуточного контроля за аппаратной, программной и коммуникационной составляющей банковской сети для оперативного выявления уязвимостей со стороны злоумышленников;
- банкам следует немедленно обращаться в правоохранительные органы и предоставлять им всю запрашиваемую информацию в полном объеме – даже в случае обнаружения мелких хищений – это позволит на самом первоначальном этапе субъектам расследования бороться с преступной деятельностью;
- осуществление правоохранительными структурами России эффективного всестороннего сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами по вопросам профилактики, выявления и раскрытия международной преступной деятельности в сфере информационных технологий.

Список литературы

1. *Байбекова Ф.Н., Бабушкин О.Г.* Обзор угроз удаленного доступа для безопасности автоматизированных систем // Перспектива-2019: Материалы VIII Всероссийской молодежной школы-семинара по проблемам информационной безопасности «Перспектива-2019». - Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье», 2019. - С 256-261.
2. *Васильев И.И.* Развитие российского рынка банковских карт // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2018. - Т. 7. - № 1 (22). - С. 70-73.
3. *Гришина Е.А.* Риски в платежных системах: мошеннические схемы в мире банковских карт // Финансы и кредит. - 2018. - Т. 24. - Вып. 21. - С. 1280-1291.
4. *Гундериц Г.А.* Состояние киберпреступности // Научный вестник Крыма. - 2018. - № 4 (15). - С. 11.
5. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие : в 2 ч. / [А.В. Аносов и др.]. - М. : Академия управления МВД России, 2019. - Ч. 1. - 208 с.
6. *Ламинина О.Г.* Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 2. - С. 21-23.
7. *Лубин А.Ф., Репин М.Е.* Проверочные действия как средства формирования исходной информации // Расследование экономических и иных преступлений: проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник ста-

тей. - Нижний Новгород: Издательство: Нижегородская академия МВД России. - 2016. - С. 127-138.

8. *Морозов В.В., Ретин М.Е.* Оперативно-розыскное обеспечение выявления и раскрытия экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и современных информационных технологий: постановка гипотез // Актуальные проблемы науки и практики в исследованиях молодых ученых: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 14 ноября 2019 г.) / под ред. А.Ю. Афанасьева, А.В. Горбачевой. - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. - 2020. - С. 200-207.

9. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. - М.: Норма: ИНФРА-М, - 2018. - 352 с.

10. *Осипенко А.Л.* Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 4 (40). - С. 181-188.

11. *Ретин М.Е., Кошелева Е.Е.* Характеристика некоторых способов мошеннических списаний денежных средств с платежных банковских карт: Первые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные 100-летию образования экспертно-криминалистической службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции. (Чебоксары, 1 марта 2019 г.). - Чебоксары: Издательство: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, - 2019. - С. 226-231.

12. *Чуракова А.А., Падалка Е.В.* Информационные системы как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятий // Актуальные проблемы экономико-правового развития России и регионов [Электронный ресурс]: сборник научных трудов Межвузовской научно-практической конференции (Оренбург, 13 февраля 2019 г.); Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В.Плеханова. – Красноярск: Научно-инновационный центр, - 2019. - С. 132-137. - URL: <http://nkras.ru/books/arhiv/2019/apepr2019.pdf> (дата обращения 03.05.2020).

13. *Шаталов А.С.* Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2018. - № 3 (32). - С. 7-15.

Мотивация преступного поведения спортсменов, вовлеченных в организованную преступную деятельность¹

Аннотация: В статье рассматривается мотивационный механизм поведения спортсмена, вовлеченного в организованную преступную деятельность. Анализируются рациональные и глубинные мотивы, влияние на мотивационную сферу таких признаков организованной преступной деятельности как ее групповой и длящийся характер, значение для мотивации преступного поведения личностных особенностей спортсмена в виде нацеленности на достижение высоких результатов, а также отсутствие психологического запрета на причинение в спорте физического вреда другому человеку. Отмечается возможность детерминации преступного поведения, связанного с проявлением агрессии, в результате нарушения гормонального баланса при длительном употреблении химических препаратов-стимуляторов.

Ключевые слова: преступное поведение, мотивация, организованная преступность.

Motivation of criminal behavior of athletes involved in organized criminal activity

Abstract. The article deals with the motivational mechanism of behavior of an athlete involved in organized criminal activity. The rational and underlying motives, the influence of such signs of organized criminal activity as its group and continuing nature, on the motivational sphere, along with the importance of such personal characteristics of an athlete as the focus on achieving high results, for the motivation of criminal behavior as well as the absence of a psychological ban on causing physical harm to another human being in sports are analyzed. The possibility of determining criminal behavior associated with the manifestation of aggression as a result of hormonal imbalance with prolonged use of stimulant chemicals is noted.

Key words: criminal behavior, motivation, organized crime.

Изучение мотивации преступного поведения имеет значение не только для правильной квалификации деяния субъекта и выбора адекватной меры уголовно-правовой ответственности, но и для решения криминологических задач, и в первую очередь – для выстраивания концепции ранней индивидуальной профилактики преступлений.

При этом следует согласиться с теми криминологами, кто полагает, что мотивация как явление выходит за пределы мотива, который хотя и является

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

основным ее элементом, но не исчерпывает ее содержания¹. Представляется логичным выделение разных уровней мотивов – рационального и смыслового, первый из которых непосредственно побуждает удовлетворять лежащие на поверхности потребности, второй же, глубинный, позволяет эти потребности объяснить с учетом личностных свойств конкретного индивида и его жизненного опыта².

Еще в 60-е годы XX в., последователи интеракционистического подхода к изучению и объяснению человеческого поведения (учитывающего при оценивании личности не только психологические особенности человека, но и его поступки) представляли целенаправленное поведение как итог взаимодействия личностных факторов, определяющихся потребностью – то есть тем, к чему человек стремится, желает достичь, и ситуативных, актуализирующих потребностей, которые заставляют достигать этой цели; американский ученый Г.Мюррей называл эти факторы «press», «давление»³.

Особенности мотивации участия в организованной преступной деятельности во многом обусловлены тем, что такая деятельность всегда является групповой, и продолжающейся во времени. Это означает, что в механизме преступного поведения важную, если не сказать – важнейшую роль играет конформизм, облегчающий навязывание членам группы негативной, общественно опасной модели поведения, и манипулирование их волей и сознанием.

Именно в длящейся групповой преступной деятельности отчетливо проявляется «двухслойность» мотивации, взаимодействие личностных факторов, обусловленных конкретной потребностью как целью поступков, и факторов, определяющих поведение как средство реализации потребности. Движущим мотивом участия в организованной преступной деятельности с уголовно-правовой точки зрения является желание получения незаконной материальной выгоды, так как в Уголовном кодексе Российской Федерации закреплена именно такая цель создания преступного сообщества в виде структурированной организованной группы либо объединения организованных групп (ч.4 ст.35 УК РФ), и эта норма имплементирована в наш уголовный закон из Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, то есть она отражает глобальную, вненациональную черту организованной преступности. Здесь можно заметить, что Ю.М.Антонян и Е.К.Волконская справедливо критикуют отождествление цели и мотива, указывая, что цель – не что иное как самостоятельный элемент поведения, при этом вторичный по отношению к мотиву⁴; но в данном случае цель получе-

¹ См.: Жилина Н.Ю., Овсяникова Е.А., Савельева И.В. Мотивация в механизме преступного поведения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - №2 (81). - С. 118.

² Там же, С.120-121.

³ См.: Murray H.A. Toward a classification of interaction // Toward a general theory of action. – ed. by T.Parsons, E.A.Shils. – Harvard Univ.Press, Cambridge, Mass. 1962. P.434-464.

⁴ См: Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Мотив преступного поведения: основные характеристики// Общество и право - 2012. - № 4 (41). - С.152.

ния, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды определена законом как обязательный элемент субъективной стороны преступлений, совершаемых в составе преступного сообщества, и это обуславливает криминологическое содержание мотива участия в этих преступлениях. Это – мотивирующий фактор первого, низшего класса в структуре мотивации, фактор уровня потребности, источник активности, его можно отнести к мотивационным переменным.

В криминологическом же аспекте глубинная, смысловая мотивация представляет собой целый пласт, комплекс мотивов – «психологических образований, обеспечивающих сознательный выбор человеком предмета и способа удовлетворения потребности»¹, для уяснения которых следует обратиться к основным понятиям психологии.

В современной психологии принято говорить о трех основных мотивах человеческой деятельности: мотиве достижения, мотиве аффилиации и мотиве доминирования. Так, Д.Макклеланд описывает мотив достижения как стремление к завладению и манипулированию какими-либо физическими объектами, людьми или идеями, готовность решать трудные задачи, желание превзойти других и повысить самоуважение. Мотив аффилиации сводится к побуждению взаимодействовать с теми людьми, кто похож на самого субъекта или проявляет к нему симпатию, угождать выбранному лицу, проявлять преданность ему. Мотив доминирования означает стремление к контролю над окружающими людьми и к манипулированию ими².

Говоря о мотивации преступного поведения спортсменов, вовлеченных в организованную преступную деятельность, следует принимать во внимание всю мотивационную сферу личности, – тем более что у спортсменов она характеризуется определенными особенностями, – так как мотив в конечном итоге является продуктом процесса мотивации, под которым понимается внутренняя детерминация поведения и деятельности, психический процесс, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение³.

Мотив достижения, как потребность добиваться успехов и избегать неудач, для спортсменов является наиболее сильным компонентом мотивационной сферы, поскольку спортивная активность нацелена на достижение высокого результата, победу в соревновании, и сублимация субъекта на спортивной деятельности способствует закреплению мотива достижения в его мотивационном механизме. Этот мотив у спортсменов обычно дополняется мотивом демонстрации себя, желания быть на виду, что естественно для индивида, участвующего в спортивных состязаниях. Привычка работать в команде, подчиняться тренеру либо лицу, возглавляющему команду (капитану), обостряет у спортсмена мотив аффилиации и порой перерастает в мотив

¹ См.: Харченко И.С. Мотивы как основа становления эмотивно-аксиологической сферы субъекта // Сибирский психологический журнал, - 2011. - № 6. - С.257.

² См.: Макклеланд Д. Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007. - С.69-70.

³ См.: Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Указ. соч. С.153.

поклонения, трактующийся в психологии как подражание более сильным личностям, стремление к поведению в рамках установившихся в малой группе традиций. Доминирование проявляется в силу ориентированности на превосходство над другими, выигрыш в спортивном состязании.

Все перечисленные мотивационные детерминанты изначально, в период спортивной активности индивида, имеют социально положительную коннотацию, так как спорт – сфера общественно полезной и одобряемой человеческой деятельности. Даже агрессивное поведение в спорте психологически оправдано для достижения спортивного результата, при условии, что силовое воздействие на другого человека осуществляется в рамках спортивных правил. Однако снятие ментального запрета на причинение в спорте физического вреда другому человеку может быть экстраполировано на поведение спортсмена вне спортивной сферы, поскольку выставить границы дозволенной агрессивности индивиду бывает чрезвычайно сложно, особенно когда физическое насилие в ходе совершения преступления инспирируется и одобряется членами авторитетной для него малой группы – организованного преступного сообщества.

В таких случаях вступает в действие концепция нейтрализации, оправдания девиантного поведения, разработанная американскими криминологами Г.Сайксом и Д.Матзой¹. Для облегчения нарушения уголовно-правового запрета девиант отрицает причинение вреда, полагая, что от его действий никто не страдает, к примеру – он осуществляет акцию насилия, помогая товарищам получить долг; отрицает наличие жертвы, поскольку тот, у кого силой отбирают деньги, сам виноват – задолжал и не отдает, и т.д. Один из респондентов, проинтервьюированных автором, – участник организованного преступного сообщества, – сообщил, что в 90-е годы XX в., в период становления системы организованной преступности в России, спортсменов вовлекали в организованные преступные группы, предлагая выполнить силовые акции – «кому-то голову проломить, долги вышибить». То есть обосновывали необходимость применения физического насилия неправильным поведением жертвы. Причем такие ситуации были чрезвычайно распространены; по его словам, «вся криминальная структура в Питере вылилась из спорта».

Нужно также учитывать, что организованные преступные группы объединяются для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а это значит, что к моменту вовлечения в криминальную деятельность у такого индивида уже сформировалась решимость не просто нарушить уголовно-правовой запрет, а готовность противопоставлять себя обществу в течение длительного времени и участвовать в опасных деяниях, посягающих на важнейшие виды общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Так, по оперативным данным, один из руководителей «тамбовского» преступного сообщества, сформировавшегося в 1990-х годах в Санкт-Петербурге (Ленинграде), Валерий Л.

¹ Sykes G. M., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 22, 1957, p. 664-670.

учился в Институте физической культуры и спорта им. Лесгафта, занимался боксом и мечтал поступить в военное училище; но в связи с трудным материальным положением он и некоторые его однокурсники стали совершать мелкие грабежи: в соучастии открыто похищали у прохожих шапки, отбирали деньги, а затем его знакомый вовлек его в преступное сообщество, занимавшееся гораздо более опасными преступлениями, и Валерий Л. достаточно быстро занял в нем высокую позицию, стал «вторым лицом» в иерархии этого сообщества, правой рукой лидера.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что мотивационный механизм спортсмена, вовлеченного в организованную преступную группу, определяют материальные потребности, в комплексе с личностными, обусловленными инстинктом превосходства, а также конформностью личности, что оформляется в гипертрофированные мотивы достижения, аффилиации, зачастую доминирования.

Эта мотивационная сфера осложняется сформировавшейся у индивида в ходе занятий спортом психологической установкой на допустимость применения насилия и причинения физического вреда другому человеку, и отсутствием критики к такому поведению за пределами спортивных состязаний.

Поэтому непременным компонентом концепции индивидуальной ранней профилактики преступного поведения у спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, должна быть исходящая от авторитетного для спортсмена лица (тренера, старшего товарища) либо от представителей значимой для него малой группы установка на недопустимость агрессии за пределами спортивной сферы.

Кроме изложенного, мотивация преступного поведения спортсмена, вовлеченного в организованную преступную деятельность, может быть рассмотрена под углом оригинальной теории Е.И.Думанской о влиянии на поступки человека различных химических медиаторов, вырабатываемых железами внутренней секреции, биологически активных ферментов, ускоряющих или замедляющих биохимические процессы в мозге. По мнению этого автора, хронический дефицит дофамина или серотонина, истощение в мозге биологически активных ферментов, особенно в сочетании с выбросом в кровь половых гормонов, способны вызвать эмоциональную бурю, тягу к насилию¹.

С учетом результатов криминологических исследований, в частности – опроса 60 спортсменов-любителей и лиц, профессионально занимающихся спортом, показавшего, что практически все опрошенные, по собственной инициативе, либо по предложению тренера, хотя бы один раз принимали в качестве допинга запрещенные препараты для достижения более высоких

¹ См.: Думанская Е.И. Мотивация: проблема неосознаваемого в преступном поведении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2011. - № 40 (257). - С. 47.

спортивных результатов, – можно предположить, что после длительного приема стероидов или других химических препаратов на фоне усиленных физических нагрузок гормональный фон спортсмена изменяется, нарушается гормональный баланс, и это, в сочетании с неблагоприятными социальными детерминантами, может привести к девиации в поведении. Таким образом, антидопинговая пропаганда и меры, принимаемые против использования запрещенных субстанций в спорте, косвенно помогают решить проблему ранней индивидуальной профилактики преступного поведения спортсмена.

Список литературы

1. *Антоян Ю.М., Волконская Е.К.* Мотив преступного поведения: основные характеристики // Общество и право. - 2012. - № 4 (41). - С.150-156.
2. *Думанская Е.И.* Мотивация: проблема неосознаваемого в преступном поведении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2011. - № 40 (257). - С. 47-50.
3. *Жилина Н.Ю., Овсяникова Е.А., Савельева И.В.* Мотивация в механизме преступного поведения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - №2(81). - С. 117-122.
4. *Макклелланд Д.* Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007.
5. *Харченко И.С.* Мотивы как основа становления эмотивно-аксиологической сферы субъекта // Сибирский психологический журнал, 2011. № 6. - С. 254-267.
6. *Murray H.A.* Toward a classification of interaction // Toward a general theory of action. – ed. by T.Parsons, E.A.Shils. – Harvard Univ.Press, Cambridge, Mass. 1962. P.434-464.
7. *Sykes G. M., Matza D.* Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 22, 1957. P. 664-670.

Федик Е.Н., Щербаков А.Д.

Хищения «виртуальных игровых существей»: отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия

Аннотация. В предлагаемой к ознакомлению статье авторы рассматривают проблематику квалификации преступлений, сопряженных с хищениями «виртуальных существей», – виртуальных объектов, выступающих в качестве или средства платежа, или принадлежности к виртуальному герою, которые через систему улучшений повышают свою стоимость и качество относительно иных предметов, принадлежащих другим игрокам. В качестве иллюстративности авторы обращаются к опыту зарубежных государств, показывая, что отечественное уголовное законодательство в контексте прово-

димой «цифровизации» также должно обеспечивать надлежащую уголовно-правовую охрану интересов лиц, являющихся владельцами таких «виртуальных сущностей»

Ключевые слова: виртуальная сущность; цифровизация; уголовное право зарубежных стран; хищения.

Theft of «virtual game entities»: domestic and foreign experience of criminal law counteraction

Abstract. In this article, the authors consider the problem of qualifying crimes either involving the theft of «virtual entities» - virtual objects that act as a means of payment or belonging to a virtual hero, which through a system of improvements increases its value and quality relative to other items belonging to other players. As an illustration, the authors turn to the experience of foreign countries, showing that domestic criminal law in the context of the ongoing «digitalization» should also provide appropriate criminal legal protection of the interests of persons who are the owners of such «virtual entities»

Keywords: virtual entity; digitalization; criminal law of foreign countries; theft.

В соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, принятой во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204², в настоящее время в Российской Федерации проводится активная работа по внедрению в секторы народного хозяйства и государственного управления цифровых технологий. Одним из направлений цифровизации является разработка соответствующего блока нормативно-правовых актов, призванного регламентировать процессы использования «цифры» в отечественном обществе. Не может оставаться в стороне и отрасль уголовного законодательства³. Важно отметить, что сфера «цифры» часто неверно понимается правоприменителем и предпринимаемые попытки по криминализации того или деяния терпят неудачу, так как, к сожалению, качество законодательской работы остается на весьма низком уровне⁴.

¹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 22.06.2020).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 22.06.2020).

³ Русскевич Е.А. Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 1. - С. 163 – 168.

⁴ Примером может служить проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с указанным актом предполагается внесение в структуру

Представляется, что одним из путей, которые могут быть рекомендованы законодателю – изучение иностранного опыта, где с проблематикой как позитивного, так и негативного правового регулирования сферы «цифры» столкнулись существенно раньше и наработали определенный опыт. Безусловно, сфера нормативно-правового регулирования обширна, поэтому мы не можем позволить себе в рамках настоящей статьи охватить все аспекты уголовно-правовой регуляции данного вопроса. Остановимся на вопросе, связанном с хищениями «цифровых сущностей» в компьютерных играх.

Развитие рынка компьютерных игр привело к формированию самостоятельной индустрии компьютерных игр, оборот которой составляет около 130 млрд. долларов¹. Одно из направлений на рынке – онлайн игры, позволяющие в режиме реального времени, в многопользовательском формате не только проходить соответствующие миссии, но и посредством вложения реальных денежных средств улучшать своего виртуального персонажа или виртуальный объект², используемый для игры (танк, автомобиль, корабль и т.п.)³, что может быть объединено понятием – игровое имущество⁴. Несмотря на существующие правовые лакуны, в отечественной судебной практике встречаются случаи квалификации действий, связанных с изъятием «виртуальных игровых сущностей», как преступления в сфере компьютерной информации⁵ или же как деяние, выступающее предикатным или сопровождающим хищением⁶. Также помимо вложения средств в улучшение своего пер-

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ, если не указано иное) трех новых статей 187.1, 187.2 и 187.3, криминализирующие деяния, связанные с незаконным оборотом цифровых прав. Но текст статей сложен, непонятен для правоприменителя и, самое главное, отсутствует четкое понимание общественной опасности указанных действий. См.: Письмо Министерства экономического развития РФ от 19.05.2020 № Д31и-15634 // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://drive.google.com/file/d/1ix97dhGyBbc1ugQ3kG2VGF7gdvEoAwuY/view> (дата обращения: 22.06.2020).

¹ Value of the global video games market from 2012 to 2021 // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.statista.com/statistics/246888/value-of-the-global-video-game-market/> (дата обращения: 22.06.2020).

² Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. - 2014. - № 9. - С. 71-92.

³ Обстоятельная статья: Батурин Ю.М., Полубинский С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2018. - № 2. - С. 9-35.

⁴ Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: [https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_v_irtualnoe_s_cifrovym](https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_v_virtualnoe_s_cifrovym) (дата обращения: 20.06.2020).

⁵ Приговор № 1-465/2013 от 16 августа 2013 г. // Архив Раменского городского суда Московской области.

⁶ Приговор № 1-183/2019 от 6 июня 2019 г. // Архив Камышинского городского суда Волгоградской области. Приговор № 1-78/2019 от 13 мая 2019 г. // Архив Жуковского городского суда Московской области.

сонажа или игрового объекта, игроки могут аккумулировать на своих виртуальных счетах в онлайн игре значительные суммы в игровой валюте¹, имеющей выражение в реальной валюте².

Представляется, что основная проблема, не позволяющая активнее применять «классические» нормы о хищении в виртуальной реальности, составляет момент восприятия конкретным правоприменителем виртуальной игровой сущности как объект противоправного посягательства. В частности, Орин Керр [Orin S. Kerr] отмечает³, что обычный, реальный мир и действующее в нем уголовное право предполагает возможность осязания преступления: к примеру, лицо, убивающее другое лицо, достигает своей цели через физическое взаимодействие, совершает видимые деяния и приводит к осязаемому результату. В виртуальной же реальности, совершение отдельных преступлений невозможно: виртуальное изнасилование – это не изнасилование, поскольку нет человека, который физически пострадал. Иной подход, применительно к вопросу конкретно хищения, сформулирован в статье Лицки Стрикверд [Litska Strikwerda], которая предлагает для понимания предмета хищения виртуальной сущности формулу: виртуальный предмет (X) считается «объектом, который может быть украден» (Y) в не виртуальном мире (C)⁴. Данный подход получил реальное подтверждение в судебной практике Верховного суда Нидерландов, который в январе 2012 года вынес решение по делу о хищении из виртуальной игры Runescape⁵, где, оставляя в силе решения нижестоящих судов, сформулировал три правила⁶. Интересно, что

Приговор № 1-192/2018 от 21 ноября 2018 г. // Архив Мостовского районного суда Краснодарского края.

¹ Chris Baraniuk, Thieves in online games can be caught by watching how they play // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.newscientist.com/article/2130960-thieves-in-online-games-can-be-caught-by-watching-how-they-play/> (дата обращения: 22.06.2020).

² Приговор № 1-472/2018 от 14 ноября 2018 г. // Архив Свердловского районного суда г. Костромы. См.: Сидоренко Э.Л. Особенности квалификации преступлений, связанных с хищениями криптовалют // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 3. С. 149-155.

³ Kerr, Orin S., Criminal Law in Virtual Worlds (2008). 2008 University of Chicago Legal Forum 415 (2008) // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=1097392> (дата обращения: 22.06.2020). Вместе с тем, с такой позицией можно согласиться отчасти, т.к. совершение преступных деяний в сети Интернет или в виртуальном мире может привести к конкретному последствию в виде самоубийства или же само деяние является одной из форм психологического насилия над жертвой.

⁴ Strikwerda, L. Theft of virtual items in online multiplayer computer games: an ontological and moral analysis. Ethics Inf Technol 14, 89–97 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10676-011-9285-3>.

⁵ Lodder, Arno R. “Dutch Supreme Court 2012: Virtual Theft Ruling a One-Off or First in a Series?” The Journal of Virtual Worlds Research 6 (2013): 1-12.

⁶ 1. Ссылка апелланта на то, что виртуальные объекты не являются вещью, а виртуальной иллюзией, состоящей из «битов и байтов», несостоятельна, т.к. и потерпевшая сторона, и апелланта признают, что указанная «иллюзия» имеет ценность и стоимостное значение;

идеи принятия решения в части признания «виртуальных игровых сущностей» в виде вещи суды черпали в прецеденте 1921 г., когда Верховный суд Нидерландов признал электричество предметом хищения, тем самым разрушив практику признания предмета хищения только осязаемую вещь.

Можно привести опыт Тайваня, где сформулирован самостоятельный состав преступления, регламентирующий вопрос ответственности за хищения в виртуальном мире игр¹, а сами виртуальные вещи признаются собственностью. В Южной Корее разработан Акт о продвижении игрового бизнеса, где регулируется вопрос о признании виртуальной собственности и ее обороте как в виртуальном пространстве, так и во вне.²

Также интересен опыт Китая, который директивным путем указал нижестоящим судам и сотрудникам правоохранительных органов принимать к производству и расследованию дела, где объектом хищений выступает какая-либо виртуальная сущность. При этом, такая сущность признается вещью³.

Известный интерес представляет и опыт Индии, где Верховный суд по делу *Dalmia v. Delhi Administration*⁴, давая толкование категории «свойство» применительно к движимым вещам, указал, что отнесение объекта к движимой вещи зависит не от толкования, а от реальной возможности совершения конкретных действий с таким объектом. Таким образом, данное толкование дает возможность относить «виртуальные» вещи к движимым, т.к. они могут участвовать в обороте и имеют свое выражение в реальном мире⁵.

Подытожим.

Как мы видим, «виртуальные игровые сущности» могут выступать предметом хищения, что подтверждается и судебной практикой, и положениями доктрины. Представляется, что использование в правоприменительной практике уже устоявшихся теоретических конструкций, связанных с вопросами регламентации уголовной ответственности за хищения, в «цифровой» реальности более выигрышно, нежели формирование каких-то норм и новых составов преступлений.

2. Аргумент апелланта о том, что объекты хищения в игре – маска и амулет – всего лишь информация, т.е. ее нельзя украсть, признан несостоятельным, т.к., хотя вещь и информация имеют весьма размытые границы, но по обстоятельствам дела с определенностью следует, что и информация может являться вещью;

3. Аргумент апелланта о том, что хищение является частью игры несостоятельно, т.к. примененное насилие к потерпевшему не может рассматриваться как игра.

¹ *Peter Brown & Richard Raysman* Property Rights in Cyberspace Games and Other Novel Legal Issues in Virtual Property // *The Indian Journal of law and technology*. 2006. № 2. 87 – 105 pp.

² *Chao, John S.*, "Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time" (2010). *Law School Student Scholarship*. 45.

³ *Jeff L. LeBlanc*, *The Pursuit of Virtual Life, Liberty, and Happiness and its Economic and Legal Recognition in the Real World*, 9 *Fla. Coastal L. Rev.* 255, 283 (2008).

⁴ *Dalmia v. Delhi Administration*. 1962 AIR 1821, 1963 SCR (1) 253.

⁵ *Rumbles, W.* (2011). *Theft in the digital: Can you steal virtual property?* *Canterbury Law Review*, 17(2), 354-374.

Список литературы

1. *Архинов В.В.* Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. - 2014. - № 9. - С. 71-92.
2. *Батурин Ю.М., Полубинский С.В.* Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2018. - № 2. - С. 9-35.
3. *Рожкова М.А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym
4. *Рускевич Е.А.* Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 1. - С. 163 – 168.
5. *Сидоренко Э.Л.* Особенности квалификации преступлений, связанных с хищениями криптовалют // Библиотека уголовного права и криминологии. -2018. - № 3. - С. 149-155.
6. *Chao, John S.*, «Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time» (2010). Law School Student Scholarship. 45.
7. *Chris Baraniuk*, Thieves in online games can be caught by watching how they play // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://www.newscientist.com/article/2130960-thieves-in-online-games-can-be-caught-by-watching-how-they-play/>
8. *Jeff L. LeBlanc*, The Pursuit of Virtual Life, Liberty, and Happiness and its Economic and Legal Recognition in the Real World, 9 Fla. Coastal L. Rev. 255, 283 (2008).
9. *Kerr, Orin S.*, Criminal Law in Virtual Worlds (2008). 2008 University of Chicago Legal Forum 415 (2008) // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=1097392>
10. *Lodder, Arno R.*. «Dutch Supreme Court 2012: Virtual Theft Ruling a One-Off or First in a Series?» The Journal of Virtual Worlds Research 6 (2013): 1-12.
11. *Peter Brown & Richard Raysman* (2006) Property Rights in Cyberspace Games and Other Novel Legal Issues in Virtual Property // The Indian Journal of law and technology. № 2. 87 – 105 pp.
12. *Rumbles, W.* (2011). Theft in the digital: Can you steal virtual property? Canterbury Law Review, 17(2), 354-374.
13. *Strikwerda, L.* Theft of virtual items in online multiplayer computer games: an ontological and moral analysis. Ethics Inf Technol 14, 89–97 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10676-011-9285-3>.

Противодействие незаконному обороту оружия: опыт США

Аннотация: в настоящем исследовании авторами кратко исследуется поэтапное развитие законодательства США о регулировании оборота огнестрельного оружия. Выявлены особенности, сложившиеся в законодательстве США в области права на хранение и ношение оружия, исторические причины существования такого права.

Ключевые слова: противодействие, оружие, незаконный оборот, США.

Countering illicit firearms trafficking: the US experience

Abstract: in this study, the authors briefly examine the phased development of US legislation on the regulation of firearms. The features that have developed in the US legislation in the field of the right to store and carry weapons, the historical reasons for the existence of such a right are revealed.

Key words: counteraction, weapons, illicit trafficking, USA.

Неотъемлемой частью правового статуса граждан США является право на хранение и ношение оружия. В настоящее время около 393-х миллионов единиц огнестрельного оружия находится в руках граждан США¹. Однако США на протяжении многих лет сталкиваются с проблемой незаконного использования оружия общественно-опасными способами. Ежегодно на территории США имеют место случаи массовой стрельбы: 41 из 138 случаев массовой стрельбы в мире происходят в США². Так, в 2017 году в ходе массовой стрельбы в Лас-Вегасе погибли 58 человек, 546 получили ранения. 36383 человека ежегодно умирает от насилия с применением огнестрельного оружия³. Поэтому проблема ношения и хранения оружия гражданами США остается дискуссионной по сей день. Некоторые ученые видят связь между высокой долей граждан, владеющих оружием, и вероятностью случаев массовой стрельбы⁴.

Право на хранение и ношение оружия гарантируется Второй Поправкой к Конституции США, принятой в рамках Билля о правах 1791 года. Само

¹ Estimating Global Civilian-Held Firearms Numbers. Aaron Karp. – URL: <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-BP-Civilian-Firearms-Numbers.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

² Is the United States an Outlier in Public Mass Shootings? A Comment on Adam Lankford. – URL: <https://econjwatch.org/File+download/1106/LottMoodyMar2019.pdf?mimetype=pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

³ The Facts that Make Us Act. – URL: <https://www.bradyunited.org/key-statistics> (дата обращения: 20.05.2020).

⁴ Public Mass Shooter and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. – URL: <https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/31/2/187> (дата обращения: 20.05.2020).

право было заимствовано из английского Билля о правах 1689 года, однако в настоящее время оно сохранилось только в Конституции США. «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» - гласит Вторая Поправка к Конституции США¹. Принятие данной поправки объяснялось необходимостью государства иметь народное ополчение на случай войны. Более того, народное ополчение было призвано противостоять постоянной армии, которая может «стать сильным противником свобод народа»: «Мне представляется, что это наилучшая замена постоянной армии, наилучшее обеспечение безопасности против нее, если таковая должна существовать» - писал один из отцов-основателей США А. Гамильтон².

Однако на данный в момент США существует постоянно действующая армия и система правоохранительных органов, но при этом право на ношение оружия, закрепленное Второй Поправкой к Конституции США, сохранилось. В связи с этим, начиная с 1934 года, Конгресс США принял ряд актов, направленных на ограничение оборота оружия в США.

Первым таким актом стал Национальный закон об огнестрельном оружии (National Firearms Act), принятый в 1934 году³. Главной особенностью закона стало то, что он накладывал высокий налог как на владельцев, так и на производителей, импортеров и продавцов огнестрельного оружия. Под огнестрельным оружием в данном законе понимались дробовики и винтовки, а также иное оружие, за исключением пистолетов и револьверов при условии, если они не снабжены глушителем.

Важным прецедентом в области оборота оружия стало дело «США против Миллера» (*United States v. Miller*), рассмотренное Верховным Судом США в 1939 году⁴. Джек Миллер оспаривал конституционность положений Национального закона об огнестрельном оружии, запрещавшего торговлю оружием между штатами (*interstate commerce*). Он был осужден за перевозку на территорию другого штата и продажу обреза, который не был зарегистрирован в установленном законом порядке. Верховный Суд США, рассматривая заявление, постановил, что ограничение на продажу дробовиков и обрезов не противоречит Второй Поправке к Конституции США постольку, поскольку такое оружие не является необходимым для создания «хорошо организованного ополчения».

Тем не менее, главной политико-правовой причиной принятия акта и его назначением стало не пополнение казны США, а ограничение оборота

¹ Конституция Соединенных Штатов Америки. - URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

² Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа “Прогресс” – “Литера”, 1994. – С. 193–199.

³ 48 Stat. 1236 (Pub. Law 73-474) // uslaw.link URL: <https://uslaw.link/citation/stat/48/1236> (дата обращения: 20.05.2020).

⁴ *United States v. Miller* // law.cornell.edu URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/307/174> (дата обращения: 20.05.2020).

оружия, поскольку свободный оборот и ношение оружия поставили серьезную проблему криминального характера – оружие стало часто использоваться в качестве орудия преступлений, особенно совершаемых бандами. Одной из таких стала бойня в День святого Валентина в 1929 году, однако принятие билля было отложено. В 1933 году случилось покушение на Президента Франклина Рузвельта, что послужило «толчком» к принятию закона¹. В качестве «регулятора» оборота оружия, был установлен ряд налогов, в частности 200 долларов на продавцов и производителей пулеметов и обрезов, который остается неизменным по сей день.

С целью сбора налогов закон установил обязательную регистрацию любого огнестрельного оружия, находящегося на территории США, будь оно предметом торговли или находится оно во владении рядового гражданина. Таким образом, лишь с принятием данного акта стало возможным говорить именно о незаконном обороте огнестрельного оружия: статья 5 закона определила, что в случае умышленного нарушения любых правил оборота оружия, предусмотренных данным законом, в том числе регистрации, лицо или корпорация наказывается штрафом в размере до 2000 долларов и/или лишением свободы на срок до 5 лет.

На данный момент закон частично утратил силу в связи с принятием последующего законодательства, однако положения о налогах на оружие были инкорпорированы в Раздел 26 Свода Законов США – Кодекс внутренних государственных доходов (Internal Revenue Code)², где в том числе закреплены положения об уголовной ответственности за налоговые преступления.

В 1938 году был принят Федеральный закон об огнестрельном оружии (The Federal Firearms Act)³. Новой мерой по противодействию массовому обороту огнестрельного оружия стало лицензирование. Так, важным положением закона стало четкое определение группы лиц, которым запрещалось хранить и носить оружие, например, ранее осужденным за тяжкие преступления. Наказание за нарушение положений Федерального закона осталось то же, что и предусмотрено Национальным законом об огнестрельном оружии: штраф в размере до 2000 долларов и/или лишение свободы на срок до 5 лет.

Одним из ключевых исторических событий, повлиявших на развитие регулирования оборота оружия в США, стало убийство 35-го Президента США Джона Кеннеди. После этого в 1968 году был принят Закон о контроле за оружием (Gun Control Act), который был инкорпорирован в Свод Законов США в Раздел 18 Свода Законов США - Преступления и уголовный процесс

¹ Greg S. Weaver Firearm Deaths, Gun Availability, and Legal Regulatory Changes: Suggestions from the Data // Journal of Criminal Law and Criminology. - 2002. - №92.

² 26 U.S. Code Chapter 53—machine guns, destructive devices, and certain other firearms // law.cornell.edu URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-E/chapter-53> (дата обращения: 20.05.2020).

³ The Federal Firearms Act 1938. – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/52/STATUTE-52-Pg1250.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

(Crimes and criminal procedure)¹. В связи с принятием нового закона утратил силу Федеральный закон об огнестрельном оружии 1938 года, а также биллем были внесены изменения в Национальный закон об огнестрельном оружии в части налогообложения.

Основной новеллой законодательства о регулировании оборота оружия стало введение понятия «разрушающее устройство» (“destructive device”). К таковым относятся бомбы, гранаты, ракеты с метательным зарядом больше четырех унций, ракеты со взрывным или зажигательным зарядом более четверти унции, мины, а также иные устройства, схожие с указанными в перечне. Также закон запретил импорт любого оружия, кроме используемого в спортивных целях. Было установлено правило о том, что лица младше 21 года не имеют права на покупку, хранение и ношения оружия.

Круг лиц, не имеющих права ношения и хранения оружия, был определен и в законе, однако в 1993 году был принят Закон Брэди о предотвращении насилия с применением ручного оружия (Brady Handgun Violence Prevention Act), или Закон Брэди². Билль был назван в честь Джеймса Брэди – ассистента 40-го президента США Рональда Рейгана. Брэди был ранен в ходе вооруженного покушения на Президента.

Законом Брэди, который был инкорпорирован в Раздел 18 Свода Законов США, был расширен круг лиц, которые не имеют права хранить и носить оружие. К таковым относятся лица, осужденные за преступления, наказание за которые превышает лишение свободы сроком на 1 год, лица, скрывающиеся от правосудия, душевнобольные, иностранцы и мигранты, незаконно находящиеся на территории США, лица, незаконно употребляющие вещества и лекарства, строго ограниченные в обороте государством, лица, отказавшиеся от гражданства США, лица, уволенные из вооруженных сил по неуважительной причине, лица, на которых наложен судебный запрет притеснять, преследовать или угрожать интимному партнеру (“intimate partner” – супруг, бывший супруг, родитель общего ребенка, а также совместно проживающее или проживавшее лицо), лица, осужденные за домашнее насилие или признанные виновными в любом мисдиминоре.

Другой важной новеллой Закона Брэди стала система проверки анкетных данных лица, приобретающего оружие. Таким образом стало возможно вычисление лиц, которые не имеют права приобретать оружие, с целью недопущения хранения и ношения оружия такими лицами.

Нарушение положений, определенных в Законе о контроле за оружием, влечет уголовную ответственность. Наказанием, например, за продажу оружия лицу, которому запрещено хранить и носить оружие в соответствии с Законом Брэди, является лишение свободы на срок до 10 лет.

¹ 18 U.S. Code Title 18 — Crimes and criminal procedure // law.cornell.edu URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/subtitle-E/chapter-53> (дата обращения: 20.05.2020).

² 107 Stat. 1536 // uslaw.link URL: <https://uslaw.link/citation/stat/107/1536> (дата обращения: 20.05.2020).

В 1994 году был принят еще один закон, касающийся полуавтоматического и иного оружия с магазином большой вместимости – Акт об общественной безопасности и защите использования рекреационного огнестрельного оружия, или Закон о запрете штурмового оружия (Public Safety and Recreational Firearms Use Protection Act). Так, 13 сентября 1994 года Билл Клинтон, 42-й Президент США, подписал Закон. Его особенностью стал лишь временный запрет на производство, продажу и владение полуавтоматическим оружием. Срок ограничения составил 10 лет, после чего не был продлен¹.

В 2005 году новый акт конгресса США вступил в силу – Закон о защите легальной торговли оружием (Protection of Lawful Commerce in Arms Act)². Основным его положением стал запрет на судебные иски против производителей, продавцов и импортеров оружия, когда вред, нанесенный использованием огнестрельного оружия, причиняется лишь преступником, или когда вред причиняется оружием, произведенным нелегально. Все дела, рассматриваемые по подобным поводам, были прекращены 26 октября 2005 года.

Дело «Округ Колумбия против Хеллера» (*District of Columbia v. Heller*) 2008-го года³ стало прецедентным в толковании Второй Поправке к Конституции США. Дик Энтони Хеллер был офицером полиции, который носил служебное оружие во время службы, однако ему было запрещено хранить оружие дома. Верховный суд США пришел к выводу о том, что Вторая Поправка к Конституции США дает право на ношение оружия не только лицам, состоящим в «ополчении», но также и иным лицам в целях самообороны.

В 2010 году Верховный Суд США рассмотрел еще одно дело, связанное с толкованием Второй Поправки к Конституции США - дело «Макдональд против Чикаго» (*McDonald v. Chicago*)⁴. Отис Макдональд проживал в районе Морган Парка города Чикаго с 1971 года. Со временем район пришел в упадок: произошло засилье бандитизма – гараж Макдоналда был ограблен пять раз. Будучи профессиональным охотником и имея дробовик, он считал, что дробовик не подходит для самообороны и решил купить пистолет. Однако это невозможно было сделать в связи с тем, что, согласно закону, принятому местными властями, любое оружие необходимо было регистрировать, а власти Чикаго установили запрет на продажу пистолетов. Верховный Суд США, решением в 5 голосов против 4, посчитал, что положение Второй Поправки к Конституции США о том, что «право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» относится не только к федеральным органам власти, но и к органам власти штатов и местного самоуправления.

¹ Federal Assault Weapons Ban: Legal Issues // fas.org URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R42957.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

² 119 Stat. 2095 // <https://uslaw.link/citation/stat/119/2095> URL: uslaw.link (дата обращения: 20.05.2020).

³ *District of Columbia v. Heller* // <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/07-290> URL: law.cornell.edu (дата обращения: 20.05.2020).

⁴ *McDonald v. City of Chicago* // <https://www.britannica.com/event/McDonald-v-City-of-Chicago> URL: britannica.com (дата обращения: 20.05.2020).

Таким образом, в современных условиях в США право граждан носить оружие, несмотря на различные ограничения, введенные Конгрессом в XX веке, практически не ограничено. К сожалению, такой подход к регулированию оборота оружия не является безопасным для населения. Представители гражданского общества в США все чаще поднимают вопрос о необходимости установления полного запрета на свободную продажу огнестрельного оружия в связи с постоянным увеличением числа жертв преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, свободного для продажи.

Список литературы

1. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа “Прогресс” – “Литера”, 1994. – С. 193–199.
2. *Greg S. Weaver* Firearm Deaths, Gun Availability, and Legal Regulatory Changes: Suggestions from the Data // *Journal of Criminal Law and Criminology*. - 2002. - №92.
3. 107 Stat. 1536. - URL: <https://uslaw.link/citation/stat/107/1536> (дата обращения: 17.05.2020).
4. 119 Stat. 2095. - URL: uslaw.link (дата обращения: 19.05.2020).
5. U.S. Code. - URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 17.05.2020).
6. 48 Stat. 1236 (Pub. Law 73-474). - URL: <https://uslaw.link/citation/stat/48/1236> (дата обращения: 17.05.2020).
7. Конституция Соединенных Штатов Америки. - URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 20.05.2020).
8. Оружейное лобби предостерегло Трампа от ужесточения законов об оружии. - URL: <https://rg.ru/2019/08/10/oruzhejnoe-lobbi-predostereglo-trampa-ot-uzhestocheniia-zakonov-ob-oruzhii.html> (дата обращения: 19.05.2020).
9. *District of Columbia v. Heller*. - URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/07-290> (дата обращения: 19.05.2020).
10. *Estimating Global Civilian-Held Firearms Numbers*. Aaron Karp. – URL: <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-BP-Civilian-Firearms-Numbers.pdf>
11. Here’s a Timeline of the Major Gun Control Laws in America // *time.com* URL: <https://time.com/5169210/us-gun-control-laws-history-timeline/> (дата обращения: 17.05.2020).
12. Here Are The Biggest Nationwide Gun Control Protests Planned // URL: https://www.huffpost.com/entry/gun-protests-walkouts-florida-school-shooting_n_5a8daa96e4b0273053a6fd20 (дата обращения: 20.05.2020).
13. Is the United States an Outlier in Public Mass Shootings? A Comment on Adam Lankford. – URL: <https://econjwatch.org/File+download/1106/LottMoodyMar2019.pdf?mimetype=pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

14. McDonald v. City of Chicago. - URL: <https://www.britannica.com/event/McDonald-v-City-of-Chicago> (дата обращения: 19.05.2020).

15. Public Mass Shooter and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. – URL: <https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/31/2/187> (дата обращения: 05.05.2020).

16. The Facts that Make Us Act. – URL: <https://www.bradyunited.org/key-statistics>(дата обращения: 05.05.2020).

17. The Federal Firearms Act 1938. – URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/52/STATUTE-52-Pg1250.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

18. United States v. Miller. - URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/307/174> (дата обращения: 17.05.2020).

Шестак В.А., Цыплакова А.Д.

Современные угрозы правам человека со стороны киберпространства

Аннотация: в работе рассмотрены основные преступления, совершаемые в Даркнете под призмой угроз правам человека, а также сделаны предложения по совершенствованию противодействия таким киберпреступлениям в современных условиях.

Ключевые слова: противодействие преступности, даркнет, киберпреступления, угроза.

Modern threats to human rights from cyberspace

Abstract: the paper considers the main crimes committed in Darknet under the prism of threats to human rights, as well as offers to improve the counteraction to such cybercrimes in modern conditions.

Keywords: countering crime, darknet, cybercrime, threat.

С каждым годом аудитория интернет-пространства растёт. По данным отчёта Digital 2020 компаний We are social и Hootsuite, на начало 2020 года пользователи интернета составляют 4,54 миллиарда человек по всему миру — около 60% населения мира находится в онлайн¹. При такой популярности платформы возникают новые вызовы, одним из которых является появление сети «DarkNet», она же «DarkWeb» (далее — Даркнет) — тёмная сеть внутри сети, которая из анонимного «островка свободы»² превратилась в рассадник изошёренной неза-

¹ Report Digital 2020. We are social in partnership with Hootsuite. - URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения 01.06.2020).

² Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник РУК. - 2018. - №3 (33). - С.126.

конной деятельности. По данным TOR Metrics¹ (Tor — технология, позволяющая обеспечить конфиденциальный вход в Даркнет), 18 сентября 2013 года была отмечена пиковая активность пользователей — 6 миллионов пользователей. Сейчас в 2020 году отметка пользователей держится выше 2 миллионов, а в отдельные месяцы — 2,5 миллиона. Что касается статистики по Российской Федерации, то в середине лета 2019 года число клиентов Tor превышало 600 тысяч, а в 2020 году колеблется между 40–60 тысячами. Россия входит в топ 10 стран среди пользователей данного программного обеспечения, занимая 2 место. При этом в соответствии с Глобальным индексом кибербезопасности 2018 года², Российская Федерация занимает 26 место в мире и 1 место среди стран СНГ. Очевидно, что повышенный интерес к «тёмной» сети объясняется не только мирными целями. Киберпреступность в последние годы стала целой индустрией, доходы которой составляют 1,5 триллиона долларов США³. В связи с этим важно рассмотреть виды преступлений сетевого пространства, которые не охватываются в полной мере современным уголовным законодательством.

В Стратегии борьбы с серьёзной и организованной преступностью, разработанная правительством Великобритании в 2018 году⁴, выделяются следующие категории преступлений, совершаемых непосредственно в Даркнете: сексуальная эксплуатация детей и надругательство над ними, незаконный оборот наркотиков и огнестрельного оружия, мошенничество, отмывание денежных средств (и другие экономические преступления), взяточничество и коррупция, организованная миграционная преступность, современное рабство и торговля людьми, киберпреступления. Последний вид вызывает особый интерес, поскольку нет выработанного единого подхода. В соответствии с классификацией, приведённой Управлением Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности⁵, выделяются следующие виды деяний в киберпространстве: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем; правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств; правонарушения, связанные с содержанием компьютерных данных.

¹ Tor. Users. Tor Metrics. - URL: <https://metrics.torproject.org/userstats-relay-country.html> (дата обращения 01.06.2020).

² Global Cybersecurity Index (GCI) 2018. ITUPublications. p.58. - URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2018-PDF-E.pdf (дата обращения 01.06.2020).

³ Dr. Mike McGuire. Into The Web of Profit. An in-depth study of cybercrime, criminals and money. Project funded by Bromium, Inc. April 2018. p.23.

⁴ Serious and Organised Crime Strategy. 09.04.2014 (updated 01.11.2018). p.11. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752850/SOC-2018-web.pdf (дата обращения 01.06.2020).

⁵ Модуль 2: Основные виды киберпреступности. Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей: Киберпреступность. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. 2019. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf (дата обращения 01.06.2020).

К первой группе относят: хакерские атаки; создание, хранение и распространение вредоносных программ; атаки DoS (отказ в обслуживании); распределённые атаки DDoS (отказ в обслуживании); онлайн-вандализм веб-сайтов. Данные преступления воспринимаются как услуги, исполнением которых занимаются профессионалы с набором различных умений и способностей, составляя таким образом разветвлённую бизнес-модель цифрового подполья¹. Сервис или услуга могут иметь зависимость от других, неспособного функционировать без них или способного с меньшей пропускной способностью, или быть дополнением к ценности исходных (сервиса или услуги). Например, распространение вредоносных программ зависит по большей части от кодирования (зависит от эксплойта и обхода антивируса), возможности редактирования веб-сайтов, эксплойта, распределения трафика и платы за установку программы. Таким образом, от качества вредоносной программы зависит подверженность устройства кибер-атакам, атакам DoS, DDoS, вследствие которых к третьим лицам попадают персональные и личные данные, — за чьё нераспространение вымогается чаще всего определённая сумма денег или же перепродаётся иным лицам для совершения мошеннических операций и организации нелегальной миграции. Таким образом, две группы преступлений связаны между собой, поскольку ко второй группе относятся преступления, которые совершаются «в целях извлечения личной или финансовой прибыли или причинения личного или финансового вреда»²: компьютерное мошенничество или подлог; компьютерные преступления, связанные с использованием персональных данных, и спам; компьютерные преступления, касающиеся авторских прав или товарных знаков; деяния, предполагающие использование компьютера в целях причинения личного вреда; завлечение детей (груминг). Использование системы или устройства является частью способа совершения преступления в данном случае. К третьей группе относят преступления, связанные с незаконным контентом: сексуальное насилие над детьми, расистские и ксенофобские материалы, материалы террористического или экстремистского характера. Всё это наносит так называемый онлайн вред.

На уровне правительства Великобритании разработан стратегический документ, нацеленный на формирование и развитие понятийного аппарата и базы в вопросах вреда в сети, — Белая книга онлайн вреда. «Онлайн вред — онлайн-контент или деятельность, которая наносит вред отдельным пользователям (особенно детям), либо угрожает образу жизни страны (Великобритании), либо подрывает национальную безопасность,

¹ Europol. Cybercrime Dependencies Map. European Cybercrime Centre. 07.05.2015. - URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/cybercrime_dependencies_map_0.pdf (дата обращения 01.06.2020).

² Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Проект. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. Февраль 2013. С. 121. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf. (дата обращения 01.06.2020).

либо снижает доверие и посягает на общие права, обязанности и возможности для содействия интеграции»¹. Иными словами, онлайн вред — это онлайн поведение лица, которое может причинить вред человеку физически или эмоционально посредством вредоносной информации, размещённой в интернете или отправленной человеку². Приведена также его классификация. К первой группе относятся уголовно-наказуемые деяния: сексуальная эксплуатация детей и злоупотребления их; террористическая деятельность; организованная миграционная преступность; современное рабство; экстремальная порнография; порнографическая месть; харасмент и киберсталкинг; разжигание ненависти; склонение к самоубийству или содействие совершению суицида; подстрекательство к насилию; продажа незаконных товаров и услуг (наркотики и оружие); незаконная загрузка информации из тюрем; секстинг (создание, владение, копирование и распространение изображений детей и молодёжи в возрасте до 18 лет непристойного или сексуального характера). К второй группе относятся деяния, у которых нет чёткого правового статуса на законодательном уровне: кибербуллинг и троллинг; экстремистская деятельность; принуждающее поведение (принудительный контроль); устрашение; дезинформирование; одобрение насилия; пропаганда самоповреждения; поощрение проведения калечащих операций на женских половых органах. К третьей группе относятся особые виды информации, доступ к которым должен быть только у совершеннолетних пользователей: порнография и неподходящий для несовершеннолетних материал. Всё это составляет запрещённый или же ограниченный контент, который находит своё распространение в том числе в Даркнете.

Согласно легальному делению уголовно-наказуемых деяний в Уголовном Кодексе Российской Федерации³ блоки киберпреступлений соотносятся: против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и порядка, против государственной власти.

В целях профилактики и борьбы с киберпреступлениями против личности международное сообщество предлагает ориентацию на потерпевших — теория рутинной деятельности Лоренса Коэна и Марка Фелстона⁴, основан-

¹ Online Harms White Paper. 08.04.2019. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/793360/Online_Harms_White_Paper.pdf. С. 30 (дата обращения 01.06.2020).

² A Summary – Online Harms White Paper. 26.06.2019. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/811923/EASY_READ_Online_Harms_White_Paper.pdf (дата обращения 01.06.2020).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.06.2020).

⁴ Профилактика киберпреступлений против личности. Модуль 12: Киберпреступления против личности. Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей: Киберпреступность. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и пре-

ная на трёх условиях: потенциальный правонарушитель, подходящая жертва (цель) и отсутствие должного попечителя. При изменении одного из элементов вероятность выполнения объективной стороны преступления в полной мере снижается. Для этого существуют инициативы в области воспитания и образования, которые предполагают ведение курсов об опасности отдельных видов онлайн вреда: кибербуллинга и троллинга, пропаганды насилия и самоистязания — и безопасному использованию интернета для повышения осведомлённости о таких явлениях, как груминг, секстинг и сексуальная и иная эксплуатации. Для этого проводят специально подготовленные тематические уроки, как, например, в Еврейской автономной области¹, и просвещающие документальные фильмы, как, например, в Ростовской области². Необходимо придать больший территориальный охват таким инициативам и сделать обязательными профилактические курсы в учебных заведениях.

Преступления в сфере экономики, против общественной безопасности и порядка и против государственной власти, в свою очередь, связаны теснее, чем можно представить. Для борьбы с чёрными рынками, на которых можно приобрести нелегально наркотики, оружие, поддельные и украденные персональные данные, удостоверения личности и другие управомочивающие документы, необходим системный подход, поскольку происходит постоянное реинвестирование от доходов с преступлений как услуг в другие киберпреступления. Причём следует понимать, что вложение в развитие сторонних правонарушений не требует больших затрат — будь то дополнительное криминальное программное обеспечение, поддержка вредоносного сайта или оплата услуг мулов³. При всей сложной инфраструктуре нет единого центра или авторитета, который бы поддерживал эту систему. Однако при том, что наркорынки составляют львиную долю тёмной стороны Даркнета, можно сделать вывод о том, что именно через них производится реинвестиции в иные наказуемые деяния. По данным Европола, инструменты киберпреступности в свою очередь способствовали распространению новых психоактивных веществ (более 620 видов новых типов синтетических наркотиков) с 2005 года по всей Европе⁴. Банды, которые занимаются отмыванием денег

ступности. 2019. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-12/key-issues/interpersonal-cybercrime-prevention.html> (дата обращения 02.06.2020).

¹ МВД РФ. В Еврейской автономной области сотрудники органов внутренних дел подготовили онлайн-урок по кибербезопасности для школьников. Новости МВД РФ. 24.04.2020. - URL: <https://мвд.рф/news/item/20043901/> (дата обращения 02.06.2020).

² МВД РФ. Сотрудники полиции в Ростовской области подготовили документальный фильм по профилактике киберпреступлений. Новости МВД РФ. 19.05.2020. - URL: <https://мвд.рф/news/item/20199674/> (дата обращения 02.06.2020).

³ Dr. Mike McGuire. Into The Web of Profit. An in-depth study of cybercrime, criminals and money. Project funded by Bromium, Inc. April 2018. p.116.

⁴ Europol. EUROPOL STRATEGIC REPORT: HOW ILLEGAL DRUGS SUSTAIN ORGANISED CRIME IN THE EU. Press Release. 06.12.2017. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/europol-strategic-report-how-illegal-drugs-sustain-organised-crime-in-eu> (дата обращения 03.06.2020).

посредством биткоина, также практикуют организацию массового производства наркотиков (примером может служить нидерландская группировка¹). При этом системы, через которые производится отмывание денег (например, Hawala), предоставляют террористам надёжные сервисы для поддержки и реинвестиций. Примером может служить случай Юниса Цули (известного как «Irhabi 007») и его сообщника Тарика аль-Даура. Для финансирования запрещённой в Российской Федерации террористической организации «Аль-Каида» преступники приобретали украденные номера кредитных карт посредством транзакций на онлайн-форумах (например, Cardplanet), с которых впоследствии получил доход более 3,5 миллионов долларов на момент ареста. Также Цули использовал ресурсы (The Web of Profit) для отмывания этих денег через игровые сайты (absolutpoker.com и paradisepoker.com)².

Таким образом, полагаем, необходимо перейти к более гибким подходам к предупреждению киберпреступности. Необходимо уделять внимание программным инструментам, поскольку они могут способствовать раскрытию используемых цифровых технологий для сокрытия и отмывания доходов. В частности, инструменты виртуализации могут создавать безопасные убежища, изолированные от Интернета, куда незаконная кибер деятельность может быть перенаправлена и, в итоге, нейтрализована.

Список литературы

1. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Проект. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. Февраль 2013. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения 01.06.2020);

2. Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник РУК. - 2018. - №3 (33). - С.125–129;

3. Модуль 2: Основные виды киберпреступности. Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей: Киберпреступность. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. 2019. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf (дата обращения 01.06.2020);

4. Профилактика киберпреступлений против личности. Модуль 12: Киберпреступления против личности. Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей: Киберпреступность. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. 2019. URL:

¹ The Guardian. Ten arrested in Netherlands over bitcoin money-laundering allegations. 20.01.2016. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/jan/20/bitcoin-netherlands-arrests-cars-cash-ecstasy> (дата обращения 03.06.2020).

² Jacobsen Michael. Terrorist Financing on the Internet. CTC Sentinel: June 2009, Vol.2 №6.

<https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-12/key-issues/interpersonal-cybercrime-prevention.html> (дата обращения 01.06.2020);

5. A Summary – Online Harms White Paper. 26.06.2019. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/811923/EASY_READ_Online_Harms_White_Paper.pdf (дата обращения 01.06.2020);

6. *Dr. Mike McGuire*. Into The Web of Profit. An in-depth study of cyber-crime, criminals and money. Project funded by Bromium, Inc. April 2018. p.178;

7. Europol. Cybercrime Dependencies Map. European Cybercrime Centre. 07.05.2015. - URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/cybercrime_dependencies_map_0.pdf (дата обращения 01.06.2020);

8. Europol. EUROPOL STRATEGIC REPORT: HOW ILLEGAL DRUGS SUSTAIN ORGANISED CRIME IN THE EU. Press Release. 06.12.2017. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/europol-strategic-report-how-illegal-drugs-sustain-organised-crime-in-eu> (дата обращения 03.06.2020);

9. *Jacobsen Michael*. Terrorist Financing on the Internet. CTC Sentinel: June 2009, Vol.2 №6;

10. Online Harms White Paper. 08.04.2019. - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/793360/Online_Harms_White_Paper.pdf (дата обращения 01.06.2020);

11. Report Digital 2020. We are social in partnership with Hootsuite. - URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения 01.06.2020);

12. Serious and Organised Crime Strategy. 09.04.2014 (updated 01.11.2018). - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752850/SOC-2018-web.pdf (дата обращения 01.06.2020);

13. Tor. Users. Tor Metrics. - URL: <https://metrics.torproject.org/userstats-relay-country.html> (дата обращения 01.06.2020).

Раздел V. Современное состояние уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики

Иванченко Е.А.

Принципы организации следственной деятельности на современном этапе

Аннотация: в статье рассматриваются принципы организации следственной деятельности, как уникального творческого высокоинтеллектуального процесса специально уполномоченного на то субъекта, наделенного законом соответствующими полномочиями, направленного на раскрытие совершенного преступления, установление виновного в том лица и всех обстоятельств произошедшего, а также доказывание виновности. Автор подчеркивает, что, не смотря на изменения на разных исторических этапах концепции организации правоохранительной системы государства и иных факторов, а также до сих пор ведущуюся дискуссию в отношении статуса следователя, его роли в следственной работе, все исследователи единодушно признают его основным процессуальным субъектом предварительного расследования, представляющего сторону обвинения.

Ключевые слова: следственная деятельность, доказывание, доказательства, задачи расследования.

Modern Principles of Investigative Activities Organization

Abstract: The article deals with the principles of organizing investigative activities as a unique, creative, and highly intellectual process of a specially authorized subject, endowed with the appropriate powers by law, aimed at revealing the committed crime, establishing the person responsible for it and all the circumstances of the incident, as well as proving guilt. The author emphasizes that, despite the changes in the concept of organization of the state law enforcement system and other factors at different historical stages, as well as the ongoing discussion regarding the status of the investigator, and her role in investigative work, all researchers unanimously recognize her as the main procedural subject of the preliminary investigation, representing the prosecution.

Keywords: investigative activity, evidence, tasks of the investigation.

Следственная деятельность является частью уголовного судопроизводства, самостоятельным направлением правоохранительной работы и характеризуется рядом отличительных признаков:

- она нормативно обособлена от иных направлений правоохранительной деятельности, то есть регламентирована отдельными нормативными актами, посвященными только ей;

- данная деятельность носит собирательный характер, то есть осуществ-

ляется путем совершения следственных и иных предусмотренных законодательством действий, направленных на собирание и оценку доказательств виновности в совершении преступления лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело по поводу или основанию, закрепленному в УПК РФ;

- осуществляется специально уполномоченным на то лицом - следователем, имеющим четко обозначенный процессуальный статус;

- следственная деятельность осуществляется процессуальным субъектом, принадлежащим к стороне обвинения;

- реализуется в строго установленной процессуальной форме, то есть предполагает совершение определенных действий, принятие предусмотренных законом решений и облечение их в процессуальную (чаще всего протокольную форму);

- цель данного направления правоохранительной деятельности комплексная и состоит одновременно из трех взаимосвязанных элементов: установление истины; изобличение виновного; привлечение виновного к уголовной ответственности;

- для эффективной реализации полномочий в рамках следственной деятельности все решения и требования следователя облачены во властный характер государственного принуждения, то есть по своей правовой природе носят императивный характер;

- в отношении следователя (именно как процессуального субъекта) также установлена предусмотренная законом ответственность: дисциплинарная и уголовная;

- за законностью производства следственной деятельности нормативно предусмотрено три вида обязательного контроля: ведомственный контроль; судебный контроль; прокурорский надзор;

- следственная деятельность характеризуется высокой интеллектуальной интенсивностью в состоянии длящегося стресса, ей присущ высокий уровень психологической и эмоциональной напряженности.

Подробная регламентация процессуальным законодательством обусловлена повышенными требованиями к допустимости и относимости доказательств, собранных следователем для доказывания виновности, именно на них основывается установление судом истины произошедшего и вынесение решения о виновности или невиновности лица в совершении преступления.

Несмотря на то, что, согласно положениям УПК РФ, никакое доказательство не имеет для суда заранее установленной силы, значение обеспечения безусловной относимости и допустимости доказательства не подлежит пояснениям, а такая обязанность полностью возложена на следователя.

Правовой статус следователя в самой общей форме закреплен в ст. 38 УПК РФ, однако множество норм уголовно-процессуального закона носит отсылочный характер, поэтому подробное содержание правового статуса следователя рассредоточено практически по всему процессуальному закону.

Мы встретили крайне неоднозначное отношение к правовому статусу следователя на страницах научной печати, высказывается мнение о недопу-

стимости причисления следователя к стороне обвинения¹, другие называют такое причисление нелогичным² или неоправданным³. Мы не можем согласиться ни с одним из приведенных мнений, несмотря на то, что они заслуживают самого повышенного внимания, поскольку, как не следователь обеспечивает доказательственную базу обвинения? Прокурор изъят из доказательственного процесса, функция процессуального руководства ему более не принадлежит, его основная задача на досудебных стадиях уголовного судопроизводства – надзор за законностью производимого расследования. Суд тем более не может встать ни на одну из сторон, участвующих в деле, его самостоятельность и непредвзятость гарантируется Конституцией РФ. Следовательно, от лица правоохранительной системы к стороне обвинения могут принадлежать следователь и его непосредственный руководитель – руководитель следственного органа, в котором несет службу следователь.

Задачи следственной деятельности не исчерпываются только привлечением лица к уголовной ответственности и сбором доказательственной базы виновности, среди задач еще следует назвать:

- обеспечение оперативности расследования (сегодня большое внимание уделяется соблюдению разумности сроков уголовного судопроизводства; процессуальной экономии вовлекаемых кадровых, технических и материальных ресурсов расследования);

- защита интересов государства (многие преступления сопряжены с вредом, причиняемым общественным отношениям, непосредственно интересам Российской Федерации, неопределенному кругу лиц: например, экологические преступления, массовые беспорядки, террористические акты, попытки насильственного изменения конституционного строя, призывы к экстремистской деятельности и т.п.);

- обеспечение прав и свобод гражданина при производстве предварительного расследования, это целый кластер личных прав и интересов, о которых должен в силу прямого указания закона позаботиться следователь:

- а) подозреваемый (обвиняемый) продолжает оставаться гражданином РФ со всеми вытекающими правовыми последствиями данного статуса: есть права, которые следователь может ограничить во время производства расследования; есть права, которые могут быть ограничены только по судебному решению; есть права, которые никто и никогда не может ограничить;

- б) до того момента, как суд в своем приговоре не назовет гражданина виновным, он считается лицом, не совершившим преступление, следователь также должен учитывать это, даже в условиях полной очевидности совер-

¹ Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 56-65.

² Пилюк А.В. Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 33-37.

³ Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития / Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. - Москва, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – С. 374.

шенного деяния, даже при полном признании обвиняемым своей вины – это не должно быть положено в основу доказательственной базы и выступать в качестве прямого, а тем более единственного доказательства виновности, и при явке с повинной, и при полном признании вины и сотрудничестве со следствием, и при деятельном раскаянии, следователь обязан обеспечить целый комплекс прямых и косвенных доказательств виновности и не забывать о наличии таких понятий, как «ошибка следствия» и «самооговор», который иногда совершается по самым разным мотивам: сострадание к близкому и желание взять вину на себя; подкуп со стороны настоящего преступника; желание скрыться от ответственности за более тяжкое преступление и т.д.;

в) при производстве предварительного расследования надлежащим образом должны быть обеспечены права потерпевшего путем разъяснения права заявить гражданский иск в уголовном судопроизводстве, его правовой природы, последствий, процессуального порядка заявления, более того, следователь обязан предпринять соответствующие адекватные меры для обеспечения данного иска: к моменту судебного рассмотрения подготовить соответствующую справку о наличии у обвиняемого в собственности имущества; если обвиняемый трудоустроен – справку о среднем размере его заработной платы, о наличии иждивенцев; в совсем крайнем случае инициировать перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество обвиняемого для обеспечения гражданского иска или в случае, когда есть основание полагать, что имущество обвиняемого приобретено на средства, полученные в результате преступной деятельности;

г) следователь обязан принять меры для обеспечения интересов лиц, находящихся на иждивении или под присмотром обвиняемого (особенно при применении такой меры пресечения, как заключении обвиняемого под стражу) – несовершеннолетних детей, родителей или супруга, которые по причине заболевания или престарелого возраста останутся в беспомощном состоянии, в подобных случаях следователь обязан принять решение о помещении указанных лиц в соответствующие государственные учреждения и обеспечить реализацию данного решения, в том числе и обратившись в судебные органы.

Как мы видим, число задач, стоящих перед следователем весьма обширно и не исчерпывается исключительно собиранием и оценкой доказательств.

Необходимо коснуться руководящих начал предварительного расследования – его принципов, чтобы представление о следственной деятельности получило полное концептуальное осмысление.

Наука уголовного процесса классифицирует принципы предварительного расследования следующим образом:

1. Публичность уголовного процесса – суть данного принципа заключается в возложенной на правоохранительные органы обязанности защитить нарушенное право гражданина, в подавляющем большинстве случаев данный принцип не предполагает изъятия, исключением являются дела част-

ного обвинения, чье возбуждение или прекращение напрямую зависит от воли потерпевшего от преступления лица (число таких преступлений крайне мало по сравнению с группой преступлений, расследование которых не зависит от желания потерпевшего);

2. Язык уголовного судопроизводства – в процессе предварительного расследования должно быть обеспечено, чтобы все сведения дошли до следователя без искажения их смыслового содержания, а все лица - участники процесса, понимали суть совершаемых процессуальных действий и принимаемых решений, могли передавать и принимать информацию без искажения, при малейшем сомнении в полноте понимания и владения русским языком, следователь обязан обеспечить присутствие переводчика, более того, все процессуальные документы, с которыми должно быть ознакомлено лицо, испытывающее затруднение в понимании русского языка, должны быть для него переведены;

3. Установление истины в уголовном процессе – содержание данного принципа предполагает, что в результате предварительного расследования должны быть в полном объеме установлены все фактические обстоятельства, имеющие значение для юридического разрешения вопроса о наличии основания для привлечения к уголовной ответственности и точной уголовно – правовой квалификации содеянного. Полнота объема установленных обстоятельств определяется следователем субъективно, количество доказательств виновности, сколько их должно быть собрано в результате проведенного следствия, - не установлено ни в одном нормативном акте. В процессуальной науке и теории доказательственного права говорится о том, что доказательства должны получены и приобщены к уголовному делу допустимым способом, в доказывании вины согласовываться друг с другом и не образовывать ни малейшего сомнения, прямые доказательства должны быть подкреплены сведениями, полученными в результате оценки косвенных доказательств.

4. Принцип осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом – это частная реализация в уголовно – процессуальном законе конституционного одноименного принципа. В процессе следственной деятельности ни одна из сторон не может пользоваться какими-либо привилегиями и наоборот, ни одна из сторон не может быть ущемлена в правах, закрепленных в УПК РФ и гарантированных Конституцией РФ. Следователь обязан разъяснять участнику процесса, к какой бы стороне он не принадлежал, комплекс его прав и обязанностей, а также предусмотренных законодательством процессуальных гарантий;

5. Принципы всесторонности, полноты и объективности – данное основополагающее положение обязывает при осуществлении следственной деятельности не применять способов и средств, запрещенных законом (физического и психического насилия, угроз, иных незаконных мер), а также не возлагать хоть в какой-либо части расследования обязанности доказывать свою невиновность на обвиняемого. Кроме того, следственная деятельность предполагает инициативный подход в установлении важных фактических обстоятельств, следователь должен выдвигать и проверять все возможные вер-

сии произошедшего, выявлять обстоятельства, не только уличающие обвиняемого, но и оправдывающие его, совпадающие с его версией произошедших событий, повторимся еще раз, несмотря на то, что следователь своим процессуальным положением относится к стороне обвинения, его деятельность не должна носить обвинительного уклона.

Обсуждая основные правовые положения организации следственной деятельности в российском уголовном процессе, необходимо отметить еще несколько немаловажных моментов.

Во-первых, следователь не должен подменять в своей деятельности иные органы, как справедливо отмечает О.А. Чабукиани, следователь выполняет следственные, процессуальные и обеспечительные функции, действуя исключительно в рамках, очерченных задачами расследования¹.

Во-вторых, если в процессе следственной работы установленные фактические обстоятельства дадут основание полагать, что подозреваемое (обвиняемое) лицо не причастно к совершенному преступлению, никакие соображения «корпоративной необходимости» не должны останавливать следователя от принятия процессуального решения о прекращении дальнейшего уголовного преследования в отношении данного лица.

В-третьих, отношение следователя с судом до конца не урегулированы процессуальным законодательством, если в части судебного контроля производства отдельных следственных действий все более-менее ясно, то вопрос отношения следователя с судом уже после передачи материалов уголовного дела, окончившегося обвинительным заключением, до сих пор остается дискуссионным в юридических источниках.

Есть сторонники мнения о том, что присутствие следователя при судебном рассмотрении дела необходимо для обеспечения полноты и объективности, есть приверженцы точки зрения, что, окончив расследование и собрав доказательства виновности, составив и утвердив обвинительное заключение и передав уголовное дело в судебные органы, следователь полностью выполнил свою функцию.

Мы придерживаемся второй точки зрения и считаем, что, если уголовное дело уже передается в суд, все фактические обстоятельства, имеющие значение для уголовно-правовой квалификации, обеспечены необходимым комплексом собранных следователем доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности. Следовательно, необходимость в его физическом присутствии на судебном заседании может возникнуть только при экстраординарных обстоятельствах, когда он вызывается в качестве свидетеля по ходатайству, заявленному суду одной из сторон. Такая ситуация имеет место в судебной практике в случаях, когда в отношении следователя появилась информация, что он применял при производстве расследования запрещенные приемы и способы получения доказательств.

¹ Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности как часть теории уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 124-126.

С утратой прокурором многих надзорных полномочий в отношении предварительного расследования, организационная модель следственной деятельности из прокурорской превратилась полицентричную межведомственную и на сегодняшний день представлена тремя правоохранительными органами: ОВД, ФСБ и СК РФ, среди которых центральное место занимает Следственный комитет РФ.

Список литературы

1. *Ефимичев С.П., Ефимичев П.С.* Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 56-65.
2. *Колесникова Е.Е.* Отдельные вопросы процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве // Сборник по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Оренбургский государственный университет, Юридический факультет. - 2019. - С. 56-60.
3. *Пилюк А.В.* Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 33-37.
4. *Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития* / Материалы III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции. - Москва, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – 881 с.
5. *Чабукиани О.А.* Теория следственной деятельности как часть теории уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 124-126.
6. *Шейфер С.А.* Российский следователь - исследователь или преследователь? // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 34-36.

Карчевский К.А.

Реализация уголовной политики по противодействию «финансовым пирамидам»

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации уголовной политики, связанные с деятельностью «финансовых пирамид». Приведены примеры из следственно-судебной практики.

Ключевые слова: преступление, «финансовая пирамида», предварительное расследование, экспертиза.

Implementation of Criminal Policy against Ponzi Schemes

Abstract: The article deals with actual issues of criminal policy implementation related to the financial frauds. Author analyses the criminal cases.

Keywords: crime, Ponzi scheme, investigation, forensic analysis.

Свобода экономической деятельности, которая закреплена в ст. 8 Конституции Российской Федерации, является достижением гражданского общества и демократического государства. Свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности являются основополагающими для развития эффективного, могущественного государства и рыночной экономики. Одним из важнейших элементов рыночной экономики является рынок финансов, в котором свободно обращаются денежные средства и имущество. На финансовом рынке свободные потоки денежных средств и имущества инвестируются самостоятельными и коллективными инвесторами путем приобретения различных финансовых инструментов с целью достижения прибыли. Представленные на рынке финансовые инструменты реализуются при активном участии финансово-кредитных организаций.

Широкие возможности для привлечения свободных денежных средств, имущества и активов, которые открывает финансовый рынок, давно привлекли интерес преступного мира, что вызвало необходимость усиления государственного регулирования и контроля в данной сфере. Криминализация экономических отношений привела к направлению значительных усилий со стороны Российской Федерации, в рамках осуществляемой уголовной политики, на защиту общества от преступлений экономической направленности.

Возможность организовывать привлечение материальных ценностей значительного круга лиц путем приобретения финансовых инструментов или же под иным предлогом, маскируя свою деятельность под легальную, представляет собой повышенную общественную опасность, так как привлеченные активы, как правило, похищаются, что может причинить значительно больший имущественный вред неопределенному количеству лиц. Одним из видов такой деятельности является «финансовая пирамида».

Среди юридического сообщества не существует однозначного мнения о времени возникновения первой «финансовой пирамиды», однако многие считают отцом «классической финансовой пирамиды» Чарльза Понци, итальянского иммигранта в США, который организовал в 1919 году компанию «The Securities and Exchange Company». Через данную компанию Понци Ч. привлекал денежные средства населения на приобретение векселей, которые выпускала его компания, под высокий процент дохода, который достигал до 100 % через 90 дней. При этом Понци Ч. декларировалось, что полученные денежные средства от продажи векселей будут направлены на приобретение международных ответных купонов. Пирамида Понци Ч. рухнула 10 августа 1920 года и при закрытии компании, а также ознакомления с её внутренней

бухгалтерией федеральные агенты обнаружили, что «The Securities and Exchange Company» денег вообще никуда не инвестировала, а просто платила проценты за счёт поступлений от продаж новых выпусков своих облигаций¹.

В ходе развития рыночной экономики Российской Федерации деятельность «финансовых пирамид» на её территории получила широкое распространение. Данное суждение подтверждается мониторингом за 2019 год, который проводил Центральный банк Российской Федерации, согласно которому зафиксирован рост числа «финансовых пирамид» в России: в 2019 году выявлено на 41% больше по сравнению с 2018 годом финансовых пирамид (всего 237 субъектов с подобными признаками, за 2018 год – 168). При этом из указанных 237 случаев 55 финансовых пирамид было создано в виде интернет-проектов, 88 – в организационно-правовой форме обществ с ограниченной ответственностью, 39 – в форме кредитно-потребительских кооперативов, 21 – в форме потребительских кооперативов, 8 – в форме потребительских обществ, 26 – действовали в иных формах².

В правоприменительной практике встречаются различные виды «финансовых пирамид», которые условно можно разделить на: «финансовые пирамиды» в чистом виде (денежные или товарные), скрывающиеся за «вывеской» многоуровневого, а также сетевого маркетинга; функционирующие под видом международных закрытых клубов и организаций, вуалирующие свою деятельность под кредитные потребительские кооперативы и другие формы кооперации, функционирующие в сети интернет, а также «финансовые пирамиды», которые открыто заявляют о том, что они являются таковыми. Однако для всех перечисленных видов «финансовых пирамид» обязательен признак пирамидальности, то есть привлечение активов участников с осуществлением последующих выплат денег либо в иной форме процентов за счет поступления новых активов, а не как следствие экономической деятельности или использования собственного имущества.

Последовательной мерой по реализации уголовной политики по противодействию такому явлению как «финансовая пирамида», стало принятие 30 марта 2016 Федерального закона № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым в Уголовный кодекс РФ введена ст. 172.2, предусматривающая ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Таким образом, законодателем дано понятие «финансовой пирамиды», которая определяется как организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление

¹ Финансовая пирамида / Википедия –

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Финансовая_пирамида (дата обращения 12.05.2020).

² Годовой отчет Банка России за 2019 год – URL: https://cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения 24.06.2020).

иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества¹. Данное нововведение является безусловно положительным и долгожданным, так как упрощает задачу по юридической идентификации и правильной квалификации действий преступников на финансовом рынке.

Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, описана не как активное действие по привлечению средств, а как организация деятельности по такому привлечению. Введенная законодателем конструкция создаёт некоторые затруднения в даче юридической оценки действиям соучастников данного преступления, которые не являются организаторами, в том числе исполнителя.

Хотелось бы также отметить, что при реализации уголовной политики и правоприменительной практики в сфере расследования уголовных дел, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», выявлено негативное явление, которое заключается в длительном расследовании данной категории дел вплоть до нескольких лет. Даже после нескольких лет предварительного расследования по уголовным делам данной категории не гарантирует принятие окончательного решения по результату расследования, в том числе направления уголовного дела в суд. К примеру, срок предварительного расследования уголовного дела по факту деятельности АОЗТ «Гермес-финан» в Алтайском крае составил более 2,5 года, но дело так и не было направлено в суд².

Указанное явление вызвано как объективными причинами, такими как наличие значительного количества потерпевших, проведением различных экспертиз, установлением местонахождения документации, подтверждающей деятельность «финансовых пирамид», так и субъективными, которые вызваны недостаточными знаниями следователей процессов, которые происходят на финансовом рынке. Правоприменительная практика раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с деятельностью «финансовых пирамид» показывает, что залогом успешного окончания предварительного следствия является своевременное возбуждение уголовных дел данной категории и безотлагательное проведение полного комплекса первоначальных следственных действий. Как правило, причиной позднего возбуждения уголовных дел данной категории является не-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.06.2020).

² Гавло В.К., Белицкий В.Ю. Проблемы изучения способов совершения мошенничеств, действующих по принципу «финансовых пирамид» - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=59838#03883295849008438> (дата обращения 15.05.2020).

полнота проведенной проверки, по материалам которой следователь не может прийти к выводу, содержится ли в ней факт гражданско-правовых отношений или же факты деятельности «финансовых пирамид».

Доказывание по уголовным делам, связанным с деятельностью «финансовых пирамид», представляет некоторые сложности, и по своему объему необходимых следственных действий является значительным. Как правило, потерпевшими по уголовным делам данной категории выступает значительное количество граждан, которым причинен имущественный вред действиями «финансовых пирамид». При этом «финансовые пирамиды» зачастую осуществляют свою преступную деятельность на территории нескольких субъектов РФ, что вызывает необходимость создания специализированных следственно-оперативных групп, способных проводить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия на значительных территориях. При этом важную роль в достижении результатов деятельности по доказыванию функционирования «финансовых пирамид» отводится налаживанию и поддержанию взаимодействия на должном уровне членов следственно-оперативной группы с органами дознания и предварительного следствия, расположенными по месту нахождения потерпевших и филиалов «финансовых пирамид».

Как пример хорошего взаимодействия, можно привести расследование в 2015 году уголовного дела Главным следственным управлением МВД по Республике Татарстан в отношении организаторов и участников ООО КПК «РОСТ» по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ. В ходе следствия установлено, что ООО КПК «РОСТ» имеет признаки многоуровневой «финансовой пирамиды» и для вовлечения в её деятельность максимального количества людей, подозреваемые учредили порядка 40 дополнительных филиалов на территории 23 субъектов Российской Федерации. Один из филиалов ООО КПК «РОСТ» располагался на территории Республики Крым, где по поручению органов предварительного следствия проводились следственные действия по изъятию документации и носителей информации.

При расследовании уголовных дел, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», у следователей возникают трудности с доказыванием субъективной стороны состава преступления. Это вызвано тем, что деятельность «финансовых пирамид» маскируется злоумышленниками под легальную финансово-хозяйственную деятельность. Один из наиболее действенных способов разрешения возникающих трудностей с доказыванием субъективной стороны деятельности «финансовых пирамид» является использование материалов оперативно-розыскной деятельности, легализованных в установленном порядке.

В следственно-судебной практике высокую ценность в доказывании показало использование предоставленных материалов оперативно-розыскных мероприятий: прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, оперативное внедрение и оперативный эксперимент.

По уголовному делу в отношении организаторов деятельности Общественного объединения «Олимп» (ранее «Эльдорадо») г. Кургана в качестве доказательств в суд были представлены 10 аудиокассет и 5 видеокассет, поступивших из УБОП СКМ при УВД Курганской области. Согласно постановлению о рассекречивании результатов оперативно-розыскной деятельности, на которых имеются данные прослушивания телефонных переговоров членов организованной преступной группы, а также на которых имеются данные наблюдения за ними¹.

По уголовному делу в отношении организаторов «финансовой пирамиды», действовавшей под наименованием КГОО «Авангард», слушавшемуся в 2006 г. в Кемеровском областном суде, в ходе документирования преступной деятельности осуществлялось прослушивание телефонных переговоров. Из текстов телефонных переговоров видно, что проходящие по делу лица осведомлены о вводимом в отношении них уголовном преследовании, однако продолжают свою противоправную деятельность в преступном сообществе, советуются между собой, как действовать в сложившейся обстановке².

По уголовному делу об организаторах Фонда «Антарес» в связи с отлаженной конспирацией преступному сообществу удалось относительно длительное время действовать на территории Краснодарского края. При получении информации о деятельности данного фонда управление по борьбе с организованной преступностью ГУВД Краснодарского края провело оперативно-розыскное мероприятие — оперативное внедрение. В ходе его осуществления установлено, что под прикрытием фонда создана и действует «финансовая пирамида», выявлены способ хищения и круг лиц, причастных к незаконной деятельности. Для фиксации обстоятельств совершаемого преступления сотрудниками УБОП применялась видео- и звукозапись.

По уголовному делу, слушавшемуся в 2006 г. в Кемеровском областном суде, в ходе судебного заседания были просмотрены видеокассеты с записями мероприятий КГОО «Авангард», из которых видно, что на совещании с консультантами руководитель структурного подразделения преступного сообщества требует от консультантов повышения эффективности деятельности по привлечению вкладчиков, упоминает, что есть вышестоящий руководитель их организации³.

Нельзя не упомянуть о работе, проводимой экспертами, которые привлекаются в ходе предварительного следствия, для доказывания деятельности «финансовых пирамид». В Верховном Суде РФ в 2005 году рассматривалось уголовное дело, связанное с деятельностью «финансовых

¹ Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 частях. Часть I в 2 частях. Часть I /под ред. Муженской Н.Е., Костылевой Г.В. – М., Проспект», 2014 – «Проспект», 2013. – С. 404

² Там же, С. 405.

³ Указ соч. – С. 406

пирамид». Как следует из заключения экономической экспертизы по данному уголовному делу, предлагаемая представителями юридического лица финансовая схема и сама их деятельность является «финансовой пирамидой», т.е. финансовой системой, в которой доход по привлеченным денежным средствам выплачивается не за счет их вложения в прибыльные активы, а за счет привлечения все новых инвесторов и денежных средств. Из заключения также видно, что деятельность юридического лица не являлась ни страховой деятельностью в чистом виде, ни кассой взаимопомощи, а представлявшаяся осужденными гражданам система заработка представляла собой ни что иное, как «финансовую пирамиду».

Согласно заключению психологической экспертизы по тому же делу в процессе проведения семинаров, чтения лекций, индивидуальных собеседований, проводившихся осужденными, на граждан оказывалось психологическое воздействие с использованием 11 методов психотерапии, а также приемов и техник, свойственным этим методам, что приводило к изменению поведения граждан и влияло на принятие ими решений о передаче денег осужденным. Осужденные, применявшие указанные приемы и методы, хорошо сознавали подлинные цели и смысл своих действий¹.

Подводя итоги проведенной работы, можно отметить, что органы предварительного следствия системы МВД имеют достаточный потенциал для эффективного противодействия, профилактики и расследования деятельности «финансовых пирамид». Законодателем введена в действие новая прогрессивная норма, предусматривающая уголовную ответственность за деятельность «финансовых пирамид», которая потенциально должна упростить процесс доказывания по уголовным делам данной категории и достижения целей уголовного правосудия. Для преодоления возникающих трудностей в доказывании по данной категории уголовных дел и имеющихся недостатках в работе по данному направлению необходимо наладить и поддерживать тесное взаимодействие по совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел РФ. Активно использовать при расследовании деятельности «финансовых пирамид» возможности оперативных подразделений, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности, легализованные материалы которой возможно использовать как основу доказательств обвинения. Тесно взаимодействовать с экспертными учреждениями, без заключения которых, установить объективную сторону ст. 172.2 УК РФ, выражающаяся в выплате дохода лицам, чьи денежные активы привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных активов иных лиц при отсутствии законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных, представляет значительную сложность.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2005 г. № 47-004-114 – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=258504#05052471372442648> (дата обращения 10.06.2020).

Список литературы

1. Гавло В.К., Белицкий В.Ю. Проблемы изучения способов совершения мошенничеств, действующих по принципу «финансовых пирамид» – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=59838#03883295849008438> (дата обращения 15.05.2020).
2. Годовой отчет Банка России за 2019 год – URL: https://cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения 24.06.2020).
3. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2005 г. № 47-004-114 – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=258504#05052471372442648> (дата обращения 10.06.2020).
4. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 частях. Часть I /под ред. Муженской Н.Е., Костылевой Г.В. – М., Проспект», 2014 – 640 с.
5. Финансовая пирамида / Википедия – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Финансовая_пирамида (дата обращения 12.05.2020).

Кирынина И.А.

О способах заглаживания вреда, позволяющих компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям, при назначении судебного штрафа

Аннотация. В статье обозначены отдельные проблемы, связанные с прекращением уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Автор пытается привлечь внимание к существующей правовой неопределенности и отсутствию единой следственно-судебной практики в связи с заглаживанием причиненного преступлением вреда и способами его минимизации по преступлениям с формальным составом

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

Redressing Harm by the Appointment of a Judicial Fine to Compensate the Negative Effects of the Crime

Abstract. The article identifies certain problems associated with the termination of a criminal case or criminal prosecution in connection with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. The author is trying to draw attention to the existing legal uncertainty and the lack of a unified investigative and

judicial practice in connection with smoothing out the harm caused by the crime and ways to minimize it for the formally defined crimes.

Keywords: termination of criminal prosecution due to the appointment of a criminal law measure in the form of a judicial fine

Институт прекращения уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа активно применяется следователями Следственного комитета Российской Федерации и достаточно апробирован судебной практикой. В 2018 году Ведомством в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, с ходатайством следователя о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в суд направлено 6 534 уголовных дела (в 2017 году – 3 231). Их удельный вес от числа оконченных уголовных дел составил 5,1 % (2017 год – 2,5%)¹.

По материалам коллегии «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 года и задачах на 2020 год», состоявшейся 3 марта 2020 года, количество направленных руководителями следственных подразделений уголовных дел в суд в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ составило уже 9 025 (прирост составил 38,1 %) ².

Среди общего количества уголовных дел, направленных в 2018 году в суд с ходатайством о назначении судебного штрафа, преобладали уголовные дела по фактам невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ) – 705 уголовных дел; 568 материалов уголовных - по уголовным делам коррупционной направленности. В 2019 году в общем количестве дел, направленных в суд с ходатайством о назначении судебного штрафа, преобладали уголовные дела о преступлениях по фактам:

- нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ) – 869 уголовных дел, что составило 11% от числа всех дел, направленных в суд в указанном порядке;

- невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ) – 521 уголовное дело, что составило 6% от общего количества направленных уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа;

- применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) – 564 уголовных дела, что составило 7%, а также оскорбления предста-

¹ Справка о результатах работы Следственного комитета Российской Федерации за 2018 год. Информационный материал к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2018 год и задачах на 2019 год». - С. 11.

² Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год». - С. 29.

вителя власти (ст. 319 УК РФ) – 766 уголовных дел, что от общего количества направленных в суд в указанном порядке составило 9,5%.

Несмотря на существенную проработанность и практическую апробированность, указанный институт до настоящего времени содержит многочисленные правовые лакуны.

Итак, основанием освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является совокупность условий, императивно установленных ст. 76² УК РФ: лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ¹, под ущербом понимается имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение).

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная компенсация, а также компенсация морального вреда, оказание любой помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Законодатель не ограничил возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда, они могут быть любыми. Важно, чтобы они носили законный характер и не ущемляли права третьих лиц.

Вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В настоящее время по преступлениям с формальными составами практикой апробированы такие способы заглаживания причиненного в результате совершения преступления вреда, как принесение извинений потерпевшему, добровольное выполнение общественно-полезных работ в социально-ориентированных учреждениях, добровольные пожертвования денежных средств на благотворительность в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дома престарелых. Особенно активно это практикуется по преступлениям против правосудия и порядка управления.

Справедливо возникает вопрос: кем и на основании какого нормативно-правового акта определяется перечень конкретных учреждений, куда лицо, в отношении которого следователь направляет соответствующее ходатай-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения 12.05.2020).

ство в суд, вправе, а фактически, обязано, перечислить денежные средства на благотворительность? Должно ли это лицо самостоятельно выбрать объект для благотворительности или конкретное учреждение, организация выбирается следователем? Следственная практика в различных субъектах Приволжского федерального округа складывается неоднозначно: в отдельных следственных подразделениях выбор учреждения, организации, куда перечисляются денежные средства на благотворительность, отдается на откуп лицу, в отношении которого инициирована процедура прекращения уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В других - следователь сам выбирает объект благотворительности, ориентируясь либо на подшефные детские учреждения, либо на близлежащие организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Не менее острым, на наш взгляд, остается вопрос о том, кем и на основании какого нормативно-правового акта определяется размер добровольного пожертвования, позволяющий компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Вопрос о размере компенсации также является дискреционным.

Верховный Суд декларирует необходимость минимизации общественно вредных последствий вне зависимости от вида состава преступления. Суды, при решении вопроса о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа выясняют, возместил ли подсудимый ущерб либо иным образом загладил причиненный преступлением вред, и приводят в своих решениях доказательства, подтверждающие данное обстоятельство. В тех же случаях, когда судами первой инстанции требования уголовно-процессуального закона о возмещении ущерба либо заглаживании вреда не выполнялись, суды вышестоящих инстанций обоснованно отменяли такие постановления. Так, отсутствие в постановлении мирового судьи указания на то, каким образом обвиняемый возместил ущерб потерпевшему или загладил причиненный преступлением вред, послужило основанием к его отмене¹.

В любом случае, суд, принимая решение в соответствии с ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, констатирует наличие факта заглаживания вреда, причиненного в результате преступления, но ни в коей мере не оценивает то, каким способом этот вред заглажен, достаточно ли для заглаживания вреда выполнено общественно-полезных работ, достаточен ли размер денежных средств, перечисленных лицом на благотворительность.

Достаточно спорной, на наш взгляд, является практика прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа по преступлениям с формальным составом, где имеется двойной

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10 июля 2019 года. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72196202/> (дата обращения 12.05.2020).

объект преступного посягательства, например, преступления, предусмотренные ст. 318, 319 УК РФ. В настоящее время единый подход, позволяющий компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям, по данной категории преступлений не выработан. В одном случае суды в качестве компенсации и минимизации общественно-опасных последствий, наступивших в результате преступления, принимают то обстоятельство, что виновное лицо принесло извинения представителю власти, которому были причинены публичные оскорбления при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. В другом, при аналогичных обстоятельствах, суд требует в качестве способа заглаживания причиненного вреда принесение публичных извинений, поскольку сотрудник полиции, оскорблен не как частное лицо, а как представитель всей правоохранительной системы. Поэтому правоприменители нашли способ заглаживания причиненного вреда и в этих реалиях путем принесения публичных извинений перед структурным подразделением полиции, где проходит службу сотрудник, в отношении которого совершено преступление, либо опубликование публичных извинений в средствах массовой информации.

На наш взгляд, такие меры компенсации, как принесение публичных извинений в средствах массовой информации либо принесение публичных извинений перед сотрудниками подразделения полиции, где проходит службу потерпевший, являются достаточно противоречивыми и неоднозначными и подразумевают наличие у подозреваемого, обвиняемого определённой психологической решимости и социальной зрелости. При таких обстоятельствах о факте привлечения подозреваемого, обвиняемого к уголовной ответственности узнает широкий круг лиц, в том числе родные и близкие, знакомые и соседи, коллеги по работе. Насколько лицо психологически готово к тому, чтобы сделать этот факт достоянием общественности?

В частности, судебная практика давно отказалась от принесения извинений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации¹.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, отраженной в Постановлении Пленума от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», согласно части 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме.

¹ Извинения по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. [Электронный ресурс]. - URL: <http://logos-pravo.ru/articles/izvineniya-po-delam-o-zashchite-chesti-dostoinstva-i-delovoy-reputacii> (дата обращения 12.05.2020).

Вместе с тем, суд вправе утвердить мировое соглашение, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принесение ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета.

К настоящему времени судебная и судебно-арбитражная практика по данному вопросу устоялась и является единообразной - суды, руководствуясь указанной позицией Верховного Суда РФ, отказывают в удовлетворении данного требования (кроме случаев, когда этот способ защиты содержится в мировом соглашении)¹.

Представляется, что в настоящее время имеется реальная необходимость в правовом урегулировании обозначенных автором вопросов, возникающих в ходе правоприменительной деятельности органов предварительного следствия.

Куниц В.В.

Особенности исправления осужденных в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве

Аннотация: Действующее уголовное законодательство Российской Федерации указывает на три основные цели уголовного наказания, а именно: 1) осуществление восстановления социальной справедливости; 2) осуществление исправления осужденного преступника; 3) предупреждения совершения тех или иных новых преступных деяний (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Цели уголовного наказания прямо определяют не только сам характер и существующие условия, но и средства правоприменительной деятельности для их дальнейшего достижения, фактические предшествующие этапы. Следовательно, что существующие цели института уголовной ответственности и уголовного наказания занимают особое место в отрасли уголовного права. Данная статья в рамках действующего уголовного и уголовно - исполнительного законодательства с учетом тенденций современной уголовной политики раскрывает средства исправления осужденных.

Ключевые слова: классификация, средства исправления, осужденные, уголовно-исполнительное законодательство, уголовная политика

¹ Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации. [Электронный ресурс]. - URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F59673-prinesenie-izviniya-sposob-zashhity-chesti-dostoinstva-delovoj> (дата обращения 12.05.2020).

Correction of Convicts in the National Penal Legislation

Abstract. The current criminal legislation of the Russian Federation indicates three main goals of criminal punishment, namely: 1) the restoration of social justice; 2) the correction of the convicted offender; 3) prevention of the commission of certain new criminal acts (part 2 of article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation). The goals of criminal punishment directly determine not only the very nature and existing conditions, but also the means of law enforcement activity for their further achievement, the actual previous stages. Consequently, the existing goals of the institution of criminal responsibility and criminal punishment occupy a special place in the field of criminal law. This article, within the framework of the current criminal and penal legislation, taking into account the trends of modern criminal policy, reveals the means of correcting convicts.

Keywords: classification, remedies, convicts, penal legislation, criminal policy

Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство указывает как исправление. В наиболее общем виде в правовой литературе в качестве исправления осужденного лица понимается особое состояние его психики, которая выражается в переосмыслении жизненных ориентиров и настройка на правопослушное поведение, а также отказ от ведения преступной деятельности. Перевоспитание осужденного лица представляет собой процесс формирования у осужденного лица, основанной на нравственных началах, уважения к труду, уважения к правам и свободам человека, институту общества и государства личности. В период распада СССР практические работники и отечественный законодатель отказались от цели «перевоспитание». Действующее уголовно-исполнительное законодательство прямо предусматривает дефиницию «исправление осужденного лица», в отличие от ранее действующего исправительно-трудового законодательства советского периода.

Согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ, исправление осужденных представляет процесс, который связан с формированием у них четкой установки на уважительное отношение к человеку, обществу, государству, уважения к общепринятым нормам морали, права, а степень исправления осужденного лиц представляет собой конечный результат осуществления исправительного воздействия на осужденного, которое формально ограничено сроком исполнения уголовного наказания.

Категория - исправление осужденных, представляет собой один из компонентов применения тех или иных норм уголовно-исполнительного законодательства, что является важным для исправления осужденного лица. Таким образом, исправление осужденных - это конечный результат уголовного наказания. Исправление осужденного является зеркальным отражением современной пенитенциарной системы.

Цель, применительно к самой отрасли уголовного права имеет свой отличительный признак, преследуется при осуществлении назначения мер уголовного наказания исходя из общих требований задач уголовного наказания. Назначение справедливого и основанного на законе уголовного наказания и будет являться средством достижения цели исправления осужденного лица. Определяя меры назначения уголовного наказания, орган судебной власти должен обращать внимание не только на объективно существующие и доказанные обстоятельства преступного деяния, а также на формальные нормы закона, он должен, исходя из своего внутреннего убеждения, проанализировать личность подсудимого лица и выделить именно то наказание, которое оптимально ему подходит, и будет способствовать целям его исправления¹.

В настоящее время, уважительное отношение к человеку, обществу, государству, труда, существующим общественным традициям есть понимание исправления осужденного. По данному вопросу, как совершенно справедливо указывает В.И. Зубкова, закрепленная в действующем уголовно законе цель уголовного наказания – исправление осужденного лица являет собой определенную взаимосвязь с аналогичной целью, которая закреплена в действующем УИК РФ, иными словами является ее системным фундаментом². В качестве пояснения к данной позиции можно привести мнение А.В. Усса, который прямо отрицает возможность достижения цели исправления осужденного лица, по той причине, что у государства как особой организации политической власти в целом отсутствует право по какому-либо улучшению своих сограждан. Государство имеет право требования исполнения действующих законов, которое адресовано к неопределенному кругу лиц, осуществляющих свою деятельность в пределах территории той или иной страны³.

Если рассматривать с другой стороны, государство не стремится «улучшить» своих граждан, оно именно стремится добиться от них правопослушного поведения, а достижение правопослушного поведения в отношении лица, которое уже осуждено, возможно, только при формировании у него устойчивых положительных психологических особенностей, которые закреплены в сознании преступника. Государство стремится, как минимум, сделать так, чтобы преступник, отбывший уголовное наказание, отказался от дальнейшего совершения

¹ Попова Е.Э. Правовое регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 37.

² Зубкова, В.И. Исправление осужденных: реальность и ожидание перемен // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов «круглого стола», посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.В. Филимонова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – С. 124.

³ Усс, А. Допустимо ли исправлять осужденных? // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1-2. – С. 29.

преступлений как средства разрешения социального или внутреннего конфликта.

Формирование высоких нравственных качеств у осужденного лица является прямым результатом его исправления. Вместе с тем, в отечественном законодательстве отсутствуют единые стандарты по определению, что такое «нравственные свойства и качества», что такое сама «нравственность» и «нравственное поведение». В условиях криминализации населения, у тех или иных граждан, которые входят в ту или иную группу, будут собственные представления о категории «нравственность».

Применительно к изложенному, заслуживает внимания позиция Л.Б. Смирнова: «Исправление преступников являет собой утопическую мечту человека, т.к. она фактически не достижима в полной мере. Более того, повышенное внимание в уголовном законе к достижению цели исправления осужденных, по сути, отрицательно сказывается на цели предупреждения преступлений, которая вполне достижима»¹. Он предлагает видоизменить институт исправления осужденных, заменив его на «институт ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание».

С.Х. Шамсунов подчеркивает, нравственно-духовные основы осуществления воспитания осужденных лиц, по его мнению, именно им отведена ведущая роль в достижении цели исправления осужденного. Постепенное формирование у осужденных лиц высоких моральных принципов и положительных социально-общественных установок являет собой задачу исключительной важности, виду того, что отсутствие тех или иных устойчивых нравственных начал фактически приводит людей к совершению преступных деяний².

Ю.М. Антонян и А.В. Быков обращают внимание на то, что в юридической литературе чрезмерное внимание уделяется исправлению осужденных как некоей абстрактной цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, тогда как цель исправления осужденных – это прежде всего цель всей специальной деятельности соответствующих органов, учреждений и должностных лиц, которые исполняют меры уголовного наказания. Авторы отмечают, что исправление осужденных есть определенная процедура и является конечным идеальным результатом данной процедуры. Важное значение имеет также то обстоятельство, что цель исправления осужденных лиц есть категория не только правовая, а по сути оно является категорией социально-общественной, т.к. это цель прежде всего общества и государства как организации политической власти

¹Смирнов Л.Б. Тезисы выступления «О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями» // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 96.

²Шамсунов С.Х. Теоретические аспекты проблемы социализации личности осужденного к лишению свободы на современном этапе развития российской пенитенциарной системы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – М., 2004. – С. 29.

общества. Исправление осужденных лиц в конечном счете осуществляется не формальной буквой закона или нормой права, а тем, как эти нормы права воплощены на практике, т.е. конкретными людьми, которые осуществляют правоприменение¹.

Следует отметить факт того, что исправление осужденного лица, согласно преобладающему мнению пенитенциарной педагогики есть являет собой достижение одной из основных целей уголовного наказания и само по себе являет лишь определенный промежуточный этап. В соответствии со сроками уголовного наказания, которые устанавливает конкретный орган судебной власти, реализуется осужденного лица, и достижение той или иной степени исправления осужденного возможно только лишь в пределах применения к осужденному мер уголовного наказания.

По мнению Л.Б. Смирнова, современная система пенитенциарных учреждений Российской Федерации функционирует крайне неэффективно и отбывание наказания связанном с лишением свободы очень редко заканчивается исправлением осужденного лица, зачастую только страх перед повторным уголовным наказанием удерживает преступников от совершения нового преступления².

Подводя краткий итог вышеизложенному, можно констатировать факт того, что модель закрепления категории «исправление осужденных» в действующем законодательстве поддерживается далеко не всеми учеными. Автор поддерживает мнение ученых о том, что ст. 9 УИК РФ, в рамках которой законодателем изложены особенности сущности исправления осужденных лиц, нуждается в новом изложении, которое бы полностью отвечало современным реалиям складывающимся в сфере уголовно-исполнительного права и законодательства³.

Создание у осужденного лица желания вести законопослушный образ жизни является по своей сути исправлением осужденного. При этом необходимо подчеркнуть, что именно посредством исправления осужденного лица осуществляется предупреждение совершения данным лицом противоправных преступных деяний. Конкретные средства исправления осужденных лиц должны иметь направленность на разрешение задач утраты общественной опасности личности осужденного лица в процессе отбывания им мер уголовного наказания в виду воздействия тех или иных мер уголовного характера⁴.

¹Исправление осужденных: монография / Под науч. ред.: Антонян Ю.М., Быков А.В. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. – С. 244.

²Смирнов Л.Б. Тезисы выступления «О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями» // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 100.

³ Уголовно-правовое воздействие: Монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. – С. 148.

⁴Зубкова В.И. Исправление осужденных: реальность и ожидание перемен // Уголовно-

Любая мера исправления осужденного лица включает в себя определенные правоограничения и это следует учитывать.

Режим отбывания уголовного наказания – это собой особый порядок исполнения в отношении осужденного лица уголовного наказания, который регламентируется рядом нормативных правовых актов и условия которого будут существенным образом влиять на правовой статус осужденного лица.

Воспитательная работа являет собой особый комплекс средств и методов социально-психологического воздействия на саму личность осужденного лица, в целях формирования, развития и закрепления общего правопослушного поведения, уважения норм общества, морали и т.д. По своей сути воспитательная работа практически полностью лишена от карательных элементов и базируется на установленном режиме отбывания уголовного наказания¹. Общественное воздействие, как особое средство исправления осужденных, наиболее «размытое» средство исправления, т.к. по своей сути не позволяет сделать вывод о том, какой конкретно перечень действий она в себя включает. Различными учеными выделяется до ста форм общественного воздействия на осужденное лицо. На взгляд автора, основными элементами общественного воздействия является: участие осужденного в деятельности общественных объединений; влияние на осужденных соответствующих попечительских советов, общественных воспитателей и т.д.².

Таким образом, в отечественной юридической науке имеет место множество мнений относительно «средство исправления осужденных лиц», а также целей исправления. Достижение целей исправления осужденного лица прямо зависит от ряда объективных и субъективных признаков.

Список литературы

1. *Зубкова В.И.* Исправление осужденных: реальность и ожидание перемен // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов «круглого стола», посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.В. Филимонова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – С. 119-126.

исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов «круглого стола», посвященного памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.В. Филимонова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – С. 124.

¹Соколова О.В. Труд как одно из средств исправления осужденных к лишению свободы: проблемы законодательного регулирования // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 76.

²Попова Е.Э. Правовое регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 37.

2. Исправление осужденных: монография / Под науч. ред.: Антонян Ю.М., Быков А.В. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. – 329 с.
3. *Попова Е.Э.* Правовое регулирование общественного воздействия как средства исправления осужденных // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 37-39
4. *Смирнов Л.Б.* Тезисы выступления «О целях наказания и проблемах их реализации уголовно-исполнительными учреждениями» // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы IV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 96-100
5. *Соколова О.В.* Труд как одно из средств исправления осужденных к лишению свободы: проблемы законодательного регулирования // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 76-83.
6. Уголовно-правовое воздействие: Монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. – 288 с.
7. *Усс А.* Допустимо ли исправлять осужденных? // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1-2. – С. 29-30.
8. *Шамсунов С.Х.* Теоретические аспекты проблемы социализации личности осужденного к лишению свободы на современном этапе развития российской пенитенциарной системы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – М., 2004. – С. 29–31.

Часть II.

Проблемы уголовной политики и правоприменительной практики в исследованиях молодых ученых

Бедная С.А.¹

Особенности назначения наказания по ст. 264 УК РФ

Аннотация: В процессе исследования норм уголовного закона, мнений ученых и материалов правоприменительной практики, автор приходит к выводам относительно особенностей назначения уголовного наказания по ст. 264 УК РФ, выделяет проблемы в рассматриваемой сфере и делает предложения по их устранению.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, уголовная ответственность, назначение наказания.

Features of Sentencing under Article 264 Of The Criminal Code of the Russian Federation

Abstract: In the process of studying the norms of criminal law, opinions of scientists and materials of law enforcement practice, the author comes to conclusions about the features of criminal punishment under article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies problems in this area and makes suggestions for their elimination.

Keywords: violation of traffic rules and vehicle operation, criminal liability, sentencing.

В Российской Федерации в настоящее время совершается значительное количество преступлений, ответственность за которые предусмотрена нормами ч. 1 – 6 ст. 264 УК РФ. Так, если мы обратимся к данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, то можем отметить, что в 2016 году по ст. 264 УК РФ было осуждено 10 406 лиц, в 2017 году было осуждено 10 383 лица, в 2018 году 9 469 лиц, в 2019 году было осуждено 9066 лиц². Анализ данных показывает, что несмотря на небольшое снижение, все же количество осуждаемых лиц по указанной статье остается стабильно высоким.

Кроме того, ст. 264 УК РФ достаточно часто подвергается законодательным изменениям, что вызывается изменениями государственной полити-

¹ *Научный руководитель* – Безбородов Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

² Судебная статистика [Электронный ресурс] - URL: www.cdep.ru. (Дата обращения: 28.06.2020г).

ки в сфере уголовно-правового противодействия нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: с 1996 года по июнь 2020 года законодатель 9 раз вносил в нее изменения. Последнее изменение было сделано в 2019 году Федеральным законом от 17.06.2019 N 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹, который существенным образом изменил санкции рассматриваемой статьи.

На вопросы, посвященные особенностям назначения уголовного наказания за совершение преступления предусмотренного ст. 264 УК РФ, обращали внимание А.В. Городова, М.В. Баранчикова и Д.А. Эрте, Д.Д. Зеваков² и другие. Проанализировав работы вышеуказанных авторов, нормы действующего законодательства и материалы правоприменительной практики, мы приходим к следующим выводам.

Безусловным фактом является то обстоятельство, что современное уголовное право защищает наиболее значимые и важные общественные отношения. Само по себе простое нарушение правил дорожного движения (далее по тексту – ПДД) не является столь значимым правонарушением, в виду этого, подавляющее большинство нарушений ПДД наказывается средствами административного наказания. Но вместе с тем, наиболее значимые нарушения ПДД, результатом которых является причинение вреда жизни и здоровью человека, не могут не получить своего закрепления в тексте уголовного закона. Так, в настоящее время, вопросы уголовной ответственности за нарушение ПДД регулируются ст. 264 УК РФ, которая разделена на 6 частей (содержащих квалифицированные составы), предусматривающих самостоятельные санкции. Насколько эффективны меры уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ можно определить, изучив правоприменительную практику судов г. Санкт-Петербурга. С этой целью нами были проанализированы 30 приговоров, опубликованных в СПС «СудАкт» по состоянию на 28.06.2020 г.³.

Анализ показал, что суды в подавляющем большинстве случаев назначают наказание около низшего предела, предусмотренного той или иной санкцией. Сразу же в данной ситуации возникает закономерный вопрос, а именно – почему суды по данной категории дел назначают именно такие наказания? Содержание приговоров показало, что в подавляющем большин-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.06.2019 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.

² Городов А.В. Анализ эффективности уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ // *Известия Алтайского государственного университета*. - 2018. - № 6 (104). - С. 62-65; Баранчикова М.В., Эрте Д.А. К вопросу о целесообразности введения категории тяжких неосторожных преступлений (на примере статьи 264 УК РФ) // *Правопорядок: история, теория, практика*. - 2020. - № 1 (24). - С. 127-131; Зеваков Д.Д. Лишение права управления транспортным средством как уголовное наказание // *Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей X Международной научно-практической конференции*. 2019. 0 С. 197-199.

³ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] - URL: www.sudact.ru. (Дата обращения: 28.06.2020 г.)

стве случаев суды учитывают смягчающие обстоятельства, а именно: лица, совершающие преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, как правило, совершают преступление впервые и стремятся загладить вред потерпевшему. Кроме того, почти 70% исследованных приговоров были постановлены в рамках особого порядка судебного разбирательства.

Зачастую суды освобождают виновных от реального отбывания уголовного наказания. Из рассмотренных приговоров в 42% наказание было назначено условно.

На наш взгляд, эта практика не совсем верна. Условное осуждение в данном случае не будет прямо соотноситься с целью исправления лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, поскольку у лиц, которые совершают деяния, предусмотренные ст. 264 УК РФ, в подавляющем большинстве случаев в момент совершения преступления или даже ранее сформировалось «мышление нарушителя правил дорожного движения». Иначе говоря, подобное поведение является закономерным следствием многочисленных нарушений ПДД. Это подтверждают проанализированные нами материалы правоприменительной практики: в 40% приговоров указывалось, что преступники ранее неоднократно нарушали ПДД и привлекались к мерам административного наказания. Исходя из данного обстоятельства представляется возможным сделать заключение о том, что административное наказание не выполнило своего главного предназначения в указанном случае, а именно не предупредило совершение преступления по ст. 264 УК РФ. Кроме этого необходимо указать на факт того, что при назначения преступнику наказания по ч. 1 – 6 ст. 264 УК РФ, факты привлечения данного лица ранее к мерам административной ответственности, обязательно учитываются в качестве особых характеристик личности (субъекта преступления).

Одним из наиболее эффективных видов наказания в рассматриваемой области является лишение специального права (лишения права на управление транспортным средством). Данный вид наказания, применяемый как в уголовных, так и в административных делах, на протяжении многих лет подтвердил свою эффективность.

Но вместе с тем, приходится признать наличие некоторых законодательных пробелов применительно к данному виду наказания. Так, чаще всего по ч. 1 ст. 264 УК РФ применяется санкция в виде ограничения свободы, данного вида наказания законодатель не предусмотрел обязательного лишения специального права (хотя для ч. 2- 6 ст. 264 УК РФ — это дополнительное наказание применяется всегда). На наш взгляд, эта ситуация несправедлива и более того, может способствовать различным злоупотреблениям со стороны правоприменителей. Учитывая сказанное, представляется необходимым закрепить в качестве дополнительного наказания к ограничению свободы по ч. 1 ст. 264 УК РФ наказание в виде лишения специального права.

Дополнительное наказание в виде лишения специального права в целом по ч. 2- 6 ст. 264 УК РФ назначается практически в равном объеме (с незначительной дифференциацией в несколько месяцев) по любой части

указанной статьи. Данная ситуация абсолютно несправедлива, т.к. совершенно очевидно, что уголовное наказание (пусть и дополнительное) должно учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступного деяния. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым изменить модель закрепления сроков лишения специального права, а именно данный срок должен быть более дифференцирован и вполне может соответствовать размеру наказания в виде лишения свободы в той или иной части ст. 264 УК РФ (для чего надо внести соответствующие изменения в ст. 47 УК РФ).

Подводя итог всему вышеизложенному, следует признать, что мы рассмотрели лишь часть проблемных вопросов, связанных с особенностями назначения наказания по ст. 264 УК РФ.

В этой связи полагаем, что для повышения эффективности применения ст. 264 УК РФ необходимо:

- закрепить правило о том, что условное осуждение не может быть назначено лицам, злостно нарушающим правила дорожного движения (лица, которые, к примеру, более 7 раз в течении года привлекались к мерам административной ответственности). С этой целью предлагаем ч. 1 ст. 73 УК РФ дополнить п. «г» следующего содержания: «осужденным за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, при условии признания данных лиц злостными нарушителями правил дорожного движения»;

- в ч. 1 ст. 264 УК РФ следует закрепить обязательное назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Наконец, следует отметить, что в ст. 264 УК РФ нарушен общий принцип закрепления квалифицированных составов преступлений в уголовном законе. Так, существует общее правило построения квалифицированных составов – основной состав преступления размещается в рамках ч. 1 той или иной статьи, в последующих частях размещаются квалифицированные составы, исходя из общей модели – те преступные деяния, которые более опасны и за которые предусмотрено более суровое наказание размещаются после менее опасных преступных деяний. Иными словами, получается своеобразная «иерархия» преступных деяний, где в ч. 1 той или иной статьи содержится наименее общественно опасный состав преступления, в ч. 2 содержится более опасный и т.д. В свою очередь, общественная опасность определяется исходя из размера санкции. В ст. 264 УК РФ все перемешано, а именно – санкция ч. 2 больше, нежели чем санкция ч. 3, а санкция ч. 4 больше, нежели чем санкция ч. 5. С учетом данного обстоятельства законодателю следовало бы расположить квалифицированные составы ст. 264 УК РФ в соответствующей последовательности друг к другу.

Список литературы

1. Баранчикова М.В., Эрте Д.А. К вопросу о целесообразности введения категории тяжких неосторожных преступлений (на примере статьи 264 УК РФ) // *Правопорядок: история, теория, практика*. - 2020. - № 1 (24). - С. 127-131.
2. Городов А.В. Анализ эффективности уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ // *Известия Алтайского государственного университета*. - 2018. - № 6 (104).- С. 62-65.
3. Зеваков Д.Д. Лишение права управления транспортным средством как уголовное наказание // *Научная дискуссия современной молодёжи: актуальные вопросы, достижения и инновации* сборник статей X Международной научно-практической конференции - г. Пенза, 2019. - С. 197-199.

Безрукавая П.П.¹

Проблемы уголовного законодательства в области соучастия в преступлении

Аннотация: в представленной статье рассмотрены актуальные проблемы соучастия в преступлении, возникающие при квалификации действий соучастников, а также касающиеся возможности признания соучастия неосторожным деянием.

Ключевые слова: соучастие, квалификация, специальный субъект, преступление, неосторожное деяние

Problems of Criminal Legislation Considering the Complicity in a Crime

Abstract. The authors attempts to analyze the challenges that arise in a definition of the concept of the complicity in a crime and in the differentiation of the accomplices actions as well. Author researches the concept of the complicity as a reckless act.

Keywords: complicity, qualification, special offender, crime, reckless act.

Наибольшую общественную опасность представляют преступления, совершаемые не одним, а несколькими лицами, из-за того, что действия ряда лиц значительно упрощают процесс совершения преступления и сокрытия своей причастности к нему. Совместное совершение общественно-опасного

¹ *Научный руководитель* - Орловская Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовно правовых дисциплин Юридического института им Ю.П. Новицкого Костромского государственного университета

деяния способствует укреплению решимости в совершении уголовно-наказуемого поступка.

По мнению современного российского правоведа С.А. Шатова, соучастие представляет собой особую форму преступной деятельности, когда несколько лиц объединяют свои усилия для достижения единого общественно опасного результата¹.

В.И. Пинчук считает, что соучастие в преступлении – это сложное понятие, которое заключается в совершении преступления несколькими лицами, объединенными одной идеей, идущими к общей цели².

В уголовном праве определение соучастия в преступлении раскрыто в ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления».

На основании п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ соучастие в преступлении является отягчающим вину обстоятельством, следовательно можем говорить о том, что повышается общественная опасность такого деяния.

В Российском уголовном праве существует ряд проблем, связанных институтом соучастия. Раскроем несколько проблем, которые, на наш взгляд, являются наиболее острыми.

В качестве первой выделим проблему квалификации соучастия со специальным субъектом. Разработке данной проблемы посвящены статьи В.Н. Винокурова³, В.Г. Павлова⁴ и др.

В науке уголовного права специальный субъект определяется как лицо, имеющее как общие, так и специальные признаки субъекта преступления, которое выполнило объективную сторону состава преступления⁵. Непосредственно уникальные признаки содержатся в статьях особенной части Уголовного кодекса РФ. УК РФ закрепляет ряд статей, предусматривающих наличие специального субъекта, например, ст.106 УК РФ – Убийство матерью новорожденного ребенка, ст.305 УК РФ – Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, ст.343 УК РФ – Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и др. Все эти преступления могут быть совершены только специальным субъектом, например, матерью ново-

¹Шатов С.А. Соучастие в преступлении: учебник. Издание 3-е, доп – М., Юридический центр Пресс, 2018. – 224 с.

²Пинчук В.И., Соучастие в преступлении: учебное пособие. – СПб., Санкт Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации 2002 – 44 с.

³ Винокуров В.Н. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии специальным субъектом // Современное право. – № 8. – 2015.- С. 108 – 111

⁴Павлов В.Г., Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом. Павлов В.Г., Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-souchastiya-v-prestupleniyah-so-spetsialnym-subektom> (дата обращения - 01.04.2020)

⁵Ковалев М.И., Уголовное право. Общая часть: учебник. 6-е изд., – М.: Юр .Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – С. 97.

рожденного (ст.106 УК РФ), судьей (ст.305 УК РФ), лицом, несущим службу по охране общественного порядка и общественной безопасности и др.

Вместе с тем, специальные субъекты могут совершать преступление совместно с иными лицами, не носящими статус специального субъекта при совершении данного общественно опасного деяния. В.Н. Винокуров считает, что все специальные составы преступления со специальным субъектом, содержащиеся в УК РФ, можно разделить на две категории: первая – преступления, объективную сторону состава которых может совершить лицо, не обладающее признаками специального субъекта; вторая – преступления, объективную сторону состава которых может совершить только лицо, обладающее признаками специального субъекта, содержащимися в диспозиции статей особенной части УК РФ. Следовательно, в первом случае происходит фактическое, во втором – юридическое совершение общественно опасного деяния. В качестве примера фактического совершения преступления выступает ч.1 ст.303 УК РФ «Фальсификация доказательств». Автор поясняет, что фактически фальсифицировать доказательства может любое лицо, а, например, ст. 291 УК РФ «Получение взятки», объективная сторона состава преступления заключается в получении взятки должностным лицом лично или через посредника, следовательно, получить саму взятку может любое лицо, но оно не сможет выполнить действия, обусловленные полномочиями должностного лица. Исходя из этого делаем вывод о том, что в данном случае, как исполнителем, так и соисполнителем может быть только должностное лицо, т.е. специальный субъект.

Анализируя приведенную выше позицию, делаем вывод о том, что данная проблема действительно стоит остро и требует решения. Из общего смысла положений о соучастии следует, что в статьях, предусматривающих наличие специального субъекта, исключено соучастие лица, не имеющего статус специального субъекта, несмотря на то, что он фактически может совершить объективную сторону состава преступления. Исходя из того, что соучастие исключается, автоматически смягчается наказание.

Для решения данной проблемы ч.1 ст.303 УК РФ должна быть дополнена следующей формулировкой: «равно иным лицом, с ведома лица, производившего дознание, следователя, прокурора». Так же теория уголовного права должна быть дополнена разграничением форм совершения преступления со специальным субъектом на фактическую и юридическую, что будет способствовать изначальной выработке навыков разграничения данных форм при изучении уголовного права как учебной дисциплины.

Далее выделим проблему не признания соучастия неосторожным преступлением. Эту проблему освещали многие теоретики и практики в области уголовного права, в частности В.Ф. Щепельков¹, Я.М. Матвеева и др.

В ст.32 УК РФ закреплено понятие соучастия, которое полностью ис-

¹ Лукьянов В.В., Прохоров В.С., Щепельков В.Ф. Уголовное право России. Общая часть – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 261.

ключает возможность совершения преступления в соучастии по неосторожности, т.к. соучастием признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. В.Ф. Щепельков отмечает, что при этом УК РФ содержит статьи, предусматривающее наказание за неумышленное преступление, совершенное в соучастии.

Например, ст.263.1 УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности», в ч.1 которой предусмотрена санкция за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба.

Субъективную сторону данного преступления характеризует такая форма вины как неосторожность, т.е. легкомыслие или небрежность, при преступном легкомыслии виновное лицо предвидит возможность причинения тяжкого вреда здоровью человека или крупного ущерба из-за нарушения требований безопасности в области транспорта, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение; при преступной небрежности виновное лицо не предполагает наступления вредных последствий, хотя при необходимой внимательности могло и должно было их предвидеть. Диспозиция ч.3 и 4 данной статьи содержит указание на возможность совершения данного общественно опасного деяния в соучастии, т.е. группой лиц, которое повлекло по неосторожности смерть человека, или организованной группой лиц, повлекшее, так же, по неосторожности смерть двух и более лиц.

На основании вышесказанного, автор делает вывод о том, что по УК РФ все же может наступить ответственность за совершение в соучастии неосторожного преступления вопреки установленному определению соучастия.

Вместе с тем, В.Ф. Щепельков обращает внимание на то, что ст.35 УК РФ содержит четкие понятия различных форм соучастия, в частности, преступление признается совершенным группой лиц, а так же организованной группой, если у каждого ее члена был прямой умысел. Таким образом, обе формы соучастия невозможны без наличия прямого умысла на совершение того или иного общественно опасного деяния. В ходе анализа указанных выше статей УК РФ автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день может существовать соучастие по неосторожности, т.к. данная форма закреплена в УК РФ.

С приведенной позицией сложно согласиться. Стоит отметить, что состав преступления, предусмотренный диспозицией ст.263.1 УК РФ является материальный, т.е. преступление будет считаться оконченным только в том случае, если наступят неблагоприятные последствия, а именно причинение тяжкого вреда здоровью, крупного ущерба, а ч.3 и 4 в случае наступления смерти человека или двух и более лиц. Если предположить, что два и более лица договорились не исполнять требования по соблюдению транспортной безопасности, организовали преступную группу, преследующую данную

цель, то без наступления общественно опасных последствий они лишь создали бы опасные для жизни и здоровья условия. Следовательно, группа лиц предвидит наступление общественно опасных последствий, что указывает на наличие умысла, а равно соучастия между ними.

Решением данного вопроса является внесение изменений в ст. 263.1 УК РФ (а так же схожие с ней), заключающихся в исключении частей, содержащих санкции за совершение такого преступления в соучастии, в частности из ст. 263.1 УК РФ исключить ч.3 и 4.

В ходе анализа приведенной позиции приходим к выводу о том, что соучастия по неосторожности быть не может, т.к. это противоречит сути понятия соучастия.

Таким образом, анализируя ряд проблем, связанных с институтом соучастия, пришли к выводу о необходимости закрепления возможности соучастия между специальными и неспециальными субъектами преступления, а так же о необходимости устранения противоречий между положениями общей и особенной частей УК РФ в вопросах, касающихся возможности санкционирования преступлений, совершенных в соучастии по неосторожности, путем исключения из соответствующих статей особенной части УК РФ положений о совершении объективной стороны состава преступления в соучастии.

Список литературы

1. *Винокуров В.Н.* Квалификация преступлений, совершенных в соучастии специальным субъектом //Современное право. – № 8. – 2015.- С. 108 – 111
2. *Ковалев М.И.* Уголовное право. Общая часть: учебник.– М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М; 6-е изд., 2016.
3. *Лукьянов В.В., Прохоров В.С., Щепельков В.Ф.* Уголовное право России. Общая часть – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, – 2018
4. *Павлов В.Г.*, Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-souchastiya-v-prestupleniyah-so-spetsialnym-subektom> (дата обращения - 01.04.2020)
5. *Пинчук В.И.* Соучастие в преступлении: учебное пособие. – СПб., Санкт Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации 2002. - 44 с.
6. *Шатов С.А.* Соучастие в преступлении: учебник. Издание 3-е, доп. – М., Юридический центр Пресс,2018. – С. 224.

Причины и условия доведения до самоубийства посредством использования социальных сетей

Аннотация. Проводится анализ существующих точек зрения и позиций по вопросу доведения до самоубийства посредством использования социальных сетей, формулируется авторская позиция и приводится система классификации случаев доведения до самоубийства посредством использования социальных сетей в зависимости от детерминантов данного преступного деяния.

Ключевые слова: причины, условия, «Интернет», самоубийство.

Reasons and Conditions of Incitement to Suicide via Social Networks

Abstract. The article raises the problem of determining the reasons and conditions of incitement to suicide via social networks. Author analyzes the existing points of view and positions on this issue. Author presents the system of classification of cases of incitement to suicide via social networks according to the determinants of this criminal act.

Key words: reasons, conditions, the Internet, suicide.

«Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»². Именно таким образом высказывается Президент России В.В. Путин, отмечая основополагающие направления реализации всей государственной политики, вне зависимости от конкретных ее сфер. Безусловно, вопрос сохранения жизни человека должен быть и является приоритетным повседневной повестки государства и общества. Однако, несмотря на это на современном этапе наблюдается ряд проблем реализации указанной «повестки». Ежегодно в России по различным причинам гибнет порядка 12,5 человек на 1000 населения: в 2019 году умерло 1828910 человек³. Одной из причин смертей в России является самоубийство — от него в 2019 году скончалось 16983, это шестой показатель среди всех возможных причин смертей, произошедших в России за указанный период⁴. Согласно данным Все-

¹ *Научный руководитель* — Дикаев Салман Умарович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор

² Путин: человеческий капитал — главное богатство России // Известия URL: <https://iz.ru/news/648762> (дата обращения: 24.06.2020).

³ Статистика смертности по данным Росстат // Росинфостат URL: <https://rosinfostat.ru/smertnost/> (дата обращения: 24.06.2020).

⁴ Самоубийства в России за год статистика, количество по регионам // www.sites.google.com URL: <https://www.sites.google.com/site/ruregdatav1/samoubijstva-v-rossii> (дата обращения: 24.06.2020).

мирной организации здравоохранения, Россия по количеству самоубийств на 1000 человек занимает третье место, а по количеству случаев суицида мужчин – лидирует в мировом антирейтинге¹.

Причины распространения суицидов многообразны. Однако, одно из ведущих мест в данном случае следует отдавать доведению до самоубийства – уголовно-наказуемому деянию, ответственность за которое предусмотрена статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена возросшей ролью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целом и социальных сетей в частности. Использование сети Интернет и социальных сетей, как первоочередных средств, при помощи которых представляется возможным коммуницировать, на современном этапе признается соответствующим феноменом культурного и экономико-социального значения, который, в свою очередь, очерчивает и отражает текущий эволюционный процесс². Однако, помимо явно выраженных благ, которые, безусловно несет Интернет и социальная коммуникация посредством сети, нельзя не отмечать наличие конкретных угроз, которые исходят от него. В частности, на современном этапе именно социальные сети все чаще используются как средства доведения до самоубийства. Возросшую роль сети Интернет (в том числе и социальных сетей) в детерминации доведения до самоубийства признает и законодатель, 07.06.2017 года внесший изменения в статью 110 УК РФ, посредством которых (в том числе) на квалифицирующем уровне криминализировал ряд объективных признаков совершения данного преступного деяния, в том числе доведение до самоубийства посредством использования сети Интернет (социальных сетей в том числе)³.

Учитывая роль социальных сетей, как средств, при помощи которых реализуется деяние, предусмотренное статьей 110 УК РФ, и, в свою очередь статистическое место (на уровне устоявшейся тенденции) доведения до самоубийства в числе ежегодно регистрируемых суицидов, представляется что одним из ключевых вопросов в данном случае является определение причин, порождающих самоубийство как свое следствие; условий, которые способствуют его совершению. Это необходимо в целях определения эффективных путей предупреждения доведения до самоубийства в социальных сетях, об-

¹ Каждые 40 секунд в мире происходит самоубийство. Доклад ВОЗ // ВОЗ URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/09-09-2019-suicide-one-person-dies-every-40-seconds> (дата обращения: 24.06.2020).

² Артющина О. В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2017. - №3 (29). - С. 85.

³ Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2017.

щей отраслевой декриминализации сети Интернет. Также нельзя не отметить положительность выявляемости причин и условий доведения до самоубийства с точки зрения установления эффективных алгоритмов расследования преступлений соответствующей категории.

Следует отметить, что к преступлению приводят совокупность обстоятельств, когда в одном месте сходятся несколько факторов (причин или условий). При этом «причина – это совокупность объективных и субъективных факторов, которые вызывают или порождают соответствующее явление, событие, феномен. Условия – это конкретизированные и отображаемые обстоятельства, наличие которых позволяет претворить в жизнь то или иное явление, событие или феномен, способствуют ускорению или облегчению такого претворения»¹.

Если обратиться к мнению ученых-криминологов, то можно заметить, что практически каждое соответствующее научное исследование акцентирует внимание на различных причинах и условиях доведения до самоубийства в социальных сетях.

Е.Н. Сорокина и А.В. Валяева полагают, что главным детерминационным фактором доведения до самоубийства в социальных сетях является виктимность жертв таких преступлений; авторы указывают на такие категориальные признаки, как возраст, а также психофизическое развитие лица, способствующие возможности реализации в отношении него соответствующих механизмов воздействия по доведению до самоубийства посредством социальных сетей².

Помимо прочего, в научной литературе встречаются позиции, согласно которым основными детерминантами доведения до самоубийства посредством социальных сетей выступают среда обитания жертв данных преступлений³, особенности (негативного характера) межличностного общения в семье⁴, несовершенство нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере⁵.

На различие и множественный характер причин и условий доведения до самоубийства в социальных сетях также указывают представители соответствующих сфер практической деятельности, а именно психологи и суицидологи. В частности, в 2017 году Центр социального проектирования «Плат-

¹ Жиров Р.М., Дышекова М.Р. Криминологический анализ криминогенных детерминант доведения лица до самоубийства // Образование. Наука. Научные кадры. - 2019. - №2. - С. 74.

² Сорокина Е.Н., Валяева А.В. Доведение до самоубийства: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Наука. Общество. Государство. - 2017. - № 1. - С. 121.

³ Жиров Р.М., Дышекова М.Р. Там же. - С. 73.

⁴ Краснова К.А., Ережипалиев Д.И. Противодействие кибербуллицу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юрист-Правоведь. - 2017. - №3 (82). - С. 78.

⁵ Нечаева Е.В., Хайбуллина Р.М. Доведение до самоубийства несовершеннолетних в сети «Интернет»: меры предупреждения // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 436.

форма» провел исследование, посвященное реальным и мнимым угрозам в сети Интернет. В эмпирическом исследовании (фактически, это были соответствующие социологические замеры) приняли участие множество респондентов, костяк состава которых составляли суицидологи и психологи. Задачей исследования было выявить с криминологической точки зрения наиболее явные и наиболее мнимые угрозы, которые способствуют самоубийствам подростков. В числе прочих (36%) были названы соответствующие сетевые ресурсы, посредством которых подростков доводят до самоубийства. Вместе с тем, только 3% опрошенных выбрали их в качестве единственной причины подростковых суицидов¹.

На наш взгляд, причины доведения до самоубийства в социальных сетях, в целом, практически полностью идентичны доведению до самоубийства в режиме «офлайн». Условно, их можно подразделить на две группы – внутренние (субъективные, биологические) и внешние (социальные). В первом случае речь идет о таких причинных комплексах, как: медицинский (наличие явного или скрытого психического заболевания, физические недостатки), психологический (стрессовые ситуации, не сопровождающиеся психическим расстройством, длительная психотравмирующая ситуация; психологический срыв), личностный (проблемы личного характера). Во втором случае речь идет о двух основных причинных комплексах, а именно нравственном (недостатков морально-нравственного развития субъектов преступления, пробелы в воспитании, личностном развитии), а также криминологическом (в данном случае необходимо отталкиваться от содержания диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, в части касающейся перечисления возможных способов совершения преступления). Как можно заметить, внутренние причинные комплексы характеризуют личность жертв преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ. Человека, личность которого не обладает указанными в комплексах характеристиками, достаточно сложно довести до самоубийства, в том числе и посредством использования социальных сетей. Внешние причинные комплексы обуславливаются деятельностью субъектов преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, а также характеризуют особенности его личности. Без внешне выраженного воздействия говорить о наличии состава преступления также нельзя.

Условие доведения до самоубийства в социальных сетях заключается в использовании указанных сетевых ресурсов. Социальные сети в данном случае выступают средством доведения таких угроз (реализации действий по систематическому унижению человеческого достоинства) до адресата – жертвы преступления. Помимо прочего, к условию совершения указанного преступления также возможно относить особенности межличностных отношения жертвы и преступника, наличие конфликта между ними, разрешение которого

¹ Психологи развенчивают «группы смерти»: довести до суицида через интернет невозможно // Знак.ком. - URL: https://www.znak.com/2017-04-18/psihologi_razvenchivayut_gruppy_smerti_dovesti_suicida_cherez_internet_nevozmozhno (дата обращения: 11.06.2020).

му преступник находит посредством угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

Одним из первых случаев доведения до самоубийства в социальных сетях в России (который получил широкую общественную огласку) следует считать дело деяние, совершенное 31-летней Анной Симоненко (в декабре 2011 года приговорена к году и девяти месяцам колонии-поселения и штрафу в размере 800 тысяч рублей)¹. Уголовное дело было возбуждено по факту гибели (в результате суицида) бывшего молодого человека Симоненко. Потерпевший, проходя срочную воинскую службу, узнал о многочисленных изменах Симоненко и принял решение расстаться с последней. Однако, узнав о принятом молодым человеком решении, у Симоненко (на почве желания отомстить, а также личной неприязни) возник преступный умысел на доведение бывшего молодого человека до самоубийства. Для этого Симоненко зарегистрировала в социальной сети «Одноклассники» сразу несколько аккаунтов (имена, фамилии и иные установочные данные были вымышленными), и развернула (по окончании потерпевшим срочной службы и возвращению его домой) кампанию по дискредитации последнего: Симоненко размещала на странице потерпевшего информацию о его якобы нетрадиционной сексуальной ориентации. Также Симоненко отправляла личные сообщения подписчикам и лицам, находящимся в списке «друзей» профиля потерпевшего в социальной сети. Содержание сообщений также было соответствующим – о сексуальной ориентации потерпевшего. По результатам совершения указанных действий, потерпевший, решив, что его честь и достоинство опорочены, решил покончить жизнь самоубийством, через повешение.

Приведенным пример (ситуация) может быть разобрана (с точки зрения причин и условий совершения преступления) следующим образом.

Во-первых, внутренний причинный комплекс характеризовался особенностями личности потерпевшего. В ходе следствия было установлено, что к моменту самоубийства, психологическое и психическое состояние потерпевшего было в существенной степени ухудшено (этому способствовал ряд факторов, а именно сам разрыв отношений с Симоненко, случаи неуставных взаимоотношений в период прохождения срочной службы).

Во-вторых, внешний причинный комплекс характеризовался особенностями личности самой Симоненко, а также ее действиями, которые она совершала в отношении потерпевшего. Как было установлено следствием, Симоненко характеризовалась в качестве типажа личности со стойкой противоправной направленностью. Симоненко занималась оказанием платных интимных услуг, была наркозависимой, имела неоднократные приводы в полицию, осуществила несколько прерываний беременности. Относительно действий Симоненко достаточно подробно указано в самом примере.

¹ Доведение до самоубийства. Как она работает? - URL: <https://meduza.io/feature/2016/11/22/statya-dovedenie-do-samoubiystva-kak-ona-rabotaet> (дата обращения: 11.06.2020).

В-третьих, условиями доведения до самоубийства в данном случае явились: возможность распространения соответствующих информационных сведений на неограниченный круг лиц (аудитория социальной сети), а также особенности межличностных взаимоотношений преступника и жертвы.

Таким образом, в завершении исследования необходимо сделать вывод о следующей системе причины и условий доведения до самоубийства в социальных сетях.

Причины данных преступлений образуют два вида комплексов: внутренний и внешний. Внутренние причинные комплексы характеризуются особенностями личности потерпевшего (медицинский, психологический и личностный комплексы). Внешние причинные комплексы характеризуют личность самого преступника (недостатки морально-нравственного развития субъектов преступления, пробелы в воспитании, личностном развитии), а также конкретные действия по доведению до самоубийства (в данном случае необходимо отталкиваться от содержания ч. 1 ст. 110 УК РФ, в части касающейся перечисления возможных способов совершения преступления).

Условия совершения, рассматриваемых преступления следует рассматривать в двух основных плоскостях. Первая – это непосредственное использование социальных сетей. Социальные сети в данном случае выступают средством доведения таких угроз (реализации действий по систематическому унижению человеческого достоинства) до адресата – жертвы преступления. Благодаря им обеспечивается возможность распространения соответствующих информационных сведений на неограниченный круг лиц (аудитория социальной сети). Вторая – это особенности межличностных взаимоотношений жертвы и преступника. В подавляющем количестве случаев данные взаимоотношения характеризуются как конфликтные в высокой степени.

Список литературы

1. *Артюшина О. В.* Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – №3 (29). – С. 85-92.

2. *Жиров Р.М., Дышекова М.Р.* Криминологический анализ криминальных детерминант доведения лица до самоубийства // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – №2. – С. 73-75.

3. *Краснова К.А., Ережипалиев Д.И.* Противодействие кибербуллициду как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юрист-Правоведь. – 2017. – №3 (82). – С. 78-84.

4. *Нечаева Е.В., Хайбуллина Р.М.* Доведение до самоубийства несовершеннолетних в сети «Интернет»: меры предупреждения // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 436-440.

Значимость теории уголовно-правового причинения при анализе результатов криминализации

Аннотация: Статья посвящена изучению основ криминализации как одного из наиболее часто используемых инструментов уголовно-правовой политики. Уделяется внимание значению теории уголовно-правового причинения для анализа существующих преступных (нормативизированных) или некриминализованных деяний. Предлагаются также и авторские позиции на текущие критерии криминализации, которые необходимы для их использования правотворческими органами с целью оценки качества как существующих криминализованных, так и некриминализованных деяний.

Ключевые слова: криминализация, причинение, общественная опасность, конъюнктура, социальная значимость.

Theory of Infliction in the Criminal Law Doctrine Applied to the Analysis of the Criminalization Results

Abstract: The article is dedicated to the common rules of criminalization, one of the most popular instruments of the criminal law policy. Author uses the theory of criminal infliction to analyze the existing crimes and non-criminalized action. The author also discusses the current views on criminalization criterions used by the legislators to evaluate the quality of both existing criminalized and non-criminalized acts.

Keywords: criminalization, infliction, public danger, political atmosphere, social significance.

Существующие на сегодняшний день уголовно-правовые нормы, как известно, являются своеобразным продуктом криминализации как инструмента уголовно-правовой политики. Криминализация, в силу ее серьезных последствий (принятия уголовно-правовых норм, утверждение негативной уголовной ответственности), должна быть результатом обстоятельного и последовательного анализа априорных основ, которые являются определенными детерминантами принятия решения о придании уголовно-правового (нормативного) значения тому или иному деянию. В.А. Якушин писал: «Криминализация деяний осуществляется не потому, что они кому-то не нравятся, а потому, что они глубоко чужды правилам человеческого общежития, возвышенным идеалам, ценностям морали»². На

¹ *Научный руководитель* - Долгова Светлана Владимировна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, кандидат юридических наук

² Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – С. 54 (автор главы – В.А. Якушин).

такой основной фундамент криминализации указывал и В.Д. Спасович, раскрывая его через определение понятия преступления, что оно представляет собой «противозаконное посягательство на чье либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждает ненарушимость его наказанием»¹.

Сам процесс криминализации также проходит ряд стадий, каждая из которых ведет к единому итогу – закреплению на нормативном (позитивно-правовом)² уровне уголовно-правового значения определенной модели деяния. Представляется правильной интерпретация указанных стадий данная Г.Й. Шнайдером: «Преступность определяется социальным и индивидуальным процессами криминализации, которые в свою очередь можно разделить на процесс причинения и процесс наименования»³. Социальный и индивидуальный процесс криминализации связан, как указывает автор, с определением деяния сначала в широком, например, в ст. 2 УК РФ, а потом уже в узком смысле⁴, то есть его конкретной индивидуализации в уголовном законе. Мы солидарны с данной точкой зрения и считаем, что в контексте криминализации важную составляющую занимает процесс причинения, имеющий место до осуществления позитивно-правовой регламентации, представляющий по своей природе фундамент, ядро нормативной оболочки, так как эксплицирует внутреннюю оценку криминогенного деяния, в том числе и те объекты уголовно-правовой охраны, на которые оно посягает.

Законодатель единожды указывает в ч.2 ст.2 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) основной детерминант создания уголовно-правовых норм, определяя, что именно «опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями». То есть до осуществления криминализации деяния исследованию подлежит его сущностная опасность для индивидуального или коллективного субъекта. Некоторые ученые обозначают ее общественной опасностью. Однако мы считаем, что такой подход является не совсем корректным, так как предполагает смешение опасности еще не криминализованного деяния с общественной опасностью, которой, на данном этапе, не существует. Так, И.Ю. Янина указывает: «Показатели общественной опасности непроступного некриминализованного причинения совпадают с показателями общественной опасности преступного причинения или пре-

¹ Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. – СПб., 1863. – Т.1 (Выпуск первый). - С. 84.

² В науке существует позиция и о так называемой «судебной» криминализации. (см. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. - 1977. - № 9. - С. 61). Мы не разделяем данную позицию и считаем, что криминализация – это продукт сугубо правового регулирования законодательных органов власти.

³ Kriminologie / von Hans Joachim Schneider. Berlin; New York, 1987. P. 102.

⁴ Ibid.

вышают их»¹. Как представляется правильным, до закрепленной в УК РФ оценки того или иного деяния как преступного нельзя говорить об общественной опасности, так как эта догма права имеет отношение сугубо к преступлению, формально уже противоправному акту. На этот весьма значимый аспект соотношения материального и формального признака преступления указывал З.Б. Соктоев: «Опасность деяния первична к признаку запрещенности деяния уголовным законом, но опасность тогда приобретает статус общественной опасности, когда опасность юридически выражена в уголовном законе»². Закрепление за некриминализованным деянием признака общественной опасности догматизирует науку, заставляет рассматривать каждое криминализованное деяние *a priori* общественно опасным. Такой подход может привести к безграничному расширению репрессивной функции уголовного закона, когда нормативное существо деяния станет важнее его социальной (личностной) значимости. Указанную негативную составляющую для уголовно-правовой науки совершенно справедливо отмечал П.А. Фефелов: «В уголовно-правовой науке господствует формально-догматический метод, с помощью которого исследуется прежде всего догма права при игнорировании социальной сущности преступления ... не раскрывается социальная сущность вреда, причиняемого преступлением»³.

Законодатель, осуществляя криминализацию определенного деяния, закрепляет в соответствующей уголовно-правовой норме не только признаки действия (бездействия) и характера наступивших последствий, но и элементы законодательно установленной линии причинения, то есть того, как в объективной реальности происходит процесс причинения. Еще В.Н. Кудрявцев в своих трудах указывал: «Создавая соответствующую уголовно-правовую норму, законодатель оценивает не только характер общественно опасных действий и наступающих последствий, но и характер причинной связи между теми и другими, имея в виду, например, что в качестве посредствующих звеньев в этой причинной связи могут выступать неосторожные поступки потерпевшего, механическое действие транспортных средств и т.д.»⁴.

И.Ю. Янина, будучи также теоретиком в области уголовно-правового причинения, описывает значение некриминализованного деяния через его способность нести социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны⁵. Так, данным автором была описана суть уголовно-правового причинения применительно к рассматриваемой проблеме: «Криминализованное деяние, не повлекшее социально

¹ Янина И.Ю. Причинение и специальное причинение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саранск, 2018. - С. 11.

² Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-р. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2014. - С. 211.

³ Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. - Екатеринбург, 1999. С. 23 – 24.

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. - С. 206.

⁵ Янина И.Ю. Указ. соч. - С. 10.

значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны, не признается уголовно-правовым причинением (ставится вопрос о его исключении из уголовного закона – декриминализации либо переводе в разряд уголовного проступка); некриминализованное деяние, повлекшее социально значимый вред и социально значимые изменения в объекте уголовно-правовой охраны, признается уголовно-правовым причинением (ставится вопрос о его включении в уголовный закон – криминализации)»¹. На наш взгляд данная интерпретация не лишена некоторой доли противоречивости. Так, хотелось бы обратить внимание на неясность позиции автора относительно того, что является определяющей составляющей социально значимого вреда. Автор закладывает в понятие социально значимого вреда лишь «негативное воздействие, произошедшее в правоохраняемых общественных отношениях...»². Но этого, на наш взгляд, совершенно недостаточно. Представляется правильным подчеркнуть тот факт, что Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) также содержит составы административных правонарушений, сформированные на основе общественных отношений, являющихся объектом уголовно-правовой охраны. В связи с этим, необходимо принимать во внимание, что текущие составы административных правонарушений, по своей сути имеют уголовно-правовую природу. Речь идет, например, о составах административных правонарушений, нашедших отражение в ст. 6.1¹, ст. 7.5, ст. 7.17, ст. 7.27, ст. 7.27¹ КоАП РФ. И это далеко не все деяния, которые можно было бы перечислить³. По этому поводу проф. Л.В. Головки справедливо указывал, что «техническая автономизация мелких правонарушений (сама по себе вполне допустимая, а иногда даже и желательная) вовсе не предполагает концептуального забвения их уголовно-правовой (пенальной) природы»⁴. Мы полагаем, что это есть отражение закономерности, когда одни деяния более опасные для личности, общества или государства подпадают под уголовно-правовое регулирование (имеют формальную уголовно-правовую противоправность), другие же деяния будучи по материальной природе пенальными, то есть уголовно-правовыми, формальную противоправность имеют уже в разряде административных правонарушений в виду их недостаточной опасности.

¹ Янина И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. - 2020. - N 1. - С. 113.

² Янина И.Ю. Указ. соч. - С. 34.

³ Автором не затрагивается в настоящей работе вопрос уголовно-правовой природы административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами. Подробнее об этом см.: Глухов В.С. Системный анализ подходов «*pro et contra*» к уголовной ответственности юридических лиц // Дни науки – 2018: сборник статей. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. - С. 145 – 151.

⁴ Головки Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. - 2013. - N 1. - С. 47.

Безусловно, существующие деяния, представляющие, *a priori* указанную в ч.2 ст.2 УК РФ опасность для личности, общества или государства, формально подпадают под уголовно-правовой запрет в результате усмотрения самого законодательного органа. Однако отметим, что это усмотрение относительно компонента опасности не должно быть связано с продвижением определенной политической или партийной конъюнктуры, каковой в полной мере насыщена «общественная опасность», должно вытекать из проведенной надлежащим образом криминологической экспертизы, отражающей социальный характер того или иного деяния. Именно поэтому нами поддерживается высказанная ранее Т.Г. Понятовской позиция, что «в ныне действующем законодательстве и в практике его применения мы не находим положений, которые свидетельствовали бы о том, что критерий общественной опасности больше не зависит от конъюнктуры»¹. Нами предлагается не концентрировать внимание на этом высоко политизированном, обеспечивающим продвижение любого рода идей по расширению уголовной репрессии, признаке и уделять большее внимание при оценке подлежащего криминализации или криминализованного деяния именно признаку личностной (индивидуальной) опасности.

В связи с этим, на наш взгляд, выявление различий между деянием, подлежащим криминализации и деянием, которому придавать уголовно-правовую (формальную) оценку нет необходимости, подлежит осуществлять не только через фактически затрагиваемый в широком смысле объект уголовно-правовой охраны и те социально значимые изменения, которые его деформируют, но и через анализ того, насколько опасным по своей природе будет внешнее выражение потенциального состава преступления, то есть проявление его на материальном, социальном или правовом уровне организации общества.

Список литературы

1. Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. - 2013. - № 1. - С. 42 – 52.
2. Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. - 1977. - № 9. - С. 54 – 62.
3. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
4. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. – Репр. изд. – М.: Проспект, 2019 – 144 с.

¹ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. – Репр. изд. – М.: Проспект, 2019. - С. 115

5. *Соктоев З. Б.* Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-р. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2014. – 408 с.
6. *Спасович, В. Д.* Учебник уголовного права / В. Д. Спасович. – СПб., 1863. – Т.1 (Выпуск первый). – 432 с.
7. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – 751 с.
8. *Фефелов П. А.* Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 256 с.
9. *Янина И. Ю.* Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. - 2020. - N 1. - С. 112 – 121.
10. *Янина И. Ю.* Причинение и специальное причинение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саранск, 2018. – 269 с.
11. *Kriminologie / von Hans Joachim Schneider* (Berlin; New York, 1987).

*Голубева К.С.*¹

**Особенности расследования преступлений,
совершенных несовершеннолетними
(по результатам криминологического исследования)**

Аннотация. Статья посвящена особенностям расследования преступлений несовершеннолетних лиц как негативного явления, определяющегося спецификой их возраста и психофизического развития. Анализ полученных результатов криминологического опроса экспертов позволил выделить проблемы методики расследования преступлений, совершенных подростками.

Ключевые слова: несовершеннолетние, современные особенности, преступность, методика расследования, криминологический опрос.

Investigation of Crimes Committed by Minors: Specifics

Abstract. The article is dedicated to the peculiar features of the investigation of juvenile crime as a negative phenomenon, determined by the specifics of the age and psychophysical development of the offender. The analysis of the criminological study results and legislation let author to point at the problematic issues of the methods used in investigating crimes committed by minors.

Key words: minors, modern features, crime, investigation methodology, criminological survey

¹ *Научный руководитель* - Климова Юлия Николаевна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института имени М.М. Сперанского ВГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», кандидат юридических наук, доцент,

Расследование преступлений, совершенных подрастающим поколением, как особой группой субъектов ответственности, представляется всеобщей проблемой современного российского общества в связи с существующей связью между криминализацией несовершеннолетних и криминализацией будущего нашей страны. В такой ситуации главной задачей по предупреждению преступности несовершеннолетних является повышение качества расследования дел этой категории.

Значимость разработки методики расследования подростковой преступности обуславливается достаточно высокой способностью ее стать мощным источником самодетерминации преступности как таковой; распространению криминального образа мыслей и способа поведения в «здоровой» подростковой среде и ее криминальному заражению.

В связи с чем, представляется с правовой точки актуальным направление по совершенствованию научного обеспечения расследования преступлений подростков, обращению большего внимания социальных педагогов, преподавателей школ и вузов, социологов, психологов, психиатров, работников правоохранительных органов в целях дальнейшей эффективной ликвидации преступности в целом, предупреждения преступности девиантных подростков.

Рассмотрим особенности методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, исходя из их возрастной специфики.

Прежде всего, отметим, что большинство из анкетированных нами экспертов отмечают, что уголовные дела, *возбужденные в отношении несовершеннолетних, обладают какими-либо особенностями по сравнению с уголовными делами, возбужденными в отношении взрослых лиц (88 %)*¹. К подобным отличиям относят: а) несформированность личности преступника; б) специфику расследования; в) обязательное проведение судебно-психологической экспертизы для установления психологического возраста; г) иной порядок судопроизводства.

Неслучайно большинство опрошенных считают необходимым *тщательную подготовку* дознавателя, следователя к таким следственным действиям, планирование следственных действий с участием несовершеннолетних, предполагающих: а) необходимость учитывать иную психологию мышления несовершеннолетнего; б) присутствие законного представителя; в) особый психологический подход с целью вступления в контакт с несовершеннолетним.

Причем, 75% опрошенных лиц считают, *что и следственные ситуации, возникающие при расследовании преступлений несовершеннолетних, обладают какими-либо особенностями по сравнению с аналогичными следственными ситуациями по уголовным делам, возбужденным в отношении взрослых лиц.*

¹ Автором в апреле-мае 2020 года на территории Рязанской области проведен опрос правоохранительных экспертов, которыми выступили следователи, дознаватели, оперативные работники Министерства Внутренних дел Российской Федерации, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Аналогичным образом 63% считают, что преступления, совершаемые несовершеннолетними, являются *сложными для расследования в организационном, психологическом или тактическом плане.*

В действующей нормативно-правовой базе, криминалистической доктрине имеют место быть особенности в отношении процессуального регулирования вопросов расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Во-первых, как известно, обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию (помимо самих особенностей уголовного судопроизводства по делам в отношении несовершеннолетних главы 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (далее УПК РФ)), являются следующие: возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Все эти элементы криминалистической характеристики тесно связаны между собой.

Во-вторых, преступления, совершенные несовершеннолетними лицами, могут быть подразделены на две категории: преступления совершенные 14-15-летними преступниками и совершенные 16-17-летними лицами. Последняя из них представляется более опасной и опытной, как и сама личность преступника в 16-17 лет, имеющая более стойкую антиобщественную ориентацию, прочные связи с преступной средой.²

Это логично и в той части, что чем моложе возраст, тем выше групповая преступность с наличием некой фигуры лидера, *организатора, способного оказывать манипулирующее воздействие в выборе:*

1) *предмета преступного посягательства*, которым чаще всего становятся малогабаритные и легко переносимые ценности (деньги, электронные носители, мобильные телефоны, часы, ювелирные украшения и т.д.), реже - автотранспорт, а также различные его комплектующие и запчасти;

2) *способов преступления*, характеризующихся нехваткой «профессиональных» действий, быстрой подготовкой к совершению преступного акта; отсутствием повторяющихся закономерностей при совершении преступления одним и тем же способом; непоследовательностью действий; имитацией действий киногероев. Для способа преступлений, которые совершают несовершеннолетние, характерны в современных реалиях также такие черты, как латентность, феминизация подростковой преступности, стабильность распределения преступлений несовершеннолетних по категориям тяжести совершенных преступлений. Подчеркну, что мнения анкетированных экспертов относительно влияния пола несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (мальчика/девочки) на применение тактических приемов допроса сле-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001 – № 52, ч. 1, ст. 4921.

² Антонян Ю.М. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: монография. - М., 2014. - С.146.

дователем, дознавателем для получения наиболее полных и правдивых показаний о преступлении разделились поровну (50%-да; 50%-нет). Теми, кто согласен, что в зависимости от пола несовершеннолетние по-разному ведут себя, отмечается различие в мышлении преступниц и преступников.

3) *жертв преступлений*, которыми чаще всего представляются несовершеннолетние, занимающие с преступниками достаточно однородное социальное положение и образование (88,4% из них - учащиеся или студенты), объединенные схожими нравственно-психологическими признаками, такими, как «правовой нигилизм, неверие в эффективность правоохранительных органов, социальное и психологическое отчуждение несовершеннолетних...»¹. Чаще всего жертвами несовершеннолетних преступников становятся сверстники из чужих группировок, компаний, а мотивами служат месть, ревность, соперничество за влияние. Опрошенные нами эксперты отмечают, что в основном отношения между несовершеннолетним лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело, с одноклассниками (коллегами) имеют нормальный характер при отсутствии друзей (38%). В меньшей степени участники отмечают безразличные отношения друг к другу (25%), также имеет позиция, согласно которой отсутствуют преобладающие отношения.

Типичными следами преступлений несовершеннолетних представляются явные материальные следы, в частности, следы рук, ног, зубов, телесных повреждений на теле потерпевшего, следы на его одежде, а также следы влечения предметов преступного посягательства.

В-третьих, обстановка же преступлений характеризуется своеобразной спецификой, связанной с совершением преступлений в киосках, улицах, дворах, подъездах, квартирах, подвалах, дискотеках.

В-четвертых, особое значение для расследования имеет знание особенностей личности несовершеннолетнего и ее психического развития. Эти знания позволяют сотрудникам правоохранительных органов, начиная с первоначального этапа проведения расследования, выдвигать следственные версии о совершении преступления несовершеннолетним, эффективно проводить различные следственные действия, используя при всем этом наиболее продуктивные психологические и тактические приемы, оказывая положительное воздействие на девиантного подростка, решая основную проблему сложности установки контакта между следователем и несовершеннолетним правонарушителем в целях достижения положительного результата расследования преступлений.

Знания об особенностях личности несовершеннолетнего преступника можно почерпнуть в криминологической характеристике последнего.

Наиболее часто встречающимися в настоящее время признаками *детской преступности* являются: склонность к рецидиву, увеличение количества преступлений с психическими отклонениями, в состоянии алкогольного,

¹ Голубничая Л.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Амурский научный вестник. - 2015. - № 1. - С.176.

наркотического или токсического опьянения, территориальная распространенность, просматриваемая в региональном различии.

Приведенные сведения, характеризующие несовершеннолетних преступников, оказывают колоссальную помощь правоохранным органам, особенно это проявляется в тех следственных ситуациях, где отсутствуют данные о лицах, совершивших преступления.

Результаты криминологических и криминалистических исследований показывают, что *несовершеннолетние чаще всего привлекаются к уголовной ответственности в общей массе в 90 % случаев за преступления против собственности, имущественные преступления; насильственные преступления; преступления против общественной безопасности и здоровья населения.*

Многие из преступлений совершаются в корыстно – насильственной форме, что обуславливает необходимость внесения в вышепредложенный перечень и четвертый вид преступлений, характерный для девиантного поведения подростков. Они стали совершаться демонстративно, циничным и неадекватным образом путем проявления излишней агрессии и дерзости. Также можно отметить, что преступления несовершеннолетних представляются опасными для жизни и здоровья не только для их ровесников, но и взрослых лиц.

При чем, 62,5% участников авторского опроса считают, что основными типичными следственными версиями по уголовным делам о причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними являются - умышленное противоправное причинение вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними при тех обстоятельствах, на которые указал потерпевший или очевидцы преступления; 37,5% опрошенных указывают - на вред здоровью причинен в результате обоюдной драки между несовершеннолетним преступником и потерпевшим, а потерпевший воспользовался данной ситуацией для привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего.

Половина участников опроса (50%) утверждают, что им не известны случаи о том, с кем чаще совершаются хулиганские действия несовершеннолетних, в отношении которых возбуждено уголовное дело; четверть опрошенных - указывают на сверстников с улицы.

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего являются также важными составляющими криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника. Так, чаще всего преступления совершают несовершеннолетние, которым недостаточно уделяется должного внимания со стороны близких и родных людей в семье.

В связи с чем, все участники опроса (100%) считают необходимым по каждому уголовному делу, возбужденному в отношении несовершеннолетних, всегда устанавливать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего преступника, однако, лишь большинство (88%) реализует данное мероприятие на практике. Аналогичное положение возникает с мнением на счет необходимости по каждому уголовному делу, возбужденному в отношении несо-

вершеннолетних, всегда устанавливая характер взаимоотношений с близкими и родными людьми в семье, что также не всегда исполняется.

При чем, больше половины участников опроса (88%) в своей практической деятельности выявляли в отношении несовершеннолетних, в отношении которого возбуждено уголовное дело, с его близкими и родными людьми в семье, что каждый живет сам по себе (63%), в одинаковой мере отмечается наличие размолвок (13%), частых ссор и даже скандалов (13%). Отмечается по данному поводу, что достоверно установить отношения трудно, поскольку члены семьи неохотно делятся личной и семейной жизнью.

Это положение, в свою очередь, влияет на недостаток воспитания в семье, школе, по месту жительства и играет существенную роль в «воспроизводстве» преступности, обострению конфликтов и агрессии.

Одним из самых ярких проявлений этого деструктивного влияния является нарастание жестокости и насилия между членами семьи. Насилие в семье остается вплоть до настоящего времени нерешенной проблемой. Так, проведенный автором опрос следователей, дознавателей и оперативных работников показал, что больше половины участников опроса отмечают наличие *проблемы насилия в семье* по отношению к несовершеннолетним, в отношении которых возбуждено уголовное дело, причем преимущественно в психической форме (63%), реже-в физической (38%).

Основной причиной насилия в семье по отношению к несовершеннолетнему, в отношении которого возбуждено уголовное дело, может послужить любой проступок, даже неумышленный, как отмечает половина опрошенных (50%); другая часть (50%) отмечает отсутствие наказаний в данных семьях. В свою очередь, 62,5% участников опроса считают, что чаще применяется насилие в семье по отношению к несовершеннолетним со стороны отца, 37,5%-отца, 12,5-мачехи.

Данные насильственные действия в отношении детей сопровождается рядом аспектов, оказывающих разрушительное воздействие на неокрепшую психику, в число которых входят оскорбление, глумление и унижение, жестокость, а также специальные методы воспитания, заставляющие убежать подростков из дома, бродяжничать, попрошайничать и воровать, формируя в их характере агрессивность, мстительность, дерзость.

В большинстве случаев на категорию лиц данной возрастной группы оказывает сильное влияние *характер социального окружения*, подражание которым происходит в связи с тем, что они относятся к более старшей возрастной группе, являются «героями» популярных роликов и онлайн-трансляций, часто с противоправным и аморальным поведением.

В связи с последним, увеличилось значение сети Интернет, что является сегодня главным препятствием на пути эффективной борьбы с детской преступностью, где подготовка и совершение противоправных деяний требует минимального количества усилий, а их выявление представляет большую

сложность¹. Изложенное говорит о необходимости разработки безопасного механизма размещения определенных видов информации в сети Интернет, в котором установленные критерии должны полностью искоренять все «опасное» при анализе информационных потоков, предъявляя пользователем лишь ограниченное количество данных – «верхних», по типу работы Google. Кроме того, необходимо внесение ст. 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), посвященной использованию информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в преступной деятельности.

Все участники авторского опроса (100%) считают, что в целях повышения эффективности расследования данных дел способствовало бы наличие специальных методических указаний по расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, разработанных с учетом особенностей подростковой психики и внедренных в работу дознавателя, следователя.

В связи с чем, проведенный *анализ особенностей расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними*, позволяет сформулировать следующую структуру методики их расследования, включающую вопросы: криминалистической модели; обстоятельств, подлежащих установлению; особенностей возбуждения уголовного дела; типичных следственных версий; особенностей использования специальных знаний.

Усовершенствованию подлежат также многие аспекты производства по уголовным делам в отношении девиантных подростков, требующие пересмотра определенных позиций².

Так, в целях получения наиболее полных и правдивых показаний от несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на допросе дознавателю, следователю необходимо относиться к нему как к взрослому человеку, попытаться установить с ним психологический контакт на допросе (считают 100% опрошенных). Целесообразнее, по мнению экспертов, приглашать психолога (62,5% опрошенных), 37,5%-педагога, и лишь 12,5% - родителя.

Главными качествами педагога и психолога в его участии в уголовном деле считают положительное отношение к нему несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (75%). Меньшее количество (37,5 %) считает важным большой стаж работы с детьми, и лишь 12,5% - отмечают приоритетным знакомство специалиста с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.

В большей степени присутствие законного представителя, с которым у подростка сложились личные доверительные отношения, способно повлиять на несовершеннолетнего для дачи им более полных и правдивых показаний

¹ Пашкина К.В. Преступность несовершеннолетних как одна из важнейших проблем современного общества // Студенческий: электрон. научн. журн. - 2017. - № 4(4). URL: <https://sibac.info/journal/student/4/74276> (дата обращения: 14.05.2020).

² Сергеев, А. Б. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением // Вестник Челябинского государственного университета. Серия право. - 2014. - №39. - С. 59.

на допросе - считают 87,5% опрошенных, а 12,5% придерживаются позиции - без законных представителей вообще.

Таким образом, все сказанное подтверждает наличие проблемы в борьбе с преступностью несовершеннолетних, составляющую значительную часть дел, расследуемых следователями, дознавателями, оперативными работниками. В связи с чем, по мнению экспертов, сегодня необходимым считается внедрить следующие моменты: 50% опрошенных считают важным организовать курсы по повышению квалификации с участием детских и подростковых психологов, педагогов; 50% - расследование преступлений несовершеннолетних должны осуществлять только наиболее опытные дознаватели, следователи, имеющие опыт общения с детьми; и лишь 12,5% из них настаивают на улучшении обеспечения следователей дознавателей специальной литературой по юношеской психологии и педагогике, методике расследований преступлений несовершеннолетних. Использование в своей работе всего массива накопленной информации повысит качество организации координации и взаимодействия всех субъектов профилактики.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.* Портреты преступников: криминологический психологический анализ: монография. - М., 2014. - 203 с.
2. *Голубничая Л.С.* Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Амурский научный вестник. - 2015. - № 1. - С. 158-179.
3. *Лысенко А. В.* Основные направления актуализации противодействия преступности несовершеннолетних // Общество и право. - 2008. - №1(19). - С. 270-274.
4. *Пашкина К.В.* Преступность несовершеннолетних как одна из важнейших проблем современного общества // Студенческий: электрон. научн. журн. - 2017. - № 4(4). URL: <https://sibac.info/journal/student/4/74276> (дата обращения: 14.05.2020).

*Гордеев Д.С.*¹

Цифровизация общества и новые способы легализации преступных доходов через виртуальный игровой мир

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты использования виртуальных игровых миров для легализации преступных доходов, рассмат-

¹ *Научный руководитель* - Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции

риваются основные проблемы вычисления и пресечения данных операция на примере ММО World of Warcraft, также описывается механизм использования виртуальных игровых миров для легализации преступных доходов.

Ключевые слова: виртуальные игровые миры, продажа игровой валюты, игровая валюта, преступным путём, World of Warcraft.

Digitalization of Society and New Ways of Money Laundering through the Virtual Game World

Abstract. The author uses the example of the MMO World of Warcraft to illustrate the general aspects of using virtual game world for money laundering. He points at the challenges that await those trying to investigate and stop that king of crime.

Keywords: virtual game worlds, sale of game currency, gambling currency, criminal path, World of Warcraft.

Захлестнувшая общество эпоха цифровизации вносит свои коррективы. Преступники совершают противоправные действия посредством освоения и применения виртуального игрового мира.

Видеоигры являются одним из самых динамично развивающихся рынков IT-индустрии. Так, по данным аналитического агентства Newzoo (*Newzoo's 2017 Global Games Market Report*), за последние пять лет доходы от продаж игр в мире увеличились на 56%, или на \$70 млрд., достигнув рекордной отметки в \$109 млрд. по итогам 2017 года. На момент 2020 году капитализация мирового рынка видеоигр составит \$128,5 млрд. (+15,2% к уровню прошлого года)¹. Значительную долю этого рынка, в том числе и в России, составляют массовые многопользовательские онлайн-игры (ММО - *Massively Multiplayer Online Game*), в которых происходит непосредственное взаимодействие большого количества игроков друг с другом в «постоянном» игровом мире, расположенном на удаленном сервере. Этим «непосредственным взаимодействием большого количества игроков» объясняется тот факт, что данные виртуальные игровые миры можно использовать для совершения различных преступлений, расследование которых затрудняется невозможностью отслеживания игровых транзакций «внутри» виртуального пространства, без активного содействия создателей игры.

Миллионы сделок происходят через Интернет каждый день, и преступники, преступные организации пользуясь этим фактом «отмывают» незаконно приобретенные средства через скрытые, анонимные онлайн-транзакции².

¹ Серьезные забавы: почему видеоигры становятся популярнее кино. - URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/357631-sereznye-zabavy-pochemu-videoigry-stanovyatsya-populyarnee-kino> (дата обращения: 05.04.2020).

² Jean-Loup Richet Laundering Money Online: a review of cybercriminals' methods. - URL: Tools and Resources for Anti-Corruption Knowledge, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2013. С. 2.

Наиболее популярными ММО-играми на данный момент являются: World of Warcraft, Lineage II, Guild Wars 2, The Elder Scrolls Online, Blade & Soul, Final Fantasy XIV: A Realm Reborn и др.

Вышеуказанную проблему грамотнее всего рассмотреть на примере World of Warcraft, т.к. по данным компании создателя, «Blizzard Entertainment», количество активных игроков составляет 5,5 млн. человек, которые играют из разных регионов мира (Северная и Южная Америка, Австралия, Океания, Корея, Европа, Россия, Тайвань). В связи с высокой популярностью данной игры, происходит образование «черных» рынков игровых аккаунтов, предметы и валюты, валютой в данном случае могут выступать и игровые предметы, имеющие высокую ценность в игровом мире, на данный момент покупка данных предметов и игровой валюты (золота) запрещена компанией издателем, но это не мешает игрокам активно приобретать её.

Данный «черный» рынок может использоваться для легализации доходов, полученных преступным путем («отмывания денег»). Для этого необходимо превратить реальные деньги в игровую валюту, эту операцию можно произвести разными способами:

1) Найти продавца игровой валюты среди игроков используя общий чат. Данный способ продажи игровой валюты может использоваться мошенниками, т.к. имеется вероятность, что после перечисления реальных денежных средств недобросовестный игрок (мошенник) не откажется передать игровое золото или предмет в виртуальном мире.

2) Воспользоваться услугами специальных бирж игровых предметов, на которой игроки дают объявление о продаже игровой валюты, предметов, оказания определенных игровых услуг, данная биржа оказывает содействие в продаже и выступает своеобразным гарантом сделки. Продавец получит реальные деньги, только тогда, когда игрок подтвердит получение игровой валюты. Важно отметить, что получение игровой валюты может происходить двумя способами: отправка игровой валюты по внутриигровой почте, передача «лично», то есть от персонажа персонажу в игровом мире. Игроки, которые занимаются продажей игровой валюты также «прокручивают» игровое золото «внутри» игры, например с помощью аукционов, передачи между разными персонажами, для того чтобы избежать блокировки игрового аккаунта со стороны администрации.

Для сокрытия покупки используются различные способы оплаты, например, с помощью электронных кошельков, зарегистрированных на случайных людей, данные которых можно приобрести на различных запрещенных ресурсах.

Игровую валюту можно отправить в любую часть мира, т.е. купив игровую валюту в России, её можно реализовать на Европейском или Американском рынке за зарубежную валюту, так как в игре отсутствуют барьеры в передаче игровой валюты. После проведения данных операций требуется

конвертировать игровую валюту в реальные деньги. Учитывая этот факт, для этого можно выделить следующие способы:

1) Через создание сообщества в социальной сети, одностраничного сайта по продаже игровой валюты, предметов и т.д.

2) Через биржу игровых предметов, но для реализации игровой валюты на иностранном рынке необходимо использовать иностранную биржу игровых предметов, т.к. русскоязычное сообщество использует русскоязычную биржу. Важно отметить, что данные биржи взимают определенную комиссию за свои услуги, в качестве примера можно привести популярный в русскоязычном сегменте интернета ресурс «FunPay» размер комиссии, в среднем, составляет 5%.

3) Через постоянного покупателя или скупщика игровой валюты, который в последующем занимается её перепродажей.

Также необходимо указать среднюю стоимость 1000 золотых, для того, чтобы можно было представить себе масштаб данных операций. На вышеуказанном ресурсе «FunPay», средняя стоимость 1000 золотых составляет 12 руб., однако количество игровой валюты исчисляется миллионами. При наличии у игрока 10 млн золотых, он сможет его реализовать за 120 тыс. рублей и данные операции можно проводить постоянно, однако курс игровой валюты неустойчив и может резко измениться.

Важно отметить, что разработчики игр никак не связаны с данными преступными сферами, наоборот, они стараются максимально уменьшить торговлю игровыми предметами за реальные деньги с помощью блокировки аккаунтов, замеченных в этом¹. Но это не мешает злоумышленникам создавать множество учётных записей для нивелирования действий администрации, выводя денежные средства

Немаловажным является тот, что кроме официальных серверов World of Warcraft существуют так называемые «пиратские» или «приватные» сервера. Это обуславливается тем фактом, что World of Warcraft распространяется по модели Pay-to-Play (P2P), то есть для доступа к игровому серверу требуется вносить ежемесячную плату, на апрель 2020 г. она составляет 549 рублей в месяц. Но «приватные» сервера данную плату не взимают, многие из них создаются для извлечения прибыли с помощью продажи через игровой магазин определенных игровых ценностей за реальные деньги. Вышеприведенная информация позволяет предположить, что администрация «приватных» серверов может быть вовлечена в преступную деятельность, т.к. она имеет технические возможности для создания любое количество золота, игровых предметов в виртуальном мире и в последствии реализовывать их через вышеуказанные биржи игровых предметов и свой официальный сайт. «Приватные» сервера пользуются большой популярностью одновременно на них находятся тысячи человек, но, например на англоязычном ресурсе

¹ Jean-Loup Richet Laundering Money Online: a review of cybercriminals' methods // Tools and Resources for Anti-Corruption Knowledge, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2013. С. 13.

«Warmane», число постоянно активных игроков составляет несколько десятков тысяч игроков из всех регионов мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что виртуальные игровые миры могут использоваться для «отмывания» доходов, полученных преступным путём. Кроме World of Warcraft для вышеуказанных преступных действий могут использоваться любые игры, в которых игровая валюта обладает свойством конвертации в реальные деньги, кроме этого для правоохранительных органов возникает серьезная проблема вычисления, ликвидации и доказыванию наличия преступных связей.

Список литературы

1. *Jean-Loup Richet* (2013) Laundering Money Online: a review of cyber-criminals' methods // Tools and Resources for Anti-Corruption Knowledge, United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC).

*Добровольский Д.Д.*¹

Деанонимизация: уголовно наказуема или нет?

Аннотация: исследуются вопросы привлечения к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни, в том числе и за нарушение анонимности в интернете. Решен вопрос, какие сведения могут составлять личную и семейную тайну. Рассмотрены современные проблемы, возникающие в области защиты информации и неприкосновенности частной жизни. Предложена концепция отнесения информации к личной или семейной тайне на основании предпринятых им мер для её сокрытия.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личные данные, анонимность.

Deanonymization: is it Criminal or Not?

Abstract: The article discusses current problems that arise in the field of protecting information and privacy. The author investigates the issues of criminal prosecution of the violation of privacy, including violation of anonymity on the Internet. Author offers an answer to the question, what information can constitute a person's personal and family secret and proposes the concept of classifying personal or family secrets basing on the measures taken to conceal them.

Key words: privacy, personal data, anonymity.

¹ *Научный руководитель* - Долгова Светлана Владимировна доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института БФУ им. Канта, кандидат юридических наук, доцент

Не так давно можно было стать свидетелем интернет-дискуссии¹ о возможности привлечения к уголовной ответственности за разглашение адреса проживания публичного лица. С одной стороны предлагалось такое деяние квалифицировать по ч. 1 ст. 137 УК РФ, с другой - оно не признавалось преступным. Указанная дискуссия подтолкнула на размышление о том, разглашение каких сведений подпадает под диспозицию ст. 137 УК РФ. На сегодняшний день существует интернет-сообщества нетсталкеров, активно разглашающих сведения о публичных личностях, в том числе о блогерах, стримерах, девушках, снимающихся в сомнительных музыкальных клипах и других узнаваемых людях. Наличие сведений в свободном доступе может усложнять жизнь, приводить к травле и быть предпосылкой совершения преступлений в отношении таких лиц.

Нормы ст. 137 УК РФ обеспечивают конституционное право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Данное право предусмотрено ст. 23 Конституции РФ, а также ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит не противоправный характер. Однако, как указал Европейский Суд по правам человека, "основная цель статьи 8 состоит в защите отдельного лица от своевольного вмешательства государственных властей"². Диспозиция ст. 137 УК РФ указывает на общий субъект преступления, и в отличие от должностных лиц государственных органов лица, не являющиеся операторами обработки персональных данных, а также, чья деятельность в области информации не регулируется специальными нормативно-правовыми актами, имеют особую специфику совершения преступлений в области разглашения сведений. Общественная опасность данных деяний может иллюстрироваться современными примерами: повреждение имущества, в том числе дверей жилища, проводов, нанесение физических травм публичным лицам и их родственникам в результате раскрытия места их проживания. Можно рассмотреть еще множества случаев, когда разглашение сведений о лице приводило бы к негативным последствиям, но сам факт нарушения конституционных прав человека уже свидетельствует об общественной опасности и не требует дополнительного обоснования.

Решая вопрос о том, являются ли такие сведения как адрес, ФИО, паспортные данные, дата рождения личной или семейной тайной, необходимо обратить внимание на тот факт, что лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны

¹ Об этом см., напр.: https://www.youtube.com/watch?v=NR_djbsymyI
https://www.youtube.com/watch?v=z-Wayp6BGXc&feature=emb_logo
<https://www.youtube.com/watch?v=6o2JZHJtzs4>

² Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева), - М., 2010

оставаться в тайне¹. Исходя из практики удаления персональных данных из судебных решений перед их публикацией, а также из ст. 8 ФЗ "О персональных данных", содержащей требование письменного согласия лица для включения его данных в общедоступные источники, можно сделать вывод, что информация, позволяющая идентифицировать человека, не может быть выложена государственными органами в публичный доступ без его согласия. Важным уточнением является тот факт, что не могут составлять тайну сведения, ранее уже опубликованные тем или иным способом и ставшие известными неопределенно большому кругу лиц².

Состав ч. 1 ст. 137 УК РФ является формальным, наличие или отсутствие общественно опасных последствий для квалификации не имеет значения. Такой подход является наиболее подходящим, т.к. люди не так часто меняют место жительства, паспортные данные, имена, а их разглашение может создавать перманентную угрозу совершения противоправных действий. Состав ч. 1 ст. 137 УК РФ является по структуре альтернативным и содержит 3 различных действия: незаконное собирание, незаконное распространение и распространение публичным способом. Постановление Пленума ВС РФ "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина" указывает на тот факт, что собирание и распространение сведений о частной жизни лица возможны любым способом. Важным уточнением будет то, что собирание и распространение сведений должны быть незаконными и совершаться без согласия потерпевшего³. Непонятно, почему законодатель отдельно выделяет публичный способ распространения сведений, который является частным случаем распространения сведений о частной жизни лица. Все способы и механизмы совершения преступлений связаны с нарушением закона, а именно: незаконное проникновение в жилище, незаконный доступ к персональным данным, использование компьютерных программ, передающих данные без согласия пользователя, получение сведений путем обмана самого лица или его близких и т.п.⁴.

Принципиальным является вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за распространение сведений без формального нарушения закона. Имеются в виду такие случаи, когда лицу становятся известны сведения о другом человеке случайно либо по косвенным признакам, полученным из информации, которая не скрывалась. Возвращаясь к заявленной теме, данный во-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 УК РФ»

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII - С. 126.

³ Там же

⁴ Баринов С. В. Типовые механизмы преступных нарушений неприкосновенности частной жизни// Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - Том 29 - № 5 - 2019. - С.640.

прос будет рассмотрен на примере нарушения анонимности в сети. Возможно, анонимность в интернете в какой-то момент станет естественным правом четвертого поколения, т.е. поколения прав, которые будут регулировать взаимоотношения в интернете, но на сегодняшний день анонимность составляет разновидность права на неприкосновенность частной жизни. Заслуживает внимания тот факт, что право на конфиденциальность частной жизни в определенных случаях может вступать в конфликт с правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Затрагивая данный вопрос, речь обычно ведут о государственных и общественных деятелях, известных личностях и популярных персонах, представляющих общественный интерес. Отмечается, что судебная практика, в том числе практика Европейского Суда по правам человека, признает, что личная жизнь таких лиц должна быть более открыта для публики¹. Выделять отдельно публичных людей с учетом того, что в современных реалиях большинство людей оставляет информацию о себе в открытом доступе, выглядит как выборочное применение конституционных свобод, что может свидетельствовать о плохой культуре соблюдения прав человека. Собираение или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и лишь в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом и в законном порядке собраны, хранятся, используются и могут распространяться. Иное приводило бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни лица². Соблюдение баланса между указанными свободами возможно разными способами, в том числе и с использованием категорического императива. Ограничить возможность распространения информации свободой другого лица может показаться на первый взгляд разумным решением. Но информация, полученная одним человеком о другом, уже является частью мышления не одного, а уже двух лиц, а значит, такие сведения не могут являться частью свободы только одного человека. В исключительных случаях, для защиты каких-либо общественных отношений, может ограничиваться право использования или распространения такой информации, но не право владения ею. По вопросу о праве на свободное распространение информации нам ближе подход либертарианцев. Человек владеет своим телом и имеет право собственности на знание внутри собственной головы. И, следовательно, он имеет производное право печатать и распространять это знание. Как и в случае с «правом человека» на свободу слова, не существует права, как «право на частную жизнь», кроме права на защиту собственности от вторжения. Никто не имеет права взламывать дом другого человека или прослушивать чужие телефонные разговоры. Прослушивание телефонных

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., «Эксмо», 2010 г. // [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Гарант». (под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева).

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна М. Н. на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

разговоров определенно является преступлением, но не из-за нарушения неопределенного и запутанного «права на частную жизнь», а из-за нарушения прав собственности лица, которое прослушивают¹. Вместе с этим существует информация, применение которой на практике является общественно опасным, либо распространение которой уже общественно опасно. Например, знание о том, как убить человека не опасно, пока не начать его реализовывать на практике, а распространение экстремистских материалов опасно уже как факт передачи информации. Но сведения о частной жизни лица не могут составлять перечень информации, которую нельзя передавать ни при каких условиях. Так как человек сам решает, какая информация составляет его тайну, а какая нет, он сам должен обеспечить конфиденциальность этой информации, например, путем заключения соглашений с лицами и организациями, которым он передает свои данные. Можно сказать, что государство уже заключило со всеми гражданами и лицами, находящимися на её территории, такое соглашение, регулирующее в каких случаях информация может собираться государственными и муниципальными органами, а в каких нет. Также государство выступает как арбитр при нарушении соглашения о неразглашении сведений, эта функция проявляется, например, при уголовном преследовании. Также государство вводит ограничение за незаконное собирание информации, т.к. такой сбор всегда сопряжен с нарушением большого пласта личных прав и свобод человека, в том числе права на неприкосновенность жилища, тайны переписки и т.д.

По возможности наступления негативных последствий, описанных ранее, для человека нет разницы каким способом была получена информация, с нарушением закона или нет. Сами лица могут стараться сохранять свою тайну, но живя в современном мире, каждый человек в той или иной мере оставляет цифровой след, проанализировав который можно получить существенный пласт информации о лице. Это может быть как использование bigdata, так и любого другого способа требующего специальных знаний. Тут можно привести анекдотичный пример как без нарушения закона, а, только используя открытые источники информации и специальные знания, можно получить данные, которые лицо разглашать не собиралось и что создало угрозу совершения ряда правонарушений. Актер Шайа Лабаф запускал непрерывную трансляцию своего участка с расположенным на нём флагом. Люди с имиджбордов, форумов и других интернет-сообществ с помощью движения самолетов, облаков, звезд на небе и других косвенных признаков смогли определить местоположение данного участка. Результатом стало проникновение двух лиц на частную территорию и похищение флага². Негативные последствия для лица могут наступать вне зависимости от того, была ли конфиденциальная информация о человеке распространена с нарушением закона

¹ Ротбард М. Этика свободы /под редакцией А.В. Куряева – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=103746> (дата обращения- 25.06.2020).

² 4chan против Шайи Лабафа: 2-0. Анонимы украли флаг, который актёр установил в Англии [Электронный ресурс]. // Новостной портал. - URL <https://medialeaks.ru/2303stost-two-zero/>(дата обращения- 25.06.2020).

или без такового. Живя в одном доме с публичным лицом, которое не разглашает место своего проживания, его соседи не связаны каким-либо ограничением на распространение этой информации и потому могут её распространить, создав реальную угрозу такому лицу. Угроза заключается не только в гипотетической возможности нанесения вреда имуществу из хулиганских побуждений, повреждение двери, окон, проводки, но также и совершении кражи из квартиры, т.к. отслеживать передвижение публичных лиц намного проще, чем непубличных. Тут можно вспомнить блогера Павла Няшина, у которого из дома было похищено 24 миллиона рублей, месторасположение которых он показывал в своих роликах. Безусловно, такое поведение является крайне виктимным, но разве одной из задач государства не является защищать самых неприспособленных к жизни людей?

Подход, согласно которому, если какая-либо информация стала известна посторонним без незаконного вторжения в частную жизнь человека, то значит, такая информация недостаточно охранялась, а значит и не может составлять личную тайну лица, также звучит разумно. Вместе с этим ст. 155 УК РФ, которая является специальной нормой по отношению к ст. 137 УК РФ, указывает, что её субъектом может быть любое лицо, а не только то, которое обязано хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну. Диспозиция статьи предусматривает дополнительное условие для общего субъекта преступления, а именно: корыстные или низменные побуждения, что вообще является скорее категорией нравственности, чем права. В качестве низменных побуждений могут выступать хулиганские мотивы, зависть, месть, ненависть и другие чувства, несовместимые с принятыми в обществе моралью и нравственностью¹. Такой подход представляется как минимум спорным, т.к. законность или незаконность действия должна зависеть не от намерений действовавшего, а только от объективной природы действия².

Такими образом, отвечая на поставленный вопрос, ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, в том числе и за деанонимизацию, может быть только в случаях получения информации незаконным путем, т.е. сопряженным с нарушением права частной собственности, других личных прав человека или соглашения. Распространение информации о человеке, если она не является заведомо ложной и получена законным путем, не может ограничиваться. Несмотря на то, что угроза наступления негативных последствий может появиться независимо от законности или незаконности способа получения информации, принципиальная разница все же есть. В случаях, когда личные данные становятся известными из-за разглашения их должностным лицом, человек не предпринимает дополнительные меры

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII - // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/434549> (дата обращения: 19.05.2020)- С. 139.

² Ротбард М. Указ. соч.

предосторожности, т.к. сохранение сведений о себе в тайне исходит из предписаний закона, и он разумно ожидает его соблюдения. Если же сведения о человеке становятся известны случайно, например, соседу, то можно говорить о том, что лицо не предприняло должных мер для сокрытия своей информации от посторонних, а значит, такая информация по сути своей личной или семейной тайной признаваться не может.

Список литературы

1. *Баринов С. В.* Типовые механизмы преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - Том 29 - № 5 - 2019. - С.638-643.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., «Эксмо», 2010 г. // [Электронный ресурс]. Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/434549> (дата обращения: 19.05.2020)
4. *Латыпова Э. Ю.* Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // *Oeconomia et jus* – Чебоксары. - 2019 -№ 2. -С. 35-45.
5. *Ротбард М.* Этика свободы /под редакцией А.В. Куряева – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=103746> (дата обращения- 25.06.2020)

Зарецкая Е.А.

Соотношение ограниченной вменяемости с виной

Аннотация. Статья посвящена вопросу формулы понятия «ограниченная вменяемость». Автором рассматриваются различные точки зрения относительно соотношения понятий «ограниченная вменяемость» и «уменьшенная вина». Формулируется вывод о том, что единообразие и четкость теоретических формулировок, обуславливает применение законодательства в соответствии с принципом справедливости. Целью исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию уголовного кодекса и практики его применения.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, вина, формула ограниченной вменяемости, критерии ограниченной вменяемости, соотношение вины и вменяемости.

Interrelationship Between the Limited Sanity and Guilt

Abstract. The article is dedicated to the concept of «limited sanity». The author examines various points of view regarding the relationship between the concepts of “limited sanity and “reduced guilt”. The aim of the study is to develop

recommendations for improving the Criminal Code and the practice of its application. The author concludes that the uniformity and clarity of the theoretical language stipulates the application of legislation in accordance with the principle of justice.

Keywords: limited sanity, guilt, concept of limited sanity, criteria of limited sanity, guilt and sanity.

В науке уголовного права сформировалось положение о том, что вменяемость является предпосылкой вины. В юридической литературе обсуждение проблемы ограниченной вменяемости было порождено представлением о разных психических состояниях лица во время совершения преступления (общественно опасного деяния), что отражалось в трех понятиях: вменяемость, ограниченная вменяемость и невменяемость. Согласно этому положению определяется степень вины и наказуемости. В первом случае лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию, во втором – уменьшенная вина и уменьшенное наказание, в третьем – вина и наказание отсутствуют¹. Возникает вопрос: «Является ли ограниченная вменяемость предпосылкой уменьшенной вины»? Этот вопрос всегда вызывал неоднозначную реакцию в юриспруденции.

Например, А.А. Жижиленко писал, что вопрос об ограниченной вменяемости сводится представителями классической школы уголовного права «к допущению уменьшенного наказания в случае наличия определенных дефектов в психике преступника. В этом смысле уменьшенная вменяемость действительно имеет прямое отношение к виновности, а не к вменяемости, как это утверждают противники этого понятия, потому что она здесь является лишь одной из обстоятельств, смягчающих вину»².

Б. Ошерович утверждал, что проблема вменяемости и невменяемости – проблема вины и уголовной ответственности: «Проблема уменьшенной вменяемости должна быть решена в плоскости уменьшенной виновности, институт же уменьшенной виновности не оспаривается советским уголовным правом. Более того, под этим углом зрения построены все юридические институты науки уголовного права, например, разница между умыслом и неосторожностью ...Вина является условием уголовной ответственности и ответственность обуславливается степенью виновности. Это положение является краеугольным камнем советского уголовного права»³.

«Вменяемость есть предпосылка вины, следовательно уменьшенная вменяемость влечёт обязательное уменьшение вины, а значит и более мягкое

¹ Ошерович Б. К вопросу о степенях виновности // Ученые записки. - Вып.1. - М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, Всесоюзный ин-т юрид. наук, 1940. - С. 78.

² Жижиленко А.А. Спорные вопросы уменьшенной вменяемости и уголовный кодекс РСФСР // Право и жизнь. -1924. - Кн.7-8. - С. 42.

³ Ошерович Б. К вопросу о степенях виновности // Ученые записки. - Вып.1. - ВИЮН НКЮ СССР. - М., 1940. - С. 62-63.

наказание», – указывал противник рассматриваемого понятия Д.Р. Лунц¹.

Р.И. Михеев и А.В. Михеева отмечали, что психические аномалии могут влиять на содержание, направленность и динамику вины, поскольку они могут ограничить или исказить объемы сознания субъекта или повлиять на проявление его эмоционально-волевой активности, и указанное обстоятельство следует учитывать при решении вопроса о вменении лицу совершённого им деяния².

Советские ученые, аргументируя понятие ограниченной вменяемости, почти всегда связывали его с уменьшенной виной этих лиц. Следует отметить, что и в настоящее время имеются сторонники концепции «уменьшенной» вины ограниченно вменяемых лиц. Мельник считает, что дифференциация степени ограниченной вменяемости свидетельствует о соответствующей степени вины обвиняемого, признанного ограниченно вменяемым.

Представляется, что указанные ученые, так или иначе, подходят к вопросу соотношения ограниченной вменяемости с виной с позиции немецкого психиатра Люксенбургера, который в 1928 предложил вместо понятия «уменьшенная вменяемость» ввести новый термин – «вменяемость с уменьшенной виной»³. Внедрение в практику новой концепции, по мнению Люксенбургера, рано или поздно должно привести к тому, что судьи будут рассматривать психопатов как лиц, уменьшенная вина которых очевидна. В этой связи А.Н. Халецкий выразил опасения, что идеи такого рода могут действительно привести к пропорциональному снижению наказания психопатам по принципу: «Чем меньше вменяемость, тем меньше социальная ответственность». В результате наказания для уменьшено вменяемых сократятся наполовину при среднем отклонении от психической нормы и на $\frac{3}{4}$ – при значительных отклонениях.

По нашему мнению, под виной понимается пренебрежительное отношение лица к общественно значимым ценностям. Ссылаясь на доктрину немецкого и австрийского уголовного права для обоснования вывода об уменьшенной вине преступников с психическими аномалиями, отметим, что в пользу правонарушителя учитывается то обстоятельство, что он с помощью напряжения своих интеллектуально-нравственных сил пытается компенсировать свою пониженную способность осознавать и руководить своими действиями и увеличенную неустойчивость побуждений. Если такое лицо уступило преступному импульсу, то это означает, что его способность сопротивления преступным побуждениям снижена в сравнении с вменяемым лицом.

¹ Лунц Д.Р. Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключających вменяемости // Правоведение. - 1968. - № 2. - С. 87.

² Михеев Р.И., Михеева А.В. Значение психических аномалий для совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. - Владивосток, 1977. - С. 57.

³ Халецкий А.М. Понятие «уменьшенной вменяемости» в судебно-психиатрической оценке психопатий // Психопатии и их судебно-психиатрическое значение / Под ред. Ц.М. Фейнберга. - М., 1934. - С.98.

Этот недостаток возможности и обосновывает снижение нарекания и соответственно – уменьшению степени вины.

И.А. Семенцова полагает, что наказание представляет собой упрек общества, адресованный правонарушителю, который переступил общественно значимые запреты. Однако мера упрека зависит от «степени» его вины. «Психические расстройства непатологического характера, детерминирующие преступное поведение вместе с социальными импульсами, должны учитываться правоприменителем в плане уменьшенной вины»¹.

И.И. Брика, выражает аналогичную точку зрения, настаивая, что вина не может быть представлена только как умысел и неосторожность, а как факт пренебрежения субъектом общественно значимыми нормами поведения, установленными в виде легитимных правовых норм. «Непатологические психические отклонения, не исключающие вменяемости, являются, во-первых, предпосылкой виновности и, во-вторых, влияют на ее степень, что по сравнению с преступлением, совершенным субъектом психически нормальным, значительно ниже»².

Заметим, что смешение понятий вменяемости и вины было характерно для уголовного права XIX века. Так, например, согласно ст. 98 Российского Уголовного Уложения 1845 к «причинам, по которым содеянное не должно быть поставлено в вину», отнесены как состояния, которые по сути отражают невменяемость («безумие, безумие и припадки болезни, которые приводят к исступлению или полной потери сознания»), так и условия невиновности («полная невиновность того деяния, случайность и непредсказуемость в следствии которой было вызвано зло», «ошибка случайная или в результате обмана»). В судебной практике смешение такого рода также имело место.

Критическую характеристику смешения понятий вменяемости и виновности выразил А.Ф. Кони в кассационном заключении по одному из уголовных дел. Перед присяжными заседателями необходимо было поставить особый вопрос о болезненном состоянии обвиняемого по ст. 96 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885, но препятствовало отсутствие предварительного освидетельствования. Присяжные заседатели ответили отрицательно на общий вопрос о виновности. В своем кассационном выводе А.Ф. Кони заявил: «... Сомнение в виновности при наличии преступного события может быть различным. Оно может направляться на виновность обвиняемого в совершении действий или на его вменяемость. Поэтому, если у судей или присяжных возникает сомнение в том, не находились ли душевные силы подсудимого при совершении им преступного деяния в болезненном

¹ Семенцова И.А. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 1999. - С. 112-113, 156-157.

² Брика И.И., Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц с непатологическими отклонениями, не исключающими вменяемости: Автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. - М., 2000. - С. 22-23.

состоянии, что исключает возможность наказания, – и если это сомнение не мимолетно и неуловимо, а выражено точно и определенно, оно должно найти себе возможный способ решения в постановлениях суда, а не висеть в воздухе между словами «да, виновен», и «нет, не виновен»¹.

Смещение понятий вменяемости и виновности имело место и в других формах, в связи, например, с неправильным описанием в литературе критериев вменяемости с помощью признаков, относящимся к вине (умыслу).

Достаточно аргументированной является позиция Т.К. Белокобыльской и С.В. Бородин, которые высказались категорически против возведения сущности понятия «уменьшенная вменяемость» к уменьшению степени вины в силу того, что степень осознания фактической стороны деяния может быть разной в зависимости от способности человека к этому. Ослабление этой степени вследствие психических расстройств относится к вменяемости, а не к вине. Ограниченная вменяемость свидетельствует лишь о наличии признака субъекта преступления. Вопрос же о вине возникает лишь в том случае, если есть субъект преступления².

Рассуждая, С.В. Бородин отмечает: «Можно считать, что формы вины, виды умысла и неосторожности зависят от степени вменяемости? Кажется, что нет. Невозможно представить себе частичный умысел или неполную неосторожность при уменьшенной вменяемости». Это не исключает того, что в составе преступления вменяемость как признак субъекта связана с виной как признаком субъективной стороны. Вместе они обеспечивают действие принципа субъективного отношения в уголовном праве, подчеркивает значение состава преступления как основания уголовной ответственности³. Эта мысль нашла свою поддержку среди других авторов.

Следует учитывать, что степень вины – это оценочная, количественная категория. Она во многом определяет тяжесть совершенного деяния и опасность личности виновного. Степень вины имеет практическое значение, так как реализация уголовной ответственности и назначения конкретного наказания во многом зависят от того – с прямым или косвенным умыслом совершено преступление, какой вид умысла имел место – заранее обдуманый или, внезапно возникший, какой вид неосторожности допустило лицо, и в чем он проявлялся.

Таким образом, вменяемость только опережает установление вины, но не свидетельствует о ее степени. Вину и ее степень следует устанавливать исходя из целого ряда обстоятельств дела. Признание же судом лица ограниченно вменяемым не может однозначно свидетельствовать о пониженной степени вины лица, а должно учитываться при назначении наказания за совершенное преступление.

¹ Трахтеров В.С. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве (исторический очерк). - Харьков: Украинская юридическая академия, 1992. - С. 24.

² Белокобыльская Т.К. Проблема уменьшенной вменяемости // Вестник МГУ. - Сер. 11 «Право». - 1984. - №4. - С.37.

³ Бородин С.В. у кн.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2001. - С. 228, 232-233.

Список литературы

1. *Белокобыльская Т.К.* Проблема уменьшенной вменяемости // Вестник МГУ. - Сер. 11 «Право». - 1984. - №4. - С.33-39.
2. *Бородин С.В.* в кн.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2001.
3. *Брыка И.И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц с непатологическими отклонениями, не исключающими вменяемости: Автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. - М., 2000. -
4. *Жижиленко А.А.* Спорные вопросы уменьшенной вменяемости и уголовный кодекс РСФСР // Право и жизнь. -1924. - Кн.7-8.
5. *Луниц Д. Р.* Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключающих вменяемости //Правоведение. - 1968. - № 2. - С. С 86-94
6. *Михеев Р.И., Михеева А.В.* Значение психических аномалий для совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. - Владивосток, 1977. - С. 48-61
7. *Ошерович Б.* К вопросу о степенях виновности //Ученые записки. - Вып,1. - М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, Всесоюзный ин-т юрид. наук, 1940.
8. *Семенцова И.А.* Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости: Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 1999.
9. *Трахтеров В.С.* Вменяемость и невменяемость в уголовном праве. Исторический очерк: Учебное пособие - Харьков: Изд-во Укр. юрид. акад., 1992. - 84 с.
10. *Халецкий А.М.* Понятие «уменьшенной вменяемости» в судебно-психиатрической оценке психопатий // Психопатии и их судебно-психиатрическое значение/Под ред. Ц.М. Фейнберга. - М., 1934..

Актуальные вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или иных антиобщественных действий по Уголовному кодексу Российской Федерации

Аннотация. В статье освещаются актуальные уголовно-правовые и криминологические проблемы, связанные с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий. Анализируются положения отечественного отраслевого законодательства, предусматривающего меры уголовной ответственности за совершение указанных противоправных деяний. Также внесены собственные рекомендации по изменению и дополнению действующего российского уголовного законодательства, дается их подробное обоснование.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, антиобщественные действия, АУЕ, подростковая преступность.

Involving a Minor in a Crime or Other Antisocial Acts under the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract. The article highlights the current criminal law and criminological problems associated with involving minors in crimes and other antisocial actions. The article analyzes the state legislation, and author gives detailed justification for amendments and additions to the current Russian criminal legislation in the discussed sphere.

Keywords: crime, juvenile, antisocial acts, prison culture, juvenile delinquency.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема воспитания подрастающего поколения, как на общественном, так и на государственном уровне. Однако в условиях обострившихся социальных проблем, подростки все чаще попадают под влияние криминальной среды, что, безусловно, вызывает опасение и тревогу в обществе. Усиливает эту тревогу высокая степень латентности преступности несовершеннолетних. С каждым годом, практически во всех регионах страны, растет число преступлений, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности.

Среди факторов, создающих эти тенденции, следует выделить увеличение числа несовершеннолетних, оказавшихся без надлежащего родительского попечения, находящихся в зоне криминального влияния внутри семьи или

¹ *Научный руководитель* - Белов Михаил Николаевич, доцент кафедры уголовного права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук

ближайшего бытового окружения. Исследования последних лет свидетельствуют, что рост преступности несовершеннолетних во многом обусловлен криминогенным влиянием на них взрослых, для реализации криминальных интересов которых подростки вовлекаются в преступную деятельность.

В последнее десятилетие набрала популярность особого вида субкультура, использующая в своих ориентациях криминальные ценности. Несовершеннолетние (зафиксирован даже случай участия десятилетних детей) - спонтанно объединяются в неформальные сообщества (банды), пропагандирующие понятия российской криминальной среды и принимающие на вооружение «воровской кодекс». Подростки создают так называемую альтернативную иерархию власти, основанную на использовании тюремной тематики, вымогательстве денег на «общак», грабежах, вооруженных нападениях, насилии (в том числе сексуальном), различных пытках и иных преступлениях, вплоть до убийств. Речь идет о движении АУЕ.

Существует два значения данной аббревиатуры: «Арестантское уркаганское единство» и «Арестантский уклад един». Первое означает принцип существования в тюрьме. Второе определение, о котором пойдет речь дальше, является молодежным неформальным движением, участники которого придерживаются уголовных понятий, не только поддерживают, но и признают авторитетов преступного мира, насильственно навязывают свое мнение сверстникам, проецируя на взаимоотношения с окружающими тюремные поведенческие схемы. Примером этому может послужить инцидент на фестивале красок «Холи» в мае 2017 г. Толпа оголтелых детей 13-16 лет — напала на автомобили полицейских, находящихся на охране правопорядка. Они били по полицейским машинам, облили их красками, выкрикивали оскорбления в адрес сотрудников полиции, вынудив в результате тех покинуть площадку фестиваля. Всё это сопровождалось скандированием «АУЕ!».

В считанные годы, криминальная субкультура распространилась по территории большей части России — от небольших вспышек в Подмосковье до тотального контроля молодёжи в Забайкалье. В результате проблему признали на федеральном уровне, причём степень угрозы уже оценивается как общенациональная. Чтобы примкнуть к такой субкультуре, не нужно никуда записываться или где-то регистрироваться — достаточно заявить о своей симпатии к ее законам. А вот покинуть движение уже не получится. Так говорят сами представители АУЕ, «тюрьма уже не отпустит». А если, вдруг, отступишься — тут же начнутся проблемы, вплоть до низложения на низшую ступень криминальной иерархии.

В результате вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий им причиняется существенный вред. Более того, сами способы, при помощи которых они вовлекаются в преступную деятельность, чаще всего являются общественно опасными и противоправными. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, а также антиобщественных действий (в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бро-

дядничеством, попрошайничеством) ведет к деформации личности подростка, изменению его психики.

Важную роль в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность играют уголовно-правовые средства. Несмотря на то, что практика применения норм, предусматривающих ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), содержит богатый опыт, говорить о решающих успехах в борьбе с данными посягательствами еще рано, тем более в правоприменительной деятельности сохраняется целый ряд неразрешенных вопросов. Такое положение вещей обуславливает необходимость оптимизации криминологических и уголовно-правовых мер противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, рассмотрения спорных вопросов уголовно-правовой квалификации, выявления факторов, детерминирующих совершение этих преступлений, изучение личности вовлекаемых несовершеннолетних.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления - наиболее распространенное преступление в отношении несовершеннолетних. Опасность привлечения несовершеннолетнего к преступной деятельности отражается как на его психике, влияя на естественный ход воспитания несовершеннолетнего, так и на состоянии общества через приобщение к преступной деятельности несовершеннолетних, наиболее подверженных постороннему влиянию. Лицо, втянутое в сферу преступной деятельности в несовершеннолетнем возрасте, в большей степени, нежели взрослый, подвержено рецидиву и, следовательно, представляет потенциальный резерв преступности совершенных несовершеннолетних.

До недавнего времени в судебной практике и науке шли споры по поводу возраста потерпевшего по ст. 150 УК РФ. Данный вопрос был урегулирован ППВС от 1 февраля 2011 г. N 1, который положил конец всем спорам на эту тему. В п.42 постановления сказано, что при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения¹. На наш взгляд, Пленум дает разграничение квалификации «основного» преступления, причем описывает ситуацию, когда несовершеннолетний совершает преступление один: если он меньше установленного законом возраста – то у взрослого исполнительство, если достиг возраста – у взрослого подстрекательство, а ст.150 УК РФ в любом случае вменяется по совокупности преступлений.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // URL:<http://base.garant.ru/12182757/#ixzz65BgGJqMK>

Термин «вовлечение» можно понимать двояко: как процесс по привлечению к участию в совершении преступления или как результат таких действий. В связи с этим мнения специалистов по поводу конструкции состава преступления разделились: одни считают его формальный, другие материальный. Некоторые ученые считают, что вовлечение будет иметь место только с началом исполнения несовершеннолетней объективной стороны того преступления в которое он вовлекается взрослым. Однако уже Пленум Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г., разъясняя положения ст.150 УК РФ указал в п.42 постановления: преступление, предусмотренное ст.150 УК РФ, является окончанным с момента совершения несовершеннолетней преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. Если лицу не удалось вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления по независящим от лица обстоятельствам, то его действия могут быть квалифицированы по ч.3 ст.30 УК и по ст.150 УК. Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава данного преступления должны квалифицироваться по ст.150 УК, а также по норме, предусматривающей ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления. Тем самым, Пленум ВС РФ окончательно и однозначно разрешил проблему, определив состав преступления как формальный, однако стоит учесть, что составы предусмотренные ч.ч. 3 и 4 ст.150 являются формально-материальными. На наш взгляд, все как раз иначе: чтобы преступление, предусмотренное ст.150 УК было законченным, необходимо конкретное последствие – совершение преступления или покушения на него. Так, без регистрации преступления со стороны несовершеннолетнего нет окончанного состава по ст. 150 УК.

Новым является содержащееся в уголовном законе прямое указание на возраст субъекта рассматриваемого преступления: лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Данное положение было введено в текст УК в 2003 году. Таким образом, получила законодательное закрепление позиция, согласно которой общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления заключается, в частности, в совершении его именно взрослым (совершеннолетним) лицом, обладающим в силу возраста физическими и психическими преимуществами перед вовлекаемым и использующим это преимущество для совершения преступления.

Такой подход, однако, не учитывает реалий сегодняшнего дня. С каждым годом растет число общественно опасных деяний, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности и несовершеннолетними, достигшими этого возраста. Малолетние и несовершеннолетние в большинстве случаев совершают общественно опасные деяния не по собственной инициативе, а в результате целенаправленного воздействия на них несовершеннолетних лиц. Последние же достигают того уровня интеллектуального развития, который позволяет им осознавать общественную опасность совершаемых действий. При этом преступления, связанные с вовлечением мало-

летних в совершение общественно опасных деяний, характеризуются более высокой степенью общественной опасности, что должно быть прямо закреплено в уголовном законе.

В отечественной науке уголовного права относительно вида умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, выделяются два научных подхода. Ученые, придерживающиеся первого подхода считают, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления возможно только с прямым умыслом, а ученые, придерживающиеся второго подхода полагают, что не исключается возможность его совершения с косвенным умыслом¹. Не вдаваясь в научную дискуссию, думается правильной придерживаться первого подхода, согласно которому: субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, при этом лицо осознает общественно опасный характер своих действий по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и желает этого. Данное положение вытекает, в свою очередь, из содержания самого термина «вовлечение», который означает совершение взрослым лицом непосредственно активных действий, направленных на достижение определенной цели.

В части 2 статьи 150 УК РФ предусмотрена повышенная уголовная ответственность за совершение данного преступления родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Широкого обсуждения в науке уголовного права получил вопрос, касающийся определения понятия «иных лиц». К иным лицам, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, В.В. Сверчков относит: усыновителей (удочерителей); опекунов (попечителей); приемных родителей (приемную семью); воспитателей и учителей учреждений всех типов (образовательные учреждения, а также учреждения для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе воспитательные учреждения, детские дома семейного типа, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения) и т.д. Не относятся к иным лицам, как отмечает Сверчков, лица на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего: отчим, мачеха, дедушки, бабушки, братья, сестры, иные родственники². В свою очередь, В.М. Лебедев под иными лицами понимает любых фактических воспитателей несовершеннолетнего (опекуна, попечителя, отчима, мачеху, дедушку, бабушку, взрослых братьев и сестер). Однако ответственность в данном случае может наступить для указанных лиц только тогда, когда у несовершеннолетнего отсутствуют родители, или если родители лишены родительских прав, а законом на них возложены обя-

¹ Жадан В.Н. Проблемы субъективной стороны при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Балтийский гуманитарный журнал. - 2016. - Т. 5. - № 3(16) – С.244-248

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 3 т. Том 2. Особенная часть./ В. В. Сверчков [и др.] — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: 2019.—334с. // ЭБС Юрайт — URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/434272/p.131>

занности по воспитанию несовершеннолетних¹. Лица, выполняющие воспитательные функции в детских учреждениях, за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть лишены права занимать эти должности.

Особое затруднение в толковании и практическом применении ч.4 ст.150 УК РФ вызывает словосочетание «преступная группа». Очевидно, что преступная группа – это форма соучастия в преступлении, однако в ст.35 УК РФ и в частности в главе 7 УК РФ, данный термин не встречается. Таким образом, под преступной группой понимается группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество, в которые вовлекается несовершеннолетний. При этом возрастной состав преступной группы для квалификации не имеет значения (группа может состоять исключительно из несовершеннолетних, которыми руководит взрослое лицо, либо состоять из взрослых и несовершеннолетних).

Летом 2019 года широкий резонанс получила новость о подростках-бандитах из Канавинского района Нижнего Новгорода. В ГУ МВД России по Нижегородской области поступило шесть заявлений в связи с инцидентами, связанными с бандой несовершеннолетних в микрорайоне Мещерское озеро. Согласно информации, три из них касались конфликта, произошедшего в мае 2019 года у входа в магазин на ул. Есенина — тогда несовершеннолетний подросток избил хозяина торговой точки. По итогам проверки уголовное дело возбуждено не было в связи с тем, что потерпевший отказался от судмедэкспертизы. Ещё три заявления, по информации МВД, поступили в полицию уже в июле в связи с конфликтом, произошедшим около часа ночи 18 июля, в результате которого 33-летний житель микрорайона получил огнестрельное ранение бедра. При помощи похищенного травматического пистолета группа неоднократно обстреливала нижегородцев и проезжающие мимо автомобили. Также известно, что несовершеннолетние регулярно распивали спиртное и совершали административные правонарушения. Сейчас полицией установлены все участники инцидента - это пятеро несовершеннолетних в возрасте от 13 до 17 лет. Стрелял из похищенного травматического оружия 16-летний житель Ленинского района, состоящий на профилактическом учёте в КДН и ранее привлекавшийся к уголовной ответственности.

Общественная опасность *вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий* (ст.151 УК РФ) состоит в том, что они нередко преследуют цель вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, посягают на формирование личности несовершеннолетнего, его права на достойную жизнь. Каждый из элементов объективной стороны преступления оказывает разрушающее воздействие на личность несовершеннолетнего, дурно отзываясь на здоровье и психике.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. / В. М. Лебедев— Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 371 с. // ЭБС Юрайт — URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/434549/p.157>

Одним из вопросов, который может возникнуть при квалификации рассматриваемых преступлений, связан с ситуацией, когда одно лицо вовлекает двух или более несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, при этом являясь родителем только одного из них. В таких случаях содеянное следует квалифицировать только по ч. 2 ст.151 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, совершенное родителем (или по ч.2 ст.150 УК РФ). Если же два или более несовершеннолетних вовлекаются в совершение разных антиобщественных действий или преступлений, а эти деяния осуществляются не одновременно и не объединены одним умыслом, то необходима квалификация по совокупности¹.

Проанализировав в работе все аспекты заявленной темы, предлагаем внести следующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно: 1) Указать в ч.1 ст. 150 УК РФ о том, что под «иными способами» совершения преступления понимаются как ненасильственные способы физического воздействия, так и различные способы (насильственные и ненасильственные) психического воздействия, исключая угрозу применения физического насилия. 2) Предлагается ввести в ч. 1 ст. 151 УК РФ указание на способ совершения преступления: *«путем предложения, обещания, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста»*. 3) В целях криминализации действий взрослого преступника, вовлекающего в совершение преступления нескольких несовершеннолетних независимо друг от друга без образования группы, предлагается ч.3 ст. 150 и ч.3 ст.151 УК РФ дополнить фразой *«совершенные в отношении двух и более несовершеннолетних»*. 4) Дополнить ст. 151 УК частью 4, а в части 4 ст.150 соответственно закрепить квалифицирующий признак, предусматривающий повышенную ответственность за вовлечение в совершение преступления лица, *«заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста»*. 5) Дополнить ст. 150 УК частью 5 следующего содержания: *«Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные лицом, ранее судимым или подвергнутым административному наказанию за аналогичные деяния»*.

В настоящее время назрела острая необходимость в разработке и утверждении федеральной целевой программы по профилактике безнадзорности и предупреждению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Необходимо также принять меры по совершенствованию межведомственной координации в вопросах профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Кроме того, необходим комплекс мер по улучшению положения семьи и детей. И, наконец, нужно разработать проект ФЗ о соци-

¹ Щетинина Н.В. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий, совершенных родителем // Вестник Московского университета МВД России- №1. - 2017.- С. 78-80

альной помощи несовершеннолетним, освобожденным от уголовного наказания и из мест лишения свободы. Ведь главная цель семьи, общества и государства в целом - помочь подростку найти свое место в жизни, понять его стремление, интересы, дать возможность развиваться его индивидуальности, а значит, во многом предотвратить преступление.

Калиновский К.К.¹

Непрерывность срока давности привлечения к уголовной ответственности обусловлена презумпцией невиновности

Аннотация: Рассматриваются причины отказа законодателя от прерывания срока давности привлечения к уголовной ответственности в случае совершения лицом нового преступления и переход к иной модели регулирования, основанной на правиле непрерывности срока. Обосновывается вывод о том, что указанной причиной явилось закрепление принципа презумпции невиновности в Конституции Российской Федерации 1993 года.

Ключевые слова: давность, исчисление срока давности в уголовном праве, освобождение от уголовной ответственности, не реабилитирующие основания, уголовное право.

Continuity of Limitation on Conviction Depends on the Presumption of Innocence

Abstract: Legislator refuses to interrupt the limitation on conviction if the person commits a new crime and instead uses a special regulatory model based on the rule of continuity. Author concludes that the reason for the implementation of this model was the consolidation of the principle of the presumption of innocence in the 1993 Constitution of the Russian Federation.

Keywords: limitation on conviction, exemption from criminal liability, non-rehabilitating grounds, criminal law.

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности достаточно хорошо изучен в юридической науке. Ученые признают его межотраслевой характер, выявляют юридическую природу срока давности, объясняют изменение уголовной политики по отношению к исчислению срока давности, произошедшее при принятии действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем представляется, что в юридической литературе не учитывается в достаточной степени

¹ *Научный руководитель* – Топильская Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

связь между порядком исчисления срока давности и конституционным принципом презумпции невиновности.

В доктрине уголовного права существуют несколько основных подходов к пониманию сущности срока давности¹.

Согласно первому подходу, сущность срока давности объясняется тем, что с течением определенного времени после совершения преступления уменьшается общественная опасность лица, его совершившего. Если лицо не совершает новых преступлений, то он фактически исправляется, т.е. достигаются цели уголовного наказания². Акцент на уменьшении опасности лица и его исправлении позволяет назвать данный подход криминологическим.

Этот подход является наиболее разработанным в современной уголовно-правовой науке, в том числе и в работах А.В. Ендольцевой и Ю.В. Ендольцевой³.

Данный подход был особенно актуальным в советский период, в полной мере объясняя закономерности действовавшего в тот период законодательства, согласно которому, срок давности мог быть прерван и аннулирован совершением нового преступления. Так, в соответствии со ст.48 УК РСФСР течение давности прерывалось, если до истечения указанных сроков лицо совершит новое преступление, за которое по этому Кодексу может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет. Исчисление давности в этом случае начиналось с момента совершения нового преступления⁴.

Второй подход, объясняющий сущность освобождения от уголовной ответственности по истечении срока давности, основывается на том, что со временем исчезает общественная опасность деяния, вред, нанесенный обществу преступлением, утрачивает свое значение, «заглаживается». Этот подход также включает в себя идею о том, что со временем преступ-

¹ Подробнее об этом см.: Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: Дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08, 12.00.09. - М.: Моск. ун-т МВД РФ, - 2005. - 396 с.. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002748000%2Frsl01002748749%2Frsl01002748749.pdf> (дата обращения: 19.06.2020); Ендольцева Ю.В. Давность в уголовном праве: дисс. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 - М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, 2013. - 207 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=/rsl01006000000/rsl01006713000/rsl01006713699/rsl01006713699.pdf> (дата обращения: 19.06.2020). Данные авторы являются наиболее цитируемыми авторами по рассматриваемой в настоящей работе теме.

² См.: Коваленко Е.С. История развития законодательного закрепления оснований приостановления течения срока исковой давности в России // Юридическая мысль. - 2010. - № 3 (59). - С. 19-24.

³ См.: Ендольцева Ю.В. Юридическая природа уголовно-правовой давности // Общество и право. - 2013. - № 1 (43). - С. 125-130.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР. Утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=8627&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7030187484758601#05289254935866707> (дата обращения: 13.06.2020). Утратил силу.

ление сложнее раскрыть, доказательства исчезают и искажаются, и, соответственно, целесообразность и эффективность уголовного преследования снижается¹.

Данный подход воспринят и в практике Европейского Суда по правам человека. По мнению его судей, «суть срока давности состоит в погашении правонарушения, что лишает государство полномочий преследовать подозреваемого по закону, привлекать его к суду, признавать его виновным и назначать наказание. Сроки давности предусмотрены в уголовном праве как для того, чтобы препятствовать возбуждению уголовного преследования исходя из фактических обстоятельств, установить которые со временем становится трудно, так и для установления крайних сроков, при превышении которых возникает неопровержимая презумпция того, что деяние более не представляет опасности для общества»².

Акценты на трудностях доказывания позволяют утверждать скорее не только о материально-правовой, но и об уголовно-процессуальной сущности срока давности. Процессуальная природа срока давности позволяет даже признать ее третьим, самостоятельным подходом к сущности срока давности (по аналогии с исковой давностью в гражданском праве). Например, Дж. Флетчер рассматривает правовое регулирование срока давности как процессуальное ограничение полномочий государства преследовать тех, кто виновен в преступлении³.

Второй и третий научные подходы, основанные на том, что по прошествии времени утрачиваются общественная опасность деяния и право органов уголовного преследования предъявлять уголовный иск к лицу, совершившему преступление, в большей степени соответствуют действующему в России уголовному законодательству, согласно которому в случае совершения лицом нового преступления сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно (ч. 2 ст. 78 УК Российской Федерации). Перерывы в исчислении срока давности не предусмотрены. Закон допускает лишь приостановление течения давности при уклонении лица от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа (ч. 3 ст. 78 УК Российской Федерации). Но и в этом случае указанный срок не течет заново, а возобновляется.

¹ См.: Благов Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). - 2017. - № 6 (6). - С. 32-43.

² См.: П. 14 Общего частично не совпадающего особого мнения судей Пинто де Альбукерке и Туркович к Постановлению Европейского суда по правам человека по делу «Матыцина против Российской Федерации» от 27 марта 2014 г. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=36975#09216510937290636> (дата обращения: 13.06.2020 г.)

³ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. - М., 1998. - С. 39.

В самом деле, самостоятельность исчисления срока давности по каждому преступлению связана уже не с характеристиками лица, а с характеристиками деяния.

Изменение порядка исчисления срока давности при совершении лицом нового преступления (в сравнении с порядком, который был по УК РСФСР 1960 г.) является более гуманным. Именно идеей гуманизма ученые часто объясняют такую уголовную политику¹, однако предложение вернуть старое регулирование исчисления срока давности все еще имеет своих сторонников², с которыми мы не можем согласиться по причинам, указанным ниже.

Действительно, рассмотренные выше научные подходы к сущности срока давности сами по себе не объясняют переход к той или иной модели регулирования института освобождения от уголовной ответственности в целом или порядка регламентации исчисления срока давности при совершении лицом нескольких преступлений.

На наш взгляд, переход от прежнего регулирования исчисления срока давности по УК РСФСР к новому регулированию по УК Российской Федерации был обусловлен принципом презумпции невиновности.

Вместе с тем, в уголовно-правовой науке этот вывод не приводится и не обосновывается. Анализ публикаций, проведенный путем запросов к базе данных «Elibrary.ru»³, показывает, что работы, посвященные уголовно-правовому анализу срока давности, редко содержат даже упоминания презумпции невиновности. Презумпция невиновности традиционно используется при уголовно-процессуальном анализе прекращения уголовных дел в связи с истечением сроков давности⁴. Однако здесь обычно исследуются процедурные вопросы (проблема признания лица фактически виновным без вынесения о том судебного решения).

Как же презумпция невиновности влияет на исчисление срока давности?

Известно, что главное содержание этого принципа права, закрепленного в российской правовой системе в 1993 году статьей 49 Конституции Российской Федерации, состоит в том, что никто не может считаться виновным в совершении преступления до тех пор, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. По смыслу данного

¹ См.: Черненко Т.Г. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 3 (40). - С. 96-104.

² См.: Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: некоторые направления оптимизации нормативного содержания // Российский следователь. - 2020. - № 2. - С. 43-46.

³ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. - URL.: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 13.06.2020 г.)

⁴ См., напр.: Остромухов Л.Б. Презумпция невиновности при прекращении уголовных дел по реабилитирующим обстоятельствам // Юридическая мысль. - 2012. - № 4 (72). - С. 61-67.

принципа, в случае если приговор в отношении лица не был постановлен, лицо не может считаться даже привлеченным к уголовной ответственности¹.

Следовательно, действующее в статье 48 УК РСФСР правило о том, что при совершении нового преступления течение сроков давности прерывается, с позиции презумпции невиновности могло быть применено лишь тогда, когда факт совершения лицом нового преступления установлен вступившим в силу приговором суда. Очевидно, что термин «преступление» предполагает наличие всех его признаков, разработанных уголовно-правовой наукой, в том числе признака виновности, прямо подпадающего под действие указанной презумпции.

Из этого прямо следует, что в случае совершения лицом нового преступления, производство по делу о прежнем преступлении не может быть снова возобновлено без вынесения и вступления в силу приговора по новому преступлению. После же вступления приговора в силу невозможно присоединение требующего расследования уголовного дела о прежнем преступлении, по которому должно было быть прервано течение срока давности. Самостоятельное же возобновление производства по прежнему уголовному делу после возобновления течения срока давности и исчисления его с момента совершения нового преступления, за которое в другом деле лицо уже осуждено вступившим в силу приговором суда, также не согласуется с институтами уголовного процесса. Такое возобновление было бы возможно на основании вступившего в силу приговора суда и подменяло бы собой стадию возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, перерыв течения срока давности при совершении лицом нового преступления, и исчисление этого срока заново с момента совершения нового преступления, установленные в УК РСФСР, были рассчитаны на соединение уголовных дел о прежнем и о новом преступлении в одном производстве до постановления по ним приговора. Это регулирование не могло и не может применяться в условиях действия презумпции невиновности. Закрепление этого принципа в качестве гарантии конституционного уровня в 1993 году обусловило переход к непрерывности срока давности освобождения от уголовной ответственности.

Список литературы

1. *Благов Е.В.* Об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). - 2017. - № 6 (6). - С. 32-43.

2. *Ендольцева А.В.* Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные про-

¹ См.: Приходько И.В. Течение сроков давности: сравнительно-правовой аспект // Российское правосудие. - 2010. - № 2. - С. 102-108.

блемы: Дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08, 12.00.09. - М.: Моск. ун-т МВД РФ, 2005. - 396 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002748000%2Frsl01002748749%2Frsl01002748749.pdf> (дата обращения: 19.06.2020).

3. *Ендольцева Ю.В.* Давность в уголовном праве: дисс. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 - М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, 2013. - 207 с. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=/rsl01006000000/rsl01006713000/rsl01006713699/rsl01006713699.pdf> (дата обращения: 19.06.2020).

4. *Ендольцева Ю.В.* Юридическая природа уголовно-правовой давности // Общество и право. - 2013. - № 1 (43). - С. 125-130.

5. *Коваленко Е.С.* История развития законодательного закрепления оснований приостановления течения срока исковой давности в России // Юридическая мысль. - 2010. - № 3 (59). - С. 19-24.

6. *Кузьмина О.Н.* Институт освобождения от уголовной ответственности: некоторые направления оптимизации нормативного содержания // Российский следователь. - 2020. - № 2. - С. 43-46.

7. *Остромухов Л.Б.* Презумпция невиновности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим обстоятельствам // Юридическая мысль. - 2012. - № 4 (72). - С. 61-67.

8. Общее частично не совпадающее особое мнение судей Пинто де Альбукерке и Туркович к Постановлению Европейского суда по правам человека по делу Европейского суда по правам человека по делу «Матыцина против Российской Федерации» от 27 марта 2014 г. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=36975#09216510937290636> (дата обращения: 13.06.2020 г.)

9. *Приходько И.В.* Течение сроков давности: сравнительно-правовой аспект // Российское правосудие. - 2010. - № 2 (46). - С. 102-108.

10. *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. - М., 1998. - 511 с.

11. *Черненко Т.Г.* Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 3 (40). - С. 96-104.

Система мер по защите прав осуждённых, содержащихся в местах принудительной изоляции

Аннотация. Ситуация с правами человека в закрытых учреждениях РФ стоит остро и заслуживает постоянного внимания со стороны общества и государства. Автор обращает внимание на то, что лица, содержащиеся в местах принудительной изоляции, обладают общегражданскими правами и обязанностями, установленными законодательством Российской Федерации, с определенными изъятиями.

Делается вывод, что в России сформирована система мер по защите прав лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции, и рассматривает элементы этой системы.

Ключевые слова: права осуждённых, уполномоченный по правам человека, общественный контроль.

Systematic Protection of the Prisoner's Rights in the Places of Forced Imprisonment

Abstract. The situation with human rights in jails of the Russian Federation deserves constant and acute attention from society and the state. The author draws attention to the fact that persons held in places of forced imprisonment employ civil rights and obligations established by the law of the Russian Federation with certain exceptions.

It is concluded that Russia has developed a system of measures to protect the rights of persons held in places of forced imprisonment, and author offers an analysis of the elements of this system.

Keywords: rights of convicts, Commissioner for human rights, public control.

Положения статьи 2 Конституции РФ провозглашают человека и его права и свободы высшей ценностью. Не исключение и лица осуждённые, и те, которые не осуждены и на законных основаниях принудительно содержатся в изоляции.

В статье 10 УИК РФ регламентировано положение о том, что Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает легитимность применения средств их исправления, защиту и безопасность при исполнении наказаний.

Принцип гуманизма (часть 2 статьи 7 УК РФ) исключает причинение физических страданий и мучений гражданину, унижение его человеческого достоинства.

¹ *Научный руководитель* – Сафонов Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Государство устанавливает условия отбывания наказания с определёнными правоограничениями, которые, с одной стороны способны исправить осуждённого, а с другой – обеспечить приемлемые условия отбывания наказания, несовместимые с унижением личности.

Таким образом, буквальное содержание и смысл высшего нормативного акта страны и УК РФ в рассматриваемой сфере едины: лица, которые осуждены, лишены свободы, но не собственных прав.

Основные формы и способы защиты прав человека в местах лишения свободы сводятся к следующему.

Говорящий факт: среди наиболее эффективных средств восстановления нарушенных прав осуждённых – обращение в суд. Изучение судебной практики показывает, что осуждённые используют механизмы гражданско-процессуального и административного судопроизводства.

В исковом порядке предметом требований являются компенсация морального вреда (физических и нравственных страданий) вследствие ненадлежащих условий отбывания наказания, незаконного помещения в штрафной изолятор и др.

Предпринятый нами анализ показал, что осужденные лица в последние годы часто обращаются в суд в рамках административного судопроизводства для судебной защиты собственных прав и добиваются восстановления нарушенного права.

Ведомственный контроль (ст.21 УИК РФ) и прокурорский надзор (ст.22 УИК РФ) принято называть специальными мерами в рассматриваемой сфере.

Первый из них имеет разнообразные формы: управленческие решения, издание итоговых приказов, аналитическая работа, устранение выявленных недостатков в работе и др.

Наиболее эффективным органом ведомственного контроля является Минюст РФ, полномочия которого установлены Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314, Положением о Министерстве юстиции РФ и другими нормативными актами¹.

Доклад Президенту и Правительству РФ о состоянии работы по исполнению уголовных наказаний, обеспечению условий содержания осужденных, а также по соблюдению законности и прав человека в учреждениях, исполняющих наказания, - важный ежегодный документ Минюста РФ.

ФСИН Минюста России – орган, где сосредоточен наибольший объем контрольных полномочий за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

¹ Постановление Правительства РФ от 19. 01.2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51324/ (дата обращения 15.06.2020).

В ГУИН Минюста России создан специальный отдел, задача которого – контроль за обеспечением прав осуждённых¹.

Инфраструктура этого органа ведомственного контроля включает должности помощников начальников территориальных органов УИС по соблюдению прав человека. В обязанности этих должностных лиц входят обобщения поступающей информации о соблюдении прав человека и докладе ее руководству, инспектирование учреждений и органов, исполняющих наказания и многое другое.

Прокурорский надзор за соблюдением прав осужденных и законностью деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами в соответствии со ст.22 УИК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»².

Здесь прокурорам принадлежат широкие полномочия: они имеют право и обязаны отменять дисциплинарные взыскания, наложенные в нарушение закона на лиц, заключенных под стражу, и осужденных; немедленно освобождать их своим постановлением из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера, одиночной камеры, дисциплинарного изолятора и др.

Укрепление принципов правового государства привело к расширению круга субъектов контрольной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний. Таковым стал Управомоченный по правам человека в Российской Федерации.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³ Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации наделены правом беспрепятственного посещения с целью контроля учреждения и органы, исполняющие наказания.

Системность права в данной сфере выражается в том, что предписания УИК РФ приведены в соответствие с Федеральным конституционным зако-

¹ Положение об отделе по соблюдению прав человека в СИЗО и тюрьмах Управления следственных изоляторов и тюрем Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ (Утв. начальником ГУИН Минюста России 25 октября 2001 г.). URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=306627#0658479034956907>. (дата обращения 15.06.2020).

² Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 15.06.2020).

³ Федеральным законом «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 161-ФЗ. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45384/. (дата обращения 15.06.2020).

ном от 26 февраля 1997 г. "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации"¹.

Уполномоченный наделён широкими полномочиями. В частности, это: рассмотрение жалоб на нарушения прав человека, поступивших от граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе находящихся в учреждениях и органах, исполняющих наказания.

В этом ряду важной формой реагирования на нарушения прав осужденных являются доклады Уполномоченного. Ежегодные доклады подлежат обязательному официальному опубликованию в «Российской газете».

Общественный контроль за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, установлен статьей 23 УИК РФ - одна из эффективных форм защиты прав осуждённых. В частности, В.Н. Сафонов и Р.А Кужугет считают, что преимущество социальных институтов состоит в несвойственности им «хронических болезней» государственных институтов, а именно таких, как коррупция, хищения. Общественные наблюдательные комиссии (ОНК) как институт гражданского общества способствуют обеспечению прав человека посредством осуществления общественного контроля. Вместе с тем, для эффективной деятельности подобных социальных институтов необходимо наличие соответствующего уровня развитости членов гражданского общества, а также создание таких условий его взаимодействия с государственными элементами, при которых они будут являться равноправными субъектами. Сегодня такой баланс не обеспечен. До сих пор не регламентированы права ОНК в части ответов и мер как реакции на их запросы, предложения или требования².

К субъектам общественного контроля также относятся: общественные наблюдательные комиссии, Общественная палата РФ, комиссии по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные и религиозные объединения, средства массовой информации.

В заключении хотелось бы отметить, что результатом административных преобразований и перехода к гражданскому обществу законодательство РФ предусматривает различные виды, типы, методы, приемы и формы защиты прав осужденных в местах лишения свободы. В целом можно говорить о развитии в нашей стране многозвенной системы защиты прав осуждённых, содержащихся в местах принудительной изоляции. Эта система мер носит

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/. (дата обращения 15.06.2020).

² Сафонов В.Н., Кужугет Р.А. Общественный контроль за обеспечением прав человека в учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание, как институт гражданского общества // Преступление и наказание в истории государства и права России и зарубежных стран : сб. материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (14 сентября 2018 г.) / отв. сост. к. ист. н. К.А. Мурсалимов. – СПб.: Изд-во ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России. - С. 178-180.

сбалансированный характер, так как она включает разные субъекты со своими функциями, правами и обязанностями.

Однако практика обеспечения прав и свобод осужденных к лишению свободы не может быть признана безупречной: ещё достаточно «болезней роста». Успешность и эффективность данной системы находится в зависимости от ряда факторов, в основе которых – совместные усилия государства и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. *Меретуков Г.М.* Конституционные права осужденных к лишению свободы: теоретические и историко-правовые аспекты. – Краснодар: КубГАУ, 2011. URL: https://yandex.ru/tutor/search/docs/?doc_url=https%3A%2F%2Fkubsau.ru%2Fupload%2Fiblock%2Fad3%2Fad3dc15498863c78ab25e23420d050ec.docx&sign=7d6993a06067fa40ecd2c8dc9e92a8b5&text=Система%20мер%20по%20защите%20прав%20осуждённых. (дата обращения 17.06.2020).

2. *Сафонов В.Н., Кужугет Р.А.* Общественный контроль за обеспечением прав человека в учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание, как институт гражданского общества//Преступление и наказание в истории государства и права России и зарубежных стран : сб. материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (14 сентября 2018 г.) / отв. сост. к.ист.н. К.А. Мурсалимов. – СПб.: Изд-во ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России. – С. 178-180.

Кладько В.В.

Уголовно-правовая политика в контексте проблемы насилия в отношении несовершеннолетних

Аннотация: Российская Федерация является участником международных конвенций, касающихся вопросов защиты несовершеннолетних от насилия, в связи с чем и объясняется пристальное внимание к данной проблеме. Учитывая, что несовершеннолетние являются наиболее незащищенной, категорией населения, которым необходима особая защита, они нуждаются в пристальном внимании как со стороны соответствующих государственных органов, так и общественных организаций, им необходима надлежащая правовая охрана, уголовно-правовая политика играет особое значение. В статье предлагаются направления уголовной политики на сокращение насилия в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика, несовершеннолетний, насилие, законодательство, предупреждение

Criminal law policy in the context of the problem of violence against minors

Abstract: The Russian Federation is a party to international conventions concerning the protection of minors from violence, which explains the close attention to this problem. Considering that minors are the most unprotected category of the population who need special protection, they need close attention from both the relevant state bodies and public organizations, they need proper legal protection, and criminal law policy is of particular importance. The article proposes directions of criminal policy to reduce violence against minors.

Keywords: criminal policy, minor, violence, legislation, prevention

Правовые трудности несовершеннолетних, забота о жизни, здоровье, воспитании и образовании, находятся под пристальным вниманием и постоянной защитой государства.

Согласно Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959г., ребенку, законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства¹.

Президент Российской Федерации Путин В.В. в ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, указал, что, выстраивая долгосрочную политику поддержки семьи, нужно идти от конкретных жизненных ситуаций, разбираться, с какими трудностями сталкивается молодая, многодетная или неполная семья². В эти слова вкладывался смысл повышенной заботы и охраны семьи, ее членов и, конечно, несовершеннолетних, включая уголовно-правовыми средствами. Считается что в XXI веке возникло принципиально иное отношение к несовершеннолетним, они достойны лучших условий существования, заботы и всесторонней защиты со стороны государства.

Однако, дестабилизационные процессы в политической и социально-экономической сферах вызывали формирование крайне негативных тенденций среди населения. В кругу наиболее незащищенных оказались и несовершеннолетние, которые в силу своей незрелости не могут самостоятельно защитить себя сами. И какими бы не были внутренние трудности, необходимо оградить несовершеннолетних от влияния негативных факторов, какого-либо насилия.

В отечественной правовой системе гарантом прав и интересов детей и несовершеннолетних является Конституция Российской Федерации. За вре-

¹Декларация прав ребенка от 20.11.1959г.//Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М., 1990 г. - С. 385-388.

²Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/(дата обращения: 3 февраля 2020)

мя, прошедшее с момента принятия Национальной стратегии действий в интересах детей в 2012 году, стало очевидным, что данная проблема является первоочередной в государстве. Системные меры по улучшению правового регулирования защиты детей и несовершеннолетних привели к улучшению ситуации в этой сфере, но вместе с тем, механизмы защиты нуждаются в постоянном мониторинге и совершенствовании.

В России реализовано достаточное количество правовых инициатив, закреплена работающая нормативная база охраны прав детей и несовершеннолетних, действенность и эффективность которой обеспечивается в том числе и уголовно-правовыми средствами. При совершенствовании законодательства необходимо учитывать разумный прогностический подход, что невозможно без опоры на результаты систематического мониторинга и научного анализа положительного опыта.

В целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов несовершеннолетних, законодательно установить запрет на распространение сведений о насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, средствах коммуникации, используемых в процессе совершения указанных преступлений, а также информации, направленной на оправдание указанных преступлений. Предлагается внесение соответствующих изменений в Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Для разрешения и профилактики конфликтных ситуаций в среде несовершеннолетних со сверстниками, а также педагогами и иными лицами, в субъектах Российской Федерации организовать специальную психолого-педагогическую, а также правовую подготовку для медиаторов по правам детей; ввести в структуру органов общеобразовательных учреждений «профилактическую» организационную модель школьной медиации.

Насильственные преступления в отношении несовершеннолетних составляют значительную долю и занимают в структуре преступности относительно обособленную группу, которая оказывает влияние на криминогенную ситуацию, что вызывает определенные опасения о нравственном здоровье подрастающего поколения. Необходимо обеспечение правоохранительных органов необходимыми ресурсами для выявления и раскрытия преступлений, предусмотренных в УК РФ.

Целесообразно осуществление комплексного и непрерывного мониторинга реализации предусмотренных норм в отношении противодействия насильственным преступлениям в отношении несовершеннолетних.

В процессе предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних необходимо направлять усилия на выявление, причин, условий, способствующих преступлениям, а также на их устранение, ограничение и нейтрализацию. Следует особо отметить, что большое значение имеет предупредительное воздействие на личность преступника, то есть индивидуальная профилактика.

Комиссии по делам несовершеннолетних должны стать, в первую очередь, не субъектами правоохранительной деятельности, а самыми эффективными и квалифицированными субъектами профилактики, поскольку их профессиональные действия должны исключать возможность возвращения подростка в антиобщественную среду.

Оправданным будет создание самостоятельного универсального Интернет - ресурса, где родители и сами подростки смогли бы получать бесплатные консультации психолога, юриста и других специалистов, а также участвовать в конкурсах, социальных акциях. Очень важным является обеспечение возможности любому человеку участвовать в обсуждении как перспектив развития законодательства в целом, так и отдельных норм, в частности.

В целях раннего выявления и профилактики асоциального поведения несовершеннолетних, необходимо совершенствовать работу психологических служб в части осуществления на постоянной основе системного мониторинга психоэмоционального состояния обучающихся, повсеместно решить вопрос об укомплектованности образовательных организаций психологами и социальными педагогами.

Для повышения результативности противодействия насильственным преступлениям в отношении несовершеннолетних требуется развитие системы межведомственного взаимодействия между образовательными организациями, медицинскими организациями и иными субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Следует создать необходимые правовые условия для участия в профилактической работе добровольцев, общественных воспитателей, волонтеров, детских общественных объединений. Важно продолжить проведение активной систематической работы по правовому информированию, разъяснению действующего законодательства среди населения, обратив особое внимание на просветительскую работу с несовершеннолетними и их родителями.

Необходимо четкое правовое регулирование порядка проведения медицинских осмотров в части необходимости проведения медицинского тестирования всех обучающихся в обязательном порядке для оказания им своевременной помощи. Предупреждение насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних требует комплексного подхода.

Обосновано создание условий для укрепления и защиты семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранения традиционных семейных ценностей, профилактики и преодоления семейного неблагополучия, социального сиротства, улучшения условий и повышения качества жизни семей. В этих целях необходимо обеспечить раннее выявление социального неблагополучия семей с детьми и организовать комплексную реабилитационную работу с ними для предотвращения распада семьи, в том числе предоставив беспрепятственный доступ к необходимым социальным услугам.

Повышенного внимания и уголовно-правовой защиты требуют несовершеннолетние, проживающие в домах - интернатах, к сожалению, самые незащищенные, которые не могут заявить о насилии в отношении них, что

является одним из перспективных направлений для проведения дальнейшего научного исследования.

Образовательные организации в будущем должны будут указывать в плане конкретный перечень событий и мероприятий воспитательной направленности в учебном году или ином периоде обучения.

Инициативу внес в нижнюю палату парламента президент России Владимир Путин в мае 2020 года. Так, в законе «Об образовании в РФ» будет установлен механизм организации воспитательной работы, которая войдет в состав образовательных программ. Рабочая программа воспитания и календарный план воспитательной работы должны быть включены в соответствующую образовательную программу образовательной организации. В частности, в рабочую программу воспитания должен войти комплекс основных характеристик воспитательной работы, включающий цель, задачи, основные направления и темы, возможные формы, средства и методы воспитания. В календарном плане воспитательной работы образовательные организации должны будут указать конкретный перечень событий и мероприятий воспитательной направленности в учебном году или ином периоде обучения. Советы обучающихся и советы родителей несовершеннолетних обучающихся получают право участвовать в разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы¹.

Таким образом, системные меры, правовой политики могут привести к сокращению насилия в отношении несовершеннолетних.

*Косицына С.А.*²

Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения)

Аннотация: в настоящей работе рассматриваются проблемные вопросы, связанные с законодательной конструкцией ст. 155 УК РФ. Анализируются доктринальные позиции относительно юридической оценки разглашения тайны усыновления (удочерения). Автором излагаются некоторые рекомендации для внесения в уголовный закон с целью совершенствования отдельных уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовная ответственность; разглашение тайны; усыновление (удочерение); состав преступления.

¹ Дума приняла закон об укреплении воспитания в системе образования URL:<https://news.mail.ru/politics/42673820/?frommail=1> (дата обращения: 22 июля 2020)

² *Научный руководитель* – Цветков Павел Валерьевич, ст. преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Criminal Liability for Disclosing the Secrecy of Adoption

Abstract. This article addresses problematic issues related to the legislative structure of art. 155 of the Criminal Code of the Russian Federation. Author analyzes the doctrinal positions regarding the legal assessment of the disclosure of the secrecy of adoption. The author makes some recommendations for amendments of the criminal law that may potentially improve certain criminal law norms.

Keywords: criminal liability, disclosure of a secret, adoption, corpus delicti.

Приоритет создания качественно эффективных условий в сфере работы механизма по укреплению института семьи и сохранению духовно-нравственных ценностей семейных отношений на протяжении долгого времени остается одним из центральных направлений по совершенствованию государственной политики в области реализации интересов семьи и несовершеннолетних. Об этом свидетельствует наличие в отечественном законодательстве ряда нормативно-правовых актов, предписания которых направлены на оказание различными юрисдикционными средствами и методами стабилизирующего воздействия на общественные отношения, обеспечивающие исполнение прав несовершеннолетних на благоприятное развитие и воспитание, а также гарантирующие осуществление отвечающего потребностям личности и общества функционирования семьи.

Одним из важнейших условий защиты прав и интересов как семьи, так и ребенка является соблюдение конфиденциальности имеющих особое значение для формирования и идентификации личности вопросов, образующих сведения об обстоятельствах частной и семейной жизни человека. В настоящее время закон признает и предусматривает ряд мер по обеспечению прав граждан на личную и семейную тайну, одной из разновидностей которой является тайна усыновления. Вместе с тем за нарушение указанных прав законодателем установлена уголовная ответственность. Так, в ст. 137 УК РФ декларируется ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, связанной с противоправным собиранием или распространением сведений, составляющих личную или семейную тайну. За разглашение тайны усыновления выделен самостоятельный состав преступления, закрепленный ст. 155 УК РФ.

Учитывая высокую степень общественной опасности нарушения тайны усыновления (удочерения) как деяния, способного подорвать устои семейного уклада и нанести моральный вред психологическому здоровью ребенка, а также привести к иным неблагоприятным последствиям для внутрисемейных взаимоотношений, представляется оправданным и обоснованным его самостоятельная уголовно-правовая охрана.

Обращая внимание на тесную взаимосвязь понятий личной и семейной тайны, следует заметить, что отсутствие их легального толкования порождает перечень проблемных концепций в правоприменительной практике, в том числе при определении специфического содержания дефиниции тайны усы-

новления. Опираясь на формулировку диспозиции рассматриваемой правовой нормы, регламентирующей уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, необходимо согласиться с авторами, которые в качестве предмета анализируемого преступления признают конфиденциальную информацию, из которой следует факт усыновления (удочерения), а также сведения о принятых в соответствии с действующим законодательством специальных процессуальных мер по оформлению процедуры усыновления (удочерения) и обеспечению ее приватности.¹

Рассматривая разглашение тайны усыновления (удочерения) в качестве общественно опасного и противоправного посягательства на интересы семьи с точки зрения его внешнего проявления в реальной действительности, следует отметить, что данное уголовно наказуемое деяние выражается путем раскрытия лицам, не являющимися носителями тайны, конфиденциальной информации о факте усыновления (удочерения) независимо от того, в какой форме и каким способом было передано данное сообщения.² Кроме этого, состав исследуемого преступления образует также и оглашение тайны самому усыновленному, если он не знал о факте своего усыновления.³

Принципиально важной характеристикой объективной стороны обозначенного преступного деяния является способ его совершения, который указывается посредством разглашения тайны усыновления (удочерения) вопреки воли усыновителя, иными словами, без получения согласия и одобрения последнего. Исходя из анализа условий, при которых исследуемая правовая норма подлежит применению, в уголовно-правовой доктрине остается дискуссионным вопрос относительно наступления уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, в случаях отсутствия согласия о допустимости разглашения тайны усыновления одного из усыновителей (в случаях, когда усыновителями являются оба супруга). По мнению некоторых ученых, предание при таких обстоятельствах огласке тайны усыновления не исключает возможности применения карательных санкций.⁴ Одновременно с этим имеет место и противоположная научно-правовая позиция, утверждающая, что оглашение сведений об усыновлении с разрешения только одного из усыновителей не является уголовно наказуемым.⁵

¹ Иванова Е.В. Проблемы охраны усыновления (удочерения) // Новый университет. Серия: Экономика и право. - 2012. - № 10 (20). - С. 73.

² Филиппов П.А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие. - М.: Изд-во «Проспект», 2019. - С. 250.

³ Зубкова Е.А. Проблемы квалификации ст. 155 УК РФ // Science time. - 2016. - № 12 (36). - С. 277.

⁴ Саматова А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с усыновлением (удочерением) // Научный Татарстан. - 2010. - № 1 - С. 40.

⁵ Кручинина Н.В., Пятибратова Н.Д. Расследование преступлений против семьи: монография. - М.: Проспект, 2019. - С. 99.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо согласиться с точкой зрения, существующей в науке уголовного права, согласно которой разрешение на разглашение тайны усыновления самим усыновленным не является оправдывающим обстоятельством для устранения оснований для применения мер уголовно-правового характера в отношении виновного лица.¹

В связи с тем, что обязательство сохранения тайны усыновления законодательно не регламентировано конкретными сроками, заметим, что по конструкции объективной стороны состав преступления, закрепленный ст. 155 УК РФ, является формальным, то есть признается оконченным с момента сообщения тайны независимо от наступления общественно опасных последствий. По этой причине в доктрине уголовного права наиболее распространенным и значительно преобладающим является мнение, согласно которому достижение усыновленным совершеннолетия не оказывает влияния на правовую оценку преступления.²

Говоря о мерах государственно-принудительного воздействия за нарушение тайны усыновления (удочерения), следует отметить, что в рамках единого состава преступления, декларируемого ст. 155 УК РФ, регламентирована ответственность общего и специального субъектов. Лица, отличающиеся особым социально-правовым статусом вследствие исполнения служебной или профессиональной деятельности, связанной с получением доступа к конфиденциальной информации об усыновлении (удочерении), в контексте ст. 155 УК РФ безусловно характеризуют специальный субъект анализируемого преступления. Между тем, к лицу, соответствующему критериям общего субъекта и изложенному рассматриваемой правовой нормой как «иное», может относиться любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, осведомленное о факте усыновления и распространившее эту информацию вопреки воле усыновителя. Вместе с этим, в научно-практической сфере спорным является вопрос относительно отсутствия квалифицирующего признака совершения исследуемого преступного деяния лицами, использующими для того свое служебное положение.³ На наш взгляд, законодатель отказался от подобного конструирующего подхода к описанию данного состава преступления, с одной стороны, в целях уравнивания уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) для общего и специального субъектов, а с другой стороны представляется, что использование подобной юридической конструкции позволят утверждать о бланкетности рассматриваемой уголовно-правовой нормы, необходимо отсылающей к по-

¹ Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 6. - С. 820.

² Жилиева С.К., Раков К.А. Проблема тайны усыновления в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2018 - № 4 - С. 55-56.

³ Селезнева С.Г. К вопросу об уголовной политике за разглашение тайны усыновления (сравнительное исследование) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Право - 2014. - № 19 (348). - С. 57.

ложениям ст. 139 СК РФ, в которых непосредственно указываются субъекты, обязанные соблюдать тайну усыновления (удочерения): судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка.

Заключительным и, вместе с тем, ключевым предметом внимания при рассмотрении проблемных аспектов законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение тайны усыновления (удочерения) является вопрос, связанный с констатацией внутреннего психического отношения виновного лица к совершению им данного общественно опасного деяния. Иными словами, в настоящее время к наиболее обсуждаемым среди ученых и практикующих юристов относятся трудности интерпретации признаков субъективной стороны обозначенного в ст. 155 УК РФ состава преступления, в котором эта правовая категория характеризуется прямым умыслом, конкретизированным наличием у лица корыстных или иных низменных побуждений. Отдельные авторы полагают, что обозначенные мотивы являются конститутивным признаком для любых субъектов преступления независимо от того, кем оно было совершено.¹ Одновременно с этим вполне справедливым видится утверждение, согласно которому сформулированное содержание ст. 155 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что корыстные или иные низменные побуждения обязательны только для общего субъекта преступления, в правовой статус которого не входит обязанность хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну.²

Таким образом, изложенный анализ юридической техники императивных предписаний ст. 155 УК РФ свидетельствует о наличии пробелов и недостатков нормотворческой деятельности в сфере государственного регулирования комплексного правового механизма, обеспечивающего охрану тайны усыновления (удочерения), уголовную ответственность и соответствующее наказание за ее противоправное разглашение. Помимо этого, совокупность подобных спорных обстоятельств представляется очевидным фактообразующим элементом правоприменительного риска. Для преодоления неоднозначных разногласий как в правореализующем процессе, так и в доктринальном понимании, явствует яркая необходимость устранения существующих несовершенств в действующих нормах российского законодательства, реакция которых на сегодняшний день не позволяет выполнить и достигнуть им подходящим образом превентивных и компенсационных целей и задач современного аппарата правообеспечительной деятельности в сфере реализации демографических функций права.

¹ Ундольская И.В. «Иные низменные побуждения» как мотив преступления по действующему уголовному закону России // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - С. 166-167.

² Летова Н.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М., - 2006. - С. 250-254.

Анализ действующего отечественного законодательства подтверждает признание государством ценности института семьи и провозглашение уголовно-правовой охраны ее интересов и прав как одного из важнейших ориентиров развития общественного правосознания в долгосрочной перспективе. Более того, следует заметить, что на организацию конструктивного механизма защиты гарантий неприкосновенности семейной жизни, социальной значимости семьи и ее нравственно-духовной целостности также направлены правовые предписания ст. 137 УК РФ, которые устанавливают неотвратимость применения санкционных мер возмездного характера при совершении незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну человека.

Сравнительное сходство непосредственных объектов, которым причиняется вред при разглашении семейной тайны, в том числе тайны усыновления (удочерения) обуславливает в научно-правовой литературе формирование заслуживающего внимания суждения о целесообразности консолидации единого состава преступления за нарушение требований охраны всех разновидностей семейной тайны, не устанавливая для каждого из них различные степени юридической ответственности.¹ Соглашаясь с вышеобозначенной теоретико-прикладной правовой позицией, полагаем, что с учетом неразрешенных пробелов в конструкции ст. 155 УК РФ, данная норма должна содержать условия наступления уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих семейную тайну вопреки воли членов семьи, чьи интересы образуют эту тайну, в случае совершения данного деяния лицом, обязанным хранить такие сведения как служебную или профессиональную тайну.

На основе изложенного можно сделать вывод о необходимости усовершенствования законодательной регламентации уголовной ответственности за разглашение как семейной тайны в целом, так и ее отдельных сведений. Пути преодоления данного вопроса, являясь предметом обсуждения ученых, остается серьезной преградой в работе государственно-правовых механизмов, направленных на реализацию защиты подвергнутых противоправному воздействию интересов семьи.

Список литературы

1. *Акиев А.Р.* Семейная тайна как объект уголовно-правовой охраны (ст. ст. 137 и 155 УК РФ) // Законодательство и практика. - 2017. – № 1- С. 28-32.
2. *Зубкова Е.А.* Проблемы квалификации ст. 155 УК РФ // Science time. - 2016. - № 12 (36). - С. 275-278
3. *Иванова Е.В.* Проблемы охраны усыновления (удочерения) // Новый университет. Серия: Экономика и право. - 2012. - № 10 (20). - С. 73-75.

¹ Акиев А.Р. Семейная тайна как объект уголовно-правовой охраны (ст. ст. 137 и 155 УК РФ) // Законодательство и практика. - 2017. -№ 1 - С. 31.

4. Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 6. - С. 817-825.

5. Кручинина Н.В., Пятибратова Н.Д. Расследование преступлений против семьи: монография. - М.: Проспект - 2019. - 136 с.

6. Саматова А.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с усыновлением (удочерением) // Научный Татарстан. - 2010. – № 1 - С. 35-42.

7. Селезнева С.Г. К вопросу об уголовной политике за разглашение тайны усыновления (сравнительное исследование) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Право - 2014. - № 19 (348) - С. 55-57.

8. Филиппов П.А. Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие. - М.: Изд-во «Проспект», 2019 - 296 с.

Куджаев Э.А.¹

Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: актуальные проблемы толкования и применения закона

Аннотация: В статье проведен анализ уголовного законодательства в части, регламентирующей ответственность за преступление, предусмотренное ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства». Рассмотрены актуальные вопросы толкования и применения данной уголовно-правовой нормы. Предложены возможные пути их решения, направленные на совершенствование уголовного закона.

Ключевые слова: самоубийство, склонение, содействие совершению самоубийства.

Inducement to Suicide or Assistance in Committing Suicide: Interpretation and Application of Criminal Law

Abstract. The article analyses the criminal legislation, namely art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Inducement to suicide or assistance in committing suicide». The author discusses the important questions of interpretation and application of those novel norms and offers possible improvements to the law.

Keywords: suicide, inducement, assistance in suicide.

Составляющая предмет исследования уголовно-правовая норма является относительно новой в Уголовном кодексе Российской Федерации. Ст. 110¹

¹ *Научный руководитель* - Топильская Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «РГУП», кандидат юридических наук

Уголовного кодекса Российской Федерации «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» введена Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ. Данные изменения были обусловлены достаточно сложной ситуацией, связанной с возросшей детской суицидальной смертностью. Так, виновные лица, путем использования информационно-телекоммуникационных связей, в том числе сети «Интернет», целенаправленно воздействовали на психику детей, под различными убеждениями склоняли последних к совершению самоубийства. Эта ситуация вызвала большой общественный резонанс, публикации результатов журналистского расследования в СМИ.¹ Введенные законодателем новеллы были направлены на пресечение преступной деятельности, связанной с «вербовкой» детей и организацией детских суицидов. Однако, к сожалению, редакция уголовно-правовой новеллы далеко не совершенна и заслуженно подвергается критике со стороны ученых-правоведов².

Ст. 110¹ УК РФ включает в себя два самостоятельных состава: в части 1 – «склонение к совершению самоубийства», в части 2 – «содействие совершению самоубийства».

Необходимо отметить, что в диспозиции ч. 1 ст. 110¹ УК РФ законодатель не дает легального определения понятию «склонение», перечисляя лишь способы склонения (перечень является открытым). Для того, чтобы успешно применять данную норму на практике, необходимо дать толкование данному понятию. В целом, исходя из толкования слова «склонить» в русском языке, под «склонением» следует понимать целенаправленное интеллектуальное воздействие на сознание человека, путем убеждения и (или) мотивации к совершению того или иного поступка³, то есть применительно к исследуемой норме виновный убеждает или мотивирует потерпевшего совершить самоубийство.

Актуальным является вопрос о разграничении склонения к совершению самоубийства и доведения до самоубийства. Перечень способов склонения к совершению самоубийства является открытым, а также обладает меньшей общественной опасностью, чем способы, указанные в диспозиции ст. 110 УК РФ, так как склонение к совершению самоубийства осуществляется без применения физического насилия или угрозы его применения в отношении потерпевшего. При этом есть неопределенность в том, как следует трактовать упоминаемую в диспозиции ч.1 ст.110 УК РФ угрозу: является ли, например, шантаж потерпевшего, то есть угроза разглашения позорящих све-

¹ См., напр.: Мурсалиева Г. «Группы смерти» — год спустя // Новая газета, 30.06. 2017, № 69; Архипова А., Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы смерти»: от игры к моральной панике. — М.: РАНХиГС, 2017. — 24 с. (Доклад исследовательской группы мониторинга актуального фольклора при РАНХиГС), и др.

² Артамонова М. А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестник УЮИ. - 2019. - №3 (85). - С. 25

³ Там же.

дений, способом доведения до самоубийства, или это «иной способ» склонения к совершению самоубийства?¹ Поэтому, по нашему мнению, для разграничения указанных составов нужно учитывать характер угрозы. То есть следует расценивать угрозу как способ доведения до самоубийства в том случае, если это угроза применения физического насилия к потерпевшему, и квалифицировать действия виновного по ст. 110 УК РФ. Если же виновный угрожает не насилием, а разглашением позорящей информации, для того, чтобы добиться самоубийства потерпевшего, то такое деяние должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, так как указанная угроза подпадает под категорию, которую законодатель называет «иным способом склонения к совершению самоубийства».

Исходя из вышеизложенного, для обеспечения правовой определенности нормы требуется уточнить редакцию части 1 ст. 110 УК РФ, указав, что имеется в виду угроза применения насилия.

Судебная практика подтверждает, что в правоприменении существует проблема разграничения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства. Так, Судакский городской суд Республики Крым признал Ганиеву виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 110¹ УК РФ². В приговоре суд указывает, что «Ганиева Ф.М., путем жестокого обращения с несовершеннолетней Ф., вела с ней переписку, систематически давала несовершеннолетней Ф. указания и советы о способах и методах совершения суицида». Таким образом, суд фактически описывает состав преступления, предусмотренный ст. 110¹ УК РФ, но искусственно, без необходимости, приравнивает «указания и советы о способах и методах совершения суицида» к «жестокому обращению», которое является способом совершения преступления, предусмотренного другой статьей УК РФ, – ст. 110. То есть суд, фактически смешивает способы совершения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства.

Этот пример подтверждает необходимость более конкретного изложения в законе конструктивных признаков рассматриваемых составов.

Далее, в диспозиции ч. 2 ст. 110¹ УК РФ закреплена ответственность за содействие в совершении самоубийства. И в этом случае законодатель также не дает легального определения понятия «содействие». Но, исходя из этимологии, под содействием следует понимать участие одного человека с целью оказания помощи, поддержки или облегчения в совершении какого-либо действия другим человеком. Стоит отметить, что данный в этой норме перечень способов содействия в совершении самоубийства является исчерпывающим, в отличие от перечня способов склонения к самоубийству, указанных в диспозиции ч. 1 той же статьи.

¹ Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2017. - № 4. - Т. 2. - С. 2.

² Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 07.05.2018 по делу № 1-25/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/> (дата обращения: 23.05.2020)

Закрепив ответственность за содействие к совершению самоубийства и склонение к совершению суицида, тем самым законодатель поспособствовал криминализации так называемого «ассистированного самоубийства» или самоубийства при «помощи» врачей¹. То есть «ассистированное самоубийство» представляет собой «помощь» врача, выражающуюся в предлагаемых и рекомендуемых им различных средствах для совершения самоубийства, где, как правило, врач не предпринимает каких-либо прямых действий для лишения жизни пациента. Таким образом, при данном виде самоубийства пациент совершает все действия, направленные на лишение собственной жизни, самостоятельно, а врач, в свою очередь, должен осознавать последствия его «помощи». При этом, например, мотив сострадания, в соответствии с действующим законодательством, не уменьшает общественную опасность деяния и не оказывает влияния на квалификацию. Единственное правовое значение это обстоятельство может иметь, если будет учтено как смягчающее, в соответствии с п. «д» ч.1 ст.61 УК РФ, но, по нашему мнению, этого недостаточно для индивидуализации ответственности и для адекватной уголовно-правовой оценки деяния. Поэтому, возможно, было бы целесообразно ввести привилегированный состав преступления, предусматривающий содействие самоубийству потерпевшего по мотивам сострадания, в связи с его тяжелой болезнью, которая не поддается лечению и причиняет потерпевшему непереносимые мучения.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в нормах уголовного закона о доведении до самоубийства и о склонении к самоубийству имеется некоторая неопределенность, и она может быть устранена путем конкретизации содержащихся в них конструктивных признаков составов. Наличие проблем квалификации, связанных с разграничением доведения до самоубийства и склонения к самоубийству, подтверждается судебной практикой. Еще одним актуальным вопросом совершенствования законодательства является закрепление за так называемым «ассистированным самоубийством» статуса привилегированного состава преступления.

Список литературы

1. *Артамонова М. А.* Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестник УЮИ.- 2019. - №3 (85). - С. – 24-28.
2. *Архипова А., Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е.* «Группы смерти»: от игры к моральной панике. — М.: РАНХиГС, 2017. — 24 с. (Доклад исследовательской группы мониторинга актуального фольклора при РАНХиГС).
3. *Дубовиченко С.В., Карлов В.П.* Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2017. - № 4. - Т. 2. -С. – 1-7

¹ Артамонова М. А. Указ. соч. - С. 27.

Анализ отдельных аспектов публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

Аннотация: В данной статье дана уголовно-правовая оценка состава преступления, предусмотренного ст. 207¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Проанализированы вопросы, связанные с необходимостью криминализации распространения заведомо ложных сведений и информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. С учетом теоретических и практических аспектов, предприняты попытки по оптимизации применения рассматриваемой нормы.

Ключевые слова: Общественная опасность, общественная безопасность, заведомо ложное сообщение, угроза, стрессовое состояние, паника, законодатель, общественные отношения.

Certain Aspects of the Public Dissemination of Misleading Information about the Circumstances that Pose a Threat to the Life and Safety of Citizens

Abstract: Abstract. This article provides a criminal law assessment of the offense under Art. 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Author analyses the challenges posed by the criminalization of the dissemination of misleading information, including the information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens. In respect with the theoretical and practical approaches to the issue author attempts to optimize the application of the rule in question.

Keywords: public danger, public safety, misleading information, threat, stressful state, panic, legislator, public relations.

Безопасность – это такое понятие, сопровождающее человека на протяжении всей жизни и во всех его начинаниях. Понятие безопасность противоположно понятию-антониму «опасность»; иными словами, безопасность можно рассматривать как отсутствие опасности².

В современных условиях реальную угрозу всех стран, в том числе и России, ее территориальной целостности, национальной безопасности, конституционным правам и свободам граждан представляет публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В данный момент весь мир столкнулся

¹ Научный руководитель – Рахматуллин Закир Равильевич, доцент кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала ФГБОУВО «Красноярский ГАУ», кандидат юридических наук

² Основы безопасности: учебник / Н.Н. Карзаева. – М.: ИНФРА-М, 2017. С. 23.

с распространением таких информационных сообщений, в связи с тяжелой обстановкой на нашей планете.

В последние полгода всё чаще встречаются случаи сообщения различных сведений, представляющих угрозу жизни населения, провоцирующих доведение ситуации до паники и стрессового состояния людей. В виду этого, законодатель включил в Уголовный кодекс Российской Федерации новую статью – 207¹ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». Так как за последние месяцы активность лиц, совершающих данный вид преступления, резко возросла.

В связи с этим были внесены поправки, это означает, что будут наказывать за любые ложные сведения, размещенные в свободном доступе, сказанные лично, либо написанные в разных источниках, если распространитель не сможет подтвердить данную информацию. Рассылка ложной информации только одному человеку, уже можно приравнять к распространению¹.

Следует отметить, что статья появилась недавно, однако, по факту ее содержания уже возбуждаются уголовные дела. Например, один из пользователей социальной сети «Твиттер» разместил видеоролик, в котором сообщил, заведомо ложные сведения о появлении и распространении эпидемии².

Таким образом, указанное лицо публично распространило под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Состав преступления и его конструкция признаются одной из базовых в российском уголовном праве. В науке уголовного права общепризнано, что состав преступления – это совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Они условно разделены между четырьмя подсистемами состава: объект, объективные признаки и субъект, субъективные признаки.

Важно начать с объекта преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. Традиционно под объектом преступления понимают общественные отношения, которым преступление причиняет вред, что просматривается из определения понятия преступления как общественно опасного деяния. Общественная опасность данного деяния заключается в том, что в обществе сеется паника и страх, правоохранительные органы отвлекаются от более важных проблем общественности, так как проводятся мероприятия по установлению личности пользователя и сбор доказательств. Преступление двуобъектное, так как при его совершении, вред причиняется одновременно двум объектам, определяющим природу преступления, так как затрагивается не

¹ Рудов Д.Н. Некоторые особенности расследования преступлений о заведомо ложном сообщении об акте терроризма // Современные научные исследования и инновации. - 2017. - № 4. - Часть 2. - С. 17.

² Официальный сайт Следственного Комитета РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения 14.05.2020).

только психологическое состояние человека, но также материальные ущербы. Преступное деяние является беспредметным, поскольку ложная информация не считается предметом.

Объективная сторона является фундаментальным элементом состава преступления. Именно названный элемент подлежит установлению при рассмотрении уголовного дела, и только на его основе определяется субъективная сторона, делается вывод о мотивах и целях лица, выполнившего объективную сторону состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Объективная сторона наиболее полно, в отличие от иных элементов состава преступления, представлена в диспозициях статей Особенной части УК РФ. Объективная сторона преступления, которая выражается в действиях в виде ложной информации, создающей угрозу жизни и безопасности граждан и иных общественно опасных последствий. Заведомо ложное сообщение – это сообщение, не соответствующее действительности, о чём достоверно знает лицо его сообщаемое.

Факультативные признаки – это не просто описание конкретного времени, места, способа, орудий, средств и обстановки совершения преступления, а особенные, влияющие на характер и общественную опасность совершенного преступления, обстоятельства. Публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться не только в использовании для этого средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п., однако, каждый человек трактует и воспринимает эту информация по-своему. Есть те, кто не уверен в достоверности, но всегда будет процент тех, кто поддастся этой панике.

Вид законодательной конструкции о заведомо ложной информации является преступлением с формальным составом. Для его квалификации достаточно наличие одного обязательного признака объективной стороны – это совершение общественно опасного деяния, независимо от того, наступят ли какие-либо последствия, вызванные им¹. Преступление с формальным составом признается оконченным с момента получения заведомо ложной информации адресатом.²

Субъект преступления является одним из элементов состава преступления, без которого отсутствует основание уголовной ответственности и невозможно ее наступление, согласно ст. 8 УК РФ. Этот элемент преступления является общим. Субъект – это физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, им может быть гражданин РФ, иностранный гражданин и лицо без гражданства.

¹ Уголовное право (Уголовный закон. Теория преступления): курс лекций / под ред. С.М. Малькова. - Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. - 330 с.

² Лобов Я.В. Преступления против общественной (общей) безопасности // Преступления против общественной безопасности // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. Практикум / под ред. А.С. Михлина. - М.: Юристъ, 2017. - С. 223.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Прямой умысел означает, что лицо осознавало общественную опасность такого своего действия как распространение заведомо ложных сведений, размещенных в свободном доступе, сказанных лично или написанных в любых источниках, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало осуществить именно такие действия. Мотив и цель преступления может быть различным, например, хулиганский, месть, личные интересы и т.д., что на квалификацию не влияет, однако, их установление необходимо для выяснения побудительных причин совершения преступления. Вместе с тем, правильное определение цели совершения преступного деяния позволяет правильно квалифицировать преступление по совокупности с другими.

Рассматривая санкцию статьи, предусмотренную ст. 207¹ УК РФ, следует отметить, что наказания, предусмотренные за данные деяния, не являются достаточными, не всегда смогут обеспечить исправление виновных и предупредить с их стороны совершение новых преступлений. Предполагается, что в случае повторного совершения данного преступления ответственность должна наступать более серьезная, что следует предусмотреть в диспозиции ч.2 ст. 207¹ УК РФ.

Кроме того, для предотвращения совершения рассматриваемых деяний необходимо использовать меры методического характера на уровне Министерства образования и науки Российской Федерации в средних общеобразовательных учебных заведениях и в ВУЗах.

Таким образом, при вменении ст. 207¹ УК РФ правоприменитель должен уделять должное внимание объективным и субъективным признакам совершенного преступного деяния. Кроме того, целесообразно ужесточить ответственность за повторное совершение рассматриваемого преступления, предусмотрев в качестве квалифицирующего признака действия, образующие специальный рецидив.

Список литературы

1. Основы безопасности: учебник / Н.Н. Карзаева. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 258 с.
2. Рудов Д.Н. Некоторые особенности расследования преступлений о заведомо ложном сообщении об акте терроризма // Современные научные исследования и инновации. - 2017. - № 4. - Часть 2. - С. 15-17.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. Практикум / под ред. А. С. Михлина. — М. : Юрист, 2004. — 605 с.
4. Уголовное право (Уголовный закон. Теория преступления): курс лекций / под ред. С.М. Малькова. - Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. - 330 с.

Конфискация имущества: применимость классового подхода к положению данного института в Уголовном кодексе Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматривается состояние института конфискации имущества в действующем уголовном законе Российской Федерации с классовых позиций. Обосновывается целесообразность наличия конфискации имущества в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве вида наказания.

Ключевые слова: классы, собственность, конфискация имущества, мера уголовно-правового характера, наказание.

Confiscation: Applicability of the Class Approach

Abstract. The article is dedicated to the criminal penalty in the form of forfeiture and approaches it from the class theory point of view. Author concludes that there are strong arguments for keeping the forfeiture among the criminal penalties in the Russian Federation.

Keywords: classes, property, confiscation of property, the measure of criminal law, punishment.

Конфискация имущества является принудительным и безвозмездным изъятием в собственность государства всей или части собственности осужденного, назначаемая в качестве дополнительного наказания за тяжкие и особо тяжкие корыстные преступления (ст. 52 УК РФ). Исходя из этого, сущность института конфискации имущества как наказания заключается в лишении лица, совершившего преступление, различного рода предметов материального мира, являющихся его собственностью. Однако в декабре 2003 года конфискация имущества как вид наказания была исключена из уголовного закона.

В 2006 году институт конфискации имущества был возвращен, но только в качестве меры уголовно-правового характера, устанавливающей конфискацию лишь того имущества, в отношении которого будет установлено, что оно приобретено преступным путем или предназначалось для преступных целей, или явилось орудием совершения преступлений. Помимо того, что данный правовой институт был возвращен в уголовный закон лишь в качестве меры уголовно-правового характера, так ещё и с не совсем логически выверенным перечнем статей, где он применяется. Например, им не охваты-

¹ *Научный руководитель* – Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук

вается состав кражи, мошенничества, присвоения или растраты, грабежа, разбоя, вымогательства и других, нахождение которых в этом перечне было бы закономерным, так как это составы преступлений, совершающиеся из корыстных побуждений. И речь здесь идет не просто о личной собственности граждан, которые смогут обратиться в суд с гражданским иском к осужденному с требованием о возмещении причиненного имущественного ущерба, а о борьбе с организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей, защитой государственной собственности, стоящей на страже общественных интересов. Впрочем, наличие в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации конфискации имущества лишь в виде меры уголовно-правового характера представляется возможным объяснить с позиции интересов экономически господствующего класса российского общества.

Перед изложением основных положений классовой теории¹, будет уместным привести мнение современного французского философа Алена Бадью из его работы «Тайная катастрофа: Конец государственной истины», в которой утверждается, что в настоящее время марксизм торжествует, так как довольно популярным сейчас является представление о том, что необходимым условием существования демократической власти является наличие большого числа собственников, которые не важно, каким способом нажили свои капиталы.² В данном случае, под «собственниками» автор говорит об уже упомянутом экономически господствующем классе. Для более точного понимания, что является классом, необходимо обратиться к научным трудам В.И. Ленина, в одном из которых классами он называет широкие группы людей, занимающих разные места в исторически сложившемся общественном производстве, имеющих разное отношение к средствам производства и выполняющих разную роль в общественной организации труда. Соответственно, при такой системе один класс может позволить себе присваивать труд другого.³

На данном этапе исторического развития современное общество является капиталистическим или буржуазным, где в постоянном противоборстве друг с другом находятся два класса с противоположными интересами: буржуазия и пролетариат. Как утверждается в Манифесте Коммунистической партии 1848 года, буржуазный класс эксплуатирует наемный труд, а пролетариат, который, не имея собственных средств производства, вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы элементарно выжить.⁴ Несмотря на то, что данный Манифест был написан в середине XIX века, его положения не теряют актуальности и в настоящее время. Конечно, в

¹ см. подробнее: Рахманова Е. Н. Зарубежные криминологические теории и школы//Сборник избранных лекций по криминологии/под ред. проф. Т.В. Пинкевич – М.: Юрлитформ, 2020. – С.21-22

² Бадью А. Тайная катастрофа: Конец государственной истины. – URL: sociologos.net/textes/badiou.htm (дата обращения: 12.06.2020).

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т.39. - М., 1963. - С. 15.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии 1848 года. - М., 1973. - С. 24.

сравнении с позапрошлым веком, в веке нынешнем трудящиеся имеют набор социальных гарантий и лучшие условия труда, перешедшие к ним по инерции из эпохи социализма, которые в настоящее время все активнее урезаются классом буржуазии. В связи с этим, как в то время, так и сейчас функционирование капиталистической системы базируется на одном и том же принципе: присвоение результатов труда пролетариев посредством их эксплуатации капиталистами в процессе производства. Здесь речь идет о прибавочной стоимости, которая представляет собой неоплаченный труд наемных рабочих, вложенный ими в производство товаров на капиталистических предприятиях и безвозмездно присваивающийся капиталистами, из которого и складывается их прибыль.¹ Соответственно, в условиях классовой борьбы государство не является некой третьей стороной в этом процессе. Ф. Энгельс в своем научном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прямо указывает, что государство совершенно определенно выступает продуктом классовых противоречий и находится в распоряжении наиболее могущественного класса, который использует его для удовлетворения своих эксплуататорских интересов. Этот класс пишет и соответствующие законы, отвечающие, в первую очередь, его интересам.² Нельзя обойти вниманием, что о главенствующей роли способа производства в истории человечества писали не только классики марксизма-ленинизма. Терри Иглтон в своей работе «Почему Маркс был прав» приводит в пример Цицерона, считавшего, что государство создано для защиты частной собственности, Адама Смита, рассматривавшего каждый этап экономического развития общества как вырабатывающий свои формы права, управления и собственности, Жан-Жака Руссо, расценивавшего общественный договор в качестве средства обмана бедных в интересах богатых, чтобы последние сохраняли свое доминирующее положение.³

Возвращаясь к положению института конфискации имущества в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, следует отметить, что тот вид, в котором сейчас пребывает данный институт, наиболее выгоден экономически и политически господствующему классу российского общества, так как, во-первых, если кто-то из представителей, в первую очередь, нынешней буржуазии совершит преступление по одной или нескольким статьям, за которые предусмотрено применение конфискации имущества как меры уголовно-правового характера, то максимально у него будет конфисковано лишь то имущество, которое было добыто преступным путем или предназначалось для преступных целей, или же выступало орудием совершения

¹ Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова - 4-изд. - М., 1989. - С. 1068.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - М., 2017. - С. 192.

³ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. – URL: https://royallib.com/read/ignton_terri/pochemu_marks_bil_prav (дата обращения: 12.06.2020).

преступления, что обязательно требует доказывания такого факта. В современных реалиях процесс доказывания незаконности происхождения имущества крайне затруднителен. На примере организованной преступности Д.Г. Янин в своей статье отмечает, что на практике выявить и доказать причастность участников ОПГ удастся лишь к некоторым преступлениям. Поэтому даже если в полном объеме доказан и изъят доход от совершения отдельных преступлений, на доход от иных преступлений, причастность к которым так и не доказана, обратиться взыскание нельзя.¹ Конечно, можно все списать на неудовлетворительную работу органов следствия, но в то же время и постараться ответить на вопрос: возможно ли в принципе исправное функционирование действующих норм о конфискации имущества в уголовном законодательстве на постоянной основе?

Во-вторых, само поведение законодателя по рассмотрению законопроектов, направленных на внесение изменений в уголовный закон в части возвращения конфискации имущества как вида наказания, указывает на целенаправленную защиту интересов экономически господствующего класса. Например, при отмене конфискации имущества как вида наказания в 2003 году законодателем не было предоставлено грамотного обоснования, почему этот вид наказания должен быть исключен из УК РФ. После этого, конечно, предпринималась попытка вернуть в УК РФ конфискацию имущества в качестве вида наказания в 2004 году, которая не увенчалась успехом.

Возражая противникам возвращения конфискации имущества в уголовный закон в качестве вида наказания и утверждающим, что назначение штрафа является достойной альтернативой конфискации имущества, хотелось бы привести пример, иллюстрирующий обратное, а именно дело «Оборонсервиса» 2012 года. Главный фигурант по данному делу теперь уже бывший руководитель департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ Евгения Васильева в мае 2015 года была признана судом виновной по шести эпизодам мошенничества в особо крупном размере, в легализации незаконно полученных денежных средств и в злоупотреблении должностными полномочиями.² Уголовное наказание материального характера она не понесла, но последовали гражданские иски от потерпевших на общую сумму в размере 77 миллионов рублей.³ Данную сумму Евгения Васильева выплатила полностью, а также уплатила за всех других фигурантов уголовного дела, к которым так же предъявлены иски. В итоге, общая сумма, выплаченная Евгенией Васильевой, а точнее, ее от-

¹ Янин Д. Г. Исполнение приговора в части конфискации имущества и взыскание штрафа как два способа обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. - 2016. - № 1 (8). - С. 82-83.

² Петров И. «Мало дали»: Более половины россиян сочли приговор Васильевой слишком мягким // Российская газета. 27.05.2015. № 112 (6683).

³ Петров И. Адвокаты осужденной Евгении Васильевой передумали оспаривать приговор. – URL: <https://rg.ru/2015/07/31/prigovor-site-anons.html> (дата обращения: 13.06.2020).

цом – Николаем Васильевым, занимающимся предпринимательской деятельностью, составила более 216 миллионов рублей.¹ Для справки, согласно декларации о доходах за 2010 год, Евгения Васильева заработала 6,2 миллиона рублей, а также у нее в собственности находились земельный участок 170 кв. м, жилой дом в 71 кв. м, три квартиры (170, 107 и 192 кв. м), доли в нежилых помещениях, гараж и автомобиль Mercedes Benz S500.² Как уже было сказано выше, уголовного наказания материального характера, в том числе штрафа, в отношении Евгении Васильевой не последовало, но даже если бы и последовало, то сумма его определенно не превысила максимальный размер штрафа, установленный частью 2 статьи 46 УК РФ, то есть 5 миллионов рублей.

Принимая во внимание вышеупомянутые сведения из декларации о доходах Евгении Васильевой и максимальную сумму штрафа, которая теоретически могла бы быть ей назначена по данному уголовному делу, выплатить этот штраф для нее не составило бы никакого труда. В связи с этим, штраф в данной ситуации больше напоминает не наказание, а откуп от настоящего наказания. К тому же, природа уголовного наказания в виде штрафа иная, чем конфискации имущества. Если при уплате штрафа осужденный уплачивает государству с рассрочкой или без определенную судом сумму денежных средств, происхождение которой не проверяется, а также в случае злостного уклонения от уплаты штрафа он может быть заменен на иное более суровое наказание, то конфискация имущества проводится сразу и, на примере организованной преступности, затрагивает интересы не только осужденного, но и его подельников, находящихся на свободе. Соответственно, эффект от данных наказаний совершенно разный. Конечно, для отвода глаз виновное лицо может оформить незаконно нажитое имущество на своих близких родственников и других лиц, которые ему дороги и не имеют отношения к преступной деятельности осужденного. Поэтому для пресечения подобных ходов вполне логичным было бы инициирование проверки законности происхождения имущества и у этих лиц. К тому же, соответствующий законопроект уже вошел на рассмотрение в Государственную Думу РФ в 2014 году, однако парламентарии его так и не приняли.³

Еще один популярный аргумент противников конфискации имущества как вида наказания заключается в нарушении этим наказанием права соб-

¹ Куликов В. «За всех уплачено»: Евгения Васильева полностью компенсировала ущерб по уголовному делу // Российская газета. 20.08.2015. № 186 (6757).

² Куликов В. «За всех уплачено»: Евгения Васильева полностью компенсировала ущерб по уголовному делу // Российская газета. 20.08.2015. № 186 (6757).

³ Законопроект № 677382-6 от 15.12.2014 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части усиления ответственности за тяжкие или особо тяжкие преступления, совершенные с использованием лицом своих служебных полномочий, невозможности применения наказания в виде условного осуждения, а также введения конфискации незаконно нажитого имущества для таких лиц». – URL: Система обеспечения законодательной деятельности: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2020).

ственности гражданина, что прямо указывает на желание защитить интересы, в первую очередь, класса собственников средств производства, для которых немыслимо ограничение права собственности гражданина даже в порядке наказания за совершенное преступление. Если наказание в виде конфискации имущества за совершение преступления нарушает право собственности гражданина, то почему тогда назначение наказания в виде обязательных, исправительных или принудительных работ не нарушает право гражданина на свободный труд и защиту от принудительного труда? Или почему назначение наказания в виде лишения свободы не нарушает право гражданина на личную свободу? А вот применение конфискации имущества, как сейчас принято считать, нарушает право собственности гражданина. Очевидно, что такая логика рассуждений была навязана обществу победившим классом новоиспеченной буржуазии, победившей в России в 1991 году и поделившей между собой общенародную собственность.

В заключении следует отметить, что конфискация имущества в ее нынешнем состоянии – это само собой разумеющаяся мера, закономерная реакция со стороны государства на сам факт совершения преступления и выполнять ее следует безукоризненно. Говоря о наличии конфискации имущества как вида наказания в уголовном законе, то оно обосновано с позиции социальной справедливости, так как лица, осужденные за тяжкое или особо тяжкое преступление, в частности за бандитизм, организацию преступного сообщества, хищение государственной собственности в особо крупных размерах, не должны после отбытия наказания в виде лишения свободы обладать тем же имуществом, что имелось у них на момент осуждения. Иначе в чем смысл лишь одного содержания таких лиц в местах лишения свободы, особенно тех, которые обладают немалым авторитетом в криминальном мире, если их материальная база осталась нетронутой, благодаря наличию которой они после отбытия срока наказания смогут спокойно вернуться к преступной деятельности? В связи с этим, полагаю, что для по-настоящему эффективной борьбы с преступностью пренебрегать таким видом наказания как конфискация имущества бесперспективно. Но будет ли возвращена конфискация имущества в уголовный закон в качестве наказания, если это не отвечает интересам экономически господствующего класса российского общества? Данный вопрос и по сей день остается открытым.

Список литературы

1. Законопроект № 677382-6 от 15.12.2014 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части усиления ответственности за тяжкие или особо тяжкие преступления, совершенные с использованием лицом своих служебных полномочий, невозможности применения наказания в виде условного осуждения, а также введения конфискации незаконно нажитого имущества для таких лиц». – URL: Система обеспечения законодательной деятельности: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2020).

2. *Бадью А.* Тайная катастрофа: Конец государственной истины. – URL: sociologos.net/textes/badiou.htm (дата обращения: 12.06.2020).
3. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав. – URL: https://royallib.com/read/iglton_terri/pochemu_marks_bil_prav (дата обращения: 12.06.2020).
4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т.39. - М., 1963.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии 1848 года. - М., 1973.
6. *Рахманова Е. Н.* Зарубежные криминологические теории и школы//Сборник избранных лекций по криминологии/под ред. проф. Т.В. Пинкевич – М.: Юрлитформ, 2020. – С.6-41
7. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. 4-е изд. - М., 1989.
8. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. - М., 2017.
9. *Янин Д. Г.* Исполнение приговора в части конфискации имущества и взыскание штрафа как два способа обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. - 2016. - № 1 (8). - С. 80-84.

*Лунге А.А.*¹

Терроризм как одна из главных проблем человечества

Аннотация: Статья раскрывает основные аспекты распространения терроризма по всему миру и в России, его негативное влияние на внутригосударственные и международные процессы, характеризует идеологическую основу терроризма и приводятся правовые пути борьбы с ним.

Ключевые слова: терроризм, организованная преступность, социальный протест, религиозный экстремизм, международная преступность

Terrorism as One of the Main Problems of Humanity

Abstract. The article reveals the main aspects of the spread of terrorism around the world and Russia, its negative impact on national and international processes, characterizes the basis of ideological terrorism and provides legal ways of dealing with it.

Keywords: terrorism, organized crime, social protest, religious extremism, international crime.

¹ *Научный руководитель* – Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук

Терроризм является социальной проблемой, порождаемой самим обществом в процессе его развития. В наше время терроризм многолик и многомерен¹. На сегодняшний день явление терроризма успело глубоко внедриться в разум и сердца людей на всей планете.

В настоящее время терроризм – это одна из самых глобальных проблем во всем мире, наряду с другими, проблемами, такими как региональные конфликты, экологические катастрофы и др. К несчастью, ни одно государство в мире не застраховано от актов терроризма, так как они могут произойти в любом месте и в любое время.

В настоящее время проблема терроризма требует серьезного и глубокого теоретического исследования, которое бы основывалось на новом уголовно-процессуальном законодательстве и, разработке научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию данного законодательства. Виды, формы проявления и последствия терроризма почти невозможно прогнозировать и предугадать, Так как терроризм явление социальное, он очень чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе и, приспособившись к ним, обретает все новые и новые формы, которые становятся очень схожими с иными формами и видами организованной преступной деятельности.

Преступления террористического характера, несмотря на свое давнее происхождение, в современном мире стали, в своей сущности, принципиально новым феноменом².

При этом важно учитывать, что терроризм является «крайней формой выражения социального протеста против существующего строя»

Террористы, которые якобы действуют от имени ислама, прикрываясь борьбой против неверующих, нарушают заповеди своей религии, но на самом деле терроризм в их руках является идеологически обоснованным использованием террористических актов для достижения своих политических целей.

Следует выделить наиболее актуальные и важные направления, по которым должна реализовываться политика государства в борьбе с терроризмом:

1. Необходимо четко определить саму сущность «терроризма» и отличие его от других форм насилия;

2. Глубоко проанализировать и проклассифицировать проявления терроризма, выявить природу и специфику каждого из них;

3. Выработать серьезную нормативно правовую базу в борьбе с терроризмом, в направлении ужесточения санкций как в сфере внутрисоссийского, так и в сфере международного законодательств;

4. Учитывая опыт и практику отечественных и зарубежных спецслужб в борьбе с терроризмом, разработать принципы и методы эффективной стратегии антитеррора;

¹ Рахманова Е.Н. Взаимосвязь организованной преступности и террористической деятельности //Криминалист – 2020 – № 2 (31) – С. 29-33

² Артамонов И. «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности. // Уголовное право - 2002. - № 3.

5. Создать государственную систему сбора, обработки и анализа информации о готовящихся актах террора и всемерного вовлечения всего населения в эту деятельность;

6. Необходимо произвести глубокую криминологическую характеристику личности исполнителей теракта, выявить их типологию¹.

Вопросы правового обеспечения государственной политики борьбы с терроризмом актуальны для любого государства, независимо от того, в какой мере это социальное зло посягает на охраняемые национальным законодательством ценности. Правоведы до сих пор не смогли дать исчерпывающей определение понятию терроризма, так как терроризм чрезвычайно многолик, и давно вышел из рамок явлений сугубо криминального свойства.

Например, в республиках Северного Кавказа преобладает религиозно-политический экстремизм². Сущность его выражается в том, чтобы прикрываясь лозунгами борьбы за пропаганду так называемого «чистого ислама», а в лучшем случае за создание «Исламской Республики», проповедовать идеологию ваххабизма, и при этом, не стесняясь использовать вооружённые силы как средства аргументации.

Распространению вышеуказанного религиозно-политического течения в исламе на Северном Кавказе способствовало то, что в конце 80 - начале 90-х годов много молодых верующих направили на учебу в страны Ближнего Востока, в основном в Саудовскую Аравию, где ваххабизм имеет множество сторонников, а Саудовская Аравия вообще является родиной ваххабизма. В восточных странах молодые верующие получили исламское образование соответствующего толка и, вернувшись, домой, начали вести насаждение ваххабизма в умы верующих людей, которые в последнее время идут на прямую пытаются противостоять с имамами, обвиняя их в неправильном толковании ислама.

Даже в киосках «Союзпечати» можно было купить газеты и другую литературу, популяризовавшие идеи исламского возрождения, исламского единства и священной войны (газавата).

Но если можно сказать, что ваххабизм был побежден, то говорить о победе над неистовствующим исламизмом пока нельзя. Наиболее устойчивыми и труднопреодолимыми являются мотивационные основы как раз религиозного и национального терроризмов, так как они, как правило, связаны с семейными традициями и передаются из поколения в поколение. Еще более «мощной» оказывается мотивационная основа в процессе переплетения националистических мотивов с религиозно-фундаменталистскими³.

На сегодняшний день нет четкой дефиниции «терроризма» ни в международном праве, ни в уголовном праве отдельных государств. Хотя сего-

¹ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологические и уголовно-правовые аспекты. - М.: Щит, 2015. – С. 311.

² Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. - М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2016. – С. 64.

³ Кочои, С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика – М. : ТК Велби, Проспект, 2005.

дня терроризм «во все возрастающей степени становится международным явлением». Существует множество научных публикаций на тему «терроризм». Данной проблеме посвящены научные конференции и симпозиумы, данную проблему рассматривают и на международном уровне (например, в ООН). Терроризм является опасным для дела мира и демократии. Большую угрозу представляют акции, которые осуществляются экстремистскими организациями. Еще серьезная угроза исходит от государств, использующих террористическую деятельность как часть государственной политики.

Молодежный экстремизм как массовое явление последнего десятилетия нашей жизни, выражающееся в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения. А взрыв молодежного экстремизма обусловлен, происходящей ломкой коренных стереотипов в обществе¹.

Среди главных направлений развития российского антитеррористического законодательства важно, на наш взгляд, выделить такие, как разработка проблем уголовной ответственности за соучастие в террористической деятельности, финансирование террористических организаций, распространение сведений, содержащих указания по совершению действий террористического характера, также необходимо учесть опыт зарубежных стран по ликвидации этих пробелов.

Противодействие терроризму, как и любая актуальная проблема, которая требует оперативных мер государственного реагирования, имеет ряд особенностей. О некоторых уже было сказано ранее, другие являются предметом самостоятельного рассмотрения. Формирование эффективного действующего правового механизма, который бы в полной мере реализовывал государственную политику борьбы с терроризмом особенно важно в нашем беспокойном регионе. Юг России часто рассматривают как регион, в котором периодически происходят конфликты, его иногда рассматривают как проводник угроз российскому государству, исходящих от международных террористических организаций. И на то существуют свои причины, так как Северный Кавказ в настоящее время - наиболее конфликтный регион.

Одной из причин высокой степени конфликтности в Кавказском регионе, помимо широко освещаемых политических, является этноконфессиональную составляющую источников угроз террористического характера. В настоящее время Россия в этом плане не является исключением, именно в этно-конфессиональной сфере создаются и развиваются конфликты, которые находят выход в террористической деятельности. Террористические лидеры (в т.ч. работающие под покровительством спецслужб зарубежных государств - Турции, Саудовской Аравии и др.) очень часто используют националистические и религиозные идеи для привлечения сторонников, особенно молодежи, завоевания авторитета на международной арене. Северный Кавказ также является регионом с чрезвычайно большим кругом различных этносов, а также он является территорией сосуществования двух мировых религий - ислама и

¹ Пович С. К. Терроризм: глобальная угроза. Пер. с англ. С. К. Пович. - М.: ЭКСМО, 2015. - С. 365.

христианства. В данном регионе проживают большие группы некоренного населения и около пятидесяти коренных народов. Славянского населения проживает примерно 53 % на равнине - 27 % в «горских республиках». В истории горских народов попытки сплочения предпринимались неоднократно, как правило, их объединяла единая цель, которая на сегодня почти умерла - борьба с общим врагом, роль которого была отведена России.

Региональные аспекты государственной политики противодействия терроризму должны, на наш взгляд, найти отражение и в разработке государственной миграционной политики. Неконтролируемые потоки мигрантов, являются удобным средством для проникновения в Россию террористов и перемещения средств совершения терактов.

Совершение актов терроризма влечет за собой огромные человеческие жертвы, разрушаются духовные, материальные, культурные ценности, которые создавались веками. Террористические акты порождают ненависть и недоверие между различными социальными и национальными группами, и приводят к необходимости создания международной системы борьбы с террором. Для многих он стал одним из способом решения различных проблем (политических, религиозных, национальных). Терроризм является видом преступного насилия, жертвами которого может стать каждый и как правило невинные люди, которые не имеют никакого отношения к конфликту.

С каждым днем изменяется характер преступности, появляются новые виды терроризма, которые смыкаются с другими опасными преступлениями, в связи с этим необходимо выработать универсальные меры по борьбе с терроризмом как внутри государства, так и на международном уровне. Также необходимо сотрудничать и перенимать опыт других государств в борьбе с преступлениями террористического характера.

Список литературы

1. *Артамонов И.* «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности. // Уголовное право - 2002. - № 3.

2. *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологические и уголовно-правовые аспекты - М.: Щит, 2015. – 305 с.

3. *Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. - М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2016.

4. *Кочои С. М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика – М. : ТК Велби, Проспект, 2005. — 176 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. – 792 с.

6. *Пович С. К.* Терроризм: глобальная угроза. Пер. с англ. С. К. Пович. - М.: ЭКСМО, 2015. –365 с.

7. *Рахманова Е.Н.* Взаимосвязь организованной преступности и террористической деятельности //Криминалистика – 2020 – № 2 (31) – С. 29-33

8. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 2015

9. Уголовное право России: Учебное пособие//Под ред. В.А. Новикова. - Новосибирск: ИППКС ФСБ России, 2015.

10. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина, проф. С. В. Максимова. – М., 2016.

11. *Хлобустов О.М.* Терроризм в современной России. URL: <http://terroristica.info/node/340> (дата обращения - 20.05.2020)

*Ляхова В.В., Чичайкин Э.В.*¹

История становления и развития российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера

Аннотация: Принудительные меры медицинского характера являются одним из институтов уголовного права. Исторический анализ становления и развития российского законодательства отражает специфику рассматриваемого института.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, уголовная ответственность, применение принудительных мер медицинского характера.

The History of the Legal Idea of Compulsory Medical Measures

Abstract. Compulsory psychiatric care is a special institution of criminal law. Authors use historical analysis of the formation and development of Russian legislation to explain the specifics of the institution in question.

Keywords: coercive measures of a medical nature, criminal liability, the use of coercive measures of a medical nature.

Эволюция института принудительного мер медицинского характера проделала путь от безразличного отношения к душевнобольным в древности до создания современной системы принудительного лечения лиц, страдающих психическими расстройствами, исключаящими вменяемость, и совершивших общественно опасные деяния.

В средние века душевнобольных обвиняли в связях с нечистыми силами, в порождении греховности, такой подход, несомненно, оказал влияние на

¹ *Научный руководитель* – Берестовой А.Н., доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

уголовное право. Не смотря на то, что в средние века существовали критерии болезней, исключаящие вменяемость, больные не освобождались от уголовной ответственности. Таким образом, люди, одержимые демономанией или страдавшие религиозным помешательством, относились к самым тяжким преступникам и подлежали самым тяжким наказаниям, таким как пытки и смертная казнь. Вышеприведенные явления привели к ложному взгляду на людей, которые страдают психическими расстройствами, исключаящие вменяемость. В настоящее время подобные расстройства являются симптомами тяжелых заболеваний, которые исключают уголовную ответственность.

В России принято выделять несколько этапов развития института применения принудительных мер медицинского характера.

Первым этапом является классический (или дореволюционный) этап. Под мерами принудительного медицинского характера тогда понимались средства обеспечения безопасности в отношении лиц, которые совершили общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В истории нашего государства первое упоминание о применении данных мер было отмечено в Соборном Уложении 1649 г., а также в «Новоуказных статьях о татьбах, разбойных и убийственных делах» 1669 г. В нормах отмеченных законов содержалось освобождение от государственной ответственности за убийство лиц, являющихся психически больными. Но лечение данных лиц законодательством не предусматривалось. В соответствии со 195 артикулом Воинских артикулов лиц, принадлежавших к данной категории, отправляли в монастырь¹. В Российской империи с 1775 г. начали появляться приказы общественного призрения. Их целью было обеспечение изоляции и лечения умалишенных. С принятием соответствующего положения монастыри теряли функцию содержания душевнобольных. Позже принудительное лечение стало распространяться также на лиц, страдающих алкоголизмом. Указ 1801 г. «О не предании суду поврежденных в уме людей, учинивших в сем состоянии убийство», принятый Александром I, был посвящен применению принудительных мер медицинского характера. Согласно ему, виновных лиц отсылали во врачебную управу для освидетельствования, а позже - в дома для умалишенных без решения суда. По Своду законов 1832 г. от юридической ответственности освобождались лица, которые совершали преступления в состоянии «безумства». Основания, а также применение мер наказания к данным категориям лиц содержались в ст. 95 и ст. 96 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Применялись следующие виды мер: – передача лиц, страдающих психическим расстройством, на попечение родителей, родственников, опекунов. Именно они должны были осуществлять надзор за душевнобольными; – принудительное помещение в дом для умалишенных. По содержанию закона совершение тяжкого насильственного деяния характеризовало

¹ Скрипченко Н.Ю. История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних / Н.Ю. Скрипченко // История государства и права. – 2013. – № 7. – С. 45-47.

лицо, страдающее психическим расстройством, как социально опасное. Поэтому в таких случаях только суд мог применить принудительные меры медицинского характера. Порядок его назначения, изменения и прекращения содержался в положениях закона, в ст. 95 Уложения о наказаниях, что составляло компетенцию суда. Идентичные положения нашли свое отражение и в Уложении 1903 г. Уложение 1903 г. стало следующей ступенью в законодательном регулировании принудительных мер медицинского характера. В ст. 39 впервые были четко сформулированы юридические и медицинские критерии невменяемости как основания применения принудительного лечения. Так, предусматривалось два вида медицинских мер: – передача лица под надзор родителей и родственников, давших на это согласие; – помещение в специальные врачебные заведения. Таким образом, можно отметить, что в период царской России процесс формирования и развития норм, закрепляющих принудительные меры медицинского характера, шел постепенно. Но, вместе с этим, особое правовое регулирование применения указанных мер в отношении лиц, не достигших полной дееспособности и страдающих психическими расстройствами, отсутствовало. Законодательство советской России включало нормы и положения, которые отрицали возможность наказания лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. К ним применялись лечебные меры и меры предосторожности. По мнению В.В. Лоцихина, на первом этапе становления института принудительных мер медицинского характера в советское время было введено определение невменяемости, причем медицинский критерий стал преобладать над юридическим¹. Лица, страдающие психическими заболеваниями, проходили принудительное лечение в условиях стационара психиатрических больниц. Для лиц, находящихся в местах лишения свободы, предусматривалось также досрочное освобождение и помещение в психиатрическую больницу в случае обнаружения у них заболеваний в период отбывания наказания. По законодательству 1922 г. к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии психического расстройства, применялись меры социальной защиты. Они либо заменяли наказание, либо назначались наряду с ними. К отмеченным мерам относились: помещение в учреждение для умственно и морально дефективных; принудительное лечение. На принудительное лечение направлялись граждане, совершившие правонарушения в состоянии невменяемости и страдающие выраженными расстройствами психики. К данной категории были отнесены: «умственно и морально дефективные»; лица, больные алкоголизмом и наркоманией. Лица, пребывающие в психиатрических больницах и имеющие выраженное снижение психической активности, являлись большой проблемой для администрации больниц. В связи с этим имело место

¹ Лоцихин В.В. Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния, после Октябрьской революции 1917 г // Вестник Томского государственного университета. Право - 2013. – № 1 (7). – С. 5-11.

практика самостоятельной выписки лиц без уведомления правоохранительных органов об уже состоявшейся выписке. Таким образом, лица, которые имели склонность к совершению преступлений, через определенный срок вновь совершали противоправные деяния в связи с отсутствием соответствующего надзора. В законодательстве от 1960 г. государство отказалось от понятия «меры социальной защиты» и изменило значение принудительных мер медицинского характера. Такие меры получили законодательное закрепление в гл. 6 УК РСФСР 1960 г. Данная глава закрепляла принудительные меры медицинского и воспитательного характера. Условия и порядки применения мер также в корне отличались от предыдущих мер социальной защиты. Согласно документу, меры медицинского характера делились на следующие виды: применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами; применяемые к лицам, страдающим алкоголизмом или наркоманией. Порядок применения отмеченных мер совпадал с предыдущим, но их перечень несколько изменился. Так, он содержал только помещение в психиатрическую больницу общего или специального типа. Тип лечебного учреждения определялся судом. К лицам, страдающим алкоголизмом и наркоманией, также применялись соответствующие меры. Они назначались судом при наличии медицинского заключения по ходатайству общественности или суда. Лечение такой категории лиц осуществлялось в медицинских учреждениях со специальным трудовым и лечебным режимом. В случае пребывания отмеченных лиц в местах заключения лечение осуществлялось на месте. В качестве самостоятельного института выступали принудительные меры медицинского и воспитательного характера наравне с институтом уголовного права и административного надзора.

В связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. институт административного надзора над лицами, страдающими психическими заболеваниями, утратил свое значение. В настоящее время он постепенно возвращается в административную практику, в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Действующее законодательство полностью регулирует основания, и цели применения принудительных административных мер, детально закрепляет порядок их продления и прекращения¹.

В Уголовном кодексе 1996 г. институт применения принудительных мер медицинского характера получил дальнейшее развитие. В нем предусмотрена Глава 15 «Принудительные меры медицинского характера» (ст. 97-104), в которой законодательно установлены основания, цели применения принудительных мер медицинского характера, регламентированы их виды, порядок продления, изменения и прекращения, принудительных мер медицинского характера.

¹ Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения / Б.А. Швырев // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 1-2 (47-48). – С. 89-94.

В Уголовном кодексе 1996 г. по сравнению с предшествовавшим уголовным законодательством, нормы о применении принудительных мер медицинского характера получили наиболее четкое и полное оформление. Однако, институт принудительных мер медицинского характера, в силу непрерывного развития общества, нуждается в тщательном рассмотрении с целью возможной доработки.

Список литературы

1. *Лощинкин В.В.* Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния, после Октябрьской революции 1917 г [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. Право, 2013. – № 1 (7). – С. 5-11

2. *Скрипченко Н.Ю.* История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // История государства и права. – 2013. – № 7. – С. 45-47

3. *Швырев Б.А.* Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 1-2 (47-48). – С. 89-94

Маджид М.А.

Соккрытие террористов в иракском законодательстве

Аннотация: Преступление сокрытия (или укрывательства) является одним из видов преступлений, за которое согласно иракскому Уголовному кодексу №111 от 1969 года назначается наказание, соразмерное данному преступлению. Данный вид преступления стал широко распространен в последнее время вследствие роста экстремистских идей и терроризма.

Поэтому иракские законодатели решили ограничить рост террористических преступлений, путём осуждения укрывательства в пункте 2 статьи 4 Закона о борьбе с терроризмом № 13 от 2005 года.

Тем не менее, отмечается, что действующие юридические тексты зачастую недостаточны для достижения ограничения распространения укрывательства, вследствие отсутствия в них финансовых санкций, таких как штрафы.

Кроме того, отмечается, что текст иракского закона о борьбе с терроризмом не охватывает вопросов об освобождении от ответственности за несообщение и укрывательство террориста его супругом или близкими родственниками. Данная статья опирается на анализ соответствующих основных и процедурных законодательных текстов.

Ключевые слова: преступление, укрывательство, террорист, наказание, освобождение от ответственности.

Iraqi Law on the Concealment of Terrorists

Abstract. The crime of concealment (or misprision) is one of the types of crimes for which, according to the Iraqi Penal Code No. 111 of 1969, a punishment is imposed in proportion to the crime. This type of crime has become widespread recently due to the growth of extremist ideas and terrorism.

Therefore, Iraqi lawmakers decided to limit the growth of terrorist crimes by condemning the concealment in paragraph 2 of Article 4 of the Anti-Terrorism Act No. 13 of 2005.

However, it is noted that the current legal texts are often not sufficient to limit the spread of concealment due to the lack of financial sanctions, such as fines.

In addition, it is noted that the text of the Iraqi law on combating terrorism does not cover issues of exemption from liability for failure to report and harboring a terrorist by his spouse or close relatives. This article is based on an analysis of the relevant main and procedural legislative texts.

Keywords: crime, harboring, terrorist, punishment, exemption.

Терроризм стал серьезной проблемой, которая угрожает повседневной жизни людей во всем мире. Существует несколько способов совершения терроризма, такие как, например, убийства, бомбардировки или похищения людей. Преступление укрывательства террористов является одним из серьезных и опасных преступлений, которое способствует распространению явления терроризма и мешает службам безопасности эффективно выполнять свои обязанности.

Предметом исследования данной статьи является изучение преступления укрывательства террористов. Данное исследование будет проводиться в рамках Закона о борьбе с терроризмом № 13 от 2005 года и других материально-правовых и процессуальных законов, связанных с ним [1].

Определения даются разные для разных форм сокрытия, но все они сосредоточены на укрывательстве скрывающегося террориста и его преступной деятельности и введении в заблуждение властей в том случае, если это потребуется, а также на предоставлении террористу убежища и безопасного места, которое позволило бы ему скрывать его дальнейшие преступные действия [5].

По мнению Радвани, данное преступление определяется как сокрытие разыскиваемого человека, а также его действий от властей, с целью предотвращения наказания для него или спасения его от справедливого наказания [7].

В соответствии с вышеизложенным и со ссылкой на Закон о борьбе с терроризмом Ирака отметим, что иракские законодатели не определяют террористов как таковых, а только ограничиваются определением террористического преступления: «Каждое преступное деяние, совершенное отдельным лицом или организованной группой, направленное против отдельного лица или группы лиц, или официальных или неформальных учреждений, нанёсшее

ущерб государственной или частной собственности с целью нарушения безопасности, стабильности и национального единства, или с целью появления террора, страха и смятения среди людей, или создания хаоса для достижения террористических целей» [1].

Соответственно, каждый террорист, совершивший любое из действий, указанных в антитеррористическом законе, считается террористом.

Террористические преступления, в том числе преступление укрывательства террориста, различаются по ряду признаков: например, преступление укрывательства террориста является обычным преступлением, нарушающим закон, согласно пункту 1 статьи 6.

Как следствие, под действие Закона о терроризме попадают лица, осужденные за террористические преступления, которые не относятся к террористам. В соответствии с Иракской конституцией, пункт 1, статьи 73, 2005 года, является недопустимым выдвижение кандидатуры для членства в иракском парламенте, недопустимым назначение на государственные должности для тех, кто совершил преступление против закона в соответствии с иракским законодательством [3]. Также они не подлежат особому помилованию в соответствии с пунктом 1, статьи 73 Конституции Ирака [2].

Одновременно, преступление сокрытия террористов характеризуется отсутствием прекращения его уголовного дела, что означает, что уголовное дело не заканчивается с течением времени.

Существует множество причин, по которым некоторые люди совершают данное преступление (укрывательство террористов), и они различаются в зависимости от цели, ради которой преступник обычно стремится в свое место проживания. Также причины различаются в зависимости от целей, которые преступник преследовал в преступлении, и, следовательно, существует ряд причин, которые можно определить следующим образом: политические, социальные, религиозные и психологические [4].

В связи с этим, Аль-Кахтани отмечает, что одной из наиболее важных причин для сокрытия террористов является интеллектуальный экстремизм и недостаток веры, а также социальные отношения, наиболее важными из которых являются отношения родства и социальной сплоченности [5].

Пункт 2, статьи 4 Закона о борьбе с терроризмом Ирака № 13 от 2005 года предусматривает, что лица, умышленно скрывающие информацию о террористическом акте или укрывающие террористическое лицо, должны быть наказаны.

Из текста вышеупомянутой статьи следует, что законодатели определили условия для совершения этого преступления, и поэтому подобные преступления основаны на трех факторах: во-первых, место; во-вторых, финансово-материальная сторона, и в-третьих, моральная сторона. Соответственно, когда все данные условия выполнены, укрывательство террориста является преступлением, и должна наступить уголовная ответственность преступника, поскольку он заслуживает наказания согласно установленного закона.

Ответственность представляет собой наказание, которое судья назнача-

ет как следствие преступления, и должно быть соразмерно ему. Иракский законодатель санкционировал преступление за укрытие террориста в пункте 2, статьи 4 Закона о борьбе с терроризмом № 13 2005 года, в котором говорится: «Лицо, умышленно скрывающее какой-либо террористический акт или прячущее террориста с целью его сокрытия, наказывается пожизненным заключением» [1].

Причины, предусмотренные законом, которые приводят к возможности отмены наказания для тех, кто его заслуживает, несмотря на реализацию всех условий состава преступления, и ответственности за них, согласно статье 5 Закона о борьбе с терроризмом Ирака приведены ниже[6; 8]:

1. Лицо по собственному желанию информирует компетентные органы.

2. Информирование властей произошло до раскрытия преступления или когда оно было ещё только запланировано.

3. Информирование ведет к аресту преступников или, если оно предотвращено, без исполнения приговора.

Исходя из вышеизложенного, становится ясным, что освобождение, предусмотренное иракским законодателем, является обязательным в том случае, если предусмотренные в нем правовые условия выполняются, и это не дает суду права судить об обоснованности освобождения или нет, и, в свою очередь, мы поддерживаем позицию иракского законодательства о вынесении постановления.

Заключение

Актуальность исследования проблематики преступлений укрывательства террористов заключается в том, что это одна из важных тем, которой в научных исследованиях не уделяется достаточного внимания, несмотря на то, что укрывательство представляет собой серьезное преступление.

Юридически утверждается, что никакое преступление не может быть сокрыто, как и его обстоятельства, если данное террористическое преступление оговорено Законом о терроризме.

Существуют также новые способы сокрытия террористов родственниками или знакомыми, и иракские законодатели составили список причин, которым могут последовать данные лица, чтобы освободить себя от наказания, например, когда жена укрывает своего мужа, скрывающегося от правосудия, за исключением наказаний за обычные преступления.

Согласно Уголовному кодексу Ирака № 111 от 1969 года, в отношении преступлений, связанных с терроризмом, постановление об освобождении от наказания не применяется. Поэтому иракские законодатели подготовили постановление, согласно которому жена, которая укрывает своего беглого мужа, освобождается от правосудия, но будет наказана в рамках законодательства о терроризме и уже не подлежит освобождению от ответственности.

Список литературы

1. Закон Ирака о борьбе с терроризмом № 13 от 2005 г. - URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/19499.html>(дата обращения: 25.05.2020)
2. Конституция Ирака 2005 г. - URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf?lang=ar(дата обращения: 25.05.2020)
3. *Аль-Мусави Н.О.* Правовая концепция преступлений против чести // Аль-Сабах. 23.01.2017. - URL:www.alsabaah/iq/Article(дата обращения: 25.05.2020)
4. *Аль-Джубури С.С.* Террористические преступления в уголовном праве // Современное учреждение. - Бейрут. 2010. - №1. - URL:<https://www.neelwafurat.com/itempage.aspx?id=lbb206139-178274>(дата обращения: 25.05.2020)
5. *Аль-Кахтани М.Ф.* Уголовная ответственность за раскрытие преступлений // Наифский университет наук о безопасности. - 2006. - URL:<http://www.roudaabooks.com/book/9169>(дата обращения: 25.05.2020)
6. *Муса М.А., Маджид Н.Т.* Преступление укрытия террориста // Гуманитарный журнал Вавилон.- 2019. - № 27(6).
7. *Радван А.М.* Соккрытие преступлений в исламской юриспруденции // Исламский университет. 2012. - URL:<https://iugspace.iugaza.edu.ps/handle/20.500.12358/22111>(дата обращения: 25.05.2020)
8. *Хосни М.Н.* Разъяснение Уголовного кодекса // Арабский Ренессанс. Египет. - Каир. 1973. - URL:<http://www.baheth.info/all.jsp?term>(дата обращения: 25.05.2020)

Маркова Е.А.

Безналичные и электронные денежные средства как предмет кражи

Аннотация: В статье осуществлен анализ правовых особенностей предмета преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ. Отмечено, что в соответствии с физическими свойствами данного вида хищения, правовой природой электронных денежных средств, предмет преступления отличается от традиционного предмета хищения: с учетом современных реалий и активным развитием информационных, иных высоких технологий, изменений законодательства, к предмету хищения относятся другие (нетелесные) объекты: электронные денежные средства. В статье исследовано соотношение правовых категорий «безналичные денежные средства» и «электронные денежные средства», являющиеся предметом тайного хищения чужого имущества, совершенного с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, т.е. преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ. Отмечено, что предметом данного преступления выступают преимущественно безналичные денежные средства.

Ключевые слова: электронные денежные средства, безналичные денежные средства, электронные средства платежа, преступление, уголовная ответственность, кража, хищение.

Cashless and electronic funds as the subject of theft

Abstract: The article analyses the legal features of the target of the crime under paragraph "g" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the physical properties of this type of theft and the legal nature of electronic funds, the target of the crime differs from the traditional target of theft. Considering the active development of digital technologies, changes in legislation, other (non-physical) objects may become a target of theft as well. The article examined the relationship between the legal categories of "non-cash money" and "electronic funds," both of which are mentioned in the article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that the target of this crime is mainly non-cash money.

Keywords: electronic money, non-cash money, electronic payment instruments, crime, criminal liability, theft, plunder.

Развитие электронных денежных средств, как электронных платежных инструментов, несет в себе ряд позитивных влияний на экономическое развитие страны, способствуя появлению инновационных платежных инструментов, уменьшению части бумажного денежного оборота. Электронные денежные средства активно применяются на практике, продемонстрировав с 2016 г. по 2018 г. более высокие темпы роста (17%), относительно оплат банковскими картами онлайн (13%) и использования Интернет-банкинга (11%). По данным за 2018 г., доля безналичных платежей впервые превысила долю наличных, составив 56%. К концу 2019 г. доля оборота электронных денежных средств - 69%¹.

Одновременно, электронным денежным средствам присущ ряд рисков (финансовый, правовой, риск утраты конфиденциальности компьютерной информации, риск «взлома» электронного кошелька), которые учитываются в мировой и национальной практике при создании нормативно-правового поля для противодействия преступлениям, совершенным с их использованием. Так, эволюция информационно-коммуникационных технологий, цифровизация, компьютеризация, развитие электронных средств платежа, при одновременно низких системах безопасности и защиты таких данных способствовали включению в Уголовный кодекс РФ нового квалифицирующего признака в состав кражи (п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ)- тайного хищения чужого имущества, которое совершено с банковского счета, в от-

¹Балашев Н. Б., Пономарев Д. В. Динамика развития электронных платежных технологий в РФ // International Journal of Humanities and Natural Sciences. -2019. -Vol.11-3 (38). -P.119-123.

ношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ)¹.

При характеристике хищения необходимо учитывать такие негативные особенности, как: повышенная скрытность; дистанционный и интеллектуальный характер; невозможность предотвращения преступления традиционными средствами профилактики.²

В соответствии с физическими свойствами тайного хищения, правовой природой электронных денежных средств, предмет рассматриваемого преступления отличается от традиционного предмета кражи, т. е. это - не исключительно материальный предмет внешнего мира, очерченный в пространстве и обладающий материально-телесной субстанцией, как предмет, находящийся в твердом, жидком или газообразном состоянии, освоенный и доступный человеку и обществу³. С учетом современных реалий и активным развитием информационных, иных высоких технологий, изменений норм действующего законодательства, к предмету кражи, совершенной с использованием электронных средств платежа (п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ), относятся другие (нетелесные) объекты: электронные денежные средства.

Осуществляя соотношение правовых категорий «безналичные денежные средства» и «электронные денежные средства», представляется возможным выразить согласие с позицией Верховного Суда РФ, отмеченной в Постановлении Пленума № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁴ (п.5). Верховный Суд РФ безналичные денежные средства признает предметом преступления, указывая на их принадлежность к электронным денежным средствам: если предметом признаны безналичные денежные средства, в т. ч. электронные денежные средства, то в силу п. 1 прим. к ст.158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ деяние должно быть квалифицировано в качестве хищения чужого имущества.

Данная позиция поддержана в национальной доктрине: несмотря на тот факт, что безналичные и электронные денежные средства часто не отождествляются, для целей уголовно-правовой квалификации электронные денежные средства возможно признать разновидностью безналичных денежных средств. При этом, в качестве различия таковых материальных благ следует признать наличие у безналичных денежных

¹Федеральный закон от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 18. - Ст. 2581.

²Сериева М. М. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Новый юридический вестник. -2017. -№1. -С. 104-106.

³Кавелин К. Д. Гражданское право. История русского судоустройства. -М.: Издательство Юрайт, 2020. -С.90.

⁴Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48«О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. -2018. -№ 2.

средств либо отсутствие у электронных - открытого банковского счета, на который происходит зачисление денежных средств и с которого переводятся данные средства¹.

В основном предметом преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ выступают именно безналичные денежные средства, которые учитываются в виде записей в бухгалтерских документах кредитных организаций, выполняя все функции бумажных фиатных денег. При совершении кражи изъятие и обращение осуществляется посредством команды на списание денежных средств, исполнение которой реализуется комплексом технических средств без прямого участия человека и тайно для собственника денежных средств (владельца банковского счета). Типичным случаем преступления предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является хищение, совершаемое посредством манипуляций с мобильным телефоном потерпевшего, карта которого привязана к банковской платежной карте и списание с нее денежных средств на банковскую карту виновного лица.

Электронные денежные средства, являющиеся предметом преступления (п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ), соответственно, являются разновидностью безналичных денежных средств, и понимаются как право требования владельца к оператору электронных денежных средств об их погашении (обмене на наличные и безналичные деньги). Отражая принадлежность конкретному лицу, электронные денежные средства учитываются в системе перевода электронных денег на специальном виртуальном счете - «электронном кошельке»². Электронные денежные средства одновременно - имущественные права требования особого рода, эмитируемые в сумме предоставленных клиентом средств оператором данных средств для исполнения денежных обязательств клиента перед иными лицами и учитываемыми в электронной форме без открытия банковского счета.

С юридической позиции электронные денежные средства - денежные обязательства эмитента, который должен совершить их обмен на традиционные деньги по требованию предъявителя. С технической точки зрения данные средства необходимо признать в качестве электронной записи, фиксирующей объем стоимости, который защищен криптографическими алгоритмами. В соответствии с современным состоянием развития информационных систем и технологий, данные денежные средства могут функционировать на основе карточек и на определенной программной компьютерной основе³.

¹Косыгин В. Е. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения (часть 2) // Молодой ученый. -2020. -№ 6 (296). -С. 118-121.

²Гниломёдова Е. В. Электронные деньги как способ исполнения расчетных обязательств // Юридический факт. -2017. -№ 9. -С.5-7.

³Аксютова В.В. Развитие электронных денег в России: проблемы и пути совершенствования // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. LXI междунар. студ. науч.-практ. конф. / Под ред. Д. В. Елисеева.-2018. -№ 1(61). – С.95.

В соответствии с п.18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹, электронными денежными средствами признаны средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом законодатель в ст.7 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ перевод электронных денежных средств именуется в качестве одной из форм безналичных расчетов, осуществляемой оператором электронных денежных средств, в т. ч. за счет средств, предоставляемых юридическими, физическими лицами, индивидуальными предпринимателями, т. е. фактически - за счет фиатных денег. Аналогичная сущность данных средств (в функциональном смысле) отражена Центральным Банком России в п. 2 Положения № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»².

Соответственно, по смыслу действующего уголовного закона, квалифицирующий признак кражи – «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» может иметь место исключительно при хищении безналичных (электронных) денежных средств путем осуществления их непосредственного перевода в соответствии с применяемыми в России формами безналичных расчетов, предусмотренными в ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Основным документом, оказавшим влияние на развитие юридического понимания электронных денежных средств, как предмета преступления, совершенного по п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ, в отечественной доктрине, практике и законодательстве, признана Директива Европейского парламента³: в качестве таковых выступает денежная стоимость, как требование к эмитенту указанных денег, хранящаяся на электронном устройстве, которая эмитируется после получения денежных средств в размере, являющимся не меньшим данной стоимости, и принимается в качестве платежа иными, чем эмитент, лицами. С позиции Банка международных расчетов (Bank for International

¹Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (ред. от 15.09.2019) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. -2011. -№ 27. -Ст. 3872.

²Положение Банка России от 19 июня 2012 года № 383-П (ред. от 06.01.2019) «О правилах осуществления перевода денежных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2012 № 24667) //Вестник Банка России. 2012. № 34.

³Директива Европейского парламента 2000/46/ЕС от 18 сентября 2000 года «Об осуществлении предпринимательской деятельности в сфере электронных денег и необходимом надзоре за институтами, этой деятельностью занимающимися». - URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en>(дата обращения 20.06.2020).

Settlements (BIS)) (г. Базель), электронные деньги — хранимая стоимость или предоплаченные продукты, информация о которых хранится на персональном устройстве потребителя. В качестве платежного средства электронные деньги могут быть использованы в POS-терминалах; через открытые компьютерные сети (Интернет и пр.); как прямые перечисления между двумя устройствами пользователей¹.

Рассуждая о современном понимании предмета преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ, как имущества, необходимо отметить:

-признаком отдельного сегмента имущества (вещей) выступает материальный характер, экономическая ценность предметов материального мира;

- предмет преступления характеризуется относительной обособленностью имущества, что подразумевает основу правосубъектности и наличие имущества на праве собственности, ином титульном владении и закреплении материального блага в установленном законом порядке;

-предмету преступления свойственна доступность, как возможность законно обладать имуществом, находящимся в свободном гражданском обороте;

-имущество, не относящееся к вещам (имущественное право), - нематериально, обладает ценностью, выступает объектом гражданских прав.

Предмет преступления, квалифицируемого по п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ, таким образом, обладает сложной правовой природой, это - электронные денежные средства, признанные разновидностью безналичных денежных средств. Внимание законодателя к данному составу кражи справедливо, так как он значительно отличается от иных видов хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа (ст.159³, ст.159⁶ УК РФ). В качестве тайного хищения по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо квалифицировать действия, при которых потерпевший, похищая денежные средства, введен в заблуждение, обманут и передает злоумышленнику платежную карту либо сообщает идентификационный номер – пин-код, а снятие денежных средств с банкомата, оплата покупки чужой картой осуществляется без волеизъявления потерпевшего.

Список литературы

1. Директива Европейского парламента 2000/46/ЕС от 18 сентября 2000 года «Об осуществлении предпринимательской деятельности в сфере электронных денег и необходимом надзоре за институтами, этой деятельностью занимающимися». - URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en>(дата обращения 20.06.2020).

2. Информация Банка международных расчетов (Bank for International Settlements (BIS)) (г. Базель). - URL: https://cbr.ru/today/ms/smo/bmr_n/(дата обращения 20.06.2020).

¹Информация Банка международных расчетов (Bank for International Settlements (BIS)) (г. Базель). - URL: https://cbr.ru/today/ms/smo/bmr_n/(дата обращения 20.06.2020).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. -2018. -№ 2.

4. *Аксютова В.В.* Развитие электронных денег в России: проблемы и пути совершенствования // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. LXI междунар. студ. науч.-практ. конф. / Под ред. Д. В. Елисеева. -2018. -№ 1(61). – С.92-98.

5. *Балашев Н. Б., Пономарев Д. В.* Динамика развития электронных платежных технологий в РФ // International Journal of Humanities and Natural Sciences. -2019. -vol.11-3 (38). -Р.119-123.

6. *Гниломёдова Е. В.* Электронные деньги как способ исполнения расчетных обязательств // Юридический факт. -2017. -№ 9. -С.5-7.

7. *Кавелин К. Д.* Гражданское право. История русского судоустройства. -М.: Издательство Юрайт, 2020. – 257 с.

8. *Косыгин В. Е.* Мошенничество с использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения (часть 2) // Молодой ученый. - 2020. -№ 6 (296). -С. 118-121.

9. *Лихолетов А.А.* Проблемы разграничения мошенничества с использованием платежных карт с другими составами преступлений // Российская юстиция. -2017. -№ 6. -С. 35–37.

10. *Сериева М. М.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // Новый юридический вестник. -2017. -№1. - С. 104-106.

Минина Е.А. ¹

Некоторые вопросы антикоррупционной уголовной политики

Аннотация: В настоящей статье автором рассмотрены вопросы определения понятия коррупции в России на законодательном и доктринальном уровне, а также его роль в антикоррупционной политике, проанализированы статистические данные современного состояния коррупции в России.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовная политика, уголовное законодательство, национальная угроза.

Some Issues of Anti-Corruption Criminal Policy

Abstract: In this article the author considers the definition of the concept of corruption in Russia at the legislative and doctrinal level, as well as its role in anti-corruption policy, and analyzes statistical data on the current state of corruption in Russia.

¹ *Научный руководитель* – Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук

Keywords: corruption, criminal policy, criminal law, corruption crimes, national threat.

В рамках деятельности государства по противодействию коррупции на протяжении 10 лет Президентом РФ утверждается Национальный план противодействия коррупции, как правило, сроком на 2 года, однако, в 2018 году впервые был утвержден план на 3 года на период с 2018 по 2020 год. Инициатива по разработке Национального плана противодействия коррупции впервые была выдвинута Президентом РФ Д.А. Медведевым в 2008 году. В целом, основной задачей данного документа является внедрение внутриведомственных антикоррупционных планов. Например, существует План по противодействию коррупции в таможенных органах ФТС России на 2018 – 2020 годы. Помимо этого, в Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы определены задачи по совершенствованию мер, направленных на противодействие коррупции. Отдельное внимание в документе уделяется необходимости совершенствования антикоррупционных мер в сфере закупок товаров, работ, услуг как для обеспечения государственных и муниципальных нужд, так и отдельными юридическими лицами, формировании антикоррупционного поведения среди государственных служащих и в обществе в целом, устранения пробелов антикоррупционного законодательства путем его актуализации и др.¹:

Одной из проблем, затрудняющих эффективную борьбу с коррупцией, можно назвать неполноту законодательного определения понятия коррупции.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия коррупции, равно как и понятия «коррупционные преступления». Понятие коррупции нашло свое законодательное закрепление в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»². Однако закрепленное законодателем понятие не отражает полноты явления коррупции, а по сути лишь перечисляет преступления, за которые уголовным законодательством предусмотрена ответственность. Стоит отметить, что данный нормативный акт отразил в себе также и правовые основы, основополагающие принципы международного сотрудничества, направленные на противодействие коррупции.

В научной, учебной и публицистической литературе существуют различные подходы к пониманию коррупции. Так, например, понятие коррупции филологами определяется как моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами³.

¹ Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы» - URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.05.2020)

² Ст. 2 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с изм. и доп.) «О противодействии коррупции» - URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.05.2020)

³ См.: Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. Российская Академия наук. Институт русского языка

Ученые А.И. Долгова и Б.В. Волженкин в своих работах трактуют понятие «коррупция» как социальное явление, характеризующееся «разложением власти», «подкупом-продажностью» служащих органов государственной власти, которые ради личной или групповой корыстной заинтересованности используют свои служебные полномочия и должностное положение. Вместе с тем, допустимыми ради обогащения, по мнению А.И. Долговой, этими лицами признаются любые средства и способы «путем слома всех социальных регуляторов поведения».¹

Схожее мнение и у С.Н. Сабанина и М.О. Лепихина. Они, в свою очередь, рассматривают коррупцию в качестве использования должностным лицом своих служебных и должностных полномочий, а также своего влияния для достижения корыстных целей². Дополняет данную позицию А.Д. Фиалковская, которая трактует ее как получение должностным лицом материальных и иных благ на систематической основе от третьих лиц в их интересах³.

Антикоррупционная политика в России начала свое становление в 2008 году. Вместе с тем, как показал сравнительный анализ положений антикоррупционного законодательства, за последние 10 лет не было представлено революционных решений, которые способствовали бы снижению преступлений коррупционной направленности. Как показывает статистика, в настоящее время в России достаточно низкий уровень нетерпимости к коррупции, в том числе и среди должностных лиц государственных структур, что напрямую угрожает национальной и экономической безопасности страны.

Согласно статистическим данным за 2019 год, представленным Генеральной прокуратурой России, в Российской Федерации зарегистрировано 3988 преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ⁴. Вместе с этим, анализ судебной статистики по делам о преступлениях коррупционной направленности показал, что всего за этот же год состоялись 15562 обвинительных приговора, из числа которых 2697 приговоров было вынесено по ст. 290 УК РФ⁵. Это свидетельствует о низком уровне нетерпимости к коррупции среди

им. В.В. Виноградова. - Изд. 4-ое., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. - С. 124

¹ Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 1997. – С. 501; Долгова А.И. Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 25; Волженкин Б.В. Коррупция / Серия: современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. – СПб., 1998. – С. 44.

² Сабанин С.Н., Лепихин М.О. Соотношение понятий «коррупция» и «посредничество во взяточничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 4 (38). - С. 47.

³ Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2018. - № 1. -С. 137.

⁴ Показатели преступности России. Динамика преступлений по ст. 290 УК РФ (Получение взятки) - [Электронный ресурс]. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. –URL: www.crimestat.ru/ (дата обращения: 17.05.2020)

⁵ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности. – [Электронный ресурс]. – Верховный Суд Российской Федерации. - Официальный сайт. –URL: www.cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 17.05.2020)

должностных лиц, и также о нежелании или неспособности следователей противодействовать коррупции в среде высших эшелонов власти. Стоит отметить, что чаще всего фигурантами уголовных дел коррупционной направленности становятся должностные лица органов внутренних дел, то есть лица, занимающие невысокое положение в иерархии представителей власти; в основном это сотрудники ГИБДД, другие служащие полиции, изблечение которых не составляет сложности для органов следствия.

Относительно мер уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления, нужно сказать, что за 2019 год по ст. 290 УК РФ было привлечено к уголовной ответственности 2710 лиц. 542 приговора были вынесены с назначением наказания в виде лишения свободы на определенный срок, 1 – с наказанием в виде ограничения свободы. Согласно 7 приговорам лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, было назначено наказание в виде исправительных работ. В соответствии с 305 приговорами обвиняемым необходимо было выплатить штраф, по 383 приговорам было назначено условное осуждение, а наказание в виде лишения права занимать определенные должности было назначено по 826 приговорам¹. И только к 104 осужденным (то есть к 3,8%) применена такая мера уголовно-правового характера как конфискация имущества.

С того момента, как в 1997 году в действие был введен Уголовный кодекс РФ, до момента исключения конфискации из системы уголовных наказаний в 2003 г. она применялась в среднем к 1% осужденных. В дальнейшем, за 2010 год ст.104.1 УК РФ применена в 0,09% обвинительных приговоров, в 2011 году – в 0,08%, в 2012 – в 0,12%². Разумеется, за совершение коррупционных преступлений конфискация применяется чаще, чем за другие корыстные преступления, но все же удельный вес осужденных коррупционеров с применением конфискации имущества - 3,1% в 2017 г., 4,5% в 2018 г., 3,8% в 2019 г., - указывает на явно недостаточную эффективность уголовно-правовой борьбы с коррупцией.

Проблема пресечения преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации, а также противодействия правонарушениям такого рода на сегодняшний день носит острый характер, что влечет за собой возникновение соответствующих последствий, а также необходимость поиска путей их решения. В настоящий момент распространение коррупционных правонарушений характеризуется повсеместностью, т.е. во всех субъектах Российской Федерации имеются возбужденные уголовные дела по статьям

¹ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности – [Электронный ресурс]. – Верховный Суд Российской Федерации. - Официальный сайт. –URL: www.cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 17.05.2020)

² См.: Топильская Е.В. Современное состояние уголовного наказания в России. - В сб.: Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики: сб. науч.тр./под ред. Н.А.Лопашенко; Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. - С.142.

коррупционной направленности, а также среди всех зарегистрированных преступлений по состоянию на 2019 год значительную часть составляют преступления коррупционного характера¹. Полагаем, что более суровое уголовно-правовое воздействие на коррупционеров, а также более широкое применение конфискации имущества взяточников может стать перспективным направлением антикоррупционной политики государства.

Список литературы

1. *Александрова И.А.* Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: диссертация ... доктора юридических наук. - Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2016.
2. *Волженкин Б.В.* Коррупция / Серия: современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. – СПб., 1998.
3. *Долгова А.И.* Определение коррупции и законодательство о борьбе с ней // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000.
4. *Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой.* – М., 1997.
5. *Сабанин С.Н., Лепихин М.О.* Соотношение понятий «коррупция» и «посредничество во взяточничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 4 (38). - С. 46-49.
6. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю.* Российская Академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - Изд. 4-ое., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
7. *Топильская Е.В.* Современное состояние уголовного наказания в России. - В сб.: Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики: сб. науч.тр./под ред. Н.А.Лопашенко; Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. С.140-148.
8. *Фиалковская И.Д.* Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2018. - № 1. -С. 137-142.

¹ Показатели преступности России. [Электронный ресурс]. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики –URL: www.crimestat.ru/ (дата обращения: 17.05.2020)

Особенности юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правового содержания юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах. Акцентируется внимание на том, что уголовно-правовое содержание юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах образуют: типовая юридическая конструкция убийства; специфические (видовые) признаки этой разновидности убийства.

Ключевые слова: убийство, отягчающие обстоятельства, состав преступления.

Features of the Murder under Aggravating Circumstances

Abstract. The article discusses the criminal law content of the legal composition of aggravated murder. Attention is focused on the typical legal structure of that crime and on the specific features of this type of murder.

Keywords: murder, aggravating circumstances, corpus delicti.

Уголовно-правовое содержание юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах образуют: а) типовая юридическая конструкция умышленного убийства; б) специфические (видовые) признаки этой разновидности убийства. Поскольку обязательные характеристики убийства как типовой юридической конструкции неоднократно освещались в литературе, стоит рассмотреть их лишь в общем виде, с детализацией отдельных положений, которые имеют спорный характер.

Непосредственным объектом убийства является жизнь человека. Следует отметить, что существуют разные мнения и взгляды по этому вопросу. В частности, по мнению В.О. Навроцкого, непосредственным объектом убийства являются общественные отношения, которые возникают по поводу неприкосновенности жизни другого лица. Участниками таких отношений являются, с одной стороны, лицо, носитель жизни, с другой – «всякий и каждый». Предметом указанных отношений выступает жизнь другого человека¹.

О.В. Гороховская также занимает позицию, что «построение концептуальных положений, освещающих уголовно-правовое содержание объекта преступления, должно основываться на такой категории, как «общественные отношения». Но в отличие от В.О. Навроцкого, она считает, что человек не может быть предметом убийства. Подмена непосредственного объекта преступления предметом при убийстве приводит к смешению двух самостоя-

¹ Навроцкий В.О. Кримінальне право України. Особлива частина: Курс лекцій. – К.: Т-во «Знання», 2000. – С. 147.

тельных элементов общественных отношений: человека как объекта общественных отношений и предмета общественных отношений¹.

В теории уголовного права нет единого мнения относительно начала жизни человека. Так, по мнению Л.А. Остапенко, «уголовно-правовая охрана жизни человека должна начинаться именно с начала физиологических родов, независимо от того, появилась ли хотя бы одна часть тела ребенка из утробы матери»².

Р. Шарапов отмечает, что официально момент, с которого начинается жизнь человека, прямо не закреплен в законодательстве, а вот конечная граница жизни человека зафиксирована – ею считается биологическая смерть – смерть мозга. Исходя из этого, по его мнению, юридически жизнь человека – это жизнь его мозга, и начало жизни мозга означает начало жизни человека. Соответственно, с правовых позиций начальная граница жизни человека на сегодняшний день как минимум должна связываться с появлением сформированной массы мозговых клеток (рождением мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит еще в материнской утробе задолго до рождения самого ребенка (на пятом месяце беременности).

Р. Шарапов делает вывод, что с юридической точки зрения начало жизни человека датируется рождением мозга, а более точно – достижением плода полных двадцати двух недель внутриутробного развития³.

С учетом вышеизложенного, мы считаем, что закрепленные в действующем законодательстве положения о начале жизни человека нуждаются в своем переосмыслении и изменениях.

Однако до внесения таких изменений, мы поддерживаем традиционную, доминирующую в теории уголовного права точку зрения, согласно которой началом жизни человека следует считать начало физиологических родов, в том числе преждевременных или искусственных.

Объективная сторона убийства включает в себя три обязательных признака: 1) деяние, которое заключается в посягательстве на жизнь другого человека; 2) последствие в виде биологической смерти потерпевшего; 3) причинная связь между деянием и последствием.

Как правило, убийство совершается путем действия. Л.Д. Гаухман определяет действие как совокупность всех телодвижений, включая использование при этом предметов внешнего мира, сил и закономерностей природы, а также действий других лиц, которые заключаются в направленности и активном воздействии на объект преступления⁴. При совершении умышлен-

¹ Гороховська О.В. Кримінальна відповідальність за вбивство через необережність: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - К., 2003.

² Остапенко Л.А. Визначення поняття «життя» як об'єкта кримінально-правової охорони // Підприємництво, господарство і право. – 2003. – №4. – С. 105-109.

³ Шарапов Р. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 75-77.

⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфор», 2001. – С. 97-98.

ного убийства действия виновного лица в большинстве своем физические и направлены на нарушение анатомической целостности или функций жизненно важных органов другого человека (нанесение ударов, огнестрельных ранений, удержание под водой и т.п.). То есть физическое насилие предполагает общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека.

Вместе с тем, убийство может совершаться и путем психического воздействия на потерпевшего. Например, лицу, страдающему тяжелой формой кардиологического заболевания, посылают ложную телеграмму о смерти его близких в расчете на то, что оно умрет от сердечного приступа. Так и происходит.

Психическое влияние будет иметь место и в случае склонения лица, не понимающего значения и последствий своих действий, к причинению себе смерти, или же в случае гипнотического внушения и т.п.¹

Убийство может быть совершено и путем бездействия. Бездействие – это несовершение конкретного действия, которое лицо, во-первых, обязано было, и во-вторых, имело возможность совершить. Бездействие отличается от действия физической стороной, а именно отсутствием движений тела и связанного с ними использования предметов внешнего мира, сил и закономерностей природы, действий других лиц.

Одним из обязательных признаков объективной стороны убийства является наличие причинной связи между деянием виновного и смертью потерпевшего.

Как отмечают отдельные ученые, смерть должна быть необходимым и закономерным результатом деяния, совершенного лицом, которого обвиняют в преступлении. Если это деяние будет только одним из условий наступления смерти и, следовательно, смерть является случайным, а не закономерным результатом в отношении деяния, возможна констатация отсутствия состава преступления, или наличие другого состава преступления, или покушение на убийство.

Наиболее типичным для убийства является прямая (непосредственная) связь. Например, выстрел в потерпевшего влечет за собой его смерть. Значительно сложнее бывает установить причинную связь, когда она носит косвенный характер, и здесь среди теоретиков нет единогласия.

Отдельные ученые высказывают мнение, что при убийстве не обязательным является «непосредственный характер причинной связи между деянием и последствием. На наступление смерти, кроме деяния виновного лица, могут влиять и другие факторы, в том числе действия третьих лиц или поведение самого потерпевшего»².

¹ Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Під заг. ред. Потембенька М.О., Гончаренка В.Г. – К.: «Форум», 2001, у 2-х ч. – Особлива ч. – С. 37.

² Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України: за станом законодавства та постанов Пленуму Верховного Суду України на 1 січня 1997 р. / За редакцією В.Ф. Бойка, Я.Ю. Кондратьєва, С.С. Яценка. – К.: Юрінком, 1997. – С. 331.

Другие ученые им возражают, обосновывая свою позицию тем, что руководствуясь этим утверждением, можно сделать ошибку в квалификации, так как для признания деяния убийством непременным условием является неопровержимое установление неминуемой смерти от действий виновного, а «действия третьих лиц или поведение самого потерпевшего» могут выполнять лишь факкультативную роль и косвенно влиять на ускорение или замедление наступления следствия. «Не следует путать непосредственность причинной связи в юридическом толковании убийства и непосредственность (опосредованность) действий (способов), которые привели к наступлению смерти»¹.

На наш взгляд, причинная связь при умышленном убийстве может носить косвенный характер и быть опосредованной:

1) действием автоматических устройств (часовой механизм, различные замедлители при взрыве);

2) ожидаемыми действиями потерпевшего, которые могут быть как правомерными (например, распаковка адресатом посылки, содержащей взрывное устройство, либо приведение в действие двигателя заминированного автомобиля пострадавшего), так и неправомерными (например, при сознательном оставлении в салоне автомобиля бутылки с отравленной водкой в расчете на то, что лицо, незаконно завладеет авто, выпьет ее);

3) действиями малолетнего или психически больного, не осознающих характер совершенного;

4) действием природных сил (например, оставление на морозе избитого до потери сознания потерпевшего);

5) действиями третьих лиц (например, запоздалое или неквалифицированное оказание медицинской помощи потерпевшему)².

От биологической смерти следует отличать так называемую клиническую смерть, когда, несмотря на прекращение дыхания и сердцебиения, в течение очень короткого времени жизнь в организме не прекращается, и его жизнеспособные функции могут быть восстановлены.

Субъектом умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах является вменяемое лицо, которому до совершения преступления исполнилось 14 лет. Данная возрастная граница является исключением из общего правила, согласно которому уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. Законодатель исходит из того, что до 14 лет у подростка уже сформированы определенные взгляды, моральные принципы, и он способен понимать общественную опасность лишения жизни другого человека.

Субъектом преступления является вменяемое лицо. Это означает, что лицо, которое во время лишения жизни другого человека находилось в со-

¹ Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Під заг. ред. Потєбєнька М.О., Гончарєнка В.Г. – К.: «Форум», 2001, у 2-х ч. – Особлива ч. – С. 38.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: «Зерцало», 1998. – С. 228.

стоянии невменяемости, то есть не могло осознавать свои действия (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психической деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния психики, не подлежит уголовной ответственности. К такому лицу по решению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера.

С субъективной стороны убийство при отягчающих обстоятельствах может совершаться как с прямым умыслом (когда лицо осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит его общественно опасное последствие в виде смерти другого человека и желает наступления такого последствия), так и с косвенным (когда лицо осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит его общественно опасное последствие в виде смерти другого человека и хотя не желает наступления такого последствия, но сознательно допускает его наступления).

Вопрос об умысле необходимо решать исходя из совокупности всех обстоятельств совершенного деяния, в частности учитывать способ, орудие, количество, характер и локализацию ранений и других телесных повреждений, причины прекращения преступных действий, поведение виновного и потерпевшего, которое предшествовало событию, их отношения.

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Уголовно-правовое содержание юридического состава убийства при отягчающих обстоятельствах образуют: а) типовая юридическая конструкция убийства; б) специфические (видовые) признаки этой разновидности убийства.

Как типовая юридическая конструкция умышленное убийство включает такие обязательные характеристики:

- а) непосредственный объект – им является жизнь другого человека;
- б) объективную сторону – она включает в себя: деяние (действие или бездействие), следствие (в виде биологической смерти человека), и причинная связь между деянием и следствием;
- в) субъект – им является вменяемое лицо, которое к совершению убийства при отягчающих обстоятельствах достигло 14 лет;
- г) субъективную сторону – обязательным ее элементом является вина в форме умысла (прямого или косвенного), а в отдельных случаях также мотив и (или) цель убийства.

Список литературы

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфор», 2001. – 316 с.
2. Гороховська О.В. Кримінальна відповідальність за вбивство через небережність: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2003.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: «Зерцало», 1998. – 878 с.

4. *Навроцький В.О.* Кримінальне право України. Особлива частина: Курс лекцій. – К.: Т-во «Знання», 2000. – 771 с.

5. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Під заг. ред. Потебенька М.О., Гончаренка В.Г. – К.: «Форум», 2001, у 2-х ч. – Особлива ч. – 942 с.

6. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України: за станом законодавства та постанов Пленуму Верховного Суду України на 1 січня 1997 р. / За редакцією В.Ф. Бойка, Я.Ю. Кондратьєва, С.С. Яценка. – К.: Юрінком, 1997. – 960 с.

7. *Остапенко Л.А.* Визначення поняття «життя» як об'єкта кримінально-правової охорони // Підприємництво, господарство і право. – 2003. – №4. – С. 105-109.

*Моусеєнко Д.А.*¹

Проблемные вопросы квалификации превышения полномочий по ст. 201 УК РФ

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о возможности привлечения лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ, за превышение ими своих полномочий, на основании научных подходов к разрешению данной проблемы и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное право, злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, служебные преступления, преступления против интересов службы.

Problematic Issues of Qualification an Abuse of Authority under Art. 201 of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract. Author researches the possibility of making persons performing managerial functions in commercial and other organizations liable under article 201 of the Criminal code for exceeding their powers on the basis of scientific approaches and law enforcement practice.

Keywords: criminal law, abuse of authority, abuse of authority, crimes of state officials, crimes against state interests

Одним из ключевых при квалификации действий лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих и иных организациях, по ст. 201

¹ *Научный руководитель* - Берестовой Андрей Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

УК РФ является вопрос привлечения такого лица к ответственности за превышения им своих полномочий.

В отличие от преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в системе которых предусмотрена как ответственность за злоупотребление (ст. 285 УК РФ), так и за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях прямо предусматривают ответственность лишь за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ).

Суть проблемы заключается в том, что злоупотребление полномочиями, исходя из буквального толкования данного понятия, а также с учётом положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», состоит в использовании управленцем полномочий, которые возложены на него законом или нормативными актами организации, а при превышении управленец действует, явно выходя за пределы предоставленных ему полномочий. При этом ни законодательно, ни на уровне разъяснений Пленумов Верховного Суда вопрос о возможности квалификации действий управленца при превышении им полномочий по ст. 201 УК РФ не разрешён.

В связи с указанным, в науке уголовного права традиционно сложилось два подхода к решению данной проблемы, которые можно условно обозначить, как «формальный» и «расширительный».

Большинство учёных-юристов придерживаются «формального» подхода, согласно которому превышение управленцем своих полномочий не может быть квалифицировано по ст. 201 УК РФ, поскольку ч. 2 ст. 3 УК РФ запрещает применение уголовного закона по аналогии.

В связи с запретом применения уголовного закона по аналогии, по мнению А.В. Шнитенкова злоупотребление полномочиями может быть выражено лишь в использовании тех полномочий, которыми наделено лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Совершение же таким лицом действий, явно выходящих за пределы полномочиями, составом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ не охватывается¹.

Схожей позиции придерживается и множество других видных юристов, например, В.В. Фёдоров, который отмечает, что превышение полномочий не является частным случаем злоупотребления полномочиями в связи с отсутствием специальной нормы (в отличие от аналогичных норм, содержащихся в системе должностных преступлений), что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ².

¹ Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. - М., 2006. - С. 29-30.

² Фёдоров В.В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях. Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2005. - С. 90.

С точки зрения сторонников «формального» подхода, отсутствие нормы, предусматривающей ответственность управленца за превышение им полномочий, является не чем иным, как пробелом в праве, который должен быть устранён посредством введения в Уголовный Кодекс РФ соответствующей статьи.

Данная точка зрения, несомненно, заслуживает внимания, поскольку восходит к одному из основных принципов уголовного права - законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ - преступность деяния определяется только настоящим Кодексом). В то же время, по логике представителей данного подхода, лицо, за свои активные, де-факто противоправные действия, выраженные в превышении полномочий, которыми причиняется существенный вред потерпевшим, ответственности нести не будет в связи с отсутствием соответствующей нормы в уголовном законе, что фактически противоречит его сущности - защите прав потерпевших от преступления и восстановления социальной справедливости.

В связи с указанным, сторонники второго - «расширительного» подхода, напротив, настаивают на том, что превышение полномочий должен рассматриваться как частный случай злоупотребления полномочиями, а потому совершение активных действий управленцем, которые явно не соответствуют его полномочиям и выходят за их рамки, необходимо квалифицировать по ст. 201 УК РФ.

Данного подхода придерживаются, в частности, Б.В. Волженкин¹, Д.А. Кононов. Последний при этом рассматривает превышение полномочий управленцем как более опасный вид злоупотребления полномочиями, в связи с чем высказывает мысль о целесообразности включения в ст. 201 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака злоупотребления полномочиями².

Полагаем, применение «расширительного» подхода к решению вопроса о возможности привлечения управленца за превышение полномочий по ст. 201 УК РФ наиболее рациональным, поскольку данный подход направлен, в первую очередь, на устранение возможности избежания управленцами ответственности за совершение ими действий, которые по своей сути являлись противоправными, осуществлялись вопреки законным интересам организации, в которой управленец проходил службу, и причинили существенный вред.

Так, типичной ситуацией, при которой управленец явно превышает свои полномочия, является совершение им сделок с нарушением специально предусмотренной процедуры. Например, если управленец совершает крупную сделку, не получив на это согласие учредителя или коллегиального органа управления юридического лица, то с точки зрения гражданско-

¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления : Уч. пособие. - М., 2000. - С. 297.

² Кононов Д.А. Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп: уголовно-правовая характеристика. Дисс. канд. юрид. наук.- М., 2016. - С. 88-89.

правового регулирования порядка совершения такой сделки управленец не злоупотребляет полномочиями, а превышает их, поскольку права на совершение данной сделки он не имеет.

При этом в случае, если такая сделка совершается вопреки законным интересам организации, со специальной целью - нанесение вреда или получение выгод или преимуществ, а также её совершением причинён существенный вред потерпевшей стороне, то, если следовать точки зрения «формального» подхода, управленец уголовную ответственность за совершенное им фактически преступное деяние не понесёт, поскольку оно не охватывается диспозицией ст. 201 УК РФ (как правило, в таких ситуациях действия управленца не подпадают под признаки иных составов преступлений).

«Расширительный» же подход, напротив, позволяет привлечь управленца к уголовной ответственности, поскольку рассматривает превышение полномочий как частный вид их злоупотребления, т.е. использования вопреки законным интересам организации, что мы считаем безусловно правильным, поскольку такой подход позволяет избежать необоснованного освобождения от уголовной ответственности лиц, де-факто совершивших преступление.

«Расширительного» подхода, в целом, придерживается и судебная практика. Однако здесь стоит отметить, что при вынесении приговоров суды, как правило, указывают на злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции, при том что из фабулы дела следует именно превышение полномочий.

Так, приговором Никулинского районного суда г. Москвы от 19.04.2016 по делу № 01-0018/2016 по ч. 2 ст. 201 УК РФ осуждена и.о. директора ГУП ДЕЗ района Тропарево-Никулино, которая подписала акты сдачи-приемки по договору об оказании информационно-консультационных услуг, заключенных до её назначения на указанную должность, с генеральным директором ООО «Приоритет», на основании которых в пользу ООО «Приоритет» были выплачены денежные средства ГУП ДЕЗ в размере 13.202.940 рублей.

В приговоре суд указал, что на основании ст. 23 Федерального Закона № 161-ФЗ от 14.11.2002 «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и п. 4.6 Устава ГУП ДЕЗ совершенная сделка являлась сделкой с заинтересованностью, совершение которой должно было быть согласовано с собственниками имущества предприятия - управой района Тропарево-Никулино и Департаментом имущества города Москвы. При этом и.о. директора ГУП ДЕЗ, достоверно зная, что сделка является крупной, не согласовала её совершение с указанными организациями-собственниками, одобрение на отчуждение денежных средств в пользу ООО «Приоритет» не получила¹.

¹ Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 19.04.2016 по делу № 01-0018/2016. - URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/94189.html> (дата обращения 07.06.2020)

Стоит отметить, что данные действия и.о. директора ГУП ДЕЗ района Тропарево-Никулино могут быть расценены не иначе, как превышение полномочиями, а не злоупотребление, поскольку, на основании абз. 4 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”, под превышением полномочиями понимается совершение таких действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (в приведенной ситуации к “особым обстоятельствам” можно отнести наличие согласия собственника имущества в соответствии с Федеральным Законом № 161-ФЗ от 14.11.2002 “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях”).

Также мы не согласны с мнением Крыловой А.В. относительно того, что остальные случаи превышения полномочий, указанные в трактовке п. 19 указанного Постановления Пленума ВС РФ, вряд ли могут охватываться ст. 201 УК РФ, в связи с чем применение закона по аналогии недопустимо¹.

Полагаем, что если управленец совершает действия, относящиеся к полномочиям другого лица, или такие действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах совершать не в праве, тем самым превышая свои полномочия, действуя при этом вопреки законным интересам организации, преследуя специально-установленную в ст. 201 УК РФ цель, и наносит тем самым существенный вред, то такие действия являются так же общественно опасными, как и превышение полномочий в виде действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе.

Например, приговором Макарьевского районного суда Костромской области от 01.07.2013 по делу № 1-20/2013, и. о. начальника отделения почтовой связи ФГУП «Почта России» был признан виновным по ч. 1 ст. 201 УК РФ в связи с тем, что за вознаграждение передал заказное письмо гражданину З., адресованное мировому судье².

Очевидно, что и. о. начальника отделения почтовой связи ФГУП «Почта России» не злоупотребил своими полномочиями, а превысил их, поскольку никто и не при каких обстоятельствах не мог выдавать гражданам письма, направленные другим адресатам (что, в силу абз. 6 п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 является признаком превышения полномочий). По логике же Крыловой А.В. данные действия не охватываются ст. 201 УК РФ, в связи с чем указанный сотрудник почты избежал бы уголовной ответственности за совершенные им противоправные действия, явно выходящие за пределы его полномочий.

Несмотря на это, суд признал действия и. о. начальника отделения почтовой связи ФГУП «Почта России», которые явно заключались в превыше-

¹ Крылова А.В. Злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации. Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2017. - С. 107.

² Приговор Макарьевского районного суда Костромской области от 01.07.2013 по делу № 1-20/2013 - URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения 07.06.2020)

нии полномочий, как преступные, и обоснованно квалифицировал их по ст. 201 УК РФ.

Таким образом, превышение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческих и иных организациях, своих полномочий, следует рассматривать как частный случай злоупотребления полномочиями, а потому совершение активных действий управленцем, которые явно не соответствуют его полномочиям, необходимо квалифицировать по ст. 201 УК РФ.

Список литературы

1. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления / Уч. пособие. - М.: Юристъ, 2000. - 368 с.
2. *Кононов Д.А.* Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп: уголовно-правовая характеристика. Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2016.
3. *Крылова А.В.* Злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2017.
4. *Фёдоров В.В.* Уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях. Дисс. канд. юрид. наук. - М., 2005.
5. *Шнитенков А.В.* Ответственность за преступления против интересов службы. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. - М., 2006.

*Румянцева И.В.*¹

Хищение предметов, имеющих особую ценность, с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: проблемы правоприменения

Аннотация. В статье исследуется проблема отсутствия в ст. 164 УК РФ таких квалифицирующих признаков, как совершение хищения с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище. Автором анализируются основные положения науки и судебной практики, на основе которых делаются предложения по усовершенствованию уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: хищение, культурные ценности, незаконное проникновение, жилище, помещение.

¹ *Научный руководитель* - Зарубин Андрей Викторович, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции

Theft of Items of Particular Value Coupled with Home Invasion: Problems of Law Enforcement

Abstract. Article 164 of the Criminal code of the Russian Federation lacks such a qualifying feature as illegal entry into a home, premises, or a storage. The author analyzes the main provisions of legal doctrine and judicial practice and proposes the improvement of the criminal law norm.

Key words: theft, cultural property, illegal entry, dwelling, premises.

С 2016 года на сайте Министерства культуры РФ ведется реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей¹, в котором числится более 20.000 ценных предметов. Данное обстоятельство позволяет нам говорить об общественной опасности хищения предметов, имеющих особую ценность, несмотря на снижение числа приговоров.

Вместе с тем наличие в ст. 164 УК РФ всего двух квалифицирующих признаков: «совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» (п. «а» ч. 2) и «повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов» (п. «в» ч. 2) не позволяет нам говорить об эффективности уголовно-правовой нормы.

Дело в том, что значительное количество хищений предметов, имеющих особую ценность, совершается с незаконным проникновением в жилище, а также в помещение, где такие предметы хранятся. Однако ст. 164 УК РФ в отличие от п. «б» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ не содержит соответствующих квалифицирующих признаков.

В связи с этим возникает проблема квалификации хищений, совершаемых с незаконным проникновением в жилище.

Указание в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» об отсутствии необходимости в дополнительной квалификации по статье 139 УК РФ при совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище распространяется лишь на кражу, грабеж или разбой².

Как мы видим, данное правило не касается ст. 164 УК РФ, что позволяет нам говорить о необходимости квалификации хищения с незаконным проникновением в жилище по совокупности со ст. 139 УК РФ.

Рассмотрим максимальный размер наказания за различные формы хищения, которые предусматривают квалифицирующий признак в виде «незаконного проникновения в жилище».

¹ Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-heritage_lost_objects#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZSJ9 (дата обращения: 18.06.2020).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». – URL: <https://base.garant.ru/1352873/> (дата обращения: 19.06.2020).

1. Кража с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ) предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере от восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

2. Грабеж с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ) предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до десяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. Разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (ч. 3 ст. 162 УК РФ) предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Напомним, что в отношении культурных ценностей данное деяние будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 164 УК РФ, которая предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

Данный анализ позволяет нам выделить сразу несколько проблем.

Во-первых, квалифицирующие признаки «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище» и «с незаконным проникновением в жилище» дифференцированы только в ст. 158 УК РФ, в связи с чем в научной литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости пересмотра данных признаков и последующего их разделения¹.

Во-вторых, максимальное наказание за хищение в форме разбоя с незаконным проникновением в жилище составляет двенадцать лет лишения свободы, что превышает максимальный срок по ч.1 ст. 164 УК РФ. на данный недостаток, в частности, указывал Е.В. Медведев².

В связи с этим в научной литературе предлагается несколько вариантов квалификации разбоя в отношении культурных ценностей.

А.В. Бриллиантов говорит о необходимости разграничения ст. 162 и ст. 164 УК РФ, при которой выявляется конкуренция специальных норм с

¹ Рогова Е.В. Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. – 2016. – С. 137.

² Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2003. – С. 22.

отягчающими обстоятельствами¹. Из этого утверждения следует, что хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное в форме разбоя, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 162 УК РФ. Однако, по нашему мнению, это не вполне оправданно, т.к. ст. 164 УК РФ является специальной нормой по отношению к отдельным видам хищения, которая выделена на основе особых свойств похищаемых предметов.

По мнению Т.Р. Сабитова рассматриваемые деяния необходимо квалифицировать по совокупности ст.ст. 162 и 164 УК РФ². Данное правило распространяется на все случаи хищения культурных ценностей, квалифицирующие признаки которых не предусмотрены ч. 2 ст. 164 УК РФ.

Однако и такая позиция, как представляется, не вполне оправданна, т.к. наказание за деяние может быть более строгим, чем это могло быть предусмотрено квалифицирующими признаками ст. 164 УК РФ. К тому же нарушается основной принцип уголовного закона, согласно которому никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Однако многие исследователи забывают о том, что статьей 139 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица.

Таким образом, ничто не мешает в условиях действующего законодательства квалифицировать хищение предметов, имеющих особую ценность, с незаконным проникновением в жилище по совокупности ч. 1 ст. 164 УК РФ и ч. 1 ст. 139 УК РФ.

Окончательное наказание в виде лишения свободы в таком случае, исходя из того, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 164 УК РФ, является тяжким преступлением, не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Определенные сложности возникают на этапе полного или частичного сложения наказания. В случае применения судами принципа полного сложения наказания возникает ситуация отсутствия пределов в случае назначения наказания менее строгого, чем лишение свободы. Решение данного вопроса предлагает Л.Ю. Ларина, говоря о том, что максимальный предел наказания не должен превышать максимальных размеров для конкретных видов наказаний, предусмотренных ст. 46-56 УК РФ³. Однако с данной позицией нельзя согласиться хотя бы потому, что данное правило применяется для дополнительного вида наказания.

¹ Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М., Проспект, 2015. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17796#027448048916854173> (дата обращения: 19.06.2020).

² Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дисс ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2002. – С. 89.

³ Ларина Л.Ю. Определение максимального предела наказания по совокупности преступлений // Человек: преступление и наказание. – 2010. – №1 (68). – С. 31.

Поднимая вопрос в таком случае о справедливости наказания, следует согласиться с мнением Н.Н. Коротких о том, что увеличение санкции за совокупность преступлений является уместным, поскольку лицо привлекается к ответственности за два или более преступления¹.

При применении на практике принципа частичного сложения наказания непонятно, какая часть наказания, назначенного за отдельное преступление, входит в итоговое наказание, определенное путем частичного сложения наказаний, и что происходит с той частью наказания, которая в итоге не была сложена². Вместе с тем, на наш взгляд, путем потери части наказания невозможно добиться целей наказания.

Так, Л. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158 и ч. 1 ст. 164 УК РФ; наказание назначено в виде исправительных работ сроком на один год и шесть месяцев и в виде лишения свободы сроком на три года и восемь месяцев соответственно³. Окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний составило четыре года. Таким образом, мы видим, что часть наказания бесследно исчезает.

Все вышеперечисленное имеет значение в случае, если и судебная практика признает правильным назначение наказания по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 139 и ст. 164 УК РФ. Однако зачастую признаки «незаконное проникновение в жилище» и «незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище» не получают должной оценки со стороны суда.

Так, в уже рассматриваемом нами примере Л. совершил два преступления: хищение из собора икон, не представляющих особую ценность, и хищение из храма икон имеющих особую ценность. По первому случаю суд дал правильную оценку совершенного деяния по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Однако во втором случае незаконное проникновение в помещение не было оценено судом должным образом, а деяние квалифицировано по ч. 1 ст. 164 УК РФ.

Совершенные деяния были правильно квалифицированы как самостоятельные преступления, но во втором случае неправильно квалифицированы ввиду отсутствия квалифицирующего признака в ч. 1 ст. 164 УК РФ.

В другом случае П. совершил хищение 46 книг, имеющих особую историческую, научную и культурную ценность с незаконным проникновением

¹ Коротких Н.Н. Принцип полного сложения наказаний при назначении наказания по совокупности преступлений // Уголовное право. – 2015. – №6. – С. 26.

² Тарбагаев А.Н. Летников Ю.С. Проблемы назначения наказания по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, назначенных за отдельные преступления, входящие в совокупность // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – №2. – С. 108

³ Приговор Наро-Фоминского городского суда Московской области от 14 августа 2017 г. по обвинению Л. по делу № 1-228/2017. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 19.06.2020).

в помещение, не имея права самостоятельного доступа в помещение¹. Данные действия лица квалифицированы по ч. 1 ст. 164 УК РФ без оценки незаконного проникновения в помещение.

По-другому решается вопрос в случае проникновения в жилище и хищения наравне с «обычным» имуществом предметов, имеющих особую ценность. При таких обстоятельствах содеянное оценивается по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 и ч. 1 ст. 164 УК РФ². Такая квалификация споров не вызывает.

Из анализа судебной практики мы видим, что в некоторых случаях возможно было квалифицировать действия виновного по совокупности преступлений, однако в случае незаконного проникновения в помещение либо иное хранилище достаточно сложно дать объективную и полную оценку совершенному деянию.

Вместе с тем таких сложностей при назначении наказания можно избежать путем усовершенствования уголовного законодательства. При этом данный вопрос касается как ст. 139 УК РФ, так и ст.ст. 158-164 УК РФ.

Во-первых, предлагается вовсе исключить такой квалифицирующий признак как «незаконное проникновение в жилище» в ст.ст. 158, 161 и 162 УК РФ, т.к. в таком случае достаточно квалифицировать по совокупности со ст. 139 УК РФ³. Вместе с тем признак «незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище» необходим в статьях Особенной части УК РФ, т.к. в уголовном законе не содержится подобного самостоятельного преступления.

На наш взгляд, такое решение проблемы представляется неверным, т.к. квалифицирующие признаки повышают общественную опасность в рамках одного состава преступления.

Во-вторых, обсуждается вопрос о необходимости исключения ст. 164 УК РФ из Особенной части, которая лишь затрудняет ее применение на практике. Взамен этого предлагается ввести квалифицирующий признак в отношении предметов, имеющих особую ценность в ст.ст. 158-163 УК РФ⁴. Такая позиция представляется не вполне оправданной, т.к. законодатель выделяет уголовную ответственность в отношении особых предметов, становящихся объектом хищения.

В-третьих, рассматривается вопрос об объединении либо разграничении «незаконного проникновения в помещение либо иное хранилище» и «незаконного проникновения в жилище».

Е.В. Рогова выделяет проблему рассогласованности в построении квалифицированных составов, а также непоследовательности законодателя

¹ Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 04 апреля 2017 г. по обвинению П. по делу №1-76/2017. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.06.2020).

² Приговор Морозовского районного суда Ростовской области от 30 мая 2016 г. по обвинению М. по делу №1-17/2016. – URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.06.2020).

³ Петрухнов С.Н. К вопросу о квалификации кражи, совершенной путем незаконного доступа к имуществу // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 160.

⁴ Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. - Казань, 2003. – С. 22.

при дифференциации уголовной ответственности¹. С данным мнением нельзя не согласиться, т.к. в ст. 158 УК РФ законодатель дифференцирует такие квалифицирующие признаки как «незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище» и «незаконное проникновение в жилище», тогда как в ст. 161 и 162 УК РФ данные признаки предстают перед нами в одной части статьи.

Вместе с тем в научной литературе высказываются предложение о внесении в ч. 2 ст. 164 УК РФ нового квалифицирующего признака «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище»². Однако такое нововведение действительно нарушает принцип дифференциации ответственности.

Поэтому следует согласиться с теми исследователями, которые предлагают расширить ст. 164 УК РФ, включив в ч. 2 признак «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище» и в ч. 3 признак «с незаконным проникновением в жилище»³.

Таким образом, ст. 164 УК РФ действительно нуждается в совершенствовании путем внесения квалифицирующих признаков «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище» и «с незаконным проникновением жилища» в ч. 2 и ч. 3 данной статьи.

Список литературы

1. *Бриллиантов А.В.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. Проспект, 2015. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17796#027448048916854173> (дата обращения: 19.06.2020).

2. *Клебанов Л.Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Под науч. ред. Наумова А.В.; Ин-т государства и права РАН. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 185 с.

3. *Коротких Н.Н.* Принцип полного сложения наказаний при назначении наказания по совокупности преступлений // Уголовное право. – 2015. - №6. – С. 23-28.

4. *Ларина Л.Ю.* Определение максимального предела наказания по совокупности преступлений // Человек: преступление и наказание. – 2010. – №1 (68). С. 31-33.

¹ Рогова Е.В. Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. – 2016. – С. 137.

² Мукашев А.К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Дис ... канд. юрид. наук. - М., 2007. – С. 11.

³ Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Под науч. ред. Наумова А.В.; Ин-т государства и права РАН. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 151.

5. *Медведев Е.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. - Казань, 2003. - 30 с.

6. *Мукашев А.К.* Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Дис ... канд. юрид. наук. - М., 2007. - 218 с.

7. *Петрухнов С.Н.* К вопросу о квалификации кражи, совершенной путем незаконного доступа к имуществу // Пробелы в российском законодательстве. - 2014. - №2. - С. 159-162.

8. *Рогова Е.В.* Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. - 2016. - С. 135-139.

9. *Сабитов Т.Р.* Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дисс ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2002. - 196 с.

10. *Тарбагаев А.Н. Летников Ю.С.* Проблемы назначения наказания по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, назначенных за отдельные преступления, входящие в совокупность // Всероссийский криминологический журнал. - 2014. - №2. - С. 105-115.

*Синкевич О.Ю.*¹

Отдельные вопросы, связанные со статистическими данными преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ, совершенных на территории РФ в период с 2014 по 2019 год

Аннотация. Убийство является самым страшным преступлением. Последствием убийства является лишение человеческой жизни. Анализ современного состояния данного преступления говорит о том, что оно является одним из самых распространенных. Поэтому, законодательство, касающееся уголовной ответственности за убийства, требует трансформации. Видится целесообразным изменение уголовной политики в области предупреждения и пресечения убийств. В данной статье производится анализ статистических данных преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ, совершенных на территории РФ в период с 2014 по 2019 год. По итогам анализа представляется возможность выделения проблем регионов РФ по предупреждению и пресечению убийств, и предлагаются варианты решения данных проблем

Ключевые слова – убийство, предупреждение, пресечение, изменение уголовной политики, профилактика.

¹ *Научный руководитель* – Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГЮОУВО «Российский государственный университет правосудия, доктор юридических наук

Homicide Rates in Russian Federation from 2014 to 2019

Abstract. The murder is the heinous crime that leads to taking a human's life. Criminal statistic shows that it is regrettably common and therefore legislation concerning criminal responsibility for the murder requires transformation. This article analyzes the rates for the offence described in the Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation committed on the territory of the Russian Federation in the period from 2014 to 2019. The results of the analysis highlight the problems of the regions of the Russian Federation in the sphere of prevention and suppression of murders. Author proposes changes to the criminal policy in the discussed field.

Keywords: murder, warning, suppression, changes in criminal policy, prevention.

Право на жизнь является неотъемлемым правом человека. Оно закреплено в Конституции Российской Федерации и основных международно-правовых актах. Так, например, право на жизнь закреплено в ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации¹, гарантируется ст. 3 Всеобщей декларации прав человека² и Международным пактом о гражданских и политических правах³. Так, в Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года закреплено, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»⁴.

Из этого следует, что право на жизнь является базовым и неотъемлемым правом человека в цивилизованных странах.

Данный институт охраняется законодательством Российской Федерации путем установления уголовной ответственности за преступления против жизни. Охрана права на жизнь осуществляется порядком признания лица умершим, установлением условий констатации смерти человека, запрещением осуществления эвтаназии и многими другими институтами.

Право на жизнь человека обеспечивается государством при помощи комплекса таких правовых норм как:

- конституционные гарантии, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие.

- правовые нормы, которые определяют границы применения опасных для здоровья и жизни людей препаратов, орудий, механизмов и физической силы.

- меры уголовной ответственности, установленные за действия, причиняющие вред здоровью и жизни человека либо создающие опасность причинения такого вреда.

¹ Собрание законодательства РФ. -2014. -№ 31. - Ст. 4398.

² Российская газета. -№ 67.-1995

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 12.- 1994

⁴ Сборник международных договоров СССР. - выпуск XLVI. – 1993

Подавляющее число этих мер закреплены в УК РФ, в котором убийство определено как умышленное причинение смерти другому человеку. Следует подчеркнуть, что легального определения убийства не существовало до 1996 года. Интересной деталью является и то, что в советский период не существовало такого уголовного деяния как «причинение смерти по неосторожности», называлось «убийством по неосторожности», имело более строгую санкцию и воспринималось законодателем как более общественно-опасное деяние.

На данный момент, несмотря на то, что в законодательстве имеется легальное определение убийства – не всех юристов оно устраивает и многие из них предлагают свои трактовки. Так, например, Ю. М. Антонян полагает, что убийство - это умышленное уголовно-противоправное лишение жизни человека.¹ По его мнению, признак противоправности является не менее важной деталью в определении понятия убийства, чем умышленность. Также А.Г. Бабичев заявляет, что убийство может быть лишь умышленным и по неосторожности убить человека нельзя, тем самым отсылая нас к советскому уголовному праву.² А.Г. Бабичев явно критикует действовавшую в советский период норму об убийстве по неосторожности, с чем, мы несомненно, согласны.

По официальным данным на 2017 год, представленным на Портале правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ, Российская Федерация занимала 4-е место по количеству преднамеренных убийств и 3-е место по количеству преднамеренных убийств на 100 000 человек населения в мире. Более актуальной информации данный портал на момент написания настоящей статьи не предоставляет.³

На данный момент убийство – один из самых распространенных составов преступления в современной России. Согласно данным, опубликованным на Портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ каждый год в РФ органами следствия регистрируется более 7 000 убийств и покушений на убийство⁴, при этом каждый год более 600 зарегистрированных убийств и покушений остаются не раскрытыми органами следствия.⁵

Среди регионов РФ лидерами по количеству зарегистрированных убийств и покушений являются Москва, Московская и Свердловская области. Ежегодно в данных регионах регистрируется более 360 случаев убийств или покушений.

¹ Антонян Ю.М. Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2015. - № 2. - С.143.

² Бабичев А. Г. Конструктивные признаки в составе убийства матерью новорожденного ребенка //Евразийский юридический журнал. -2014. - № 11. - С. 178 .

³ «Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации» 2017 год, - URL: http://crimestat.ru/world_ranking_homicides (дата обращения 27.06.2020).

⁴ «Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации» 2019 год, - URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 27.06.2020).

⁵ «Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации» 2019 год, - URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 27.06.2020).

Ежегодно следственным органам данных регионов не удается раскрыть более 40 уголовных дел об убийстве или покушении на убийство.

Анализ 50 приговоров вступивших в законную силу в 2020 году по делам об убийств, опубликованных на сайте ГАС «Правосудие» показал, что:

1) 45 лиц виновных в совершении убийства являются мужчинами и 5 - женщинами;

2) 44 лица, ставшими жертвами убийства являлись мужчинами и 6 - женщинами;

3) 34 из 50 убийств были совершены в состоянии алкогольного опьянения;

4) 32 из 50 убийств были совершены с применением ножей кухонного предназначения, 2 убийства были совершены с применением огнестрельного оружия, 1 убийство совершено с применением штык-сабли, 1 убийство совершено с применением ножниц канцелярского назначения, 1 убийство совершено путем утопления жертвы под водой, остальные 13 убийств совершены без применения оружия или предметов в качестве оружия путем побоев и причинением множества травм жертве;

5) отягчающими обстоятельствами судом были признаны: алкогольное опьянение виновного в момент совершения преступления – 19 из 50; рецидив преступлений – 6 из 50; применение огнестрельного оружия – 1 из 50. В остальных случаях судом не было установлено наличие отягчающих обстоятельств;

6) смягчающими обстоятельствами судом были признаны: явка с повинной – 27 из 50; содействие лица совершившего убийства органам предварительного следствия – 35 из 50; аморальность и противоправность действий жертвы убийства по отношению к лицу, совершившему убийство – 14 из 50; полное или частичное признание вины лицом, совершившим убийство – 13 из 50; факт наличия малолетних детей или лиц находящихся на иждивении у лица, совершившего убийство – 3 из 50;

7) в 44 случаях суд применял наказание к лицу совершившему убийство в виде лишения свободы сроком не выше 10 лет; 4 раза суд применял наказание в виде лишения свободы на срок от 11 до 15 лет; в 2 случаях суд применял наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет, что является сроком ниже нижнего предела.

На основании составленной статистической сводки при анализе приговоров можно прийти к выводу, что в подавляющем количестве убийств и виновными, и лицами, ставшими жертвами убийств, являются мужчины. В большинстве случаев убийства совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения при потере контроля за своими действиями и эмоциями. Также подавляющее количество убийств совершается в жилых помещениях с применением в качестве оружия ножей кухонного предназначения.

Значительное количество случаев явки с повинной и содействию органам предварительного следствия дает основание предположить, что лица, совершившие убийство в состоянии алкогольного опьянения, протрезвев, осознавали произошедшее и признавали свою ответственность за содеянное, не пытаясь скрыться от органов предварительного следствия и суда.

Необходимо также обратить внимание на то, что чаще всего суды назначали лицу, совершившему убийство, наказание в виде лишения свободы сроком от 6 до 10 лет. Это, по моему мнению, позволяет говорить о единообразии судебной практики по делам об убийстве. Два раза суд назначал наказание в виде лишения свободы сроком ниже нижнего предела, что вероятно, можно связать с редким случаем детального разбора материалов уголовного дела и результативной работой защитников в уголовном процессе.

Кроме того, по итогам проведенного анализа выделены следующие статистические данные:

- 1) рекордные показатели регистрации убийств и покушений в Московской и Свердловской областях;
- 2) рекордные показатели не раскрываемости уголовных дел об убийстве или покушении в г. Москва и Московской области
- 3) выделен общий принцип совершения большинства убийств, а именно: в состоянии алкогольного опьянения с применением ножа кухонного назначения.

Данные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что правоохранительные органы в Московской и Свердловской области в недостаточном объеме проводят профилактическую работу с населением для предупреждения и пресечения убийств, а также, что в г. Москве и Московской области органы предварительного следствия не справляются с поставленной задачей по расследованию уголовных дел об убийстве.

Для решения поставленных проблем полагаю необходимым разработать программу по профилактической работе с населением и разъяснением о ситуации с убийствами в РФ, обязательным элементом которой должно быть предупреждение о возможности возникновения угрозы для жизни и здоровья при употреблении алкогольной продукции с маргинальными лицами. Напомню, что по статистике большинство убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения с применением ножа кухонного назначения.

Также, по нашему мнению, необходимо провести анализ деятельности органов предварительного следствия г. Москвы и Московской области в целях выявления проблем и причин не раскрытия уголовных дел об убийстве.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.* Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2015. - № 2. - С. 143-149
2. *Бабичев А. Г.* Конструктивные признаки в составе убийства материю новорожденного ребенка //Евразийский юридический журнал. -2014. - № 11. - С. 178-184.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: международно-правовой аспект

Аннотация: В статье рассматривается международно-правовой аспект противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. В первую очередь, отмечается сложность и многоаспектность вопроса регулирования оборота наркотиков, с учетом их роли в организованной преступности и отмывании денежных средств, а также – в лечении больных людей. Меры по противодействию незаконному обороту наркотиков на международном уровне включают проведение тематических конференций, заключение договоров, взаимодействие в рамках международных органов, организаций.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, наркотические средства, психотропные вещества, международное сотрудничество, легализация наркотиков, наркопреступность.

War on Drugs – International Approach Aspects

Abstract. The author considers international measures of countering illicit traffic in drugs, psychotropic and analogic substances. Firstly, author underlines the complex and multifactor nature of drug regulation policy, regarding the role drugs play in the organized crime function and money laundering, as well in the official healthcare. Author researches the results of international conferences on war on drugs, international treaties and cooperation between the states and organizations in that matter.

Keywords: illicit traffic in drugs, psychotropic and analogic substances, drugs, psychotropic substances, international cooperation, legalization, drug crimes

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов занимают существенное место в структуре наркопреступности, как в России, так во всем мире. Данная группа преступлений посягает не только на здоровье отдельного человека, но и на здоровье многих людей, проявляясь в медицинских и социальных последствиях.

На протяжении этапов мировой истории менялось отношение общества к различным наркотическим средствам и психотропным веществам, менялось законодательное регулирование. Наркотики употребляли такие известные личности, как Томас Эдисон, Фридрих Ницше, Олдос Хаксли, Пабло Пикас-

¹ *Научный руководитель* – Клейменов Иван Михайлович, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук

со, Сергей Есенин, Игорь Северянин, Николай Гумилев и др¹. Употреблению наркотиков в прошлом веке способствовало отсутствие научных исследований об их влиянии на человека. Однако с появлением таких исследований оборот многих веществ оказался запрещенным. В последствии незаконный оборот наркотиков стал связан с коррупцией, отмыванием денежных средств, организованной преступностью, распространением опасных заболеваний.

В то же время многие ученые² отмечают феномен «контролируемого потребления», распространенного среди людей с высоким уровнем образования и социальным статусом, что идет вразрез с той информацией, которую пропагандируют правоохранительные органы в РФ и многих других странах: наркоманы-преступники, употребление наркотиков способствует преступности в обществе. Подобная информация оказывается воспринятой законодателями некоторых стран, что проявляется, например, в легализации марихуаны в Канаде³. Канадский «Акт о каннабисе» оказал значительное влияние на международную практику. Журналистка Эмма Спирс, проанализировавшая данное влияние, отмечает и то, как негативно отреагировала Российская Федерация. При этом журналистка отмечает ряд проблем в России, касающихся оборота наркотических средств: неуспешная ультра суровая политика борьбы, аресты иностранцев за употребление в малых дозах и перевозку наркотиков при следовании транзитом через Россию⁴. К перечисленным проблемам противодействия обороту наркотических средств в России необходимо добавить и невозможность многих тяжелобольных людей получить лечение теми лекарственными средствами, которые разрешены в развитых странах, но на территории России считают наркотиками. Также в Российской Федерации отсутствует действенная профилактика наркопотребления, подменяясь преимущественно репрессивными мерами и запугиванием.

Таким образом, можно сделать вывод о сложности и многоаспектности вопроса противодействия обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. По данной причине международное сообщество принимает международно-правовые меры по предотвращению незаконного производства, спроса и оборота наркотических средств.

Одной из таких мер можно назвать многочисленные международные форумы, способствующие обмену информацией между государствами.

¹ Багдасарова С. Великие наркоманы Серебряного века [Электронный ресурс] // Нож. 2017. URL: <https://knife.media/writers-addicts/> (дата доступа – 15.06.2020)

² Позднякова М.Е., Брюно В.В. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // Россия реформирующаяся. - 2019. - № 17. - С. 202-249; Рыбакова Л.Н. Контролируемое потребление наркотиков: феномен и конструкт // Теория и практика общественного развития. - 2018. - № 12. - С. 40-48.

³ Как легализация марихуаны в Канаде повлияла на законы в других странах [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2019. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/10/18/kak-legalizaciya-marikhuanu-v-kanade-povliyala-na-zakony-v-drugikh-stranakh.html>. (дата доступа – 15.06.2020)

⁴ Там же.

Например, Международная конференция правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (International Drug Enforcement Conference – IDEC), которая проводится, начиная с 1983 г., Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков»¹. Среди иных способов совместного сдерживания процессов незаконного распространения наркотиков можно назвать договорно-правовой и институциональный механизм, заключающийся в сотрудничестве в рамках международных органов и организаций. Среди международных договоров можно назвать следующие: Единая конвенция о наркотических средствах², Венская Конвенция о психотропных веществах³, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ⁴.

Так, согласно ст. 38 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г., и ст. 20 Конвенции о психотропных веществах 1971 г., странам этих конвенций следует проводить мероприятия по предотвращению злоупотребления наркотическими средствами или психотропными веществами и медицинского характера. В Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. предусмотрено, что «в целях уменьшения страдания людей и ликвидации финансовых стимулов для ликвидации незаконного оборота Стороны принимают надлежащие меры, направленные на ликвидацию или сокращение незаконного спроса на наркотические средства и психотропные вещества».

С целью систематизации механизма контроля за наркотиками была принята Единая конвенция о наркотических средствах, вступившая в силу с 1964 г., в результате чего договоры по опиатам, каннабису и кокаину, заключенные перед Второй мировой войной, были отменены. Конвенция установила жесткий контроль над производством опия, дополнила список культивирования растений, подлежащих международному контролю, кокаиновым кустом и каннабисом. Дополнивший Конвенцию Протокол 1972 г. указал на необходимость расширения усилий по предупреждению незаконного оборота наркотиков.

¹ Ятрушева А.А., Степенко В.Е. Международное сотрудничество по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Ученые заметки ТОГУ. - 2014. - Т. 5. - № 4.- С. 283.

² Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (с изменениями на 25 марта 1972 года) [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900371>. (дата доступа – 15.06.2020)

³ Венская Конвенция о психотропных веществах 1971 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901829>. (дата доступа – 15.06.2020)

⁴ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900535>. (дата доступа – 15.06.2020)

В связи с распространением случаев негативного воздействия на человека психотропных веществ в 1971 г. принята Конвенция о психотропных веществах. В результате система международного контроля над наркотиками была расширена галлюциногенами, такими как: ЛСД и мескалин; стимуляторами, такими как: амфетамины; седативно-гипнотические средствами, например, барбитуратами. В 1988 г. международное сообщество ознакомилось с положениями Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, логично завершающей триаду конвенций в исследуемой сфере. Она содержала нормы, предусматривающие меры по конфискации доходов и собственности, полученных от незаконного оборота наркотиков; направлена против каких-либо убежищ для торговцев наркотиками и на взаимную международную юридическую помощь. Одним из обязательств Конвенций о наркотических средствах и психотропных веществах является установление уголовной ответственности и наказания за незаконный оборот наркотиков. В связи с этим Россия предусмотрела ряд статей в национальном уголовном законодательстве.

В ст. 7 исследуемой Конвенции 1988 г. содержатся нормы, на основании которых возможно обратиться к другим странам за помощью в проведении процессуальных действий. Сотрудничеству в вопросе пресечения незаконного оборота на море посвящена ст. 17 Конвенции 1988 г. В этой связи государство должно быть в состоянии оказывать помощь запрашивающим государствам в отношении судов, подозреваемых в участии в незаконном обороте наркотиков.

До настоящего времени мировая общественность признавала приоритет мер профилактического характера в вопросах противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Однако международная практика в настоящее время начала меняться. Кроме того, заметим, что в законодательстве государств-участников международного взаимодействия присутствуют различия. Прежде всего, отличаются перечни наркотических средств, психотропных веществ, подлежащих контролю. Различен порядок установления мер контроля за их оборотом и меры ответственности за правонарушения, связанные с ним.

Конечно, международное законодательство носит рекомендательный характер, однако если его принять за основу в национальном законодательстве, тогда сформируется больше вопросов для международного взаимодействия, противодействие незаконному обороту наркотиков и психоактивных веществ однозначно станет эффективнее.

Возможно определить периоды развития международно-правового конвенционального сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ:

- первый этап (1961-1988 гг.) – этап формирования системы международной безопасности в рамках разработки международно-правовых актов, направленных на сдерживание спроса и уменьшение предложения наркотиков;

- второй этап (1989-2010 гг.) – постконвенционный период активизации международного сотрудничества в реализации конкретной цели по сокращению спроса и предложения наркотиков в мире;

- третий этап (со второго десятилетия XXI в. по настоящее время) – попытка ослабления международного и национального контроля над незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, направленная на ликвидацию системы международной наркобезопасности, сопровождающаяся лоббированием легализации марихуаны, «метадоновой терапии»¹.

Подводя итог, следует отметить, что первый международно-правовой акт, содержащий систему норм по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в мире – это Единая конвенция 1961 г. Нормы Конвенции 1971 г. расширили сферу международного контроля списком психотропных веществ. Нормы, предусмотренные для него, направлены на защиту здоровья населения. Все конвенции взаимосвязаны этой целью и дополняют друг друга. Россия неукоснительно реализовывает предписанные положения в национальных нормах-запретах в рамках уголовного и административного законодательства. Идеи либерального подхода к вопросу международного и национального контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в России до настоящего времени не приняты.

Список литературы

1. *Багдасарова С.* Великие наркоманы Серебряного века [Электронный ресурс] // *Нож.* - 2017. URL: <https://knife.media/writers-addicts/>. (дата доступа – 15.06.2020)

2. *Емельянов В.А.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России: историко-правовые и международно-правовые аспекты // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* - 2019. - № 2 (82). - С. 138-146.

3. *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // *Россия реформирующаяся.* - 2019. - № 17. - С. 202-249.

4. *Рыбакова Л.Н.* Контролируемое потребление наркотиков: феномен и конструкт // *Теория и практика общественного развития.* - 2018. - № 12. - С. 40-48.

5. *Ятрушева А.А., Степенко В.Е.* Международное сотрудничество по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // *Ученые заметки ТОГУ.* - 2014. - Т. 5. - № 4. - С. 281-291.

¹ Емельянов В.А. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России: историко-правовые и международно-правовые аспекты // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2019. № 2 (82). С. 145.

Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации: обзор оснований уголовной ответственности

Аннотация: В статье проведен анализ уголовного законодательства в части, предусмотренной главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Рассмотрены вопросы толкования и применения данных уголовно-правовых норм, выделена специфика критической информационной инфраструктуры Российской Федерации внутри предмета преступления

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, компьютерная информация, компьютерные преступления, критическая информационная инфраструктура

Crimes in the Field of Computer Information

Abstract: The article analyzes the criminal law provided for by Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes in the field of computer information». Author considers issues of interpretation and application of these criminal law norms and highlights the specificity of the critical information infrastructure of the Russian Federation as the target of a crime.

Keywords: information and telecommunication networks, computer information, computer crimes, critical information infrastructure.

Благодаря развитию информационных технологий, которые постепенно внедряются во все сферы деятельности, решается ряд повседневных и рабочих проблем, однако повсеместное использование новейших технологий представляет угрозу безопасности как личности, так и общества в целом, а также в киберпространстве, что не может не найти свое отражение в уголовно-правовой сфере.

Помимо высокой сложности расследования преступлений, обремененных особой технической составляющей, в частности, компьютерных преступлений, существует законное предписание создания достаточно численной следственно-оперативной группы, в которую входят специалист в сфере информационных технологий и иные лица, а также с необходимостью присутствия следователя и отслеживания им каждого процессуального действия каждым участником специально созданной груп-

¹ *Научный руководитель* – Топильская Елена Валентиновна, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

пы, существует немало проблем в уголовно-правовом поле, связанных с так называемыми «компьютерными» преступлениями¹.

Законодатель, выделив в отдельную категорию компьютерную информацию как часть информации в широком смысле, поиск, получение, передача, производство и распространение которой легитимным способом являются неотчуждаемым конституционным правом человека, ставит перед собой цель в виде защиты уголовным законом компьютерной информации и соответствующих информационных ресурсов. В главу 28 Уголовного кодекса Российской Федерации объединены составы преступлений, посягающие на общественные отношения, которые обеспечивают правомерное пользование компьютерной информацией и защищают конфиденциальность сведений на машинных носителях, устройствах, подключаемых к компьютерам, и в сети:

- ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»;
- ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»;
- ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»;
- ст. 274¹ УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Эти составы преступлений в объективной стороне всегда имеют признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, однако законодатель прямо на это не указывает. Ст. 272 УК РФ, начинающая вышеназванную главу, содержит примечание, раскрывающее понятие компьютерной информации, значение которого необходимо учитывать при анализе и применении других статей данной главы. Компьютерная информация определяется как сведения, созданные посредством использования электрических сигналов, для защиты которых требуется надежная система безопасности.

Квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных статьями 272 – 274 УК РФ, являются типовыми, а именно: причинение крупного материального ущерба, корыстный мотив; совершение преступления особым субъектным составом (двумя и более лицами по предварительному сговору, либо одним или несколькими, но с использованием своего служебного положения); тяжкие последствия или создание угрозы наступления таковых последствий.

Рассматривая вопросы применения норм обозначенной главы, обратимся к судебной практике. Объективная сторона состава преступления,

¹ См.: Гассельбах П.С. Первоначальный этап расследования неправомерного доступа к компьютерной информации. - Томский государственный университет, 2017. - URL: http://ui.tsu.ru/?page_id=10027&id=16281 (дата обращения 19.06.2020)

предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ, включает в себя действие, состоящее в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, наступление последствий в виде, например, уничтожения¹ компьютерной информации и причинно-следственную связь между указанным действием и последствием. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга Афанасьев Д. Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ². Суд указал, что Афанасьев Д. Д., «не имея прав доступа к информационным ресурсам после своего увольнения, осуществил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, после чего, реализуя свой преступный умысел, произвел уничтожение вышеуказанной базы данных путем ее удаления».

Говоря о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 274 УК РФ (о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, и правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, при условии наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации, и причинения крупного ущерба), нужно обратить внимание на характер посягательства на правила обеспечения информационной безопасности. Нарушение этих правил не должно быть связано с осуществлением несанкционированного доступа, либо с использованием вредоносного программного обеспечения, и на этом основан принцип отграничения данного преступления от неправомерного доступа к компьютерной информации (ст.272 УК РФ) и от создания, использования и распространения вредоносных программ (ст.273 УК РФ). Вместе с тем, необходимо установление причинно-следственной связи между фактом нарушения, повлекшим уничтожение, блокирование, модификацию или копирование компьютерной информации, и наступившими последствиями в виде причинения крупного ущерба.

В 2017 г. законодатель ввел новую норму в главу 28 УК РФ, – ст.274¹, бланкетную по конструкции, которая закрепила новое для уголовно-правовой сферы понятие: «критическая информационная инфраструктура» (далее по тексту – КИИ)³, отсылающее к законодательству другой отрасли. Данная новелла встретила одобрение в научной среде; так, например, В. Е. Новичков и И. Г. Пыхтин об-

¹ См.: п. «а» ч. 1 «Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» (утв. Генпрокуратурой России) - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161817/ (дата обращения 18.06.2020)

² Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20.03.2018 по делу № 1-102/2018 - URL: https://oktibsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=256048457&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 19.06.2020)

³ См.: п. 6 ст. 2 Федерального закона от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 19.06.2020)

суждают необходимость введения уголовной ответственности за преступления в отношении КИИ, и подкрепляют свои выводы о важности и необходимости введения уголовной ответственности за данные деяния анализом ранее действовавшего законодательства России, а также статистикой увеличения числа компьютерных преступлений за последние годы, что говорит о недостаточности существовавших до этой новеллы средств уголовно-правового реагирования.¹

Понятие КИИ содержится в Федеральном законе «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 N 187-ФЗ, где КИИ представлена в качестве следующих объектов: информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры.

Более того, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, тоже являются составным объектом КИИ.

Стоит обратить внимание на то, что категория критичности законодателем не обоснована. В чем она выражается?

Р.Б. Головкин подчеркивает: «Критический характер информационной инфраструктуры подразумевается априорно, как общеизвестное явление, что, на самом деле, таковым не является»².

Поэтому необходимо обратить внимание на тот факт, что предметом преступления является компьютерная информация внутри перечисленных выше сетей, защита которой требует создания надежной системы безопасности, огромных финансовых вложений, а также специального правового регулирования. Это, на наш взгляд, и является фактором, обусловившим создание законодательной регламентации КИИ.

Назревшая необходимость уголовно-правовой регламентации обеспечения безопасности КИИ подтверждается уже состоявшимися судебными актами, например, – приговором Ленинского районного суда г. Владивостока от 25 сентября 2019 года. Гагиева О.В. осуждена за то, что, действуя умышленно, достоверно зная о принадлежности ПАО «Ростелеком» к объекту КИИ, используя свое служебное положение, воспользовавшись ранее выданными ей учетной записью и паролем, с рабочей станции, осуществила неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ, содержащейся в базе данных «Авалон» и хранящейся на защищенных сетевых ресурсах ПАО «Ростелеком»³.

¹ См.: Новичков В.Е., Пыхтин И.Г. Социально-правовое обоснование введения уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2018. - № 2 (73). - С. 25-29.

² Головкин Р.Б. Юридическое противодействие кибератакам // Аллея науки. - 2018. - № 4 (20). - С. 846.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 25 сентября 2019 года по делу № 1-368/2019 - URL: https://leninsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22307689&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 23.06.2020)

Несмотря на то, что компьютерные технологии пронизали все наше общество, некоторые ученые, например, С.Ю. Бытко, еще недавно писали: «Внедрение компьютерных технологий не создает новых общественных отношений, следовательно, не порождает новых объектов уголовно-правовой охраны»¹. Другие ученые, к числу которых принадлежит, например, Д.В. Добровольский, полагали, что данные составы преступлений следует все же выделить по объекту и отнести к посягательствам в сфере информационных технологий². Однако не исключено, что мнения данных ученых могли измениться в связи с нынешней обстановкой в мире, обусловленной бурным научно-техническим прогрессом.

Помимо этого, в существующих социальных реалиях высокой технической обеспеченности граждан, выраженной в наличии современных технологических устройств у представителей всех слоев населения, можно говорить о том, что признаки компьютерных преступлений соотносятся как часть и целое с составами преступлений, традиционных для уголовно-правовой системы, – например, с составом такого, давно известного науке и практике, деяния как мошенничество. Однако в силу того, что от этого деяния страдают различные виды общественных отношений, оно не охватывается одним составом. Так, еще в 2012 г. была введена ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренная статьей 159⁶ УК РФ. И в связи с возникающими у правоприменителей сложностями Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что если мошенничество совершено посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, то такое деяние требует дополнительной квалификации по статьям главы 28, – 272, 273 или 274¹ УК РФ.³

Подводя итог, можно заметить, что несмотря на повсеместную распространенность информационно-коммуникационных сетей и их возрастающую популярность, и важность для всего человеческого сообщества, весьма ограничен круг составов, обеспечивающих компьютерную безопасность, поэтому можно с уверенностью прогнозировать расширение главы 28 УК РФ.

¹ Бытко С. Ю. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий: дисс ... канд. юрид. наук. -Саратов, 2002. - С. 8—9

² Добровольский Д.В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): дисс ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

³ Абз. 2 п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. N 48 г. Москва «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета - Федеральный выпуск № 280 (7446)

Список литературы

1. *Бытко С. Ю.* Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий: дисс ... канд. юрид. наук.- Саратов, 2002.
2. *Гассельбах П.С.* Первоначальный этап расследования неправомерного доступа к компьютерной информации. - Томский государственный университет, 2017 - URL: http://ui.tsu.ru/?page_id=10027&id=16281 (дата обращения 19.06.2020)
3. *Головкин Р.Б.* Юридическое противодействие кибератакам // Аллея науки. - 2018. - № 4 (20). - С. 845-851.
4. *Добровольский Д.В.* Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы): дисс ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
5. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России) - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161817/ (дата обращения 18.06.2020)
6. *Новичков В.Е., Пыхтин И.Г.* Социально-правовое обоснование введения уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2018. - № 2 (73). - С. 25-29.
7. *Попов А.Н.* Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018.

Украинчик А.В.

Исполнитель преступления: вопросы теории и практики в свете различных форм соучастия

Аннотация. Понятие исполнителя преступления относится сегодня к числу нормативно установленных, вместе с тем, оно порождает ряд значимых для современной практики вопросов, которые не находят пока однозначного решения. В статье на теоретическом материале и материалах судебной практики раскрываются особенности таких признаков исполнителя, как обладание им признаками субъекта преступления и выполнение объективной стороны преступления, с учетом их проявления в различных формах соучастия.

Ключевые слова: исполнитель преступления, соучастие, субъект преступления, объективная сторона, организованная группа

The Perpetrator of the Crime: Questions of Theory and Practice in the Light of Various Forms of Complicity

Abstract. The concept of the perpetrator of the crime today is well established. However, it raises several issues that are significant for modern legal practice and do not yet find an unambiguous solution. Basing the analysis on the theoretical material and judicial practice author reveals the attributes of the principal offender, considering their manifestation in various forms of complicity.

Keywords: accessory to crime, perpetrator, complicity, facts of crime, organized group

Понятие исполнителя преступления относится сегодня к числу нормативно установленных, причем, по мнению Конституционного Суда РФ, нормативная дефиниция исполнителя не содержит в себе признаков правовой неопределенности. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем преступления признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных кодексом.

В отечественной науке «общим местом» всех рассуждений об исполнителе является признание того, что именно он, обладая нормативно установленными признаками субъекта, выполняет объективную сторону преступления.

Это положение в полной мере разделяется судебной практикой. Однако оно имеет некоторые специфические проявления в зависимости от форм соучастия.

Когда речь идет о квалификации преступлений, совершенных в так называемом «сложном соучастии», каких-либо сложностей, как правило, не возникает, ибо отсутствие признаков субъекта преступления у лица, которое совершило уголовно-противоправное деяние, по общему правилу, исключает квалификацию содеянного как совершенного в соучастии. Здесь вступают в силу правила квалификации посредственного исполнения.

Требование наличия признаков субъекта у исполнителя распространяется в полной мере также на преступления, совершенные в группе лиц или в группе лиц по предварительному сговору. Само наличие таких групп связывается в судебной практике (хотя иногда и оспаривается в науке) с наличием, как минимум, двух исполнителей. Соответственно, каждый из них должен обладать признаками субъекта¹.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 15) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9; Постановление Пленума Верховного Суда

Вместе с тем, при квалификации преступлений, совершенных в иных формах соучастия, это правило игнорируется. Речь идет, в частности, о квалификации преступлений, совершенных организованной группой и преступным сообществом. В данном случае для признания самого факта наличия организованной группы достаточно, чтобы в ней признаками субъекта преступления обладал хотя бы один из участников. Так, по общему правилу (и это абсолютно обоснованно) преступление в виде создания преступного сообщества окончено в тот момент, когда два или более лица объединились в устойчивую группу в целях совершения преступления¹. Эти два лица должны обладать признаками общего субъекта преступления, но при этом не обязательно должны обладать всеми признаками субъекта преступления, которое планирует совершить организованная группа. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 г. (ч. 2 п. 16) отмечается: «в организованную группу (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ и п. «а» ч. 4 ст. 204 УК РФ), помимо одного или нескольких должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа». Тем самым признается, что при совершении коррупционного преступления в организованной группе только один исполнитель может обладать признаками специального субъекта.

Нарушается требование об обладании признаками субъекта преступления всеми исполнителями и в ситуации, когда объективную сторону преступления выполняют два лица, одно из которых не подлежит уголовной ответственности. В этом случае судебная практика последовательно придерживается правила о квалификации преступления, совершенного «годным субъектом» как выполненного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору². Тем самым косвенно признается, что лицо, не обладающее признаками субъекта (в силу невменяемости или не достижения возраста) в совершенном преступлении также выполняет роль исполнителя. Его действия для целей принятия процессуального решения об освобождении ответственности и применении принудительных мер медицинского характера и воспитательного воздействия также квалифицируются как исполнительские.

Таким образом, обладание признаками субъекта преступления не является обязательной специфической характеристикой исполнителя. Наличие

РФ № 48 от 30.11.2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 27) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п. 22³) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

² См., например: постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр по делу Прокопьева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 1048п2000пр по делу Тимиркаева и др.; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 740п99 по делу Степанова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8.

таких признаков предопределяет способность лица претерпеть последствия, связанные с реализацией уголовной ответственности, но никак не связано с самим фактом исполнительства. Субъект преступления может быть исполнителем или не быть им в той же степени, в какой исполнитель может обладать признаками субъекта преступления или же не обладать ими. Такой вывод, хотя и не является общепризнанным в науке, тем не менее, не противоречит общему подходу к вычленению исполнителя в общей массе соучастников, поскольку таковое вычленение происходит на основе функционального признака, то есть той роли или функции, которую лицо выполняет при совершении преступления. Обладание же признаками субъекта к самой по себе роли не имеет прямого отношения. Как следствие, можно утверждать, что признание лица исполнителем должно увязываться не с фактом наличия у него признаков субъекта преступления, а с теми конкретными действиями, которые оно совершает.

Теперь перейдем ко второму из выделенных ранее признаков, характеризующих исполнителя и отличающих его от других соучастников, а именно к тому, что именно исполнитель, как гласит ч. 2 ст. 33 УК РФ, «непосредственно совершает преступление».

В судебной практике этот признак понимается вполне определенно, как выполнение исполнителем (в отличие от иных соучастников) объективной стороны преступления. Высшая судебная инстанция регулярно обращает внимание на этот факт. Так, в п. 27 цитированного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017 г. отмечается: «При рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате, совершенных двумя и более лицами, суду с учетом положений статей 32, 33, 35 УК РФ надлежит выяснить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников». В надзорной практике Президиума Верховного Суда РФ также подчеркивается, что исполнители есть лица, выполняющие объективную сторону преступления. В одном из решений Президиум указал: «По смыслу уголовного закона, убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего. Непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами (соисполнителями). Между тем из приговора усматривается, что Р. не принимал непосредственного участия в убийстве М. Освещая фонариком мобильного телефона спавшего на топчане потерпевшего, он лишь содействовал И. в совершении этого преступления, создавая ему необходимые условия для производства прицельного выстрела из ружья в затылочную часть головы М. Таким образом, из приговора следует, что убийство М. было совершено одним И., который из гладкоствольного охотничьего ружья с близкого расстояния произвел выстрел в голову потерпевшего, а Р., создавая ему условия для про-

изводства прицельного выстрела, являлся пособником убийства. При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия Р. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, а действия И. - с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ»¹.

Наука также вполне разделяет такой подход, увязывая исполнительство с непосредственным совершением преступления, а непосредственное совершение – с выполнением объективной стороны состава. Однако признавая это положение как общее требование, нельзя не заметить что, как и в случае с рассмотренным выше признаком, в ряде случаев судебная практика и наука допускают признание исполнителем преступления лица, которое не выполняло непосредственно объективной стороны преступления.

Обратим внимание на следующие ситуации, а именно: признание исполнителями преступления всех участников организованной группы или преступного сообщества и признание исполнителем лица, которое выполняет действия, непосредственно не описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Высшая судебная инстанция последовательно проводит в жизнь правило о том, что действия всех участников организованной группы, независимо от выполняемой ими роли, следует квалифицировать как действия исполнителей преступлений, в совершении или подготовке которых они участвовали; а действия организаторов организованных групп квалифицировать как исполнительские в отношении всех преступлений, совершенных группой, при условии, что они охватывались его умыслом на момент создания группы, вне зависимости от того, принимали ли они непосредственное участие в совершении или подготовке того или иного конкретного преступления². Это правило вызывает неоднозначную оценку у представителей научного сообщества. К примеру, Д.С. Дядькин его полностью поддерживает и предлагает закрепить нормативно³. В.В. Тарасенко, признавая фикционную природу тако-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2013 г. (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 235-П13) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 9.

² См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3; п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2; п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 10.06.2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9; п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 09.02.2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 3 и др. ; Янковский Д.А. Ответственность участников преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций) // Проблемы в Российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 151 – 154.

³ Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 19.

го правила, тем не менее, считает правильным распространить его и на случаи совершения преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, признавая всех участников таких групп исполнителями преступления¹. В тоже время С.А. Балеев оспаривает устоявшуюся практику и высказывается в пользу самостоятельной квалификации действий участников организованных групп, в том числе при необходимости со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ². М.А. Саблина также считает существующую практику признания всех участников организованной группы исполнителями не основанной на законе³.

Анализируя эту проблему, полагаем необходимым оставить в стороне аргументы, связанные с особой опасностью организованной преступной группы, необходимостью дифференциации преступных групп, утилитарными потребностями квалификации и т.д. Следует ограничить исследование исключительно уголовно-правовыми соображениями, связанными с критериями признания лица исполнителем преступления. В этом случае важно признать, что если строго следовать началам объективной теории исполнительства, объявляя исполнителем лишь того, кто выполняет объективную сторону состава преступления, то надо безоговорочно отказать существующей сегодня практике признания всех участников организованных групп исполнителями в справедливости и обоснованности. Либо надо признать, что требуется дополнительный (наряду с исполнением объективной стороны) критерий, позволяющий обосновать ответственность лица как исполнителя преступления.

Выход из сложившейся противоречивой ситуации видится в установлении и последовательном соблюдении единых критериев признания лица исполнителем преступления.

Для последовательного соблюдения объективного подхода к вычленению фигуры исполнителя полагаем целесообразным и правильным отказать от правила о признании организаторов организованных преступных групп исполнителями преступления. Такое решение не потребует изменения текста уголовного законодательства; для его практической реализации необходимо будет лишь внести изменения в соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Сказанное в полной мере следует распространить и на оценку действий рядовых участников организованных групп. Их следует признавать исполнителями преступления лишь в том случае, когда они непосредственно участвуют в выполнении объективной стороны состава преступления.

¹ Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2016. – С. 193.

² Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000. – С. 174.

³ Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 16.

Список литературы

1. *Балеев С.А.* Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.
2. *Дядькин Д.С.* Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. *Иванов Н.Г.* Группа и ее интерпретация в решениях Верховного Суда РФ // Уголовное право. – 2014. – № 1.
4. *Саблина М.А.* Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.
5. *Тарасенко В.В.* Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2016.
6. *Янковский Д.А.* Ответственность участников преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций) // Проблемы в Российском законодательстве. – 2014. – № 6.

Цибульская А.А.¹

Развитие уголовного законодательства об ответственности за ограничение конкуренции

Аннотация. В представленной статье проанализировано развитие современного уголовного законодательства об ответственности за ограничение конкуренции. Показано, что несмотря на многочисленные изменения ст. 178 УК РФ до сих пор вызывает нарекания специалистов и по-прежнему нуждается в совершенствовании

Ключевые слова: антиконкурентное соглашение, антимонопольное законодательство, картель, конкуренция, уголовный закон.

Criminal Liability for the Restriction on Competition

Abstract. The author analyzes the development of modern criminal legislation concerning the restriction on competition. It is shown that despite numerous changes to Art. 178 of the Criminal Code of the Russian Federation it is still criticized by specialists and still needs to be improved.

Keywords: anticompetitive agreement, antimonopoly legislation, cartel, competition, criminal offence.

¹ *Научный руководитель* – Рахманова Екатерина Николаевна, зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент

Развитие рыночной экономики в нашей стране привело к пониманию необходимости развития конкуренции и в то же время вызвало необходимость создания антиконкурентного законодательства. В 1993 году Конституция Российской Федерации гарантировала единство экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг, а также поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности¹.

До принятия Конституции РФ в целях развития конкуренции и ограничения монополистической деятельности был принят Закон РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»², в котором впервые было дано понятие конкуренции и ограничения монополистической деятельности. Но собственно понятие «картель» в нем отсутствовало.

Впервые легальное определение картеля дано в Федеральном законе № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции»³, согласно которому «признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке», если данные действия могут привести к указанным в законе последствиям (ч. ст. 11). Признаки ограничения конкуренции указаны также в п. 17 Федерального закона «О конкуренции». Несовершенная конкуренция предполагает возникновение монополий, олигополий и монополий. Одной из форм монополистической деятельности являются антиконкурентные соглашения, ограничивающие конкуренцию, иначе говоря, картели.

История современного отечественного уголовного антимонопольного законодательства ведет свое начало с 1992 г., когда в УК РСФСР 1960 г. была включена ст. 175¹ «Нарушение антимонопольного законодательства», а затем в 1993 г. – ст. 154³ «Незаконное повышение или поддержание цен»⁴. При этом следует отметить в «дореволюционном праве уголовная ответственность за посягательство на конкуренцию предусматривалась впервые была установлена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.», а также в Уложении 1903 года⁵.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)//СПС Консультант Плюс

² Закон РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»// Бюллетень нормативных актов, N 2-3, 1992

³ Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О защите конкуренции»// СПС Консультант Плюс

⁴ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996)//СПС Консультант Плюс

⁵ Деревягина О.Е. К проблеме обусловленности криминализации ограничения конкуренции (ч.1 ст. 178 УК РФ)// Юридические исследования - № 4 – 2019 – С. 27-43

Названные выше нормы были учтены при принятии УК РФ 1996 года, в который была специально включена ст. 178 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», под которыми понималось «становление монопольно высоких или монопольно низких цен, а равно ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен».

С тех пор данная статья пять раз подвергалась изменениям и дополнениям, которые касались, прежде всего, объективной стороны данного деяния, но также менялось и название самой статьи. Так, если в УК РФ 1996 года, как указывалось выше, статья называлась «Монополистические действия и ограничение конкуренции», в редакции 2003 г. - «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»¹, в редакции 2015 г. – «Ограничение конкуренции»².

Но, конечно, наиболее важные и серьезные изменения касаются диспозиции статьи, особенностью которой является ее бланкетный характер. Как указывалось в разъяснениях ФАС России о проекте Федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «Нормы статьи 178 УК РФ являются бланкетными, то есть отсылающими к отраслевому законодательству, в котором раскрывается содержание признаков соответствующего состава преступления. В этом случае, содержание состава преступления, предусмотренного статьей 178 УК РФ раскрывается в Федеральном законе «О защите конкуренции», который устанавливает запрет на картели и определяет, что именно является картелем, а также определяет, что является доминирующим положением и в каких формах возможно злоупотребление таким положением. Учитывая бланкетный (отсылочный) характер норм статьи 178 УК РФ ее конструкция не предполагает полного раскрытия всех элементов состава, содержащихся в антимонопольном законодательстве, в статье Уголовного кодекса»³. Но именно особенность конструкции диспозиции рассматриваемой нами статьи породила те изменения и дополнения, которым она подвергается до настоящего времени.

В 1996 году в ст. 178 УК РФ были указаны только отдельные формы монополистических действий и ограничения конкуренции, состав был сформулирован как формальный без наступления общественно опасных последствий.

В 2003-м году формальный состав был заменен на материальный, в качестве одного из обязательных признаков объективной стороны в статью был включен крупный ущерб на сумму не менее 1 млн. рублей⁴. Внесённые

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»// СЗ РФ, 15.12.2003, N 50, ст. 4848

² Федеральный закон от 08.03.2015 N 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»// СЗ РФ, 09.03.2015, N 10, ст. 1415

³ Разъяснения ФАС России о проекте Федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»: URL - <https://fas.gov.ru/news/8000> (дата доступа - 30.03.2020)

⁴ Соловьева О. А. Ограничение конкуренции (Ст. 178 УК РФ) – миф или реальность в практике применения (теоретический аспект) // Baikal Research Journal. - 2018. - №1. - С. 3

изменения можно, таким образом, определить как частичную декриминализацию монополистической деятельности; данные поправки к законодательству оказали непосредственное влияние на количество квалифицируемых ст. 178 УК РФ преступных деяний. Так, с 1997 по 2003 г. г. было возбуждено 287 уголовных дел, а с 2004-го по 2006-й – 18¹.

Но Федеральным законом от 29.07.2009 N 216-ФЗ в статью были внесены новые поправки, которые вступили в силу 30 октября 2009 г. Вновь было уточнено содержание объективной стороны, а также предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности², установлена ответственность за антиконкурентные соглашения. В число квалифицирующих признаков включен незаконно полученный доход.

В 2015 году ФАС России подготовил новый пакет с предложениями об изменении действующего уголовного законодательства, которые были направлены на активизацию борьбы с картелями. «Данный эффект предполагалось достигнуть за счет: 1) ограничения числа уголовно-наказуемых форм антиконкурентных действий картелями и 2) повышения минимальных размеров альтернативных криминообразующих последствий до сумм, превышающих 10 млн руб. – для ущерба и 50 млн руб. – для незаконного дохода»³. Были уточнены требования к деятельному раскаянию и конкретизированы основания освобождения от уголовной ответственности⁴.

Но как затем показала практика этих мер было явно недостаточно: в 2016 году было возбуждено только 3 преступления, и не вынесено ни одного приговора⁵.

В 2019 году ФАС России подготовил новый проект об изменении уголовного законодательства, с которым вновь поставлен вопрос о криминализации действий, ограничивающих конкуренцию, об усилении уголовной ответственности за сговоры на торгах и т. д.

Проведенный нами краткий анализ развития современного антимонопольного уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что многочисленные поправки вызваны, в основном, неэффективностью действующего уголовного закона, который нуждается в серьезной теоретической проработке и осмыслении.

¹ Крылова Н. Е., Филиппов П. А. Некоторые вопросы совершенствования нормы об уголовной ответственности за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2010. - №3. – С. 54

² Федеральный закон от 29.07.2009 N 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»// СЗ РФ, 03.08.2009, N 31, ст. 3922

³ Максимов С. В., Утаров К. А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. Монография /Под ред. В. П. Заварухина. – М.: ИПРАН РАН, 2018. – С. 20

⁴ см. подробнее: Иващенко К. А., Рахманова Е. Н. Соотношение освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании 3 к ст. 178 УК РФ, с нормами Общей части УК РФ//Бизнес. Образование. Право. № 2(47) – 2019 – С. 267-272

⁵ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. М.: ФАС России, 2017. – URL: <https://fas.gov.ru/documents/596439> (Дата обращения - 30.06.2030)

Список литературы

1. *Деревягина О.Е.* К проблеме обусловленности криминализации ограничения конкуренции (ч.1 ст. 178 УК РФ)// Юридические исследования - № 4 – 2019 – С. 27-43
2. *Иващенко К. А., Рахманова Е. Н.* Соотношение освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании 3 к ст. 178 УК РФ, с нормами Общей части УК РФ//Бизнес. Образование. Право. № 2(47) – 2019 – С. 267-272
3. *Крылова Н. Е., Филиппов П. А.* Некоторые вопросы совершенствования нормы об уголовной ответственности за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11. - 2010. - №3. – С. 52-64
4. *Максимов С. В., Утаров К. А.* Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности. Монография / Под ред. В. П. Заварухина. – М.: ИПРАН РАН, 2018. – 80 с.
5. *Соловьева О. А.* Ограничение конкуренции (Ст. 178 УК РФ) – миф или реальность в практике применения (теоретический аспект) // Baikal Research Journal. - 2018. - №1. - С. 1-9

Чориев М.А.У.¹

Основные тенденции в совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена анализу последних изменений в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Узбекистана. В числе основных тенденций выделяются гуманизация, цифровизация, а также быстрое реагирование на происходящие в стране процессы

Ключевые слова: гуманизация, уголовное право, стратегия действий, цифровизация, пандемия.

The Main Trends in Improving the Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Republic of Uzbekistan

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the latest changes in the criminal and criminal procedure legislation of Uzbekistan. Humanization, digitalization, and swift response to the changes happening in the country stand out among the main trends.

¹ *Научный руководитель* - Садыков Максуд Абдулладжанович, преподаватель кафедры теории и история государства и права Ташкентского государственного юридического университета

Key words: humanizing, criminal law, strategy of actions, digitalization, pandemic.

В последние годы реформы в судебной-правовой сфере в Узбекистане вышли на новый уровень. Программным документом для значительных изменений в данной сфере стала Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах, утверждённая Указом Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 7 февраля 2017 года «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». Второе направление Стратегии действий предусматривает обеспечение верховенства закона и дальнейшего реформирования судебной-правовой системы. Данное направление Стратегии действий, в частности, наряду с другими мерами, предполагает также «совершенствование и либерализацию норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, декриминализацию отдельных уголовных деяний, гуманизацию отдельных уголовных наказаний и порядка их исполнения»¹, а также повышение эффективности и качества отправления правосудия и совершенствование процессуальных основ уголовного судопроизводства. Меры, определённые в Стратегии в качестве основных задач в сфере судебной-правовой системы, постепенно находят своё воплощение в жизни.

До 2016 года в Узбекистане в сфере уголовной политики активно применялась практика амнистирования заключённых. Но, начиная с 2016 года, в Узбекистане амнистия не применяется, а вместо неё отдаётся предпочтение практике помилования. Это можно считать шагом вперёд в уголовной политике, потому что помилование больше соответствует принципам справедливости и демократии. Амнистия предполагает полное или частичное освобождение от юридической ответственности лиц, совершивших преступление какой-либо категории, то есть амнистия устанавливает только категорию преступлений, но не устанавливает конкретный круг лиц. А помилование подразумевает полное или частичное освобождение от юридической ответственности конкретных лиц. При этом ещё учитывается, безусловно, степень общественной опасности совершённого преступления, отношение к помилованию потерпевшей стороны, последствия совершённого деяния, возмещение нанесённого преступником ущерба и самое главное - тщательно изучается личность осуждённого. Поэтому в последние годы в Узбекистане практика помилования применяется вместо амнистии. К примеру, в 2017 году в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан «О помиловании в связи с 25-й годовщиной принятия Конституции Республики Узбекистан» впервые в истории Узбекистана 2700 осуждённых были помилованы, в том числе 956 лиц, совершивших преступления в силу различных обстоятельств, истинно

¹ Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 07.02.2017 г. «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» //Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 6, ст. 70.

раскаявшихся в содеянном преступлении, решительно вставших на путь исправления и положительно характеризующихся по месту жительства и исполнения наказания, были освобождены из колоний.

Ещё одной мерой, направленной на гуманизацию исполнения наказаний в Узбекистане, стала ликвидация колонии «Жаслык» в Каракалпакстане постановлением Президента Республики Узбекистан № УП-4414 от 2 августа 2018 года «О ликвидации специализированной колонии по исполнению наказания № 19 Министерства внутренних дел Республики Каракалпакстан». Как известно, в этом учреждении, располагавшемся в Кунградском районе Республики Каракалпакстан, содержали, в основном, лиц, осуждённых за членство в запрещённых на территории Узбекистана религиозных организациях. По оценкам экспертов, в этой колонии заключённые содержались в довольно суровых условиях. Поэтому в условиях либерализации уголовно-исполнительного законодательства в Узбекистане и, как отмечается в Постановлении Президента, «в целях повышения эффективности исправительного воздействия на осуждённых к лишению свободы, направленного на формирование у них законопослушного поведения, уважительного отношения к личности и обществу», данное учреждение было ликвидировано. Вместе с тем, здания, сооружения и имевшееся имущество колонии было передано Следственному изолятору № 2 Министерства внутренних дел Республики Каракалпакстан, а содержащиеся в этой колонии осуждённые были направлены в другие колонии по исполнению наказания органов внутренних дел в соответствии с видами режимов, назначенными судом. Данная мера свидетельствует о том, что в стране действительно предпринимаются меры по обеспечению уважительного отношения к чести и человеческому достоинству осуждённых.

Развитие предпринимательства является одним из самых важных направлений государственной политики в Республике Узбекистан. Поэтому государственная политика по открытию всё более широких возможностей для частных предпринимателей находит своё отражение также в совершенствовании норм уголовного и уголовно-процессуального права. Например, согласно внесённым в 2018 году в Уголовный кодекс изменениям, уголовное дело в отношении субъекта предпринимательства по фактам, связанным с предпринимательской деятельностью, отныне может возбуждаться исключительно с согласия прокурора Республики Каракалпакстан, прокуроров областей и города Ташкента либо с согласия Генерального прокурора Республики Узбекистан или его заместителя. Более того, на повестке дня для рассмотрения Олий Мажлисом стоит ещё один вопрос, имеющий отношение к уголовному законодательству в сфере бизнеса. Так, согласно подготовленному Государственным таможенным комитетом Узбекистана законопроекту о внесении изменений в Уголовный кодекс, предлагается отныне освобождать от уголовной ответственности лица, «впервые совершившего преступление в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности, если оно в тридцатидневный срок со дня обнаружения преступления добровольно упла-

тило таможенные платежи, в том числе полностью уплатило пеню за несвоевременную уплату таможенных платежей, возместило причиненный материальный ущерб и осуществило таможенное оформление товаров, за исключением случаев, связанных с перемещением товаров, ограниченных к перемещению и запрещенных к ввозу через таможенную границу Республики Узбекистан»¹. Эти меры по либерализации уголовного законодательства в сфере предпринимательства направлены на стимулирование предпринимателей к законопослушному поведению и формированию благоприятного делового климата в стране.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий на фоне цифровизации современного общества находят свой отклик практически во всех сферах жизни, в том числе и в праве. Законодательство Узбекистана также старается идти в ногу со временем. В частности, в 2019 году Уголовный Кодекс Республики Узбекистан был дополнен нормами, предусматривающими наказание в виде лишения свободы сроком на три года и более за незаконный ввоз, сбыт, приобретение, хранение или использование беспилотных летательных аппаратов (в том числе комплектующих и запасных частей к ним), а также за нарушение порядка хранения и использования беспилотных летательных аппаратов. Вместе с тем Кодекс предусматривает то, что лицо, совершившее незаконный ввоз, сбыт, приобретение, хранение или использование беспилотных летательных аппаратов (в том числе комплектующих и запасных частей к ним) освобождается от ответственности в случае добровольной сдачи лицом беспилотных летательных аппаратов, комплектующих и запасных частей к ним. Здесь необходимо подчеркнуть, что установление таких жестких наказаний касательно вышеуказанной категории преступлений полностью себя оправдывает, так как это направлено на обеспечение безопасности, спокойствия и благополучия граждан.

Распространение коронавирусной инфекции по всему миру и объявление в связи с ним пандемии не может не сказаться на изменениях в законодательстве. Реальная угроза ещё большего распространения COVID-19 и необходимость борьбы с этим «невидимым врагом» подталкивают к принятию действенных мер, в том числе к изменениям в уголовном праве во многих странах. Узбекистан также не остаётся в стороне от этих событий мирового масштаба. Как и во многих других странах, законодательством ужесточаются меры наказания за нарушение противоэпидемиологических мероприятий. В частности, в условиях распространения большого количества информации во время карантина, иногда происходят случаи распространения ложных сведений об эпидемиологической ситуации в стране, что может вызвать панику среди населения. Поэтому недавно Уголовный Кодекс Республики Узбекистан пополнился нормами, предусматривающими уголовную ответствен-

¹ Новость в интернет-издании под названием: «Ожидается либерализация уголовного законодательства в таможенной сфере». – URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/03/02/ojidayetsya-liberalizatsiya-ugolovnoy-zakonodatelstva-v-tamojyennyoy-sfere> (дата доступа – 20.06.2020)

ность за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций, вплоть до лишения свободы сроком до трёх лет. Также в Кодекс была добавлена норма, которая предполагает ужесточение наказания за «нарушение санитарного законодательства и нарушение правил борьбы с эпидемиями, в том числе за невыполнение без уважительных причин в условиях возникновения и распространения карантинных и других опасных для человека инфекций требований о прохождении медицинского обследования, лечении и прибытии в места, определённые для прохождения карантина и не покидании данных мест в установленный период, разглашении сведений о лицах, с которыми был контакт и местах посещения в период риска заражения заболеванием, а также других законных требований органов государственного санитарного надзора, создавшее реальную угрозу массового заболевания или отравления людей либо повлёкшее массовое заболевание или отравление людей»¹. Отныне такое преступление, повлёкшее за собой смерть человека, может караться законом в виде лишения свободы от пяти до семи лет, а то же деяние, повлёкшее человеческие жертвы, наказывается лишением свободы от семи до десяти лет. Внесение таких изменений в уголовное законодательство обусловлено существованием реальной угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию населения и необходимостью осуществления решительной политики для скорейшего преодоления этих трудностей с целью последующего возвращения людей к обычной жизни.

Таким образом, тенденции в уголовной политике, в совершенствовании уголовного законодательства в Узбекистане в последние годы направлены на то, чтобы, во-первых, приблизить требования уголовного законодательства к современным реалиям, а во-вторых – не допустить образования правового вакуума в тех сферах общественных отношений, которые нуждаются в правовом регулировании.

¹ Закон Республики Узбекистан от 26.03.2020 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности». Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/4774974> (дата доступа – 15. 06.2020)

Сведения об авторах

- АБАШИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА*, заведующая кафедрой уголовного права Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, кандидат юридических наук, доцент
- АКУЛИН ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ*, заведующий кафедрой организации здравоохранения и медицинского права СПбГУ, доктор медицинских наук, профессор
- АНТОНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ*, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», кандидат юридических наук, доцент
- АНТОНОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА*, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», доктор юридических наук, доцент
- БАРАНЧИКОВА МАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА*, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент
- БЕРЕСТОВОЙ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ*, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
- БУРЛАКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ*, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук
- ВАСИЛЬЕВ СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ*, заместитель директора по развитию и научной работе Юридического института Севастопольского государственного университета
- ГЕЙНЦЕ ОЛЬГА ВИКТОРОВНА*, судья Верховного суда Республики Хакасия, соискатель кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
- ГЕЛЬДИБАЕВ МОВЛАД ХАСИЕВИЧ*, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор
- ГЕРАЩЕНКО ИГОРЬ GERMANOVICH*, профессор кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор философских наук, профессор
- ГИЛИНСКИЙ ЯКОВ ИЛЬИЧ*, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор
- ГОЛУБОВСКИЙ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ*, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ «Российский государственный социальный университет», доктор юридических наук, профессор
- ГОТЧИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА*, начальник кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор
- ДАЛГАЛЫ ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА*, доцент кафедры уголовного права и криминологии Красноярского аграрного университета, кандидат юридических наук
- ДВОРЯНСКОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ*, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор
- ДЕРЕВЯНСКАЯ ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА*, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук
- ДИКАЕВ САЛМАН УМАРОВИЧ*, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор

ДИКАЕВА МИЛАНА САЛМАНОВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук

ЕФРЕМОВА ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Международного юридического института

ЗАРУБИН АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

ЗУБАЛОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук

ИВАНЧЕНКО ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

КАРЧЕВСКИЙ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД

КИРЯНИНА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородского филиала ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

КЛЕЙМЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ, профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия, доктор юридических наук

КЛИМОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института имени Михаила Михайловича Сперанского ФГБОУВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Александра Григорьевича Столетовых», кандидат юридических наук, доцент

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юридических наук, профессор

КОНЕВ ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ, главный специалист отдела организации защиты корпоративных интересов в сфере экономики ПАО «ТГК-1», соискатель Омской академии МВД России

КРАСНОВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

КУКЕЕВ АСКАР КУЛЬЧИМБАЕВИЧ, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права» Южно-Казахстанского Государственного Университета им. М. Ауэзова, г. Шымкент (Казахстан)

КУНЦ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

КУНЦ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования

ЛЕПЕШКИНА ОКСАНА ИВАНОВНА, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

ЛЯСКОВСКА КАТАРЖИНА, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Юридический факультет, Университет в Белостоке, доктор юридических наук (Польша)

МАГНУТОВ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, председатель Борского городского суда Нижегородской области

- МАЛЫШЕВА ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА*, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
- МИРОНЕНКО СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ*, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент
- МОСЕЧКИН ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ*, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент
- МОТИН АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ*, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, кандидат юридических наук
- МУХАМЕДЖАНОВ ЭДУАРД БУЛАТОВИЧ*, профессор кафедры Международного права, Казахского Университета Международных Отношения и Мировых Языков им. Абылай хана, доктор юридических наук, профессор, академик Международной Академии Наук Евразии
- НОМОКОНОВ ВИТАЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ*, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор
- ОСИПОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ*, старший научный сотрудник доцент кафедры юриспруденции Автономной некоммерческой организации высшего образования Международная полицейская академия ВПА, кандидат юридических наук
- ПЕТРУШИНА НАДЕЖДА ВАЛЕРЬЕВНА*, преподаватель Тульского филиала Образовательного частного учреждения высшего образования «Международный юридический институт»
- ПИНКЕВИЧ ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА*, профессор кафедры уголовной политики ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», доктор юридических наук, профессор
- РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА*, зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент
- РЕПИН МАКСИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ*, заместитель начальника отделения оперативного дежурства Управления Федеральной службы судебных приставов по Нижегородской области
- САВИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ*, доцент кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент
- САМОЙЛОВА ЮЛИЯ БОРИСОВНА*, доцент кафедры Ростовского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук
- САФОНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ*, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург)
- СВИНИН ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ*, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН России», кандидат юридических наук, доцент
- СЕМЕНОВА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА*, преподаватель кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук

СКРИПЧЕНКО НИНА ЮРЬЕВНА, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», доктор юридических наук, доцент

СУДЕНКО ВЛАДИМИР ЕГОРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, Почётный работник сферы образования Российской Федерации

ТЕРЕШКОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, прокурор города Сортавала Республики Карелия, старший советник юстиции

ТОПИЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

ТЮНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

ФЕДИК ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, доцент кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ФИЛАТОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЦВЕТКОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург)

ЧЕСНОКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры организации здравоохранения и медицинского права СПбГУ, кандидат медицинских наук, магистр права

ШЕВЕЛЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», доктор юридических наук, доцент

ШЕСТАК ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

ЩЕРБАКОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

Молодые ученые

БЕДНАЯ СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

БЕЗРУКАВАЯ ПОЛИНА ПАВЛОВНА, студент 2 курса бакалавриата Юридического института им. Ю. П. Новицкого ФГБОУВО «Костромской государственный университет»

ВОРОНИНА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА, студент 2 курса магистратуры кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ГЕРАЩЕНКО АЛЕНА ИГОРЕВНА, магистрант факультета права НИУ «Высшая школа экономики»

ГЛУХОВ ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Юридического института ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

ГОЛУБЕВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА, студент 2 курса магистратуры Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича

ГОРДЕЕВ ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ, курсант 2 курса факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России, младший сержант полиции

ДОБРОВОЛЬСКИЙ ДМИТРИЙ ДЕНИСОВИЧ, студент 2 курса магистратуры юридического института БФУ им. Канта

ЗАРЕЦКАЯ ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

ИСКАНДАРОВ МАКСИМ ДЖАМШЕДОВИЧ, студент 3 курса специалитета юридического факультета ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ)

КАЛИНОВСКИЙ КИРИЛЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

КИРИЕНКО ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

КЛАДЬКО ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

КОСИЦЫНА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА, студент 3 курса бакалавриата юридического факультета Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург)

КУДЖАЕВ ЭДУАРД АЛЕКСАНДРОВИЧ, студент 2 курса магистратуры юридического факультета Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

КУКУЗЕВА АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА, студент 3 курса бакалавриата Ачинского филиала ФГБОУВО «Красноярский ГАУ»

ЛОБЫНЦЕВ КИРИЛЛ ИГОРЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЛУНГЕ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА, студент 2 курса магистратуры СЗФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

ЛЯХОВА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

МАДЖИД МОХАМЕД АЛИ, аспирант кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

МАРКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

МИНИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

МИРОНЕНКО НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, аспирант кафедры уголовного процесса ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

МОИСЕЕНКО ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

РУМЯНЦЕВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА, студент 2 курса магистратуры Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

СИЛКИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, студент 2-го курса бакалавриата международного правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

СИНЬКЕВИЧ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

СУЛЕЙМАНОВ ВАДИМ АЛИКОВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ТАМРАЗОВ ГУРГЕН ОНИКОВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

УКРАИНЧИК АЛЕВТИНА ВЛАДИМИРОВНА, соискатель кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЦИБУЛЬСКАЯ АНЖЕЛИКА АРТУРОВНА, студентка 2 курса магистратуры кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЦЫПЛАКОВА АЛЁНА ДМИТРИЕВНА, студент 2 курса бакалавриата международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

ЧИЧАЙКИН ЭДУАРД ВАЛЕРЬЕВИЧ, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЧОРИЕВ МИРСАРДОР АБДИМУМИН УГЛЫ, студент 2-го курса бакалавриата Ташкентского государственного юридического университета

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сборник материалов
VIII-й Международной научно-практической конференции
(30–31 октября 2020 года, Санкт-Петербург)

*Под редакцией Рахмановой Екатерины Николаевны,
заведующей кафедрой уголовного права СЗФ ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
доктора юридических наук, доцента.*

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 115. Подписано в печать 24.09.2020 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 32,75 п.л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел./факс (812) 685-73-00, 970-35-70
E-mail: asterion@asterion.ru